

Социология

**ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ**

Журнал входит в Перечень
ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные
результаты диссертации на соискание
ученой степени

10
2025

СОДЕРЖАНИЕ

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ардашев Р.Г. Суицидальное поведение в повседневной среде молодежи.....	6
Захарова А.В. Влияние социальных сетей на социализацию молодежи: двойственность цифровой среды.....	13
Маслодудова Н.В. Психологическое здоровье студенческой молодежи в вакууме информационных потоков.....	20
Смирнова И.А. Здоровый образ жизни в фокусе общественного мнения россиян.....	26

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Абуева Н.А. Политическая элита современного Казахстана: социологический портрет.....	31
Волков Ю.Г., Яковлев В.С. Гражданские ценности в массовом сознании молодежи Республики Адыгея.....	36
Еремина Е.В., Мурзина И.А., Ретинская В.Н. Традиционные ценности в поколенческой перспективе: специфика аксиологических ориентаций современной российской молодежи.....	41
Оставная А.Н., Федоренко О.Ю., Димитрюк А.И. Субъектность современной молодежи как фактор миротворчества (на примере Приднестровья).....	47
Струк Е.Н., Ма Сюйсинь. Практики студенческого досуга в китайской и российской социологии.....	52
Халил С.М.С. Метафоры как инструмент подтекста в политической коммуникации.....	58
Цыбульник Е.А. Транснационализм как фактор, определяющий формирование социальной идентичности мигрантов из КНР в принимающем обществе ДВ РФ.....	63
Янчев Д.В. Социальные инструменты реализации потенциала музеев в научной деятельности студентов: обобщение опыта Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета.....	70

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Булатчик И.В. Социальные аспекты управления страховым поведением молодежи Российской Федерации.....	79
Зюкина С.Л. Подходы к коммуникации и ее роль в современном обществе.....	87
Иванов Р.В. Социально-политический анализ механизмов влияния оппозиции на принятие государственных решений: региональный аспект.....	95
Карпова С.Г., Некрасов С.В. Социально-экономические и социально-политические трансформации современного российского общества: основные направления.....	105

Основан в марте 2004 года. Выходит 12 раз в год

Учредитель: Российская социологическая ассоциация

Издатель: ООО «Издательство «КНОРУС»

Издание зарегистрировано Роскомнадзором, регистрационный номер:

ПИ № 77-17521 от 24.02.2004.

Подписной индекс Роспечати: 46701

ISSN 1812-9226

Адрес редакции и издателя: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2, «Издательство «КноРус»

e-mail: socjournal.msu@gmail.com

http://soziologi.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор – **Кравченко Альберт Иванович** (доктор социологических наук, профессор)
Барков Сергей Александрович (доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии организаций и менеджмента социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова); **Желтов Виктор Васильевич** (доктор философских наук, профессор, Сибирский институт социально-политических исследований); **Мамедов Агамали Кулам-Оглы** (доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова); **Силласте Галина Георгиевна** (доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой «Социология» Финансового университета при Правительстве РФ); **Багдасарян Надежда Гегамовна** (доктор философских наук, профессор, МГТУ имени Н.Э. Баумана); **Рахманов Азат Борисович** (доктор философских наук, доцент, социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова); **Грабельных Татьяна Ивановна** (доктор социологических наук, профессор, Иркутский государственный университет); **Добренкова Екатерина Владимировна** (доктор социологических наук, профессор, МГУ имени М. В. Ломоносова); **Бурмыкина Ирина Викторовна** (доктор социологических наук, профессор, Липецкий государственный педагогический университет); **Маршак Аркадий Львович** (доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН); **Осипов Александр Михайлович** (доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого); **Афонин Юрий Алексеевич** (доктор экономических наук, профессор, Самарский государственный экономический университет).

СОСТАВ МЕЖДУНАРОДНОГО СОВЕТА

Ахметов Сайранбек Махсатович (доктор технических наук, профессор, академик Национальной инженерной академии Республики Казахстан, академик РАЕН, Казахстанское отделение международной научной школы устойчивого развития им. П.Г. Кузнецова) **Вукичевич Слободан** (профессор, факультет философии, Университет Черногории) **Кропп Фредрик** (декан факультета Монтеррейского университета (США)) **Митрович Любша** (профессор, факультет философии, Университет г. Ниш (Сербия)) **Титаренко Лариса Григорьевна** (доктор социологических наук, профессор, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь) **Фарро Антонио Луиджи** (профессор, доктор социологии, Римский университет Сапиенца) **Чжан Шуухуа** (доктор политических наук, профессор, директор Института научной информации Академии общественных наук Китая, главный редактор журнала «Общественные науки за рубежом») **Соколова Галина Николаевна** (доктор философских наук, профессор, заведующий отделом экономической социологии и социальной демографии Института социологии НАН Беларуси (Минск)).

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Осипов Геннадий Васильевич (академик РАН, доктор философских наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова) **Скворцов Николай Генрихович** (доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии СПбГУ) **Осипова Надежда Геннадьевна** (доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова) **Иванов Вилан Николаевич** (член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН) **Хунагов Рашид Думаличевич** (доктор социологических наук, профессор, Институт социологии ФНИСЦ РАН) **Волков Юрий Григорьевич** (доктор философских наук, профессор, научный руководитель Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета) **Ивченко Сергей Григорьевич** (доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии молодежи Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Тел.: +7(495) 741-46-28

Тираж 300 экз. Формат А4. Дата выхода в свет: 15.11.2025 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Киселев В.В. Двухпартийная система в России: прогнозы и перспективы	113
Спиченко А.А. Влияние типа конфликта в кадетском классе на их урегулирование	118

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Бочарова О.Е., Шнайтер С.А. Интернет-коммуникация как фактор формирования речевой культуры студенческой молодежи: оценка преподавателей и студентов	123
Воскресенский А.А., Иванов Д.А. Проблема верификации экспертного знания в условиях развития искусственного интеллекта	128
Кравченко А.И. Метафора города и город в городе	136
Сушко В.А. Воздействие государства на становление и развитие системы образования	145
Ткаченко М.М. Лингвистическая интеграция. Опыт осмысления латинского литургического наследия в свете перевода на русский язык	153

ОНТОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Бусов С.В. К проблеме формирования субъекта выбора в сфере образования	157
Чашин Е.В. Использование фреймов для эффективного усвоения информации учащимися на примере ценностного аспекта этнокультурной интеграции	162
Матушевская В.В. Герменевтический подход к экологии человека: праксеологический аспект	167
Торубарова Т.В. Память как событие экзистенциального опыта Августина	171
Чашин Е.В. Эмоциональность коммуникаций в социальных сетях как результат человеко-машинного взаимодействия	178

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Михайлова С.П., Аль-Гунаид М.А. Возраст и культура: анализ концепции философской антропологии возраста С.А. Лишаева	182
Архимандрит Афанасий (Голенко). Православный проект «Алтарник» в формировании ценностных ориентиров подрастающего поколения	189
Ершова Н.М., Киндзерская М.А. Философские обоснования женской неполноценности: традиция Аристотеля	193
Рогатин В.Н., Набиев Р.А. Неоязыческие идеи «бажовцев» в постсоветских реалиях	199
Саенко Н.Р., Лобанова Ю.В. Прогнозы развития культуры эмоций в контексте публичного обсуждения насилия	204

Хатагова И.Ю., Сычева Е.С. Дискуссия о формировании «этничности» хуту и тутси: к постановке проблемы	209
Цзи Нань. Загробный мир в «Ляо Чжай чжи и»: новое осмысление в свете теории хронотопа М.М. Бахтина	216
Цзоу Синьтун. Дихотомия авторитарной и гуманистической религии в трудах Эриха Фромма	222
Чалышева К.О. Пространство театра как гетеротопия	228

ЭТИКА, ЭСТЕТИКА

Ши Ханьюй, Цзинь Сяомань. Исследование экологической этики в «Календарь природы» М.М. Пришвина	236
--	-----

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Абдуллатифова Л.А. Футурошок как одна из причин отчуждения в современном мире	241
Архимандрит Афанасий (Голенко). Православный воин Давыдов Денис Васильевич: взгляд на личность героя войны 1812 года сквозь призму времени	245
Равочкин Н.Н., Леопа А.В., Мусат Р.П., Рахинский Д.В. Мысленные эксперименты по конструированию социальных институтов в теоретической и прикладной философии	249
Мусат Р.П., Кудашов В.И., Леопа А.В., Рахинский Д.В. Споры об «историцизме»: Поппер и его критики	254
Суховская Д.Н. Герменевтика креативности в городской среде	261
Равочкин Н.Н., Прокопенко Е.В., Секачева В.М., Сухов Ю.П. Обеспечение безопасности в реалиях современного глобального мира: социально-философский анализ	266

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ермолаев Т.С. Региональные институты власти и управления в освоении арктических территорий Якутии (1970–1980-е гг.)	270
Кемалова Л.И. Роль системы образования в профилактике цифровой маргинализации студенческой молодежи	275
Куклина И.Г., Куклина А.С. Российско-испанские отношения в научно-технической сфере	280
Мингажетдинова А.Т., Гинсбург М.В. Трудоустройство инвалидов: актуальные проблемы и направления развития социальной работы в Российской Федерации	286

TABLE OF CONTENTS

EMPIRICAL STUDIES

<i>Ardashev R.G.</i> Suicidal behavior in the everyday environment of young people	6
<i>Zakharova A.V.</i> The impact of social media on youth socialization: the duality of the digital environment	13
<i>Maslodudova N.V.</i> Psychological health of college students in the vacuum of information flows	20
<i>Smirnova I.A.</i> A healthy lifestyle is at the forefront of Russian public opinion.....	26

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES, POLITICAL SOCIOLOGY

<i>Abueva N.A.</i> The political elite of modern Kazakhstan: a sociological portrait	31
<i>Volkov Yu.G., Yakovlev V.S.</i> Civic values in the mass consciousness of the youth of the Republic of Adygea.....	36
<i>Eremina E.V., Murzina I.A., Retinskaya V.N.</i> Traditional values in a generational perspective: the specificity of the axiological orientations of modern Russian youth	41
<i>Ostavnaia A.N., Fedorenko O.Yu., Dimitriuc A.I.</i> The Subjectivity of Modern Youth as a Factor in Peacebuilding (Based on the Example of Pridnestrovie)	47
<i>Struk E.N., Ma Xuxin.</i> Student leisure practices in Chinese and Russian sociology	52
<i>Khalil S.M.S.</i> Metaphors as a tool of subtext in political communication	58
<i>Tcybulnik E.A.</i> Transnationalism as a factor determining the formation of social identity of migrants from China in the host society of the Far East of the Russian Federation.....	63
<i>Yanchev D.V.</i> Social tools for realizing the potential of museums in students' scientific activities: a summary of the experience of the Far Eastern State Technical Fisheries University.....	70

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

<i>Bulatchik I.V.</i> Social aspects of managing insurance behavior of young people in the Russian Federation	79
<i>Ziukina S.L.</i> Approaches to Communication and Its Role in Modern Society.....	87
<i>Ivanov R.V.</i> Socio-political analysis of the mechanisms of the opposition's influence on government decision-making: a regional aspect.....	95
<i>Karepova S.G., Nekrasov S.V.</i> Socio-economic and socio-political transformations of contemporary Russian society: main directions	105

Founded in March 2004. Published 12 times a year

Founders: Russian Sociological Association

Publisher: Knorus Publishing House LLC

The publication is registered by Roskomnadzor, registration number:

PI No. 7717521 dated February 24, 2004.

ISSN 18129226

Rospechat subscription index: 46701

Editorial and Publisher address: 117218, Moscow, Kedrova St., 14, Bldg. 2, KnoRus Publishing House

e-mail: socjournal.msu@gmail.com

http://soziologi.ru

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Editor-in-chief: **Albert Ivanovich Kravchenko** (Doctor of Sociological Sciences, Professor)

Barkov Sergei Aleksandrovich (Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Organizations and Management, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University); **Zheltoz Viktor Vasilyevich** (Doctor of Philosophy, Professor, Siberian Institute of Socio-Political Research); **Mamedov Agamali Kulam-Ogly** (Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University); **Sillaste Galina Georgievna** (Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation); **Bagdasaryan Nadezhda Gegamovna** (Doctor of Philosophy, Professor, Bauman Moscow State Technical University); **Rakhmanov Azat Borisovich** (Doctor of Philosophy, Associate Professor, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University); **Grabelnykh Tatyana Ivanovna** (Doctor of Sociology, Professor, Irkutsk State University); **Dobrenkova Ekaterina Vladimirovna** (Doctor of Sociology, Professor, Lomonosov Moscow State University); **Burmykina Irina Viktorovna** (Doctor of Sociology, Professor, Lipetsk State Pedagogical University); **Marshak Arkady Lvovich** (Doctor of Philosophy, Professor, Chief Research Fellow, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences); **Osipov Aleksandr Mikhailovich** (Doctor of Sociology, Professor, Chief Research Fellow, Research Center, Yaroslavl the Wise Novgorod State University); **Afonin Yuri Alekseevich** (Doctor of Economics, Professor, Samara State University of Economics).

COMPOSITION OF THE INTERNATIONAL COUNCIL

Akhmetov Sairanbek Makhmutovich (Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician of the National Engineering Academy of the Republic of Kazakhstan, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Kazakhstan branch of the International Scientific School of Sustainable Development named after P.G. Kuznetsov) **Vukicevic Slobodan** (Professor, Faculty of Philosophy, University of Montenegro) **Kropp Fredrik** (Dean of the Faculty of the University of Monterrey (USA)) **Mitrovic Ljubiša** (Professor, Faculty of Philosophy, University of Niš (Serbia)) **Titarenko Larisa Grigoryevna** (Doctor of Sociological Sciences, Professor, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Republic of Belarus) **Ferro Antimo Luigi** (Professor, Doctor of Sociology, Sapienza University of Rome) **Zhang Shuhua** (Doctor of Political Science, Professor, Director of the Institute of Scientific Information of the Chinese Academy of Social Sciences, Editor-in-Chief of the journal «Social Sciences Abroad») **Sokolova Galina Nikolaevna** (Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Social Demography of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk))

COMPOSITION OF THE EDITORIAL BOARD

Osipov Gennady Vasilyevich (Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Lomonosov Moscow State University) **Skvortsov Nikolay Genrikhovich** (Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, St. Petersburg State University) **Osipova Nadezhda Gennadyevna** (Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University) **Ivanov Vilen Nikolaevich** (Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Socio-Political Research, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences) **Khunagov Rashid Dumalichevich** (Doctor of Sociology, Professor, Institute of Sociology, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences) **Volkov Yuri Grigorievich** (Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the South-Russian Branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University) **Ivchenkov Sergey Grigorievich** (Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Youth Sociology Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky)

NOTE TO AUTHORS

Dear Colleagues! We draw your attention to the fact that the examination of article materials is carried out by specialized research committees of the Russian Sociological Association for internal use. After the examination, the articles are sent to the Editorial Board of the journal, where they undergo editorial and proofreading. The editors reserve the right to reduce the length of articles and edit them in accordance with the requirements of the scientific journal. Manuscripts of articles are not returned; The editors do not enter into correspondence with the authors; No royalties are paid to the authors.

Printed at the printing house: Ruscience LLC, 117218, Moscow, st. Kedrova, 14, bldg. 2
Tel.: +7(495) 741-46-28

Circulation 300 copies. A4 format. Publication date: 11/15/2025 Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external review.

The publication is not subject to labeling in accordance with clause 2 of Art. 1 of Federal Law No. 436FZ of December 29, 2010 "On the protection of children from information harmful to their health and development."

<i>Kiselev V.V.</i> A two-party system in Russia: forecasts and prospects	113
---	-----

<i>Spichenko A.A.</i> The influence of the type of conflict in the cadet class on their resolution	118
--	-----

SOCIOLOGY OF CULTURE

<i>Bocharova O.E., Shnayter S.A.</i> Online Communication as a Factor in the Formation of Student Speech Culture: An Assessment by Teachers and Students	123
--	-----

<i>Voskresensky A.A., Ivanov D.A.</i> The problem of verification of expert knowledge in the context of the development of artificial intelligence	128
--	-----

<i>Kravchenko A.I.</i> The metaphor of the city and the city within the city	136
--	-----

<i>Sushko V.A.</i> The impact of the state on the formation and development of the education system	145
---	-----

<i>Tkachenko M.M.</i> Linguistic Integration. Understanding the Latin Liturgical Heritage in Light of Translation into Russian	153
--	-----

ONTOLOGY, THEORY AND HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>Busov S.V.</i> To the problem of the formation of a subject of choice in the field of education	157
--	-----

<i>Chashchin E.V.</i> The use of frames for the effective assimilation of information by students using the example of the value aspect of ethno-cultural integration ...	162
---	-----

<i>Matushevskaya V.V.</i> Hermeneutical approach to human ecology: the praxeological aspect	167
---	-----

<i>Torubarova T.V.</i> Memory as an event of Augustine's existential experience.	171
---	-----

<i>Chashchin E.V.</i> Emotionality of communications in social networks as a result of human-machine interaction	178
--	-----

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE

<i>Mihaylova S.P., Al-Gunaid M.A.</i> Age and culture: an analysis of the concept of the philosophical Anthropology of Age by S.A. Lishaev	182
--	-----

<i>Archimandrite Afanasy (Golenko).</i> The Orthodox project "Altarnik" in the formation of value orientations of the younger generation	189
--	-----

<i>Ershova N.M., Kindzerskaya M.A.</i> Philosophical justifications for female inferiority: the Aristotelean tradition	193
--	-----

<i>Rogatin V.N., Nabiev R.A.</i> Neopagan ideas of the "bzhovites" in the post-soviet reality	199
---	-----

<i>Saenko N.R., Lobanova Yu.V.</i> Forecasts of the development of the culture of emotions in the context of public discussion of violence	204
--	-----

<i>Khatagova I.Yu., Sycheva E.S.</i> Discussion on the formation of Hutu and Tutsi "ethnicity": the problem statement	209
---	-----

<i>Ji Nan.</i> The Afterlife in Liao Zhai Zhi Yi: A New Understanding in Light of M.M. Bakhtin's Chronotope Theory	216
--	-----

<i>Zou Xintong.</i> The Dichotomy of Authoritarian and Humanistic Religion in the Works of Erich Fromm	222
--	-----

<i>Chalysheva K.O.</i> Theatre space as a heterotopia	228
---	-----

ETHICS, AESTHETICS

<i>Shi Hanyu, Jin Xiaoman.</i> Study of ecological ethics in M.M. Prishvin's «Nature's Calendar»	236
--	-----

SOCIAL PHILOSOPHY

<i>Abdullatifova L.A.</i> Futuroshock as one of the causes of alienation in the modern world	241
--	-----

<i>Archimandrite Afanasy (Golenko).</i> Orthodox warrior Denis Vasilievich Davydov: a look at the personality of the hero of the war of 1812 through the prism of time	245
--	-----

<i>Ravochkin N.N., Leopa A.V., Musat R.P., Rakhinskiy D.V.</i> Thought experiments on the design of social institutions in theoretical and applied philosophy	249
---	-----

<i>Musat R.P., Kudashov V.I., Leopa A.V., Rakhinsky D.V.</i> The controversy over «historicism»: Popper and his critics	254
---	-----

<i>Sukhovskaya D.N.</i> Hermeneutics of Creativity in the Urban Environment	261
---	-----

<i>Ravochkin N.N., Prokopenko E.V., Sekacheva V.M., Suhov Y.P.</i> Ensuring security in the realities of the modern global world: a socio-philosophical analysis	266
--	-----

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

<i>Ermolaev T.S.</i> Regional Governance Institutions and the Development of the Arctic Territories of Yakutia (1970s-1980s)	270
--	-----

<i>Kemalova L.I.</i> The Role of the Education System in Preventing Digital Marginalization of Students	275
---	-----

<i>Kuklina I.G., Kuklina A.S.</i> Impulsive scientific and technical cooperation between Russia and Spain in the transport and technology sector	280
--	-----

<i>Mingazhetdinova A.T., Ginsburg M.V.</i> Employment of People with Disabilities: Current Issues and Development Directions for Social Work in the Russian Federation	286
--	-----

Суицидальное поведение в повседневной среде молодежи

Ардашев Роман Георгиевич,

доктор философских наук, кандидат юридических наук, начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, профессор кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: ardashev.rg@bk.ru

Суицидальное поведение молодежи становится все более распространенным явлением. Для того чтобы комплексно видеть психологические особенности и социальные условия, способствующие развитию суицидального поведения необходимо проводить мониторинг состояния суицидального поведения и выявления суицидальных рисков среди студенческой молодежи. Цель работы – выявление факторов, способствующих развитию суицидального поведения в студенческой среде. Массовый опрос студентов в возрасте от 18 до 25 лет, методика выявления склонности к суицидальным реакциям (СП-45), фокус-групповое исследование студенческой молодежи. Результаты исследования показывают масштабы суицидального поведения среди молодежи, только 18% опрошенных о суициде слышали только через СМИ и сеть Интернет, остальные в той или иной мере сталкивались с суицидальным поведением окружающих или сами думали о суициде. Подчеркивается пересечение психологических и социальных предпосылок, способствующих развитию суицидального поведения. Выявляются пять факторов, формирующих мотивы суицидального мышления и суицидального поведения. Выделяется роль медиапространства в усилении суицидального контекста поведения молодых людей, так как там происходит героизация самоубийц, усиливается эффект романтизации смерти и самоубийства, подчеркиваются аспекты возрождения в новом качестве, с новыми силами или способностями (в фильмах, в компьютерных играх). В ходе работы выявлены когнитивные перекосы, аффективные деформации и поведенческие деструктивные стратегии, способствующие суицидальному поведению. Подчеркивается доминирующее значение социального контекста и важной роли медиасреды в активизации социальной готовности к суициду молодежи через раскрытие деструктивных психологических состояний суицидального поведения.

Ключевые слова: суицид, суицидальное поведение, студенческая молодежь, факторы суицидального поведения, деструктивное поведение, аутоагрессия.

Введение

Суицид среди студенческой молодежи является важной проблемой. Во всем мире (в возрасте от 15 до 34 лет суицид является одним из трех факторов смертности). Российские показатели самоубийств молодежи не являются лидирующими, но 25 место мы занимаем. Поэтому выявление проблем, а затем и профилактика суицидального поведения является приоритетной темой для педагогов, психологов, философов и многих других специалистов, занимающихся данным вопросом.

Суицид может рассматриваться с разных позиций:

- как социальное явление, отражающее неготовность индивида противостоять внешним социально-экономическим, культурно-политическим и другим процессам;
- как психологическое явление, выступающее показателем того, что человек не справляется с внешними процессами, влияющими на его личность, или выступает способом заявления о себе с позиции внутренних переживаний;
- как философское явление, раскрывающее экзистенциальную категорию смыслов жизни и смерти, цели жизни и смерти и способов доказательств жизни после смерти;
- как религиозное явление, показывающее уровень веры и готовности не только словами, но и делами доказать свою веру;
- как культурное явление, отражающие социокультурные традиции и исторические нормы приемлемого и неприемлемого поведения.

Таким образом, суицид и суицидальное поведение может находить множество контекстов и смыслов объяснения, с позиции того, как мы смотрим на исследуемые процессы и какие объяснительные модели используем для его осмысления. В данной работе представлен междисциплинарный подход к изучению суицидального поведения в молодежной среде, соединяющий психологические и социологические методики, позволяющие учесть высокую сензитивность тематики. Суицидальное поведение рассматривается как социально-психологическое явление деструктивно влияющее на личность молодого человека и его окружение, оно выступает показателем неблагополучной социальной среды и сложных психологических условий социализации личности (социально-психологическая дезадаптация личности). Цель работы – выявление факторов, способствующих развитию суицидального поведения в студенческой среде.

Обзор литературы

Социальные основы суицида исследованы классиками социологии и философии. Э. Дюркгейму принадлежит анализ самоубийств во Франции и вывод его в том, что уровень экономического благосостояния общества прямо пропорционален количеству самоубийств, чаще всего из-за потери смысла жизни и обесценивания культуры вещиизма [11]. Идеи М. Хальбвакса [21] противопоставляются антипсихологическому подходу Дюркгейма. Хальбвакс ввел понимание личных психологических условий и мотивов совершения самоубийства в условиях каких-то социальных трансформаций. Е. Шнейдман [20] описал десять ставших классическими черт суицидального поведения человека. Также он ввел понимание «душевной боли» как стимула самоубийства. Она возникает в результате недополучения базовых витальных потребностей (в любви, безопасности и т.д.). И самоубийство выступает спасением от этой боли.

З. Фрейд, А. Адлер [19] в самоубийстве видели стремление к смерти, стремление к танатосу, которое реализуется через аутоагрессивные действия. К. Меннингер [12] предположил, что все суициды имеют в своей основе три взаимосвязанные бессознательные причины: мечь/ненависть (желание убить); депрессия/безнадежность (желание умереть); чувство вины (желание быть убитым). У потомков воевавших, более эмоциональных, чувствительных, могут за счет идентификации возникать все из вышеперечисленных причин.

В отечественных исследованиях тема самоубийства также не оставалась без внимания. Сформировались биолого-психологическая и социальная научные школы, а также произошло институциональное становление социологии девиантности и суицидологии как науки о самоубийствах. Разнообразные исследования А.Г. Амбрумова и соавт. [1], Р.Г. Ардашева [2–5], Я.И. Гилинского и П.И. Юнацкевич [10], А.Ю. Мягкова, И.В. Журавлева, С.Л. Журавлева [13] и многих других раскрывали взаимосвязи психологического состояния с внешними условиями, способными подтолкнуть человека к самоубийству.

Причины суицидов раскрываются через моральные нормы и ценности современной молодежи (П.А. Баев [6, 7], О.А. Полюшкевич [14, 15]) и экзистенциальный выбор современников С.Ж. Рыспаева [17], суицид как деструкцию современного общества рассматривают Ю.В. Бурова и Л.Ф. Айзязова [8], доведение до самоубийства через взаимодействие в социальных сетях изучают А.М. Бычкова и Э.Л. Раднаева [9], Н.Д. Узлов и М.Н. Семёнова [18], изучение особенностей студенческих самоубийств можно найти в работе Ж.В. Пузановой, Т.И. Лариной и О.А. Сычевой [16]. То есть, современное поле исследований суицидального поведения значительно расширяется,

причинами этого выступает не только рост показателей в разных социальных группах, но и появление новых инструментов воздействия на сознание (как специальных, так и случайных), которые требуют новых механизмов профилактики и предупреждения совершения суицида в группах риска и общего просвещения всех, кто соприкасается с молодежью и может оказать поддержку.

Особенности исследования

Остро тема суицидального поведения стоит в молодежной среде. Мы провели исследование суицидального поведения студенческой молодежи в возрасте от 18 до 25 лет ($n = 800$), 55% девушек и 45% юношей, обучающихся на разных курсах и специальностях. Помимо авторской анкеты, нами использовалась методика выявления склонности к суицидальным реакциям (СР-45). Погрешность выборки 2,3. Результаты анкетирования анализировались в программе SPSS.

А также было проведено 6 фокус-групп ($n = 54$) со студенческой молодежью (квотой отбора были те молодые люди, что либо сами совершали попытку суицида, либо в близком окружении есть человек, совершивший попытку суицида), для более глубоко раскрытия результатов массового опроса. Результаты фокус-группового интервью транскрибировались и после анализировались в программе Atlas.ti.

Результаты исследования

С суицидальным поведением в своем окружении сталкивались 65% студенческой молодежи участвующей в исследовании, у 5% есть знакомые, которые совершили суицид. Сами совершали попытку суицида 12% опрошенных. Только 18% слышали о суициде только из СМИ и сети Интернет и не имеют знакомых с попытками суицида. Это указывает на достаточно распространенную тематику данной проблемы в студенческой среде.

Причинами совершенного суицида и суицидальных попыток являются психологические моменты травли (буллинга) – 14%, стигматизация (13%), отсутствие контакта с сокурсниками (12%) или педагогами (11%), проблемы в семье (10%), отсутствие перспектив и уверенности в будущем (10%), чувство одиночества (9%), проблемы в учебе (8%), экономические трудности (8%), психические отклонения – 5%.

Среди опрошенных, согласно методике «Выявление склонности к суицидальным реакциям (СР-45)», высокий риск суицида наблюдается у 8%, средний у – 35%, а низкий у 57%. Более высокие риски суицида у студентов 1–2 курсов, чем старше студенты – тем меньше процент суицидального поведения. Это говорит о том, что в старшей школе, а далее в начале обучения в ву-

зе, молодые люди не могут найти опоры ни внутри себя, ни во вне, что приводит к деструктивному состоянию, которое может вылиться в суицидальное поведение.

Во время фокус-группового исследования мы просили описать одним предложением, кто он –

человек, думающий о совершении суицида или совершающий попытку суицида. Ответы можно образно обозначить следующими характеристиками: герой (18%), жертва (35%), манипулятор (32%), неудачник (15%). Более подробно примеры ответов представлены в таблице 1.

Таблица 1. Кто он – человек, думающий о совершении суицида или совершающий попытку суицида (в %)

Характеристика	Примеры	Процент
Герой	Стал символом того, как можно противостоять системе. (С. Н., 19 лет). Его смерть стала поводом для проверки, после вскрылись все преступления против других детей и подростков. (А. Д., 25 лет). Он ушел из этой жизни красиво и возродится в новой, с новыми качествами. (Е. К., 20 лет)	18
Жертва	Самоубийство – это закономерный итог долгих лет унижений, страданий и боли. (Ж. Н., 18 лет). Не смог больше терпеть издевательства, самоубийство стало его спасением. (А. Ф., 22 года). Его довели до состояния невозможности жизни, и он выбрал смерть. (Л. Ю., 24 года)	35
Манипулятор	После попытки самоубийства – к нему стало повышенное внимание и полное отсутствие каких-то требований, чтобы не навредить, а он этим и пользуется. (М. А., 20 лет). Он хотел получить внимание, беспокойство и теперь этим пользуется, манипулируя тем, что может с собой сделать, если будет не так как хочет он. (Т. Н., 25 лет). Качество жизни ее изменилось после попытки суицида, она стала той, о ком думают, не мешают, не дают, а только прислушиваются. (И. А., 19 лет)	32
Неудачник	Нелепо и банально – его самоубийство не сделало никого счастливее. (С. С., 18 лет). Все сложилось против него, и даже попытка самоубийства больше вызвала пересудов и осуждения, чем внимания и заботы. (Б. А., 24 года). До попытки самоубийства его просто гнобили, а после – перестали замечать, как был неудачником, так и остался. (Д. А., 21 год)	15

Представленные ответы характеризуют общее отношение к тем, кто совершил или только думает о самоубийстве. Это не всегда позитивная оценка, но настораживает и то, что есть позитивная оценка данной группы людей и если такие оценки в будущем будут увеличиваться, то и количество тех, кто совершает суицид – также возрастет. «Жертва» (кто не смог отстоять себя, его сломили люди или обстоятельства) и «неудачник» (мало того, что не смог себя защитить и противостоять другим, так и сама попытка суицида не удалась и более того, после – стало только хуже) – несут условно негативные коннотации; «герой» (стал легендой, примером, те о ком, говорили в этой группе – совершили суицид, и их физически уже нет, но то, ради чего они это сделали – имеет свои плоды) и «манипулятор» (тот, кто получает то, что желает через демонстративное деструктивное поведение в виде попытки самоубийства) – условно позитивные.

Это довольно сложная система взаимосвязей, но она формирует «поле отношения», влияет на ментальном уровне на молодежь, особенно находящуюся в стрессовой ситуации и подверженную деструктивным влияниям из вне. Это «поле» поддерживается разнообразными образами из медийного пространства (начиная от сериалов или музыки о смерти, заканчивая сообществами смерти в социальных сетях или компьютерными

играми, где смерть – один из уровней прохождения игры).

Очевидно влияние медийного пространства на сознание молодых людей. В данном случае, укореняется деструктивный контекст «социально допустимого суицида». Это показатель нарушения моральных норм и социального уклада, который пока не обрел устойчивости и поэтому может быть многовариантным. Старые нормы уже не действуют, новые еще не оформились, поэтому возможны подмены смыслов, контекста, ожиданий и того, что реально получается в итоге.

В результате факторного анализа открытых вопросов анкеты и цитат из фокус-группового исследования, мы выявили пять факторов, способствующих развитию суицидального поведения (табл. 2). Общий процент объяснительной дисперсии составил 88%.

Личностно-психологический строится на негативном восприятии себя, своего окружения, своих жизненных перспектив. Его реализацией в социальном окружении выступает социальный пессимизм. Мотивом суицидального поведения выступает не готовность справляться с трудностями в учебе или коммуникациях, возникающих трудностях в отношениях или чувстве одиночества и тоски. Это реакция в пессимистической оценке самого себя и изменения этого в будущем не предвидится.

Таблица 2. Факторы склонности к суицидальному поведению

Фактор	Пример ¹	Распределение
Личностно-психологический определяющий социальный пессимизм Процент объяснительной дисперсии – 22%	<i>Нет возможности сопротивляться состоянию одиночества и пустоты, которое постоянно преследует и дома и на учебе. (М. Н., 18 лет). Будущего для меня не существует, я знаю, что не смогу ничего изменить и что-то сделать в жизни, так как ничего из себя не представляю, меня бросил парень и поэтому я совершила попытку самоубийства. (С. Т., 19 лет)</i>	0,087
Личностно-социальный определяющий виноватыми все окружение Процент объяснительной дисперсии – 21%	<i>Меня окружают те, кто постоянно издеваются надо мной, я не могу им противостоять, так как их больше и они сильнее. Я никому не нужен. Хотел уйти и чтобы всех потом привлекли к ответственности. (Г. О., 20 лет). Меня игнорируют все. Я ни с кем не общаюсь в группе. Они меня не замечают, а я их. Но это тяжело. Не знаю, сколько продержусь. (С. А., 21 год)</i>	0,081
Истерично-эмоциональный определяющий эпатажность и демонстративное поведение Процент объяснительной дисперсии – 18%	<i>Я знаю, что могу писать просто гениальные вещи, а в моем окружении просто нет тех, кто мог бы их по-настоящему оценить. Попытка самоубийства привлекла ко мне много внимания, и я был счастлив. (Н. Н., 24 года). Тоска – является основой для творчества, она дает вдохновение. И для меня это рабочий процесс, чем больше эмоций на грани, тем больше я могу выдать в итоге. (С. А., 23 года)</i>	0,079
Философско-идеологический определяющий контекст смысла жизни в смерти Процент объяснительной дисперсии – 15%	<i>Мировая культура построена на тяге к смерти – Танатос как источник смыслов важен до сих пор, я совершал попытку суицида для того чтобы оказаться на грани, уловить ускользающий миг перехода и думаю, что еще приду на эту грань. (О. А., 25 лет). Много в культуре сюжетов о смерти. Меня она манит своей тайной. Моя попытка суицида была вызвана поиском ответов на отголоски этой тайны, во мне самом и понимания – какая у меня будет жизнь после смерти, когда я вновь приду на перерождение. (Л. Г., 22 года)</i>	0,074
Социально-экономический определяющий контекст несоответствия ожиданий и возможностей Процент объяснительной дисперсии – 12%	<i>Моя жизнь не имеет смысла, потому что я не сделал то, что мог сделать. Мои сверстники успешны, известны, богаты – а я никто. Поэтому и совершил попытку суицида. Зря спасли. Ничего не поменялось. (Г. Е., 23 года). Я не имею столько подписчиков, сколько есть у других. Я ничуть не хуже, но не имею их статуса и положения. Я неудачник по жизни. (К. К., 22 года)</i>	0,071

Личностно-социальный строится на противопоставлении себя и окружения, чаще всего выражен в стигматизации и буллинге сверстниками. Из-за невозможности и/или неготовности отстоять себя, отсутствия тех, кто мог бы помочь и защитить, суицидальное поведение выступает формой мести окружению (сопровождается записками в указании виновных), желании чтобы при суициде – последнее слово осталось за ним.

Истерично-эмоциональный опирается на психическую неустойчивость, истерию, психопатические состояния. Его реализацией в социальных коммуникациях выступает эпатажность, демонстративность, готовность и желание постоянно привлекать внимание. Суицидальные попытки часто фиксируются на фото и видео носители, распространяются в социальных сетях – это становится способом привлечения внимания, подчеркивания уникальности, нарциссизма и гедонизма.

Философско-идеологический опирается на возвышение философии смерти, смерть как реализация смысла жизни. Его реализацией выступают

стихи и песни о смерти, о загробной жизни. Тяга к потустороннему миру становится контекстом уникальности и притягательности. Это способ уйти от повседневности, найти своих и в их кругу получить признание через совершение попыток суицида и завершённого суицида. Часто этот мотив активизируется после просмотра фильмов, сериалов или прочтения книг, где идет романтизация смерти и показывается жизнь после смерти.

Социально-экономический строится на противоречиях которые возникают в сознании молодого человека в том, что он хочет (какой жизни, благодаря массовой культуре и картинкам богатой жизни из сериалов, успешности блогеров, которые живут «жизнь мечты» ничего не делая) и реальных возможностей, того, что он реально может. Эффект разочарования, что в свои 20 лет он не заработал десятый миллион, не объехал сто стран и не имеет своего острова в океане выступает поводом в разочаровании собой и своей жизнью и итогом этого выступают суицидальные попытки.

Суицидальное поведение как прошлый опыт (как свой личный и оценка своего окружения), который соотносится с кризисным временем, периодом перемен воспринимается сегодняшними студентами только в 22%. Для 20% суицидальное

¹ В анкете ответ записывался от первого лица, в фокус-групповом интервью – участники могли говорить как от себя самого, так и от лица знакомых, которые рассуждают о причинах совершённых попыток самоубийства или мыслях о самоубийстве.

поведение является опытом настоящего (они или в себе или у близких людей замечают близкие к суицидальному поведению состояния), для 12% суицидальные намерения допускаются в будущем (они могут возникнуть или у них самих или у знакомых). То есть, суицидальное поведение не уходит из общего поля студенческой молодежи. Поэтому, необходимо более комплексно подходить к разнообразным формам профилактики суицидального поведения, раннего выявления групп риска и системного взаимодействия представителей разных социальных институтов, способных противостоять данному явлению.

Полученные данные позволяют говорить о том, что среди студенческой молодежи, подверженной суицидальному поведению имеются когнитивные искажения восприятия смерти и суицида как такового (во многом благодаря СМИ и сети Интернет), деформированные аффективные состояния (сформированные через компьютерные игры и массовую культуру, где герои после смерти возрождаются и нет критичности осмысления фатальности самоубийства), поведенческий инфантилизм (не готовность в реальном взаимодействии снимать напряжение, отстаивать свои интересы, обращаться за помощью к педагогам, психологам, полиции и т.д.).

Результатом этого становится нейтрально воспринимаемые факторы суицидального поведения. Так как в процессе фокус-группового обсуждения, приводимые примеры усиливали тот или иной фактор. Это указывает на укорененность данных предпосылок мышления и поведения не только среди тех, кто совершал попытку суицида или думает о ней, но и среди тех, кто имеет в своем окружении человека, склонного к суицидальному поведению. Это подкрепляется усиленным воздействием психоэмоционального состояния, которое искусственно поддерживается в СМИ и сети Интернет – создавая «мнимую легкость» восприятия суицида и его последствий для окружения.

В большинстве работ, посвященных суициду – рассматриваются психологические состояния, подталкивающие человека к деструктивному поступку. Мы полагаем, что социальный контекст, во многом конструируемый и тиражируемый через медийные технологии, создает универсальные образы восприятия суицидального поведения как нормы. Изначально деструктивное явление начинает восприниматься как дань времени (мода), способ самовыражения (привлечения внимания) и проч. Это тематика боли и агрессии (ауто-агрессии) становится нормой для социальных сетей, комиксов и фильмов, музыки и компьютерных игр. Это приводит к изменению психики, сознания и как следствие особенностей самовосприятия и восприятия других.

Нивелирование ценностей и норм морали, обесценивание религиозных догм на практику са-

моубийства приводит к культу смерти в саморазрушающем контексте. Это те последствия, которые изменяют мировоззренческие ориентиры современной студенческой молодежи и разрушают социальные рамки допустимого поведения в социуме.

Проблема суицидального поведения в студенческой среде вскрывает более глубокие трансформации нашего общества, связанные с новыми ценностями, социальными ожиданиями, готовностью молодых людей в них находить себя и не готовностью искать другие варианты решения, при условии, что они не справляются, кроме как – поиска собственной смерти. Помочь им найти опоры внутри себя, и во внешнем мире – задача тех, кто их окружает. Поэтому, важно отслеживать группы риска и проводить публичные лекции о механизмах отслеживания и способах противостояния мыслям о самоубийстве и тем, кто целенаправленно доводит до самоубийства. Данные идеи требуют более глубокого изучения и будут разработаны нами в последующих работах.

Литература

1. Амбрумова А. Г., Бородин С.В., Михлин А.С. Предупреждение самоубийств. М.: Акад. МВД СССР, 1980. 164 с.
2. Ардашев Р.Г. Влияние медиапространства на суицидальное поведение молодежи // Социология. 2023. № 1. С. 45–51.
3. Ардашев Р.Г. Медиаконструирование суицидального поведения студентов // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2023. № 10. С. 92–95.
4. Ардашев Р.Г. Ментальное здоровье молодежи: депрессия и суицид в общественном сознании // Социология. 2024. № 10. С. 21–25.
5. Ардашев Р.Г. Суицидальное поведение учащейся молодежи: современная аддикция // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2024. № 12. С. 40–42.
6. Баев П.А. Чем гордится и чего стыдится российская молодежь // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 129–132.
7. Баев П.А. Экспертный анализ моральных авторитетов современной молодежи // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира. Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции. Науч. редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, 2023. С. 512–515.
8. Бурова Ю. В., Айзяткова Л.Ф. Суицид как деструкция современного общества // Общество:

- политика, экономика, право. 2021. № 8. С. 66–70.
9. Бычкова А. М., Раднаева Э.Л. Доведение до самоубийства посредством использования интернет-технологий: социально-психологические, криминологические и уголовно-правовые аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 1. С. 101–115
 10. Гишинский Я. И., Юнацкевич П.И. Социологические и психолого-педагогические основы суицидологии: учеб. пособие. СПб.: ИС РАН, 1999. 338 с.
 11. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / Пер. с фр. с сокр. В.А. Базаров. М.: Мысль, 1994. 399 с.
 12. Меннингер К. Влечение смерти. М.: Эксмо-Пресс, 2000. 528 с.
 13. Мягков А. Ю., Журавлева И.В., Журавлева С.Л. Суицидальное поведение молодежи: масштабы, основные формы и факторы // Социологический журнал. 2003. № 1. С. 48–70.
 14. Полюшкевич О.А. Мораль и игра в современном обществе // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2022. № 13. С. 41–48.
 15. Полюшкевич О.А. Современное прочтение социологии морали // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 5. С. 50–58.
 16. Пузанова Ж. В., Ларина Т.И., Сычева О.А. Проблема суицидального поведения в студенческой среде: опыт эмпирического изучения // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14, № 2. С. 174–190. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.10; EDN: GHKWDO
 17. Рыспаева С.Ж. Суицид экзистенциальный выбор (социологический анализ) // Проблемы науки. 2019. № 5. С. 90–94. DOI: 10.25205/2658-4506-2020-13-1-148-161.
 18. Узлов Н. Д., Семёнова М.Н. Игра, трансгрессия и сетевой суицид // Суицидология. 2017. Т. 8, № 3. С. 40–53.
 19. Фрейд З. Печаль и меланхолия // Суицидология: прошлое и настоящее. М.: Когито-центр, 2013. С. 255–270.
 20. Шнейдман Э. Душа самоубийцы. М.: Смысл, 2001. 315 с.
 21. Halbwachs M. Les Causes du Suicide. Paris: Félix Alcan, 1930. 520 p.

SUICIDAL BEHAVIOR IN THE EVERYDAY ENVIRONMENT OF YOUNG PEOPLE

Ardashev R.G.

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk State University

Suicidal behavior of young people is becoming an increasingly common phenomenon. In order to comprehensively see the psychological characteristics and social conditions that contribute to the development of suicidal behavior, it is necessary to monitor the state of suicidal behavior and identify suicidal risks among student youth.

The purpose of the work is to identify factors contributing to the development of suicidal behavior among students. A mass survey of students aged 18 to 25 years, a method for identifying a tendency to suicidal reactions (SR-45), a focus group study of student youth. The results of the study show the scale of suicidal behavior among young people, only 18% of respondents heard about suicide only through the media and the Internet, the rest to one degree or another encountered suicidal behavior of others or thought about suicide themselves. The intersection of psychological and social prerequisites that contribute to the development of suicidal behavior is emphasized. Five factors that form the motives of suicidal thinking and suicidal behavior are identified. The role of the media space in enhancing the suicidal context of young people's behavior is highlighted, since suicides are glorified there, the effect of romanticization of death and suicide is enhanced, aspects of rebirth in a new quality, with new strengths or abilities are emphasized (in films, in computer games). The work revealed cognitive distortions, affective deformations and behavioral destructive strategies that contribute to suicidal behavior. The dominant significance of the social context and the important role of the media environment in activating social readiness for suicide among young people through the disclosure of destructive psychological states of suicidal behavior are emphasized.

Keywords: suicide, suicidal behavior, student youth, factors of suicidal behavior, destructive behavior, autoaggression.

References

1. Ambrumova A. G., Borodin S.V., Mikhlin A.S. Suicide Prevention. M.: Acad. MVD USSR, 1980. 164 p. (In Russian)
2. Ardashev R.G. Media construction of suicidal behavior of students // Alma Mater (Higher School Bulletin). 2023. № 10. P. 92–95. (In Russian)
3. Ardashev R.G. Mental health of young people: depression and suicide in the public consciousness // Sociology. 2024. № 10. P. 21–25. (In Russian)
4. Ardashev R.G. Suicidal behavior of student youth: modern addiction // Alma Mater (Higher School Bulletin). 2024. № 12. P. 40–42. (In Russian)
5. Ardashev R.G. The influence of the media space on the suicidal behavior of young people // Sociology. 2023. № 1. P. 45–51. (In Russian)
6. Baev P.A. Expert analysis of moral authorities of modern youth // Expert institutions in the 21st century: civilizational and digital concepts of a changing world. Collection of scientific papers of the Second international scientific and practical conference. Scientific editor T.I. Grabelnykh. Irkutsk, 2023. Pp. 512–515. (In Russian)
7. Baev P.A. What is Russian youth proud of and ashamed of // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. Proceedings of the X International scientific and practical conference. Irkutsk, 2024. Pp. 129–132. (In Russian)
8. Burova Yu. V., Azyatova L.F. Suicide as a destruction of modern society // Society: politics, economics, law. 2021. № 8. Pp. 66–70. (In Russian)
9. Bychkova A. M., Radnaeva E.L. Incitement to suicide through the use of Internet technologies: socio-psychological, criminological and criminal-legal aspects // All-Russian Criminological Journal. 2018. Vol. 12, № 1. Pp. 101–115. (In Russian)
10. Durkheim E. Suicide. A Sociological Study / Transl. from French with abbreviation by V.A. Bazarov. Moscow: Mysl, 1994. 399 p. (In Russian)
11. Freud Z. Sadness and Melancholy // Suicidology: Past and Present. Moscow: Kogito-Center, 2013. Pp. 255–270. (In Russian)
12. Gilinsky Ya. I., Yunatskevich P.I. Sociological and psychological-pedagogical foundations of suicidology: textbook. manual. St. Petersburg: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 1999. 338 p.
13. Menninger K. The Death Attraction. Moscow: Eksmo-Press, 2000. 528 p. (In Russian)

14. Myagkov A. Yu., Zhuravleva I.V., Zhuravleva S.L. Suicidal behavior of young people: scale, main forms and factors // Sociological journal. 2003. № 1. P. 48–70.
15. Polyushkevich O.A. Modern reading of the sociology of morality // Humanitarian vector. 2021. Vol. 16, № 5. Pp. 50–58. (In Russian)
16. Polyushkevich O.A. Morality and play in modern society // The problem of the relationship between the natural and the social in society and man. 2022. № 13. Pp. 41–48. (In Russian)
17. Puzyanova Zh.V., Larina T.I., Sycheva O.A. The problem of suicidal behavior among students: an empirical study // Bulletin of the Institute of Sociology. 2023. Vol. 14, № 2. Pp. 174–190. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.10; EDN: GHKWDO (In Russian)
18. Ryspaeva S. Zh. Suicide is an existential choice (sociological analysis) // Problemy nauki. 2019. № 5. Pp. 90–94. DOI: 10.25205/2658-4506-2020-13-1-148-161. (In Russian)
19. Shneidman E. The Soul of a Suicide. Moscow: Smysl, 2001. 315 p. (In Russian)
20. Uzlov N. D., Semenova M.N. Game, transgression and online suicide // Suicidology. 2017. Vol. 8, № 3. P. 40–53. (In Russian)
21. Halbwachs M. Les Causes du Suicide. Paris: Félix Alcan, 1930. 520 p. (In English)

Влияние социальных сетей на социализацию молодежи: двойственность цифровой среды

Захарова Анастасия Васильевна,

старший преподаватель кафедры физической культуры
и спорта Тюменского индустриального университета
E-mail: zakharovaav@tyuiu.ru

В статье анализируется глубокое и многогранное влияние социальных сетей на процесс социализации молодого поколения. В фокусе внимания находятся два ключевых вызова цифровой эпохи: деструктивное воздействие кибербуллинга на психику и поведенческие паттерны молодежи, а также феномен культивации идеализированного онлайн-образа и его последствия для самооценки. В статье представлена детальная характеристика поведенческой активности молодежи в социальных сетях, включая рейтинг наиболее популярных платформ и мессенджеров, анализ частоты и продолжительности онлайн-активности, а также предпочтения в потребляемом контенте. Результаты авторского исследования подчеркивают амбивалентную природу влияния социальных сетей. С одной стороны, молодежь использует соцсети для поиска друзей и расширения круга общения, но с другой она подвержена риску, особенно в сфере кибербуллинга и возможной сравнительной тревоги, вызванной постоянной конфронтацией с курируемой и идеализированной реальностью в соцсетях, что ведет к росту неудовлетворенности собственной жизнью. Приводятся рекомендации по профилактике кибербуллинга, сохранению аутентичности и формированию критического и безопасного подхода у молодежи к использованию социальных сетей.

Ключевые слова: молодежь, социальные сети, социализация, кибербуллинг, интернет-травля, идеализация образа.

Актуальность

В условиях цифровой трансформации общества социальные сети стали важнейшим агентом социализации молодого поколения. Современные подростки и молодые люди формируют свою идентичность, ценностные ориентации и модели поведения во многом под влиянием цифрового пространства, что принципиально отличает их социализацию от предыдущих поколений.

Соцсети не просто дополнили, а трансформировали саму суть социального взаимодействия, вытеснив значительную часть живого общения виртуальными контактами. Однако эта новая парадигма порождает и системные угрозы: тотальную рискогенность кибербуллинга, деформацию восприятия реальности через призму идеализированных образов и формирование устойчивой патологической интернет-зависимости.

Президент РФ подчеркивает, что «интернет-возможности должны дополнять реальную жизнь, а не вести к тому, чтобы люди уходили в виртуальную жизнь, не жили только виртуальной жизнью, что приводит к деградации». [1] По его мнению, кибербуллинг, навязываемый через социальные сети имеет весьма негативные последствия. [2]

Руководитель Росмолодежи, Александр Бугаев отмечает, что «кибербуллинг – это реальная проблема, с которой сталкивается каждый пятый подросток в России. Соцсети анонимны, и это развязывает руки агрессорам. Нужны механизмы быстрого реагирования и поддержки жертв». [3]

Результаты социологических исследований демонстрируют распространенность кибербуллинга и его негативное влияние на подростков и молодежь.

Исследование НИУ ВШЭ (2023) о кибербуллинге в российских соцсетях показало, что 42% подростков сталкивались с травлей в соцсетях за последний год. 24% признались, что сами участвовали в буллинге (из них 68% – «ради развлечения»). [4]

Самые опасные платформы, по мнению подростков: ВКонтакте – 53%; случаев; Telegram – 22%; TikTok – 18%. Формы травли: оскорбления в комментариях – 61%; распространение личных данных (доксинг) – 29%; фейковые аккаунты с целью унижения – 27%; угрозы физической расправы – 14% психологические последствия; у 38% жертв развилась тревожность или депрессия;

15% пострадавших совершали самоповреждающие действия. Только 8% обратились за помощью к взрослым. [4]

Социологический анализ поведения 15 000 подростков во «ВКонтакте» выявил тревожную тенденцию: в 78% случаев кибербуллинг носит «цепной» характер, когда к первоначальным агрессорам присоединяются случайные пользователи. Особенно уязвимыми оказались подростки 12–15 лет – каждый второй из этой группы сталкивался с травлей. Примечательно, что 62% пострадавших не обращаются за помощью к взрослым, считая это «бесполезным» или «стыдным». Как отмечают исследователи, это создает «эффект двойной изоляции» – невозможность найти поддержку ни онлайн, ни оффлайн. [5]

Заявленная тема является одной из актуальных и активно исследуемых в психологии, социологии, а также в сфере коммуникационных технологий и цифровизации общества.

Психологические аспекты влияния социальных сетей на поведение личности исследуются В.В. Долганиной, А.Э. Ширванян [6], Р.В. Ершовой, А.Ю. Плотниковой [7], в работах которых затрагиваются вопросы идентичности, самооценки и межличностных навыков молодежи под влиянием цифровизации. В них также разграничивается положительное и отрицательное влияние социальных сетей на психологию личности и выявляются детерминанты этого влияния.

Социально-поведенческие исследования, затрагивающие такие аспекты темы как формирование норм поведения, ценностей и социальных ролей у молодежи, а также формирование гражданской позиции под влиянием социальных сетей, представлены в работах И.И. Шакалова, В.Д. Таказова [8], Е.П. Большой [9]

Еще одним, четко проявившимся научным направлением в рамках обозначенной темы, стало формирование модели социального взаимодействия в условиях цифровизации. Новые формы коммуникации и самоидентификации, возникающие в онлайн-пространстве, а также влияние социальных сетей на дружбу и межличностные отношения исследуются в работах Р.Г. Ардашева [16–18], А.О. Михайловой, П.Д. Паниной [10], Е.О. Шипулева [11].

Таким образом, исследованию отдельных аспектов влияния социальных сетей на социализацию личности, и молодежи, в частности, посвящено множество эмпирических и теоретических работ. Тем не менее, цифровизация, вызванная быстрым развитием технологий, изменением форматов коммуникации, появлением новых онлайн-платформ и особенностями молодежной культуры позволяет сделать заключение о необходимости постоянного мониторинга проблем кибербуллинга, цифровой безопасности, влияния идеализированного онлайн-образа на самооценку и поведение и многих других.

Настоящее исследование сфокусировано на анализе влияния социальных сетей на процесс социализации молодежи, в рамках которого детально рассматриваются два ключевых аспекта:

1. Деструктивное воздействие кибербуллинга на психоэмоциональное состояние и поведенческие паттерны молодежи.

2. Феномен конструирования идеализированного онлайн-образа и его роль в формировании идентичности.

Оба этих феномена находятся в фокусе внимания современного академического сообщества. Например, в работах А.Р. Манукян, И.Г. Гутиевой [12] выявлен высокий уровень именно негативного влияния кибербуллинга на психоэмоциональное состояние молодежи, вызывающего тревожность, снижающего самооценку, иногда приводящую к социальной изоляции. В работах Н.Н. Рамазонова [13] анализируются механизмы распространения травли в онлайн-среде, а также последствия для социальной адаптации ее жертв. Важно отметить, что перечисленные авторы выделяют ряд детерминант, повышающих уязвимость подростков и молодежи перед кибербуллингом, что позволяет говорить о системности данной проблемы.

Значительный научный интерес представляет и изучение восприятия молодежью идеализированного онлайн-образа, а также его влияния на психологическое состояние личности и дальнейшие поведенческие стратегии. В работах М.К. Карповой, М.А. Мониной [14], Е.С. Жарковой [15] анализируются возможные «разрывы» между онлайн образом и реальностью, проблемы их соотнесения и воздействия на формирование самоидентификации межличностных отношений и уровня удовлетворенностью жизнью.

Эти направления исследований подчеркивают как потенциальные риски, так и сложные психологические и социальные механизмы, связанные с использованием социальных сетей. Они демонстрируют необходимость комплексного подхода к изучению социализации молодежи в условиях активной цифровизации, а также разработки мер по снижению негативных эффектов и формированию ответственного поведения в онлайн-среде.

Наше исследование было основано на репрезентативной выборке, состоящей из студентов тюменский вузов (всего опрошено 235 студентов-бакалавров). Выборка формировалась методом случайного отбора с соблюдением принципа пропорционального представительства различных курсов трех укрупненных групп специальностей – гуманитарного, технического и естественнонаучного.

Обсуждение

Прежде чем перейти к основной части вопросов анкеты, нами был выявлен возраст, в котором респон-

денты начали активно пользоваться социальными сетями (рис. 1), а также то, какими социальными сетями они пользуются чаще всего (рис. 2).

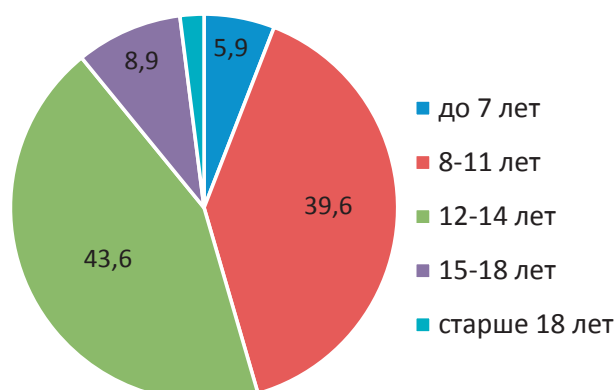

Рис. 1. Распределение ответов студентов на вопрос «Во сколько лет Вы начали активно пользоваться социальными сетями?», %

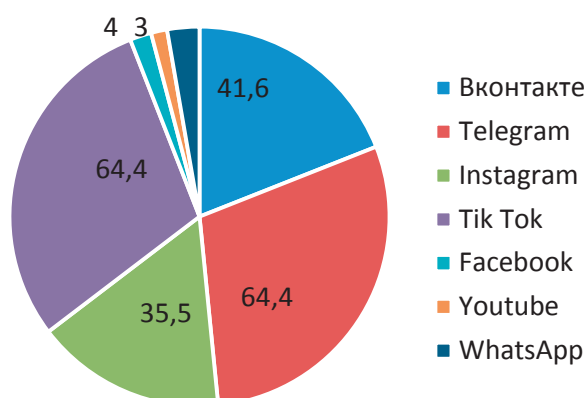

Рис. 2. Распределение ответов студентов на вопрос «Какими социальными сетями/мессенджерами Вы пользуетесь чаще всего?», %

Большая часть студентов проводит в социальных сетях 5–7 часов (45,5%), 1–4 часа – 24,5%, 8–10 часов – 18%, более 10 часов – 12% (рис. 3).

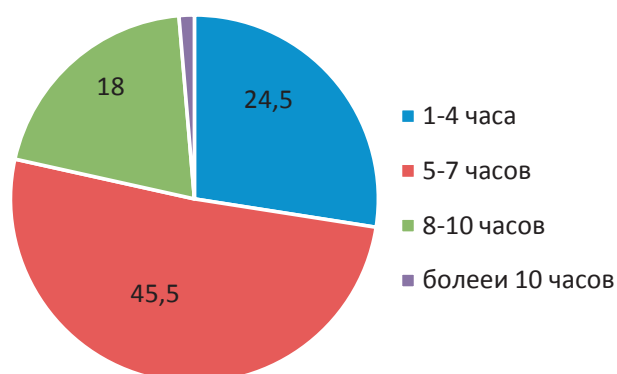

Рис. 3. Распределение ответов студентов на вопрос «Сколько времени в день Вы в среднем проводите в социальных сетях?», %

В качестве контента в социальных сетях студенты предпочитают юмор/мемы – 33,4%, «только общение» – 15%, музыку – 13,9%, lifestyle блогеры – 13% (рис. 4).

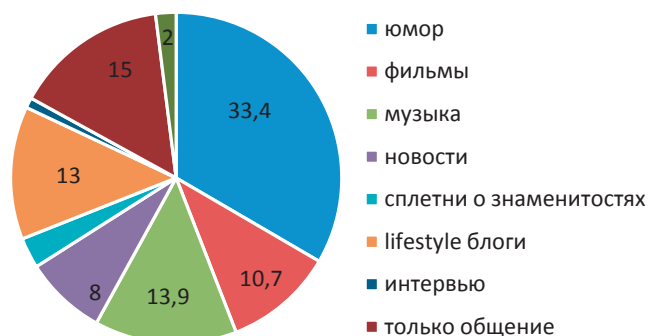

Рис. 4. Распределение ответов студентов на вопрос «За каким контентом Вы чаще всего следите в социальных сетях?», %

Кибербуллинг является одной из наиболее распространенных и острых проблем современного цифрового пространства, включающей в себя систематическую травлю, оскорбления, распространение слухов, угрозы и другие агрессивные действия, направленные на молодежь в онлайн-среде. Поэтому следующие вопросы направлены на анализ того, как часто студенты сталкиваются с травлей и как их поведение меняется после этого (рис.рис. 5,6).

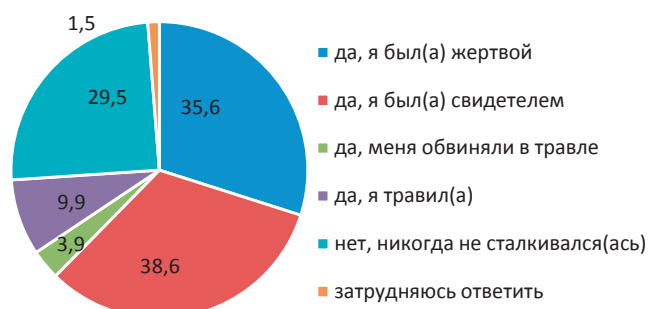

Рис. 5. Распределение ответов студентов на вопрос «Приходилось ли Вам сталкиваться с буллингом/травлей в интернете?», %

На основе полученных ответов можно сделать следующие ключевые выводы:

- буллинг – это массовое явление в студенческой среде. С различными формами травли сталкивалось подавляющее большинство опрошенных (35,6%, 38,6% и 9,9%). Проблема носит не единичный, а системный характер, затрагивая практически все студенческое сообщество.
- роль «свидетеля буллинга» является наиболее распространенной. Больше всего студентов (38,6%) идентифицировали себя как наблюдатели буллинга. Это формирует специфическую цифровую среду, где агрессия становится публичным зрелищем.
- каждый третий студент становился прямой жертвой. Показатель в 35,6% указывает на чрезвычайно высокий уровень виктимизации. Это означает, что риск стать объектом травли для молодого человека в соцсетях является не гипотетическим, а вполне реальным и значительным.

- существует заметная группа активных агрессоров. Почти каждый десятый студент признал свое участие в травле. Это возможно объяснить тем, что анонимность и дистанция цифровой среды провоцирует раскрепощение деструктивного поведения, которое в реальной жизни могло бы быть сдержано социальными нормами и санкциями.

Тем не менее, 39,5% заявили, что травля никак на них не повлияла (рис. 6).

Рис. 6. Распределение ответов студентов на вопрос «Изменилось ли Ваше поведение в соцсетях после столкновения с травлей?», %

Несмотря на нежелание многих студентов открыто признавать психологический ущерб от травли, ее скрытые последствия проявляются в росте тревожности и снижении самооценки. Более того, деструктивное влияние буллинга на цифровое поведение очевидно: каждый девятый студент (11,1%) ужесточил настройки приватности, а значительная часть (8,9%) стала реже публиковать посты и вовсе отказалась от участия в онлайн-дискуссиях. Эти поведенческие изменения служат прямым доказательством латентного негативного эффекта, который вынуждает молодых людей ограничивать свою видимость и самовыражение в цифровом пространстве.

Результаты опроса подтверждают, что социальные сети формируют иллюзию общения: механизм «дружбы» по клику упрощает установление контакта, но не гарантирует формирования подлинных, доверительных отношений. Вероятно, студенты, сообщившие об успешном опыте, изначально были мотивированы на поиск единомышленников, а не просто на увеличение числа подписчиков.

Эмпирические данные демонстрируют неоднозначность восприятия этого феномена студентами (рис. 7).

- практически половина (47,5%) убеждены, что обрели в соцсетях настоящих друзей и это указывает на потенциал цифровой среды для формирования meaningful;
- четверть студентов (25,7%) занимают скептическую позицию, отрицая саму возможность дружбы в социальных сетях;

- значительная часть студентов (15,8%) верит в такую возможность теоретически, но на практике не смогла установить дружеских отношений, что подчеркивает разрыв между потенциальными возможностями платформ и реальными коммуникативными трудностями.

Рис. 7. Распределение ответов студентов на вопрос «Помогают ли Вам социальные сети находить друзей и расширять круг общения?», %

В ходе опроса нами также изучалось отношение студентов к этическим границам самопрезентации в соцсетях. Результаты демонстрируют формирование новой социальной нормы, согласно которой легкая цифровая корректировка (использование фильтров, выбор удачного ракурса) считается допустимой практикой. В то же время сознательное искажение идентичности воспринимается большинством студентов как неприемлемое (рис. 8).

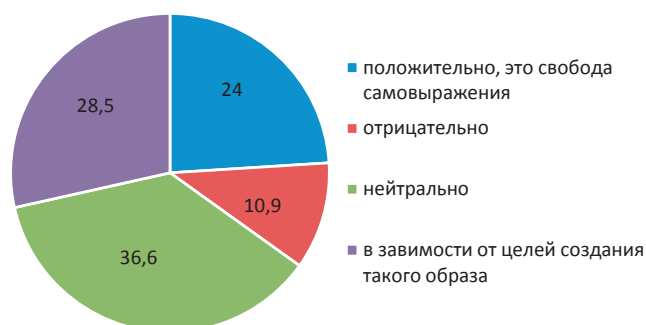

Рис. 8. Распределение ответов студентов на вопрос «Как Вы относитесь к тому, что в социальных сетях можно создавать другой образ (менять стиль, поведение или даже личность)?», %

Распределение ответов раскрывает спектр выявленных мнений: нейтральное — студенты не придают значения даже существенному искажению образа (36,6%); умеренное — допускаются незначительные правки, но откровенные фейки и глубокое искажение личности осуждаются (28,5%); консервативное — осуждаются любые формы цифровой коррекции, остается ценностью аутентичности (10,9%); трансформирующее — допускаются и одобряются идеализация и создание альтернативного онлайн-образа.

Молодежь воспринимает соцсети как пространство для контролируемой самопрезентации, осоз-

новая что большинство ойлан-образов идеализированы.

Однако это рациональное понимание не всегда защищает их от негативных психологических последствий. Многие студенты отметили у себя возникновение раздражительности и фрустрации при регулярном просмотре контента. Эмпирические данные подтверждают эту амбивалентность. Каждый пятый студент (18,8%) часто испытывает чувство неудовлетворенности собственной жизнью после просмотра ленты. Еще 22,6% сталкиваются с подобными негативными эмоциями эпизодически. В противовес этому, 39,6% студентов, напротив, черпают в социальных сетях вдохновение и мотивацию (рис. 9).

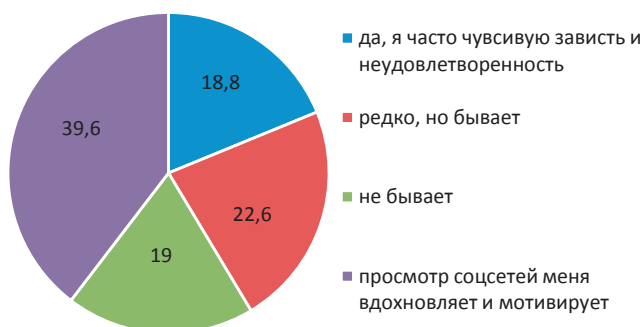

Рис. 9. Распределение ответов студентов на вопрос «Бывает ли, что после просмотра соцсетей Вы чувствуете себя подавленным или неудовлетворенным своей жизнью?», %

Таким образом, большинство опрошенных сохраняет нейтральный или позитивный настрой после просмотра социальных сетей, но практически каждый пятый сталкивается с негативными эмоциями, такими как зависть, неудовлетворенность и злость.

Выводы

Социальные сети стали неотъемлемой частью социализации современной молодежи, но их влияние требует осознанного подхода. С одной стороны, они представляют широкие возможности для общения, поиска единомышленников и самовыражения. С другой – создают риски, такие как кибербуллинг, формирование нереалистичных стандартов и эмоциональное выгорание. Например, несмотря на то, что почти половина опрошенных нашла в соцсетях настоящих друзей, значительная часть (25,7%) сомневается в искренности онлайн общения. Это связано с идеализированными образами, которые люди создают в интернете, а также с высокой распространенностью травли (с ней сталкивались 78,1% респондентов). При этом 54,5% заявляют, что буллинг «не повлиял» на них, но их действия (уход из сетей, ужесточение приватности) говорят об обратном.

Чтобы минимизировать негативное влияние соцсетей, необходимо, на наш взгляд:

- развивать цифровую грамотность: распознавать манипуляции (например, отличать реальные отношения от «лайк-ориентированного» общения); противодействовать буллингу (блокировка агрессоров, обращение к модераторам, психологическая поддержка); сохранять баланс между виртуальной и реальной жизнью, поддерживать аутентичность – показывать, что естественность ценнее «идеальных» фото.
- осуществлять профилактику буллинга и поддержку «жертв» травли: внедрять образовательные программы по цифровой безопасности и противодействию буллингу в школах и вузах; обучать подростков правилам реагирования на агрессию (блокировка, жалобы модераторам, сохранение доказательств); развивать эмпатию через тренинги, показывающие последствия травли; создавать анонимные службы психологической помощи для жертв кибербуллинга, чат-боты, горячие линии, онлайн-консультирование психологов; развивать партнерство в социальных сетях для быстрого удаления агрессивного контента.
- формировать здоровое отношение к самопрезентации в соцсетях: популяризировать контент об аутентичности и принятии себя; осуществлять коллаборацию с блогерами, которые делятся реальными историями (без фильтров, о неудачах и успехах).
- создавать безопасную среду для онлайн-общения: развивать позитивные онлайн-сообщества по интересам; создавать платформы для тематических групп (наука, спорт, искусство), где нет места токсичности; поощрять модераторов конструктивных дискуссий вместо хейта; внедрять систему баллов или значков за доброжелательные комментарии; практиковать алгоритмы соцсетей, продвигающие контент, объединяющий людей, а не провоцирующий конфликты.

Предложенные мероприятия, через образование и информационную поддержку, помогут снизить уровень буллинга; уменьшить давление «идеализированных» образов, сделав соцсети более честными; переориентировать их в пространство для здоровой социализации молодежи.

Литература

1. Ежегодная пресс-конференция 23 декабря 2021, Интерфакс: официальный сайт – URL: <https://www.interfax-russia.ru/main/putin-socseti-dolznyi-dopolnyat-realnuyu-zhizn-a-ne-uvodit-v-virtualnuyu> (дата обращения: 23.08.2024).
2. Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека (СПЧ) НОВО-ОГАРЕВО, 9 декабря 2021. ТАСС: официальный

- сайт – URL: <https://tass.ru/obschestvo/13158965> (дата обращения: 29.09.2024).
3. Минпросвещения России «Цифровая этика и традиционные ценности в мировой индустрии развлечений и СМИ. Цифровая психология в контексте новой медиаэтичности» Петербургский международный экономический форум. 16 июня 2022: – URL: <https://edu.gov.ru/press/5336/aleksandr-bugaev-ochen-vazhno-razvivat-kriticheskoe-myshlenie-shkolnikov> (дата обращения: 20.03.2023).
 4. Исследование НИУ ВШЭ (2023) о кибербуллинге в российских соцсетях. – URL: fore.sight.hse.ru/mirror/pubs/share/843172214.pdf (дата обращения: 23.08.2024).
 5. Каждый ребенок сталкивался с буллингом в школе // Газета. Ru – 28 сентября – 2022 URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2022/09/28/18673483.shtml> (дата обращения: 20.07.2023).
 6. Долганина В. В., Ширванян А.Э. Влияние социальных сетей на формирование психологической зависимости у студентов педагогического вуза: практический аспект. // Проблемы современного образования. 2020. № 1. С. 39–48.
 7. Ершова Р. В., Плотников А.Ю. Индивидуально-психологические и когнитивные особенности цифрового поведения пользователей социальных сетей. // Человеческий капитал. 2023. № 11–2 (179). С. 90–99.
 8. Шакалов И. И., Таказов В.Д. Влияние социальных сетей на формирование гражданских ценностей молодежи в контексте государственной политики. // Глобальный научный потенциал. 2025. № 4 (169). С. 391–394.
 9. Большова Е.П. Влияние медиаконтента СМИ на формирование ценностных ориентиров поколения Z. // Филологический вестник. 2024. Т. 3. № 4. С. 50–56.
 10. Михайлова А. О., Панина П.Д. Влияние цифровизации на поведение студентов в интернете и их межличностное общение. // Евразийский Союз Ученых. Серия: исторические, политические и социологические науки. 2023. № 11 (109). С. 4–8.
 11. Шипулев Е.О. Влияние искусственного интеллекта на социальные коммуникации: трансформация взаимодействия в цифровую эпоху. // Гуманитарный научный журнал. 2025. № 1–1. С. 61–64.
 12. Манукян А. Р., Гутиева И.Г. Некоторые социально-психологические аспекты кибербуллинга несовершеннолетних. // Право и управление. 2023. № 5. С. 35–39.
 13. Рамазонов Н.Н. Психологическая помощь детям, подвергшимся киберугрозам в Интернете. // Экономика и социум. 2022. № 1–2 (92). С. 154–157.
 14. Карпова М. К., Моница М.А. Социальные сети как особый канал самопрезентации индивида. // Наука. Общество. Государство. 2018. Т. 6. № 1 (21). С. 158–167.
 15. Жаркова Е.С. Социальные сети и личность: проблема идентичности. // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 8. № 2. С. 124–127.
 16. Ардашев Р.Г. Кибербуллинг как форма моральной деградации // Социология. 2025. № 9. С. 94–99.
 17. Ардашев Р.Г. Киберсуицид и кибербуллинг в современном обществе // Социология. 2022. № 6. С. 32–38.
 18. Ардашев Р.Г., Ложкина Н.В. Проблемы буллинга и кибербуллинга в образовательных учреждениях // Евразийский юридический журнал. 2024. № 12 (199). С. 533–534.

THE IMPACT OF SOCIAL MEDIA ON YOUTH SOCIALIZATION: THE DUALITY OF THE DIGITAL ENVIRONMENT

Zakharova A.V.
Industrial University of Tyumen

The article analyzes the profound and multifaceted impact of social networks on the socialization process of the younger generation. The focus is on two key challenges of the digital era: the destructive effects of cyberbullying on the mental health and behavioral patterns of young people, as well as the phenomenon of cultivating an idealized online image and its consequences for self-esteem. The article provides a detailed description of the behavioral patterns of young people on social media, including a ranking of the most popular platforms and messaging apps, an analysis of the frequency and duration of online activity, and preferences for consumed content. The results of the author's research highlight the ambivalent nature of the influence of social networks. On the one hand, young people use social networks to find friends and expand their social circle, but on the other hand, they are at risk, especially in the areas of cyberbullying and potential comparative anxiety caused by constant confrontation with the curated and idealized reality on social networks, leading to increased dissatisfaction with their own lives. The article provides recommendations for preventing cyberbullying and fostering a critical and safe approach to using social networks among young people.

Keywords: youth, social networks, socialization, cyberbullying, online harassment, and image idealization.

References

1. Annual press conference, December 23, 2021, Interfax: official website – URL: <https://www.interfax-russia.ru/main/putin-socseti-dolzhen-dopolnyat-realnyu-zhizn-a-ne-uvodit-virtualnyu> (accessed: August 23, 2024).
2. Meeting of the Council for the Development of Civil Society and Human Rights (HRC) NOVO-OGAREVO, December 9, 2021. TASS: official website – URL: <https://tass.ru/obschestvo/13158965> (accessed: September 29, 2024).
3. Ministry of Education of the Russian Federation, "Digital Ethics and Traditional Values in the Global Entertainment and Media Industry. Digital Psychology in the Context of New Media Ethics," St. Petersburg International Economic Forum. June 16, 2022: – URL: <https://edu.gov.ru/press/5336/aleksandr-bugaev-ochen-vazhno-razvivat-kriticheskoe-myshlenie-shkolnikov> (date of access: March 20, 2023).
4. HSE study (2023) on cyberbullying on Russian social networks. – URL: fore.sight.hse.ru/mirror/pubs/share/843172214.pdf (date of access: August 23, 2024).

5. Every child has encountered bullying at school // *Gazeta. Ru* – September 28, 2022 URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2022/09/28/18673483.shtml> (accessed: July 20, 2023).
6. Dolganina V. V., Shirvanyan A.E. The Impact of Social Networks on the Formation of Psychological Dependence among Students of a Pedagogical University: A Practical Aspect. // *Problems of Modern Education*. 2020. No. 1. pp. 39–48.
7. Ershova R. V., Plotnikov A. Yu. Individual Psychological and Cognitive Features of the Digital Behavior of Social Network Users. // *Human Capital*. 2023. No. 11–2 (179). pp. 90–99.
8. Shakalov I. I., Takazov V.D. The Impact of Social Networks on the Formation of Civic Values of Young People in the Context of Public Policy. // *Global Scientific Potential*. 2025. No. 4 (169). P. 391–394.
9. Bolshova E.P. The Influence of Media Content on the Formation of Value Orientations of Generation Z. // *Philological Bulletin*. 2024. Vol. 3. No. 4. P. 50–56.
10. Mikhailova A. O., Panina P.D. The Impact of Digitalization on Students' Online Behavior and Their Interpersonal Communication. // *Eurasian Union of Scientists. Series: Historical, Political, and Sociological Sciences*. 2023. No. 11 (109). P. 4–8.
11. Shipulev E.O. The Impact of Artificial Intelligence on Social Communications: Transformation of Interaction in the Digital Age. // *Humanitarian Scientific Journal*. 2025. No. 1–1. P. 61–64.
12. Manukyan A. R., Gutieva I.G. Some socio-psychological aspects of cyberbullying of minors. // *Law and Management*. 2023. No. 5. pp. 35–39.
13. Ramazonov N.N. Psychological assistance to children exposed to cyberthreats on the Internet. // *Economy and Society*. 2022. No. 1–2 (92). pp. 154–157.
14. Karpova M. K., Monina M.A. Social networks as a special channel of individual self-presentation. // *Science. Society. State*. 2018. Vol. 6. No. 1 (21). pp. 158–167.
15. Zharkova E.S. Social networks and personality: the problem of identity. // *News of higher educational institutions. Series: Humanities*. 2017. Vol. 8. No. 2. Pp. 124–127.
16. Ardashev R.G. Cyberbullying as a Form of Moral Degradation // *Sociology*. 2025. No. 9. Pp. 94–99.
17. Ardashev R.G. Cybersuicide and Cyberbullying in Modern Society // *Sociology*. 2022. No. 6. Pp. 32–38.
18. Ardashev R. G., Lozhkina N.V. Problems of Bullying and Cyberbullying in Educational Institutions // *Eurasian Law Journal*. 2024. No. 12 (199). Pp. 533–534.

Психологическое здоровье студенческой молодежи в вакууме информационных потоков

Маслодудова Наталья Владимировна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин СибЮИ МВД России

E-mail: maslodudova77@mail.ru

В статье анализируются условия, процессы и особенности формирования и сохранения психологического здоровья студенческой молодежи. Выделяется влияние информационного потока на психологическое самочувствие и здоровье молодых людей. Выявляются особенности психологического, социального и эмоционального благополучия как условия формирования психологического здоровья. В результате исследования 1500 студенческой молодежи выявлены четыре типа психологического здоровья, доминирующие в молодежной среде в современном обществе, описаны их особенности и перспективы изменения в будущем.

Ключевые слова: психологическое здоровье, психологическое благополучие, социальное благополучие, эмоциональное благополучие, молодежь, студенты, информационные потоки.

Современное общество наполнено множеством информационных потоков, люди вовлечены в события, касающиеся не только их личной жизненной истории, но и более глобальных групп. Многократно усилившиеся информационные потоки активизируют социальную неопределенность и нестабильность, нелинейные связи отражают многомерную динамику общественных трансформаций. Те социальные прорывы и вызовы, с которыми сталкиваются современники – не имеют аналогов в мировой истории. Это все способствует повышению уровня тревожности и развитию разнообразных стрессовых факторов, что негативно отражается на психологическом здоровье. Особенно остро это проявляется среди студенческой молодежи, так как именно эта социальная группа выступает на передовой ключевых социальных сдвигов.

Психологическое здоровье современников в этих условиях максимально подвержено внешнему давлению и может служить показателем качества происходящих трансформаций. Здоровье – это не только отсутствие болезни, но его самочувствие, готовность интересоваться окружающим миром, активно взаимодействовать с другими людьми, сохраняя позитивные установки. Эти процессы связаны с такими категориями как восприятие боли и болезни, оптимизма и пессимизма, счастья и депрессивности и т.д. Об этом можно более подробно найти материалы в работах О.А. Полюшкевич [30–33], А.Н. Пружинина [34].

Категория психологического здоровья также все чаще становится предметом изучения психологов и социологов (И.В. Дубровина [24], В.А. Скуденков [35–38], О.А. Полюшкевич [26–30]), и чаще оно воспринимается как динамическое состояние, позволяющее человеку гармонично и экологично взаимодействовать с окружающим миром. Этому могут помогать такие состояния как стрессоустойчивость, мобильность, адаптивность, оптимизм, адекватная оценка самого себя, критическое восприятие себя, саморегуляцию и готовность к саморазвитию (Т.Ю. Артюхова и Т.И. Петрова [17], Т.Д. Скуднова [39]).

Социальные группы и сообщества напрямую влияют на самочувствие и психологическое здоровье своих членов. Особенно это заметно в молодежных студенческих группах. *Скажи мне кто твой друг, и я скажу кто ты.* Ближайшее окружение студентов с их целями и ценностями, смыслами и за-

дачами, установками и представлениями определяет рамки «правильного» и «допустимого».

В это время активизируются процессы саморазвития и самопознания, поэтому, что поймут про себя и про окружение сегодняшние студенты, завтра они это воплотят в жизнь в практических схемах. Психологические исследования показывают (Б.Г. Ананьев [1], П.А. Баев [19–22]), что у значительной части молодых людей именно в это время максимально активизируются психические функции, и они способны максимально включаться в личную динамику развития, показывая примеры окружению.

Но при этом, в последние годы активизируется рост тревожности и депрессивности, агрессивности и буллинга, суицидальных рисков и других деструктивных форм поведения среди молодежи (Р.Г. Ардашев [2–16], Л.Ю. Беленкова, И.В. Михалев и М.В. Петровская [23]). Причиной этих процессов часто служат негативные информационные воздействия со стороны других (когда нет контакта с малой группой, молодой человек ищет сообщества во вне и зачастую находит в виде сообществ, в которых могут активизироваться негативные установки по отношению к себе (культ самоубийства) или к другим (колумбайн, экстремистские сообщества) и проч. Даже осознавая, негативные последствия членства в данных сообществах, молодые люди не всегда могут им противостоять, так как активно «обрабатываются» и их сознание постепенно утрачивает критичность, и да, становится психологически не здоровым, не адекватным. Состояние тревоги и стресса в этих сообществах заменяется мнимой важностью и востребованностью, что позволяет найти уверенность в себе и завтрашнем дне. Поэтому, количество молодых людей, состоящих в экстремистских, деструктивных организациях растет.

Все, что может дать жизненные смыслы и жизненные цели, сформировать мотивы и убеждения, наряду с проявлением интеллектуальной и когнитивной деятельностью, которая приводит к социальным и профессиональным успехам в жизни и личной удовлетворенности – закладывается во время студенческой жизни, во время студенческого взаимодействия в разных социальных сообществах. Это то, что можно назвать жизненным успехом, который возможен при условии психологического здоровья.

Стрессовые ситуации необходимы, чтобы сформировать личность и определить ключевые стратегии развития потенциала. Насколько успешно молодой человек справляется с данными трудностями, не убегая от проблем в деструктивные сообщества, не вовлекая себя и других в стигматизированные сообщества, а находя ресурсность, выстраивая позитивный взгляд на происходящие события, настолько он закладывает основы психологического здоровья.

Особенности исследования

Исследование проводилось через онлайн анкетирование. Студенты из разных вузов Иркутска, Красноярска, Улан-Удэ, Тюмени, Новосибирска заполняли анкеты через платформу опросов www.google.com/forms. Всего опрошено 1500 человек в возрасте от 18 до 25 лет, 55% девушек и 45% юношей, обучающихся на разных специальностях.

Материалы исследования обрабатывались в программе SPSS 22.0. В качестве методов анализа мы использовали кластерный и факторный анализ.

Результаты исследования

Мы выделили четыре группы студентов, которые обладают разным уровнем психологического здоровья в настоящем и не одинаковые перспективы развития психологического здоровья в будущем.

Первый (31%) – это те, кто ориентирован на позитивное будущее, при этом настоящее воспринимается ими как изменяемое и конструируемое под влиянием личной воли и желаний. Они участвуют в общественной жизни, проявляют личную инициативу и берут ответственность за себя и за других в реализации социальных, учебных и любых других проектов. Представители этой группы наиболее здоровы и благополучны. Их лозунг: *Если не я, то никто!*

Второй (29%) – это те, кто ориентированы на негативное будущее, настоящее для них полно проблем и трудностей и перспективы позитивных перемен они не видят, ни под влиянием личных усилий, ни под влиянием внешних обстоятельств. Представители этой группы пессимистичны, апатичны, не активны. Их лозунг: *Все равно ничего не выйдет, так зачем прикладывать усилия?*

Третий (22%) – это те, кто видит в настоящем трудности и проблемы, но надеется на возможность позитивного будущего, при условии, что кто-то появится и сделает их счастливыми. Инфантильная позиция, которая снимает ответственность за свою жизнь с молодых людей. И они ждут решений со стороны родителей, педагогов, начальства, мужей или жен, президента и т.д. Кого угодно, но не себя. Это не позволяет говорить о психологическом здоровье и самостоятельности, эти установки определяют постоянное желание зависеть от кого-то, быть на вторых ролях. Их лозунг: *Я человек маленький – ни на что не могу повлиять.*

Четвертый (18%) – это те, кто ориентирован на негативное восприятие прошлого, вместе с фаталистическим восприятием будущего, без акцента на настоящее. Это наименее благополучные студенты, имеющие проблемы с психологическим здоровьем. Их лозунг: *Мы все умрем, наши родители жили плохо и нам ничего не светит.*

В первом типе – одинаковое количество и юношей и девушек (51% и 49% соответственно),

во втором – доминируют юноши (65% и 35% соответственно), в третьем – доминируют девушки (87% и 13% – соответственно), в четвертом – с небольшим перевесом доминируют юноши (56% и 44% соответственно). Психологическое здоровье не одинаково проявляется у девушек и юношей студенческого возраста.

Мы полагаем, что психологическое здоровье состоит из психологического и социального благо-

получия. Психологическое благополучие состоит из ценности Я (самого себя), самооффективности, целеполагания. Социальное благополучие состоит из справедливости мира, благожелательности окружающих людей, а также возможностей, которые могут изменить жизнь к лучшему. В таблице 1 представлено распределение этих факторов для каждого выделенного типа.

Таблица 1. Психологическое и социальное благополучие у студентов с разными типами психологического здоровья (в долевом коэффициенте)

Типы	Психологическое благополучие			Социальное благополучие		
	Ценность Я	Самооффективность	Целеполагание	Справедливость мира	Благожелательность окружающих людей	Возможности, которые меняют жизнь к лучшему
Первый	0,98	0,97	0,85	0,95	0,91	0,87
Второй	0,21	0,24	0,29	0,32	0,27	0,25
Третий	0,13	0,14	0,21	0,54	0,49	0,13
Четвертый	0,32	0,24	0,26	0,12	0,15	0,22

Для молодых людей первого типа – психологическое благополучие достаточно высоко проявляется. Они видят свои достоинства и ценят себя за то, что уже есть, работают над самооффективностью, видят значимость и приоритетность этой деятельности, а также активно используют различные стратегии целеполагания. Социальное благополучие этого типа достаточно позитивно развивается: они считают, что мир справедлив и особенно справедлив к ним, их окружают хорошие люди, на которых можно положиться и у них всегда есть возможности, которые могут изменить их жизнь к лучшему.

Для респондентов второго типа – психологическое благополучие достаточно слабо представлено. Они не замечают своих достоинств, обесценивают себя и свои достижения, не считают себя эффективными ни в какой деятельности, поэтому не стремятся себя проявлять, целеполагание для них пустая трата времени, которая не может принести ничего хорошего.

Для молодых людей третьего типа, мало освоена ценность Я, скорее присутствует ценность других, самооффективность обесценена, целеполагание отсутствует. Нет восприятия себя как самостоятельной личности, которая может проявлять желания и волю. При этом, очень сильное ожидание действий от других, потребность в защите, опеке, внимании. Справедливость мира на среднем уровне, при условии рядом есть те, кто помогает решать все вопросы, благожелательно относятся те, кто рядом и кто безусловно их принимает такими, какие они есть, но таких не так много, и совершенно не проявлено ожидание возможностей, которые могут им помочь в социальной реализации.

Для молодежи четвертого типа, присутствует выраженное обесценивание себя, непризнание

собственной эффективности и нежелание ее обрести из-за отсутствия понимания смыслов в ней, также присутствует негативное восприятие целеполагания, так как оно не может привести ни к чему хорошему, хотя бы потому, что мир «рухнет» (разрушится). В оценках социальной справедливости присутствуют негативные интерпретации, полное неверие в благожелательность окружающих, так как они в них чаще видят врагов и полное фаталистическое признание, что никакие возможности не могут изменить ни весь мир, ни судьбу отдельного человека.

Связующим элементом между психологическим и социальным благополучием выступает эмоциональное благополучие, т.е. позитивные эмоции, которые влияют на восприятие самого себя и восприятие окружения как адекватного и доброжелательно настроенного или как депрессивного и агрессивного. Для первого эти – эмоциональное благополучие выступает основой самовосприятия и оценки других, молодые люди открыты и эмпатичны по отношению к другим и отслеживают и понимают свои собственные эмоции и чувства. Для второго типа, эмоции, как правило, негативного спектра подтверждают негативные суждения о себе и об окружающем мире и не позволяют выйти в ресурсное состояние, мир воспринимается тревожно-агрессивным и не судящим ничего лучшего в будущем. Для третьего типа – эмоции гипертрофированно-позитивны, они не могут эмоционально-критично подходить к происходящим событиям или личным переживаниям, поэтому изначально строят свое поведение таким образом, что замечают только то, чем можно восхититься и переключиться. Для четвертого типа и прошлые события были окрашены в негативные эмоции и переживания, да и будущее не таит в се-

бе позитивных контекстов. Эмоциональная палитра ограничена в негативных контекстах восприятия себя и окружающего мира.

Выводы

Таким образом, представители первой группы наиболее адаптивны и могут оцениваться как психологически устойчивые и здоровые люди, которые регулируют социальное и личное развитие и вовлекаются в социальное взаимодействие через развитость эмоционального благополучия (чем оно выше, тем больше личного и социального благополучия проявляет молодой человек в своей жизни, верно и обратное утверждение, чем ниже уровень эмоционального благополучия, тем большая зависимость от других и постоянная критика и сравнение себя и других приводит к деструктивным последствиям. Представители второй, третьей и четвертой групп в разных степенях, но наименее психологически устойчивы, обладают ограниченным спектром реакций и возможностей социального взаимодействия.

Литература

1. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. СПб.: Питер. 2001.
2. Ардашев Р.Г. Влияние качества жизни на суицидальное поведение молодежи // II Международная научная конференция «Качество жизни населения промышленных территорий в эпоху неопределенности». Набережные Челны, 2024. С. 650–653.
3. Ардашев Р.Г. Влияние медиапространства на суицидальное поведение молодежи // Социология. 2023. № 1. С. 45–51.
4. Ардашев Р.Г. Иррациональные основы суицида // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17. № 2. С. 58–68.
5. Ардашев Р.Г. Иррациональные основы суицидального поведения молодежи // Социология. 2022. № 3. С. 39–46.
6. Ардашев Р.Г. Криминальный суицид в школах: социальное измерение // Социология. 2022. № 5. С. 23–30.
7. Ардашев Р.Г. Медиаконструирование суицидального поведения студентов // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2023. № 10. С. 92–95.
8. Ардашев Р.Г. Ментальное здоровье молодежи: депрессия и суицид в общественном сознании // Социология. 2024. № 10. С. 21–25.
9. Ардашев Р.Г. Суицидальное поведение в молодежной среде: иррациональность восприятия // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2022. № 7. С. 41–45.
10. Ардашев Р.Г. Суицидальное поведение учащейся молодежи: современная аддикция // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2024. № 12. С. 40–42.
11. Ардашев Р.Г. Суицидальные риски молодежи в виртуальном пространстве // Человек в информационном обществе. Сборник материалов второй международной научно-практической конференции, посвященной десятилетию науки и технологий в Российской Федерации. Самара, 2023. С. 188–191.
12. Ардашев Р.Г. Угрозы суицидального поведения молодежи в цифровую эпоху // Методология предотвращения угроз в XXI веке. Сборник научных трудов. Иркутск, 2022. С. 383–387.
13. Ардашев Р.Г. Философия суицида в виртуальном пространстве // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18. № 2. С. 77–85.
14. Ардашев Р.Г. Философия суицида в практическом измерении // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2023. № 14. С. 119–125.
15. Ардашев Р.Г. Экспертный анализ суицидальных тенденций в молодежной среде // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира. Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции. Науч. редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, 2023. С. 508–511.
16. Ардашев Р.Г., Ложкина Н.В. Социокультурные условия суицидального поведения молодежи // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы XI Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 285–290.
17. Артюхова Т. Ю., Петрова Т.И. Контекст рассмотрения психологического здоровья как основание понимания его содержания // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, 2017. № 4(42), 109–116. doi: 10.25146/1995-0861-2017-42-4-26
18. Атаманова И. В., Богомаз С.А. Ценностные и деятельностные ориентации вузовской молодежи: выбор между безопасностью и инновационностью // Science for Education Today, 2021. № 11(1), 59–74. doi: 10.15293/2658-6762.2101.04
19. Баев П.А. Жизненный кризис или новые возможности: влияние социально-экономических трансформаций на молодежь // Социология. 2024. № 11. С. 27–31.
20. Баев П.А. Чем гордится и чего стыдится российская молодежь // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 129–132.

21. Баев П.А. Экономические притязания молодежи в условиях отсутствия социального благополучия // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы IX международной научно-практической интернет-конференции. Вологда, РАН НЦ, 2024. С. 188–191.
22. Баев П.А. Экономическое благополучие мировоззренческих установок молодежи // Социология. 2024. № 2. С. 57–64.
23. Беленкова Л. Ю., Михалёв И.В., Петровская М.В. Ментальное здоровье студентов инклюзивного вуза как показатель их психологического благополучия // Общественное здоровье, 2022. № 2(4), 33–44. doi: 10.21045/2782-1676-2022-2-4-33-44
24. Дубровина И.В. Психическое и психологическое здоровье в контексте психологической культуры личности. // Вестник практической психологии образования, 2009. № 6(3), 17–21.
25. Зяткова Е. О., Стоянова И.Я., Языков К.Г. Стрессоустойчивость и жизнестойкость как психологический ресурс при гелотофобии в контексте психологического здоровья студентов // Сибирский психологический журнал, 2021. № 80, 146–164. doi: 10.17223/17267080/80/8
26. Полюшкевич О.А. Миры здоровья в современном обществе: представления о здоровье и лечении // Инновационные технологии в фармации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 90-летию со дня со дня рождения профессора Л.А. Усова. Иркутский государственный медицинский университет; Под общей редакцией Е.Г. Приваловой. Иркутск, 2020. С. 363–367.
27. Полюшкевич О.А. Особенности сознания: субъективное восприятие здоровья // Философия здоровья: интегральный подход. Межвуз. сборник научных трудов. Иркутск, 2021. С. 60–64.
28. Полюшкевич О.А. Просоциальные практики как форма сохранения душевного здоровья // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. Иркутск, 2025. С. 75–80.
29. Полюшкевич О.А. Роль социальной эмпатии в формировании субъективного здоровья в кризисные моменты общественного развития // Социальная динамика населения и человеческий потенциал. Материалы V Международной научно-практической конференции. Москва, 2023. С. 192–194.
30. Полюшкевич О.А. Современные перспективы социологии душевного здоровья // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. ФГБОУ ВО ИГМУ Минздрава России. Иркутск, 2020. С. 85–92.
31. Полюшкевич О.А. Социальное измерение счастья // Социология. 2022. № 2. С. 154–161.
32. Полюшкевич О.А. Оптимисты и пессимисты в современном мире // Социология. 2020. № 1. С. 328–340.
33. Полюшкевич О.А. Социокультурные условия формирования счастья в общественном сознании // Социальное пространство. 2024. Т. 10. № 4.
34. Пружинин А.Н. Трансформация представлений о счастье // Материалы VII международной социологической Грушинской конференции «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях». Москва, 2017. С. 501–506.
35. Скуденков В.А. Особенности социальных рамок психического здоровья // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. ФГБОУ ВО ИГМУ Минздрава России. Иркутск, 2020. С. 39–43.
36. Скуденков В.А. Социальные условия взаимодействия здоровья и эмоций в социально-психологической практике // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. Иркутск, 2018. С. 74–80.
37. Скуденков В.А. Социологический подход к эмоциям и здоровью человека в период экономических санкций // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. Иркутск, 2017. С. 17–22.
38. Скуденков В.А. Социопсихология здоровья в условиях пандемии // Философия здоровья: интегральный подход. Межвуз. сборник научных трудов. Иркутск, 2021. С. 64–69.
39. Скуднова Т.Д. Психологическое здоровье человека: междисциплинарный подход. // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки, 2018. № 3, 217–222. doi: 10.22394/2079-1690-2018-1-3-217-222

PSYCHOLOGICAL HEALTH OF COLLEGE STUDENTS IN THE VACUUM OF INFORMATION FLOWS

Maslodudova N.V.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

This article analyzes the conditions, processes, and characteristics of the development and maintenance of psychological health in college students. The influence of information flow on the psychological well-being and health of young people is highlighted. The characteristics of psychological, social, and emotional well-being as prerequisites for the development of psychological health are identified. A study of 1,500 college students identified four types of psychological health that predominate among young people in modern society, describing their characteristics and prospects for future change.

Keywords: psychological health, psychological well-being, social well-being, emotional well-being, youth, students, information flows.

References

1. Ananyev B.G. On the Problems of Modern Study of Humanity. St. Petersburg: Piter. 2001.
2. Ardashev R.G. The Impact of Quality of Life on Suicidal Behavior of Young People // II International Scientific Conference

- "Quality of Life of the Population of Industrial Territories in the Era of Uncertainty". Naberezhnye Chelny, 2024. Pp. 650–653.
3. Ardashev R.G. The Impact of Media Space on Suicidal Behavior of Young People // *Sociology*. 2023. No. 1. Pp. 45–51.
 4. Ardashev R.G. Irrational Foundations of Suicide // *Humanitarian Vector*. 2022. Vol. 17. No. 2. Pp. 58–68.
 5. Ardashev R.G. Irrational Foundations of Suicidal Behavior of Young People // *Sociology*. 2022. No. 3. Pp. 39–46.
 6. Ardashev R.G. Criminal suicide in schools: social dimension // *Sociology*. 2022. No. 5. Pp. 23–30.
 7. Ardashev R.G. Media construction of suicidal behavior of students // *Alma Mater (Higher School Bulletin)*. 2023. No. 10. Pp. 92–95.
 8. Ardashev R.G. Mental health of young people: depression and suicide in the public consciousness // *Sociology*. 2024. No. 10. Pp. 21–25.
 9. Ardashev R.G. Suicidal behavior among young people: irrationality of perception // *Alma Mater (Higher School Bulletin)*. 2022. No. 7. Pp. 41–45.
 10. Ardashev R.G. Suicidal behavior of student youth: modern addiction // *Alma Mater (Higher School Bulletin)*. 2024. No. 12. Pp. 40–42.
 11. Ardashev R.G. Suicidal risks of young people in virtual space // *Man in the Information Society*. Collection of materials from the second international scientific and practical conference dedicated to the decade of science and technology in the Russian Federation. Samara, 2023. Pp. 188–191.
 12. Ardashev R.G. Threats of suicidal behavior of young people in the digital age // *Methodology of threat prevention in the 21st century*. Collection of scientific papers. Irkutsk, 2022. Pp. 383–387.
 13. Ardashev R.G. The Philosophy of Suicide in Virtual Space // *Humanitarian Vector*. 2023. Vol. 18. No. 2. Pp. 77–85.
 14. Ardashev R.G. The Philosophy of Suicide in Practical Terms // *The Problem of the Relationship between the Natural and the Social in Society and Man*. 2023. No. 14. Pp. 119–125.
 15. Ardashev R.G. Expert Analysis of Suicidal Tendencies among Young People // *Expert Institutes in the 21st Century: Civilizational and Digital Concepts of a Changing World*. Collection of Scientific Papers of the Second International Scientific and Practical Conference. Scientific Editor T.I. Grabelnykh. Irkutsk, 2023. Pp. 508–511.
 16. Ardashev R.G., Lozhkina N.V. Sociocultural conditions of suicidal behavior in young people // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects*. Proceedings of the XI International scientific and practical conference. Irkutsk, 2025. Pp. 285–290.
 17. Artyukhova T. Yu., Petrova T.I. The context of considering psychological health as a basis for understanding its content // *Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev*, 2017. No. 4 (42), 109–116. doi: 10.25146/1995-0861-2017-42-4-26
 18. Atamanova I. V., Bogomaz S.A. Value and Activity Orientations of University Young People: Choosing Between Security and Innovation // *Science for Education Today*, 2021. No. 11(1), 59–74. doi: 10.15293/2658-6762.2101.04
 19. Baev P.A. Life Crisis or New Opportunities: The Impact of Socioeconomic Transformations on Young People // *Sociology*. 2024. No. 11. pp. 27–31.
 20. Baev P.A. What Russian Youth Is Proud of and Ashamed of // *Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, Prospects*. Proceedings of the 10th International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. pp. 129–132.
 21. Baev, P.A. "Economic Aspirations of Young People in the Lack of Social Well-Being" // "Global Challenges and Regional Development in the Mirror of Sociological Measurements." Proceedings of the 9th International Scientific and Practical Internet Conference. Vologda, RAS Scientific Center, 2024. pp. 188–191.
 22. Baev, P.A. "Economic Well-Being of Young People's Ideological Attitudes" // *Sociology*. 2024. No. 2. pp. 57–64.
 23. Belenkova L. Yu., Mikhalev I.V., Petrovskaya M.V. Mental health of students of an inclusive university as an indicator of their psychological well-being // *Public Health*, 2022. No. 2 (4), 33–44. doi: 10.21045/2782-1676-2022-2-4-33-44
 24. Dubrovina I.V. Mental and psychological health in the context of the psychological culture of the individual. // *Bulletin of Practical Psychology of Education*, 2009. No. 6 (3), 17–21.
 25. Zyatkov E. O., Stoyanova I. Ya., Yazykov K.G. Stress resistance and hardness as a psychological resource for gelotophobia in the context of students' psychological health // *Siberian Psychological Journal*, 2021. No. 80, 146–164. doi: 10.17223/17267080/80/8
 26. Polyushkevich O.A. Worlds of health in modern society: ideas about health and treatment // *Innovative technologies in pharmacy*. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation dedicated to the 90th anniversary of the birth of Professor L.A. Usov. Irkutsk State Medical University; General editorship of E.G. Privalova. Irkutsk, 2020. pp. 363–367.
 27. Polyushkevich O.A. Features of consciousness: subjective perception of health // *Philosophy of health: an integral approach*. Interuniversity collection of scientific papers. Irkutsk, 2021. pp. 60–64.
 28. Polyushkevich O.A. Prosocial practices as a form of maintaining mental health // *Philosophy of health: an integral approach*. Interuniversity collection of scientific papers. Irkutsk, 2025. pp. 75–80.
 29. Polyushkevich O.A. The role of social empathy in the formation of subjective health in crisis moments of social development // *Social dynamics of the population and human potential*. Proceedings of the V International scientific and practical conference. Moscow, 2023. pp. 192–194.
 30. Polyushkevich O.A. Modern prospects for the sociology of mental health // *Philosophy of health: an integral approach*. Interuniversity collection of scientific papers. Irkutsk State Medical University, Ministry of Health of the Russian Federation. Irkutsk, 2020. Pp. 85–92.
 31. Polyushkevich O.A. Social Dimension of Happiness // *Sociology*. 2022. No. 2. Pp. 154–161.
 32. Polyushkevich O.A. Optimists and Pessimists in the Modern World // *Sociology*. 2020. No. 1. Pp. 328–340.
 33. Polyushkevich O.A. Sociocultural Conditions for the Formation of Happiness in Public Consciousness // *Social Space*. 2024. Vol. 10. No. 4.
 34. Pruzhinin A.N. Transformation of Ideas about Happiness // *Proceedings of the VII International Sociological Grushin Conference "Towards the Future. Forecasting in Sociological Research"*. Moscow, 2017. Pp. 501–506.
 35. Skudnikov V.A. Features of the social framework of mental health // *Philosophy of health: an integrated approach*. Interuniversity collection of scientific papers. Irkutsk State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation. Irkutsk, 2020. pp. 39–43.
 36. Skudnikov V.A. Social conditions of the interaction of health and emotions in socio-psychological practice // *Philosophy of health: an integrated approach*. Interuniversity collection of scientific papers. Irkutsk, 2018. pp. 74–80.
 37. Skudnikov V.A. Sociological approach to emotions and human health during the period of economic sanctions // *Philosophy of health: an integrated approach*. Interuniversity collection of scientific papers. Irkutsk, 2017. pp. 17–22.
 38. Skudnikov V.A. Sociopsychology of Health in a Pandemic // *Philosophy of Health: An Integral Approach*. Interuniversity Collection of Scientific Papers. Irkutsk, 2021. pp. 64–69.
 39. Skudnova, T.D. Human Psychological Health: An Interdisciplinary Approach // *Public and Municipal Administration*. Scientific Notes, 2018. No. 3, pp. 217–222. doi: 10.22394/2079-1690-2018-1-3-217-222

Здоровый образ жизни в фокусе общественного мнения россиян

Смирнова Ирина Анатольевна,

старший преподаватель кафедры физической культуры
и спорта, Тюменского индустриального университета
E-mail: smirnovaia@tyuiu.ru

В статье раскрывается специфика отношения россиян к вопросам здоровья и соблюдения здорового образа жизни. Рассмотрены предпосылки и общие социальные контексты, формирующие современное представление о здоровье и ценности ЗОЖ. Изучены данные о различиях социально-демографических групп в оценке своего здоровья и ориентациях на ЗОЖ. Проанализированы данные мониторингового социологического исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения, проведенного в 2024 году, посвященного вопросам здоровья и ЗОЖ. Результаты подчеркивают необходимость дифференцированного подхода к пропаганде и поддержке ЗОЖ, учитывая специфику каждой социальной группы. Общие рекомендации направлены на усиление превентивной работы и повышение доступности ресурсов для улучшения здоровья населения, а также формирование новой культуры здоровья основанной на модели совместной ответственности государства и граждан.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, социальное благополучие, физическая активность, общественное мнение.

Актуальность

Современное общество находится в процессе глубоких изменений, обусловленных развитием информационно-коммуникационных технологий и повышением интенсивности трудовой деятельности. Сегодня вопросы здоровья и благополучия обретают принципиально новое значение, становясь ключевыми аспектами, определяющими качество жизни и социальную успешность. Жизнь в условиях постоянных информационных потоков, увеличения объема рабочих заданий и нарастающего эмоционального давления ставит перед человеком серьезные испытания, усиливающие нагрузку на нервную систему и общее самочувствие.

Забота о физическом и психоэмоциональном здоровье перестаёт восприниматься как второстепенная задача, приобретая статус критически важной потребности для успешного существования в обществе. Высокий уровень ежедневного стресса, постоянное присутствие гаджетов и длительные периоды нахождения в гиперактивном состоянии требуют выработки специальных механизмов защиты организма. Физическая активность, качественное питание, полноценный сон и эффективные техники управления стрессовыми ситуациями становятся обязательными элементами жизненного уклада, направленными на сохранение внутреннего баланса, высокого уровня функциональности и обеспечение высокого качества жизни [5].

Также в современных условиях очень важно сохранение когнитивных способностей и профилактика распространенных социальных патологий, таких как эмоциональное выгорание, депрессивные расстройства и прокрастинация. Особенно актуальной эта проблема становится в условиях высоких требований к производительности труда, с которыми сопряжены значительные перегрузки. Формирование устойчивых поведенческих моделей здорового образа жизни обеспечивает преимущества не только на личном уровне, улучшая показатели долголетия и эффективность в профессиональной деятельности, но и укрепляет общественный капитал, повышая производительность труда, снижая расходы на здравоохранение и обеспечивает социальную стабильность.

Социальные практики, направленные на профилактику заболеваний и укрепление здоровья, постепенно выходят на первый план общественной повестки, превращаясь из локальных инициатив в институциональное требование эпохи перемен. Таким образом, поддержка здоровья приобретает

ет статус обязательного компонента культурной и цивилизационной идентичности, обеспечивающей реализацию индивидуальных потребностей и перспектив развития в условиях стремительно развивающегося глобализованного мира. В наши дни реализуется тезис о том, что «именно здоровье людей должно служить главной «визитной карточкой» социально-экономической зрелости, культуры и преуспевания государства» [3].

В современных условиях здоровье населения выступает не только как медицинская, но и как важнейшая социально-экономическая категория, определяющая потенциал развития государства. Это делает социологический анализ данных о здоровье россиян и аспектах здорового образа жизни (ЗОЖ) особенно значимым для формирования эффективной государственной политики и общественных стратегий [6–8]. Комплексный подход к изучению здоровья населения позволяет выявить тенденции изменения состояния здоровья различных социально-демографических групп, определить факторы, влияющие на формирование ЗОЖ, оценить эффективность реализуемых программ по укреплению здоровья и выявить барьеры на пути внедрения принципов здорового образа жизни [9]. Анализ социологических данных помогает выявить групповые особенности отношения к здоровью, определить приоритетные направления профилактической работы с учётом потребностей разных групп населения.

Практическая значимость систематического социологического изучения отношения населения к ЗОЖ заключается в обеспечении ученых важной эмпирической основой для разработки теоретических концепций и методов диагностики и коррекции отклонений в образе жизни. Понимание предпочтений и поведения россиян помогает создать целевые информационные кампании и образовательные инициативы, направленные на изменение установок и убеждений в пользу ЗОЖ. Это, в свою очередь, способствует снижению заболеваемости и смертности, улучшению качества жизни и увеличению средней продолжительности жизни населения. Снижению нагрузки на систему здравоохранения страны.

Методы

Исследование основано на вторичном анализе ранее полученных данных, подразумевающим использование массивов информации, собранных сторонними исследовательскими учреждениями. Несмотря на открытость и публичность таких данных, их потенциал далеко не исчерпывается опубликованными сведениями. Дополнительная обработка и осмысления с позиции различных исследовательских целей и задач позволяет извлечь из данных множество ценной информации для социологической интерпретации. Сопоставление

вторичных данных с существующими теориями и гипотезами, а также с другими источниками эмпирической информации является инструментом для социологических исследований и базирующихся на них практических рекомендаций. Отметим, что анализ общественного мнения относительно ЗОЖ по результатам общероссийских репрезентативных опросов уже неоднократно осуществлялся в научной литературе [1].

Эмпирическая база настоящей работы основана на итогах мониторингового исследования «Здоровый образ жизни», реализуемого Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Последний этап исследования был реализован в мае 2024 года в рамках общероссийского опроса «ВЦИОМ–Спутник». Сбор данных осуществлялся посредством телефонных интервью с применением метода стратифицированной случайной выборки, сформированной на основе полного перечня активных мобильных номеров, зарегистрированных на территории Российской Федерации. Выборочная совокупность составила 1600 респондентов, достигших совершеннолетия. С целью обеспечения репрезентативности исследования в процессе обработки результатов была проведена необходимая корректировка данных путём взвешивания, с учётом ключевых социально-демографических показателей. Статистическая надёжность полученных результатов подтверждается погрешностью не более 2,5% при доверительном интервале 95%. Аналитическая работа осуществлялась на основе первичной базы данных, размещенной на официальном портале ВЦИОМ вместе с аналитическим отчетом [2].

Результаты

Оценка собственного здоровья россиянами остаётся относительно стабильной на протяжении всего периода наблюдения начиная с 2012 года. Так, в настоящее время треть респондентов (33%) считают своё здоровье хорошим, почти половина (49%) характеризуют его как удовлетворительное, а шестая часть опрошенных (16%) признаёт его слабым.

В ответах респондентов наблюдается закономерная зависимость показателя от возраста: чем старше возрастная группа, тем хуже оценка состояния здоровья. Среди молодых людей в возрасте 18–24 лет половина (50%) уверенно называет своё здоровье хорошим, однако среди старшего поколения (старше 78 лет) такую оценку даёт лишь 12%, а 28% описывает своё здоровье как слабое. Также, согласно данным, возрастная граница, которую можно охарактеризовать как переломный момент в самовосприятии состояния здоровья населения находится в диапазоне 33–42 года. Именно в этот период позитивные характеристики постепенно уступают место более сдержанным, удовлетворительным оценкам.

Другая закономерность, которая была выявлена в ходе анализа данных заключается во взаимосвязи между уровнем доходов и восприятием собственного здоровья населением. Материально благополучные россияне в 3,5 раза чаще довольны своим здоровьем, чем граждане с низкими доходами (55% против 16%), и наоборот – малообеспеченные почти в пять раз чаще чем обеспеченные считают своё здоровье слабым (38% против 8% соответственно). Причины такого положения дел очевидны, хорошее финансовое положение значительно облегчает доступ к качественным медицинским услугам и продуктам питания, позволяет заниматься спортом, полноценно отдыхать. Кроме того, финансовая стабильность сама по себе уменьшает уровень стресса, поскольку материальная обеспеченность создаёт психологическую уверенность, благотворно сказывается на общем состоянии здоровья. Следовательно, широко распространённый тезис о том, что здоровье невозможно приобрести за деньги, не вполне точно отражает реальную ситуацию. Естественно, что одномоментно приобрести крепкое здоровье невозможно, однако инвестиции в качество жизни позволяют в долгосрочной перспективе сохранить и укреплять его. Таким образом, экономическая дифференциация общества представляет собой один из важнейших факторов, детерминирующих неравенство в сфере здоровья.

Ответы респондентов в гендерном разрезе демонстрируют заметные различия в восприятии собственного здоровья между мужчинами и женщинами. Согласно исследованиям, представители сильного пола в полтора раза чаще оценивают состояние своего здоровья как хорошее (40% против 27% среди женщин), что может свидетельствовать о более высокой самооценке или меньшей склонности обращать внимание на незначительные недомогания. При этом показательно, что мужчины также значительно чаще признаются в несоблюдении принципов здорового образа жизни (15% против 7% среди женщин), что создаёт определённое противоречие между их самооценкой здоровья и реальным отношением к собственному благополучию. Эти данные указывают на необходимость более внимательного подхода к формированию здоровых привычек среди мужской части населения и повышения их осознанности в вопросах заботы о здоровье.

В рамках исследования отдельное внимание было уделено восприятию респондентами понятия здорового образа жизни. Для получения развёрнутой картины участникам опроса был предложен соответствующий вопрос открытого характера. В нём предлагалось дать до пяти развёрнутых ответов, относительно того что они включают в это понятие. Такой формат вопроса позволил выявить, какие аспекты ЗОЖ являются наиболее значимыми для населения и как они соотносятся

с повседневными практиками и жизненным опытом респондентов.

Распределение систематизированных ответов в укрупнённые блоки позволило выявить, что в первую очередь ЗОЖ для россиян – это физическая активность. Практически каждый из респондентов (94%) в той или иной форме упомянул данный аспект. Среди конкретных составляющих упоминались занятия спортом и физкультурой (46%), активный образ жизни (20%), пешие прогулки (15%), активный отдых (5%), физический труд или деятельность на даче или в огороде (по 4%). Второй по популярности аспект ЗОЖ среди респондентов связан с правильным питанием, его отметила почти половина участников опроса (49%). В него респонденты включали здоровую пищу, умеренность в её употреблении, питье чистой воды. Третья важная составляющая – отсутствие вредных привычек (47%), включающая отказ или избегание алкоголя, курения, наркотиков. Менее значимыми, но также важными компонентами ЗОЖ респонденты считают: психологическое благополучие (20%), соблюдение режима дня и здорового сна (13%), регулярные медицинские обследования (10%).

Полученные данные свидетельствуют о том, что большинство россиян воспринимают здоровый образ жизни главным образом как личное дело, основанное на самоконтроле и дисциплине в плане физической активности, правильного питания и отказа от вредных привычек. На наш взгляд, такое восприятие отражает исторически и культурно сформированные традиционные представления о здоровье. Россияне чаще готовы полагаться на собственные усилия и личную ответственность, а институциональные пространства редко ассоциируются с достижением или поддержанием здоровья. Не случайно регулярные медицинские обследования как фактор ЗОЖ упомянул лишь каждый десятый респондент.

На вопрос о соблюдении принципов ЗОЖ, подавляющее большинство россиян ответило утвердительно. При этом больше половины (53%) указали, что придерживаются почти всегда, а более трети (35%) – придерживаются иногда. Лишь незначительная часть опрошенных (11%) не соблюдают эти принципы, а ещё 1% участников исследования не смогли дать однозначный ответ на поставленный вопрос. Таким образом, почти девять из десяти россиян (88%) так или иначе ассоциируют себя с ЗОЖ. Столь высокий уровень декларативной приверженности ЗОЖ свидетельствует о том, что забота о собственном здоровье современными россиянами воспринимается не только как личная ответственность, но и становится общепринятой ценностью. Интерес к здоровому образу жизни сохраняется на высоком уровне среди разных возрастных групп, однако наибольшее число тех, кто последовательно придерживается его принципов,

приходится на старшие поколения. Представляется, что это является одним из важнейших факторов стабильного увеличения продолжительности жизни современных россиян

Обсуждение и выводы

Небольшое количество аспектов, связанных с мнениями россиян относительно здоровья и здорового образа жизни, тем не менее, позволяют сделать ряд существенных выводов.

Первый вывод связан с тем, что возраст выступает ключевым фактором, определяющим восприятие гражданами собственного здоровья. Тот факт, что молодёжь демонстрирует оптимистичное видение своего здоровья, а пожилые люди склонны давать более осторожные и негативные оценки не является чем-то новым [4]. Особое значение имеет установленный критический возрастной рубеж 33–42 года, после которого происходит существенная трансформация восприятия здоровья, что делает данную возрастную когорту приоритетным объектом для социологического анализа и практической работы с ней. Эта группа обладает высокой социально-демографической значимостью, проявляющейся в экономической активности, репродуктивном потенциале, социальной стабильности и профессиональной реализации, соответственно от её физического благополучия зависит стабильное развитие общества в целом. В связи с этим формирование эффективной государственной политики в сфере продвижения здорового образа жизни должно быть направлено прежде всего на эту возрастную категорию через разработку специализированных программ профилактики, создание условий для поддержания здоровья, внедрение превентивных мер и формирование культуры здоровьесбережения.

Второй аспект, заслуживающий пристального внимания, — это проблема углубляющегося социального неравенства, возникающего вследствие экономического разделения общества. Как представляется нам, её основная опасность сопряжена с поколенческой передачей неблагоприятных для здоровья установок. Повторяя модели поведения и образ жизни своих родителей, дети оказываются неспособны преодолеть замкнутый круг низкой материальной обеспеченности и плохого здоровья. Работа с подрастающим поколением из малообеспеченных семей, многие из которых ещё и неблагополучны, способна сыграть значительную роль в преодолении существующих социальных стереотипов и разрывов. Программы ранней профилактики, направленные на воспитание должны включать в себя обучение правильному питанию, привитие навыков ведения здорового образа жизни, поощрение регулярных физических упражнений и привлечение к образовательным программам, помогающим сформировать новые модели

поведения. Такой подход способен прервать цикл наследования низкого уровня здоровья и социальной пассивности, позволяя детям избежать судьбы своих родителей.

Третий вывод, к которому мы пришли на основе анализа данных, заключается в необходимости смещения акцентов в представлениях населения о роли и функциях ЗОЖ. Формирование новой культуры здоровья требует системного подхода, направленного на преодоление индивидуалистического восприятия заботы о здоровье и создание модели совместной ответственности государства и граждан. Ключевым направлением трансформации является создание целостной системы общественного здоровья, где личная ответственность дополняется государственной поддержкой и социальной ответственностью. Необходимо перейти от фрагментарного понимания здоровья как исключительно индивидуального выбора к восприятию его как общественной ценности, требующей коллективных усилий. Важным шагом становится развитие инфраструктуры здоровья на всех уровнях общества. Это предполагает не только создание условий для физической активности и правильного питания, но и формирование среды, где забота о здоровье становится нормой социального поведения. Необходимо развивать систему профилактической медицины, делать её доступной и привлекательной для населения.

Особую роль играет работа с общественным сознанием. Требуется переосмысление отношения к здоровью как к личной проблеме и формирование понимания его социальной значимости. Важно создать позитивный имидж здорового образа жизни, где забота о себе не воспринимается как эгоизм, а становится проявлением ответственности перед обществом. Образовательная составляющая трансформации должна охватывать все уровни — от дошкольного воспитания до корпоративного обучения. Необходимо внедрять программы формирования культуры здоровья, развивать навыки самоконтроля и профилактики заболеваний, обучать принципам ответственного отношения к своему здоровью и здоровью окружающих. Практическое воплощение новой культуры здоровья требует создания конкретных механизмов поддержки. Это может быть развитие системы корпоративного здоровья, организация массовых спортивных мероприятий, поддержка инициатив по созданию здоровой среды в городах и регионах. Важно обеспечить доступность информации о здоровье и сделать рекомендации практичными и применимыми в повседневной жизни.

Успешная трансформация возможна при условии вовлечения всех социальных групп и учёта культурных особенностей общества. Необходимо создать систему стимулов, которая будет поддерживать как индивидуальные усилия граждан, так и коллективные инициативы. Только такой ком-

плексный подход позволит сформировать культуру здоровья, основанную на принципах совместной ответственности государства и общества. В результате должна сложиться новая модель, где личная забота о здоровье дополняется социальной поддержкой, а индивидуальные усилия гармонизируют с коллективными инициативами, создавая прочную основу для здорового общества.

Литература

1. Гальцев С.С. Проблемы здорового образа жизни в российском общественном мнении // Астраханский медицинский журнал. 2011. № 4. с. 90–94.
2. Здоровый образ жизни: мониторинг. Аналитический обзор ВЦИОМ от 22 мая 2024 // [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-monitoring> (дата обращения 23.10.2025).
3. Пузанова Ж. В., Тertyshnikova A.Г. Особенности образа жизни и отношения к здоровью российских студентов (на примере МГУ и РУДН) // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 88–94
4. Rogozin D.M. Здоровый образ жизни в старости // Социология власти. 2024. № 2. с. 55–77. DOI:10.22394/2074-0492-2024-2-55-77
5. Strizhov S.A. Здоровый образ жизни – путь к повышению качества жизни // Социология власти. 2010. № 3. с. 36–42.
6. Ardashev R.G., Adilov A.N. Социальная безопасность общественного развития // Социология. 2025. № 7. С. 6–11.
7. Ardashev R.G., Adilov A.N. Социальная безопасность в условиях нелинейного развития // Социология. 2025. № 8. С. 6–11.
8. Ardashev R.G., Adilov A.N. Социальная безопасность и социальные угрозы в представлениях молодежи // Социология. 2025. № 1. С. 26–30.
9. Polyushkevich O.A. Экогород: просоциальное поведение «зеленых» активистов // Роль, традиции и потенциал социальных и психологических дисциплин в формировании экогородов и экотерриторий в российских регионах. Материалы научно-практической конференции с международным участием: тематический сборник статей. Иркутск, 2025. С. 146–154.

териалы научно-практической конференции с международным участием: тематический сборник статей. Иркутск, 2025. С. 146–154.

A HEALTHY LIFESTYLE IS AT THE FOREFRONT OF RUSSIAN PUBLIC OPINION

Smirnova I.A.

Industrial University of Tyumen

This article explores the specific attitudes of Russians toward health and healthy lifestyles. It examines the prerequisites and general social contexts that shape modern understanding of health and the value of a healthy lifestyle. It examines data on differences between sociodemographic groups in their assessments of their health and their orientation toward a healthy lifestyle. It also analyzes data from a 2024 monitoring sociological study by the All-Russian Public Opinion Research Center on health and healthy lifestyles. The results highlight the need for a differentiated approach to promoting and supporting a healthy lifestyle, taking into account the specific characteristics of each social group. General recommendations are aimed at strengthening preventive efforts and increasing the availability of resources to improve public health, as well as fostering a new culture of health based on a model of shared responsibility between the state and citizens.

Keywords: healthy lifestyle, social well-being, physical activity, public opinion.

References

1. Gal'tsev S.S. Problems of a Healthy Lifestyle in Russian Public Opinion // Astrakhan Medical Journal. 2011. No. 4. pp. 90–94.
2. Healthy Lifestyle: Monitoring. Analytical Review of VTsIOM from May 22, 2024 // [Electronic resource]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-monitoring> (date of access 10.23.2025).
3. Puzyanova Zh. V., Tertyshnikova A.G. Peculiarities of the Lifestyle and Attitudes Towards Health of Russian Students (on the Example of Moscow State University and RUDN University) // Sociological Studies. 2017. No. 8. pp. 88–94
4. Rogozin D.M. Healthy Lifestyle in Old Age // Sociology of Power. 2024. No. 2. pp. 55–77. DOI:10.22394/2074-0492-2024-2-55-77
5. Strizhov S.A. Healthy Lifestyle – the Way to Improving the Quality of Life // Sociology of Power. 2010. No. 3. pp. 36–42.
6. Ardashev R.G., Adilov A.N. Social Security of Public Development // Sociology. 2025. No. 7. pp. 6–11.
7. Ardashev R.G., Adilov A.N. Social Security in the Context of Nonlinear Development // Sociology. 2025. No. 8. pp. 6–11.
8. Ardashev R.G., Adilov A.N. Social Security and Social Threats in the Perceptions of Young People // Sociology. 2025. No. 1. Pp. 26–30.
9. Polyushkevich O.A. Ecocity: Prosocial Behavior of “Green” Activists // The Role, Traditions, and Potential of Social and Psychological Disciplines in the Formation of Ecocities and Eco-territories in Russian Regions. Proceedings of a Scientific and Practical Conference with International Participation: A Thematic Collection of Articles. Irkutsk, 2025. Pp. 146–154.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Политическая элита современного Казахстана: социологический портрет

Абуева Нурбану Адильбековна,

доктор политических наук, профессор, визит-профессор
Института европейских языков Чжэцзянского Университета
иностраных языков Юэсю, Шаосин (КНР); профессор-
исследователь Высшей школы «Медиа и межкультурной
коммуникации» Гуманитарно-юридического факультета
Университета Туран, Алматы
E-mail: abu2007@bk.ru

В статье представлен комплексный социологический анализ политической элиты современного Казахстана, направленный на создание ее подробного портрета. Исследование охватывает ключевые аспекты формирования и функционирования элиты, включая анализ образовательного уровня, профессионального опыта, социально-демографических характеристик, каналов рекрутирования, ценностных ориентаций и политических взглядов ее представителей. Особое внимание уделено выявлению особенностей формирования элитных кадров в условиях политической и социально-экономической трансформации, а также определению основных тенденций и противоречий в процессе рекрутирования и консолидации элиты. На основе эмпирических данных социологических опросов экспертов и анализа официальной статистики выявлены доминирующие черты политической элиты, такие как высокая образованность, преобладание консервативных ценностей и значительная гендерная и региональная диспропорция.

Ключевые слова: политическая элита, Казахстан, социологический портрет, рекрутирование элиты, ценностные ориентации, политические взгляды, кадровая политика, элитные кадры, социальная структура, профессиональный опыт.

Введение

В условиях динамично развивающегося Казахстана, вступившего в новую фазу политической модернизации, исследование политической элиты, как ключевого актора принятия решений и проводника стратегий развития, приобретает особую актуальность. Понимание структуры, характеристик и ценностных ориентиров современной казахстанской элиты необходимо для эффективного прогнозирования политических процессов, разработки обоснованных управленческих решений и обеспечения устойчивого развития страны. В условиях глобальной нестабильности и трансформации политических ландшафтов, критически важным становится анализ качественного состава политической элиты, ее адаптивности к новым вызовам и готовности к реализации масштабных реформ. Таким образом, данная статья посвящена исследованию социологического портрета политической элиты современного Казахстана, анализу ее ключевых характеристик и выявлению тенденций ее формирования.

Целью данного исследования является создание комплексного социологического портрета политической элиты современного Казахстана, включающего в себя анализ образовательного уровня, профессионального опыта, социально-демографических характеристик, каналов рекрутирования и ценностных ориентаций, а также выявление взаимосвязей между этими параметрами.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе социологического портрета политической элиты современного Казахстана с использованием эмпирических данных и теоретических подходов, позволяющих выявить закономерности и тенденции, характерные для данного этапа развития казахстанского общества.

Материалы и методы исследований

Материалами исследования послужили научные публикации, посвященные данной тематике. Для сбора эмпирических данных использовались методы контент-анализа документов, экспертных интервью и анкетного опроса. При обработке полученных данных применялись методы статистического анализа, сравнительного анализа и качественной интерпретации. Теоретической основой исследования послужили концепции исследований, теории модернизации и транзита, а также работы современных казахстанских и зарубежных исследователей, по-

священные вопросам формирования и функционирования политической элиты в постсоветских странах. Комплексное сочетание качественных и количественных методов позволило получить объективную и всестороннюю оценку социологического портрета политической элиты современного Казахстана.

Результаты и обсуждения

Образование и профессиональный опыт: особенности формирования элитных кадров

Формирование политической элиты в современном Казахстане – сложный и многогранный процесс, определяемый как историческими особенностями развития страны, так и глобальными тенденциями в сфере образования и управления. Ключевую роль в этом процессе играет уровень образования и профессиональный опыт, которые становятся своеобразным фильтром, отбирающим наиболее подготовленных и перспективных кандидатов для участия в принятии политических решений. Рассмотрение образовательного капитала и профессиональной траектории представителей казахстанской элиты позволяет выявить не только их квалификационный уровень, но и определить доминирующие тенденции в подготовке управленческих кадров, а также существующие диспропорции, требующие корректировки.

Образовательный ландшафт казахстанской политической элиты характеризуется в целом высоким уровнем образованности. Все представители элиты имеют высшее образование, причем значительная часть из них обладает двумя и более дипломами, а также дополнительным образованием, полученным как в Казахстане, так и за рубежом. В последние десятилетия, в связи с интеграцией Казахстана в мировое образовательное пространство, наблюдается устойчивая тенденция к увеличению числа представителей элиты, получивших образование в престижных зарубежных университетах. Это свидетельствует о стремлении к повышению профессионального уровня и освоению передовых управленческих практик. При этом анализ образовательного профиля выявляет определенные диспропорции. Преобладание дипломов по экономике, юриспруденции и государственному управлению указывает на традиционную ориентацию на специальности, связанные с управлением и финансами. В то же время, наблюдается недостаток специалистов в области инновационных технологий, социогуманитарных наук и экологии, что может негативно сказываться на способности элиты эффективно решать комплексные проблемы, требующие междисциплинарного подхода. Кроме того, важно отметить, что формальное наличие диплома не всегда гарантирует высокий уровень профессионализма и компетентности. Необходимо учитывать качество образования, репутацию учебного заведения и соответствие полу-

ченных знаний требованиям современной экономики и управления.

Профессиональный опыт представителей казахстанской политической элиты является важным фактором, определяющим их управленческий потенциал и способность адаптироваться к меняющимся условиям. Традиционно, для казахстанской элиты характерен карьерный путь, связанный с государственной службой, начиная с низовых должностей и постепенно продвигаясь по карьерной лестнице. Этот путь позволяет накопить опыт работы в различных сферах государственного управления, ознакомиться с механизмом принятия решений и установить связи в политической среде. Но в последние годы наблюдается тенденция к расширению каналов рекрутирования элиты, в частности, за счет привлечения специалистов из бизнеса, неправительственных организаций и экспертного сообщества. Этот процесс способствует притоку новых идей и подходов к управлению, а также повышению конкурентоспособности элиты.

Анализ профессионального опыта представителей элиты позволяет выявить определенные закономерности. Так, значительная часть элиты имеет опыт работы в сфере финансов и экономики, что отражает приоритеты экономического развития, которые ставились во главу угла в последние десятилетия. В то же время, наблюдается недостаток специалистов с опытом работы в сфере социальных реформ, культуры и образования, что может негативно сказываться на эффективности реализации социальных программ и формировании гармоничного общества. Важным аспектом является также анализ опыта работы в регионах. Как правило, представители элиты, имеющие опыт работы в регионах, лучше осведомлены о проблемах и потребностях населения, что позволяет им принимать более взвешенные и обоснованные решения. Однако, в структуре элиты преобладают выходцы из крупных городов, что может приводить к игнорированию интересов сельских территорий и отдаленных регионов.

Таким образом, формирование элитных кадров в Казахстане характеризуется сложным взаимодействием образовательного и профессионального опыта. Высокий уровень образования и разнообразный профессиональный опыт являются важными предпосылками для эффективного управления страной. При этом существующие диспропорции в образовательном профиле и профессиональной траектории, а также неравномерное представительство различных социальных групп в составе элиты, требуют целенаправленных мер по корректировке кадровой политики. Необходимо диверсифицировать направления подготовки управленческих кадров, обеспечивать равные возможности для карьерного роста вне зависимости от происхождения и места проживания, а также создавать условия для привлечения в элиту специалистов

с различным опытом и компетенциями. Только в этом случае казахстанская политическая элита сможет эффективно отвечать на вызовы современности и обеспечивать устойчивое развитие страны.

Социально-демографические характеристики и каналы рекрутирования политической элиты

Формирование политической элиты любого государства – это сложный процесс, отражающий социально-структурные особенности общества, его ценности и политическую культуру. Социально-демографические характеристики представителей элиты, такие как пол, возраст, этническая принадлежность, социальное происхождение, оказывают значительное влияние на их мировоззрение, ценностные ориентации и, в конечном итоге, на политические решения, которые они принимают. Не менее важным аспектом является анализ каналов рекрутирования, то есть тех путей и механизмов, посредством которых индивиды проникают в состав элиты. Изучение этих каналов позволяет понять, какие социальные группы и интересы представлены в элите, а также оценить степень открытости и конкурентности политической системы [4, с. 192]. В контексте современной казахстанской политической системы, анализ социально-демографических характеристик и каналов рекрутирования элиты приобретает особую актуальность в связи с процессами модернизации, демократизации и стремлением к формированию инклюзивной и представительной политической системы.

Анализ половозрастной структуры казахстанской политической элиты выявляет сохраняющуюся гендерную диспропорцию. Несмотря на усилия по расширению участия женщин в политической жизни страны, они по-прежнему представлены в элите в меньшей степени, чем мужчины. Это может быть связано как с социокультурными стереотипами, ограничивающими возможности женщин для карьерного роста, так и с недостаточной эффективностью механизмов поддержки женского лидерства. Также, наблюдается определенная возрастная структура, в которой преобладают представители среднего и старшего возраста. Это может свидетельствовать как о накопленном опыте и устойчивых связях в политической системе, так и о недостаточном притоке молодых, перспективных кадров с новыми идеями и подходами к управлению. Для обеспечения динамичного развития страны необходимо создать условия для активного участия женщин и молодежи в политической жизни, а также разработать механизмы, способствующие их продвижению в состав элиты.

Очевидно, что этническая принадлежность существенно важна в формировании политической элиты Казахстана. Казахстан – многонациональная страна, и для стабильности необходимо, чтобы разные этносы были достаточно представлены во власти. Анализ показывает, что казахи состав-

ляют большинство в элите, что соответствует их численности в стране, хотя представители других этнических групп принимают участие в политической деятельности [2, с. 101]. При этом думается, что можно увеличить их количество и представленность. Это укрепит межэтническое согласие и казахстанскую идентичность.

Каналы рекрутирования политической элиты в Казахстане включают в себя различные механизмы и институты. Традиционно, значительную роль играют политические партии, которые являются основным поставщиком кадров для органов государственной власти. Но в последние годы наблюдается тенденция к расширению каналов рекрутирования, в частности, за счет привлечения специалистов из бизнеса, неправительственных организаций, экспертного сообщества и государственных корпораций. Это свидетельствует о стремлении к повышению профессионализма и компетентности элиты, а также к диверсификации ее состава. Важным аспектом является также роль системы образования в формировании элитных кадров [8, с. 33]. Престижные университеты и программы подготовки управленческих кадров являются важным каналом рекрутирования в элиту, обеспечивая подготовку высококвалифицированных специалистов, способных эффективно решать задачи, стоящие перед государством.

В заключение, анализ социально-демографических характеристик и каналов рекрутирования политической элиты в Казахстане позволяет выявить как позитивные тенденции, так и существующие проблемы. Сохраняющаяся гендерная диспропорция, недостаточное представительство отдельных этнических групп и социальных слоев, ограниченность каналов рекрутирования представляют собой вызовы, требующие целенаправленных мер по корректировке кадровой политики.

Ценностные ориентации и политические взгляды современной казахстанской элиты

Понимание ценностных ориентаций и политических взглядов современной казахстанской элиты является ключевым для анализа политического процесса, прогнозирования политического курса и оценки эффективности государственной политики. Элита, как группа, обладающая властью и влиянием, формирует политическую повестку дня, определяет приоритеты развития страны и принимает решения, оказывающие воздействие на все сферы жизни общества [6, с. 54]. Ценности и взгляды, которых придерживаются представители элиты, оказывают непосредственное влияние на их действия и выбор политических стратегий. В контексте динамично развивающегося Казахстана, переживающего период политической и социально-экономической модернизации, изучение ценностных ориентаций и политических взглядов элиты приобретает особую актуальность. Необходимо понимать, какие

ценности разделяют представители элиты, какие политические идеологии они поддерживают, и как эти факторы влияют на процесс принятия политических решений [1, с. 307].

Анализ ценностных ориентаций казахстанской политической элиты выявляет сложную и многогранную картину. С одной стороны, наблюдается приверженность традиционным ценностям, таким как патриотизм, уважение к старшим, сохранение культурного наследия и укрепление семьи. Эти ценности являются важным фактором, обеспечивающим консолидацию общества и поддержание социальной стабильности [9, с. 74]. С другой стороны, в элите также присутствуют ценности, связанные с модернизацией и развитием, такие как стремление к инновациям, открытость к новым идеям, готовность к переменам и ориентация на западные стандарты жизни. Этот баланс между традиционными и современными ценностями является характерной чертой казахстанской политической культуры и отражает стремление страны к гармоничному развитию, сочетающему сохранение национальной идентичности с интеграцией в мировое сообщество.

Особое значение для казахстанской элиты имеет ценность государственности. Укрепление суверенитета и независимости Казахстана является одним из главных приоритетов, разделяемых большинством представителей элиты. Это связано с историческим опытом страны, прошедшей сложный путь становления независимости и стремящейся к укреплению своей роли в регионе и в мире [3, с. 8]. Ценность государственности проявляется в стремлении к укреплению институтов власти, обеспечению политической стабильности и защите национальных интересов.

Политические взгляды казахстанской элиты также отличаются разнообразием. В элите представлены сторонники различных политических идеологий, от консерваторов до либералов. Консерваторы, как правило, поддерживают традиционные ценности, стабильность и сильную государственную власть [10, с. 20]. Либералы, напротив, выступают за расширение политических свобод, развитие демократии и рыночную экономику. Однако, большинство представителей элиты придерживаются центристских взглядов, сочетая элементы консерватизма и либерализма. Это связано с необходимостью обеспечения баланса между стабильностью и развитием, между сохранением национальной идентичности и интеграцией в мировое сообщество.

Одним из важнейших вопросов, определяющих политические взгляды элиты, является отношение к политическим реформам [5, с. 70]. В последние годы в Казахстане были предприняты значительные шаги по демократизации политической системы, расширению прав и свобод граждан и укреплению институтов гражданского общества. Вместе с этим в элите существуют различные точки

зрения на темпы и масштабы этих реформ. Одни считают, что реформы должны проводиться постепенно и осторожно, с учетом особенностей казахстанского общества и политической культуры. Другие, напротив, выступают за более радикальные реформы, направленные на скорейшее построение демократического государства.

Социальное происхождение и образование важны для понимания ценностей и политических убеждений элиты. Те, кто учился за границей, обычно более либеральны и поддерживают сотрудничество с Западом. Напротив, люди из семей госслужащих чаще консервативны и хотят укрепить государство. Значит, состав элиты и то, как она формируется, напрямую влияет на её ценности и политические взгляды.

В итоге, ценности и политические взгляды казахстанской элиты – это сложное явление, отражающее политическую культуру страны и её стремление к развитию. Сочетание традиций и модернизации, укрепления государства и демократических реформ, а также разнообразие политических идей делают казахстанскую элиту особенной и помогают ей решать стоящие перед страной задачи [7, с. 514]. Последующие возможные исследования ценностных ориентаций и политических взглядов элиты должны быть направлены на изучение влияния этих факторов на процесс принятия политических решений, оценку эффективности государственной политики и прогнозирование политического курса Казахстана. Необходимо также учитывать влияние внешних факторов, таких как глобализация и геополитические изменения, на формирование ценностных ориентаций и политических взглядов казахстанской элиты. Особую важность приобретает изучение влияния новых информационных технологий и социальных сетей на формирование общественного мнения и политических предпочтений элиты.

Выводы

Проведенное исследование позволило создать комплексный социологический портрет политической элиты современного Казахстана, выявив ключевые характеристики и тенденции ее формирования в условиях политической и социально-экономической трансформации. Анализ образовательного уровня и профессионального опыта представителей элиты показал, что, несмотря на общий высокий уровень образования, существуют определенные диспропорции в распределении профессиональных компетенций.

Доминирование выпускников специальных, связанных с экономикой и государственным управлением, свидетельствует о прагматичном подходе к формированию элитных кадров, однако, недостаток специалистов в области инновационных технологий и социогуманитарных наук

указывает на необходимость диверсификации образования и подготовки управленческих кадров, способных эффективно решать задачи цифровизации и модернизации социума. Выявленные особенности формирования элитных кадров подчеркивают важность разработки и реализации целенаправленных программ по развитию лидерских качеств, формированию критического мышления и повышению уровня компетентности государственных служащих.

Литература

1. Бейбалаев Р.Г. Особенности формирования политической элиты современного Казахстана // Социально-гуманитарные знания, 2019. С. 306–311.
2. Евсеев В.В. Авторитаризм в Центральной Азии (на примере Казахстана) // Вестник МГИМО Университета, 2013. С. 101–105.
3. Масабанов Н.Э. Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество // Вестник Евразии, 1999. С. 1–9.
4. Проблемы экономической безопасности: теория и практика: Коллективная монография / О.В. Шинкарева, А.В. Минаков, Е.В. Егорова [и др.]; Уральский государственный лесотехнический университет. Том 1. – Екатеринбург: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Уральский государственный лесотехнический университет», 2020. – 213 с.
5. Сейлеханов Е.Т. Политическая система Республики Казахстан: опыт развития и перспективы. Алматы, 2006. 296 с.
6. Сухонос А.П. Политические элиты в условиях роста новой волны мирового кризиса // Вопросы элитологии, 2022. С. 52–62.
7. Турьян К.В. «Концепция модели развития институтов финансового посредничества в постсоветских странах», «Экономика: вчера, сегодня, завтра» журнал, Том 13, № 6А, 2023, Ногинск, ISSN 2222-9167. – 826 с., DOI: 10.34670/AR.2023.96.40.061, С. 512–519.
8. Фурман Д. Постсоветский политический режим Казахстана // Казахстан и Россия: общество и государство. М.: Права человека. 2004, с. 199.
9. Чудаев А.В. Энергетика, как триггер повышения темпов благосостояния общества и государства // А.В. Чудаев // Экономика строительства. – 2023. – № 9. – С. 72–75.
10. Turyan K.V. "Influence of financial intermediation institutes on the welfare of the population in the post-Soviet countries: A comparative analysis.",

Cogent Social Sciences, Volume 9, Issue 2 (2023), Published by Informa UK Limited, trading as Taylor & Francis Group, DOI: 10.1080/23311886.2023.2252260. С. 1–22.

THE POLITICAL ELITE OF MODERN KAZAKHSTAN: A SOCIOLOGICAL PORTRAIT

Abueva N.A.

Zhejiang Yuexiu University of Foreign Languages, Turan University

The article presents a comprehensive sociological analysis of the political elite in modern Kazakhstan, aimed at creating a detailed portrait of the elite. The study covers key aspects of the formation and functioning of the elite, including an analysis of the educational level, professional experience, socio-demographic characteristics, recruitment channels, value orientations, and political views of its representatives. Special attention is given to identifying the features of the formation of elite personnel in the context of political and socio-economic transformation, as well as determining the main trends and contradictions in the process of elite recruitment and consolidation. Based on empirical data from sociological surveys of experts and analysis of official statistics, the dominant features of the political elite have been identified, such as high levels of education, a predominance of conservative values, and significant gender and regional disparities.

Keywords: political elite, Kazakhstan, sociological portrait, elite recruitment, value orientations, political views, personnel policy, elite personnel, social structure, professional experience.

References

1. Beibalaev R.G. Features of the Formation of the Political Elite in Modern Kazakhstan // Social and Humanitarian Knowledge, 2019, pp. 306–311.
2. Evseev V.V. Authoritarianism in Central Asia (on the Example of Kazakhstan) // Bulletin of MGIMO University, 2013, pp. 101–105.
3. Masabanov N.E. The Kazakh Political and Intellectual Elite: Clan Membership and Intra-Ethnic Rivalry // Vestnik Evrazii, 1999, pp. 1–9.
4. Problems of Economic Security: Theory and Practice: A Collective Monograph / O.V. Shinkareva, A.V. Minakov, E.V. Egorova [et al.]; Ural State Forest Engineering University. Volume 1. – Yekaterinburg: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education «Ural State Forest Engineering University», 2020. – 213 p.
5. Seylekanov E.T. The Political System of the Republic of Kazakhstan: Experience and Prospects. Almaty, 2006. 296 p.
6. Sukhonosov A.P. Political elites in the context of the growth of a new wave of the global crisis // Issues of Elitiology, 2022, pp. 52–62.
7. Turyan K.V. «The concept of a model for the development of financial intermediation institutes in post-Soviet countries», «Economics: yesterday, today, tomorrow» journal, Volume 13, № 6A, 2023, Noginsk, ISSN 2222-9167, 826 p., DOI: 10.34670/AR.2023.96.40.061, pp. 512–519.
8. Furman D. The post-Soviet political regime of Kazakhstan // Kazakhstan and Russia: society and the state. Moscow: Human Rights. 2004, p. 199.
9. Chudaev, A.V. Energy as a Trigger for Increasing the Welfare of Society and the State // A.V. Chudaev // Economics of Construction. – 2023. – № 9. – pp. 72–75.
10. Turyan K.V. "Influence of financial intermediation institutes on the welfare of the population in the post-Soviet countries: A comparative analysis.", Cogent Social Sciences, Volume 9, Issue 2 (2023), Published by Informa UK Limited, trading as Taylor & Francis Group, DOI: 10.1080/23311886.2023.2252260. pp. 1–22.

Гражданские ценности в массовом сознании молодежи Республики Адыгея

Волков Юрий Григорьевич,

доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Южно-Российского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, ЮРФ ФНИСЦ РАН, Южный федеральный университет
E-mail: ugvolkov@sfnu.ru

Яковлев Вадим Сергеевич,

аспирант Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Южный федеральный университет
E-mail: remont3845@yandex.ru

В статье анализируются результаты массового опроса, проведенного среди молодых жителей Республики Адыгея (N = 500) по проблеме гражданских ценностей в условиях современных реалий. Гражданские ценности – это базис любого гражданского общества и государства. Их формирование и изменение крайне важны для осмысления процессов гражданской консолидации и решения актуальных социальных задач. Результаты исследования показали, что в молодежной среде Адыгеи сохраняется исторически сложившаяся в российском обществе установка на неразрывную связь гражданственности и патриотизма, в условиях СВО еще более укрепляющуюся. В этой ситуации формируется угроза вытеснения ценности гражданственности как таковой из структуры гражданско-патриотических ценностей, ее смыслового и тотального замещения патриотическими ценностями. Военно-мобилизационная направленность последних, оправданная в современных условиях, может стать серьезным барьером на пути формирования и реализации гражданственности молодежью в условиях мирного времени.

Ключевые слова: гражданские ценности, гражданственность, патриотизм, молодежь, государство.

Введение

Гражданские ценности – базис любого государства и его стабильного развития. Они помогают решать актуальные социальные проблемы и задачи с опорой на единые представления о том, что значит быть гражданином своей страны, что значит проявлять гражданственность. Гражданские ценности позволяют переживать обществу тяжелые времена, выстаивать даже в самых сложных ситуациях и обстоятельствах, сохранять целостность и единство вопреки внешним и внутренним угрозам.

Сегодня российское государство переживает очень непростой период, а всему российскому народу предстоит справиться с решением масштабных проблем в условиях сложной международной обстановки. Справиться с ними поможет только консолидированное и солидарное стремление общества самосохраниться как единый народ, несмотря на внешние и внутренние угрозы. И здесь, конечно же, требуется небезразличное гражданское участие широких народных масс, и особая роль в этом отводится молодому поколению. От него зависит не только настоящее, но и будущее страны. И с этой точки зрения чрезвычайную важность приобретает ценностный мир молодежи, значимость и восприятие гражданских ценностей, поскольку от этого зависит реализация гражданственности как способности и готовности личности к созидательной деятельности на благо государства и общества в роли полноправного и полномочного представителя гражданского общества. Целенаправленная, созидательная гражданская деятельность на благо государства и общества выступает мерилем гражданской зрелости и гражданской культуры, консолидированности общества, его способности сообща решать важные социальные задачи [1].

Итак, перед масштабом угроз национальной безопасности Россия особенно остро нуждается в гражданском единении с целью обретения полного национального суверенитета и формирования образа будущего России как сильного и процветающего государства [2]. Реализация данной цели невозможна без создания интегрированного общества на основе общегражданской идентичности, основу которой составляют единые гражданские ценности, разделяемые населением разных регионов страны, независимо от этнического, конфессионального, возрастного, профессионального, гендерного статуса. Многие ученые задаются сегодня вопросом о гражданском облике россий-

ской молодежи, ее гражданской активности [3, 4, 5, 6]. Исследования носят как всероссийский масштаб, так и региональный. Последнее немаловажно, так как формирование гражданских ценностей во многом определяется региональным фактором. Каждый регион имеет свою этнокультурную специфику, свои традиции и обычаи, а также механизмы трансляции важных для социокультурного воспроизводства общества ценностей. Интерес, безусловно, представляет каждый регион России, его молодое поколение со своими ценностями и представлениями о гражданственности, но в рамках данной работы предлагается социологический анализ гражданских ценностей молодежи Республики Адыгея. При этом, при определении гражданских ценностей мы исходим из той методологической предпосылки, согласно которой гражданские ценности молодежи детерминируют гражданские диспозиции и различного рода деятельность, направленную на благо общества, т.е. они могут рассматриваться в качестве основания мотивации к определенной гражданской деятельности с целью достижения желаемого состояния общества или его отдельных компонентов [7, с. 200].

Характеристика эмпирической базы исследования

Прикладное социологическое исследование было проведено методом анкетного опроса (N = 500) в Республике Адыгея в декабре 2024 года. Опрос посвящен изучению гражданских ценностей и установок молодежи обозначенного региона. При формировании выборки использовался квотно-пропорциональный метод (пол, возраст и место проживания). В числе опрошенных 50,5% мужчин и 49,5% женщин. 31,3% участников опроса относятся к возрастной группе 18–24 года, 24,9% – к группе 25–29 лет, а еще 43,8% – к группе 30–35 лет. 50,3% респондентов проживают в городе, а 49,7% – в сельской местности.

Основные результаты исследования и их обсуждение

В рамках данной работы невозможно охватить все возможные стороны и аспекты интерпретации массива эмпирических данных, полученных в ходе массового опроса молодежи Адыгеи, в связи с чем мы остановимся на тех из них, которые, с нашей точки зрения, наиболее ярко характеризуют представления респондентов о гражданских ценностях с позиций их проектирования на деятельностьную составляющую изучаемого нами вопроса.

Прежде всего, мы заинтересовались у респондентов их мнением по поводу того, что значит быть гражданином России, и получили следующие результаты: около половины опрошенных (49,8%) считают, что быть гражданином России означает

«любить свою Родину». Вторым по популярности ответом (43,9%) является вариант «жить на территории России». Более трети респондентов считают важными признаками гражданина России труд на благо своего народа и государства (37,7%), а также наличие паспорта гражданина РФ (37,2%). Приблизительно каждый четвертый опрошенный (24,2%) считает важным для гражданина России знать историю и культуру своей страны. Как видим, лидирует вариант ответа, связывающий понятие гражданственности с патриотизмом, если учитывать, что патриотизм для большинства жителей России, в том числе и молодых, означает не что иное, как любовь к Родине, о чем свидетельствуют многочисленные исследования, в том числе на Юге России [1, 8]. Собственно, результаты ответов на вопрос о том, должен ли гражданин обязательно быть патриотом, коррелируют с установками на гражданственность у опрошенной нами молодежи Адыгеи: по мнению большинства опрошенных (56,9%), настоящий гражданин обязательно должен быть патриотом. 11,6% заявили, что это не является обязательным условием, но значительная часть респондентов (31,5%) так и не определилась с мнением по данному вопросу (Рис. 1).

Считаете ли Вы, что гражданин должен обязательно быть патриотом? (%)

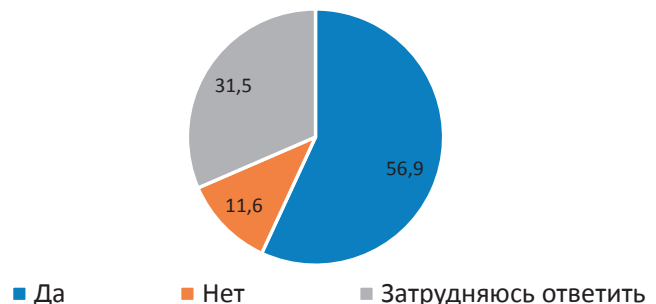

Рис. 1. Мнение молодежи Адыгеи о том, должен ли гражданин обязательно быть патриотом, в %

Следует добавить, что восприятие патриотизма как любви к Родине в современных условиях носит ярко выраженный военно-патриотический характер. Такая ситуация и ранее была характерна для массового сознания россиян, воспитанных на военно-патриотической традиции интерпретации патриотизма, во многом связанной с трагическими для всего российского народа событиями ВОВ, и не стоит удивляться, что в условиях СВО эта традиция только усилила свои позиции. Гордость за свою страну и готовность встать на ее защиту весьма актуальны для общества в период военных конфликтов, однако, проявление гражданственности и патриотизма имеет и другую сторону, повседневную, и она важна как в условиях военного времени, так и мирного. В научной литературе об этом пишут, используя термин «граж-

данский патриотизм» [9], становлению которого не способствует излишняя акцентуация на патриотизме военно-мобилизационного типа. Тем не менее, в условиях СВО ответственность за судьбу страны не может не связываться с идеей встать на ее защиту, находиться на территории страны, переживая и проживая с соотечественниками все тяготы, невзгоды тяжелого времени. Согласно данным нашего опроса, около двух третей опрошенных молодых жителей Адыгеи (65,7%) считают, что за судьбу России должен нести ответственность каждый ее житель. Не согласны с этим утверждением лишь 8,1% принявших участие в опросе респондентов.

Любопытно проанализировать в свете представленных позиций результаты ответа на вопрос о том, как относится молодежь Адыги к покинувшему пределы России после начала СВО. Согласно данным опроса, более трети опрошенных (35,8%) отметили, что они нейтрально относятся к людям, уехавшим из России после начала СВО. 29,8% респондентов относятся к подобным гражданам отрицательно, а положительно – 8,9%. Приблизительно каждый четвертый респондент (25,6%) затруднился ответить на данный вопрос. Очевидно, что наблюдается некоторый диссонанс в ответах молодежи изучаемого региона, поскольку нести ответственность за судьбу страны, находясь за ее пределами, особенно в столь непростые времена, достаточно сложно. Тем не менее, как видим, достаточно большое количество опрошенной молодежи нейтрально относятся к уехавшим из России после начала СВО. Очевидно, причиной может служить неоднозначное восприятие самой СПО, зафиксированное в российском обществе в ходе опроса ВЦИОМ [10].

В отношении же тех, кто уехал за границу работать, молодые жители Адыгеи более лояльны: более половины опрошенных (50,8%) считают, что такие люди могут по-прежнему считаться гражданами своей страны. Приблизительно каждый пятый респондент (21,8%) отметил, что не считает подобных людей гражданами. Не смогли определиться с ответом на данный вопрос 27,4% опрошенных. Относительно личных установок на выезд за пределы российского государства ситуация сложилась следующая: 43,1% опрошенных заявили, что однозначно не собираются уезжать из России даже в случае появления такой возможности. Около четверти респондентов отметили, что скорее всего поступят так же. Лишь 1,7% опрошенных заявили, что обязательно воспользуются возможностью покинуть страну. При этом 25,7% респондентов затруднились с ответом на данный вопрос (Рис. 2).

Еще большие сложности с ответом обнаружились на вопрос о присоединении новых территорий (ЛНР, ДНР) к России. Большинство (61,5%) респондентов считают справедливым их включение

в состав РФ. Но более трети опрошенных (35,6%) затруднились с ответом на данный вопрос (Рис. 3).

Если представится возможность уехать жить за границу, как Вы поступите? (%)

Рис. 2. Эмиграционные установки молодежи Адыгеи, в %

Считаете ли Вы справедливым присоединение новых территорий (ЛНР/ДНР) к РФ? (%)

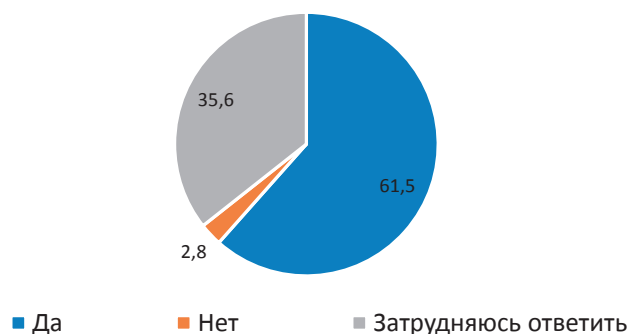

Рис. 3. Мнение молодежи Адыгеи о присоединении новых территорий к РФ, в %

Выявленная неопределенность при ответе на приведенный выше вопрос обозначилась и при ответе на вопрос о том, готовы ли помогать респонденты жителям новых регионов России. Около двух третей респондентов (64,3%) заявили, что готовы помогать жителям новых регионов в случае такой необходимости. Лишь 4% отметили, что не готовы этого делать, а 31,7% – затруднились с ответом. Относительно реальной практики помощи нуждающимся в таковой на современном этапе мы выяснили, что около половины респондентов (47,1%) уже оказывали помощь военнослужащим в зоне СВО, 23,5% опрошенных помогали жителям регионов, пострадавших в результате военных действий, а 19,1% оказывали помощь беженцам. При этом 37,6% респондентов отметили, что еще не оказывали подобной помощи данным категориям населения. Возможно, такая ситуация связана с тем, что по сложившейся в России традиции основным актором, ответственным за жизнь и благополучие населения считается государство (правительство), что и продемонстрировали результаты нашего опроса: по мнению большинства респондентов (56,1%), наиболее важным актором, оказывающим влияние на жизнь в России и ее благополучие, является государство (прави-

тельство). Около половины респондентов (49,2%) считают, что на жизнь в стране большое влияние оказывает каждый ее гражданин. Не смогли определиться с выбором ответа 11,3% опрошенных. Несколько иная картина сложилась при ответе на этот же вопрос, но с точки зрения приложения личных усилий в области изменения жизни страны в лучшую сторону: подавляющее большинство опрошенных (75%) убеждены в том, что они могут в определенной степени повлиять на жизнь в России, сделать ее лучше. При этом 10,2% респондентов отметили, что от них ничего не зависит в этом отношении.

Значимая роль государства, согласно мнению опрошенных, отводится и в таком важном деле, как формирование у молодежи представлений о том, каким должен быть гражданин, что значит быть гражданином. Среди институтов, которые должны формировать у молодого поколения подобные представления, респонденты выделили три важнейших. На первой позиции оказалось государство (29,8%), на второй – система образования (28,5%) и на третьей – семья (28,1%). Примечательно, что в реальной практике формирования гражданских ценностей и установок у молодежи Адыгеи конфигурация значимых акторов оказалась несколько иной: в большей степени на представление респондентов о том, что значит быть гражданином своей страны, повлияла семья (30,8%) и система образования (30,7%). Приблизительно каждый пятый респондент (20,5%) отметил решающую роль государства в этом вопросе. Другие варианты ответа (СМИ, религиозные организации, трудовые коллективы и т.д.) выбирались значительно реже. Для нас в этой ситуации важным представляется тот факт, что в сознании молодежи Адыгеи сложилась установка на доминантную роль государства в формировании гражданственности в молодежной среде, что не противоречит исторически сложившейся практике взаимоотношений государства и общества в России, в которой именно государству всегда отводилась главная роль.

Заключение

Основной вывод, к которому можно подвести представленный в данной работе эмпирический материал, сводится к тому, что гражданское самосознание молодежи в значительной степени детерминруется традиционными для российского народа патерналистскими установками. На государство возлагается основная ответственность за формирование гражданских ценностей у молодых поколений, но на практике в этом вопросе многое зависит от таких важнейших социальных институтов, как семья и образование. Крайне незначительное участие в гражданском воспитании молодежи Адыгеи таких значимых социальных акторов, как СМИ, религиозные организации, общественные организации,

трудовые коллективы, вызывает много вопросов и может стать предметом не только обсуждения или осуждения, но и глубокого научного анализа с тем, чтобы процесс гражданского становления молодежи в данной республике и других регионах России был более эффективным вследствие полноценного участия всех важных социальных институтов в гражданском воспитании молодых поколений.

Отметим также немаловажный факт, связанный с социальным контекстом. Нельзя сбрасывать со счетов те реалии, в которых сейчас живет и ценностно определяется молодежь. Глобальные, а в российском случае и трагические, перемены не могут не сказываться на сознании молодежи. Эпоха перемен всегда вызывает разнозначные позиции, отношение к реальным событиям, к их последствиям. С происходящим приходится разбираться молодежи «здесь и сейчас», но далеко не всегда получается верно оценить реалии дня, выработать свою личную позицию и действовать в соответствии с ней. Высокий процент ответов с неопределенной позицией по важным для страны вопросам, зафиксированный в нашем исследовании, свидетельствует о том, что молодежь пребывает в некоторой растерянности, а отсюда следует вывод, что процесс формирования гражданских ценностей и установок молодежи на современном этапе не имеет устойчивой платформы, устойчивых оснований. Представляется важным необходимость проявления более пристального внимания к этой стороне жизни молодежи не только со стороны научного сообщества, но и всей общественности страны, всех базовых агентов социализации.

Гражданские ценности молодежи Адыгеи, как и всей российской молодежи, самым непосредственным образом связаны с ценностью патриотизма. В этой связи, собственно, зачастую используется понятие гражданско-патриотических ценностей. Однако, как показывают исследования социологов, в структуре патриотизма молодежи гражданственность как ценность не значит столь же высокой, как ценность патриотизма в структуре гражданских ценностей. В подобной ситуации формируется риск вытеснения ценности гражданственности из системы гражданско-патриотических ценностей или полной утраты самостоятельного ценностно-смыслового наполнения.

Литература

1. Гражданский патриотизм и солидаристские практики в локальных сообществах на Юге России: коллективная монография / Ю.Г. Волков, А.В. Лубский [и др.]; отв. ред. Ю.Г. Волков. – Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2019. – 392 с.

2. Ильин В.А., Морев М.В. Специальная военная операция выявляет новые черты гражданского общества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 5. С. 9–32. DOI 10.15838/esc.2022.5.83.1.
3. Бинева Н.К., Алиев Ш.И., Алексеенко И.Н. Этнокультурные традиции и общегражданские универсалии в социальных практиках молодежи Юга России: опыт социологического анализа // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7, № 5. С. 105–117.
4. Исмаилова Л.М., Мачукаева Л.Ш. Формирование гражданских ценностей молодежи Северного Кавказа в контексте российского социокультурного мира // Мир университетской науки: культура, образование. 2023. № 9. С. 42–47. – DOI 10.18522/2658–6983–2023–9–42–47.
5. Коваленко А.М., Басанко Е.С., Тураева Н.П. Проблемы формирования и развития общегражданских и патриотических ценностей современной российской молодежи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 1. С. 64–69. DOI 10.17213/2075–2067–2021–1–64–69.
6. Патриотизм, гражданственность и солидарность в региональных сообществах на Юге России: коллективная монография / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2018. 412 с.
7. Дамбегов А.А., Яковлев В.С. Факторы формирования гражданских ценностей российской молодежи в условиях современных реалий // Социально-гуманитарные знания. № 12, 2024, С. 199–203. doi:10.24412/0869-8120-2024-12-199-203.
8. Volkov Yu.G., Vereshchagina A.V., Lubsy A.V. Patriotism In Local Communities Of The South Russia // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018. Vol. 8. Issue 9. Pp. 143–151.
9. Шевченко О.М., Вагина В.О. Гражданский патриотизм как идея консолидации молодежи на Юге России: специфика и трудности формирования // Гуманитарий Юга России. 2017. № 3. С. 300–309. doi:10.23683/2227-8656.2017.3.27.
10. Десять месяцев СВО: оценка результатов. ВЦИОМ, 29 декабря 2022 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/desjat-mesjacev-svo-ocenka-rezultatov?ysclid=lpmsl6t47743453460> (Дата обращения: 03.05.2025).

CIVIC VALUES IN THE MASS CONSCIOUSNESS OF THE YOUTH OF THE REPUBLIC OF ADYGEA

Volkov Yu.G., Yakovlev V.S.

South Russian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Southern Federal University

The article analyzes the results of a mass survey conducted among young residents of the Republic of Adygea (N = 500) on the issue of civic values in modern realities. Civic values are the basis of any civil society and state. Their formation and change are extremely important for understanding the processes of civic consolidation and solving urgent social problems. The results of the study showed that the Adygea youth environment retains the historically established attitude in Russian society towards the inextricable link between citizenship and patriotism, which is even more strengthened in the conditions of its In this situation, there is a threat of displacement of the value of citizenship as such from the structure of civic and patriotic values, its semantic and total replacement by patriotic values. The military-mobilization orientation of the latter, justified in modern conditions, can become a serious barrier to the formation and realization of citizenship by young people in peacetime.

Keywords: civic values, citizenship, patriotism, youth, state.

References

1. Civil patriotism and solidarity practices in local communities in the South of Russia: a collective monograph / Yu.G. Volkov, A.V. Lubsy [et al.]; edited by Yu.G. Volkov. – Rostov n/A: Foundation for Science and Education, 2019. 392 p.
2. Ilyin V.A., Morev M.V. Special military operation reveals new features of civil society // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2022. Vol. 15, No. 5. pp. 9–32. DOI 10.15838/esc.2022.5.83.1.
3. Bineeva N.K., Aliev S.I., Alekseenko I.N. Ethnocultural traditions and civil universals in the social practices of the youth of the South of Russia: the experience of sociological analysis // Humanities of the South of Russia. 2018. Vol. 7, No. 5. pp. 105–117.
4. Ismailova L.M., Machukaeva L. Sh. The formation of civic values of the youth of the North Caucasus in the context of the Russian socio-cultural world // The world of University science: culture, education. 2023. No. 9. pp. 42–47. – DOI 10.18522/2658–6983–2023–9–42–47.
5. Kovalenko A.M., Basanko E.S., Turayeva N.P. Problems of formation and development of civil and patriotic values of modern Russian youth // Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic sciences. 2021. Vol. 14, No. 1. pp. 64–69. DOI 10.17213/2075–2067–2021–1–64–69.
6. Patriotism, citizenship and solidarity in regional communities in Southern Russia: a collective monograph / Ed. by Yu.G. Volkov. Rostov n/A: Foundation for Science and Education, 2018. 412 p.
7. Dambegov A.A., Yakovlev V.S. Factors of the formation of civic values of Russian youth in the context of modern realities // Socio-humanitarian knowledge. No. 12, 2024, Pp. 199–203. doi:10.24412/0869-8120-2024-12-199-203.
8. Volkov Yu.G., Vereshchagina A.V., Lubsy A.V. Patriotism In Local Communities Of The South Of Russia // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018. Vol. 8. Issue 9. Pp. 143–151.
9. Shevchenko O.M., Vagina V.O. Civic patriotism as an idea of consolidating youth in the South of Russia: specifics and difficulties of formation // Humanities of the South of Russia. 2017. No. 3. pp. 300–309. doi:10.23683/2227-8656.2017.3.27.
10. Ten months of SVO: evaluation of results. VTSIOM, December 29, 2022 URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/desjat-mesjacev-svo-ocenka-rezultatov?ysclid=lpmsl6t47743453460> (Accessed: 05/03/2025).

Традиционные ценности в поколенческой перспективе: специфика аксиологических ориентаций современной российской молодежи

Еремина Екатерина Витальевна,

к. соц.н., доцент, доцент кафедры «Менеджмент и государственное управление» Пензенского государственного университета
E-mail: hope77@yandex.ru

Мурзина Ирина Александровна,

к. соц.н., доцент, доцент кафедры «Менеджмент и государственное управление» Пензенского государственного университета
E-mail: mirial11@mail.ru

Ретинская Вера Николаевна,

к. соц.н., доцент, доцент кафедры «Менеджмент и государственное управление» Пензенского государственного университета
E-mail: bvnp@mail.ru

В статье представлены результаты комплексного исследования ценностных ориентаций современной российской молодежи, проведенного в 2025 году в четырех регионах РФ. Через призму теории поколений проанализирована специфика аксиологических систем поколений Y, Z и A. Выявлены три устойчивых ценностных архетипа: «осознанный наследник» (Y), «цифровой номад» (Z) и «социализирующийся традиционалист» (A). Установлено, что традиционные ценности проходят сложную траекторию трансформации – от внешне заданных норм к внутренне принятым убеждениям, демонстрируя феномен «возрастного ренессанса». Показано, что ключевым трендом является не отказ от традиций, а их глубокая персонализация и интеграция в цифровой контекст. Результаты исследования имеют практическую значимость для разработки стратегий в сфере молодежной политики, образования и маркетинговых коммуникаций.

Ключевые слова: ценностные ориентации, традиционные ценности, теория поколений, российская молодежь, межпоколенческий анализ, аксиологическая преемственность.

Статья выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России высшим учебным заведениям в части проведения НИР по теме «Аксиосфера молодежи: структурное единство традиционных ценностей как основа цивилизационного кода и идеологического суверенитета российского общества (FSGE-2025–0003)» 1025021100047–3–5.4.1;5.6.1;5.6.2. Регистрационный номер проекта 125081309529–9.

Введение

Исследование традиционных ценностей молодежи актуально в контексте изучения механизмов социокультурной преемственности в условиях ускоряющихся трансформаций. Анализ поколенческих различий позволяет дифференцировать универсальные возрастные тенденции от исторически обусловленных ценностных сдвигов.

Особую практическую ценность представляет выявление характера адаптации традиционных ценностей в условиях цифровой трансформации. Исследование позволяет определить, являются ли наблюдаемые трансформации разрывом ценностной преемственности или отражают механизмы селективной интеграции традиционных паттернов в новые социокультурные контексты. Полученные данные создают основу для прогнозирования ценностной динамики и разработки адресных стратегий в сфере образования и молодежной политики.

Материалы и методы

Эмпирическую базу комплексного исследования составили материалы авторского социологического опроса и качественного исследования методом интервью, проведенные в июне-августе 2025 года.

Целевая выборка объемом 1200 респондентов была сформирована из представителей российской молодежи в возрасте от 14 до 35 лет, проживающих на территории трех регионов – Пензенская, Нижегородская и Саратовская области, г. Москва.

Возрастные группы были целенаправленно подобраны в соответствии с походом, предложенным теорией поколений (Howe N., Strauss W. [1]), однако в данном исследовании предпринята попытка соединения теории поколений и возрастного (стадийного) подхода, что, на наш взгляд, представляет собой не методологическое противоречие, а взаимодополняющую исследовательскую стратегию, позволяющую получить объемную картину ценностной динамики. Это помогает ответить на ключевой вопрос: что в ценностях молодежи является следствием возрастных особенностей, а что – уникальным отпечатком исторической эпохи (поколенческим эффектом). Опираясь на данную методологию мы получаем возможность не просто анализировать возрастные

различия, а интерпретировать их через призму ценностных установок, сформированных у разных поколений в определенный исторический период: 14–15 лет – поколение Альфа; 16–29 лет – поколение Z (Зумеры); 30–35 лет поколение Y (Миллениалы). Внутри каждой возрастной когорты выборка была стратифицирована по полу и типу населенного пункта для обеспечения репрезентативности и возможности сравнительного анализа.

Результаты исследования

Изучение молодежи как социально-демографической группы приобретает особую значимость в связи с ее ролью актора будущих социальных изменений. Именно в молодежной среде наиболее рельефно проявляются возникающие ценностные паттерны, определяющие траекторию долгосрочного развития общества. Отметим, что формирование социальной идентичности у каждого нового поколения молодежи осуществляется, в том числе, и через уникальный механизм восприятия ценностей в конкретно-чувственной форме – посредством эстетически насыщенных символов-образов, что обуславливает особый характер социализации и требует учета специфики каждого поколения при изучении их ценностных оснований [2].

В современной научной парадигме исследование ценностных ориентаций молодежи часто выстраивается в рамках методологии теории поколений. Согласно данной теории, разработанной зарубежными и отечественными учеными на основе проведенных исследований [1,3;4;5], ценности оказывают сильное влияние на поведение различных поколений. Каждое поколение находится под воздействием определенных исторических событий в рамках своей страны и мира в целом.

Учитывая наличие национальной специфики – традиций, культурных особенностей, менталитета, политического устройства и экономического развития, – оказывающей влияние на все поколения, отметим, «что между представителями одного поколения, вне зависимости от региона проживания, много сходств, хотя могут наблюдаться и различия. Однако поскольку ряд событий носят глобальный характер, серьезные различия существуют именно между представителями разных поколений» [5, с. 164].

Согласно теоретико-методологическим основаниям теории поколений, в современном обществе выделяются последовательно сменяющие друг друга генерационные когорты, обладающие специфическими социально-психологическими характеристиками. Историческая ретроспектива позволяет идентифицировать традиционалистов – поколение, сформировавшееся в первой половине XX века, бэби-бумеров, рожденных в период демографического подъема середины прошлого века, а также последовательно сменявшие их по-

коление X (1965–1980 гг. рождения), поколение Y или миллениалы (1981–1995 гг. рождения) и поколение Z (1996–2009 гг. рождения). Каждая из этих генерационных групп несет в себе уникальный комплекс ценностных ориентаций, поведенческих паттернов и социальных установок, сформированных под влиянием специфических исторических условий, технологических укладов и социокультурного контекста периода их первичной социализации. Данная периодизация создает методологический базис для анализа межпоколенческой динамики и трансформации ценностей в условиях социальной эволюции. [1,7].

В последнее время исследователи говорят о поколении, родившемся с 2010 года, которое называют А – «Альфа» (данный термин был введен в научный оборот австралийским ученым Марком Мак Криндлом [8]) Кроме того, также иногда выделяют и совсем новое поколение, родившемся с 2025 года, называемом В («Бетта»), которому предстоит жить в эпоху нейросетей и искусственного интеллекта.

Отметим, что к категории молодежи можно отнести только три поколения – Y, Z и A. «Среда, политические, экономические и социальные процессы оказывают непосредственное влияние на формирование особенностей каждого поколения» [5, с. 167].

Поколение Y (миллениалы) сочетает переосмысление традиций с прагматизмом: сохраняя ценность стабильного брака, переходит к эгалитарным семейным моделям, а в профессиональной сфере рассматривает образование как инвестицию и стремится к балансу работы и личной жизни. Как отмечают исследователи, миллениалы как первое глобализированное поколение свободно используют технологии для решения задач, демонстрируя высокую адаптивность, при этом в работе для них важны духовные ценности [5, с. 166]. Особенностью поколения становится «критический патриотизм», соединяющий любовь к родине с активной гражданской позицией, реализуемой в цифровом пространстве.

Поколение Z, (зумеры) сформировавшееся в условиях цифровизации, отличается пластичной идентичностью и ориентацией на социальную справедливость. Для зумеров характерны цифровой нативизм, неприятие дискриминации и амбивалентность цифрового профиля, сочетающая технологическую зависимость с поиском аутентичности. Исследователи отмечают, что зумеры считают технологии универсальным инструментом решения задач [5, с. 161–178], при этом социальные медиа оказывают на них парадоксальное воздействие, формируя цифровые компетенции, но одновременно провоцируя психосоциальные риски [9].

Поколение Альфа – первая когорта, чья социализация с детства происходит в условиях цифровой среды и доступности материальных ресур-

сов. Их ценностная система формируется в контексте перманентной цифровизации, где глобальное самосознание складывается на ранних этапах развития. Для этого поколения инклюзивность и разнообразие становятся естественной основой социальной коммуникации, а практический гуманизм проявляется в экологических практиках и социально-ориентированных инициативах. При этом ментальное здоровье осознается как фундаментальная составляющая качества жизни.

Поколение X, которое «выросло в период индустриального и технологического прогресса, характеризуется прагматичным мышлением и стремлением к независимости. В свою очередь, миллениалы (поколение Y) и поколение Z, родившиеся в эпоху цифровых технологий, обладают высоким уровнем технологической грамотности и гибкостью в обучении и взаимодействии. Поколение Альфа, только начинающее свой жизненный путь, уже демонстрирует выдающиеся когнитивные способности, связанные с развитием в информационном и цифровом мире» [10, с. 68]. Таким образом, главное отличие поколения Альфа от поколения Y и Z заключается в том, что поколения Y и Z были свидетелями цифровой революции и адаптировались к ней, в то время как поколение Альфа рождается и растет внутри этой революции, не зная мира без ее ключевых элементов.

Сравнительный анализ трудовых ценностей выявляет различия между поколениями: миллениалы (Y) ориентированы на work-life баланс и осмысленность труда, тогда как зумеры (Z) разделяя эти приоритеты, акцентируют индивидуальность, технологические инновации и социальную ответственность бизнеса.

Исследование ценностных трансформаций в межпоколенческой перспективе выявляет последовательную эволюцию: от рациональной рефлексии традиций (Y) через ценностную гибридизацию (Z) к холистическому синтезу (A). Традиционные ценности адаптируются поколениями: Y приспосабливает, Z интегрирует в цифровую среду, Альфа воспринимает как основу идентичности.

Преемственность традиционных ценностей выполняет системообразующую функцию в социокультурной динамике, выступая механизмом обеспечения цивилизационной устойчивости.

Для поколения Z эта преемственность создает ценностный «якорь» в условиях цифровой турбулентности, предлагая устойчивые ориентиры в сфере межличностных отношений, профессиональной этики и гражданской идентичности. Традиционные ценности, адаптированные к цифровому контексту, позволяют представителям этого поколения сохранять психологическую стабильность при интенсивной технологической трансформации повседневности.

Для поколения Y преемственность ценностей играет ключевую роль в решении экзистенциаль-

ных задач формирования семьи, карьерного становления и социальной интеграции. Такие традиционные ориентиры, как значимость образования, трудовая этика и семейные устои, получают новое звучание в контексте поиска баланса между работой и личной жизнью и осмысленной профессиональной реализации. Ценностная преемственность позволяет поколению Y осуществлять «точечную» интеграцию традиционных паттернов в индивидуальные жизненные стратегии.

Поколение Альфа демонстрирует наиболее сложный характер взаимодействия с традиционными ценностями, что обусловлено одновременным погружением в цифровую среду и сохранением влияния семейной социализации. Для этой группы преемственность обеспечивает формирование базового ценностного каркаса, который в дальнейшем будет служить фильтром для восприятия глобального информационного потока и основой для выработки критического мышления.

Феномен межпоколенческой преемственности играет ключевую роль в трансформации традиционных ценностей молодежи, обеспечивая сохранение культурной идентичности в условиях технологических изменений. В современную эпоху цифровизация создает новые вызовы для диалога между поколениями. Традиционные ценности, передаваемые от старших к младшим, адаптируются к новым реалиям при сохранении смыслового ядра.

Современная молодежь интегрирует традиционные ценности с новыми цифровыми практиками. Это происходит через синтез традиционных институтов и цифровых платформ, где снижается роль семейной социализации при росте влияния онлайн-среды как канала трансляции ценностей. Исходя из этого, на наш взгляд, анализ трансформации межпоколенческой преемственности требует изучения адаптации традиционных ценностей в цифровой среде. Исследование выявляет структурные различия в иерархии жизненных приоритетов различных возрастных групп.

Полученные результаты демонстрируют динамичную ценностную эволюцию: от диффузного коллективизма подростков через радикальный индивидуализм молодежи к зрелой интеграции личного благополучия с социальной ответственностью и традициями (таблица 1).

«Ценностное ядро» (> 4,60): эволюция ключевых жизненных приоритетов

Анализ ценностного ядра трех поколений выявляет как устойчивые тенденции, так и существенную эволюцию приоритетов. Во всех когортах ценность «здоровье и благополучие» сохраняет статус абсолютного ядра (A:4,80; Z:4,78; Y:4,90), отражая общий тренд гиперответственности за качество жизни. Однако состав остального ядра значительно трансформируется.

Таблица 1. Распределение оценок респондентов по шкале от 1 до 5 важность для себя представленных ниже ценностей (где 1 – совсем не важно, 5 – очень важно), n=1200

Ценность	В ЦЕЛОМ	Поколение А	Поколение Z	Поколение Y
ЦЕННОСТНОЕ ЯДРО (> 4,60)				
собственное здоровье и благополучие	4,82	4,80	4,78	4,90
семья	4,75	4,68	4,71	4,85
дружба, верные друзья	4,68	4,72	4,68	4,66
личная свобода и независимость	4,66	4,58	4,69	4,64
БЛИЖНИЙ КРУГ (4,50–4,60)				
уважение к окружающим, помощь людям	4,62	4,63	4,54	4,75
сохранение природы и окружающей среды	4,56	4,51	4,52	4,64
следование закону	4,56	4,63	4,49	4,67
профессиональная самореализация	4,53	4,54	4,52	4,55
материальный достаток, высокий доход	4,50	4,46	4,48	4,54
ОСНОВНОЙ ПЛАСТ (4,10–4,49)				
уважение к истории, к наследию, оставленному предшествующими поколениями	4,49	4,35	4,46	4,60
жизнь в гармонии с собой, вне давления внешних норм	4,48	4,43	4,47	4,52
трудолюбие	4,39	4,42	4,26	4,61
уважение к старшим	4,37	4,54	4,27	4,48
любовь к своей стране (патриотизм)	4,35	4,37	4,26	4,49
индивидуализм, личный успех	4,34	4,44	4,39	4,20
открытость новому опыту, изменениям	4,34	4,54	4,28	4,37
личные амбиции и успех	4,32	4,55	4,39	4,10
любовь к своей «малой родине» (родному городу, поселку и т.п.)	4,32	4,11	4,27	4,51
саморазвитие, творческая самореализация	4,17	4,01	4,12	4,33
глобальная гражданственность (забота о мире в целом)	4,15	4,31	4,17	4,05
поиск новых впечатлений	4,14	4,35	4,16	4,02
единство народов России	4,13	4,23	3,99	4,33
плюрализм, принятие разных точек зрения и образа жизни	4,13	4,30	4,20	3,89
мужественность / женственность	4,10	4,11	3,98	4,31
УСЛОВНО ПРИНИМАЕМЫЕ ЦЕННОСТИ (3,70–4,00)				
удовольствие от жизни «здесь и сейчас»	4,00	4,00	4,08	3,85
предпринимательство, создание своего дела	3,82	4,02	3,87	3,66
мобильность, готовность к смене работы/места жительства	3,73	4,02	3,81	3,45
цифровизация, жизнь в онлайн-пространстве	3,69	3,80	3,78	3,47
ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ЦЕННОСТИ (< 3,70)				
коллективизм	3,63	3,65	3,53	3,79
экспериментирование, отход от традиционных норм	3,47	3,59	3,58	3,22
религиозная вера и духовность	3,45	3,51	3,28	3,72

У поколения А ядро формируют «здоровье» и «дружба» (4,72), где авторитет сверстников выступает фундаментом идентичности, а «семья» (4,68) находится в зоне «ближнего круга». Для поколения Z характерно расширенное ядро, включающее «здоровье», «дружбу» (4,68) и «семью»

(4,71), что отражает укрепление семейных связей при сохранении значимости дружбы. При этом «личная свобода» (4,69) находится на границе ядра, выражая ключевой запрос возраста. Поколение Y демонстрирует концентрированное ядро из «семьи» (4,85) и «здоровья», что свидетель-

ствуется о классической зрелой модели с безусловным приоритетом семьи, тогда как «дружба» (4,66) переходит в «ближний круг».

Наблюдается четкая возрастная динамика: ценностный акцент последовательно смещается от горизонтальных связей («друзья») к вертикальным и партнерским («семья») при сохранении здоровья как незыблемой базовой ценности на всех этапах жизненного пути.

«Ближний круг» (4,50–4,60): стабильность прагматизма и рост социальной ответственности

В зоне «ближнего круга» наблюдаются как универсальные, так и поколенчески специфические ценности. К общим для всех поколений инструментальным ценностям относятся «профессиональная самореализация» и «материальный достаток», подтверждающие их роль ресурсов благополучия, а также «сохранение природы» как социальная норма.

Межпоколенческие различия проявляются в составе ценностей: у поколения Y в «ближнем кругу» присутствуют «трудолюбие» (4,61), «следование закону» (4,67) и «уважение к истории» (4,60), отражающие запрос на социальную стабильность. Для поколения Z эти ценности менее значимы. У поколения A выявлена уникальная конфигурация с высокими показателями «уважения к старшим» (4,54), «открытости новому» (4,54) и «личных амбиций» (4,55), что свидетельствует о переходном характере ценностной системы подростков, сочетающей ориентацию на традиционные авторитеты с поиском идентичности.

Таким образом, «ближний круг» ценностей отражает усиление социальной ответственности с возрастом: от амбивалентности поколения A через прагматизм поколения Z к нормативной стабильности поколения Y.

«Основной пласт» (4,10–4,49): трансформация отношения к обществу и традициям

Это самый динамичный пласт, где наиболее ярко видны межпоколенческие различия в отношении к коллективным идентичностям.

У подростков (поколение A) высока концентрация традиционных ценностей: «любовь к стране» (4,37), «единство народов» (4,23). Это ценности, транслируемые через семью и школу, пока принимаются как данность. У поколения Z наблюдается резкий скепсис по отношению к коллективным ценностям. «Единство народов» (3,99) опускается до уровня «условно принимаемых», «уважение к старшим» (4,27) и «патриотизм» (4,26) значительно слабее, чем у других групп. Напротив, ценности саморазвития («жизнь в гармонии с собой» – 4,47) здесь более выражены. У поколения Y наблюдается более позитивное отношение к традициям, но на другом уровне: «патриотизм» (4,49), «уважение к старшим» (4,48) возвращаются в основной

пласт, но уже не как навязанные, а как осознанно разделяемые. Ценность «любовь к малой родине» получает высокую позицию в иерархии – 4,51, она находится «ближнем круге», в отличие от оценок данной ценности другими поколениями.

Отметим, что поколение Z – пик кризиса коллективной идентичности. Молодежь фокусируется на себе и близком круге. К 30 годам происходит переоценка: широкий контекст (страна, история, малая родина) вновь обретает личную значимость как среда обитания и наследие.

«Условно принимаемые» (3,70–4,00) и периферийные ценности (< 3,70): зона отторжения и риска

В этой зоне наблюдаются устойчивые межпоколенческие тенденции. «Предпринимательство» последовательно снижается от поколения A (4,02) к Y (3,66), отражая усиление ориентации на стабильную карьеру с возрастом. «Религиозная вера» занимает периферийное положение у всех групп (максимум 3,28 у Z), подтверждая тренд секуляризации.

Ценности «мобильность» (3,45) и «экспериментирование» (3,22) минимальны у поколения Y, демонстрируя выбор в пользу стабильности и определенности. Значимым маркером выступает «плюрализм», который у поколения Y (3,89) опускается до уровня условно принимаемых, тогда как у A (4,30) и Z (4,20) сохраняется в основном пласте. Это свидетельствует о большей нормативности и меньшей толерантности к разнообразию точек зрения в зрелом возрасте, что связано с четким определением личных границ и принципов.

Таким образом, поколение A ориентируется на здоровье и дружбу в рамках заданных традиционных координат. Поколение Z сужает мир до здоровья и ближнего круга, дистанцируясь от коллективных идеалов. Поколение Y формирует зрелую системность, интегрируя личное благополучие с традициями и социальной стабильностью.

Выводы

Преимущество традиционных ценностей в современной российской молодежной среде выполняет стабилизирующую функцию, обеспечивая связь с культурным наследием и создавая психологическую опору в условиях социальных трансформаций. Этот процесс позволяет формировать устойчивую идентичность, избегая как разрыва с историческим опытом, так и ригидного следования устаревшим образцам.

Анализ выявляет нелинейную траекторию ценностной трансформации: от внешне заданной системы (A) через индивидуализм (Z) к интеграции личных и общественных приоритетов (Y). Поколение A принимает коллективные нарративы, Z атомизирует социальные связи, а Y синтезирует индивидуальные цели с социальным контекстом. Исследование идентифицирует три генерационных

архетипа: Y – «осознанный наследник», Z – «цифровой номад», A – «социализирующий традиционалист». Различия обусловлены не только возрастом, но и уникальным историческим опытом, подтверждая существование устойчивых ценностных кодов на протяжении жизненного цикла.

Результаты проведенного анализа обеспечивают научную основу для прогнозирования социальных тенденций и создания эффективных механизмов межпоколенческого взаимодействия. Выявленные закономерности ценностной трансформации позволяют разрабатывать дифференцированные стратегии в сфере образования, молодежной политики и корпоративного управления, а также создают методологическую базу для адаптации образовательных программ, оптимизации HR-стратегий и проектирования социальных инициатив, учитывающих специфику каждого поколения.

Литература

1. Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. – New York: William Morrow & Company, 1991.
2. Воробьев В.П., Ивченко С.Г., Еремина Е.В., Ретинская В.Н., Мурзина И.А. Формирование социальной идентичности молодежи региона: потенциал эстетической информации // Регионология. – 2022. – Т. 30. – № 2. – С. 470–491.
3. Радаев В.В. Миллениалы. Как меняется российское общество: монография. Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 2023.
4. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. – М.: Языки русской культуры, 1997.
5. Аранжин В.В., Нехода Е.В. Влияние трудовых ценностей различных поколений работников на выбор форм и видов занятости: результаты теоретического анализа // Экономика труда. – 2022. – № 1. – С. 161–178.
6. Hofstede G., Bond M.H. The Confucius connection: from cultural roots to economic growth // Organizational Dynamics. – 1988– № 16.
7. Howe N., Strauss W. The Fourth Turning: An American Prophecy Broadway Books. 1997.
8. McCrindle M. The ABC of XYZ: Understanding the Global Generations. Sydney: UNSW Press, 2009.
9. Twenge J.M. iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy-and Completely Unprepared for Adulthood-and What That Means for the Rest of Us. New York: Atria Books. 2017.

10. Базылев Я.С. Особенности когнитивных процессов поколений: X, Y, Z, Alpha // Общество: социология, психология, педагогика. – 2024. – № 10. – С. 64–69.

TRADITIONAL VALUES IN A GENERATIONAL PERSPECTIVE: THE SPECIFICITY OF THE AXIOLOGICAL ORIENTATIONS OF MODERN RUSSIAN YOUTH

Eremina E.V., Murzina I.A., Retinskaya V.N.
Penza State University

The article presents the results of a comprehensive study of the value orientations of modern Russian youth, conducted in 2025 in four regions of the Russian Federation. Through the lens of the theory of generations, the specific features of the axiological systems of generations Y, Z, and A are analyzed. Three stable value archetypes are identified: the «conscious heir» (Y), the «digital nomad» (Z), and the «socializing traditionalist» (A). It has been established that traditional values undergo a complex trajectory of transformation, moving from externally imposed norms to internally accepted beliefs, demonstrating the phenomenon of an «age-related renaissance». The key trend is not the abandonment of traditions, but rather their deep personalization and integration into the digital context. The findings have practical implications for the development of strategies in the fields of youth policy, education, and marketing communications.

Keywords: value orientations, traditional values, generational theory, Russian youth, intergenerational analysis, axiological continuity.

References

1. Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: William Morrow & Company, 1991.
2. Vorobyev V.P., Ivchenkov S.G., Eremina E.V., Retinskaya V.N., Murzina I.A. The Formation of Social Identity of the Youth in the Region: The Potential of Aesthetic Information // Region Studies. – 2022. – Vol 30. – No 2. – Pp. 470–491.
3. Radaev V.V. Millennials. How Russian Society is Changing: monograph. Moscow: National Research University «Higher School of Economics», 2023.
4. Savelieva I.M., Poletaev A.V. History and Time. In Search of the Lost. Moscow: Languages of Russian Culture, 1997.
5. Aranzhin V.V., Nekhoda E.V. The Influence of Labor Values of Different Generations of Workers on the Choice of Forms and Types of Employment: Results of a Theoretical Analysis // Labor Economic. – 2022. – No. 1. – Pp. 161–178.
6. Hofstede G., Bond M.H. The Confucius Connection: from Cultural Roots to Economic Growth. Organizational Dynamics. – 1988 – No. 16.
7. Howe N., Strauss W. The Fourth Turning: An American Prophecy. New York: Broadway Books, 1997.
8. McCrindle M. The ABC of XYZ: Understanding the Global Generations. Sydney: UNSW Press, 2009.
9. Twenge J.M. iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy-and Completely Unprepared for Adulthood-and What That Means for the Rest of Us. New York: Atria Books, 2017.
10. Bazylev Ya.S. Features of Cognitive Processes of Generations: X, Y, Z, Alpha // Society: Sociology, Psychology, Pedagogy. – 2024. – No.10. – Pp. 64–69.

Субъектность современной молодежи как фактор миротворчества (на примере Приднестровья)

Оставная Алла Николаевна,

кандидат социологических наук, и.о. заведующей кафедры социологии, ведущий научный сотрудник Центра изучения миротворчества ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко»
E-mail: a_ostavnaia@spsu.ru

Федоренко Ольга Юрьевна,

старший преподаватель кафедры социологии, старший научный сотрудник Центра изучения миротворчества ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко»
E-mail: o.u._fedorenko@spsu.ru

Димитрюк Алина Игоревна,

преподаватель кафедры социологии, ведущий научный сотрудник Центра изучения миротворчества ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко»
E-mail: alinadimitriuk@gmail.com

Статья посвящена исследованию субъектности современной молодежи как фактора миротворчества на примере Приднестровской Молдавской Республики (ПМР). С момента провозглашения независимости в 1990 году ПМР сталкивается с многочисленными вызовами в сфере безопасности: вооруженный конфликт 1992 года, экономические блокады, информационные войны и геополитическая напряженность, особенно на фоне событий на Украине.

Молодежь, как социально-демографическая группа наиболее уязвима к радикализации и экстремистским влияниям, что делает ее значимым объектом профилактики деструктивной деятельности. Исследование опирается на классические социологические теории, а также работы современных российских исследователей, раскрывающих социокультурные и институциональные основы формирования субъектности молодежи. В статье сформулировано определение социальной субъектности молодежи как фактора миротворчества.

Эмпирические данные демонстрируют два типа субъектности приднестровской молодежи: позитивную и негативную. Результаты исследования подчеркивают, что развитие позитивной социальной субъектности молодежи является важнейшим инструментом укрепления социальной безопасности и миротворчества в Приднестровье. Для этого необходима поддержка институциональных механизмов, включая молодежную политику, образовательные и культурные программы, направленные на формирование гражданского сознания, ответственности и активной жизненной позиции.

Ключевые слова: приднестровье, конфликт, миротворчество, субъектность молодежи.

Введение

Приднестровская Молдавская Республика провозгласила свою независимость от Молдавской ССР в 1990 году и с тех пор находится в статусе непризнанного государства. За эти 35-ть лет республика столкнулась с множеством вызовов и угроз в сфере безопасности (вооруженный конфликт 1992 года, многочисленные экономические блокады со стороны Республики Молдова и Украины, информационная война и др.). В последние годы риски безопасности в Приднестровье увеличились в связи с событиями на Украине (Приднестровье граничит с Одесской и Винницкой областями) а также в связи с действиями политического руководства Республики Молдова.

В этих условиях актуальной является тема устойчивости населения в целом и молодежи в частности к вовлечению в деятельность подрывающая основы миротворчества в регионе. Известно, что именно молодежь как социально-демографическая группа наиболее подвержена рискам экстремистских влияний и радикализации [16]. Данная проблема признается актуальной на уровне органов государственной власти ПМР ответственных за молодежную политику. Так в Докладе о положении молодёжи в Приднестровской Молдавской Республике и реализации государственной молодёжной политики отмечается «мощный инновационный потенциал молодежи Приднестровья, который при определенных условиях и влиянии политических сил может носить как конструктивную направленность, так и деструктивную, в ущерб государству и обществу, в том числе и самой молодежи» [2].

Объектом исследования настоящей статьи выступает социальная группа молодежи Приднестровья как значимый социальной политической субъект. *Предмет исследования настоящей статьи* – развитие субъектности молодежи Приднестровья как фактора профилактики ее вовлеченности в деструктивную деятельность против мира и безопасности в регионе.

Цель статьи – исследование феномена субъектности молодежи как фактора профилактики радикализации молодежи и ее вовлечения в деструктивную деятельность.

Исследование основано:

- на анализе библиографических источников по теме субъектности социальных групп и рисков радикализации молодежи;

- анализе законодательной, статистической и отчетной документации ведомственных структур Приднестровья;
- вторичном анализе результатов социологических исследований молодежи Приднестровья.

Теоретический анализ

Предметное поле настоящей статьи может быть рассмотрена в контексте нескольких классических социологических теорий. Так согласно теориям социальной агентности (П. Бурдье, Э. Гидденс, М. Арчер) человек является активным субъектом, который в социальном взаимодействии действует осмысленно – осознает угрозы и проактивен в вопросах самозащиты и безопасности [12]. Согласно теориям социального капитала (Р. Патнэм, П. Бурдье) основу устойчивости человека / группы в условиях угроз составляет социальный капитал, который зависит от уровня доверия и солидарности общества [10]. Теории социальной идентичности и солидарности (Э. Дюркгейм, Э. Гоффман) делают акцент на формирование коллективной идентичности как фактора сплоченности и противостояния внешним угрозам [11]. Теории превентивного общества и безопасности (М. Фуко, У. Бек, З. Бауман) ориентированы на формирование культуры безопасности через активное вовлечение граждан в профилактике рисков и угроз [3].

Среди современных российских исследователей тема социальной субъектности молодежи наиболее подробно рассматривается в работах В.А. Лукова и Ю.А. Зубок. Согласно В.А. Лукова социокультурные основания субъектности российской молодежи это: единство общественных и культурных условий, определяющих социализацию и повседневность молодежи; формирование идентичности со своим народом и с Россией в целом; наличие форм молодежного движения (организации, субкультуры, солидарности), позволяющих в коллективах осваивать социокультурную субъектность [7]. Ю.А. Зубок обращает внимание на противоречия становления социальной субъектности молодежи в разных сферах жизни как следствие воздействия личностных факторов (потребностей, интересов, ценностей молодежи) так и общественных факторов – социальных институтов. Она отмечает, что молодежный экстремизм зависит прежде всего от доверия к власти [5].

Опираясь на классические социологические теории, а также работы современных исследователей, в рамках настоящей статьи, под социальной субъектностью молодежи как фактора миротворчества будем понимать способность молодежи быть активным субъектом социального взаимодействия в условиях конфликтного или постконфликтного общества, осознавать имеющиеся риски и угрозы безопасности и противостоять им. Социальную основу устойчивости молодежи

в этом процессе составляет социальный капитал – коллективная идентичность, доверие, солидарность, сплоченность.

Основная часть

На протяжении 35 лет на геополитической карте мира Приднестровье отмечено как зона конфликта. В 1992 году противостояние Молдовы и Приднестровья приобрело форму вооруженного конфликта. Его активная фаза началась 2 марта боевыми действиями в г. Бендеры и Дубоссарском р-не и завершилась 21 июля подписанием «Соглашения о принципах мирного урегулирования вооружённого конфликта в приднестровском регионе Республики Молдова». На постконфликтном этапе были введены миротворческие силы (1995 г.) и начат переговорный процесс (1994).

Миротворческая миссия в Приднестровье имеет трехсторонний состав – представители конфликтующих стороны (Республики Молдова и Приднестровья) а также представители России, как страны гаранта и посредника в урегулировании. По разным оценкам, Миротворческая миссия в Приднестровье считается одной из самых эффективных на постсоветском пространстве и евразийском континенте в целом. За 30 лет миротворцы обеспечивают мир в регионе [1].

Официальные переговоры между Республикой Молдова и Приднестровье начались 1994 г. К 1997 году оформился состав переговорного процесса: Республика Молдова и Приднестровье как стороны конфликта и Россия, Украина и ОБСЕ как медиаторы и гаранты урегулирования. В 2005 году формат переговоров приобрел формулу «5+2» к основному составу сторон переговоров в качестве наблюдателей были привлечены ЕС и США. Смена политического руководства Республики Молдова, геополитические процессы в регионе обусловили динамику переговорного процесса. Официальное взаимодействие властей Республики Молдова и Приднестровья на предмет урегулирования статуса Приднестровья за эти годы содержало как конфликтные («национализм», «сепаратизм», «дискриминация», «санкции», «блокада», «кризис» «односторонние действия», «нарушение соглашений», «деокупация», «ликвидация», «силовой сценарий» и др.), так и миротворческие нарративы («диалог», «меры доверия», «малые шаги» и др.). В настоящее время между Республикой Молдова и Приднестровьем характерен высокий уровень напряженности. Есть угроза безопасности Приднестровья и населения региона в целом.

Исследовательница приднестровского урегулирования Н.И. Харитонova отмечает, что специальная военная операция России на Украине повлияла на хрупкий мир в регионе. В публичном информационном пространстве Украины и Республики Молдова Приднестровье обозначается как потен-

циальный «второй фронт» противостояния России и Украины, тем самым снизился порог применения силы для разрешения приднестровского конфликта [15]. Это обстоятельство обусловило необходимость обращения к проблеме устойчивости молодежи в условиях рисков безопасности.

В Приднестровье молодежь (молодые граждане, лица молодежного возраста) – это социально-демографическая группа граждан в возрасте от 14 (четырнадцати) до 35 (тридцати пяти) лет (включительно) [4]. На 1 января 2024 года численность молодежи Приднестровья составляла 111241 человек (24,4% от численности всего населения). 22350 чел. (20,1%) это молодежь в возрасте 14–18 лет, 24023 чел. (21,6%) – молодежь в возрасте 19–24 лет и 64868 (58,3%) – молодежь в возрасте 25–35 лет [2].

Таблица 1. Типы социальной субъектности молодежи Приднестровья в условиях конфликтного и постконфликтного общества

	Молодежь с позитивной социальной субъектностью	Молодежь с негативной социальной субъектностью
Интерес молодежи к политическим событиям в Приднестровье	50,7% интересуются политическими событиями в Приднестровье	49,3% не интересуются политическими событиями в Приднестровье
Самооценка патриотизма молодежи	57,3% считают себя патриотами Приднестровья	42,7% не считают себя патриотами Приднестровья
Участие молодежи в волонтерской деятельности	27,9% участвуют в волонтерской деятельности	72,1% не участвуют в волонтерской деятельности
Интерес молодежи к деятельности молодежных организаций	36,7% проявляют интерес к деятельности молодежных организаций	33,5% не проявляют интерес к деятельности молодежных организаций
Оценка роли молодежи в экономической и политической жизни Приднестровья	41,3% указали что молодежь оказывает влияние на экономическую и политическую жизнь Приднестровья	49,1% респондентов указали что молодежь не оказывает влияния на экономическую и политическую жизнь Приднестровья
Доверие молодежи к деятельности правоохранительных органов	56,0% доверяют правоохранительным органам	22,9% не доверяют правоохранительным органам
Планы оседлости молодежи в Приднестровье	30,6% планируют остаться жить в Приднестровье	48,9% планируют эмигрировать из Приднестровья

Источник: составлено авторами на основе [6].

Исследование «Индекс развития молодежи ПМР» проводимое в 2021–2022 гг. дает эмпирическую характеристику молодежи Приднестровья. Вторичный анализ его результатов демонстрирует, что в Приднестровье сложилась ситуация, когда значительные группы молодежи демонстрируют противоположные модели общественного мнения и социального поведения в контексте политической и гражданской активности. Используя категориальный аппарат данной статьи, нами эти группы молодежи были обозначены как молодежь с позитивной и негативной социальной субъектностью.

Эмпирическая модель позитивной социальной субъектности молодежи как фактора миротворчества состоит из таких индикаторов как: интерес молодежи к политическим событиям и молодежным формам общественной активности, чувство патриотизма к Приднестровью, участие молодежи в общественной деятельности (волонтерство), положительная оценка роли молодежи в политической и экономической жизни ПМР, доверие к власти ПМР (правоохранительным органам), планы оседлости в Приднестровье.

И напротив негативная социальная субъектность молодежи как фактора миротворчества состоит из таких индикаторов как: отсутствие интереса молодежи к политическим событиям и молодежным формам общественной активности (политический абсентеизм), отсутствие чувства патриотизма к Приднестровью, пассивность молодежи в общественной деятельности (волонтерстве), отрицательная оценка роли молодежи в политической и экономической жизни ПМР, недоверие к власти ПМР (правоохранительным органам), планы молодежи по эмиграции из Приднестровья (табл. 1, рис. 1).

Рис. 1. Соотношение молодежи Приднестровья с позитивной и негативной субъектностью

Источник: составлено авторами на основе [6].

Выявленная проблематика имеет ключевое значение при проведении молодежной политики, направленной на профилактику радикализации молодежи. Мероприятия государственных органов призваны способствовать развитию созидательной, творческой деятельности молодежи, реализации ее инициатив во всех сферах жизнедеятельности при формировании ответственности за сегодняшний день общества и его будущее.

Заключение

Базовым программно-целевым документом развития Приднестровья на современном этапе является Стратегия развития Приднестровской Молдавской Республики на 2019–2026 гг. В нем подчеркивается необходимость повышения престижа общественной деятельности и гражданской активности молодежи, патриотического и духовно-нравственного воспитания, таких ценностей, как патриотизм, ответственность, активная жизненная и гражданская позиция.

В 2020 году в Приднестровье принята «Стратегия противодействия экстремизму в Приднестровской Молдавской Республике на 2020–2026 годы». В ней подчеркивается, что субъектами противодействия экстремизму являются как органы власти (государственные и местного самоуправления) так и институты гражданского общества и сами граждане. В перечне основных направлений государственной политики по противодействию экстремизму включен раздел задач для сферы образования, государственной молодежной и культурной политики. Они сводятся к воспитанию молодежи Приднестровья на основе традиционных ценностей и патриотизма, повышения субъектности молодежи во всех сферах жизни (формирование гражданского самосознания, участия молодежи в деятельности общественных организаций) [13].

В рамках реализации этой Стратегии разработаны методические материалы профилактики экстремизма в организациях профессионального образования ПМР предназначенных для кураторов студенческих групп, педагогов-психологов, педагогов организаций профессионального образования [9], составлены и распространяются буклеты на эту тему, действует телефон доверия при Министерстве государственной безопасности ПМР [8].

Таким образом материалы настоящей статьи демонстрируют, что молодежь Приднестровья является важнейшим субъектом укрепления социальной безопасности и миротворчества в регионе. Ее субъектность поддерживается на институциональном уровне – молодежной политикой ПМР. Тем не менее результаты социологических исследований молодежи свидетельствуют о проблеме негативной социальной субъектности молодежи, которая при определенных обстоятельствах может быть использована в деструктивных целях. Это обстоятельство вызывает необходимость

дальнейшего мониторинга молодежи Приднестровья и принятию мер по становлению ее позитивной субъектности в общественно-политической сфере.

Литература

1. Актуальные аспекты безопасности: опыт миротворчества на Днестре / Под общ. ред. В.В. Игнатьева (на рус. и англ. яз.). – Тирасполь, 2017. – 472 с.
2. Доклад о положении молодёжи в Приднестровской Молдавской Республике и реализации государственной молодёжной политики. – URL: <https://minpros.gospmr.org/about/12488> (дата обращения: 1.10.2025).
3. Елфимова, О.С. Концепт безопасности в современных западных социологических теориях / О.С. Елфимова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2012. – № 3(27). – С. 35–41.
4. Закон ПМР «О государственной молодежной политике» (текущая редакция по состоянию на 01.01.2025). – URL: <https://www.vspmr.org/legislation/laws/zakonodatelnye-akti-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-v-sfere-obrazovaniya-kuljuri-sporta-molodejnoj-politiki-sredstv-massovoy-informatsii-a-takje-v-sfere-realizatsii-politicheskikh-prav-i-svobod-grajdan/zakon-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-ogosudarstvennoy-molodejnoj-politike.html> (дата обращения: 1.10.2025).
5. Зубок, Ю.А. Социология молодежи: от отраслевых проблем к социологическим теориям / Ю.А. Зубок // Доклады кандидатов в члены Российской академии наук (РАН), баллотировавшихся по секции философии, политологии, социологии, психологии и права в 2019 г. – Москва: Новые печатные технологии, 2020. – С. 141–155.
6. Индекс развития молодежи в Приднестровской Молдавской Республике, 2021, 2022, 2024 гг. – URL: <https://minpros.gospmr.org/about/12290> (дата обращения: 01.10.2025).
7. Луков, В.А. Некоторые вопросы социокультурной субъектности молодежи / В.А. Луков // Горизонты гуманитарного знания. – 2020. – № 1. – С. 68–86.
8. Противодействие идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде. <https://minpros.gospmr.org/about/11866> (дата обращения: 01.10.2025).
9. Профилактика экстремизма в организациях профессионального образования: Сборник методических материалов. – Тирасполь: Издательство ПГУ, 2021. – 57 с.
10. Рогозин, Д.М. Перспективы развития теории социального капитала / Д.М. Рогозин // Эконо-

мическая социология. – 2023. – Т. 24, № 4. – С. 12–37.

11. Симонова, О. А. К формированию социологии идентичности / О.А. Симонова // Социологический журнал. – 2008. – № 3. – С. 45–61.
12. Сорокин, П.С. Проблема «агентности» через призму новой реальности: состояние и направления развития / П.С. Сорокин // Социологические исследования. – 2023. – № 3. – С. 103–114.
13. Указ Президента Приднестровской Молдавской Республики «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Приднестровской Молдавской Республике на 2020–2026 годы» № 109 от 20.03.2020. – URL: <https://minpros.gospmr.org/files/Molodej/NPB-MP/10920032020.pdf> (Дата обращения: 01.10.2025).
14. Указ Президента Приднестровской Молдавской Республики «Об утверждении Стратегии развития Приднестровской Молдавской Республики на 2019–2026 годы» № 460 от 12.12.2018. – URL: https://minpros.gospmr.org/files/Molodej/NPB-FV/2018/12.12.18_460.pdf (дата обращения: 01.10.2025).
15. Харитонов, Н.И. Расстановка сил в регионе приднестровского конфликта в контексте специальной военной операции России на Украине / Н.И. Харитонов // Вестник РГГУ. Серия: Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. – 2023. – № 2. – С. 10–22.
16. Экстремальность и экстремизм в социальных практиках российской молодежи / [В.В. Брюно и др.]; отв. ред. Т.А. Хагуров, М.Е. Позднякова. – М.: ФНИСЦ РАН, Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017. – 340 с.

THE SUBJECTIVITY OF MODERN YOUTH AS A FACTOR IN PEACEBUILDING (BASED ON THE EXAMPLE OF PRIDNESTROVIE)

Ostavnai A.N., Fedorenko O.Yu., Dimitriuc A.I.

Pridnestrovian State University named after Shevchenko

This article examines the agency of contemporary youth as a factor in peacebuilding, using the example of the Pridnestrovian Moldavian Republic (PMR). Since declaring independence in 1990, the PMR has faced numerous security challenges: the armed conflict of 1992, economic blockades, information warfare, and geopolitical tensions, particularly in the context of events in Ukraine.

Young people, as a socio-demographic group, are particularly vulnerable to radicalization and extremist influences, making them a significant target for the prevention of destructive activities. The study draws on classical sociological theories, as well as the work of contemporary Russian researchers, who explore the socio-cultural and institutional foundations of youth agency formation. The article formulates a definition of the social subjectivity of youth as a factor in peacemaking.

Empirical data demonstrate two types of agency among Pridnestrovian youth: positive and negative. The results of the study emphasize that developing positive social agency among youth is a crucial tool for strengthening social security and peacebuilding in Pridnestrovie. This requires the support of institutional mechanisms, including youth policy, educational and cultural programs aimed at developing civic consciousness, responsibility, and an active life position.

Keywords: Pridnestrovie, conflict, peacekeeping, youth subjectivity.

References

1. **Topical Aspects of Security: Experience of Peacekeeping on the Dniester** / Ed. by V.V. Ignatiev. – Tiraspol, 2017. – 472 p. (In Russ. and Eng.).
2. **Report on the situation of youth in the Pridnestrovian Moldavian Republic and the implementation of state youth policy.** – URL: <https://minpros.gospmr.org/about/12488> (Accessed: 1 October 2025).
3. Elfimova O.S. The Concept of Security in Western Modern Sociological Theories // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences. – 2012. – № 3 (27). – P. 35–41.
4. **Law of the PMR “On State Youth Policy” (current version as of 1 January 2025).** – URL: <https://www.vspmr.org/legislation/laws/zakonodatelnie-akti-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-v-sfere-obrazovaniya-kuljturi-sporta-molodejnoj-politiki-sredstv-massovoy-informatsii-a-takje-v-sfere-realizatsii-politicheskikh-prav-i-svobod-grajdan/zakon-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-ogosudarstvennoj-molodejnoj-politike.html> (accessed: 1 October 2025).
5. Zubok Y.A. Sociology of Youth: From Sectoral Problems to Sociological Theories // Reports of Candidates for Membership in the Russian Academy of Sciences (RAN), Nominated in the Section of Philosophy, Political Science, Sociology, Psychology, and Law in 2019. – Moscow: New Printing Technologies. – 2020. – P. 141–155.
6. Youth Development Index in the Pridnestrovian Moldavian Republic, 2021, 2022, 2024. – URL: <https://minpros.gospmr.org/about/12290> (Accessed: 1 October 2025).
7. Lukov V.A. Some Issues of Sociocultural Subjectivity of Youth // Horizons of Humanitarian Knowledge. – 2020. – № 1. – P. 68–86.
8. Countering the Ideology of Extremism and Terrorism Among Youth. – URL: <https://minpros.gospmr.org/about/11866> (Accessed: 1 October 2025).
9. Preventing Extremism in Vocational Education Organizations: A Collection of Methodological Materials. – Tiraspol: PSU Publishing House, 2021. – 57 p.
10. Rogozin D. Social Capital: Prospects for Theory Development // Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya Sotsiologiya. – 2023. – Vol. 24, № 4. – P. 12–37.
11. **Simonova O.A.** Towards Definition of Sociology of Identity // Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal. – 2008. – № 3. – P. 45–61.
12. **Sorokin P.S.** The Problem of “Agency” Through the Prism of the New Reality: State and Directions of Development // **Sociological Studies = Sociologicheskie Issledovaniya.** – 2023. – № 3. – P. 103–114.
13. Decree of the President of the Pridnestrovian Moldavian Republic “On Approval of the Strategy for Countering Extremism in the Pridnestrovian Moldavian Republic for 2020–2026” No. 109 of March 20, 2020. – URL: <https://minpros.gospmr.org/files/Molodej/NPB-MP/10920032020.pdf> (Accessed: 1 October, 2025).
14. Decree of the President of the Pridnestrovian Moldavian Republic “On Approval of the Development Strategy of the Pridnestrovian Moldavian Republic for 2019–2026” No. 460 of December 12, 2018. – URL: https://minpros.gospmr.org/files/Molodej/NPB-FV/2018/12.12.18_460.pdf (Accessed: 1 October, 2025).
15. **Kharitonova N.I.** Alignment of forces in the region of the Transnistrian conflict in the context of Russia’s special military operation in Ukraine // RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series. – 2023. – № 2. – P. 10–22.
16. Bryuno V.V., et al. Extremeness and Extremism in the Social Practices of Russian Youth / Ed. by T.A. Khagurov, M.E. Pozdnyakova. – Moscow: FNISC RAN; Krasnodar: Kuban State University. – 2017. – 340 p.

Практики студенческого досуга в китайской и российской социологии

Струк Елена Николаевна,

д.ф.н., доцент, профессор кафедры истории и философии
Иркутского национального исследовательского технического
университета
E-mail: struken@rambler.ru

Ма Сюйсинь,

аспирант кафедры истории и философии Иркутского
национального исследовательского технического
университета
E-mail: soc_sor@ex.istu.edu

В последние годы количество китайских студентов обучающихся в РФ увеличивается, им приходится приспосабливаться к новой для себя социальной среде. Помочь адаптироваться студентам могут досуговые практики предлагаемые студентам в вузах. Для того чтобы понять, как улучшить систему проведения досуга китайских студентов в вузах России необходимо проанализировать эмпирические исследования китайских и российских исследователей, направленные на изучение досуговых практик обучающихся. Данное исследование проведено с учетом анализа степени участия в досуге, предпочтениях и характеристик досугового времени, анализа типов досуга, предпочтений и характеристик досуговых мест. В нем обобщены результаты исследований участия студентов вузов в досуге в Китае и России, а также представлены предложения по улучшению системы досугового времяпровождения студентов.

Ключевые слова: досуг, досуг студентов, досуговые практики студентов.

Введение

Российско-китайское сотрудничество в области высшего образования развивается более 70 лет. В августе 1952 г. было заключено «Соглашение между правительством Союза Советских Социалистических Республик и Центральным народным правительством Китайской Народной Республики об обучении граждан КНР в высших гражданских учебных заведениях СССР» [14]. За это время вузами СССР были подготовлены тысячи специалистов для народного хозяйства Китая. Сотрудничество между странами продолжилось и после провозглашения независимости России 12 июня 1990 года. Так в 1995 году был подписан документ о взаимном признании документов об образовании и ученых степенях [15] и другие документы, а в 2025 году Президент России В.В. Путин объявил о проведении в 2026–2027 гг. перекрестных Годов образования России и Китая. Особое внимание в нем уделено проектам, ориентированным на молодежь и студентов. Кроме того, именно гражданам КНР предоставляется одна из крупнейших квот Правительства РФ на обучение в российских вузах [13]. В связи с расширением сотрудничества в области высшего образования и увеличением китайских студентов в вузах Российской Федерации важно создать эффективную систему социальной адаптации китайских студентов, которая позволит быстрее влиться им в учебную среду российских вузов и осуществлять полноценную коммуникацию с принимающим сообществом. Одним из факторов способствующим скорейшей адаптации является система организованного досуга в высших учебных заведениях. Цель данной статьи – проанализировать эмпирические исследования досуга студентов в китайской и российской социологии. Научная новизна исследования проведенного авторами статьи заключается в системном сравнительном анализе исследований, посвященных досуговому практикам студентов России и Китая, который расширяет представления о тенденциях в проведении досуга студентами в двух соседних странах.

Материалы и методы исследования

Базой исследования в данной работе выступают статьи китайских и российских ученых, в которых опубликованы результаты социологических исследований досуга студентов высших учебных заведений. Основными исследовательскими методами для достижения цели исследования выбраны: анализ

документов и сравнительный анализ. Проведение исследования проводилось в несколько этапов:

- подбор источников, который предполагал отбор статей, в которых анализируются результаты эмпирических исследований проведения досуга студентами вузов Китая и России. Важным условием была публикация в течение последних пяти лет (2020–2025);
- вторичный анализ статей, задачей которого являлся глубокий разбор содержания каждого документа, систематизация и структурирование полученной информации;
- выявление общих и отличительных черт в исследованиях китайских и российских ученых, для установления закономерностей, проявляющихся в досуговом поведении студентов Китая и России;
- интерпретация полученных данных, которая позволяет сделать выводы о схожести и различии в проведении досуга китайскими и российскими студентами, а также формулирование рекомендаций по эффективной организации досуга в вузах.

Использование комплексного анализа, включающего методы анализа данных и сравнительного анализа, позволяет обеспечить полноту охвата материала и глубину понимания существующих представлений о досуге студентов высших учебных заведений в Китае и в России.

Результаты

«Досуг – это время, свободное от работы, которое человек проводит в соответствии со своими потребностями и индивидуальными способностями в активной или пассивной форме» [10], в данном определении отражена ключевая идея досуга: добровольный выбор вида деятельности в свободное время. При этом досуг является надежным средством структурирования свободного времени [12], а участие в досуге определяется как свободное занятие любыми видами деятельности в свободное от работы время, для расслабления и удовлетворения от самореализации в процессе деятельности [25].

В результате анализа количества проведенного досугового времени китайские ученые пришли к выводу, что у студентов достаточно свободного времени [18; 23], российские данные так же показали, что студенты тратят на досуг в среднем 4 часа в день [7; 8]. При этом исследование Сунь Линье выявило, что 76,64% респондентов участвуют в досуговых практиках только по выходным, а 16,82% участвуют в досуговых мероприятиях только в праздничные дни [16]. Ван Лиюань и другие ученые выяснили, что 31,8% китайских студентов планируют, как будут проводить свой досуг, в то время как у 68,2% отсутствует планирование досуга [4; 5; 21]. Таким образом, результаты ис-

следований организации досуга китайских студентов, показывают, что у студентов вузов достаточно свободного времени для удовлетворения своих потребностей в досуге, но они тратят его впустую из-за отсутствия планирования. При этом, несмотря на разнообразие досуговых практик, студенты предпочитают развлечения [17; 20; 22], а мероприятий по развитию и самосовершенствованию явно недостаточно. Российские ученые так же установили, что развлекательные и спортивные досуговые практики преобладают в студенческом досуге [2]. Выявленные типы студенческого досуга разнообразны, преобладают как пассивные практики (просмотр видео и теле контента, чтение) [3; 9], так и активные (фитнес, прогулки, спорт) [11].

Таким образом, типы досуговых активностей студентов разнообразны, но преимущественно они направлены на развлечения и расслабление, целью которых является удовлетворение потребностей в психологическом удовольствии и физическом отдыхе, при этом наблюдается явная тенденция к пассивности. В то время как компонент самосовершенствования остается минимальным.

Анализируя предпочтения и характеристики досуговых исследователями установлено, что чаще всего студенты посещают кафе, парки, кинотеатры, клубы и бары, спортивные учреждения, торговые центры, или остаются дома [1; 6; 18; 24]. Наиболее популярным местом проведения досуга российских студентов стали кафе [1]. А вот результаты китайских ученых выявили, что самым популярным местом проведения досуга студентов является общежитие или дом [24]. Таким образом, мы видим, что российские студенты, несмотря на то, что предпочитают пассивные виды досуга не связанные с самосовершенствованием предпочитают публичные места для проведения досуга (кафе, кинотеатры и т.п.). В тоже время китайские студенты так же предпочитают пассивные формы досуга, однако посещение публичных мест ими не приветствуется, а если они их посещают, то выбирают места расположение в непосредственной близости к общежитию или дому [19].

Заключение

Тема участия студентов в досуговых активностях в китайской и российской социологии преимущественно сосредоточена на четырех аспектах: анализ степени участия в досуге, предпочтения и характеристики досугового времени, анализ типов досуга, анализ предпочтений и характеристик досуговых мест. Важными критериями для измерения степени участия в досуге являются, во-первых, бюджет времени, во-вторых, частота участия в досуговых активностях. При анализе досугового времени большинство китайских и российских ученых обращают внимание на достаточность свободного времени у студентов, их предпочтения по организации досуга

и планирование свободного времени – эти аспекты отражают ключевые характеристики досуга студентов. На основе исследований китайских и российских ученых можно выявить схожесть в российском и китайском подходе к организации досуга:

- преимущественно студенты отдают предпочтение развлекательным видам досуга (кино, музыка, рестораны);
- саморазвитие занимает незначительное место в структуре досуга студентов;
- планирование свободного времени осуществляется обучающимися слабо, особенно среди студентов в Китае;
- особое внимание в формировании активного образа жизни студентов уделяется роли культурных институтов (киноцентры, театры).

Так же обзор отечественных и китайских исследований показывает разницу в восприятии пространства досуга:

- российские студенты предпочитают общественные места (кафе, торгово-развлекательные комплексы, кинотеатры);
- китайские студенты чаще проводят досуг дома или вблизи учебного заведения.

Это свидетельствует о разной модели восприятия свободного времени и культурных традиций каждой страны. Проведённый анализ демонстрирует важность учета национальных особенностей при разработке программ досуга для иностранных студентов.

По результатам проведенного исследования авторами предложены рекомендации по организации досуга студентов:

- интеграция активных форм досуга (спорт, творчество);
- повышение значимости планирования свободного времени;
- формирование позитивных стереотипов досуга.

Кроме того, необходимы дальнейшие исследования, направленные на сопоставление опыта китайских и российских студентов в условиях транснационального взаимодействия.

Литература

1. Белозерова И.А. Мониторинг культурно – досуговой деятельности студенческой молодежи // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9. № 3(32). С. 30–34.
2. Блохина М.В., Григорьев Л.Г. Отношение студенческой молодежи к театральному искусству: результаты социологического исследования в Твери // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 3. С. 85–89.
3. Ветюгова И.П. Проблемы досуга студентов (по материалам социологического опроса студентов инженерных специальностей) // Современные концепции научных исследований: Материалы IV Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 11 декабря 2015 года / Нижегородский филиал МИИТ; Под редакцией Н.В. Пшениснова. – Нижний Новгород: ООО «Стимул – СТ», 2015. С. 13–15.
4. Ван Лиюань, У Ди. Исследование досугового образования у студентов университетов провинции Хэбэй // Журнал Хэбэйского радио и телевизионного университета. 2017. № 22 (02). С. 86–89. – URL: https://www.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFD-LAST2017&filename=HBGD201702020&uniplatform=OVERSEA&v=5F_R69lnXsSuXXajkNDWqfndvt4UK2_spKk4QEiAvUTGHGBfE6OM8B-JA-GEoZagl
5. Ван Япин, Ван Цзиньцю. Эмпирическое исследование досуговой культуры студентов в рамках концепции «прекрасной жизни» – на примере университетов в городе Хефе // Журнал Сучжоуанского института образования. 2020. № 23 (02). С. 41–44. – URL: https://www.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2020&filename=SZXY202002011&uniplatform=OVERSEA&v=ERLsMjdZOSS_FHUMsajYME2SgJNkbC4G89X4SLkM-5dLAX-ybRhWefY8tlkPoJbQQ
6. Досуг молодежи в зеркале социологии / В.В. Шилов, А.В. Копотева, В.В. Прокопец, А.К. Буторина // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. 2019. Т. 1. С. 228–235.
7. Дорофеев А.А. Досуг как элемент повседневной культуры студентов // Педагогическое мастерство: Материалы IX Международной научной конференции, Москва, 20–23 ноября 2016 года. М.: Издательский дом «Буки-Веди», 2016. С. 61–64.
8. Кондратьева Н.С., Прокопенко Л.А. Особенности бюджета времени и формы досуга студентов технического вуза // Успехи современного естествознания. 2013. № 10. С. 199–201.
9. Крикун Е.В. Давитян М.Г. Культурный досуг студентов-первокурсников /// Вызовы и инновационные решения в аграрной науке: Материалы XXVIII Международной научно-производственной конференции в 4 томах, Майский, 10–11 июня 2024 года. Майский: ФГБОУ ВО Белгородский ГАУ, 2024. С. 297–298.
10. Петрова М.Е. Особенности досуговой жизнедеятельности студентов: социологический анализ // Сервис+. 2011. № 3 [электронный ресурс]. Дата обращения 02.09.2025. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-dosugovoy-zhiznedeyatelnosti-studentov-sotsiologicheskiiy-analiz-1>.
11. Поволоцкая М.Л., Герега Н.Н. Активный досуг студентов факультета управления как часть

- здорового образа жизни // Вестник науки. 2021. Т. 2. № 11(44). С. 15–18.
12. Равочкин Н.Н., Попов Е.А. Концептуализация понятия «досуговые практики» в современной социологии // Социодинамика. 2023. № 2. С. 20–32.
 13. Россия и Китай продолжают укреплять сотрудничество в сфере образования [электронный ресурс]. Дата обращения 07.06.2025. – URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/98380/?sphrase_id=9140325
 14. Соглашение между правительством Союза Советских Социалистических Республик и Центральным народным правительством Китайской Народной Республики об обучении граждан КНР в высших гражданских учебных заведениях СССР [электронный ресурс]. Дата обращения 07.06.2025. – URL: <https://istmat.org/node/54246>
 15. Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Китайской Народной Республики о взаимном признании документов об образовании и ученых степенях [электронный ресурс]. Дата обращения 08.06.2025. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/47900/
 16. Сунь Линье. Досуг студентов: данные и анализ // Журнал Лоянской педагогической академии. 2018. № 37 (03). С. 14–22. – URL: https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2018&filename=LSZB201803004&uniplatform=OVERSEA&v=QE0VJ143yEjtnHM-S3kbY4PqtfrBIAf9x-2ERQ8zN4rSGUR_EF5aKBZ2aG9omjh
 17. Тан Линцзе. Свободное время современных студентов и строительство учебно – кампусной культуры // Литературное образование (Часть верхняя), 2019. № (06). С. 158–159. – URL: https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2019&filename=WXYS201906077&uniplatform=OVERSEA&v=p4o56ZSFizme5l39Xx3B-JzocgNgSivjpK4-frH4Kf7nrUhhfIle_NO3ozudn-1mP
 18. Фэн Вэй. Эмпирическое исследование проблем управления свободным временем студентов в Северо-Восточном регионе – на примере Университета S в Хэйлунцзянском провинции // Западное образование по качеству. 2016. № 2(01). С. 180–181. – URL: <https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2016&filename=XBSJ201601143&uniplatform=OVERSEA&v=3A2OJwJnHbRA1D27ohW7zWrdFF4S-Rch3Dk0AK710yWhMmQ4o1c9yOr1hKyXCtket>
 19. Ху Ланьлань, Цзян Цзинцзин. Опросное исследование текущего состояния досугового спорта студентов университетов Аньцин // Современная спортивная наука и технология. 2018. № 8 (12). С. 48–49. – URL: <https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2018&filename=DY-KJ201812030&uniplatform=OVERSEA&v=F-DDSFS6hRPCIUe3Z6UfMf00YVhXwL2D-qaLPMms38p5UwygW3O91j6HqwXSGd6HPP>
 20. Цзин Су. Опрос и размышления о состоянии свободного времени современных студентов на территории университета // Журнал Нэйцзянской педагогической академии. 2013. № 28 (08). С. 80–84. – URL: https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFD2013&filename=N-JSG201308021&uniplatform=OVERSEA&v=s-Q3ON5t9ZiM6e3wWb4ECL5Gf_gt-Qll2pTGTE8l7QgB8Vi03lmSv2iKWnH0uqGk
 21. Цзян Шэн. Анализ текущего состояния свободного времени студентов в районе Бенбу и образовательные меры по его развитию // Журнал Бенбуинского института. 2018. № 7 (04). С. 124–128. – URL: https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2018&filename=BBXY201804026&uniplatform=OVERSEA&v=s8f4G0vWoQ6g-CKPYo9E-4O3mX5E2qOKeu-JtCw9Dby3-dTR6KzdWuEupU_uDn9t
 22. Чэнь Минь. Исследование и анализ состояния свободного времени магистров технических специальностей и их факторов влияния – на примере Zhejiang University // Форум высшего образования. 2017. № 10. С. 91–95. – URL: https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2017&filename=GGJY201710024&uniplatform=OVERSEA&v=UxN_tjXmCpM5GE6Lrd-Et-L_UxpcYrGz5PpQczQYonF-QcGVMoci8r2-A86gAll
 23. Ян Цзюнь, Ван Хункай. Опросное исследование текущего состояния свободного времени современных студентов // Образование и профессия. 2011 № (02). С. 174–175. – URL: https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFD2011&filename=JYYZ201102085&uniplatform=OVERSEA&v=l0w0zgCFACJ_3A22gKradxbSeTl2-6D7lxATtRw3B3rkLYw-Uo91DfGGEJ_bCB7-
 24. Ян Шуай. Эмпирическое исследование текущего состояния планирования и использования свободного времени студентов – на примере Хэйлунцзянского университета // Хэйлунцзянское образование (Теория и практика). 2016 № (04). С. 26–28. – URL: <https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2016&filename=H-JLL201604013&uniplatform=OVERSEA&v=Wt-JSCOleq4PLODRUgh57ds7EiQ-TqFjdhiVPSv-2JkvKFjKHx3oCer3Hz3HPG8tT>

25. Iwasaki Y., Mannell R.C. Hierarchical dimensions of leisure stress coping // *Leisure Sciences*. 2000. № 22. С. 163–191.

STUDENT LEISURE PRACTICES IN CHINESE AND RUSSIAN SOCIOLOGY

Struk E.N., Ma Xuxin

Irkutsk National Research Technical University

In recent years, the number of Chinese students studying in Russia has been increasing, which requires them to adapt to a new social environment. Leisure practices offered by universities can help students adjust to their new surroundings. To improve leisure activities for Chinese students in Russian higher education institutions, it is necessary to analyze empirical studies conducted by both Chinese and Russian researchers focusing on student leisure practices. This study analyzes the extent of participation in leisure activities, preferences, characteristics of leisure time, types of leisure, as well as preferred locations for leisure. It summarizes research findings regarding university students' involvement in leisure activities in China and Russia, and provides recommendations for enhancing student leisure systems.

Keywords: leisure, student leisure, student leisure practices.

References

1. Belozeroва I.A. Monitoring the cultural and leisure activities of student youth // *Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology*. 2020. Vol. 9. № 3 (32). Pp. 30–34.
2. Blokhina M.V., Grigoriev L.G. The attitude of student youth to theatrical arts: Results of a sociological study in Tver // *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2021. № 3. Pp. 85–89.
3. Vetyugova I.P. Problems of student leisure (based on the materials of a sociological survey of students of engineering specialties) // *Modern concepts of scientific research: Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference, Nizhny Novgorod, December 11, 2015 / Nizhny Novgorod branch of MIIT; Edited by N.V. Pshenitsnov. – Nizhny Novgorod: OOO «Stimul-ST», 2015. Pp. 13–15.*
4. Wang Liyuan, Wu Di. A Study on Leisure Education of University Students in Hebei Province // *Journal of Hebei Radio and Television University*. 2017. № 22 (02). Pp. 86–89. – URL: https://www.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&db-name=CJFDLAST2017&filename=HBGD201702020&uniplatform=OVERSEA&v=5F_R69lnXsSuXXajkNDWqfndvt4UK2_spKk4QEiAvUTGHGBfE6OM8B-jAGeozagI
5. Wang Yaping, Wang Jinqiu. An empirical study of students' leisure culture within the framework of the «wonderful life» concept – using the example of universities in Hefei // *Journal of Suzhou Institute of Education*. 2020. № 23 (02). P. 41–44. – URL: https://www.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&db-name=CJFDLAST2020&filename=SZXY202002011&uniplatform=OVERSEA&v=ERLsMjdZOSS_FHUMsajYME2SgJNkbC4G89X4SLkM5dLAX-ybRhWefY8tlk-PoJbQQ
6. Youth Leisure in the Mirror of Sociology / V.V. Shilov, A.V. Kopteva, V.V. Prokopets, A.K. Butorina // *Modern Society: Theoretical and Methodological Issues, and Methods of Social Research*. 2019. Vol. 1. Pp. 228–235.
7. Dorofeev A.A. Leisure as an Element of Students' Everyday Culture // *Pedagogical Mastery: Proceedings of the IX International Scientific Conference, Moscow, November 20–23, 2016. Moscow: Buki-Vedi Publishing House, 2016. pp. 61–64.*
8. Kondratieva N.S., Prokopenko L.A. Features of the Time Budget and Forms of Leisure of Students at a Technical University // *Advances in Modern Natural Science*. 2013. № 10. pp. 199–201.
9. Krikun E.V., Davityan M.G. Cultural Leisure of First-Year Students /// *Challenges and Innovative Solutions in Agricultural Science: Proceedings of the XXVIII International Scientific and Production Conference in 4 volumes, Maisky, June 10–11, 2024. May: Belgorod State Agrarian University, 2024. pp. 297–298.*
10. Petrova, M.E. «Characteristics of Students' Leisure Activities: A Sociological Analysis.» Service +. 2011, № 3 [electronic resource]. Accessed 09/02/2025. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-dosugovoy-zhiznedeyatelnosti-studentov-sotsiologicheskii-analiz-1>.
11. Povolotskaya, M.L., Gerega, N.N. «Active Leisure Activities of Students of the Faculty of Management as Part of a Healthy Lifestyle.» *Science Bulletin*. 2021, № 11(44). pp. 15–18.
12. Ravochkin, N.N., Popov, E.A. Conceptualization of the Concept of «Leisure Practices» in Modern Sociology // *Sociodynamics*. 2023. № 2. pp. 20–32.
13. Russia and China Continue to Strengthen Cooperation in Education [electronic resource]. Accessed June 7, 2025. – URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/98380/?sphrase_id=9140325
14. Agreement between the Government of the Union of Soviet Socialist Republics and the Central People's Government of the People's Republic of China on the Education of Citizens of the PRC in Higher Civilian Educational Institutions of the USSR [electronic resource]. Accessed June 7, 2025. – URL: <https://istmat.org/node/54246>
15. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the People's Republic of China on Mutual Recognition of Educational Documents and Academic Degrees [electronic resource]. Accessed 08.06.2025. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/47900/
16. Sun Linye. Students' Leisure: Data and Analysis // *Journal of Luoyang Normal Academy*. 2018. № 37 (03). pp. 14–22. – URL: https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&db-name=CJFDLAST2018&filename=LSZ-B201803004&uniplatform=OVERSEA&v=QE0VJ143yEjtqn-HM-S3kbY4PqtrBIAf9x-2ERQ8zN4rSGUR_EF5aKBZ2aG9o-mjh
17. Tang Lingjie. Leisure Time of Modern Students and the Construction of Educational and Campus Culture // *Literary Education (Upper Part)*, 2019. № (06). P. 158–159. – URL: https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&db-name=CJFDLAST2019&filename=WXYs201906077&uniplatform=OVERSEA&v=p4o56ZSFizme5l39XxX3BJzocgNgSiv-jpK4-frH4Kf7nrUhhIFle_NO3ozudn1mP
18. Feng Wei. An Empirical Study on the Problems of Managing Students' Free Time in the Northeast Region – Using the Case of S University in Heilongjiang Province // *Western Education Quality*. 2016. № 2(01). From 180–181. – URL: https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&db-name=CJFDLAST2016&filename=XBSJ201601143&uniplatform=OVERSEA&v=3A2OJwJnHbRA1D27ohW7zWrdFF4S-Rch3Dk0AK710yWhM_mQ4o1c9yOr1hKyXCtket
19. Hu Lanlan, Jiang Jingjing. A Survey Study on the Current Situation of Leisure Sports of Anqing University Students // *Modern Sports Science and Technology*. 2018. № 8 (12). Pp. 48–49. – URL: <https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&db-name=CJFDLAST2018&filename=DY-KJ201812030&uniplatform=OVERSEA&v=FDDSFs6hRP-CIUE3Z6UfMf00YVhwxL2DqaLPMms38p5UwygW3O91j6H-qwXSGd6HPP>
20. Jing Su. Survey and Reflections on the Current Situation of Students' Leisure Time on University Campus // *Journal of Neijiang Normal Academy*. 2013. № 28 (08). P. 80–84. – URL: https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&db-name=CJFD2013&filename=NJSG201308021&uniplatform=OVERSEA&v=s-Q3ON5t9ZiM6e3wWb4ECL5Gf_gt-QII2pTGT E8l7QgB8Vi03ImSv2iKWnH0ugQk
21. Jiang Sheng. Analysis of the Current Situation of Students' Leisure Time in Bengbu District and Educational Measures for Its Development // *Journal of Bengbu Institute*. 2018. № 7 (04). P. 124–128. – URL: https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&db-name=CJFDLAST2018&filename=BBXY201804026&uniplatform=OVERSEA&v=s8f4G0vWoQ6g-CKPYo9E-4O3mX5E2qOkeu_JtCw9Dby3_dTR6KzdWuEu-pU_dn9t

22. Chen Min. Research and Analysis of the Free Time Condition of Master's Degree Students in Engineering and Their Influencing Factors – The Case of Zhejiang University // Higher Education Forum. 2017. № 10. pp. 91–95. – URL: https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2017&filename=GGJY201710024&uniplatform=OVERSEA&v=UxN_tyjXmCpM5GE6Lrd-Et-L_UxpcYrG-z5PpQczQYonF-QcGVMoci8r2_A86gAll
23. Yan Zeyong, Wang Hongkai. A Survey Study on the Current State of Free Time of Modern Students // Education and Profession. 2011, № (02). P. 174–175. – URL: https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFD2011&filename=JYYZ201102085&uniplatform=OVERSEA&v=l0w0zgCFACJ_3A22gKradxbSeTI2-6D7lxATtRw3B3rkLYw-Uo91DfGGEJ_bCB7-
24. Yan Shuai. An Empirical Study on the Current State of Students' Leisure Time Planning and Use – Using Heilongjiang University as a Case Study // Heilongjiang Education (Theory and Practice). 2016, № (04). P. 26–28. – URL: https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2016&filename=HJL_L201604013&uniplatform=OVERSEA&v=WtJSCOQleq4PLODRUgh57ds7EiQ-TqFJdhIVPSv-2JkvKFjKHx3oCer3Hz3HPG8tT
25. Iwasaki Y., Mannell R.C. Hierarchical dimensions of leisure stress coping // Leisure Sciences. 2000. № 22. P. 163–191.

Метафоры как инструмент подтекста в политической коммуникации

Халил Салим Мохамед Салих,

аспирант, Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы

E-mail: khalidsaleemofficial@gmail.com

В статье рассматривается роль метафоры в политической коммуникации как инструмента создания подтекста и скрытого воздействия на общественное сознание. Подчеркивается её многофункциональность: когнитивная функция обеспечивает категоризацию сложных явлений через доступные образы, суггестивная – апеллирует к эмоциям и ценностям, манипулятивная – конструирует выгодную для политиков картину мира. Особое внимание уделено устойчивым метафорическим моделям («политика как война», «общество как здание», «жизнь как дорога», «политика как животный мир») и оппозиции «свой – чужой», выполняющим мобилизующую и легитимирующую функции. Анализируются примеры из российских и зарубежных дискурсов, а также проблемы перевода политических метафор, способных искажать исходные смыслы. Делается вывод о значимости метафоры как системного механизма формирования общественного восприятия и перспективности её дальнейшего изучения в условиях цифрового медиапространства.

Ключевые слова: политическая метафора, подтекст, манипуляция, когнитивная функция, суггестивность, перевод, идентичность.

Политическая коммуникация представляет собой особое пространство речевого взаимодействия, где отбор языковых средств определяется не только задачей передачи информации, но и необходимостью формировать установки массового сознания. В условиях постоянной конкуренции идеологий и информационного давления метафора становится одним из ключевых инструментов воздействия. Она позволяет переводить абстрактные категории политической жизни в образы, понятные широкой аудитории, что делает её универсальным механизмом интерпретации и внушения. Возникает не просто стилистический приём, а способ концептуализации действительности, придающий политическому дискурсу скрытую многослойность.

Исторически метафора воспринималась как украшение речи, однако развитие когнитивной лингвистики показало её фундаментальную роль в мышлении. Работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона, а также отечественных исследователей А.П. Чудинова и Э.В. Будаева продемонстрировали, что метафора структурирует представления о политике на уровне коллективного сознания. Она задаёт координаты восприятия социальных явлений, формирует эмоциональное отношение к событиям и служит средством категоризации сложных процессов. Например, модель «политика как война» актуализирует идеи борьбы и победы, а модель «общество как здание» обращается к образам прочности или разрушения. Каждая из этих моделей не только объясняет ситуацию, но и программирует реакцию аудитории.

Современные исследования подчеркивают суггестивный потенциал метафоры. Она апеллирует к чувствам, символическим ассоциациям и культурным кодам, воздействуя на установки без явного аргументирования. В условиях массовой коммуникации это качество приобретает особое значение: медийные тексты насыщены метафорами, способными вызывать доверие, тревогу или мобилизовать к действию. Политик, прибегающий к образу «темных сил» или «светлого будущего», формирует в сознании адресата не только оценку, но и определённый эмоциональный фон. Такой подтекст усиливает воздействие высказывания и позволяет скрывать прямолинейные призывы за образной формой.

Наряду с этим метафора выполняет манипулятивную функцию, направленную на конструирование определённой картины мира. В переводе с одного языка на другой она способна менять оттенки

смысла и искажать исходное сообщение, что делает проблему интерпретации особенно важной. В военно-политическом дискурсе ошибки перевода могут менять акценты, усиливать враждебность или, напротив, сглаживать конфликтные формулировки. Переводчик в этом случае оказывается посредником, от выбора которого зависит сохранение или утрата исходного подтекста.

Особое внимание исследователей привлекают устойчивые метафорические модели, циркулирующие в национальных политических культурах. В русском языке заметны конструкции, противопоставляющие «своих» и «чужих», что отражает социальные ценности и коллективные представления о безопасности. В англоязычном дискурсе активно используются метафоры движения и дороги, подчеркивающие динамизм и выбор пути. Анималистические образы придают политике оттенок естественной борьбы за выживание. Все эти модели демонстрируют, что метафора в политическом дискурсе является не случайным элементом, а системным средством формирования подтекста.

В последние десятилетия политическая метафорология оформилась в самостоятельное направление исследований. На стыке когнитивной лингвистики, социологии и политологии изучаются механизмы метафоризации, выявляется национальная специфика и динамика изменения образов. Сравнительные работы показывают, что выбор метафор зависит не только от культурного кода, но и от идеологической конъюнктуры. В периоды кризисов возрастает частотность военных и катастрофических образов, в условиях стабильности преобладают строительные и пространственные модели.

В центре настоящего исследования находится вопрос о том, как метафоры создают подтекст в политической коммуникации и каким образом они воздействуют на общественное сознание. Рассмотрение этого феномена предполагает анализ его когнитивных оснований, функций в дискурсе и конкретных моделей, которые формируют скрытые смыслы. Такая постановка задачи позволяет не только уточнить роль метафоры в системе речевых стратегий, но и выявить её потенциал как инструмента политического воздействия в условиях современного информационного общества.

Современное понимание метафоры в политическом дискурсе опирается на когнитивный подход, согласно которому метафора перестаёт быть лишь тропом и превращается в инструмент мышления. Исследования Э.В. Будаева и А.П. Чудинова показали, что метафоризация не только структурирует язык, но и задаёт способы интерпретации политической реальности. Метафора формирует связи между абстрактными категориями и конкретными образами, позволяя аудитории воспринимать политику через знакомые бытовые и культурные представления [3; 4]. Эта функция

получила развитие в сопоставительной политической метафорологии, где выявляется национальная специфика моделей и прослеживается их динамика во времени [4; 5].

Когнитивный аспект метафоры ярко проявляется в речах политических лидеров. Анализ предвоенных выступлений У. Черчилля показал, что метафоры формировали концептосферу лидера, опираясь на ключевые образы жертвы, врага, катастрофы и надежды. Эти концепты не только объясняли ситуацию, но и создавали определённые рамки интерпретации, в которых общество воспринимало надвигающуюся войну. Метафора «война как буря» или «враг как хищник» переносила политическую реальность в область чувственного восприятия, упрощая её для массового сознания и усиливая эмоциональное воздействие [5; 9].

Особую значимость в политической речи приобретает суггестивная функция метафоры. В отличие от прямого аргумента, она апеллирует к чувствам и подсознательным установкам адресата. Исследование С.Р. Алиулиной показало, что в речах Дж. Байдена и Д. Трампа метафоры «better angels» и «darkest impulses», «America as a building» или «restoration of greatness» создавали эмоциональный фон, побуждающий аудиторию к действию. Эти образы не только окрашивали сообщение в положительные или отрицательные тона, но и формировали ощущение морального выбора [1; 3]. Программные выступления подтверждают, что суггестивность политического дискурса достигается именно через метафорическую структуру, которая действует на подсознательном уровне.

Вместе с когнитивной и суггестивной функцией проявляется и манипулятивный потенциал метафоры. Переводческие исследования показывают, что при трансляции политических текстов смысловая нагрузка образов может изменяться. Неверная передача метафоры в военном или дипломатическом контексте усиливает конфликтность и искажает исходный замысел. А.С. Котлова подчёркивает, что метафоры в военно-политическом дискурсе выполняют не только эстетическую, но и стратегическую функцию: они формируют образ врага, оправдывают силовые действия и задают нужное восприятие событий у аудитории [6; 7]. Наиболее показательные примеры таких конструкций представлены в таблице 1, где отражены ключевые модели с указанием сферы-источника и сферы-мишени. В переводе метафор, связанных с войной и безопасностью, искажения особенно опасны, поскольку они меняют смысловое поле и напрямую влияют на общественное мнение.

Метафоры также формируют устойчивые модели, которые транслируются в средствах массовой информации. Исследование М.В. Беззубиковой и И.Н. Кайгородовой выделяет продуктивные модели: «общество как здание» и «жизнь как

дорога». Эти конструкции активно используются журналистами и политиками для объяснения реформ и кризисов. Например, «корабль реформ» или «поезд демократии» создают представление о движении и направлении, тогда как «разрушенное здание экономики» передаёт идею катастрофы и требует «строительных» усилий [2; 4]. Подобные модели устойчивы, так как опираются на коллективный опыт и культурные ассоциации.

Таблица 1. Примеры метафор в политическом дискурсе

Метафора	Сфера-источник	Сфера-мишень
«Our better angels» / «darkest impulses» (Дж. Байден)	Религиозные и моральные образы	Политическая борьба как противостояние добра и зла
«Small country brutally struck down» (У. Черчилль о Чехословакии)	Физическое насилие, военный захват	Международная политика, экспансия Германии
«To restore free speech» (Д. Трамп)	Ремонт, восстановление	Демократия как объект починки или обновления

Не менее важную роль играют зоометафоры, которые придают политике черты естественной борьбы за выживание. Цыгунова М.М. отмечает, что модель «политика – животный мир» позволяет приписывать политикам качества животных: агрессивность, хитрость, подчинённость инстинктам. Выражения «политические ястребы», «волчья стая» или «акула бизнеса» формируют восприятие акторов через ассоциации с хищниками или стадными животными [1; 8]. Эти образы легко усваиваются аудиторией и усиливают эмоциональную поляризацию.

В политическом дискурсе часто используется бинарная оппозиция «свой – чужой». По наблюдению Я. Цзэна, метафоры, отражающие данное противопоставление, выполняют мобилизующую функцию: они позволяют разделить общество на сторонников и противников, создавая чёткие границы идентичности [9; 10]. В российском политическом медиапространстве такие конструкции проявляются через образ «чужого» как угрозы безопасности или носителя чуждых ценностей. Этот приём обеспечивает легитимацию политических решений и укрепляет чувство общности внутри группы «своих».

Сравнительный анализ показывает, что метафорические системы разных языков и культур обладают как универсальными, так и уникальными чертами. Исследование Т.А. Жендаревой на материале русского и корейского дискурса показало, что в обеих традициях метафора выполняет когнитивную и аргументативную функции, но национальная специфика проявляется в выборе образов. В корейской политической риторике значи-

тельную роль играют метафоры, связанные с природой и гармонией, тогда как в русском дискурсе преобладают модели войны и оппозиции [6; 10]. Эта разница объясняется культурными кодами и историческими контекстами, что подтверждает необходимость межкультурных исследований.

Манипулятивный потенциал метафоры проявляется не только в переводе, но и в медиатрансляции. По наблюдениям А.П. Синельниковой, при адаптации англоязычных текстов для русскоязычных СМИ изменяется акцент: образ «спасателя» или «жертвы» может быть смещён в соответствии с редакционной политикой [6; 7]. Такое искажение подтекста напрямую влияет на общественное восприятие событий и подчеркивает, что метафора служит инструментом информационной войны.

В совокупности эти данные показывают, что метафора в политическом дискурсе представляет собой системное явление. Она соединяет когнитивные процессы категоризации, суггестивное воздействие на эмоции и манипулятивное конструирование социальной реальности. Устойчивые модели, будь то архитектурные, пространственные или анималистические, формируют общий фон восприятия политики. Одновременно национальная специфика и переводческие особенности определяют уникальность конкретных метафорических систем.

Проведённое исследование подтвердило, что метафора в политическом дискурсе выполняет не декоративную, а системообразующую роль. Её использование позволяет конструировать когнитивные схемы, через которые общество осмысливает политическую реальность. Факты анализа показывают, что именно метафора обеспечивает перенос сложных и абстрактных категорий в сферу наглядных и доступных для восприятия образов, что закрепляет её статус одного из базовых механизмов формирования подтекста.

Ключевой вывод связан с многофункциональностью политической метафоры. Она действует одновременно в когнитивной, суггестивной и манипулятивной плоскостях. На когнитивном уровне метафора задаёт рамки категоризации явлений, определяет логику их осмысления и закрепляет новые концепты в коллективном сознании. На уровне суггестивного воздействия она апеллирует к эмоциям и ценностным установкам, обеспечивая скрытую убедительность речи политического лидера. Манипулятивная функция проявляется в способности направлять массовое восприятие в выгодное для говорящего русло и поддерживать нужные социальные и политические конструкции.

Существенным результатом стало выявление устойчивых метафорических моделей, используемых в политической коммуникации. Наиболее продуктивными оказались модели «политика как война», «общество как здание», «жизнь как дорога» и «политика как животный мир». Эти модели

не только создают семантические поля для интерпретации действительности, но и выполняют мобилизующую функцию, подготавливая аудиторию к действиям, соответствующим идеологической позиции адресанта.

Выявлено, что бинарная оппозиция «свой – чужой» остаётся одним из центральных инструментов политического дискурса. Она задаёт структуру разделения общества и формирует коллективную идентичность через включение или исключение определённых групп. Этот механизм одинаково значим для национальных дискурсов разных стран, хотя набор образов и метафорических ассоциаций варьируется.

Сравнительные данные свидетельствуют о наличии как универсальных, так и культурно-специфичных характеристик политической метафоры. В разных языках и политических культурах сохраняются общие когнитивные принципы, но выбор сфер-источников и конкретных образов зависит от исторических традиций, национальных ценностей и текущей политической ситуации. Это подтверждает необходимость дальнейших межкультурных исследований, которые позволяют точнее понимать динамику метафоризации в условиях глобальной коммуникации.

Отдельным направлением анализа стало рассмотрение переводческих трудностей. Установлено, что при интерпретации метафор военно-политического дискурса особенно высок риск искажения подтекста. Ошибки перевода могут менять эмоциональную окраску сообщения и даже влиять на международное восприятие политических процессов. Это делает перевод политических метафор задачей, требующей строгих профессиональных стандартов.

Фактический материал убедительно продемонстрировал, что метафора является инструментом не только индивидуальной риторической стратегии, но и общественного регулирования сознания. Она закрепляет ценностные ориентиры, легитимизирует политические решения и обеспечивает коммуникационную эффективность в условиях информационного давления.

Обобщение полученных результатов позволяет заключить, что исследование метафоры как инструмента подтекста в политической коммуникации имеет не только теоретическую, но и прикладную значимость. Когнитивные и манипулятивные функции метафоры должны учитываться при анализе медиатекстов, переводе политических речей и разработке стратегий публичной коммуникации. Перспективным направлением является также изучение метафор в цифровом пространстве, где скорость распространения информации усиливает их внушающий эффект и делает ещё более значимыми для формирования общественного мнения.

Литература

1. Алиулина, С.Р. Метафора как способ реализации суггестивной функции в политическом дискурсе / С.Р. Алиулина // Диалог культур. Культура диалога: цифровые коммуникации: Материалы Третьей международной научно-практической конференции, Москва, 29 марта – 02 2022 года / Редколлегия: Л.Г. Викулова (отв. ред.) [и др.]. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Языки Народов Мира», 2022. – С. 351–355. – EDN LOGLHQ.
2. Беззубикова, М.В. Метафорические модели в политических текстах / М.В. Беззубикова, И.Н. Кайгородова // Векторы развития русистики и лингводидактики в контексте современного филологического образования: Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Астрахань, 14–15 октября 2021 года / Под редакцией З.Р. Аглеевой, Л.Ю. Касьяновой, М.Л. Лаптевой. – Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2021. – С. 58–63. – EDN ICBHTB.
3. Будаев, Э.В. Метафора в политической коммуникации / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «ФЛИНТА», 2008. – 248 с. – ISBN 978-5-9765-0275-8. – EDN ZCJENB.
4. Будаев, Э.В. Сопоставительная политическая метафорология / Э.В. Будаев. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Санкт-Петербург: Издательство «Наукоёмкие технологии», 2020. – 464 с. – ISBN 978-5-6044793-2-2. – EDN EJLKDK.
5. Давыдова, М.А. Роль когнитивной метафоры в формировании концептосферы политического лидера (на материале предвоенных выступлений У. Черчилля) / М.А. Давыдова // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 1. – С. 52–61. – EDN CTZQXZ.
6. Жендарева, Т.А. Роль метафоры в структуре политического дискурса русского и корейского языков / Т.А. Жендарева // ВСЕРОССИЙСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ: сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции, Петрозаводск, 24 июня 2021 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская Ирина Игоревна), 2021. – С. 77–84. – EDN PCZOOG.
7. Котлова, А.С. Актуальность проблемы перевода метафоры в военно-политическом дискурсе / А.С. Котлова // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. – 2020. – № 4. – С. 90–98. – DOI

10.25586/RNU.V925X.20.04.P.090. – EDN LUMFUH.

8. Синельникова, А.П. Манипулятивный потенциал метафоры в политическом дискурсе (переводческий аспект) / А.П. Синельникова // Иностранный язык и межкультурная коммуникация: Материалы XV Международной студенческой научно-практической конференции, Томск, 28–29 апреля 2021 года. – Томск: Вайар, 2021. – С. 165–172. – EDN RQJCYC.
9. Цзэн, Я. Репрезентация концептов «свой» – «чужой» в российских политических метафорах (на материале электронных СМИ) / Я. Цзэн // Гуманитарные исследования. – 2021. – № 2(78). – С. 72–78. – DOI 10.21672/1818–4936–2021–78–2–072–078. – EDN TICCZE.
10. Цыгунова, М.М. Анималистическая метафора в политическом дискурсе / М.М. Цыгунова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. – 2021. – № 4. – С. 121–135. – DOI 10.31249/ling/2021.04.05. – EDN RSELWX.

METAPHORS AS A TOOL OF SUBTEXT IN POLITICAL COMMUNICATION

Khalil S.M.S.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The article examines the role of metaphor in political communication as a tool for creating subtext and exerting hidden influence on public consciousness. Its multifunctionality is emphasized: the cognitive function categorizes complex phenomena through accessible imagery, the suggestive function appeals to emotions and values, and the manipulative function constructs a politically advantageous worldview. Particular attention is paid to stable metaphorical models ("politics as war," "society as a building," "life as a road," "politics as an animal world") and the "friend–foe" opposition, which serve mobilizing and legitimizing purposes. Examples from Russian and international discourses are analyzed, as well as the challenges of translating political metaphors, which may distort the original meanings. The study concludes that metaphor acts as a systemic mechanism shaping public perception and that its further exploration is highly relevant in the context of digital media.

Keywords: political metaphor, subtext, manipulation, cognitive function, suggestiveness, translation, identity.

References

1. Aliulina, S.R. Metaphor as a way of implementing the suggestive function in political discourse / S.R. Aliulina // Dialogue of Cultures. Culture of Dialogue: Digital Communications: Proceedings of the Third International Scientific and Practical Conference, Moscow, March 29 – February 2, 2022 / Editorial Board: L.G. Vikulova (editor) [et al.]. – Moscow: Limited Liability Company «Languages of the Peoples of the World», 2022. – Pp. 351–355. – EDN LOGLHQ.
2. Bezzubikova, M.V. Metaphorical Models in Political Texts / M.V. Bezzubikova, I.N. Kaigorodova // Vectors of Development of Russian Studies and Lingvistics in the Context of Modern Philological Education: Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Astrakhan, October 14–15, 2021 / Edited by Z.R. Agleeva, L. Yu. Kasyanova, M.L. Lapteva. – Astrakhan: Astrakhan State University, Astrakhan University Publishing House, 2021. – Pp. 58–63. – EDN ICBHTB.
3. Budaev, E.V. Metaphor in Political Communication / E.V. Budaev, A.P. Chudinov. – Moscow: FLINTA Limited Liability Company, 2008. – 248 p. – ISBN 978-5-9765-0275-8. – EDN ZCJEHB.
4. Budaev, E.V. Comparative Political Metaphorology / E.V. Budaev. – 2nd edition, revised and supplemented. – St. Petersburg: Science-Intensive Technologies Publishing House, 2020. – 464 p. – ISBN 978-5-6044793-2-2. – EDN EJKDK.
5. Davydova, M.A. The Role of Cognitive Metaphor in Shaping the Conceptual Sphere of a Political Leader (based on W. Churchill's Pre-War Speeches) / M.A. Davydova // Bulletin of Moscow University. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication. – 2021. – № 1. – P. 52–61. – EDN CTZQXZ.
6. Zhendareva, T.A. The Role of Metaphor in the Structure of Political Discourse in the Russian and Korean Languages / T.A. Zhendareva // ALL-RUSSIAN PHILOLOGICAL FORUM: collected articles from the II All-Russian scientific and practical conference, Petrozavodsk, June 24, 2021. – Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership «New Science» (IP Ivanovskaya Irina Igorevna), 2021. – Pp. 77–84. – EDN PCZOOG.
7. Kotlova, A.S. The Relevance of the Problem of Translation of Metaphor in Military-Political Discourse / A.S. Kotlova // Bulletin of the Russian New University. Series: Man in the Modern World. – 2020. – № 4. – Pp. 90–98. – DOI 10.25586/RNU.V925X.20.04.P.090. – EDN LUMFUH.
8. Sinelnikova, A.P. Manipulative potential of metaphor in political discourse (translation aspect) / A.P. Sinelnikova // Foreign language and intercultural communication: Proceedings of the XV International student scientific and practical conference, Tomsk, April 28–29, 2021. – Tomsk: Vaia, 2021. – Pp. 165–172. – EDN RQJCYC.
9. Zeng, Ya. Representation of the concepts «friend» – «foe» in Russian political metaphors (based on electronic media) / Ya. Zeng // Humanitarian studies. – 2021. – № 2(78). – Pp. 72–78. – DOI 10.21672/1818–4936–2021–78–2–072–078. – EDN TICCZE.
10. Tsygunova, M.M. Animalistic Metaphor in Political Discourse / M.M. Tsygunova // Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 6: Linguistics. Abstract Journal. – 2021. – № 4. – P. 121–135. – DOI 10.31249/ling/2021.04.05. – EDN RSELWX.

Транснационализм как фактор, определяющий формирование социальной идентичности мигрантов из КНР в принимающем обществе ДВ РФ

Цыбульник Екатерина Александровна,

аспирант, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»

E-mail: katia-ts84@mail.ru

В статье обоснована значимость исследования вопросов социальной идентичности мигрантов из КНР в условиях современного транснационального российско-китайского приграничного региона. Автором представлена теоретическая трактовка феномена «транснационализма» (обуславливающего стратегию поведения современных мигрантов из КНР в принимающем российском социальном пространстве) через призму классической теории транснационализма и исследований о возвратной миграции, а также охарактеризованы основные подходы в классификации данного понятия. Представлена авторская классификация мигрантов из Поднебесной, проживающих в дальневосточном регионе Российской Федерации с целью обучения и реализации различных форм трудовой деятельности, по принципу нацеленности на формирование и степени сформированности черт новой социальной посредством включенного наблюдения и анализа социальных практик представителей данного мигрантского сообщества с целью выявления признаков транснационализма. Выявлены и охарактеризованы основные факторы социального пространства дальневосточного приграничного региона, способствующие сохранению черт транснационализма у выходцев из КНР.

Ключевые слова: транснационализм, мигрант, трансмигрант, социальная идентичность, диаспора, транслокальность.

Введение

В современных условиях, связанных с непрерывной трансформацией миграционных процессов, исследование вопроса особенностей формирования социальной идентичности мигрантов из Китая (как ближайшего к Дальневосточному региону РФ государства с протяженной границей (при наличии порядка 20 действующих пограничных переходов) и обладающего мощным миграционным потенциалом), их пребывания в российском социуме с целью дальнейшего обеспечения условий бесконфликтной, толерантной и безопасной социальной среды принимающего общества приобретает острую значимость.

Важную роль в данной связи играет всестороннее усиление внимания к вопросу сближения России и Китая не только на глобальных площадках ШОС и БРИКС, но и на региональном уровне, обусловленное целым рядом факторов, одним из которых является реализация комплексной многоуровневой государственной стратегии поворота на Восток, нацеленной на укрепление связей со странами АТР (в том числе КНР, являющейся важным стратегическим партнером России, двусторонние отношения (всеобъемлющего стратегического партнерства) с которым достигли наивысшего уровня в истории и создали прочную базу для взаимодействия в политической, экономической и гуманитарной сферах), содействие развитию Дальнего Востока России для придания импульса развитию всей страны. Так, уже с 2019 года в дальневосточном регионе российской и китайской сторонами совместно реализуется проект формирования трансграничной агломерации с двумя центрами – город Благовещенск (Амурская область, РФ) и район Айхуэй (Айгунь, городской округ Хэйхэ, провинции Хэйлунцзян, КНР), который является составным элементом работы по сопряжению Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и китайской инициативы «Один пояс – один путь». Кроме того, активная поддержка концепции «Один остров – две страны» (обсуждавшаяся на первом Российско-Китайском форуме в Хабаровске), ориентированная на совместное развитие острова Большой Уссурийский (Хэйсяцзыдао) и создание международной территории опережающего развития, способствует увеличению контактной зоны между КНР и РФ, укреплению регионального взаимодей-

ствия в торгово-экономической, инвестиционной, транспортно-логистической, образовательной, культурной и иных областях, стимулируя формирование и развитие трансграничного транснационального пространства.

Таким образом, интенсификация всестороннего взаимодействия представителей китайского и российского социумов как на государственном, так и межличностном уровнях, географически и исторически детерминированные особенности дальневосточного региона России актуализирует необходимость рассмотрения влияния транснационализма на формирование социальной идентичности китайских мигрантов в условиях социального пространства ДВ РФ.

В современной отечественной и иностранной социологической литературе проблематика транснационализма как актуального методологического подхода в исследовании современного общества (С.Дж. Вагнер, Л.В. Клепикова, В.С. Мурманцев, В.В. Костенко, Л.Ю. Кочеткова), диаспоры как транснационального актора мультикультурного социума (И.А. Алешковский, С.С. Кузовлев, И.С. Слука, Ш. Чань) и социальной идентичности в условиях транснациональной миграции (В.Н. Петров, М.И. Заславская, В.Н. Ракачев, Я.В. Ракачева), в отдельности уже в значительной мере разработана. Однако в своей работе мы осуществляем попытку осмысления транснационализма как одного из основных факторов, определяющих формирование социальной идентичности мигрантов из Поднебесной и, как следствие, их социальные практики в принимающей социальной среде ДВ РФ.

Материалы и методы

Эмпирической базой нашего исследования послужили данные включённого наблюдения, осуществленного в ходе работы в российском филиале китайской компании, и сотрудничества с китайскими коллегами из предприятий, осуществляющих деятельность в России; данные 30 глубинных неформализованных интервью с китайскими мигрантами (в возрасте от 19 до 65 лет, проживающими на постоянной основе более 3-х лет в городах дальневосточного региона России), собранные в период с 2014 по 2025 г. По причине закрытости указанной мигрантской группы и отсутствия данных о генеральной совокупности для отбора респондентов применялась методология снежного кома. При анализе и интерпретации полученных данных использовалось сочетание стратегий восходящего и нисходящего нарративного анализа [5, с. 39–49]. Триангуляция выявленных результатов осуществлялась с использованием материалов авторов, проводивших исследования по сходной тематике: Абашиной С.Н., Анохиной Е.С., Бразевич С.С., Глущенко Г.И., Кочетковой Л.Ю., и др.

Литературный обзор

Классическая теория транснационализма предполагает рассмотрение миграции в качестве двунаправленного процесса, влияющего на развитие исходного и принимающего обществ, одновременно связывающий их. Основные положения данной теории были сформулированы исследователями Н. Глик Шиллер, К. Бланк-Зантон и Л. Баш в начале 1990-х гг., подвергнув критике классические миграционные исследования, согласно которым сообщества обязательно должны были иметь четкую локализованность и обладать связанной с местом локальной культурой, а мигрантам надлежало приспособляться или ассимилироваться в местную культуру, чтобы стать частью принимающего сообщества. Вместо этого основоположники указанного подхода предложили понятия «трансмигранты» (transmigrants) и «транснационализм» (transnationalism) как базовые для новой концепции в исследованиях международной миграции. В рамках новой парадигмы мигранты становятся трансмигрантами в том случае, когда развивают и поддерживают множественные семейные, экономические, социальные, организационные, религиозные и политические отношения, пересекающие государственные границы, а их социальные идентичности формируются во взаимодействии с более чем одним национальным государством. Встраиваясь в экономическую систему и политические институты, принимая образцы повседневной жизни страны нынешнего проживания, мигранты сохраняют связи, строят институты, управляют транзакциями и влияют на локальные и национальные события в стране происхождения [3; 9].

Отметим, что истоки транснационализма прослеживаются и в более ранних исследованиях о возвратной миграции, которые подчеркивая связи с Родиной, отмечают необязательность восприятия мигрантами своего отъезда из страны происхождения как окончательного, т.е. миграция может носить циркулирующий (маятниковый), а не однонаправленный характер, что особенно актуально в контексте исследования социальной идентичности мигрантов, проживающих на Дальнем Востоке РФ [7]. П. Левитт и Н. Яворски также утверждали, что «миграция никогда не была однонаправленной, а представляла собой процесс, при котором мигранты в разной степени одновременно вовлечены в многочисленные сферы на разных уровнях транснациональных социальных пространств, в которых они пребывают» [10, с. 130].

Транснациональное социальное пространство представляет собой некую комбинацию социальных связей, позиций в сетях, организациях, в двух (или более) географических местах, в нашем случае России и Китае. При этом таким пространствам присущ различный объем ресурсов (капиталов) как мигрантов, так и тех, кто не мигрирует, а также правил, налагаемых национальными

государствами и другими акторами и обстоятельствами [8]. Однако стоит осознать, что мигранты не создают своё собственное автономное культурное пространство за пределами и принимающего, и исходного сообществ, а посредством взаимосвязанных систем социальных отношений, пересекающих государственные границы, содействуют обмену, организации и изменениям идей, обычаев и ресурсов, формируя качественно новые социальные поля на основе исходного и принимающего регионов, образующие новое пространство, превышающее сумму двух исходных [9].

Безусловно существуют точки пересечения понятий «транснационализма» и «диаспоры», однако термин «диаспора» скорее относится к сообществу или группе, а «транснационализм», оперируя конкретными практиками мигрантов, фокусируется на функционировании сетей и поддержании взаимодействий через границу. В свою очередь, этническая диаспора и те, кто остался на Родине, нередко живут в разных социальных мирах, преследуют разные цели, по-разному воспринимая Родину как коллективную идентичность и ресурс культурной репродуктивности [8].

В современной социологии транснационализм принято классифицировать на следующие виды:

- узкий транснационализм, предполагающий непрерывную деятельность, включающую регулярные перемещения;
- широкий транснационализм, характеризующийся редким движением (или его отсутствием) и нерегулярной деятельностью [4]. Согласно альтернативной точке зрения выделяются основной и расширенный транснационализм, при этом первый тип представляет собой относительно прогнозируемую деятельность, являющуюся неотъемлемой частью жизни человека, имеющую регулярный характер; второй – нерегулярные действия мигрантов в ответ на политический кризис или природные катаклизмы у себя на Родине [10] (однако А. Портес и Т. Файст отмечают, что только регулярность и устойчивость контактов, деятельности и перемещений между странами являются отличительным признаком транснациональной миграции [8; 11]).

Результаты и обсуждение

Используя описанную выше теоретическую рамку, рассмотрим, соответствуют ли проживающие в дальневосточном регионе России мигранты из Китайской Народной Республики, их социальные практики принципам транснационализма. В ходе работы с респондентами нам представилось возможным выявить следующие группы мигрантов из КНР, проживающих на территории ДВ РФ, с различной степенью сформированности (или нацеленности

на формирование) новой идентичности или её отдельных черт.

1. Трудовые мигранты.

1.1. Сотрудники дочерних предприятий крупных китайских компаний в сфере добычи природных ресурсов, строительства, имеющие опыт аналогичной трудовой деятельности по контракту в различных регионах мира; период пребывания в России от одного месяца до 2 лет. В целом прослеживается отсутствие ориентированности на приобретение новой идентичности и адаптации к принимающему социальному пространству, характеризующееся:

- обособленным проживанием на закрытой территории предприятия;
- невладением и отсутствием интереса (необходимости) к овладению русским языком;
- отсутствием изменений в пищевых, бытовых привычках за время пребывания в России;
- контакты с принимающим социумом осуществляются только через гейткиперов, т.е. коллег, которые, оказывая необходимую помощь соотечественникам в новой социальной среде, реализуют функции контроля и фильтрации информации извне. Поддержанию описанной обособленности способствует специфика организации подобных коммерческих предприятий: параллельно существуют две иерархической цепи для российских и китайских сотрудников, подразделения, обеспечивающие работу наемных рабочих (русских и китайских) и взаимодействие со сторонними организациями (РФ и КНР) дублируют друг друга по функционалу (фактически предусмотрены два бухгалтерских отдела, два отдела кадров, два отдельных пищеблока для российских и китайских сотрудников, два отдельных медпункта и т.д.).

1.2. Высоко квалифицированные специалисты – сотрудники крупных китайских (трансграничных) корпораций, работающие по контракту в российских филиалах данных компаний, в том числе финансового сектора экономики (от 3 до 10 лет), имеющие относительно долгосрочную стратегию активного пребывания в принимающем инокультурном социальном пространстве (формирование черт новой идентичности не исключается):

- высокий уровень образования, имеют опыт обучения в престижных российских ВУЗах (или ВУЗах стран СНГ), хорошо владеют русским языком;
- многие проживают в России совместно с семьями, дети получают образование в местных учебных заведениях с целью повышения «конкурентоспособности» уже в китайском обществе (преимущество отдается посольским или международным школам, в которых преподавание осуществляется на английском языке, а также обучаются дети из других стран);

- имеют широкий круг непосредственного общения с представителями принимающего сообщества, однако не нацелены на дальнейшее его расширение, считают достаточным для комфортного пребывания в принимающей среде;
- заинтересованы в дальнейшем изучении русского в специализированных группах в рамках дополнительного образования в местных вузах.

1.3. Трудовые мигранты, занятые в сфере торговли, общественного питания и сферы услуг:

- в основном отсутствует опыт обучения в российских учебных заведениях, овладение языком происходит непосредственно в процессе трудовой деятельности;
- проживание достаточно обособленное, контакты с принимающей социальной средой осуществляется через более «опытных» соотечественников;
- представители принимающей среды, с которыми осуществляются контакты, – клиенты или бизнес-партнеры (со временем отмечается переход некоторых рабочих контактов более тесные дружественные связи);
- проживают в России зачастую отдельно от семей (редко с супругами или взрослыми детьми, которые приехали получать образование в местных ВУЗах и частично помогают в бизнесе); неженатые представители данной группы нередко доверяют выбор супруга / супруги старшему поколению родственников и выезжают для заключения брака в КНР;
- основной канал получения информации китайские СМИ и социальные сети.

1.4. Мигранты, получившие образование в российских вузах, занятые в различных сферах трудовой деятельности в качестве высоко квалифицированных сотрудников (менеджеры, специалисты HR, переводчики), или самозанятые в сфере образовательных услуг (срок пребывания в России от 10 лет), как и предыдущая группа хорошо адаптированы к принимающей среде, свободно владеют русским языком, имеют широкий круг общения среди представителей принимающей социальной среды.

1.5. Сотрудники дипломатических миссий, топ менеджмент иностранных компаний: представители данной группы имеют значительный круг общения среди представителей как принимающего сообщества, так и соотечественников-мигрантов различных социальных и профессиональных групп, по средством своей профессиональной деятельности выполняют функцию гейткипинга, поддержки соотечественников, а также трансляции общего курса «мягкой силы».

1.6. Особая группа трудовых мигрантов (первого поколения), занятых в различных сферах предпринимательской деятельности (владельцы мелкого / среднего бизнеса), получившие российское

гражданство, носители черт двойственной гражданской идентичности:

- проживают в ДВ РФ более 10 лет, зачастую не имеют опыта обучения в российских учебных заведениях;
- проживают в России вместе с супругами и детьми (нередки смешанные браки, в которых супруга – россиянка);
- широкий круг общения среди представителей местного населения и соотечественников, проживающих на территории ДВ РФ; выполняя ярко выраженный функционал гейткиперов, способствующих установлению взаимодействия между представителями исходного и принимающего социумов, создают новые социальные поля, пересекающие географическую, политическую и культурную границы (ярко выраженные трансмиранты).

2. Студенты, обучающиеся в местных вузах, также имеют достаточно долгосрочную стратегию приобретения черт новой идентичности по средством образования и овладения языком принимающего сообщества. В целом для представителей данной группы характерны:

- относительная закрытость, поддерживают активное общение только со студентами-соотечественниками, контакты с российскими носят эпизодический характер;
- знакомство с российской культурой и особенностями местного социума происходит через взаимодействие с преподавателями, сотрудниками международных отделов учебных заведений или родителей, имевших какой-либо опыт общения с россиянами (выходцами из Советского Союза), а также студентов-соотечественников, обучающихся в России более длительное время;
- желание остаться в России после обучения в местных ВУЗах выказывает незначительная часть респондентов, планирующих продолжить обучение в магистратуре и аспирантуре тех же учебных заведений или более престижных в западной части РФ, или осуществлять трудовую деятельность в местных коммерческих предприятиях, владельцами которых являются их родители, родственники или знакомые.

3. Мигранты второго поколения, дети мигрантов, получившие образование в России или частично в РФ и КНР, хорошо владеющие обоими языками (говорят и думают на обоих языках), достаточно комфортно чувствуют себя в российском и китайском обществе (прослеживаются черты наличия двойственной идентичности); однако респонденты данной группы отмечают, что иногда им приходится сталкиваться с ситуациями, которые можно описать как «в России я свой среди чужих, в Китае – чужой среди своих» [6].

Следовательно, несмотря на отсутствие гомогенности характеристик, черты трансмиграции (транснационализма) в большей или меньшей степени свойственны представителям всех описанных нами групп мигрантов из КНР, проживающих в дальневосточном регионе России. Для выявления особенностей идентичности выходцев из КНР и понимания культурного и исторического базиса транснационализма китайских мигрантов необходимо обратиться к классической модели китайской миграции, описанной Р. Скелдоном, который (при всем многообразии типов китайских мигрантов, подробно описанных в исследовательской литературе) утверждал, что «ни один уважающий себя китаец не покинет Родину навсегда, а будет пребывать в других странах как лицо временное» [12, с. 52].

Таким образом, в фокусе данной концепции мигрант – это потенциальный носитель двух (и более) идентичностей по причине вовлеченности в социальную, экономическую и от части политическую жизнь нескольких обществ. Проявления данного феномена были нами также отмечены в рамках включённого наблюдения со встроенными неформальными интервью с респондентами группы 1.6, указанной нами ранее: *в общении с представителями принимающего сообщества мигранты активно выражают свою гражданскую позицию, высказываясь о поддержке СВО (в том числе материальной): «Мы все граждане России, поддерживаем Президента и должны помогать друг другу в сложные времена», однако в социальных практиках с соотечественниками риторика относительно данного вопроса более нейтральна, что соответствует официальной позиции КНР: невмешательство в отношения стран-партнеров с другими государствами.*

Транснациональные связи, реализуемые международными мигрантами, получили название «пять Т»: трансферы (денежные переводы), торговля, транспорт, телекоммуникации, туризм [2]. К частным формам транснационализма китайских мигрантов также можно отнести предпринимательство, конечными потребителями продуктов которого являются как россияне, так и представители Поднебесной, проживающие по обе стороны границы (общепит, торговля продуктами питания, туристические услуги, услуги автосервисов, строительства малых промышленных объектов). Следует отметить, что динамичному развитию данного направления в местной мигрантской среде способствует безусловная приоритетность туристических компаний, владельцами которых являются этнические китайцы, (даже при наличии надежных и более дешевых альтернативных вариантов) при выборе туроператоров и авиакомпаний. *Респонденты в рамках проведённых нами полевых исследований отметили среди основных факторов выбора привычность, высокий уровень доверия, лич-*

ное знакомство с представителями туркомпании (национальный контекст отрицается). Кроме того, организованные туристические группы, совершающие путешествия дальневосточные российские города, предпочтительно пользуются услугами «самозанятых» гидов-экскурсоводов, которые являются этническими китайцами, проживающими в России, несмотря на наличие лицензированных российских гидов-переводчиков, владеющих китайским языком.

Также отметим, что сохранению черт трансмиграции среди выходцев из КНР способствует вызванный миграцией рост спроса на товары (услуги), производимые (предоставляемые) страной происхождения, в том числе продукты питания, музыка и кино (прослушивание, просмотр и оплата за потребление контента производится через сайты и интернет-сервисы КНР). Кроме того, при наличии значительного количества точек общественного питания национальной китайской кухни и специализированных магазинов традиционных продуктов и специй из КНР, адаптированных и ориентированных на российского потребителя, в дальневосточных городах РФ существует ряд аналогичных предприятий (работающих по типу «закрытых клубов»), целевой клиентской аудиторией которых являются преимущественно (или только) мигранты из Китая (например частные рестораны, подающие экзотические блюда).

Формированию транснационального пространства также содействует широкий спектр форм государственной поддержки со стороны КНР своих сограждан, проживающих в городах российского Дальнего Востока, а также активное российско-китайское межмуниципальное сотрудничество в социально-гуманитарной сфере:

- деятельность консульств, которая кроме основного консульского функционала, предполагает организацию культурно-массовых мероприятий (по случаю государственных и национальных праздников) для соотечественников – представителей различных слоев общества;
- деятельность представительств городов КНР в России (например представительства г. Цзямусы в Хабаровске и Биробиджане), оказывающих содействие предприятиям и госкорпорациям КНР в ведении бизнеса в российских регионах;
- поддержка правительственными организациями КНР частных предприятий, зарегистрированных и осуществляющих деятельность в РФ в качестве представительств (например «Представительство города Фуюань в городе Хабаровске по вопросам культурного взаимодействия», «Торговое представительство уезда Фуюань КНР в Хабаровске»);
- открытие филиалов национальных банков, преимущественно ориентированных на обслуживание соотечественников и юридических

лиц, чьими бенефициарами являются граждане КНР, в городах ДВ РФ (Владивосток, Хабаровск, Благовещенск);

- формирование институтов российско-китайского сотрудничества – организация представительств профсоюзов сотрудников и рабочих КНР в городах ДВ РФ (сервисных центров по типу «одного окна»), обеспечивающих защиту прав и оказание помощи соотечественникам, осуществляющим трудовую деятельность в России;
- активное продвижение вопроса скорейшего запуска круглогодичного пограничного перехода на острове Большой Уссурийский в рамках реализации концепции «Один остров – две страны»;
- поддержка сотрудничества с российскими общественными организациями (взаимодействие Союза женщин г. Фуюань КНР, подведомственного муниципальному правительству, с общественной организацией «Хабаровский городской Союз Женщин» по вопросам поддержки семейных ценностей, охраны материнства и детства, организации обменов);
- организация российско-китайских культурных сезонов, фестивалей искусств и гастрономии, трансграничных марафонов, регат и т.д.

Также отметим, что для современной цифровой эпохи характерна широкая представительность, самопрезентация и самореализация мигрантов, проживающих в России, в китайских социальных сетях, которая является одной из форм их адаптации в трансграничном информационном пространстве. Благодаря развитию новых интернет-технологий мигранты из КНР способны совмещать физическое отсутствие на Родине с социальным присутствием в транснациональном информационном пространстве, которое представлено:

- блогами о жизни китайских мигрантов в России, о русской культуре глазами выходцев из Китая, образовательным контентом в области русского языка, ориентированными на соотечественников, проживающих на Родине;
- онлайн каналами, прямыми эфирами в социальных сетях из местных российских супермаркетов, в ходе которых осуществляется презентация и онлайн продажа российских продуктов питания, популярных в КНР;
- китайско-российскими цифровыми трансграничными бизнес-платформами (нацеленными на обеспечение купли-продажи, сопровождение сделок и трансграничных финансовых операций, онлайн презентацию российских и китайских товаров и их реализацию по обе стороны границы).

Так, по мнению С.С. Бразевич, в рамках концепции транснациональности и транслокальности в настоящее время можно говорить о зарождении уникального социального феномена – «ухода» ми-

грантов (в том числе прибывших из Китая) в социальные медиа Интернета, который сопровождается отказом от ассимиляции, а также лояльности к принимающему социуму [1].

Заключение

Таким образом, в социальных практиках выходцев из Поднебесной, относящихся к различным группам представленной нами авторской классификации, в большей или меньшей степени вовлеченных одновременно в социальную, экономическую от части политическую жизнь двух обществ, прослеживаются признаки и черты транснационализма, что наравне с современными тенденциями активного развития транснационального пространства необходимо учитывать в процессе исследования вопросов социальной идентичности мигрантов из КНР, т.к. именно фактор транснациональности характеризует специфику исследуемого нами мигрантского сообщества в условиях дальневосточного региона России.

Литература

1. Бразевич С.С. Концепция транснациональной и транслокальной миграции как релевантная теоретическая рамка для анализа «цифровизации» этнических сетей мигрантов // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2022. № 3 (7). С. 6–13. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-transnatsionalnoy-i-translokalnoy-migratsii-kak-relevantnaya-teoreticheskaya-ramka-dlya-analiza-tsifrovizatsii> (дата обращения: 15.01.2025). DOI:10/24412/1994-3776-2022-3-6-13
2. Глуценко Г.И. Транснационализм мигрантов и перспективы глобального развития // Мировая экономика и перспективы глобального развития. – 2005. – № 12. – С. 50–57.
3. Жить в двух мирах. Переосмысляя транснационализм и транслокальность / под общ. ред. Абашина С.Н., Бредниковой О.Е. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 516 с.
4. Кочеткова Л.Ю. Транснациональная миграция: понятие, условия развития и последствия // Географический вестник. – 2013. – № 2 (25). – С. 24–28. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transnatsionalnaya-migratsiya-ponyatie-usloviya-razvitiya-i-posledstviya> (дата обращения: 01.02.2025).
5. Практики анализа качественных данных в социальных науках: учеб. пособие / отв. ред. Е.В. Полухина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 383 с.
6. Цыбульник Е.А. Классификация мигрантов из КНР, проживающих в Дальневосточ-

ном регионе России // Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств. – 2025. – № 3 (8). – С. 79–84. DOI: <https://doi.org/10.38161/2949-6152-2025-3-79-84>

7. Chapman M., Prothero R.M. (eds.). *Circulation in Population Movement. Substance and Concepts from the Melanesian Case*. London: Routledge and Kegan Paul, 1985. P. 3–6.
8. Faist T. Transnational social spaces out of international migration: evolution, significance and future prospects // *Archives Européennes de Sociologie*. 1998. Vol. 39. № 2. Pp. 216–217.
9. Glick Schiller N.G., Basch L., Blanc-Szanton C. *Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration // Towards a transnational perspective on migration: Race, class, ethnicity, and nationalism reconsidered* / ed. Nina Glick Schiller, Linda Basch and Cristina Blanc-Szanton. New York: New York Academy of Sciences, 1992. Pp. 1–24. <https://doi.org/10.1111/j.1749-6632.1992.tb33484.x>
10. Levitt P., Jaworsky B.N. Transnational migration studies: Past developments and future trends. *Annual Review of Sociology*, Vol. 33. 2007. P. 130.
11. Portes A., Guarnizo L.E. The study of transnationalism: pitfalls promise of an emergent research field // *Ethnic Racial Studies*. 1999. № 22(2). Pp. 217–237.
12. *The Chinese Diaspora: Space, Place, Mobility, and Identity* / ed. by L. Ma, C. Cartier. Lanham, 2003, 400 p.

TRANSNATIONALISM AS A FACTOR DETERMINING THE FORMATION OF SOCIAL IDENTITY OF MIGRANTS FROM CHINA IN THE HOST SOCIETY OF THE FAR EAST OF THE RUSSIAN FEDERATION

Тсубулник Е.А.

Pacific National University

This article substantiates the importance of studying the social identity of migrants from China in the context of the contemporary transnational Russian-Chinese border region. The author presents a theoretical interpretation of the phenomenon of “transnationalism” (which determines the behavioral strategy of contemporary migrants from China in the host Russian social space) through the prism of classical transnationalism theory and research on return migration, and also characterizes the main approaches of Russian and international sociology in classifying this concept. The author presents a classification of migrants from China residing in the Far Eastern region of the Russian Federation for the purpose of training and implementing various forms of labor activity based on the principle of focusing on the formation and degree of formation of new social

traits through participant observation and analysis of the social practices of representatives of this migrant community in order to identify signs of transnationalism. The author identifies and characterizes the main factors of the social space of the Far Eastern border region that contribute to the preservation of transnationalism among migrants from China.

Keywords: transnationalism, migrant, transmigrant, social identity, diaspora, translocality.

References

1. Brazevich S.S. The concept of transnational and translocal migration as a relevant theoretical framework for analyzing the “digitalization” of ethnic migrant networks // *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*. 2022. № 3 (7). Pp. 6–3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-transnatsionalnoy-i-translokalnoy-migratsii-kak-relevantnaya-teoreticheskaya-ramka-dlya-analiza-tsifrovizatsii> (accessed: 15.01.2025). DOI: 10/24412/1994-3776-2022-3-6-13
2. Glushchenko G.I. Transnationalism of migrants and prospects for global development // *World Economy and Prospects for Global Development*. – 2005. – № 12. – Pp. 50–57.
3. *Living in Two Worlds. Rethinking Transnationalism and Translocality* / edited by S.N. Abashin, O.E. Brednikova. Moscow: New Literary Review, 2021. 516 p.
4. *Transnational Migration: Concept, Conditions of Development, and Consequences* // *Geographical Bulletin*. – 2013. – № 2 (25). Pp. 24–28. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transnatsionalnaya-migratsiya-ponyatie-usloviya-razvitiya-i-posledstviya> (accessed: 01.02.2025).
5. *Practices of Qualitative Data Analysis in the Social Sciences: Textbook* / edited by Ed. E.V. Polukhina; National Research University “Higher School of Economics”. – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2023. 383 p.
6. Tsybulnik E.A. Classification of migrants from China living in the Far Eastern region of Russia // *Periphery. Journal of the Study of Non-Capital Spaces*. – 2025. – № 3 (8). – P. 79–84. DOI: <https://doi.org/10.38161/2949-6152-2025-3-79-84>
7. Chapman M., Prothero R.M. (eds.). *Circulation in Population Movement. Substance and Concepts from the Melanesian Case*. London: Routledge and Kegan Paul, 1985. Pp. 3–6.
8. Faist T. Transnational social spaces out of international migration: evolution, significance, and future prospects // *Archives Européennes de Sociologie*. 1998. Vol. 39. № 2. Pp. 216–217.
9. Glick Schiller N.G., Basch L., Blanc-Szanton C. *Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration // Towards a transnational perspective on migration: Race, class, ethnicity, and nationalism reconsidered* / ed. Nina Glick Schiller, Linda Basch and Cristina Blanc-Szanton. New York: New York Academy of Sciences, 1992. Pp. 1–24. <https://doi.org/10.1111/j.1749-6632.1992.tb33484.x>
10. Levitt P., Jaworsky B.N. Transnational migration studies: Past developments and future trends. *Annual Review of Sociology*, Vol. 33. 2007. P. 130.
11. Portes A., Guarnizo L.E. The study of transnationalism: pitfalls promise of an emergent research field // *Ethnic Racial Studies*. 1999. № 22(2). Pp. 217–237.
12. *The Chinese Diaspora: Space, Place, Mobility, and Identity* / ed. by L. Ma, C. Cartier. Lanham, 2003, 400 p.

Социальные инструменты реализации потенциала музеев в научной деятельности студентов: обобщение опыта Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета

Янчев Дмитрий Викторович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет
E-mail: yadim68@mail.ru

Статья посвящена изучению роли музейных пространств в образовательной и культурной жизни высших учебных заведений в условиях цифровизации. Рассматриваются современные подходы к организации музейной деятельности в университетской среде, включая применение интерактивных и иммерсивных технологий. Особое внимание уделяется проблеме вовлечения студенческой молодежи, представляющей поколение «цифровых аборигенов», в потребление музейного продукта. Анализируются формы и методы музейной коммуникации, включая виртуальные выставки, цифровые платформы и использование социальных сетей для продвижения музейного контента. На примере Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета показаны перспективы развития университетских музейных пространств как образовательного ресурса. Исследуются модели взаимодействия образовательных организаций и музеев, механизмы вовлечения студентов в научно-исследовательскую работу через музейную деятельность. Обосновывается необходимость применения современных информационно-коммуникационных технологий, технологий виртуальной и дополненной реальности для повышения привлекательности музейного пространства для молодежной аудитории. Раскрываются возможности музейных коммуникаций в продвижении историко-культурного наследия и формировании культурных компетенций студентов.

Ключевые слова: музейное пространство, университетский музей, цифровизация музеев, музейная коммуникация, виртуальные выставки.

Введение

Современные музеи переживают трансформацию своей идентичности, превращаясь из статичных хранилищ артефактов в динамичные образовательные и научно-исследовательские центры. Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления роли отраслевых музеев высших учебных заведений в контексте подготовки специалистов и развития студенческой науки. Согласно «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года», музейные институции должны активно интегрироваться в образовательный процесс, используя как традиционные, так и инновационные технологии. Музеи вузов, обладая уникальными коллекциями и аутентичными материалами, представляют собой недостаточно используемый ресурс для организации научно-исследовательской работы студентов, особенно в гуманитарной и междисциплинарной областях.

Процессы цифровой трансформации образования требуют переосмысления традиционных форм музейной работы и создания гибридных образовательных пространств, интегрирующих физическое и виртуальное измерения музейного опыта. Пандемия COVID-19 актуализировала задачу создания виртуальных музейных пространств и цифровых коллекций, что открывает для университетских музеев новые возможности расширения аудитории и развития дистанционных форм научно-образовательной работы со студентами.

Кроме того, современные исследования музейной аудитории фиксируют устойчивую тенденцию снижения интереса молодежи к традиционным форматам музейной коммуникации. Поколение «цифровых аборигенов» ожидает от музеев интерактивности, персонализации опыта, возможности активного участия в создании содержания, использования современных технологий визуализации. Университетские музеи, работающие преимущественно со студенческой аудиторией, должны быть лидерами в разработке и апробации инновационных форматов взаимодействия [17].

Отраслевые музеи вузов играют важную роль в формировании профессиональной идентичности студентов, знакомя их с историей развития отрасли, выдающимися представителями профессионального сообщества, эволюцией технологий и научных представлений. В условиях кризиса

профессиональной идентичности молодых специалистов музей может стать пространством диалога поколений, передачи профессиональных ценностей и культурных кодов отраслевого сообщества.

Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет (Дальрыбвтуз) является одним из старейших отраслевых учебных заведений Дальнего Востока России, имеющим богатую историю, неразрывно связанную с развитием рыбохозяйственного комплекса региона. Университет был основан в 1930 году как Владивостокский техникум рыбной промышленности, призванный решить кадровую проблему стремительно развивающейся рыбодобывающей и рыбоперерабатывающей отрасли Дальнего Востока. В условиях индустриализации страны и масштабного освоения морских биоресурсов Тихого океана перед учебным заведением была поставлена стратегическая задача – подготовка квалифицированных специалистов, способных обеспечить технологический прорыв в рыбной промышленности региона [4].

В 1950 году техникум был реорганизован в Дальневосточный технический институт рыбной промышленности и хозяйства (Дальрыбвтуз), что ознаменовало новый этап в развитии учебного заведения и расширение его образовательных программ до уровня высшего образования. На протяжении советского периода вуз стал ведущим центром подготовки инженерных и научных кадров для рыбохозяйственного комплекса не только Дальнего Востока, но и всего Советского Союза. Выпускники университета работали на флотилиях, занимающихся промыслом в водах Мирового океана, на рыбоперерабатывающих комбинатах, в научно-исследовательских институтах и проектных организациях отрасли.

В 1994 году институт получил статус университета, что отразило его возросший научно-образовательный потенциал и расширение спектра образовательных программ. Сегодня Дальрыбвтуз является многопрофильным учебным заведением, готовящим специалистов в области промышленного рыболовства, аквакультуры, судостроения и судоремонта, морских технологий, пищевых производств, экономики и управления на предприятиях рыбохозяйственного комплекса. Университет поддерживает тесные связи с ведущими предприятиями отрасли, научными организациями и международными партнерами, что обеспечивает практико-ориентированный характер образовательного процесса.

Музей истории Дальрыбвтуза был создан в 1980 году по инициативе ветеранов университета и при активном участии студенческого актива с целью сохранения исторической памяти о развитии вуза и рыбохозяйственной отрасли Дальнего Востока. За более чем сорокалетнюю историю своего существования музей накопил уникальную

коллекцию, включающую документы, фотографии, личные вещи преподавателей и выдающихся выпускников, образцы рыбопромысловой техники и технологического оборудования разных эпох, модели судов рыбопромыслового флота, научные коллекции морских биологических объектов и образцы продукции рыбоперерабатывающих производств. Экспозиция музея отражает ключевые этапы развития университета, показывает эволюцию технологий добычи и переработки водных биоресурсов, представляет биографии выдающихся ученых и организаторов отрасли, связанных с вузом.

Фонды музея содержат бесценные материалы по истории становления рыбохозяйственного образования на Дальнем Востоке, документируют участие преподавателей и студентов в научных экспедициях и промысловых рейсах, фиксируют развитие научных школ университета в области ихтиологии, промышленного рыболовства, технологии переработки гидробионтов, судовых энергетических установок и других направлений. Отдельные разделы экспозиции посвящены вкладу университета в развитие морской науки, освоение ресурсов Мирового океана в советский период, международному сотрудничеству вуза. Музей обладает коллекциями, имеющими не только институциональную, но и общенаучную ценность, поскольку материализует историю развития целой отрасли экономики Дальневосточного региона.

Однако, несмотря на богатство коллекций и их очевидный образовательный и научно-исследовательский потенциал, музей остается недостаточно интегрированным в учебный процесс университета и слабо используется студентами в качестве базы для научно-исследовательской работы. Это парадоксальное положение, когда уникальный исторический и научный ресурс находится в непосредственной доступности студентов, но остается невостребованным, определяет актуальность настоящего исследования и требует разработки целенаправленной стратегии активизации музейного пространства как элемента образовательной инфраструктуры вуза.

Проблема низкого уровня вовлеченности студенческой молодежи в музейную деятельность неоднократно обсуждалась исследователями. Как показывают эмпирические данные, собранные в ходе исследований музейной аудитории, студенты демонстрируют слабую информированность о музейных ресурсах своих вузов и редко рассматривают музей как пространство для научной работы [18].

Музей рыбохозяйственного вуза обладает уникальным потенциалом для организации междисциплинарных исследований, объединяющих биологические, исторические, культурологические и технологические аспекты. Коллекции музея могут стать основой для студенческих работ в обла-

сти истории науки и техники, музеологии, архивного дела, культурного наследия, а также служить источником данных для реконструкции исторических процессов развития отрасли, изучения биографий выдающихся ученых и практиков, анализа эволюции технологий и оборудования. Междисциплинарный характер музейных коллекций открывает возможности для совместных проектов студентов различных направлений подготовки, что способствует формированию системного мышления и развитию навыков коллаборации.

Научная новизна настоящего исследования заключается в разработке концептуальной модели интеграции музейного пространства Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета в систему научно-исследовательской работы студентов. Впервые применен комплексный подход, сочетающий анализ музейных коллекций отраслевого вуза как объекта научного исследования, изучение особенностей восприятия музейного пространства студенческой аудиторией и разработку практических механизмов цифровой трансформации музейной коммуникации. Предложена оригинальная методика оценки научно-образовательного потенциала университетских музеев, основанная на триангуляции количественных и качественных методов исследования.

Исследование вносит вклад в развитие теории музейной педагогики применительно к контексту высшего профессионального образования, раскрывая специфику работы с молодежной аудиторией в условиях цифровизации образовательного процесса.

Цель исследования – выявить механизмы активизации научного потенциала музея отраслевого вуза и предложить практические рекомендации по созданию коммуникационной среды, способствующей развитию студенческой науки. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: провести комплексный анализ состояния музейного пространства Дальрыбвтуза и характера его использования в образовательном процессе; изучить опыт и практики работы с молодежной аудиторией ведущих российских и зарубежных университетских музеев; выявить потребности и ожидания студентов в отношении развития музейного пространства и возможностей его использования для научно-исследовательской работы; разработать концептуальную модель интеграции музея в систему научно-исследовательской работы студентов; предложить практические рекомендации по технологической модернизации музейного пространства, развитию цифровой коммуникации и организационной интеграции музея в учебный процесс.

Практическая значимость исследования заключается в разработке конкретных механизмов и инструментов активизации научно-образовательного

потенциала музея Дальрыбвтуза, которые могут быть адаптированы и использованы в практике других университетских музеев, особенно отраслевых вузов. Предложенные рекомендации по развитию цифровой инфраструктуры музея, созданию интерактивных образовательных программ, интеграции музейных ресурсов в учебный процесс и организации научно-исследовательской работы студентов на базе музейных коллекций имеют прикладной характер и могут быть реализованы в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии концептуальных представлений о роли и функциях университетских музеев в современной системе высшего образования, обосновании модели трансформации музея из хранилища артефактов в активное образовательное и научно-исследовательское пространство, интегрированное в учебный процесс. Результаты исследования вносят вклад в развитие междисциплинарной области музейной педагогики, музеологии и теории высшего образования, предлагая новые подходы к анализу образовательного потенциала музейных институций и механизмов его реализации в условиях цифровой трансформации образования и культуры.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили результаты анкетирования студентов Дальрыбвтуза (n=156), проведенного в период с сентября 2024 по сентябрь 2025 года, контент-анализ цифровых платформ музея университета, а также экспертные интервью с сотрудниками музея и преподавателями профильных кафедр. Методологическую основу составили сравнительно-исторический, структурно-функциональный и социокультурный подходы. Применялись методы включенного наблюдения, контент-анализа социальных медиа музея, статистической обработки данных анкетирования. Теоретическую базу исследования составили работы по музеологии [15], современным образовательным практикам в музейной среде [5] и коммуникационным стратегиям культурных институций.

Результаты исследования

Анализ результатов анкетирования выявил критически низкий уровень посещаемости музея Дальрыбвтуза студенческой аудиторией. 67% респондентов заявили, что никогда не были в университетском музее, 21% посещали его однократно во время ознакомительной экскурсии на первом курсе, и лишь 12% бывали в музее более одного раза. Характерными оказались ответы: «Не знаю, где он находится», «Слышал о существовании, но не представляю, что там можно делать». Подобные результаты кор-

релируют с данными аналогичных исследований, проведенных в других вузах России, где констатируется «деформированное представление о музее» как статичном пространстве [8].

Данная ситуация усугубляется выявленными системными проблемами информационной доступности музейных ресурсов. Анализ цифровой репрезентации музейно-экспонатных пространств на официальном веб-сайте университета [13] демонстрирует критические дефициты контентного наполнения. На странице «Музейно-экспонатные пространства» формально представлен перечень трёх объектов: Музей морской биологии, Музей рыбного хозяйства Дальнего Востока и Аквариальный зал, однако активные гиперссылки на соответствующие веб-страницы с детализированной информацией о коллекциях, режиме работы и образовательных возможностях полностью отсутствуют. Виртуальный тур по университету содержит единственную функционирующую ссылку на Музей морской биологии, при этом представленный контент характеризуется крайне низкой информативностью и не раскрывает научно-исследовательского и образовательного потенциала экспозиции. Результаты опроса подтверждают недостаточность цифрового представления музейных ресурсов: респонденты констатируют, что «информация на сайте минимальна», «непонятно, что именно можно увидеть в музее», «нет описания коллекций и возможностей для исследовательской работы». Как справедливо отмечают исследователи музейных практик, отсутствие качественной онлайн-презентации музейного пространства в современных условиях равносильно его невидимости для потенциальной аудитории [20].

Более того, отсутствие системной интеграции музея в образовательный процесс университета создает институциональные барьеры для вовлечения студентов в музейную деятельность. Контент-анализ учебных планов основных образовательных программ показал, что посещение музея не включено в обязательные компоненты ни одной дисциплины, за исключением разовой ознакомительной экскурсии в рамках адаптационного модуля для первокурсников. Преподаватели в ходе глубинных интервью признают, что «не используют потенциал музея в учебном процессе из-за отсутствия информации о возможностях и ресурсах», что подтверждает необходимость разработки системных механизмов интеграции музейного пространства в образовательную среду вуза. Исследования демонстрируют, что «эффективное встраивание музея в учебный процесс требует не только методической проработки, но и административной поддержки на уровне руководства образовательной организации [6].

Вместе с тем, исследование показало высокую потенциальную заинтересованность студен-

тов в интерактивных формах работы с музейными коллекциями. На вопрос о предпочтительных форматах взаимодействия 43% опрошенных выразили интерес к участию в научно-исследовательских проектах на базе музея, 38% – к тематическим мастер-классам и воркшопам, 34% – к созданию виртуальных экспозиций. Примечательно, что студенты биологических и технологических специальностей проявили наибольший интерес к возможности работы с ихтиологическими коллекциями и историческими образцами промыслового оборудования в контексте написания курсовых и дипломных работ. Данные результаты согласуются с выводами А.Н. Тихонович и С.С. Филенко о том, что молодежная аудитория тяготеет к активным, деятельностным формам освоения музейного пространства, предполагающим не пассивное созерцание, а творческое соучастие и возможность самореализации [18].

Качественный анализ ответов респондентов выявил существенный разрыв между фактическим использованием музея и осознаваемыми студентами потребностями в доступе к его ресурсам. Так, студенты направления «Водные биоресурсы и аквакультура» отмечали: «Было бы полезно изучать морфологию промысловых рыб на реальных экземплярах из музейной коллекции, а не только по учебникам», «Для курсовой работы по истории рыбного хозяйства нужны были архивные материалы, но я даже не знал, что они могут храниться в музее». Студенты технологических специальностей высказывали заинтересованность в изучении эволюции промысловых технологий: «Интересно было бы сравнить исторические образцы оборудования с современными аналогами для понимания технологического развития отрасли».

Эти высказывания согласуются с выводами О.В. Ченцовой, которая на основе проведённого педагогического исследования доказывает, что образовательные возможности музея в настоящее время не используются в практике высшего образования в полной мере, как для формирования общекультурных, так и профессиональных компетенций студентов вузов [19]. Это подтверждает необходимость системной интеграции музейных ресурсов в образовательный процесс для полноценной реализации их научно-исследовательского потенциала.

Особого внимания заслуживает выявленный запрос студентов на применение современных цифровых технологий в работе с музейными коллекциями. 47% респондентов выразили заинтересованность в создании цифровых баз данных коллекций с возможностью дистанционного доступа, 39% – в разработке виртуальных и дополненных реальностей на основе музейных экспонатов, 28% – в участии в проектах по 3D-сканированию и моделированию исторических объектов. Как отмечается в современных исследованиях музейной

педагогики, цифровизация музейного пространства не только расширяет доступность коллекций, но и создает новые возможности для исследовательской работы студентов, позволяя применять методы компьютерного моделирования, статистического анализа больших данных и виртуальной реконструкции [3].

Функциональная трансформация музейного пространства

Музеология рассматривает музей не как закрытую систему хранения, а как открытое коммуникативное пространство, реализующее множественные функции. Применительно к отраслевому музею вуза ключевое значение приобретают образовательная и научно-исследовательская функции. Экспозиционная деятельность музеев в XXI веке характеризуется переходом от «монолога экспозиции» к диалогу по схеме «субъект-субъект», что предполагает активное участие посетителей в создании музейных [12].

В контексте развития студенческой науки музей Дальрыбтуса может реализовывать несколько взаимосвязанных функций. Во-первых, мнемоническую функцию – сохранение и трансляцию памяти о развитии отечественного рыбного промысла, научных школ университета, выдающихся ученых и специалистов отрасли. Студенты, работающие с архивными материалами и мемориальными коллекциями, получают возможность осмыслить себя как часть научной традиции, что способствует формированию профессиональной идентичности.

Во-вторых, коммуникативную функцию, обеспечивающую межпоколенческий диалог и взаимодействие представителей различных научных направлений. Как отмечают исследователи современных музейных практик, реализация коммуникативной функции возможна через создание «контактных зон» – пространств непосредственного взаимодействия с экспонатами и между участниками музейной коммуникации [10]. Для отраслевого музея это может быть организация встреч студентов с ветеранами отрасли, действующими учеными, представителями рыбопромысловых компаний на базе тематических экспозиций.

В-третьих, сенсорно-перцептивную функцию, предполагающую не только визуальное, но и тактильное, кинестетическое взаимодействие с музейными предметами. Для студентов технологических специальностей возможность изучить устройство исторических образцов промыслового оборудования, провести сравнительный анализ с современными аналогами становится важным элементом исследовательской работы. Организация «открытых фондов», где студенты могут работать с коллекциями под руководством научных сотрудников, представляется перспективным направлением развития музея [2].

Технологические инновации как драйвер научной активности

Интеграция современных технологий радикально расширяет исследовательские возможности музейного пространства. Согласно модели эволюции музейного опыта, современный этап характеризуется переходом к персонализированному интерактивному взаимодействию, где посетитель становится со-создателем музейного контента [7]. Применительно к научной работе студентов это открывает качественно новые возможности.

Создание цифровых баз данных музейных коллекций с возможностью удаленного доступа позволяет студентам проводить исследования независимо от физического присутствия в музее. Как показывают результаты внедрения подобных систем в зарубежных университетских музеях, это существенно увеличивает число студенческих научных проектов, использующих музейные материалы. Для Дальрыбтуса актуальной представляется оцифровка ихтиологических коллекций с созданием интерактивной базы данных, включающей не только изображения, но и морфометрические данные, сведения о местах и времени сбора материала.

Технологии виртуальной и дополненной реальности создают возможности для реконструкции утраченных или недоступных объектов. Студенты могут участвовать в создании виртуальных моделей исторических судов, промысловых устройств, что само по себе становится полноценным научным проектом, требующим работы с историческими источниками, техническими чертежами, консультаций с экспертами. Как справедливо отмечается в современной литературе, иммерсивные технологии обеспечивают «возможность дополнять реальную экскурсию экспонатами», которые были утрачены или не могут быть выставлены по тем или иным причинам [16].

Особый интерес представляет использование технологий 3D-сканирования и печати для создания учебных и исследовательских моделей. Студенты могут создавать точные копии музейных экспонатов для лабораторных исследований, не подвергая риску оригинальные предметы. Это особенно актуально для работы с уникальными биологическими образцами или хрупкими историческими артефактами.

Организационные механизмы интеграции музея в научную работу студентов

Для эффективной реализации научного потенциала музея необходима разработка институциональных механизмов, обеспечивающих системную интеграцию музейных ресурсов в образовательный процесс. Анализ лучших практик показывает, что наибольший эффект достигается при создании фор-

мализованных программ взаимодействия музея с учебными подразделениями.

Первым шагом должно стать включение музейного компонента в учебные планы профильных дисциплин. Как показало исследование, студенты выразили заинтересованность в системном взаимодействии вузов с музеями: «Взаимодействие с ВУЗами очень важно, потому что там вся молодежь. Должно быть конкретное содействие» [1]. Для Дальрыбвтуза логичным представляется включение обязательных музейных практикумов в курсы «История рыбного хозяйства России», «Промысловая ихтиология», «Технология рыбных продуктов» и другие профильные дисциплины. При этом практикумы должны предполагать не пассивное прослушивание экскурсий, а активную исследовательскую работу с экспонатами.

Создание студенческого научного кружка на базе музея может стать эффективной формой вовлечения наиболее мотивированных студентов в систематическую исследовательскую работу. Тематика работы кружка может включать: изучение истории научных школ университета, биографические исследования выдающихся ученых-рыбохозяйственников, изучение эволюции промысловых технологий, каталогизацию и научное описание музейных коллекций. Важно, чтобы результаты работы студентов получали публичную презентацию – на научных конференциях, в форме музейных выставок, публикаций в студенческих научных сборниках [14].

Перспективным направлением представляется организация совместных междисциплинарных проектов, объединяющих студентов различных специальностей. Например, создание мультимедийной экспозиции требует совместной работы биологов (подготовка научного контента), IT-специалистов (техническая реализация), дизайнеров (визуальное оформление), историков (исторический контекст). Такие проекты не только способствуют развитию исследовательских компетенций, но и формируют навыки командной работы, проектного управления.

Необходимо также развитие практики научного руководства студенческими работами, основанными на музейных материалах. Сотрудники музея, обладающие специализированными знаниями о коллекциях, должны привлекаться в качестве консультантов и со-руководителей курсовых и дипломных проектов. Это обеспечит качественное научное сопровождение исследований и повысит статус музейных специалистов в академическом сообществе университета.

Коммуникационные стратегии продвижения научного потенциала музея

Результаты исследования убедительно продемонстрировали критическую важность развития ком-

муникационной политики музея для привлечения студенческой аудитории. Студенты указали на необходимость использования разнообразных каналов информирования: «Сейчас наиболее популярными социальными сетями в России среди студенческой молодежи являются ВКонтакте, МАХ, Telegram». Однако простого присутствия в социальных сетях недостаточно – необходима разработка контент-стратегии, ориентированной на специфические интересы и потребности студенческой аудитории.

Контент-план музейных социальных сетей должен включать рубрики, демонстрирующие исследовательский потенциал коллекций. Например, серия постов «Экспонат как источник», где детально рассказывается, какие научные вопросы можно исследовать на основе конкретных музейных предметов. Рубрика «Студенческие исследования» может представлять результаты научных работ, выполненных на базе музея, демонстрируя успешные примеры и мотивируя других студентов [9].

Эффективным инструментом привлечения внимания могут стать интерактивные форматы – викторины, квесты, челленджи, связанные с музейными коллекциями. Как показал проведенный опрос студентов Дальрыбвтуза, респонденты проявляют интерес к интерактивным формам работы музея (43% опрошенных) и использованию цифровых баз данных (47%). Применительно к отраслевому музею это могут быть визуальные сравнения исторических и современных промысловых судов, орудий лова, технологических процессов, интерактивные экспозиции, демонстрирующие эволюцию рыбопромысловых технологий, а также виртуальные реконструкции исторических объектов с использованием технологий дополненной реальности.

Важным элементом коммуникационной стратегии должно стать выстраивание партнерских отношений с факультетами и студенческими организациями. Студенты предложили конкретные механизмы: «Можно вообще сделать так: выделить один день в неделю и сделать скидки, например, понедельник – РАНХиГС, вторник – ДВГУПС». Адаптация этой идеи для Дальрыбвтуза может предполагать организацию тематических дней факультетов, когда музей представляет экспозиции и проводит мероприятия, специально ориентированные на студентов конкретных специальностей [1].

Особого внимания заслуживает развитие визуальной коммуникации [11]. Студенты высказали критические замечания относительно оформления музейных цифровых платформ: «Описание сливается. Иногда текст идет сплошняком, а люди ленивые сейчас и не любят читать». Необходима профессиональная работа над визуальным контентом, использование инфографики, коротких видеороликов, визуальных историй для представ-

ления музейных коллекций и исследовательских проектов.

Принципиальное значение имеет позиционирование музея не как «хранилища старых экспонатов», а как современного научно-образовательного центра. Это требует регулярного обновления экспозиций, организации временных выставок, представляющих актуальные научные исследования, проводимые в университете. Студенты должны видеть связь между музейными коллекциями и современной наукой, понимать, что работа с историческими материалами имеет практическую значимость для решения актуальных задач рыбохозяйственной отрасли.

Заключение

Проведенное исследование убедительно продемонстрировало существенный разрыв между потенциальными возможностями музея Дальрыбтуса как образовательного и научно-исследовательского ресурса и степенью его фактической интеграции в учебный процесс университета. Критически низкий уровень посещаемости музея студенческой аудиторией, отсутствие системного информирования о музейных ресурсах и недостаточная цифровая репрезентация коллекций формируют ситуацию институциональной «невидимости» музейного пространства для основных участников образовательного процесса.

Вместе с тем выявленная высокая потенциальная заинтересованность студентов в интерактивных формах работы с музейными коллекциями, особенно в контексте научно-исследовательской деятельности, свидетельствует о возможности качественной трансформации роли музея в образовательной среде вуза. Преодоление существующих барьеров требует комплексного подхода, включающего развитие цифровой инфраструктуры музея, создание механизмов институциональной интеграции музейных ресурсов в учебные программы, внедрение инновационных образовательных форматов и технологий виртуальной реальности.

Особую значимость приобретает позиционирование отраслевого музея университета как пространства формирования профессиональной идентичности и диалога поколений, где студенты могут не только знакомиться с историей развития рыбохозяйственной отрасли, но и становиться активными участниками создания нового знания через исследовательскую работу с уникальными коллекциями. Реализация предложенных механизмов активизации научно-образовательного потенциала музея способна существенно обогатить образовательную среду вуза и повысить качество подготовки специалистов рыбохозяйственной отрасли.

Литература

1. Березутская, А.Ю. Современный музей и его роль в культурном развитии студенческой молодежи / А.Ю. Березутская // Молодой ученый. – 2020. – № 26.1 (316.1). – С. 52–54. – URL: <https://moluch.ru/archive/316/72284/> (дата обращения: 06.10.2025). – Текст: электронный.
2. Ванеева, О.В. Комплексное использование интерактивных технологий в рамках музейного пространства / О.В. Ванеева // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2015. – Т. 212. – С. 189–196.
3. Гендина, Н.И. Цифровизация музеев и необходимость формирования информационной культуры музеологов / Н.И. Гендина, Е.В. Косолапова, Д.Д. Родионова, Л.Н. Рябцева // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2021. – № 43. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-muzeev-i-neobhodimost-formirovaniya-informatsionnoy-kultury-muzeologov> (дата обращения: 05.10.2025). – Текст: электронный.
4. Дальрыбтуз: официальный сайт. – URL: <https://dalrybtuz.ru/> (дата обращения: 06.10.2025). – Текст: электронный.
5. Зотова, Т.А. Технологии «живого музея» в современной музейной деятельности: постановка проблемы и задач исследования / Т.А. Зотова // Культурологический журнал. – 2021. – № 4 (46). – DOI: 10.34685/HI.2021.22.26.029. – Текст: электронный.
6. Иванова, О.В. Модели взаимодействия образовательных организаций и музеев / О.В. Иванова // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2018. – № 3 (51). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-vzaimodeystviya-obrazovatelnyh-organizatsiy-i-muzeev> (дата обращения: 05.10.2025). – Текст: электронный.
7. Коровникова, Н.А. Современное музейное пространство: новые технологии и практики / Н.А. Коровникова // Вестник культурологии. – 2024. – № 3 (110). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-muzeynoe-prostranstvo-novye-tehnologii-i-praktiki> (дата обращения: 06.10.2025). – Текст: электронный.
8. Коровникова, Н.А. Цифровой музей: особенности и перспективы развития / Н.А. Коровникова // Социальные новации и социальные науки. – 2021. – № 1. – С. 145–154. – DOI: 10.31249/snsn/2021.01.12. – Текст: электронный.
9. Куринских, П.А. Перспективы развития социальных сетей в деятельности музеев РАН / П.А. Куринских // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2021. – № 54. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-sotsialnyh>

- setey-v-deyatelnosti-muzeev-ran (дата обращения: 05.10.2025). – Текст: электронный.
10. Ладыгина, Т.А. Музейные коммуникации: продвижение историко-культурного наследия малого города / Т.А. Ладыгина // Коммунология. – 2018. – Т. 6, № 5. – С. 155–162. – DOI: 10.21453/2311-3065-2018-6-5-155-162.
 11. Мелехова, Н.И. Искусствоведение по Интернету / Н.И. Мелехова // Искусство и наука. Актуальные вопросы образования, исследований и технологий: материалы Международной научно-практической конференции памяти М.В. Доброклонского, Санкт-Петербург, 11–13 ноября 2021 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская академия художеств им. Ильи Репина, 2023. – С. 69–74.
 12. Менш, П. ван. Музеологические функции / П. ван Менш // Вопросы музеологии. – 2014. – № 1 (9). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzeologicheskie-funktsii> (дата обращения: 06.10.2025). – Текст: электронный.
 13. Музейно-экспонатные пространства // Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет: официальный сайт. – URL: <https://dalrybvtuz.ru/resources/exhibit/> (дата обращения: 05.10.2025). – Текст: электронный.
 14. Печерская, Е.А. Вовлечение студентов в научно-исследовательскую работу в университете: механизм и оценка эффективности / Е.А. Печерская, Е.А. Савеленок, Д.В. Артамонов // Инновации. – 2017. – № 8 (226). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vovlechenie-studentov-v-nauchno-issledovatel'skuyu-rabotu-v-universitete-mehanizm-i-otsenka-effektivnosti> (дата обращения: 06.10.2025). – Текст: электронный.
 15. Сапанжа, О.С. Классификация музеев и морфология музейности: структура и динамика / О.С. Сапанжа // Вопросы музеологии. – 2012. – № 1 (5). – С. 3–12.
 16. Скворцов, К.А. Технологии виртуальной и дополненной реальности: возможности и препятствия применения / К.А. Скворцов // Моя профессиональная карьера. – 2019. – Т. 3, № 5. – С. 183–187.
 17. Сумская, А. С. «Цифровые аборигены» как новое российское «потерянное поколение»? / А.С. Сумская // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2022. – № 2 (44). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-aborigeny-kak-novoe-rossiyskoe-poteryannoe-pokolenie> (дата обращения: 06.10.2025). – Текст: электронный.
 18. Тимохович, А.Н. Проблема вовлечения молодежи в потребление музейного продукта / А.Н. Тимохович, С.С. Филенко // Вестник Государственного университета управления. – 2019. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-vovlecheniya-molodezhi-v-potreblenie-muzeynogo-produkta> (дата обращения: 05.10.2025). – Текст: электронный.
 19. Ченцова, О.В. Культурно-образовательное пространство музея как образовательный ресурс для системы высшего образования / О.В. Ченцова // Педагогика и просвещение. – 2017. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-obrazovatelnoe-prostranstvo-muzeya-kak-obrazovatelnyy-resurs-dlya-sistemy-vysshego-obrazovaniya> (дата обращения: 05.10.2025). – Текст: электронный.
 20. Шаховалова, Е.Г. Виртуальные выставки как актуальная форма музейной коммуникации / Е.Г. Шаховалова, Н.Н. Шаховалов // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2021. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnye-vystavki-kak-aktualnaya-forma-muzeynoy-kommunikatsii> (дата обращения: 05.10.2025). – Текст: электронный.

SOCIAL TOOLS FOR REALIZING THE POTENTIAL OF MUSEUMS IN STUDENTS' SCIENTIFIC ACTIVITIES: A SUMMARY OF THE EXPERIENCE OF THE FAR EASTERN STATE TECHNICAL FISHERIES UNIVERSITY

Yanchev D.V.

Far Eastern State Technical Fisheries University

The article examines the role of museum spaces in the educational and cultural life of higher education institutions in the context of digitalization. It considers contemporary approaches to organizing museum activities within the university environment, including the use of interactive and immersive technologies. Special attention is paid to the problem of engaging student youth, representing the generation of “digital natives,” in the consumption of museum products. Forms and methods of museum communication are analyzed, including virtual exhibitions, digital platforms, and the use of social networks to promote museum content. Using the Far Eastern State Technical Fisheries University as an example, the prospects for developing university museum spaces as an educational resource are demonstrated. Models of interaction between educational organizations and museums are explored, as well as mechanisms for involving students in research work through museum activities. The necessity of applying modern information and communication technologies, as well as virtual and augmented reality technologies, is substantiated to increase the attractiveness of the museum space for a youth audience. The possibilities of museum communications for promoting historical and cultural heritage and for forming students' cultural competencies are revealed.

Keywords: museum space, university museum, museum digitalization, museum communication, virtual exhibitions.

References

1. Berezutskaya, A. Yu. The modern museum and its role in the cultural development of student youth / A. Yu. Berezutskaya // Molodoy Uchenyy. – 2020. – No. 26.1 (316.1). – P. 52–54. – URL: <https://moluch.ru/archive/316/72284/> (accessed: 06.10.2025). – Text: electronic.
2. Vaneeva, O.V. Integrated use of interactive technologies within the museum space / O.V. Vaneeva // Proceedings of the Saint Petersburg State Institute of Culture. – 2015. – Vol. 212. – P. 189–196.
3. Gendina, N.I. Digitization of museums and the need to form information culture of museologists / N.I. Gendina, E.V. Kosolapova, D.D. Rodionova, L.N. Ryabtseva // Bulletin of Tomsk State University. Cultural Studies and Art History. – 2021. – No. 43. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-muzeev>

- i-neobhodimost-formirovaniya-informatsionnoy-kultury-muzeologov (accessed: 05.10.2025). – Text: electronic.
4. Dalrybvtuz: official website. – URL: <https://dalrybvtuz.ru/> (accessed: 06.10.2025). – Text: electronic.
 5. Zotova, T. A. "Living museum" technologies in contemporary museum activity: statement of the problem and research tasks / T.A. Zotova // *Cultural Studies Journal*. – 2021. – No. 4 (46). – DOI: 10.34685/HI.2021.22.26.029. – Text: electronic.
 6. Ivanova, O.V. Models of interaction between educational institutions and museums / O.V. Ivanova // *Domestic and Foreign Pedagogy*. – 2018. – No. 3 (51). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-vzaimodeystviya-obrazovatelnyh-organizatsiy-i-muzeev> (accessed: 05.10.2025). – Text: electronic.
 7. Korovnikova, N.A. Contemporary museum space: new technologies and practices / N.A. Korovnikova // *Bulletin of Culturology*. – 2024. – No. 3 (110). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-muzeynoe-prostranstvo-novye-tehnologii-i-praktiki> (accessed: 06.10.2025). – Text: electronic.
 8. Korovnikova, N.A. Digital museum: features and development prospects / N.A. Korovnikova // *Social Innovations and Social Sciences*. – 2021. – No. 1. – P. 145–154. – DOI: 10.31249/sn-sn/2021.01.12. – Text: electronic.
 9. Kurinskikh, P.A. Prospects for the development of social networks in the activities of RAS museums / P.A. Kurinskikh // *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. – 2021. – No. 54. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-sotsialnyh-setey-v-deyatelnosti-muzeev-ran> (accessed: 05.10.2025). – Text: electronic.
 10. Ladygina, T.A. Museum communications: promotion of the historical and cultural heritage of a small town / T.A. Ladygina // *Communicology*. – 2018. – Vol. 6, No. 5. – P. 155–162. – DOI: 10.21453/2311-3065-2018-6-5-155-162.
 11. Melekhova, N.I. Art studies on the Internet / N.I. Melekhova // *Art and Science. Current Issues of Education, Research and Technologies: materials of the International Scientific and Practical Conference in memory of M.V. Dobroklonsky, Saint Petersburg, November 11–13, 2021*. – Saint Petersburg: Ilya Repin Saint Petersburg Academy of Arts, 2023. – P. 69–74.
 12. van Mensch, P. Museological functions / P. van Mensch // *Questions of Museology*. – 2014. – No. 1 (9). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzeologicheskie-funktsii> (accessed: 06.10.2025). – Text: electronic.
 13. Museum-exhibit spaces // Far Eastern State Technical Fisheries University: official website. – URL: <https://dalrybvtuz.ru/resources/exhibit/> (accessed: 05.10.2025). – Text: electronic.
 14. Pecherskaya, E.A. Involvement of students in research work at the university: mechanism and evaluation of effectiveness / E.A. Pecherskaya, E.A. Savelenok, D.V. Artamonov // *Innovations*. – 2017. – No. 8 (226). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vovlechenie-studentov-v-nauchno-issledovatel'skuyu-rabotu-v-universitete-mehanizm-i-otsenka-effektivnosti> (accessed: 06.10.2025). – Text: electronic.
 15. Sapanja, O.S. Classification of museums and morphology of museality: structure and dynamics / O.S. Sapanja // *Questions of Museology*. – 2012. – No. 1 (5). – P. 3–12.
 16. Skvortsov, K.A. Virtual and augmented reality technologies: opportunities and barriers to application / K.A. Skvortsov // *My Professional Career*. – 2019. – Vol. 3, No. 5. – P. 183–187.
 17. Sumskeya, A. S. "Digital natives" as a new Russian "lost generation"? / A.S. Sumskeya // *Znak: Problem Field of Media Education*. – 2022. – No. 2 (44). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-aborigeny-kak-novoe-rossijskoe-poteryannoe-pokolenie> (accessed: 06.10.2025). – Text: electronic.
 18. Timokhovich, A.N. The problem of involving youth in consumption of the museum product / A.N. Timokhovich, S.S. Filenko // *Bulletin of the State University of Management*. – 2019. – No. 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-vovlecheniya-molodezhi-v-potreblenie-muzeynogo-produkta> (accessed: 05.10.2025). – Text: electronic.
 19. Chentsova, O.V. The cultural and educational space of the museum as an educational resource for higher education system / O.V. Chentsova // *Pedagogy and Enlightenment*. – 2017. – No. 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-obrazovatelnoe-prostranstvo-muzeya-kak-obrazovatelnyy-resurs-dlya-sistemy-vysshego-obrazovaniya> (accessed: 05.10.2025). – Text: electronic.
 20. Shakhvalova, E.G. Virtual exhibitions as a topical form of museum communication / E.G. Shakhvalova, N.N. Shakhvalov // *Questions of Journalism, Pedagogy, Linguistics*. – 2021. – No. 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnye-vystavki-kak-aktualnaya-forma-muzeynoy-kommunikatsii> (accessed: 05.10.2025). – Text: electronic.

Социальные аспекты управления страховым поведением молодежи Российской Федерации

Булатчик Игорь Владимирович,

аспирант Московского университета «Синергия»
E-mail: 5753836@mail.ru

Актуальность рассматриваемого вопроса связана с тем, что молодежь как социально-демографическая группа представляет собой отдельный феномен в современной системе общественного воспроизводства. С одной стороны, молодежь является стратегическим ресурсом развития, источником инновационного потенциала и адаптационных способностей организаций. С другой стороны, в условиях трансформации социально-экономической структуры общества именно молодежь оказывается наиболее уязвимой перед комплексом новых рисков, обусловленных процессами цифровизации, трансформацией рынка труда и моделей потребления. Управление страховым поведением молодежи становится ключевой проблемой обеспечения долгосрочной социальной устойчивости и экономической безопасности страны. *Цель работы* – выявить проблемы управления страховым поведением молодежи Российской Федерации. *Методы исследования*: систематизация, обобщение, индукция, дедукция, анализ теоретических и эмпирических источников академической литературы, статистических временных рядов, сопоставление, сравнительный анализ, системный подход, концептуализация данных, графическая и табличная визуализация данных. *Основные результаты* научного исследования: отражены теоретико-методологические основы изучения страхового поведения молодежи в социологии управления; представлены ключевые тренды страхового поведения молодежи Российской Федерации в соответствии с анализом вторичных данных; обозначены проблемы управления страховым поведением молодежи Российской Федерации. *Практическая значимость* исследования заключается в том, что полученные в исследовании результаты могут быть использованы государственным сектором и ключевыми социальными институтами для разработки рекомендаций, направленных на формирование эффективных управленческих решений, способствующих повышению уровня страховой защиты молодежи и снижению социальных рисков в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: социальные аспекты управления; страховое поведение молодежи; молодежь Российской Федерации; теоретико-методологические основы; тренды страхового поведения; проблемы управления; социальные риски.

Введение

Молодежь как социально-демографическая группа представляет собой отдельный феномен в современной системе общественного воспроизводства [1]. С одной стороны, молодежь является стратегическим ресурсом развития, источником инновационного потенциала и адаптационных способностей организаций. С другой стороны, в условиях трансформации социально-экономической структуры общества именно молодежь оказывается наиболее уязвимой перед комплексом новых рисков, обусловленных процессами цифровизации, трансформацией рынка труда и моделей потребления. Управление страховым поведением молодежи становится ключевой проблемой обеспечения долгосрочной социальной устойчивости и экономической безопасности страны [1–3].

С позиции социологии управления молодежь является активным субъектом, чье экономическое поведение обусловлено концептуальными взаимосвязями институциональных условий среды и социальных норм. В контексте теории У. Бека современная молодежь социализируется в условиях, где традиционные источники безопасности (стабильная занятость, государственные гарантии) утрачивают надежность. Формируется новый тип рисков, характеризующийся атрибутами отсутствия материального воплощения, глобальным характером влияния на молодежь, индивидуализацией управления рисками [4].

Поэтому страхование превращается в социальную технологию управления индивидуальной безопасностью. Весьма низкий уровень развития страхового поведения у молодежи свидетельствует о существовании проблем адаптации нового поколения к требованиям современной экономики. Кроме того, низкий уровень страховой культуры молодежи способствует появлению на макроуровне следующих отрицательных последствий:

- повышение нагрузки на государственный бюджет;
- сокращение экономической устойчивости домохозяйств;
- сдерживание инновационной активности в предпринимательском секторе, среди самозанятых людей, для развития стартапов;
- снижение совокупного уровня социальной лояльности молодежи к проводимой государственной политике.

Следовательно, актуальность исследования страхового поведения молодежи Российской Фе-

дерации обусловлена его непосредственным воздействием на системные параметры развития современного общества. Достаточно низкий уровень страховой культуры и защиты среди молодых людей формирует микроэкономические и макроэкономические риски социальной устойчивости государства.

Теоретико-методологические основы изучения страхового поведения молодежи в социологии управления

Страховое поведение молодежи интерпретируется как сложный социальный феномен, формируемый под влиянием макросоциальных процессов, институциональных условий, коллективных взаимодействий. Методологический инструментальный анализа трансформации рисков в современном обществе представляет собой концепция общества риска, предложенная У. Бекон. В соответствии с рассматриваемой теорией современность характеризуется переходом от индустриального к обществу риска, где производство материальных благ сопровождается возникновением рисков, которые имеют определенные характеристики:

- не ограничены во временном пространстве, классовой принадлежностью индивидов в обществе;
- последствия рисков, как правило, непредсказуемы и некомпенсируемы;
- ответственность за управление рисками общества перекладывается на индивида [5].

Для молодежи общее содержание рисков приобретает специфические черты, формируя в контексте концепции У. Бека профиль уязвимости (табл. 1).

Таблица 1. Специфические характеристики молодежных рисков в контексте концепции У. Бека

Категория риска	Проявление в молодежной среде	Характер риска в соответствии с теорией У. Бека
Нестабильность занятости	Активность сферы фриланса, гиг-экономики, заключение временных трудовых договоров	Индивидуализированный, производится социальной организацией труда
Образовательные кредиты	Долговая нагрузка при нестабильных перспективах трудоустройства молодежи	Социально сконструированный, результат коммодификации образования
Киберриски	Финансовое мошенничество, кибербуллинг	Глобальный, отсутствуют какие-либо границы данного риска
Здоровье	Тревожность, депрессия, риски, связанные с новыми формами досуга	Индивидуализированный, неисчислимый

Источник: составлено автором на основе [4–6].

Молодежь сталкивается с комплексом рисков, которые являются прямым следствием макросоциальных трансформаций, описанных У. Бекон [6]. Эти риски встроены в структуру современного рынка труда, образовательной системы и цифровой среды. Страхование в этом контексте становится инструментом управления собственной ситуацией в условиях сохраняющейся неопределенности.

Теория поколений (Н. Хоув, В. Штраус) позволяет выявить ценностные и поведенческие паттерны, обуславливающие отношение молодежи к риску и страховой защите. Современная молодежь (условно – «поколение Z» и миллениалы) характеризуется рядом ключевых черт, формирующих их страховое поведение:

- цифровая нативность (ожидание мгновенного обслуживания, предпочтение онлайн-каналов);
- ориентация на собственный опыт (приоритет расходов на путешествия, образование, развлечения);
- финансовый скептицизм (недоверие к традиционным финансовым институтам, сформированное опытом экономических кризисов) [7].

С одной стороны, цифровизация создает технологические предпосылки для роста страховой активности молодежи. С другой стороны, ценностные ориентации (приоритет собственного опыта, финансовый скептицизм) выступают в качестве сдерживающих факторов при проявлении моделей страхового поведения молодежи, что создает вызов для страховых компаний, которым необходимо трансформировать содержание предлагаемого продукта из «финансовой подушки» в «комплексный сервис безопасности» для молодых людей.

Цифровизация социального пространства в значительной степени меняет механизмы социализации и формирования практик на страховом рынке. Социальные сети и онлайн-сообщества становятся ключевыми агентами влияния, создавая новые детерминанты страхового поведения молодежи [8]. Цифровая среда способствует возникновению принципиально новых механизмов формирования страхового, финансового поведения молодежи. Страховое решение, как правило, становится импульсной реакцией на контент в ленте социальной сети или встроенной опцией в цифровой платформе [9], что свидетельствует о том, что управление страховым поведением молодежи должно осуществляться через работу с цифровыми технологиями (сквозными технологиями, платформенными решениями) и агентами влияния.

Ключевые тренды страхового поведения молодежи Российской Федерации в соответствии с анализом вторичных данных

Страховое поведение современной российской молодежи (население 18–35 лет) представляет собой

достаточно сложный социально-экономический феномен, сформированный под влиянием макросоциальных процессов, трансформации ценностных ориентаций и динамичного развития финансовых технологий. В условиях концепции общества риска У. Бека молодежь оказывается наиболее уязвимой перед новыми вызовами цифровизации, трансформацией форм занятости и изменением структуры потребления на товарных рынках.

Исследование, проведенное СберСтрахованием жизни и СберНПФ в июне 2025 года (статистическая выборка составила 11 тысяч респондентов из 37 городов России), обуславливает четкую иерархию жизненных приоритетов молодежи, непосредственно влияющую на их финансовые и страховые стратегии (рис. 1).

Рис. 1. Иерархия жизненных целей молодежи России, доля респондентов, %

Источник: составлено автором на основе [10].

Доминирование традиционных ценностей молодежи (семья, любовь) в сочетании с высоким запросом на финансовую независимость формирует базовую мотивацию индивидов для долгосрочного финансового планирования собственных доходов и расходов. Вместе с тем это создает потенциальный спрос на страховые продукты, ориентированные на обеспечение финансовой стабильности семьи и будущих поколений. Также наблюдаются гендерные и региональные различия жизненных целей среди молодежи. Так, стремление к финансовому благополучию более выражено у молодых женщин (54% женщин против 49% у мужчин), а в таких городах, как Астрахань и Новокузнецк, этот показатель достигает 65–68% [10].

Несмотря на высокие финансовые устремления молодежи (средний желаемый капитал составляет 3,4 млн руб., а в г. Москве – 6 млн. руб.), респонденты отражают консервативный подход к выбору финансовых инструментов в своем поведении, что подтверждается крайне низкой долей страховых продуктов в личном портфеле активов (рис. 2) [10].

Доминирование банковских депозитов (82,5%) при весьма низкой доле накопительного страхования жизни (5,2%) свидетельствует о «поведенческом разрыве» в молодежной среде. С одной стороны, молодежь готова к сбережению денеж-

ных средств (52% респондентов целенаправленно формируют накопления, откладывая в среднем 18% денежного дохода ежемесячно). С другой стороны, наблюдается низкий уровень доверия молодежи к сложным страховым продуктам и недостаточная финансовая грамотность в области долгосрочных инвестиционных механизмов, что соответствует теоретической концепции индивидуализации риска У. Бека.

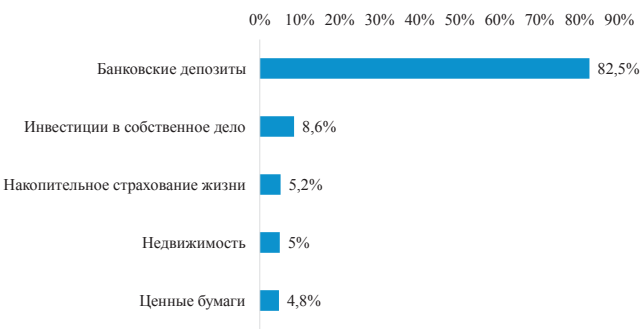

Рис. 2. Распределение предпочтений молодежи в выборе финансовых инструментов для накоплений, доля респондентов, использующих финансовые инструменты, %

Источник: составлено автором на основе [10].

Динамика рынка страхования, фиксируемая консалтинговыми, аналитическими агентствами, страховыми компаниями, позволяет выделить ключевые тренды, формирующие среду для развития модели страхового поведения молодежи (табл. 2).

Таблица 2. Ключевые тренды российского рынка страхования жизни на 2025–2026 гг.

Тренд российского рынка страхования	Сущность тренда, подтверждающие показатели количественного анализа
Рост накопительного страхования жизни	Объем страховых премий на рынке в 2024 году возрос в 4,1 раза до 1,4 трлн руб.; прогноз на 2025 год по объему страховых премий положительный: рост накопительным итогом может составить 2,1 трлн. руб. Отмечается популярность краткосрочных страховых полисов (до 1 года), отвечающих запросу молодежи по уровню гибкости и ликвидности
Снижение темпов инвестиционного страхования жизни	Введение обязательного тестирования неквалифицированных инвесторов с 1 октября 2024 года сдерживает динамику сегмента инвестиционного страхования жизни. Прогнозируется сокращение темпов инвестиционного страхования жизни на 38–40% в 2025–2026 году
Возникновение программ долевого страхования жизни	Долевое страхование жизни представляет собой новый долгосрочный продукт (сроком от 5 лет). Прогнозируемый объем рынка в 2025 году – 250 млрд руб. Программы долевого страхования жизни стимулируются государственным сектором через увеличение налоговых вычетов для населения

Окончание

Тренд российского рынка страхования	Сущность тренда, подтверждающие показатели количественного анализа
Цифровизация и персонализация страховых продуктов	Доля онлайн-продаж в страховании повысилась с 5,9% по итогам 2021 года до 17,7% за 2024 год. В страховой бизнес активно внедряются технологии искусственного интеллекта для скоринга и создания персонализированных предложений клиентам

Источник: составлено автором на основе [11], [12].

Рынок страхования на данный момент предлагает молодежи диверсифицированные продукты. Краткосрочное накопительное страхование жизни для молодых людей может быть наиболее привлекательным на первоначальном этапе формирования страховой культуры в условиях экономической, геополитической и социальной нестабильности. Тем не менее, низкий уровень информационной осведомленности молодежи о новых продуктах (таких как программы долевого страхования жизни), а также барьеры, обусловленные необходимостью прохождения тестирования для приобретения продуктов инвестиционного страхования жизни являются сдерживающими факторами активности поведения молодежи. Тренд на цифровизацию (платформенные решения, онлайн-агрегаторы, чат-боты) объективно соответствует профилю современной молодежи Российской Федерации, повышая доступность услуг и страховых продуктов в национальной системе.

Вместе с тем страховое поведение молодежи в значительной степени связано с восприятием рисков. Данные ВЦИОМ обуславливают достижение исторически рекордного значения индекса потребности в психологической помощи среди молодежи (36 пунктов в городах федерального значения) [13], что указывает на высокий уровень стресса и тревожности молодых людей. Ключевыми психологическими рисками цифровой эпохи, актуальными и характерными в настоящее время для молодежи, являются:

- кибербуллинг, который признан одной из основополагающих угроз в цифровую эпоху;
- цифровая зависимость, связываемая исследователями с депрессией, тревогой и нарушениями сна [14–16];
- фаббинг и манипулятивные механизмы вовлечения молодых людей в онлайн-игры.

Психологический контекст страхового поведения молодежи Российской Федерации детерминирует латентный спрос на страховые продукты, которые могли бы покрывать риски, связанные с психическим здоровьем и цифровой безопасностью, однако на современном этапе предложение на рынке подобных релевантных молодежи продуктов остается крайне ограниченным.

Проблемы управления страховым поведением молодежи Российской Федерации

В контексте трансформации социальных рисков формируются структурные противоречия между объективной потребностью в страховой защите молодежи и субъективными (социально-психологическими) барьерами, ограничивающими развитие различных моделей страхового поведения в молодежной среде.

Анализ уровня институционального недоверия молодежи Российской Федерации к страховой системе (табл. 3) показывает наличие многоуровневого характера кризиса доверия к функционирующим институтам. На макроуровне недоверие молодых людей к государственным институтам связано с восприятием их неспособности обеспечить справедливое регулирование страхового рынка. На мезоуровне критике подвергаются стратегии и продукты страховых компаний, выражающаяся в сложности договорных условий и искусственном создании препятствий для клиентов в получении компенсации при наступлении страховых случаев. На микроуровне дефицит доверия молодежи персонифицируется в фигурах непосредственных продавцов (агентов, брокеров) страховых услуг.

Таблица 3. Структура институционального недоверия молодежи к российской страховой системе

Уровень недоверия молодежи к институтам	Объект недоверия	Доля респондентов, %	Основные причины недоверия молодежи к институтам
Макроуровень	Государственные институты, регулирующие деятельность страховых компаний, использование населением финансовых инструментов	68	Неэффективность контроля за страховым рынком, низкий уровень прозрачности действующего законодательства в области страхования
Мезоуровень	Страховые компании	74	Сложность содержания договоров на страхование, бюрократизация урегулирования денежных убытков
Микроуровень	Агенты и страховые брокеры	63	Недостоверная информация о страховых продуктах, использование агрессивной маркетинговой политики, отсутствие постпродажного сопровождения клиентов

Источник: составлено автором на основе [10–13].

Также была выявлена проблема эффективности практического применения коммуникационных стратегий страховыми компаниями, которая обусловлена тем, что наиболее используемые каналы (официальные сайты, телереклама, прямые продажи) демонстрируют наименьший уровень доверия у молодежи. Одновременно с этим каналы с высоким уровнем доверия (рекомендации сверстников, блоги) используются страховыми компаниями недостаточно активно для продвижения продуктов в молодежной среде. Коэффициент эффективности различных каналов коммуникации для молодежной аудитории, рассчитанный как отношение уровня доверия индивидов к частоте использования страховыми компаниями конкретной категории каналов коммуникации, подтверждают обозначенный дисбаланс (табл. 4).

Таблица 4. Эффективность различных каналов коммуникации страховых компаний с молодежью

Канал коммуникации	Уровень доверия молодежи, %	Частота использования канала коммуникации страховыми компаниями, %	Коэффициент эффективности канала коммуникации для молодежной аудитории
Рекомендации друзей и сверстников	78	12	6,5
Блоги финансовых экспертов	54	23	2,3
Социальные сети (тематические сообщества)	48	41	1,2
Официальные сайты страховых компаний	32	95	0,3
Телевизионная реклама	18	87	0,2
Прямые продажи (через телефонный разговор, при личной встрече с клиентом)	15	76	0,2

Источник: составлено автором на основе [10–13].

Одновременно с этим отмечается несоответствие между фактическими страховыми потребностями молодежи и реальным рыночным предложением в отрасли страхования, что выражается в низких значениях коэффициента соответствия по всем ключевым параметрам страхового продукта (табл. 5). Наибольший разрыв наблюдается в гибкости условий договора и информационной прозрачности страховых выплат (0,2 единицы), что свидетельствует о несоответствии текущей продуктовой политики страховых компаний моделям страхового поведения молодежи, а также не-

готовности страховых компаний к адаптации под потребности и запросы молодых людей.

Таблица 5. Анализ соответствия страховых продуктов потребностям и возможностям молодежи Российской Федерации

Параметр страхового продукта	Запрос, потребности молодежи	Текущее предложение на рынке	Коэффициент соответствия страхового продукта потребностям, запросам молодежи
Гибкость условий договора	Возможность адаптации условий под изменение жизненных обстоятельств	Стандартизированный пакет условий с минимальной кастомизацией	0,2
Ценовая доступность страхового продукта	Низкий первоначальный взнос, гибкая схема оплаты страхового продукта	Высокие тарифы, ориентированные на средний класс населения	0,3
Простота оформления договора	Полностью цифровой процесс оформления договора, минимальное количество действий	Смешанный формат с необходимостью офлайн-взаимодействия	0,4
Релевантность рисков	Покрытие киберрисков, потери дохода при осуществлении фриланса как вида самозанятости	Традиционные риски в страховании (жизнь, здоровье, имущество)	0,3
Информационная прозрачность страховых выплат	Автоматизированный процесс страховых выплат, минимальный объем документов для подтверждения наступления страхового случая	Сложная процедура подтверждения наступления страхового случая с требованиями документального обоснования	0,2

Источник: составлено автором на основе [10–13].

Выявленная проблема нехватки адаптированных, гибких и доступных страховых продуктов, отвечающих специфическим рискам и финансовым возможностям молодежи, обусловлена отсутствием страховых продуктов для самозанятых людей,

а также преобладанием оффлайн-моделей взаимодействия со страховыми компаниями над цифровыми платформенными решениями. Данная ситуация соответствует выводу Манаширова о том, что дифференцированные системы «убивает творческий подход и стопорит расширение пространства эффективных стратегий» [Манаширов, с. 2], что в страховой сфере проявляется в отсутствии инновационных продуктов, адаптированных под потребности молодежи.

Выводы

Резюмируя вышеизложенное, можно прийти к следующим выводам.

1. Теоретико-методологическая основа изучения страхового поведения молодежи в социологии управления представляет собой интегративную модель, которая объединяет макроуровневый анализ общества риска (У. Бек), мезоуровневый анализ генерационных ценностей (теория поколений) и микроуровневый анализ влияния цифровых платформ и социальных сетей на страховое поведение молодежи. Подобный комбинированный подход в социологии управления позволяет преодолеть ограничения имеющихся, более узких по своему содержанию трактовок и раскрыть страховое поведение молодежи как социальный конструкт, управление которым требует комплексного воздействия на ценности, усовершенствованную нормативную среду и институциональные условия формирования моделей поведения молодежи в ситуации неопределенности.

2. Проведенный анализ вторичных данных позволяет прийти к выводу, что страховое поведение молодежи Российской Федерации характеризуется системным противоречием. С одной стороны, сформированы высокие финансовые устремления и активные сберегательные практики среди молодых людей. Но, с другой стороны, наблюдается консервативный выбор финансовых инструментов (преимущественно молодежь выбирает банковские депозиты) и крайне низкая интеграция страховых, особенно долгосрочных, продуктов в личные финансовые стратегии и портфели молодежи.

Ключевыми трендами страхового поведения молодежи Российской Федерации в соответствии с анализом вторичных данных являются:

- ценностный сдвиг молодежи в сторону осознанного планирования семьи и достижения долгосрочной финансовой независимости;
- поведенческий разрыв молодежи между готовностью к сбережению ресурсов и неготовностью использовать сложные страховые инструменты, существующие на российском рынке;
- адаптация молодых людей к цифровой среде, выражающаяся в росте онлайн-каналов продаж, но сопровождающаяся высоким уровнем киберрисков и кибермошенничества;

- сегментация предложения на страховом рынке с появлением новых продуктов (в частности, программ долевого страхования жизни), который на данный момент менее релевантен запросам молодежи.

3. Выявленные проблемы управления страховым поведением молодежи Российской Федерации для их нивелирования требуют осуществления комплекса мер, среди которых разработка системы независимого аудита страховых компаний, переориентация коммуникационных стратегий на доверительные каналы взаимодействия с молодежной аудиторией (например, социальные сети и мессенджеры), разработка образовательных программ по страховому просвещению и увеличению финансовой грамотности, модульных страховых продуктов с возможностью гибкой настройки условий их использования, создание цифровых платформ для продвижения продуктов страхования рисков, характерных для молодежи Российской Федерации.

Литература

1. Куровский С. В., Соснин Д. А., Мишин Д. А. Финансовая грамотность населения как фактор конкурентоспособности региона // Вестник евразийской науки. – 2023. – Т. 15. – № 5.
2. Куровский С. В., Кушелев И. Ю., Соснин Д. А., Мишин Д. А. Развитие инновационной деятельности страхового бизнеса // Инновации и инвестиции. – 2023. – № 10. – С. 20–25.
3. Куровский С. В., Мишин Д. А., Лебедев С. Г. Особенности использования GR-технологий бизнес-сообществами в российском государственном управлении // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 5. – С. 157–162.
4. Степанова М. Н. Финансовая компетентность застрахованных в области социального страхования: особенности формирования // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. – 2021. – Т. 83. – № 1 (87). – С. 490–499.
5. Алипперова Н. В. Анализ индикаторов финансового поведения молодежи Москвы в современных реалиях // Уровень жизни населения регионов России. – 2022. – Т. 18. – № 1. – С. 92–106.
6. Рогач О. В., Фролова Е. В. Социальные аспекты формирования активов домохозяйств как инструмента воспроизводства доверия // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2024. – Т. 14. – № 5. – С. 90–97.
7. Шатаева О. В., Акимова Е. Н., Шипкова О. Т. Вопросы финансовой грамотности российской молодежи // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2022. – Т. 12. – № 10. – С. 3.
8. Ярашева А. В., Марков Д. И. Финансовое поведение как результат взаимодействия людей

- в социально-экономическом пространстве // Финансы: теория и практика. – 2022. – Т. 26. – № 3. – С. 157–168.
9. Панфилова А. О., Саввинова К.А. Финансовая культура студенческой молодежи // Society and Security Insights. – 2022. – Т. 5. – № 3. – С. 172–189.
 10. Молодёжь России: главные ценности и финансовые привычки 2025 года. – URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/06/27/molodyozh-rossii-glavnie-tsennosti-i-finansovie-privichki-2025-goda (дата обращения: 16.10.2025).
 11. Страхование глазами молодежи: исследование «Ингосстраха». – URL: <https://consult-cct.ru/strahovanie-glazami-molodezhi-issledovanie-ingosstraha> (дата обращения: 16.10.2025).
 12. Прогноз развития страхового рынка на 2025 год: «жизнь» покажет. – URL: https://raexpert.ru/researches/insurance/forecast_2025/ (дата обращения: 16.10.2025).
 13. Тренды психологии в 2025–2026 годах. С какими запросами нужно уметь работать, чтобы оставаться востребованным психологом. – URL: <https://nadpo.ru/academy/blog/trendy-v-psihologii-v-2025-godu/> (дата обращения: 16.10.2025).
 14. Вашаломидзе Е. В., Найденова А.А. Особенности экономического поведения молодежи в системе обязательного пенсионного страхования // Экономика труда. – 2024. – Т. 11. – № 7. – С. 1083–1096.
 15. Круглова Е. Л., Мальшаков А.А., Курило М.А., Мелехина Д.С. Изучение финансового поведения молодежи: междисциплинарный подход // Экономика, предпринимательство и право. – 2025. – Т. 15. – № 4. – С. 2951–2962.
 16. Надеждина С. Д., Чистякова О.А. Финансовая грамотность населения России: проблемы и направления развития // Baikal Research Journal. – 2023. – Т. 14. – № 2. – С. 407–416.
 17. Манаширов Э.С. Теоретические рамки плановой экономики и налогообложения: анализ эффекта на средний класс и оптимизация налоговых схем // Инновации и инвестиции. – 2023. – № 10. – С. 272–276.

SOCIAL ASPECTS OF MANAGING INSURANCE BEHAVIOR OF YOUNG PEOPLE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Bulatshik I.V.

Postgraduate student of the Moscow University "Synergy"

The relevance of the issue under consideration is due to the fact that young people as a socio-demographic group are a separate phenomenon in the modern system of social reproduction. On the one hand, young people are a strategic resource for development, a source of innovative potential and adaptive capacity of organizations. On the other hand, in the context of the transformation of the socio-economic structure of society, it is the youth that is most vulnerable to a set of new risks caused by digitalization processes,

transformation of the labor market and consumption patterns. Managing the insurance behavior of young people is becoming a key problem in ensuring long-term social sustainability and economic security of the country. The aim of the work is to identify the problems of managing the insurance behavior of young people in the Russian Federation. Research methods: systematization, generalization, induction, deduction, analysis of theoretical and empirical sources of academic literature, statistical time series, comparison, comparative analysis, systems approach, data conceptualization, graphical and tabular data visualization. The main results of the scientific study: the theoretical and methodological foundations of studying the insurance behavior of young people in the sociology of management are reflected; the key trends in the insurance behavior of young people in the Russian Federation are presented in accordance with the analysis of secondary data; The study identifies challenges in managing the insurance behavior of young people in the Russian Federation. The practical significance of the study lies in the fact that the results obtained can be used by the public sector and key social institutions to develop recommendations aimed at creating effective management solutions that will improve the level of insurance coverage for young people and reduce social risks in the long term.

Keywords: social aspects of management; insurance behavior of young people; youth of the Russian Federation; theoretical and methodological foundations; trends in insurance behavior; management problems; social risks.

References

1. Kurovsky S. V., Sosnin D.A., Mishin D.A. Financial literacy of the population as a factor in the competitiveness of a region // Bulletin of Eurasian Science. – 2023. – Vol. 15. – № 5.
2. Kurovsky S. V., Kushelev I. Yu., Sosnin D.A., Mishin D.A. Development of innovative activities of the insurance business // Innovations and Investments. – 2023. – № 10. – P. 20–25.
3. Kurovsky S. V., Mishin D.A., Lebedev S.G. Features of the use of GR technologies by business communities in Russian public administration // Social and humanitarian knowledge. – 2025. – № 5. – P. 157–162.
4. Stepanova M.N. Financial competence of insured persons in the field of social insurance: features of formation // Bulletin of the Voronezh State University of Engineering Technologies. – 2021. – Vol. 83. – № 1 (87). – P. 490–499.
5. Alikperova N.V. Analysis of indicators of financial behavior of Moscow youth in modern realities // Standard of living of the population of the regions of Russia. – 2022. – Vol. 18. – № 1. – P. 92–106.
6. Rogach O. V., Frolova E.V. Social aspects of the formation of household assets as a tool for reproducing trust // Humanitarian sciences. Bulletin of the Financial University. – 2024. – Vol. 14. – № 5. – P. 90–97.
7. Shataeva O. V., Akimova E.N., Shipkova O.T. Financial Literacy of Russian Youth // Economy: Yesterday, Today, Tomorrow. – 2022. – Vol. 12. – № 10. – P. 3.
8. Yarasheva A. V., Markov D.I. Financial Behavior as a Result of People's Interaction in the Socio-Economic Space // Finance: Theory and Practice. – 2022. – Vol. 26. – № 3. – P. 157–168.
9. Panfilova A. O., Savvinova K.A. Financial Culture of Student Youth // Society and Security Insights. – 2022. – Vol. 5. – № 3. – P. 172–189.
10. Young People in Russia: Key Values and Financial Habits for 2025. – URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/06/27/molodyozh-rossii-glavnie-tsennosti-i-finansovie-privichki-2025-goda (Accessed: 16 October 2025).
11. Insurance through the Eyes of Young People: A Study by Ingosstrakh. – URL: <https://consult-cct.ru/strahovanie-glazami-molodezhi-issledovanie-ingosstraha> (Accessed: 16 October 2025).
12. Insurance Market Development Forecast for 2025: Time Will Tell. – URL: https://raexpert.ru/researches/insurance/forecast_2025/ (Accessed: 16.10.2025).
13. Trends in Psychology in 2025–2026. What Requests Should You Know How to Work with to Remain a Sought-After Psy-

- chologists. – URL: <https://nadpo.ru/academy/blog/trendy-v-psihologii-v-2025-godu/> (Accessed: 16.10.2025).
14. Vashalomidze E. V., Naidenova A.A. Features of the economic behavior of young people in the compulsory pension insurance system // *Labor Economics*. – 2024. – Vol. 11. – № 7. – P. 1083–1096.
15. Kruglova E. L., Mal'shakov A. A., Kurilo M.A., Melekhi-na D.S. Studying the financial behavior of young people: An interdisciplinary approach // *Economics, Entrepreneurship and Law*. – 2025. – Vol. 15. – № 4. – P. 2951–2962.
16. Nadezhdina S. D., Chistyakova O.A. Financial literacy of the Russian population: problems and directions of development // *Baikal Research Journal*. – 2023. – Vol. 14. – № 2. – P. 407–416.
17. Manashirov E.S. Theoretical framework of planned economy and taxation: analysis of the effect on the middle class and optimization of tax schemes // *Innovation and investment*. – 2023. – № 10. – pp. 272–276.

Подходы к коммуникации и ее роль в современном обществе

Зюкина Светлана Леонидовна,

соискатель, ст. преподаватель кафедры гостиничного и ресторанного бизнеса, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский экономический университет» (СПбГЭУ)
E-mail: sveta_ha@list.ru

В статье рассмотрена сущность коммуникации и коммуникационного процесса как понятия, проанализированы основные модели коммуникации, обозначены элементы структуры и функции. Исследованы ее ключевые проблемы с позиции различных подходов – естественно-научного; культурологического; социологического; структурно-функционального и феноменологического – направления социологического подхода. Последние два подхода анализируют коммуникацию на разных уровнях общества и коммуникации: макроуровень и микроуровень. Особое внимание уделено социологическому подходу, в рамках которого рассмотрены основные школы социологического анализа коммуникации, теоретико-практическая значимость и ограничения. Продемонстрировано, что коммуникация выступает как форма социального действия или социального взаимодействия. Кроме того, через структурно-функциональный подход проанализированы универсальные факторы, влияющие на социальное действие и устойчивость социальных систем (AGIL – модель). Феноменологический подход позволяет исследовать процессы конструирования социальной реальности и формирование общих значений в процессе взаимодействия и восприятия участников коммуникации, приобретая взаимный опыт. В результате изучения различных подходов выявлена сущность коммуникации, ее роль в современном обществе и применение как инструмента организации, координации и управления людьми и социальными процессами.

Ключевые слова: коммуникация, информация, канал передачи, смыслы и ценности, социальное действие, социальное взаимодействие, социальная реальность, управление.

Коммуникация в настоящее время занимает важную роль в жизни общества: от личных отношений до глобальной политики, от науки и технологий до культуры и бизнеса [4]. Коммуникация пронизывает все сферы жизни общества. Коммуникация – это некий механизм, с помощью которого может быть построен мир. Давайте разберемся в ее сущности.

Подходы и Модели коммуникации

Первая Модель коммуникации была предложена Аристотелем в работе «Риторика», она была такова: «Оратор-Речь-Слушатель» [1, с.45].

Естественно-научный подход. Модели коммуникации. Коммуникационный процесс

Исходя из естественно-научного подхода в коммуникации как процессе выделяются компоненты: *субъекты коммуникации* (субъект-отправитель, адресант; субъект-получатель, реципиент, адресат); *объект коммуникации* (сообщение, информация); *канал коммуникации* (средство передачи информации: устно, письменно, через телекоммуникационные каналы и пр.) или 4 базовых элемента: *отправитель, получатель, сообщение, канал*.

Таким образом коммуникационный процесс разделен на последовательные стадии (этапы), которые продемонстрированы: намерение → формирование сообщения → выбор канала передачи → отправка сообщения → получение и расшифровка. С.В. Бориснев разделяет *типы коммуникационных моделей* в естественно-научном (технологическом) подходе на следующие.

Классическая односторонняя линейная модель (Г. Лассуэлл (1948)). Модель коммуникационного процесса предполагает односторонний процесс без планирования обратной связи), которая включает 5 элементов коммуникации как процесса: коммуникатор (передатчик) → сообщение → канал передачи → аудитория (приемник) → эффект (эффективность сообщения). В соответствии с этой моделью Г. Лассуэлл выделяет следующие *направления исследования коммуникации*: управление процессами коммуникации: факторы, которые способствуют процессу коммуникации, например коммуникатор; непосредственно контент и статистика передаваемых сообщений, в том числе частота упоминаний фактов, сообщений, аудитория (приемник, получатель, реципиент-адресат); передатчик (коммуникатор-адресант), кто отправляет сообщение; средства и каналы пе-

редачи сообщений воспринимаемые приемником; результаты (эффект коммуникативного воздействия) – возникшего интереса получателя.

Коммуникация в данном случае представляется как процесс убеждения, где коммуникатор старается повлиять на реципиента (получателя), а реципиент – никак не отвечает. Односторонняя линейная модель является прототипом двусторонней линейной модели.

Шумовая модель коммуникации К. Шеннона – У. Уивера (1949) или «трансмиссионная модель»: коммуникатор (источник) → передатчик (кодировщик) сообщения → канал передач (здесь добавляется шум, искажение) → декодер → аудитория (приемник)

К. Шеннон, создатель теории коммуникации, основы современной теории передачи информации (сообщения), ввел понятие шума (энтропия), избыточности: шум – это искажение сообщения внешними факторами, которые нарушают целостность и возможность точного восприятия информации приемником и предел допустимого порога шума – ошибка в передаче информации при переходе определенного порога (значения); избыточность – это дополнительные элементы в сообщении для предотвращения сбоев в общении (в нашем случае, языковая избыточность: для понимания содержания сообщения нужно меньше слов). Также отмечается, что присутствует степень неопределенности или степень понимания сообщения, которая может быть искажена из-за большого объема информации – «информационного шума».

Таким образом, Шеннон и Уивер выявили проблемы, характерные для этой модели теории коммуникации по трем уровням:

1. Техническая проблема: точность передачи сигнала (технический уровень коммуникации (А-уровень): точность/избыточность информации, канал коммуникации));
2. Программно-семантическая проблема: передача смысла (семантический уровень коммуникации (В-уровень): понимание значений знаков/сообщений, интерпретация, адекватность передачи;
3. Проблема эффективности: насколько эффективно сообщение (его значение) – влияние на поведение (уровень эффективности (С-уровень): эффективность восприятия информации, уровень воздействия на сознание/поведение человека, на сколько совпадает воздействие с желаемым результатом).

В этой теории анализируется сообщение с точки зрения технического искажения (шум), количества (объема) информации (избыточность – достаточность, информационный шум), качества содержания (смысл, факты, статистика и прочее) и эффективности (влияние на поведение), время разговора ограничено, а связь может быть неустойчива.

Двусторонняя линейная модель. М. де Флер, Н. Виннер вводят и исследуют понятие обратной связи, т.е. процесса передачи информации в обратном направлении – от приемника (реципиента) к коммуникатору (передатчику). Этот процесс называется петлей обратной связи, см. рис. 1, где приемник и реципиент меняются местами, с учетом «информационного шума», см. рис. 3. Кроме этого, для повышения эффективности передачи информации и взаимодействия, выбирается определенный канал передачи (коммуникации) и выявляются погрешность передачи (она редко совпадают в разных направлениях), которые представлены факторной моделью массовой коммуникации Герберта Малекке.

Факторная модель коммуникации (Г. Малекке (1963)). Факторная модель повторяет в той или иной степени модель Ласуэлла, см. выше. В процессе коммуникации здесь придается важное значение каналу коммуникации, раскрывая его влияние с нескольких сторон: через образ канала коммуникации (отношение реципиента к получаемой информации – престиж, надежность канала); выбор качества сообщения (на основе ценностей, мировоззрения, самооценки реципиента; технические характеристики); количество сообщения (объем передаваемой информации); образ коммуникатора (степень важности в глазах реципиента (доверие, идентификация коммуникатора (по возможности), степень уважения); социальный контекст (отношение транслируемого сообщения к реальному времени: степени вовлеченности, приверженности к ценностям группы, общества); образ реципиента (степень важности в глазах коммуникатора, рассматривается как социальная система имеющая структуру (индивиды, группа, общности и т.д.); тип канала (средство передачи сообщения, отличающееся для разной аудитории; при неверном канале или его технических характеристик: реципиент не получит сообщение); реакцию на сообщение («эффект», по Ласуэллу: анализ результатов коммуникативного воздействия (интерес к содержанию сообщения), а не ответная реакция реципиента (ей придается важное, но фоновое значение).

Циркулярная модель коммуникации У. Шрамма и Ч. Осгуда (1954). Модель подтверждает уже нелинейность процесса коммуникации, т.е. коммуникативный процесс «бесконтентен» – «каждый является распределительным центром по управлению и переадресации огромного, бесконечного информационного потока...» [17].

Процесс коммуникации – циркулярный, сбалансированный. Модель циркулярная (замкнутая): источник (А) → (кодирование → сообщение → декодирование → интерпретация → реципиент (В) и ответ – обратная связь в такой же последовательности. Здесь обращено внимание на поведение коммуникаторов и на содержание сообщения

(набор информационных знаков, фактов, объектов, эмоций, латентных значений).

Таким образом, анализ процесса коммуникации позволяет сделать вывод о существовании двух типов коммуникационных связей: *динамические*, где жестко детерминированные причинно-следственные зависимости между явлениями и *статистические*, характеризующиеся нелинейными, вероятностными зависимостями, основанными на статистических закономерностях и эмпирических фактах.

Культурологический подход. Модели коммуникации. Коммуникационный процесс

Исходя из *семиотического подхода*, нужно обратить внимание – какими *средствами* передается *содержание сообщения* (семиотических (знаковых)). Здесь имеют значение: *варианты, посредством чего передается информация* (устно, письменно) и *интерпретация* самой информации. Треугольник Г. Фреге, где вершины: предмет, понятие, знак (слово); объясняет, что «предмет» и «понятие» может быть объяснено, интерпретировано, при помощи «знака» (слово, текст, число) – это текстовая модель коммуникации советско-британского философа А. Пятигорского (1962). Он обозначил *текстовый* вариант коммуникации с самим с собой и с другими. Текст создается субъективной ситуацией, а воспринимается от времени и места в множестве объективных ситуациях. При передаче текста как зрительного знака: *время – не важно, важно – пространство*, в отличие от слуховой передачи, где важно время, его последовательность и одновременность.

При культурологическом и семиотическом подходах в коммуникации на первое место выдвигается *сообщение* – его содержание, представленное в виде структурированных знаков и звуков (например, текста), где текст – это форма языка. Вопросами языка, общения и языкового взаимодействия занимались видные философы В. Гумбольдт, К. Ясперс, Ч. Пирс, лингвисты Р. Якобсон, Ю. Лотман и другие исследователи. Они подчеркивали важность и актуальность языка для процессов коммуникации, поскольку с его помощью – через систему языковых знаков и символов – производится обмен значениями [7, с.22], информацией и знаниями. Ю.М. Лотман, писал, что культура способна превратить не-информацию в информацию, выступая антихаосным механизмом человечества, самовозрастающим логосом (Гераклит). Культура проявляется в процессе общения [10, с. 6], в обмене мнениями, т.е. в коммуникации, без которой само общение невозможно. Обладая внутренней организацией, культура способна выполнять первостепенную функцию «природной коммуникации», заключающуюся в производстве, хранении и передаче информации. Согласно Ю.М. Лотману культура решает три основные задачи:

1. хранит и передает информацию через механизмы коммуникации и памяти, используя язык как средство формирования корректных сообщений;

2. осуществляет алгоритмизированные операции по преобразованию сообщений, обеспечивая их структурную и смысловую упорядоченность;

3. создает новые сообщения, тем самым обеспечивая развитие и самообновление культуры.

Для описания культуры Ю.М. Лотман вводит понятие *семиосферы* – *семиотического универсума*, т.е. пространства, вне которого невозможно существование *семиозиса* (порождения и интерпретация смыслов) [9, с.14].

Д.А. Леонтьев рассматривает в культуре *бытование смыслов*, подчеркивая, что *диалог* является *внутренней динамикой самой культуры* [8, с.415]. Развивая эту идею, М.М. Бахтин отмечал, что в культуре «не могут не соприкоснуться и не вступить в диалог», два сознания – «я» и «другого» [2, с.82–130], а смысл раскрывается и понимается только через взаимодействие с другим смыслом. По мнению В.М. Пивоева, в процессе диалога происходит не только обмен ценностной информацией, но и постижение собственного «я», «глядясь в другого как в зеркало» [15, с.106], т.е. познание себя через общение.

Культурологи проанализировали сложные процессы формирования смыслов в ходе взаимодействия между людьми, коммуникация возможна лишь при наличии общих смыслов, значений, символов, т.к. они позволяют индивидуумам обмениваться информацией с помощью знаков. Передаваемые знаки осмысливаются участниками взаимодействия и, в свою очередь, влияют на состояние и поведение коммуникаторов. Эффективность коммуникации определяется степенью того, насколько успешно происходят эти изменения и воздействия. В процессе коммуникации качественно преобразуются сами отношения между людьми, и возникает *коммуникативное влияние* – как результат обмена информацией и смыслового воздействия.

Таким образом, коммуникация возможна только в том случае, если коммуникатор и реципиент обладают *единой или сходной системой кодификации и декодификации информации*. Например, это можно представить схемой:

К (коммуникатор, кодирует) → С (сообщение) → Р (реципиент, декодирует). Кроме того, нужно обратить внимание, что в процессе коммуникации информация *формируется, передается, а также уточняется и развивается*.

Что касается *смысла*, то для коммуникатора, он предшествует процессу кодирования, а для реципиента смысл раскрывается в момент декодирования. Ю.М. Лотман утверждает, что коммуникация происходит через два метаканала:

1. «Я – ОН» – канал, ориентированный на внешнее пространство;

2. «Я – Я» – канал, ориентированный на внутреннее пространство.

Если рассматривать, что единое сообщение проходит по двум каналам, то оно отражает часть культуры, определяя истину как, *во вне* так и *внутри себя* через механизм *автокоммуникации* (нахождение истины самостоятельно для себя во внешнем мире). Оба канала присутствуют в культуре одновременно.

Исследования показывают, что восприятие культуры обществом различаются в зависимости от ориентации на эти каналы коммуникации. Существует разделение людей по восприятию:

- *Передающие* – ориентированы на автокоммуникацию, проявляют высокую духовную активность.
- *Принимающих* – ориентированы только на один канал «Я – ОН», пассивны, получают информацию только извне и становятся «умственными потребителями», что ограничивает их развитие.

Однако передающие часто оказываются менее динамичными в пространственном взаимодействии и минимизируют внешнее общение. Люди, ориентированные на оба канала, более подвижны и динамичны, что способствует прироста знаний. Исходя из выше сказанного, процесс коммуникации в культуре состоит из следующих этапов: коммуникатор (передатчик) → *выбор смысла и метаканала* [13] передачи (Я – ОН, Я – Я или Оба) → *кодирование* сообщения (выбор знаков для передач смысла) → *канал передачи* (устно, письменно, иначе) → *декодирование* сообщения (интерпретация знаков и раскрытие смысла) → *реципиент* (приемник).

Таким образом, можно утверждать, что помимо *информационно-технологической структуры* процесса коммуникации особое значение имеют *семиотические (знаковые) и смысловые языковые компоненты*, которые придают коммуникации *содержание, направленность и динамику развития*. Культурологи также отмечают важность общения для *самореализации и становления личности*, а также для *функционирования групп, социальных общностей, и общества в целом*.

Социологический подход. Модели коммуникации. Коммуникационный процесс

Для отображения реального социального мира необходимы коммуникации и коммуникационные процессы (Н. Луман) [11, с.3].

Под коммуникацией в узком значении можно понимать *субъект-субъектное взаимодействие*, при котором происходит передача информации, имеющей смысл для обоих субъектов. Этой позиции придерживаются Ч. Кули, В. Шрамм [17, с.3–

26], А. Тэн, а среди российских ученых – А. Соколов и В. Кашкин.

Другую точку зрения предлагает С. Стивенс (школа психологического бихевиоризма), определяя коммуникацию как «специфический ответ организма на стимул» [16, с.45], т.е. *субъект-объектное взаимодействие*, при котором существует некий внешний «раздражитель». В современном гуманитарном и социологическом контексте данный подход рассматривают как частную, «узкую» модель коммуникации, применимую для прогнозирования поведения аудитории, исходя из внешних стимулов; разработки систем обучения и управления вниманием. Данная модель не способна объяснить все аспекты человеческого общения, т.к. не учитывает смысл и контекст сообщения, влияние культуры, социальных норм и внутренних мотивов, формирующих коммуникацию в обществе и бизнесе.

Т. Ньюкомб предложил *социально-психологическую (интеракционистскую) модель коммуникации* можно представить в виде треугольника, описывающую элементарное коммуникативное взаимодействие. В этой модели два субъекта А – коммуникатор и В – реципиент – две вершины вступают в коммуникацию по поводу некоторого внешнего объекта Х – внешний объект (общая тема, предмет) – третья вершина.

Связи в треугольнике: А ↔ В – межличностные взаимодействие (отношение между участниками, направленное друг на друга); А ↔ Х – отношение первого субъекта к объекту; В ↔ Х – отношение второго субъекта к объекту. Коммуникация выполняет функцию *поддержания баланса* между участниками взаимодействия. Если у А и В возникают разногласия по отношению к Х, то через общение они стремятся восстановить *равновесие*, согласовать позиции. Модель показывает, что коммуникация – не просто обмен информацией, а способ согласования отношений между людьми относительно внешнего мира. Данный коммуникационный процесс не является линейным (не линейен). *Социально-психологическая (интеракционистская) модель коммуникации Т. Ньюкомба (1950)* подтверждается *циркулярной моделью У.Шрамма и Ч. Осгуда (1954)*, рассмотренная ранее в естественно-научном подходе коммуникации.

Т. Парсонс определял коммуникацию как *социальное взаимодействие*, отсюда, он вывел *теорию социального действия* [14], включающую двух субъектов: «actor» – инициатор действия и «alter» – на кого направлено действие.

Структура социального действия включает следующие элементы:

1. *Действующее лицо*, передатчик, коммутатор («actor») – инициатор действия.

2. *Цель действия может быть произвольная, случайная или осознанно выбранная*.

3. *Ситуация действия* – характеризуется *условием действия* для «actor» (все известные элементы окружающей среды) и *средствами действия* – элементами окружающей среды, которым владеет или может овладеть «actor».

4. *Нормативные ориентации действия* на конкретную ситуацию – мотивационные, чувственные, познавательные и оценочные отношения к «alter», а также ценностные ориентации, связанные с усвоенными культурными нормами. Они регулируют действие морально-этическими нормами.

5. *Результат действия* («alter») – приемник или реципиент; физические и культурные объекты, на которые или на кого направлено действие.

Т. Парсонс различал:

- «ego» (конкретный actor) – субъект, чье действие направлено на физические и культурные объекты; это односторонний процесс, не предполагающий социального взаимодействия;
- «alter» (партнер по взаимодействию) – другой субъект, на которого направлено действие «ego»; это минимум двустороннего, социального взаимодействия, предполагающего обмен значениями и обратную реакцию.

Таким образом, по мнению большинства ученых, коммуникацией можно считать не всякое взаимодействие, а исключительно *взаимодействие субъектного типа: коммуникатор (субъект, actor, ego) – средства связи; объекты; цель, нормативы – реципиент (субъект, alter)*.

Эта точка зрения является общепринятой в теории коммуникации [18]. В данной работе не рассматриваются компьютерные коммуникации (человек-машина), которые относятся к технологической сфере [6], а не к социальному взаимодействию или социальному действию.

В социальной модели коммуникации ключевой элемент *социальное действие* – это устойчивые и повторяющиеся взаимосвязанные *социальные взаимодействия*. *Социальная коммуникация* – это форма *социального взаимодействия* между людьми как субъектов и объектов социальных процессов, осуществляемая через информацию, знаки, символы и включающая социальные действия или совокупность социальных взаимодействий.

Системы социального действия, как правило, формируются социальными институтами, например музеем, который организует взаимодействие между людьми и экспонатами, способствуя обмену знаниями, ценностями и формированию коллективных смыслов.

Т. Парсонс, изучив взгляды Вебера, Спенсера, Дюркгейма, Тенниса и Зиммеля, разработал универсальный метод исследования любых явлений в обществе, применяя *структурно-функциональный – макросоциологический подход*, где система определяется и изучается с точки зрения *структуры и функции*. Структура представ-

ляет собой внутренние взаимосвязанные элементы системы, а *функции* рассматриваются как метод достижения результата или «полезности» системы через установление *динамических (функциональных) связей между взаимосвязанными элементами*. [14] Функция выступает *соединительным звеном, посредником между структурой и системой*, внутренним «скелетом» системы и влияниями внешних факторов, обеспечивая связь между неизменностью и изменчивостью системы.

Т. Парсонс также выделил *универсальные факторы, влияющие на социальное действие и обеспечивающие устойчивость* любой инвариантной системы. Это набор функций AGIL. Эти функции необходимы любой социальной системе для выживания и стабильности. Структура систем социального действия, их функции и социальные институты, которые эти *функции* реализуют и определяют *содержание* социальных действий следующие:

- Поведенческая система (A – Adaptation); функция – адаптация: система приспосабливается к окружению и внешним воздействиям, распределение ресурсов; социальные институты: экономические институты;
- Личностная система (G – Goal Attainment); функция – целеполагание: определение целей, выявление средств и механизмов для достижения коллективных целей; социальные институты: политические институты;
- Социальная система (I – Integration); функция – интеграция: поддержание единства элементов системы, координация действий и предотвращение отклонений; обеспечение порядка и согласованности; социальные институты: правовые институты;
- Культурная система (L – Latency/ Pattern Maintenance); функции – поддержание ценностных образцов (латентная функция): поддержание и воспроизводство культурных норм, ценностей, мотиваций, формирующих и идентичность – социальные институты: институты религии, образования, учреждения культуры (музеи).

Развивая процесс коммуникации через *феноменологический подход* (первая треть XX в., Э. Гуссерль, М. Шелер, М. Мерло-Понти, Н. Гартман, М. Вебер и др.), Альфред Шюц, ученик Гуссерля, предложил *микросоциологический подход*, рассматриваемый как *проникновение в социальный мир*. Согласно ему, индивид не является пленником социальной структуры, а самостоятельно *конструирует социальную реальность и взаимодействия, опираясь на собственное сознание и восприятия* (М. Вебер, У. Джеймс, Дж. Дьюи, У. Томас, Дж. Мид, А. Шюц, Дж. Серль, П. Бергман, Т. Лукман) [12].

Философ М. Шелер ввел понятие «*социальное знание*» как повседневное знание о «жизни мира», предшествующее теоретическим системам

[3]. Оно рассматривает *проблемы детерминации; формы передачи и хранения знания; социально-историческую обусловленность типов мышления; типологию производителей знания и институциональные формы духовного творчества.*

Дальнейшее развитие и структурирование социального знания было выполнено М. Бергманом, Т. Лукманом [3]. Субъекты в коммуникации могут взаимодействовать «лицом к лицу» или дистанционно, осуществляя «обмен экспрессивностями» через непрерывные взаимные акты, воспринимая и интерпретируя субъективные признаки друг друга, возможные ошибки. *Эти акты образуют социальное взаимодействие или процесс коммуникации.*

Процесс коммуникации происходит через *хабиитуализацию* (превращение реальности в повседневность): контекст экстернируется в сознании как социальный продукт, после чего в зависимости от типизации субъекта и типизации условий формируется действие (акт), которые может происходить постоянно. Контекст и типизация критически влияют на взаимодействие: восприятие позволяет классифицировать партнеров (друзья, конкуренты, маловероятные контакты), усиливает или ослабляет взаимодействие (в зависимости от степени интимности или интересов) и может прерывать коммуникацию.

Если *типизация субъекта* не происходит, то не осуществляется и *типизация условий* или восприятия (информации), а, значит, *акт (действия) и коммуникация* не реализуются. Типизация – это процесс, при котором осмысление явлений происходит через общие социальные категории (типичные образы, значения). Процесс коммуникации по П. Бергеру и Т. Лукману таков: индивид 1 воспринимает и определяет уникальность, анонимность, атрибуции индивидуума N, одновременно индивид N осуществляет аналогичный процесс по отношению индивидуума 1, при этом на их взаимное восприятие влияют социальные и ситуационные условия. В результате этого взаимного восприятия и типизации возникает акт (действие) или коммуникативный акт. В акты входят *когнитивные, нормативные и эмоциональные компоненты*. Н. Гартман подчеркивает приоритет эмоциональных актов над онтологическим познанием (расслоение восприятий) [5, с.486–487]. Акты реализуются через язык, который легитимизирует социальное знание, объективирует социальный мир, обеспечивает самосознание и общение «лицом к лицу». Для эффективной коммуникации *язык у субъектов должен быть один и тот же – общий, а аппарат общения (средство и канал) – последовательным и согласованным; разрывы – это угрозы, создающие рассогласованность и помехи.* На взаимодействие также влияют *частота общения, интенсивность общения, эксплицитность общения (степень ясности), а анонимность возникает*

при удалении субъекта во времени или пространстве от позиции «лицом к лицу», «здесь и сейчас».

Изучив различные подходы, можно определить *суть коммуникации, ее роль в современном обществе и значение как инструмента организации, координации и управления людьми и процессами.*

Естественно-научный подход: коммуникация – это процесс передачи информации, с определенными закономерностями и каналами передачи. Роль: оптимизация обмена данными, снижение ошибок и повышение эффективности. В управлении: важен контроль и анализ информационных потоков, эффективная передача инструкций.

Культурологический подход: коммуникация – это обмен смыслами, ценностей, символов и знаков. Роль: формирование культурной идентичности, поддержка общественных норм и обеспечение культурной интеграции. В управлении: создание корпоративной культуры, адаптации коммуникации для различных групп, формирование мотивации и вовлеченности сотрудников.

Социологический подход: коммуникация – это форма социального взаимодействия, через которую формируются и регулируются общественные отношения, нормы, роли и институты. Роль: закрепление порядка действий через социальные институты, поддержание традиций и формирование различных видов социальной памяти: индивидуальной, общественной, исторической, культурной. В управлении: организация совместной работы, учет неформальных отношений и управление командными процессами.

Структурно-функциональный подход (макросоциологический): коммуникация – это элемент социальной системы, обеспечивающий интеграцию, адаптацию, координацию и стабильность. Роль: поддержка устойчивости и согласованности социальных процессов системы. В управлении: выявление актуальных каналов связи, получение обратной связи, поддержания стабильного функционирования организации.

Феноменологический подход (микросоциологический): коммуникация – это не передача информации, а процесс взаимного понимания и конструирование смысла между людьми. В ней участники интерпретируют реальность и создают общее значение, формируя совместный опыт. Роль: коммуникация – это основной механизм конструирования социальной реальности, общих значений, норм и идентичности. В управлении: осмысленное взаимодействие руководителя и сотрудников; согласование целей; развитие доверия и корпоративной культуры.

Литература

1. Аристотель. Риторика / пер. с древнегреч. В.Ф. Асмуса. – М.: Наука, 1978. – С. 45. –287с.

2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества/ Сост. С.Г. Бочаров. 2-изд. М.: РГГУ, 2001.- С.82–130. –206с.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания – М.: “Медиум”, 1995. – 323 с.
4. Виханский О.С., Наумов А.И. Основы Менеджмента –Москва: Магистр, 2024.–672с; ISBN 978-5-9776-0554-0
5. Гартман Н. К основоположению онтологии . – СПб, 2003. – С. 486–487. – 630с.
6. Гузман Андреа Л., Сэндри Э., Эдвардс Отэм П. Коммуникация человек – машина. Переосмысление технологии, коммуникации, технологии и самих себя– М.: Изд-во: Гуманитарный центр, 2022. – 304с. ISBN 978-617-7758-48-7.
7. Кашкин, В.Б. Введение в теорию коммуникации: учебное пособие / В.Б. Кашкин. – 8-е изд., стер. – Москва: ФЛИНТА, 2022. – 224 с. – ISBN 978-5-9765-1424-9.
8. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2007. – 512с. – С. 415–487 URL: <https://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=57308> (дата обращения: 10.10.2025).
9. Лотман, Ю.М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб, 2000. – 704 с. – ISBN 5-210-01488-6.
10. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и культуре искусства. – СПб: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2002. –544с.; ISBN 5-7331-0184-9.
11. Луман, Н. Коммуникация и социальные системы / Н. Луман; пер. с нем. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – 288 с.; ISBN 5-201-01234-5.
12. Мещерякова Л.Ю. Феноменологическая социология Альфреда Шюца: теоретические предпосылки и основные идеи // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2002. – № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologicheskaya-sotsiologiya-alfreda-shyutsa-teoreticheskie-predposylki-i-osnovnye-idei> (дата обращения: 15.05.2025).
13. Модель Г. Бейтсона, Галушко В.Г. Социальная коммуникация в информационном обществе // Инновационная наука, 2015. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-kommunikatsiya-v-informatsionnom-obschestve> (дата обращения: 7.08.2025).
14. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс; под общ. ред. В.Ф. Чесноковой, С.А. Белановского. – 2-е изд. – Москва: Академический Проект, 2002. – 877, [2] с. – (Концепции). – ISBN 5-8291-0237-4.
15. Пивоев В.М. Философия культуры. –М.: Изд-во: Директ-Медиа, 2013. –С.106. – 429с.; ISBN: 978–5–4458–3487–8.
16. Стивенс, С.С. Коммуникация как специфический ответ организма на стимул / С.С. Стивенс // Journal of the Acoustical Society of America. – 1950. – Т. 22, № 6. – С. 689–690. – DOI:10.1121/1.1906882.URL:https://pubs.aip.org/asa/jasa/article-pdf/22/6/689/18729469/689_1_online.pdf (дата обращения:10.10.2025).
17. Schramm W. How Communication Works. // Process and Effects of Mass Communication. / Ed.: W. Schramm. – Urbana: University of Illinois Press, 1954
18. Stephen W. Littlejohn, Karen A. Foss, John G. Oetzel Theories of humancommunication, 2026

APPROACHES TO COMMUNICATION AND ITS ROLE IN MODERN SOCIETY

Ziukina S.L.

Saint Petersburg State University of Economics

The article explores the nature of communication and the communication process, analyzing the main communication models and identifying their structural elements and functions. Key issues of communication are examined through various theoretical lenses – including the natural-scientific, cultural, sociological, structural-functional, and phenomenological approaches, which represent major directions within the sociological perspective. The latter two approaches address communication at different analytical levels – the macro and micro levels. Special attention is devoted to the sociological approach, within which the principal schools of sociological analysis of communication are reviewed, along with their theoretical and practical significance and inherent limitations. The study demonstrates that communication functions as a form of social action and social interaction. Moreover, the structural-functional approach is employed to analyze universal factors influencing social action and the stability of social systems (as reflected in the AGIL model). The phenomenological approach, in turn, enables an examination of how social reality is constructed and shared meanings are generated through processes of interaction and mutual perception among participants in communication. By integrating insights from these diverse perspectives, the study reveals the fundamental essence of communication, its role in contemporary society, and its application as a tool for the organization, coordination, and management of individuals and social processes.

Keywords: communication, information, communication channel, meanings and values, social interaction, social reality, management.

References

1. Aristotle. (1978). Rhetoric (V.F. Asmus, Trans.). Moscow: Nauka. (Original work published in Ancient Greek), PP.45, 287p.
2. Bakhtin, M. M. (2001). Aesthetics of Verbal Creativity (S.G. Bucharov, Ed., 2nd ed.). Moscow: Russian State University for the Humanities (RSUH). pp. 82–130. – 206 p. [in Russian]
3. Berger, P., & Luckmann, T. (1995). The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge Moscow: Medium. – 323 p. [in Russian]
4. Vikhansky, O. S., & Naumov, A. I. (2024). Fundamentals of Management. Moscow: Magistr. – 672 p. ISBN 978-5-9776-0554-0. [in Russian]
5. Hartmann, N. (2003). Toward the Foundation of Ontology. St. Petersburg: [publisher not specified]. pp. 486–487. – 630 p. [in Russian]
6. Guzman, A. L., Sandry, E., & Edwards, A. P. (2022). Human-Machine Communication: Rethinking Technology, Communication, and Ourselves. Moscow: Humanitarian Center. – 304 p. ISBN 978-617-7758-48-7. [in Russian]

7. Kashkin, V. B. (2022). Introduction to the Theory of Communication (8th ed., stereotype). Moscow: FLINTA. – 224 p. ISBN 978-5-9765-1424-9. [in Russian]
8. Leontiev, D. A. (2007). Psychology of meaning: Nature, structure, and dynamics of semantic reality (pp. 415–487). Moscow: Smysl. 512 p. Retrieved from <https://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=57308> (accessed: October 10, 2025).
9. Lotman, Y. M. (2000). The Semiosphere: Culture and Explosion. Inside Thinking Worlds. St. Petersburg: Iskustvo-SPb. 704 p. ISBN 5-210-01488-6.
10. Lotman, Y. M. (2002). Articles on Semiotics and the Culture of Art. St. Petersburg: Humanitarian Agency “Academic Project.” 544 p. ISBN 5-7331-0184-9.
11. Luhmann, N. (2003). Communication and Social Systems (Trans. from German). Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. 288 p. ISBN 5-201-01234-5.
12. Meshcheryakova, L. Yu. (2002). Alfred Schutz's Phenomenological Sociology: Theoretical Premises and Main Ideas. RUDN Journal of Sociology, (1). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologicheskaya-sotsiologiya-alfreda-shyutsa-teoreticheskie-predposylki-i-osnovnye-idei> (accessed: May 15, 2025).
13. Bateson Model, & Galushko, V. G. (2015). Social Communication in the Information Society. Innovative Science. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-kommunikatsiya-v-informatsionnom-obschestve> (accessed: August 7, 2025).
14. Parsons, T. (2002). The Structure of Social Action (2nd ed., V.F. Chesnokova & S.A. Belanovsky, Eds.). Moscow: Academic Project. 877 p. (Concepts). ISBN 5-8291-0237-4.
15. Pivoyev, V. M. (2013). Philosophy of Culture (p. 106). Moscow: Direkt-Media. 429 p. ISBN 978-5-4458-3487-8.
16. Stevens, S. S. (1950). Communication as a specific response of the organism to a stimulus. Journal of the Acoustical Society of America, 22(6), 689–690. <https://doi.org/10.1121/1.1906882>. Retrieved from https://pubs.aip.org/asa/jasa/article-pdf/22/6/689/18729469/689_1_online.pdf (accessed: October 10, 2025).
17. Schramm W. How Communication Works. // Process and Effects of Mass Communication. / Ed.: W. Schramm. – Urbana: University of Illinois Press, 1954
18. Stephen W. Littlejohn, Karen A. Foss, John G. Oetzel Theories of human communication, 2026

Социально-политический анализ механизмов влияния оппозиции на принятие государственных решений: региональный аспект

Иванов Роман Викторович,

доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры
Государственного и муниципального управления Института
социальных наук, Иркутского государственного университета
E-mail: iromanviktorovich@bk.ru

В работе рассмотрено и проанализировано развитие институтов оппозиции власти в современной России, а также в Иркутской области. Также, затронута тема степени влияния институтов оппозиции власти на управленческие решения в государственных структурах различного уровня. Исследование данной темы позволяет акцентировать внимание на том, что не смотря на разные проявления в политической системе, институты оппозиции власти так или иначе имеют влияние на те или иные управленческие решения. Проведенный в работе анализ механизмов воздействия институтов оппозиции власти на государственные структуры позволил сформулировать такую проблему как: высокий уровень влияния институтов оппозиции власти на государственные структуры, недостаточная изученность механизмов воздействия на институты оппозиции власти со стороны государственных структур, негативное влияние на общественное политическое мнение со стороны институтов оппозиции власти. Используя различные механизмы и подстроившись под политическую систему региона или страны, можно добиться максимального влияния на общественность со стороны институтов оппозиции и прибегнуть к реализации их целей. По этой причине стоит более детально изучить оппозицию как политический процесс и степень его влияния на государственные структуры, чтобы не допустить роста влияния оппозиции на государственные институты.

Ключевые слова: институты оппозиции, государственная власть, социальный слой, оппозиционные движения.

Введение

Особую актуальность в современной России с каждым днем все больше и больше набирает такой общественный институт как оппозиция. Постоянные изменения в политической системе страны влекут за собой и изменения в региональной политике, которая не всегда может совпадать с мнением общественности касаясь того или иного вопроса. Целью статьи является выявление действенных механизмов для анализа и воздействия на институты оппозиции для предотвращения их влияния на управленческие решения в государственных структурах и общественное политическое мнение. Для выполнения поставленной цели, при написании статьи поставлены следующие задачи:

- изучить сущность институтов оппозиции власти в современной России;
- изучить сферы влияния институтов оппозиции власти;
- определить виды институтов оппозиции и сферы их влияния на общественность;
- определить уровень активности институтов оппозиции власти в Иркутской области;
- анализировать сферы и уровень влияния институтов оппозиции власти на государственные структуры Иркутской области.

Над вопросом влияния институтов оппозиции власти на управленческие решения в государственных структурах России работали исследователи: С.А. Абакумов, И.Н. Барциц, Е.Б. Шестопал, А.И. Линецкий, Н.В. Гришин, Н.А. Романович, Н.П. Медведев, К.М. Клемент, С.В. Патрушев, В.А. Коновалов, О.Ю. Малинова, А.Ю. Мельвиль, Д.Б. Ефимов, материалы исследований которых использовались и привлекались для структурного и системного анализа при работе над статьей. Вопросы, касающиеся институтов оппозиции регионального уровня рассматривали С.Н. Булатова, О.А. Полюшкевич, Р.В. Иванов, Т.И. Шишелова. Кроме того, для проведения системного, социологического анализа статистического и сравнительного анализа исследовании по проблемам политических оппозиций были привлечены данные ВЦИОМ и Института социологии РАН и данные портала Национальная безопасность России и институты оппозиции.

Одними из действенных каналов представления общественного мнения в государственных органах на сегодняшний день являются имен-

но институты оппозиции власти. Как показывает практика их работы, каждый день им приходится сталкиваться с довольно изменчивыми условиями политической системы как всей страны, так и отдельно взятых регионов. Принято считать, что политическая оппозиция – это организованная группа политически активных представителей общественности, объединенных общими политическими интересами, ценностями и подходами к борьбе с господствующим политическим субъектом в системе государственной власти страны. «Стабилизация политической структуры России создала возможность изучения проблем устойчивости и эффективности новых политических институтов» [9, с. 3].

Не смотря на довольно весомые ограничения оппозиционных институтов в России со стороны власти, данные институты находят множество каналов, через которые они могут осуществлять свою деятельность [20–23]. Одним из основных таких каналов является общественность, которая, в свою очередь, также является и основным институтом, через который реализуются все задуманные планы институтов оппозиции. Многое также зависит и от политической составляющей того или иного региона. Общественность может напрямую и не выражать протестные настроения против действующей власти, но может проявлять косвенно, а в стране, где демократия все еще функционирует, зависимость от общественности возрастает все больше и больше. Современный исследователь Н.П. Медведев, оценивая роль демократии в обществе, отмечает: «Смысл демократии не в том, чтобы исключить политические конфликты из жизни общества, а в том, чтобы не допускать их срыва в социальную деструкцию, обеспечить гуманистическое решение проблем общественного развития» [13, с. 58].

Особое внимание стоит уделить тому факту, что современные институты оппозиции в своем большинстве стараются привлечь на свою сторону представителей молодежи, используя для этого медийных личностей, простоту подачи материалов и те информационные площадки, которые ближе молодому поколению. Одними из причин выбора именно этого социального слоя является то, что у него только начинает формироваться политическое мировоззрение, которое довольно легко повернуть в сторону оппозиционных движений.

Особенно актуален тот фактор, что институты оппозиции с помощью разных механизмов способны влиять на те или иные управленческие решения в государственных структурах. Это могут быть выдвижения предложений, мирных демонстраций и иных путей, а также довольно радикальные способы по типу свержения власти и последующего ее захвата, общественного давления на органы власти, движения анархического характера или же революции. «Опасность оппозиционных

институтов проявляется в том, что они маскируют свою деятельность под НКО» [15].

Развитие институтов оппозиции власти в той или иной стране определяет также степень коммуникации государства и общественности [24, 25]. В тех странах, где высокий показатель коммуникации, будет заметно меньше общественных волнений по поводу государственного строя или управленческих решений и наоборот. Также, от этого фактора зависит и то, на какие цели направлена политика государства в первую очередь. Там, где социальная сфера государства будет плохо развита, существует намного больше требований со стороны общественности изменить государственный курс.

Основная часть

На сегодняшний день институты оппозиции власти представляют собой отдельный социальный слой, представителей которого с каждым днем ввиду политической ситуации в мире становится все больше и больше. Исходя из разных условий, в которых появляются институты оппозиции власти, оппозиция как процесс требует большего изучения, чтобы предотвратить общественные волнения.

В России исторически так сложилось, что отношения между государством и оппозицией довольно принципиальные, поскольку при образовании конфликтной ситуации высока вероятность появления общественных волнений или, более того, революций или других потрясений для государства. Оппозиция в том виде, в каком она сейчас, берет свое начало от образования неформальных групп среди населения страны. То, что сейчас кажется обыденным, тогда подвергалось большому риску: первые митинги, демонстрации, протесты, – все эти процессы были в новизну и максимально непредсказуемыми. И почти сразу оппозиция получила доступ к органам государственной власти в апреле 1985 в лице М.С. Горбачева. «На следующем этапе, охватывающем последнее десятилетие, на первый план была выдвинута задача повышения управляемости в политических процессах. Однако этот процесс имел и негативные последствия в виде усиления бюрократических тенденций, сужения сферы публичной политики, снижения соревновательности на президентских, а позже и парламентских выборах» [10].

Информацию в органах государственной власти можно классифицировать по разным основаниям и признакам. Её можно разделить на официальную и неофициальную, общезначимую и региональную, горизонтальную и вертикальную, по содержанию и целевому назначению и т.д. В государственном управлении она рассматривается с точки зрения актуальности, достоверности, оперативности, достаточности и адекватности для принятия тех или иных решений. И основная про-

блема состоит в том, что доступ к этим информационным каналам и информации в целом имеет далеко не каждый человек, ведь информация может быть, как просто рядовая, так и политически важная для всей страны, которую без обработки, простому работнику или гражданину никак не узнать. Этот факт можно рассмотреть с двух сторон. С одной, не вся информация может обнародоваться в чистом виде, некоторая информация обязательно должна подвергаться обработке для правильного восприятия обществом, но с другой стороны, доходит до такого, что обрабатывается весь поток информации и до общества доходит только малая часть достоверной информации, что влечет за собой появление множества вопросов к органам власти и дальнейшие волнения в обществе. Мало того, что информация которая поступает доходит до общества не в полном объеме, так еще и каналы, по которым она поступает в государственные структуры строго засекречены, что также не может не вызывать возмущений в обществе. Оценивая информацию о действиях государственных лидеров современный исследователь социолог О.А. Полюшкевич отмечает: «Эти процессы в целом негативно сказываются на уровне социокультурной солидарности нашего общества и отсутствии реальных возможностей для формирования истинного духовного авторитета для всей страны» [16, с. 167].

Еще одним поводом для волнений среди общества является система отбора на работу в государственных службах. Сколько бы не ходило разговоров про конкурсный отбор, доступность и т.д. не всегда в реальности все так просто. Социальные лифты расположены у нас так, что к власти порой приходят такие люди, которые не особо пользуются политической популярностью среди общества. Как отмечает О.А. Малинова, говоря о социальных различиях в обществе: «Наилучшим решением проблемы различий всегда считалась процедурная справедливость, опирающаяся на права и свободы, или нейтральное отношение к различиям в публичной сфере» [12, с. 11]. Все больше и больше получает свое развитие так называемый лифт связей, пройдя через который можно достичь довольно неплохих успехов, при этом не делая абсолютно ничего, отсюда и возникает вопрос о компетентности тех или иных кадров на управляющих должностях.

В разной литературе толкование понятия оппозиция идет по-разному. Одни тесно связывают понятие с политическими субъектами, которые в той или иной степени принижены в правах иметь господствующий статус в обществе, распоряжаться ресурсами и устанавливать ценности для населения. Другие же утверждают, что политическая оппозиция это, в первую очередь, организованная группа политически активных индивидов, объединенных едиными взглядами на политическую ситу-

ацию в стране и мире и ведущих борьбу с господствующим субъектом власти за статус главного в системе государственной власти. В понятиях часто упоминается тесная связь с политическими процессами и возникает вполне справедливый вопрос, а является ли оппозиция неотъемлемой частью политической системы? «Понятие «оппозиция» или «оппозиционность» и правда присутствует в любой политической системе, как косвенно, так и прямо, но вот вариативность значений данного понятия для каждой системы отдельно ограничивается только мнениями, суждениями и точками зрения, но одно можно сказать точно, что самая распространенная ассоциация этого термина это со словом «конфликт» или «бунт» [1, с. 165]. Понятие конфликт подразумевает под собой наличие противоположной точки зрения в связи с противоречиями в интересах сторон, отсюда идут и противодействия с активным выражением своей позиции и попытки привлечения на свою сторону все больше и больше сторонников.

Это своего рода основные предпосылки к функционированию оппозиции в обществе. Однако иная позиция – это еще не оппозиция. Оппозиция наступает тогда, когда стороны начинают активно отстаивать свои позиции и противостоять друг другу в достижении тех или иных целей. Для формирования реальной оппозиции необходимо не просто наличие различных точек зрения политических групп, должны быть конкретные механизмы реализации тех или иных идей, на основании которых уже будут действовать все субъекты политического процесса, начиная от самой оппозиции и заканчивая органами государственной власти.

Можно выделить наиболее значимые цели для внешних оппозиционных движений. В первую очередь, это представительство интересов тех социальных групп населения страны, интересы которых по разным причинам не учтены в законодательстве. Выход остается только один – искать или создавать оппозиционные группы для отстаивания своих прав на законодательном уровне.

Второй же, более глобальной целью для внешней оппозиции, может являться предоставление альтернативных вариантов ведения внешней и внутренней политики, которые, в свою очередь, могут поддерживаться мировыми политическими лидерами. Однако в современных условиях все не так просто. Одно лишь слово оппозиция уже воспринимается в негативном ключе на любом уровне, в том числе и на уровне государства. Поэтому, даже дельные предложения не будут приниматься лишь по причине того, что это предложили оппозиционные представители, и даже если что-то будет принято, источник информации будет максимально засекречен и не будет оглашен официально.

Третьей же целью выступает коммуникация между представителями государственных орга-

нов и простым населением посредством оппозиционных движений и групп. Данные группы позволяют выявить изъяны и противоречия в политической ситуации и дать своего рода обратную связь органам государственной власти о проделанной работе. Для интеграции между представителями государственной власти и общества, как отмечает отечественный исследователь И.Н. Барциц, существует правовое пространство в государстве: «Правовой подход к исследованию пространства позволяет перейти от чисто эмпирических построений к позиции государственных интересов» [2, с. 45].

При игнорировании простых граждан органами власти, появляются оппозиционные движения, какие-то из них совсем безобидны, которые просто хотят, чтобы их услышали и им этого будет достаточно, но есть же и те, которые ставят себе цели и стараются достичь их всеми возможными способами. Сейчас не так часто можно увидеть на улицах толпы людей, это, скорее, крайняя мера. Если рассматривать молодежь как потенциально активную группу населения для выступлений в каждом населенном пункте, то как отмечает на основе проведенных исследований М.К. Горшков: «Нынешнее поколение не желает быть «дисциплинированным войском» политиков и политических партий... В России сформировалось поколение молодежи, которое на власть особо не рассчитывает, а действует, что называется, в автономном режиме» [5, с. 94].

Четвертой и завершающей целью оппозиции, как института может являться создание такой площадки, где каждый житель страны может выместить свое недовольство, тем самым снизить свое внутреннее негативное отношение к тем или иным политическим процессам.

Исследователи выделяют три основополагающих фактора, напрямую связанных с формированием оппозиционного сознания.

- Фактор индивидуальности, отражающий идею о том, что если идеи одного индивида достаточно совпадают с идеями другого, и не на поверхностном уровне, а на уровне интересов, идей и чувств, то формирование оппозиционного сознания получает самую лучшую почву для своего развития.
- Языковой фактор, согласно которому, в зависимости от языка общения формируется и политическая реальность вокруг индивида, начиная от круга общения и единомышленников и заканчивая теми идеями, которые индивид пытается донести до общественности. «В одних случаях человек подчиняет своей воле других людей благодаря своим особым качествам: таланту, авторитету, знаниям, воле и др., или же опирается на обычаи или традиции, освященные временем» [11, с. 12].

- Фактор коллективности, который гласит о том, что индивиду необходимо быть максимально уверенным в том, что только коллективными усилиями возможно достичь поставленной цели.

Однако в последние годы наблюдается выраженная тенденция к снижению уровня оппозиционных настроений в обществе. Эмпирические данные, представленные Институтом социологии РАН, свидетельствуют о том, что в 2022–2023 гг. подавляющее большинство респондентов (70–73%) оценивали ситуацию в стране как напряженную или кризисную. «При этом лишь 19% опрошенных воспринимали ее как нормальную и спокойную. Динамика показателей демонстрирует значительные изменения. Доля граждан, характеризующих ситуацию как катастрофическую, сократилась в два раза – с 16% в 2022 году до 8% в 2023 году. Аналогичная регрессия наблюдается в категориях «напряженность» и «кризис». Ключевым индикатором является двукратное снижение количества негативных ответов на вопрос о росте социальной напряженности в сравнении с предыдущим годом. Кроме того, в три раза увеличилась (с 5 до 15%) доля респондентов, указывающих на снижение уровня напряженности, в той или иной степени. Растёт и число сторонников стабильности (62%) по сравнению с убывающими сторонниками перемен (38%). Также выросло число тех, кто вообще не видит в современной России каких-либо острых противоречий между отдельными группами людей. В 2005 г. так думали лишь 8%, а в 2023–18%» [7].

Схожую тенденцию показывают самостоятельные научные исследования. «Уровень доверия социальным и политическим институтам в обществе растёт по большинству индикаторов:

- отношение к курсу экономических реформ в 2023 году – 25 против 16 в 2014;
- социально политическая отчуждённость в 2023 году – 24,3 против – 29,3 в 2014;
- необходимость трансформации политической системы в 2023 году – 4 против 0 в 2014;
- уровень доверия социальным и политическим институтам в 2023 году – 7,7 против 2,3 в 2014;
- обеспечение государством норм демократического общества в 2023 году – 10,3 против – 8,6 в 2014;
- партийные ориентации в 2023 году – 16 против 20 в 2014;
- интегральный индекс в 2023 году – 6,5 против 0,6 в 2014» [17].

В Иркутской области оппозиционная составляющая довольно интересна и своеобразна, особенно в условиях демократии. Не смотря на действующий институт преемственности в государственных структурах нашей страны, повлиять на те или иные события вполне реально. Казалось бы, что в условиях демократического режима роль об-

ественности в принятии решений государственного масштаба должна быть высока, ведь в этом и вся суть демократии, но иногда институт преемственности начинает работать настолько хорошо, что даже при легитимных выборах буде избран не тот, кого хотела видеть общественность, а тот, кого было выгоднее ставить на ту или иную должность по тем или иным политическим соображениям, и повлиять на этот процесс довольно тяжело. Но в политической практике были случаи, когда данный план подвергался коррективам ввиду общественного мнения. Речь идет об одном из немногих примерах своеобразной победы оппозиционных институтов над правящей партией страны – это выборы мэра города Иркутска в 2010 году, когда политической системе города Иркутска пришлось впервые столкнуться с массовым протестным голосованием, когда общественность массово голосовала за кандидата, представляющего оппозицию к власти. Должность главы города тогда получил беспартийный, но заручившийся поддержкой партии КПРФ Виктор Кондрашов, не смотря на конкуренцию других кандидатов, в том числе и от правящей партии «Единая Россия». За него проголосовало на тот момент более половины избирателей, что говорило о том, что городу Иркутску нужен человек со стороны с новым подходом к работе.

Также, примером могут послужить очередные выборы, только уже губернатора Иркутской области, но уже в 2015 году. Ввиду довольно сильной борьбы между двумя кандидатами и голосования в два тура, вопреки всем прогнозам, также победил кандидат от КПРФ, и не просто кандидат, а лидер регионального отделения партии – Сергей Левченко. За него также проголосовало более половины избирателей, что показывает о своего рода осознанном выборе, следует отметить, что «гражданская активность предполагает патриотизм, гражданственность и социально-политическую включенность в общественные процессы» [6, с. 531].

Второй же кандидат также был от партии «Единая Россия». Примечателен тот факт, что в обоих случаях, как показывает статистика, за обоих кандидатов голосовали не только представители политической партии КПРФ, а также представители других политических партий и общественных объединений. А на выборах губернатора в 2015 году, кандидата от КПРФ открыто поддерживали члены других политических партий, не смотря на запрет объединения политических партий в политические блоки ввиду выборов или других событий. Поэтому, можно сделать вывод, что коммунистическая партия на территории Иркутской области имеет своего рода оппозиционный авторитет партии и всей области в целом.

Одна из ключевых причин активной деятельности оппозиционных институтов в Иркутской обла-

сти напрямую связана с взаимодействием между политическими и иными элитами региона. Основной причиной разобщенности элит нашего региона напрямую связана с выборами губернатора Иркутской области. В сентябре 2015 года впервые за 14 лет состоялись прямые выборы губернатора Иркутской области, а в период с 2005 по 2015 год сменилось три главы региона, что напрямую отразилось не только на общественности области и ее отношении к власти, но и на различных элитах нашей области. Для поддержания стабильной политической ситуации в области необходимо было выбрать такого главу, который бы смог консолидировать деятельность ключевых элит, тем самым кардинально повлиять на политическую систему области, ведь довольно большое количество институтов оппозиции власти создаются именно политическими или экономическими элитами региона, и не для того, чтобы представлять интересы общественности, а для продвижения своих личных интересов на законодательном или иных уровнях. Этот факт разобщенности элит довольно сильно тормозил развитие региона. Примером одного из механизмов решения данной проблемы можно привести действия Сергея Ерощенко в тот момент, когда он был главой Иркутской области. Отношения с представителями бизнес-элит на тот момент были довольно напряженными, и так как это напрямую влияло на развитие региона, нужны были механизмы по достижению компромисса и поддержке друг друга. Одним из таких механизмов оказалось предоставление представителям бизнес-элит мест в региональном правительстве и местном самоуправлении, что в дальнейшем повлекло довольно тесное сотрудничество и поддержку со стороны элит главе региона. Тем самым, ввиду использования управленческих механизмов, Сергей Ерощенко не только обеспечил себе поддержку, но и исключил факт появления и поддержки со стороны бизнес-элит иных институтов оппозиции власти.

Одним из самых ярких и запоминающихся примеров влияния институтов оппозиции на управленческие решения в Иркутской области являются события 2006 года, которые напрямую задели экологическую составляющую области. Речь идет о строительстве нефтепровода в 800-та метрах от озера Байкал. Данная инициатива, поддержанная губернатором Иркутской области вызвала большой общественный резонанс не только среди представителей экологических организаций, но и среди простых граждан. Также, данные события напрямую затронули политические партии, которые объединились для достижения большего результата. Глава фонда «Байкал – третье тысячелетие» Владимир Наумов, на столько активно выступал против данной инициативы, что активно занялся формированием оппозиционного движения в защите озера Байкал. Каждый житель горо-

да считал своим долгом выступить против данной инициативы и приложить к оппозиционным событиям руку, что снова доказывает политическую активность жителей Иркутской области.

Как итог, 18 марта 2006 года прошел митинг в защиту озера Байкал, собравший около пяти тысяч жителей города, 29 марта прошел крупный несанкционированный пикет, также в поддержку озера, а на 9 апреля был снова назначен митинг, разрешенное количество участников которого составляло не более 1000 человек, но как показывает практика, общественность бы данное ограничение не остановило. Масштаб ситуации оказался на столько большим, что, на тот момент, президенту России Владимиру Путину приходили сообщения от ЮНЕСКО, в которых организация предупреждала президента, что в случае строительства нефтепровода, озеро Байкал буде внесено в список субъектов объектов всемирного наследия, которые находятся под угрозой, или же вовсе лишит Байкал статуса объекта всемирного наследия. «Как бы то ни было, в конце апреля 2006 г. президент В. Путин принял решение о переносе трубы в обход Байкала». [3, с. 70].

Еще одним примером, когда общественные волнения приводили к значимому результату, являются события 2015 года, когда на тот момент Губернатор Иркутской области Сергей Ероценко вынес на обсуждение вопрос о том, что необходимо активное развитие иркутского аэропорта для повышения показателей региона, так как он является одним из ключевых объектов инфраструктуры не только города, но и всей области. Его развитие заключалось в строительстве новой взлетно-посадочной полосы на 33 градуса относительно своего расположения, но основная проблема заключалась в двух факторах: во-первых, новая полоса должна была проходить через мемориал жертвам политических репрессий; во-вторых, постройка полосы должна была изменить генеральный план территории Ушаковского Муниципального образования. И даже если представить, что с первой проблемой можно было бы найти пути решения, чтобы получить разрешение на перенос мемориала в более доступное место общественных организаций, то этого не произошло, так как организации были категорически против данной инициативы. Второй же особенностью данной ситуации было то, что если в генеральный план территории муниципального образования внося какие-либо изменения, то это требует проведения публичных слушаний с жителями муниципального образования. С этого и начинаются общественные недовольства со стороны жителей населенных пунктов, входящих в муниципальной образование, ведь строительство новой полосы подразумевало, что некоторые населенные пункты будут изменены, в том числе и постройки жителей данных населенных пунктов. Помимо выражения не-

гативной позиции по данному предложению на публичных слушаниях в разных населенных пунктах муниципального образования, жители территории активно выражали свою позицию перед администрацией города Иркутска в виде пикетов с призывами отменить перенос взлетно-посадочной полосы. Как в связи этим отмечает исследователь Т.И. Шишелова: «Таким образом, проведенный анализ шума от авиатранспорта применительно к аэропорту Иркутска показал необходимость принять меры для его снижения» [19, с. 417].

Полноценным институтом оппозиции это назвать нельзя, так как данный институт был создан по принуждению внешних факторов для того, чтобы отстоять интересы жителей территории, но при этом, деятельность данного института была полностью направлена на политическую систему города и региона. И не смотря на то, что подготовительные работы и обсуждения по данному вопросу ведутся с 2010 года, общественные волнения привели к другому повороту событий.

Иркутск – это город, в котором проявление пассивной оппозиции актуально как никогда. Не редко можно увидеть надписи на заборах оппозиционного характера, наклейки на автомобилях и даже баннеры на балконах квартир с риторическими вопросами по типу: «Где власть?». Это говорит о том, что граждане города не боятся высказывать свое мнение, даже в столь агрессивной форме. Привлечь внимание власти к той или иной проблеме можно исключительно массово. Раньше для этого необходимо было организовывать демонстрации и митинги, сейчас же достаточно предать огласку тому или иному событию в сети Интернет, как на нее тут же обратят внимание множество людей. Либо же обращаться в вышестоящие инстанции, находящиеся за рамками региона страны и ждать реакции. Не смотря на все большую актуальность Интернет ресурсов в современной оппозиции власти, без очного участия в оппозиционном процессе добиться определенных успехов невозможно. Однако оценка таких действий со стороны связанная с определением степени угрозы для государственной власти поскольку квалификация в данном случае связана с угрозой общественной безопасности: «Реальную угрозу общественной безопасности представляют криминогенные факторы, преступность, а также криминальный террор в отношении представителей органов государственной власти, в том числе милиции, других правоохранительных органов» [8, с. 22].

Больше всего, в Иркутске и Иркутской области молодежь привлекают политические партии, они выступают неким гарантом того, что оппозиция может быть законна и даже действенна. Также привлекает и статус, получаемый при вступлении в ту или иную партию. Как показывает современная практика, влияние партий давно вышло за пределы политической системы и начало вли-

ять на повседневные вещи. Говоря о влиянии политических партий на формирование мировоззрения молодежи, в своих исследованиях Н.А. Романович отмечает: «высшее образование умножает критический настрой респондентов ко всем политическим и социальным институтам, ...современная интеллигенция более критично оценивает элементы политической системы, чем прочие граждане» [18, с. 185].

Проявляться это может как просто в предвзятом отношении к представителю той или иной партии, и дойти может до отказа в приеме на работу из-за принадлежности к партии, взгляды которой не совпадают со взглядами работодателя. Это все также является оппозицией, любое аргументированное несогласие с оппонентом и четкая формулировка своей позиции – это и есть оппозиция.

В вопросе общественного отношения к партиям также имеется тенденция на увеличение поддержки правящей партии и снижение поддержки оппозиционных. Согласно опросам ВЦИОМ «с 2020 года минимум поддержки правящей партии составлял 26,4% 22.08.2021. Пик же пришёлся на 21.01.2024 и составил 44,4%. минимум поддержки непарламентских партий в 7,9% наблюдался 17.03.2024, а максимум в 15,5% – 29.08.2021». [4]. Приведенные данные подтверждаются также самостоятельными исследованиями [17].

На сегодняшний день, в городе Иркутске есть множество институтов оппозиции власти, начиная от нелегальных, работа которых максимально скрывается, и заканчивая штабами политических партий, в которых разрабатываются новые идеи по реализации задуманных целей. Не редко по всему городу можно встретить предвыборные баннеры, баннеры с изображениями политических партий и их краткой характеристикой, призывающей вступить в их ряды. Особенно, рекламные кампании обостряются перед выборами различного уровня. В этот момент, задействуется не только наружная реклама, но и средства массовой информации в сети Интернет, и телевизионные каналы, где на федеральном уровне проводится реклама всей партии с призывом от ее лидера вступить в нее, а на региональных каналах выступает уже непосредственно региональный представитель, также призывающий вступить в ряды политической партии. Таким образом состоятельность государственной власти зависит от успешно организованной избирательной кампании на местах, однако, как отмечают в своем исследовании проблем государственности А.Ю. Мельвиль и Д.Б. Ефимов: «Предполагается, что государство, которое может обеспечить своим гражданам защиту прав собственности, исполнение контрактов, внутренний порядок и безопасность и на этом фоне имеет возможность грамотно и эффективно определять собственный политический и социально-экономический курс, по определению является ку-

да более состоятельным, нежели государство, которое этого обеспечить не может» [14, с. 52].

Выводы

Обобщив все вышесказанное, можно сделать вывод, что основным механизмом воздействия на государственные решения в Иркутской области является общественное давление в массовом проявлении. Особенностью населения Иркутской области является то, что оппозиционные проявления в повседневности минимальны, но при появлении того или иного политического события в регионе, оппозиционные настроения возрастут в разы, как со стороны официальных институтов оппозиции, так и со стороны общественности, которая начнет создавать несистемные институты. Также, особенностью институтов оппозиции власти в Иркутской области является массовость оппозиционных действий, все зависимости от сферы, которую затрагивают политические события. Также, к оппозиционным действиям подключаются общественные организации, также отстаивающие взгляды и права того или иного слоя населения Иркутской области.

Во-первых, на сегодняшний день, институты оппозиции активно развиваются в любых условиях. Активно развиваются не только институты оппозиции власти, входящие в политическую систему страны, но и общественные оппозиционные объединения, главным ресурсом которых является общественность той или иной территории. На сегодняшний день, есть необходимость более детального изучения такого процесса как оппозиция власти, так как данному процессу свойственно адаптироваться под любые условия политической системы.

Во-вторых, институты оппозиции власти, как термин, содержат в себе множество подвидов и разновидностей институтов, исходя из внешних условий, в которых оппозиции приходится существовать. В науке принято выделять только системную и несистемную оппозицию, что довольно узко для такого гибкого процесса. Можно выделять региональную оппозицию, как по географическому смыслу, так и исходя из особенностей политической обстановки того или иного региона, от которого напрямую зависит уровень оппозиции. Можно также определить институты оппозиции по мере их активности влияния на политическую систему, как активные и пассивные, где первые принимают активное участие в процессе влияния на политическую систему, вне зависимости от того, входят они в нее или нет, а вторые в свою очередь, принимают более формальное влияние на политическую систему.

В-третьих, не исключен факт формирования искусственных институтов оппозиции власти, полностью контролируемых государством. Сделано это в первую очередь для амортизации общественных

волнений и предотвращения формирования новых институтов оппозиции власти. Безусловно, информация о контроле института государством строго засекречена, иначе институт потеряет свою значимость в обществе как оппозиционный. Парадоксален тот факт, что государство вынуждено формировать институт, который будет выступать против системы, созданной этим же государством, для подавления реальных протестов против государства. Такие институты как правило обладают большим количеством ресурсов, как финансовых, так и информационных, с помощью которых они и формируют основную часть единомышленников.

В-четвертых, в современной политической обстановке в стране, конкретно в Иркутской области, по сравнению с другими регионами России, сохраняется довольно высокий уровень политической заинтересованности со стороны населения региона, из чего следует активная оппозиционная составляющая в регионе. Иркутская область была одним из немногих регионов, которая выбирала губернатора региона опираясь на оппозицию. Проявлялось это в массовом протестном голосовании, когда общественность преимущественно принципиально голосовала не за кандидата от правящей партии, а за кандидата от оппозиционной партии. Это был один из немногих регионов, в котором главой региона стал представитель оппозиционной партии, по отношению к правящей. В какой-то степени можно сказать, что институты оппозиции власти в Иркутской области формируются ситуационно. Безусловно, постоянные институты оппозиции ведут свою деятельность, но без активных проявлений в политической обстановке региона. Более же часто появляются институты оппозиции власти, создание которых вызвано тем или иным политическим событием. Деятельность таких институтов в основном заключается в общественных демонстрациях и митингах, не всегда согласованных, в ходе которых общественность выражает свое мнение по сложившейся ситуации.

В-пятых, не все протестные проявления могут считаться оппозиционными. Учеными разных стран принято считать, что оппозицией может считаться тот институт, который помимо противоположной позиции имеет свои собственные предложения по решению того или иного вопроса, а также план и реализации, иначе говоря, оппозиция, это процесс, при котором институты не только критикуют, но и предлагают пути и механизмы решения той или иной проблемы, а вот примутся или нет эти предложения, зависит уже от политической ситуации в стране, или ее регионе.

В-шестых, был сделан вывод о том, что вне зависимости от политического режима страны, оппозиция будет присутствовать в любом случае. Пока в стране есть власть и пока будут приниматься те или иные управленческие решения, от принятия которых будет зависеть та или иная сфера

государства, будут присутствовать и институты оппозиции. Не важно в каком проявлении, активном или пассивном, системном или несистемном, открытом или закрытом, пока существует власть, будет существовать и оппозиция.

Для решения выявленных проблем нужно проводить общественные слушания с привлечением населения и открытое обсуждение вопросов, связанных с жизнедеятельностью населения, увеличить контроль за несистемными институтами оппозиции власти, совершенствовать взаимодействие государственных органов с институтами оппозиции власти, проводить постоянный мониторинг и изучать виды институтов оппозиции власти, для выявления различных механизмов воздействия на государственные структуры.

Литература

1. Абакумов С.А. Гражданское общество и власть: противники или партнеры. М.: Галерея, 2005. 295 с.
2. Барциц И.Н. Правовое пространство России: понятие, ресурсы, признаки // Политическая наука. 2003. № 3. С. 40–62.
3. Булатова С.Н. Байкальское движение 2006-го года: исторический и коммуникационный аспекты // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2017. № 2 (28). С. 68–73.
4. ВЦИОМ. Рейтинг политических партий. Режим доступа: <https://wciom.ru/ratings/reiting-politicheskikh-partii>
5. Горшков М.К. Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. М.: Институт социологии РАН, 2007. 95 с.
6. Иванов Р.В. Гражданская активность в России // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017. С. 530–533.
7. Институт социологии РАН: у россиян укрепилось ощущение принадлежности к единому народу. Режим доступа: <https://new.ras.ru/activities/news/institut-sotsiologii-ran-spetsoperatsiya-porodila-u-rossiyan-oshchushchenie-prinadlezhnosti-k-edinomu/>
8. Коновалов В.А. Общественный порядок и общественная безопасность / Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2010. № 12. С. 20–23.
9. Клемент К.М., Патрушев С.В., Айвазова С.Г., Машезерская Л.Я., Павлова Т.В., Гвоздева Е.А., Грунт З.А., Хлопин А.Д., Панов П.В. Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России. М.: Ин-т социально-полит. Наук РАН, 2006. 600 с.

10. Кузин О.Ю. Вовлечение граждан в политическую жизнь общества в условиях посткоммунистической трансформации России / О.Ю. Кузьмин. [Электронный ресурс]: дис. канд. полит. Наук. – URL: <http://www.dissercat.com/content/vovlechenie-grazhdan-v-politich...> (дата обращения: 27.05.2020).
11. Линецкий А.И. Разнообразие политических систем как следствие в поведении людей // Полис. 2013. № 6. С. 8–25.
12. Малинова О.Ю. Гражданство и политизация культурных различий. Размышления по поводу некоторых тенденций в англоязычной политической философии // ПОЛИС: Полит. исслед. 2004. № 5. С. 7–18.
13. Медведев Н.П. Политические конфликты и многопартийность // Вопросы политологии. 2016. № 4 (24). С. 56–67.
14. Мельвиль А.Ю., Ефимов Д.Б. «Демократический левиафан»? Режимные изменения и государственная состоятельность – проблема взаимосвязи // Политическая наука. 2016. № 4. С. 43–73.
15. Национальная безопасность России и институты оппозиции. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-bezopasnost-rossii-i-instituty-oppozitsii>.
16. Полюшкевич О.А. Духовное лидерство в современной России (2000–2015 гг.) // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. С. 156–168.
17. Российское общество и государство: основания устойчивости и тенденции изменений. Социальная и социально-политическая ситуация: [монография] Источник: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=13252>. Режим доступа: <https://испи.pdf/wp-content/uploads/2024/09/872492734987234.pdf>.
18. Романович Н.А. Интеллигенция и власть: традиция и современность / В сборнике: Актуальные проблемы профессионального образования: цели, задачи и перспективы развития. Материалы 19-ой всероссийской научно-практической конференции. Редколлегия: Е.С. Подвальный [и др.]. Воронеж, 2021. С. 180–190.
19. Шишелова Т.И. Анализ шума от авиатранспорта города Иркутска // Фундаментальные исследования. 2011. № 8–2. С. 413–417.
20. Ардашев Р.Г., Адиллов А.Н. Социальная безопасность в современном мире // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы XI Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 21–27.
21. Ардашев Р.Г., Адиллов А.Н. Социальная безопасность и социальные угрозы в представлениях молодежи // Социология. 2025. № 1. С. 26–30.
22. Ардашев Р.Г., Адиллов А.Н. Социальная безопасность общественного развития // Социология. 2025. № 7. С. 6–11.
23. Ардашев Р.Г., Адиллов А.Н. Социальная безопасность в условиях нелинейного развития // Социология. 2025. № 8. С. 6–11.
24. Баев П.А. Экономическое благополучие мировоззренческих установок молодежи // Социология. 2024. № 2. С. 57–64.
25. Баев П.А. Жизненный кризис или новые возможности: влияние социально-экономических трансформаций на молодежь // Социология. 2024. № 11. С. 27–31.

SOCIO-POLITICAL ANALYSIS OF THE MECHANISMS OF THE OPPOSITION'S INFLUENCE ON GOVERNMENT DECISION-MAKING: A REGIONAL ASPECT

Ivanov R.V.
Irkutsk State University

This paper examines and analyzes the development of institutions of opposition to government in modern Russia, as well as in the Irkutsk region. The topic of the degree of influence of the institutions of opposition to power on managerial decisions in government structures at various levels was also touched upon. The study of this topic allows us to focus on the fact that, despite the different manifestations in the political system, the institutions of opposition to power somehow have an impact on certain managerial decisions. The analysis of the mechanisms of influence of institutions of opposition to government on government structures allowed us to formulate such a problem as: a high level of influence of institutions of opposition to government on government structures, insufficient knowledge of the mechanisms of influence on institutions of opposition to government from government structures, negative impact on public political opinion from institutions of opposition to government. Using various mechanisms and adapting to the political system of a region or country, it is possible to achieve maximum influence on the public from the institutions of the opposition and resort to the realization of their goals. For this reason, it is worthwhile to study the opposition as a political process in more detail and the degree of its influence on state structures in order to prevent the growth of the opposition's influence on state institutions.

Keywords: institutions of the opposition, state power, social stratum, opposition movements.

References

1. Abakumov S.A. Civil Society and Power: Opponents or Partners. Moscow: Galeriya, 2005. 295 p.
2. Bartsits I.N. Legal Space of Russia: Concept, Resources, and Features // Political Science. 2003. № 3. pp. 40–62.
3. Bulatova S.N. The Baikal Movement of 2006: Historical and Communication Aspects // Problems of Social and Economic Development of Siberia. 2017. № 2 (28). pp. 68–73.
4. VTsIOM. Political Party Ratings. Available at: <https://wciom.ru/ratings/reiting-politicheskikh-partii>
5. Gorshkov M.K. Youth of the New Russia: Lifestyle and Value Priorities. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, 2007. 95 p.
6. Ivanov, R.V. Civic Activity in Russia // Transformation of Human Potential in the Context of the Century. Nizhny Novgorod: NISOC Publishing House, 2017. pp. 530–533.
7. Institute of Sociology, Russians Have Strengthened Their Feeling of Belonging to a Single Nation. Available at: <https://new.>

- ras.ru/activities/news/institut-sotsiologii-ran-spetsoperatsiya-porodila-u-rossiyan-oshchushchenie-prinadlezhnosti-k-edinom/
8. Kononov, V.A. Public Order and Public Safety / Proceedings of the Orenburg Institute (Branch) of the Moscow State Law Academy. 2010. № 12. pp. 20–23.
 9. Klement K.M., Patrushev S.V., Aivazova S.G., Mashezerskaya L.Ya., Pavlova T.V., Gvozdeva E.A., Grunt Z.A., Khlopin A.D., Panov P.V. Institutional Political Science: Modern Institutionalism and the Political Transformation of Russia. Moscow: Institute of Social and Political Sciences, Russian Academy of Sciences, 2006. 600 p.
 10. Kuzin O. Yu. Involvement of Citizens in the Political Life of Society in the Context of Post-Communist Transformation of Russia / O. Yu. Kuzmin. [Electronic resource]: Dis. Cand. Political Sciences. – URL: <http://www.dissercat.com/content/vovlechenie-grazhdan-v-politich...> (Accessed: 05/27/2020).
 11. Linetsky A.I. Diversity of Political Systems as a Consequence in People's Behavior // Polis. 2013. № 6. pp. 8–25.
 12. Malinova O. Yu. Citizenship and the Politicization of Cultural Differences. Reflections on Some Trends in English-Language Political Philosophy // POLIS: Political Research. 2004. № 5. pp. 7–18.
 13. Medvedev N.P. Political Conflicts and Multiparty System // Voprosy Politologii. 2016. № 4 (24). pp. 56–67.
 14. Melville A. Yu., Efimov D.B. "Democratic Leviathan"? Regime Changes and State Capacity – the Problem of Interrelation // Political Science. 2016. № 4. pp. 43–73.
 15. Russia's National Security and Opposition Institutions. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-bezopasnost-rossii-i-instituty-oppozitsii>.
 16. Polyushkevich, O.A. Spiritual Leadership in Contemporary Russia (2000–2015) // Social Consolidation and Social Reproduction of Contemporary Russian Society: Resources, Problems, and Prospects: Proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk: Irkutsk State University Publishing House, 2016. pp. 156–168.
 17. Russian Society and State: Foundations of Stability and Trends of Change. Social and Socio-Political Situation: [monograph] Source: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=13252>. Access mode: <https://испи.рф/wp-content/uploads/2024/09/872492734987234.pdf>.
 18. Romanovich N.A. Intelligentsia and Power: Tradition and Modernity / In the collection: Actual Problems of Professional Education: Goals, Objectives, and Development Prospects. Proceedings of the 19th All-Russian Scientific and Practical Conference. Editorial Board: E.S. Podvalny [et al.]. Voronezh, 2021. Pp. 180–190.
 19. Shishelova T.I. Analysis of Air Transport Noise in Irkutsk // Fundamental Research. 2011. № 8–2. Pp. 413–417.
 20. Ardashev R.G., Adilov A.N. Social Security in the Modern World // Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, and Prospects. Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2025. pp. 21–27.
 21. Ardashev R.G., Adilov A.N. Social Security and Social Threats in the Perceptions of Young People // Sociology. 2025. № 1. pp. 26–30.
 22. Ardashev R.G., Adilov A.N. Social Security of Public Development // Sociology. 2025. № 7. pp. 6–11.
 23. Ardashev R.G., Adilov A.N. Social Security in the Context of Nonlinear Development // Sociology. 2025. № 8. pp. 6–11.
 24. Baev P.A. Economic Well-Being of the Worldview Attitudes of Young People // Sociology. 2024. № 2. pp. 57–64.
 25. Baev P.A. Life Crisis or New Opportunities: The Impact of Socioeconomic Transformations on Young People // Sociology. 2024. № 11. pp. 27–31.

Социально-экономические и социально-политические трансформации современного российского общества: основные направления

Карепова Светлана Геннадьевна,

кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН
E-mail: Svetlran@mail.ru

Некрасов Сергей Владимирович,

научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН
E-mail: sv_79@inbox.ru

Статья посвящена комплексному анализу ключевых социально-экономических и социально-политических трансформаций Российской Федерации после 1991 г. по настоящее время. Актуальность рассматриваемой проблематики определяется одновременным действием ряда важнейших тенденций, таких как мировые кризисы, санкционные ограничения, внутренние модернизационные запросы на развитие современной социальной реальности России и др. В работе отражаются различные вектора преобразований. В рамках рассмотрения данной проблематики отражены аспекты эволюции институтов государственного управления, механизмы адресной социальной поддержки, важность модернизации кластерной инновационной среды и изменения стратификационных контуров и др. На основании рассмотрения ряда обозначенных трансформаций, осуществлена разработка предложений по дальнейшей консолидации ресурсов развития социума. В статье применены методы сравнительно-исторического анализа, междисциплинарного синтеза, вторичного анализа данных. В заключении отражены перспективы устойчивого и суверенного развития. Отмечается чрезвычайная важность исследуемой проблематики.

Ключевые слова: трансформация, планирование, суверенизация, социальная политика, кластеризация, импортозамещение, проектное финансирование, социальная мобильность, инновационная экономика.

Введение

Важнейшей частью новой социальной реальности России стали социально-политические и социально-экономические трансформации, в которых изменения стали причиной возникновения напряженности между модернизационными тенденциями и традиционным укладом социума. Современная социальная реальность и общество в целом оказались в перманентном бифуркационном состоянии, требующем научного изучения и контроля от органов государственной власти. В соответствии с чем данная проблематика актуализируется как на правовом, так и научном уровнях.

Правовой уровень регуляции данной проблематики нормативно закреплён в третьей редакции Стратегии национальной безопасности РФ от 02 июля 2021 года № 400. «...Именно эта редакция Стратегии с учетом современных трансформаций и угроз, отраженных в перечне основных девяти приоритетов национальной безопасности, определила новый этап реализации государственной политики на третье десятилетие XXI века» [11, с. 162]. Социально-политический и социально-экономический аспекты трансформационных процессов вошли в ряд приоритетов: оборона страны, государственная и общественная безопасность, экономическая безопасность, стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество и др. Управление трансформациями в данных сферах также актуализировано в редакции 2024 года Доктрины военной РФ, а также Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг. от 31.12.2015 № 683 и Стратегии научно-технологического развития РФ от 28.02.2024 № 145. и т.д.

Актуальность научного исследования данной проблематики предопределена необходимостью системного переосмысления результатов трех десятилетий реформ, ускоряемых мировым кризисом, санкционным давлением, внутренней демографической нагрузкой и др. Научно-исследовательский уровень имеет различные аспекты актуализации и определяется общественными преобразованиями, требующими изучения и управления ими, где в частности, целесообразно рассмотреть: основные направления социально-экономических и социально-политических преобразований современной России и определить взаимосвязь их драйверов.

На перспективу также следует: охарактеризовать институциональные сдвиги в государственном стратегическом планировании и бюджетной политике; рассмотреть наиболее важные аспекты эволюции социальной политики и изменения стратификационной структуры общества; выявить роль научно-технологических и санкционных факторов в формировании новой модели роста; рассмотреть в целостном сопоставлении управленческие, социально-стратификационные и техно-экономические факторы на одном аналитическом поле, что позволит предложить интегральную трактовку текущей траектории развития социальной реальности и социума в целом и др.

Материалы и методы

Теоретико-методологическая разработанность данной проблематики нашла свое отражение в ряде теоретических и научно-практических разработок советских и российских ученых, где материалы аналитического обзора В.П. Богданова и С.Д. Родионова [1] раскрыли истоки массовой бедности, акцентировав роль кризисов 1990-х гг. Н.П. Бучко [2] зафиксировал тенденцию суверенизации политических процессов. Ю.А. Горелова [6] обозначила направления структурной перестройки экономики в условиях санкций. С.Ю. Гришин [7] исследовал кооперационные механизмы научно-технологического развития и кластерные эффекты. Д.Д. Егорова [9] проанализировала трансформацию социальной политики и проблему работающих бедных. О.В. Ломакина [13] рассмотрела концепт ответственного развития и институциональные ограничения его реализации. К.С. Новик [16] систематизировал приоритеты современного социально-экономического курса государства. Б.Н. Порфирьев, А.А. Широков, М.Н. Узиков, М.С. Гусев, И.Н. Шокин [21] разработали прогнозно-аналитическую модель роста до 2035 г. В.И. Шамаков [30] описал стратегические модели выхода из системного кризиса. Д.В. Щелоков [32] изучил изменения социальной структуры в новейший период и др.

Методологической основой работы является: сравнительно-исторический и структурно-функциональный подходы; вторичная статистическая обработка; метод междисциплинарного синтеза и др. Такое сочетание методов дает возможность охватить целостный уровень процессов определяющих трансформационную динамику социума.

Результаты

Анализ трансформаций выявил несколько взаимосвязанных зон, с нашей точки зрения, подвергающихся изменениям в российской социально-политической и социально-экономической системе

и задающих детерминационные направления развития социума. К ним можно отнести:

Во-первых, процессы связанные с выходом страны из мирового кризиса, который «имеет глобальный характер» [30]. Восстановление и рост экономики после выхода из многоуровневого мирового кризиса продемонстрировано высоким ростом ВВП в 2023 году – +3,6% г/г, индексом промышленного производства – +3,5% (–1,2% в 2022 г.), в том числе приростом выпуска обрабатывающей промышленности – +7,5% г/г (по оценке Росстата [10]); эффективная синхронизация управления подтверждена исполнением консолидированного бюджета РФ в январе-ноябре 2023 года с профицитом 408,6 трлн руб. (по данным Казначейства РФ [22]) и финансированием национальных проектов, на реализацию которых в 2023 году было направлено 2983 752,4 млн руб. (по оценке Росстата [10]); создание основы для будущего роста обеспечено увеличением инвестиций в исследования и разработки (по данным ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, объем затрат на ИР в 2023 году достиг 1,6 трлн руб., увеличившись за год на 213,9 млрд руб. в действующих ценах [23]).

Во-вторых, влияние внешних санкционных ограничений на внутреннюю структуру экономики. Анализ процессов подтверждает, что накопительный эффект санкций снизил темпы производства в капиталоемких отраслях (по данным Росстата, производство легковых автомобилей в 2022 году сократился на 67% по сравнению с 2021 годом – до 450 тыс. штук и грузовых автотранспортных средств – на 24,3%, до 141 тыс. штук, что является ярким примером влияния на капиталоемкую отрасль [4]), однако параллельно стимулировал импортозамещение и поиск новых рынков сбыта [3]. Переориентация потоков капитала и логистики усилила диверсификацию экспортного портфеля (по данным ФТС за 2023 год, доля Евросоюза в общем объеме торговли России составляло – 40%, тогда как доля азиатских стран выросла до 70% [5], что говорит о кардинальном сдвиге географии поставок), а внутри страны спровоцировала технологический рывок в машиностроении и АПК (например, по оценке Росстата за 2023 год, машиностроительный комплекс показал рекордные темпы в +21,1% г/г [10]; по данным Центра «Агроаналитики», на начало декабря 2023 года Россия нарастила экспорт продукции АПК более чем на 35% в натуральном выражении и почти на 10% в стоимостном по сравнению с предыдущими показателями [17]).

В-третьих, направление, затрагивающее эволюцию социальной политики. С корректировкой приоритетов после 2018 г. управление перешло от переливания ресурсов в адрес льготных групп к адресной поддержке семей с детьми, активизации мер по сдерживанию бедности и развертыва-

нию инфраструктуры соцслужб в цифровом формате.

В-четвертых, тенденции отражающие институциональные и ценностные изменения политических процессов. Базовой характеристикой которых становится суверенизация [2], что проявляется в росте поддержки внешней политики и внутренних институтов страны. По данным ВЦИОМ за 2025 год, показатель одобрения деятельности Президента с 28 июля по 30 августа составил 74,3%. На прямой вопрос о доверии В. Путину положительно ответили 78,4% опрошенных, что показывает высокий уровень среди властных институтов [24]. Об уровне общественной поддержки специальной военной операции (СВО) на Украине свидетельствует мониторинг того же ВЦИОМ от 06 февраля 2025 года, согласно которому уровень поддержки решения о проведении СВО в январе 2025 года составил 67% (в феврале 2022 г. – 65%) [28], что говорит о том, что почти спустя три года с начала СВО уровень ее поддержки остается высоким. Внутриполитическое управление, сохраняя федеративную модель, переводится на принципы централизованных проектных офисов. Ярким примером этому являются национальные проекты. Так, в 2024 году из федерального бюджета на реализацию 14 нацпроектов (в том числе и на нацпроект «Беспилотные авиационные системы») было выделено 3008,4 млрд руб. [3]. Это показывает масштаб централизованного проектного управления. Усиливающийся запрос на участие граждан в принятии решений задает тренд на постоянную настройку общественных институтов в соответствии с особенностями конкретных сообществ [13]. Например, высокая явка на общероссийское голосование по закону о поправке к Конституции РФ в 2020 году (67,97% по данным ЦИК РФ [19]) и на президентские выборы в 2024 году (77,44% [12]) свидетельствует о вовлеченности россиян в общественно-политическую жизнь страны.

В-пятых, произошла концентрация вокруг научно-технологического комплекса. Усиление кооперации между государственными НИИ и частными компаниями задано как приоритет ускоренного роста (например, в рамках национального проекта «Наука и университеты» в России создана сеть из 15 научно-образовательных центров (НОЦ), которые в 2024 году объединили потенциал 904 организаций, в том числе 175 в сфере высшего образования, 157 научных организаций, 513 организаций реального сектора экономики и 59 иных организаций [25]). Развитие профессиональных кластеров и эффект сквозных технологий содействуют повышению производительности труда (по данным ИСИЭС НИУ ВШЭ, за 4 квартал 2024 г. рост производительности труда, например, в обрабатывающей промышленности составил 104,5% – +4,5 п.п. к 4 кв. 2023 г. [14]) и смягчают

демографические ограничения, сохранившиеся после затяжной депопуляции [9].

В-шестых, произошла перестройка социально-профессиональной стратификации. Насколько произошедшие трансформации были плохи или хороши трудно судить однозначно [32], но зафиксировано укрепление горизонтов социальной мобильности: доля пенсионеров с риском относительной бедности сокращается за счет индексаций (по данным Соцфонда, к 1 мая 2025 г. средний размер пенсии в номинальном выражении составил 23453 руб. в месяц, для сравнения к 1 мая 2024 г. этот показатель равнялся 20949 руб. в месяц, т.е. средний размер пенсий увеличился за год на 2,5 тыс. руб. [29]), тогда как «выход на рынок низко-квалифицированных услуг выводит новую категорию работающих бедных» [9]. Одновременно «социальная политика – одно из важнейших направлений внутренней политики государства» [9] – возвращается к системной модернизации и смещает акцент на качество жизни (например, МРОТ как инструмент борьбы с бедностью среди работающих регулярно индексируется: с 1 января 2025 г. он составляет 22440 руб., в 2024 г. – 19242 руб., 2023 г. – 16242 руб. [26]), а реальные располагаемые доходы россиян как комплексный показатель, отражающий их материальное благополучие, по оценке Росстата, в 1 полугодии 2025 г. увеличился на +7,8% г/г по сравнению с аналогичным периодом 2024 г – +7,4% г/г [20]).

В-седьмых, формирование антикризисных инвестиционных инструментов. Доля ФНБ, направленная на финансирование высокотехнологичного оборудования, позволяет выходить за пределы консервативного налогового правила, уплотняя кооперационные цепочки и повышая эффективность распределения ресурсов [21]. Эти действия сочетаются с курсом на ответственный рост, где «рынок труда и занятости населения» рассматриваются как фундамент социальной устойчивости [16]. По данным Росстата, уровень безработицы, как ключевой индикатор прочности рынка труда, на июнь 2025 года составлял в среднем 2,2% рабочей силы, что является исторически минимальным значением, а реальная заработная плата россиян, поддерживающая социальную устойчивость в стране, выросла на 4,2% г/г, а ее размер 99422 руб [20].

В-восьмых, произошло обновление идеологических установок. Рынок коллективных ценностей смещается от материальных ориентаций к «интеграции, информатизации и социальной ориентации» [6], это закладывает модель долгосрочной консолидации и укрепляет социальный капитал. Об этом свидетельствуют статистические данные по вопросам массовой цифровизации и информатизации общества – интеграции и информатизации (по данным ИСИЭС НИУ ВШЭ за 2023 год, доля домашних хозяйств с доступом в сеть увеличилась

с 86,6% в 2022 г. до 87,9% в 2023 г. [27]; по данным Ростелекома, на текущий момент количество зарегистрированных пользователей «Госуслуг» превысило 112 млн человек, а по итогам 1 квартала 2025 г. было подано 218 млн заявок на оказание услуг [18]); роста вовлеченности в онлайн-гражданские процессы – интеграции и социальной ориентации (по данным Минстроя России, в 2023 году во всероссийском онлайн-голосовании в рамках федерального проекта «Формирование комфортной городской жизни» приняли участие 6,5 млн россиян [31]); формирования новых профессиональных ценностей – социальной ориентации и интеграции (по информации Роструда, с января по сентябрь 2025 г. в рамках реализации партпроекта «Моя карьера с Единой Россией» (с 2023 г.) было проведено 47 тыс. мероприятий, в них приняли участие более 1 млн человек, трудоустроены почти 200 тыс. человек, при этом особое внимание уделяется помощи в трудоустройстве участникам СВО и их родным [15]), роста некоммерческого сектора и волонтерства – укрепления социального капитала (по данным Росстата за 2023 год, в России было зарегистрировано 130 532 социально-ориентированных некоммерческих организаций – СОНКО; в 2022 г. – 129 939 [8]) и др.

Безусловно, перечисленные выше трансформационные направления не являются исчерпывающими, но их представленный массив охватывающий глобальные вызовы, структурные реформы, корректировку социальной поддержки и модернизацию наукоемкого производства, фиксирует поступательный переход к модели устойчивого, суверенного и технологически опережающего развития страны.

Обсуждение

Факторы системной перестройки российских социально-экономических и социально-политических структур и процессов коррелируют между собой. Ведущим регулятором выступает государственная стратегия планирования и управления процессами: синхронизация федеральных, региональных и муниципальных решений повышает управляемость целого. Усиление горизонталей смягчает традиционное доминирование вертикали, что просматривается в распределении бюджета, в более гибком профилировании региональных программ и участия местных сообществ при разработке налогово-инвестиционных и др. механизмов. Социальная политика, внедряя адресный формат поддержки, переориентирует ресурсы на домохозяйства с детьми, что отражается в росте потребительской активности и стимулирует сегменты внутреннего рынка. Одновременно возникает двойной эффект: с одной стороны, выравниваются условия для демографического воспроизводства, а с дру-

гой – активизируется спрос на жилье, образовательные и медицинские услуги и т.д. Целевые деньги полученные семьей быстрее переходят в экономический оборот.

Модернизация научно-технологического комплекса формирует новый тип социальной защиты, когда конкурентоспособная рабочая сила получает страхование от депрофессионализации за счет непрерывного повышения компетенций. Кластерные структуры, ориентированные на сквозные технологии, связывают научные коллективы и бизнес без бюрократических посредников, минимизируя издержки. Финансовая прибыль возникающая в таких взаимодействиях, закрепляется внутри страны через экспорт готовых технологических решений, а не через продажу сырья.

Санкционные ограничения парадоксальным образом усилили импортозамещение. Анализ индустриальных показателей подтверждает рост загрузки производственных мощностей в машиностроении, электронике и АПК после 2022 г. При этом наблюдается перераспределение рабочей силы из низкопроизводительных сервисов в обрабатывающую промышленность. Поддержка новых индустрий служит катализатором технологического скачка.

С точки зрения стратификационной динамики, трансформации выводят на поверхность проблему работающих бедных. Их доля сокращается медленно. Это влечет за собой углубление профпереподготовки. Переход к модели постоянного обучения позволяет интегрировать исследовательские и прикладные аспекты, создавая каналы горизонтальной мобильности.

Политическая сфера, институционализируя процессы суверенизации, перенастраивает систему приоритетов на долгосрочную устойчивость. Конфигурация общественного запроса смещается от идей эгалитарного перераспределения к принципам справедливого доступа: главным критерием оценки решений становится не формальный объем льгот, а фактическое снижение барьеров для участия в экономической и общественной жизни. Данный сдвиг усиливает значимость права, что задает предсказуемость процедур, минимизируя коррупцию и усиливая доверие к институтам.

В экономическом плане закрепляется тенденция к «конструктивному протекционизму» – выборочной поддержке отраслей, генерирующих технологические процессы. При этом долговое финансирование проектов структурируется через проектные инвестиции: банк участвует не в кредитовании компании, а в финансировании потока будущих денежных поступлений, что снижает риски и понижает стоимость капитала. Стратегическое расширение проектного финансирования также присутствует.

Подвижки в ценностной системе фиксируются в устойчивом росте индекса гражданского участия

в государственных процессах: социологические опросы показывают увеличение доли респондентов, готовых к волонтерству, донорству и участию в общественных слушаниях и проектах. Усиление горизонтальных связей в синергии с укреплением правового государства формирует социальный капитал, способный компенсировать демографическую нагрузку и обеспечить взаимосвязь между поколениями. Социокультурный тренд на информатизацию переводит эти практики в цифровые форматы («Госуслуги», Data-гражданские инициативы, умные контракты в сфере ЖКХ), что снижает издержки взаимодействия.

Перечисленные процессы экстраполируют в системы пространственного развития, где транспортная инфраструктура и новые логистические коридоры по дальневосточному, северному и южному направлениям создают мультипликативный эффект для целых регионов.

Следует констатировать тот факт, наличие взаимодействия финансовых, производственных и культурных механизмов задает тренд на синергию, когда каждая новая мера, будучи внедрено, усиливает предшествующие. Текущие направления социально-политических и социально-экономических трансформаций подтверждают, что одновременно повышаются и адаптивная способность экономики, и социальная устойчивость, так как капитализация человеческого потенциала сопряжена с укоренением принципов правовой предсказуемости и технологической независимости.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что встроенное стратегическое планирование в ключевые социально-политические и социально-экономические трансформации, а также переход к проектному управлению обеспечили координацию федеральных и региональных приоритетов, повысив управляемость бюджетных потоков и подготовив почву для модернизационных рывков. Переориентация социальной политики на адресную поддержку семей с детьми сокращает риски бедности и стимулирует внутренний спрос, а расширение программ профессиональной переподготовки формирует механизмы социальной мобильности и продуктивности. Присутствие санкций сыграло катализирующую роль, где импортозамещение, кластеризация и проектное финансирование ускорили рост высокотехнологичных отраслей, закрепляя развитие страны в будущем.

Обозначенные направления социально-политических и социально-экономических трансформаций свидетельствуют о поступательном переходе российской системы к модели устойчивого, суверенного и технологически опережающего общества. При этом разработка и реализация мер

в данной плоскости способна смягчить возникающие противоречия, повысить устойчивость общественной системы и создать благоприятные условия для дальнейших модернизаций в социуме.

Литература

1. Богданова В.П., Родионова С.Д. Социально-экономические преобразования в России и истоки российской бедности // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2–17. С. 3865–3870.
2. Бучко Н.П. Социально-политические процессы современного российского общества // *Актуальные вопросы современной науки: теория, технология, методология и практика* / Сборник научных статей по материалам XII Международной научно-практической конференции (21 апреля 2023 г., Уфа). В 3 ч. Ч. 3. Уфа: Изд. НИЦ «Вестник науки», 2023. С. 165–169.
3. Бюджет для граждан на 2024 год и на плановый период 2025–2026 годов // Минфин России. – URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2024/01/main/0407_BDG_2024.pdf?ysclid=mfl2vub2z2177906604 (дата обращения: 25.09.2025).
4. В России производство автомобилей в 2022 году снизилось на 60% // ИА «ТАСС». – URL: <https://tass.ru/obschestvo/20010677?ysclid=mfme3owosm95406942> (дата обращения: 15.09.2025).
5. В ФТС сообщили, что доля стран Азии во внешней торговле России достигла 70% // ИА «ТАСС». – URL: <https://tass.ru/ekonomika/19160143> (дата обращения: 25.09.2025).
6. Горелова Ю.А. Направления трансформации социально-экономической системы России // *Фундаментальные и прикладные аспекты развития современной науки* / Сборник трудов по материалам XI Международного конкурса научно-исследовательских работ (16 января 2023 г., Уфа). Уфа: Изд. НИЦ «Вестник науки», 2023. С. 78–83.
7. Гришин С.Ю. Трансформация российской социально-экономической системы в современных условиях // *Известия СПбГЭУ*. 2022. № 6(138). С. 91–96.
8. Доклад о деятельности и развития социально ориентированных некоммерческих организаций в Российской Федерации за 2023 год // Минэкономразвития РФ. – URL: <https://nko.economy.gov.ru/upload/docs/doklad-o-deyatelnosti-i-razvitii-soczialno-orientirovannyix-nekommercheskix.pdf> (дата обращения: 25.09.2025).
9. Егорова Д.Д. Трансформация социальной политики в современной России // *Скиф*. 2020. № 9 (49). С. 221–227.
10. Исполнение федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федера-

- ции за 2023 год // Минфин России. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=307469-ispolnenie_federalnogo_byudzheta_i_byudzhetrov_byudzhetnoi_sistemy_rossiiskoi_federatsii_za_2023_god&ysclid=mfspi5fgwg474598359 (дата обращения: 25.09.2025).
11. Карепова С.Г., Некрасов С.В. Ключевые трансформационные процессы современного российского общества: социокультурный аспект // Социология. 2025. № 3. С. 161–167.
 12. Как менялась явка на выборах президента РФ с 2000 года // ИА «ТАСС». – URL: <https://tass.ru/info/20269607> (дата обращения: 25.09.2025).
 13. Ломакина О.В. Социально-экономическая политика России на современном этапе развития: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы менеджмента, экономики и экономической безопасности: сборник материалов III Междунар. науч. конф. (Костанай, 01–05 ноября 2021 г.) / под ред. О.В. Мишулиной. Чебоксары: ИД «Среда», 2021. С. 8–10.
 14. Лола И.С., Асосков Д.Г. Актуальные тенденции на рынке труда в отраслях промышленности. – URL: <https://issek.hse.ru/news/1036309055.html> (дата обращения: 25.09.2025).
 15. Михаил Иванков принял участие в подведении итогов проекта «Моя карьера с Единой Россией» // РОСТРУД. – URL: https://rostруд.gov.ru/press_center/novosti/1269501/?ysclid=mfz3ngdm2974934876 (дата обращения: 25.09.2025).
 16. Новик К.С. Государственная социально-экономическая политика в Российской Федерации // Научные исследования молодых ученых: сборник статей XIV Международной научно-практической конференции. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2021. С. 69–71.
 17. Новые рубежи российского агроэкспорта. Стоимостной объем отгруженного за рубеж продовольствия в 2023 году превысит 45 млрд долл. // «Агроинвестор». – URL: <https://www.agroinvestor.ru/markets/article/41657-novye-rubezhi-rossiyskogo-agroeksporta-stoimostnoy-obem-otgruzhennogo-za-rubezh-prodovolstviya-v-202/> (дата обращения: 25.09.2025).
 18. На портале госуслуг зарегистрировались более 112 млн граждан // ИА «ТАСС». – URL: <https://tass.ru/ekonomika/23946871> (дата обращения: 25.09.2025).
 19. Общая явка на голосовании по поправкам к конституции составила 67,97% // ИА «ТАСС». – URL: <https://tass.ru/politika/8868119?ysclid=mfllaazsg3u467641403> (дата обращения: 25.09.2025).
 20. О текущей ситуации в российской экономике. Июнь 2025 года // Минэкономразвития РФ. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/ekonomicheskie_obzory/o_tekushchey_situacii_v_rossiyskoy_ekonomike_iyun_2025_goda.html (дата обращения: 25.09.2025).
 21. Порфирьев Б.Н., Широков А.А., Узиков М.Н., Гусев М.С., Шокин И.Н. Основные направления социально-экономического развития в 2020–2024 гг. и на период до 2035 г. // Проблемы прогнозирования. 2020. № 3(180). С. 3–15.
 22. Профицит консолидированного бюджета РФ в январе-ноябре вырос до 409 млрд руб. // Казначейство РФ. – URL: <https://www.interfax.ru/business/939910> (дата обращения: 25.09.2025).
 23. Рост затрат на науку в России: итоги 2023 года // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. – URL: <https://issek.hse.ru/news/963240693.html> (дата обращения: 25.09.2025).
 24. Рейтинги доверия политикам, оценки работы Президента и Правительства, поддержка политических партий // ВЦИОМ. 08 августа 2025. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doveriya-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-08082025?ysclid=mfkxiey3bh57493329> (дата обращения: 25.09.2025).
 25. Российские НОЦ за шесть лет получили более 17 тыс. патентов // ТАСС «Наука». – URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/24012255?ysclid=mfhlh06c-j3d418442430> (дата обращения: 25.09.2025).
 26. Размер МРОТ в 2025 году ... // ГК «РосБизнесКонсалтинг». – URL: <https://www.rbc.ru/life/news/66ee7e0f9a794719ec03531e?ysclid=mfsn2inwhe149083942> (дата обращения: 25.09.2025).
 27. Россияне учатся справляться с нарастающими цифровыми угрозами // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. – URL: <https://issek.hse.ru/news/923864431.html> (дата обращения: 25.09.2025).
 28. Специальная военная операция на Украине: мониторинг // ВЦИОМ. 06 февраля 2025. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-na-ukraine-monitoring?ysclid=mfkwwj6hf3635799459> (дата обращения: 25.09.2025).
 29. Соцфонд: средний размер назначенной пенсии увеличился до 23,4 тысячи рублей // Вести.ру. – URL: <https://www.vesti.ru/article/4576469> (дата обращения: 25.09.2025).
 30. Шмаков В.И. Основные направления современной трансформации и модернизации российского общества, пути выхода из системного кризиса в условиях научно-технической революции: стратегические модели развития // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 105. С. 93–104.
 31. 6,5 млн россиян приняли участие в голосовании за объекты благоустройства // Минстрой России. – URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/press/6-5-mln-rossiyan-prinyali-uchastie-v->

golosovaniy-za-obekty-blagoustroystva/ (дата обращения: 25.09.2025).

32. Щелоков Д.В. Трансформация социальной структуры российского общества в новейшее время // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 185. С. 130–137.

SOCIO-ECONOMIC AND SOCIO-POLITICAL TRANSFORMATIONS OF CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY: MAIN DIRECTIONS

Karepova S.G., Nekrasov S.V.
Institute of Sociology of FCTAS RAS

The article is devoted to a comprehensive analysis of socio-economic and socio-political transformations of the Russian Federation after 1991 up to now. The relevance is determined by the simultaneous action of global crises, sanction restrictions and internal modernisation requests for the development of the Russian contemporary social reality, etc. This paper writes about different vectors of transformations. The study describes the evolution of public administration institutions, studies the mechanisms of targeted social support, modernisation of the cluster innovation environment and changes in stratification contours, etc. Based on a number of transformations considered, the authors have worked out proposals for further consolidation of development resources. The article used methods of comparative historical analysis, interdisciplinary synthesis and secondary analysis of data. The conclusion reveals the prospects for sustainable and sovereign development. One can note extremely the significance of the issue being researched.

Keywords: transformation, planning, sovereignty, social policy, clustering, import substitution, social mobility, innovative economy.

References

1. Bogdanova V.P., Rodionova S.D. Socio-economic transformations in Russia and the origins of Russian poverty // Fundamental research. 2015. № 2–17. PP. 3865–3870.
2. Buchko N.P. Socio-political processes of modern Russian society // Actual issues of modern science: theory, technology, methodology and practice / A collection of scientific articles based on the materials of the XII International. scientific and practical conference (April 21, 2023, Ufa). In three parts. Part 3. Ufa: Scientific and Publishing Centre "Bulletin of Science", 2023. P. 165–169.
3. Citizens budget for 2024 and the planning period of 2025–2026 // Russian Ministry of Finance. – URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2024/01/main/0407_BDG_2024.pdf?ysclid=mfl2vub2z2177906604 (reference date: 25.09.2025).
4. Russian automobile manufacture increased by 60% in 2022 // TASS. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/20010677?ysclid=mfm3owosm95406942> (reference date: 25.09.2025).
5. Russian Federal Customs Service reported that the share of Asian countries in Russia's foreign trade had reached 70% // TACC. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/19160143> (reference date: 25.09.2025).
6. Gorelova Yu.A. Directions of transformation of the socio-economic system of Russia // Fundamental and applied aspects of the development of modern science / A collection of works based on the materials of the XI International competition of scientific research works (January 16, 2023, Ufa). Ufa: Scientific Publishing Center "Bulletin of Science", 2023. PP. 78–83.
7. Grishin S. Yu. Transformation of the Russian socio-economic system in modern conditions // Bulletin of St. Petersburg State University of Economics. 2022. № 6(138). PP. 91–96.
8. Report on the activities and development of socially oriented non-profit organisations in the Russian Federation for 2023 // Russian Ministry of Economic Development. – URL: <https://nko.economy.gov.ru/upload/docs/doklad-o-deyatelnosti-i-razvitiisoczialno-orientirovannykh-ekonomicheskikh.pdf> (reference date: 25.09.2025).
9. Egorova D.D. Transformation of social policy in modern Russia // Skiff. 2020. № 9(49). PP. 221–227.
10. Execution of the federal budget and budgets of the budgetary system of the Russian Federation for 2023 // Russian Ministry of Finance. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=307469-ispolnenie_federalnogo_byudzheta_i_byudzheto-byudzheto_sistemy_rossiiskoi_federatsii_za_2023_god&ysclid=mfspl5fgwg474598359 (reference date: 25.09.2025).
11. Karepova S.G., Nekrasov S.V. Key transformation processes of contemporary Russian society: a sociocultural aspect // Sociology. 2025. № 3. PP. 161–167.
12. How the voter turnout in Russian presidential elections has changed since 2000 // TASS. – URL: <https://tass.ru/info/20269607> (reference date: 25.09.2025).
13. Lomakina O.V. Socio-economic policy of Russia at the present stage of development: problems and prospects // Actual problems of management, economics and economic security: a collection of the 3rd Int. scientific conf. Materials (Kostanay, November 01–05, 2021) / edited by O.V. Mishulina. Cheboksary: Publishing House "Sreda", 2021. PP. 8–10.
14. Lola I.S., Asoskov D.G. Current trends in the labour market in industrial sectors. – URL: <https://issek.hse.ru/news/1036309055.html> (reference date: 25.09.2025).
15. Mikhail Ivankov took part in the summing up of the "My Career with United Russia" project. // ROSTRUD. – URL: https://rostrud.gov.ru/press_center/novosti/1269501/?ysclid=mfz3ngdm2974934876 (reference date: 25.09.2025).
16. Novik K.S. State socio-economic policy in the Russian Federation // Scientific research of young scientists: a collection of the 14th International scientific-practical conference. Penza: Science and Enlightenment, 2021. PP. 69–71.
17. New frontiers for Russian agricultural exports. The value of food exports will exceed \$45 billion in 2023 // "Agroinvestor". – URL: <https://www.agroinvestor.ru/markets/article/41657-novye-rubezhi-rossiyskogo-agroeksporta-stoimostnoy-obemotgruzhnogo-za-rubezh-prodovolstviya-v-202/> (reference date: 25.09.2025).
18. More than 112 million citizens have registered on the government services portal // "TASS". – URL: <https://tass.ru/ekonomika/23946871> (дата обращения: 25.09.2025).
19. The overall turnout for the vote on constitutional amendments was 67.97% // TASS. – URL: <https://tass.ru/politika/8868119?ysclid=mflaazsg3u467641403> (reference date: 25.09.2025).
20. On the current situation in the Russian economy. June 2025 // Russian Ministry of Economic Development. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/ekonomicheskie_obzory/o_tekushchey_situatsii_v_rossiyskoy_ekonomike_iyun_2025_goda.html (reference date: 25.09.2025).
21. Porfiryev B.N., Shirov A.A., Uzyakov M.N., Gusev M.S., Shokin I.N. Main directions of socio-economic development in 2020–2024 and for the period until 2035 // Forecasting problems. 2020. № 3(180). PP. 3–15.
22. The consolidated budget surplus of the Russian Federation in January–November increased to 409 billion rubles // Russian Federal Treasury. – URL: <https://www.interfax.ru/business/939910> (reference date: 25.09.2025).
23. Rising Science Spending in Russia: 2023 Results // HSE ISSEK. – URL: <https://issek.hse.ru/news/963240693.html> (reference date: 25.09.2025).
24. Trust ratings of politicians, assessments of the work of the President and the Government, support for political parties // WCIOM. August 8, 2025. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doveriya-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-08082025?ysclid=mfxiey3bh57493329> (reference date: 25.09.2025).
25. Russian research centres have received more than 17,000 patents in six years // TASS "Science". – URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/24012255?ysclid=mflh06cj3d418442430> (reference date: 25.09.2025).

26. Minimum wage in 2025 ... // "RosBusinessConsulting" – URL: <https://www.rbc.ru/life/news/66ee7e0f9a794719ec03531e?ysclid=mfsn2inwhe149083942> (reference date: 25.09.2025).
27. Russians are learning to cope with growing digital threats // HSE ISSEK. – URL: <https://issek.hse.ru/news/923864431.html> (reference date: 25.09.2025).
28. Special military operation in Ukraine: monitoring // WCIOM. February 8, 2025. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-na-ukraine-monitoring?ysclid=mfkwwj6hf3635799459> (reference date: 25.09.2025).
29. Social Fund: The average pension has increased to 23,400 rubles // Vesti.ru. – URL: <https://www.vesti.ru/article/4576469> (reference date: 25.09.2025).
30. Shmakov V.I. The main directions of modern transformation and modernization of Russian society, ways out of the systemic crisis in the context of scientific and technological revolution: strategic development models // Public administration. Electronic Bulletin. 2024. № 105. PP. 93–104.
31. 6.5 million Russians took part in the vote for improvement projects // Minstroy RF. – URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/press/6-5-mln-rossiyan-prinyali-uchastie-v-golosovanii-za-obekty-blagoustroystva/> (reference date: 25.09.2025).
32. Shcheyelokov D.V. Transformation of the social structure of Russian society in modern times // Ethnosociety and interethnic culture. 2023. № 185. PP. 130–137.

Двухпартийная система в России: прогнозы и перспективы

Киселев Владимир Владиславович,

старший преподаватель кафедры конституционного
и международного права Нижегородской академии
МВД России
E-mail: vladimir_vek@mail.ru

Статья посвящена характеристике особенностей политической системы России. Высказываются предположения относительно возможности формирования в нашей стране двухпартийной системы и появления новых политических сил.

Ключевые слова: двухпартийная система в России, политическая система России.

Как известно, партийная система в России впервые появилась в 19 веке, сначала с подпольных радикальных антимонархических (социалистических) партий, затем после Манифеста Николая II 17 Октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка» появляется множество других либеральных, консервативных, монархических и антимонархических партий. В то же время важно отметить, что неполитические партии (отдельные слои населения) у нас возникли намного раньше.

Так на протяжении истории, начиная с Древнерусского государства, в России всегда присутствовали две «партии» (в значении части общества), которые условно можно назвать «партией народа» (крестьянство, славянофилы, «красные») и «партией власти» (высшие сословия, западники-либералы, «белые»). При этом первая группа придерживалась традиционных православных патристических ценностей (например, «за веру, царя и Отечество»), вторая группа ориентировалась на запад, придерживалась европейских либеральных взглядов, манер и обычаев.

Как известно, в Великобритании на протяжении более 100 лет доминируют две партии: лейбористская (социал-демократическая рабочая партия) и консерваторов (аристократии, олигархов). По сути дела – эта та политическая система, которая могла бы сложиться в Российской империи, если бы власть не захватили большевики.

В США со второй половины XIX века сформировалась двухпартийная система с двумя ведущими партиями: демократической (социал-либералы) и республиканской (консерваторы, олигархи). Такая расстановка сил обеспечивает баланс наиболее значимых интересов государства и общества, определяет устойчивость системы.

Однопартийные системы, так или иначе, имеют тенденцию к скатыванию к авторитаризму. Многопартийность в кризисные времена может привести к хаосу и краху государственности.

Исторические реалии наглядно показывают, что наиболее эффективной и устойчивой в долгосрочной перспективе является именно двухпартийная система, хорошо зарекомендовавшая себя в ряде зарубежных государств, и, бесспорно, обеспечивающая укрепление институтов демократии в стране. Двухпартийная система позволяет не допустить прихода к власти ультраправых (идеологии авторитаризма, национализма, расизма, нацизма, фашизма) и ультралевых (коммунистов,

анархистов) партий с крайними радикальными и экстремистскими идеями.

Таким образом, двухпартийная система, на наш взгляд, представляет собой гармоничную модель сосуществования двух политических сил, способных периодически приходить к власти (обеспечивать принцип сменяемости власти), поддерживать демократию и не допускать ската к авторитаризму.

Ответим на вопрос, почему в России, имеющей потенциальную тенденцию к двухпартийности, до сих пор данная система не складывается, и имеются ли перспективы к формированию такой системы в будущем?

С приходом к власти большевиков в 1917 году в стране сформировалась однопартийная система, хотя имелась попытка к созданию двухпартийной системы (большевиков и эсеров с октября 1917 по июль 1918) [9, с. 74].

С крахом тоталитарно-авторитарной системы в нашей стране стали зарождаться демократические институты и первые попытки построения двухпартийной системы «сверху».

Так в 1990 году была предпринята попытка выделить из КПСС новую социально-демократическую партию Советского Союза (СДПСС). Среди гостей съезда партии присутствовали двое репрессированных в годы «Большого террора» меньшевиков, которые по замыслу партии должны были осуществить связь времен и поколений в модернизации РСДРП (большевиков и меньшевиков). Однако данный проект реализован не был в связи с разногласиями руководства партии с Б. Ельциным [4, с. 106].

После парламентского кризиса власти 1993-го года Б. Ельцин понимает, что для устойчивости системы и укрепления власти Кремля необходимо создавать двухпартийную систему в виде удвоения либеральной «партии власти» и препятствия прихода к власти левых (социалистических) сил [7, с. 76]. В этом ключе был создан блок «Выбор России» премьера Е. Гайдара и «Партия российского единства и согласия» С. Шахрая (зампредседателя Правительства России, одного из авторов Конституции РФ).

В 1995 г. удвоенная версия «партии власти» реализовалась в идее создания в партийном центре двух либеральных полюсов: правоцентристского «Наш дом – Россия» премьера В. Черномырдина, и левоцентристского блока И. Рыбкина (спикера Госдумы) [1, с. 174].

В 1999 г. удвоенная версия партии власти выразилась в создании новой «партии Кремля» – «Единства» (при поддержке премьер-министра России В.В. Путина) с коалицией «Отечество – Вся Россия» (под руководством мэра Москвы Ю. Лужкова).

После объединения «Единства» и «Отечество – Вся Россия» в одну партию власти «Единую

Россию» (в 2001 году) вновь встал вопрос об удвоении партии власти и ослаблении левых сил. Так появляются Народно-патриотический союз «Родина» (Д. Рогозин) и «Партия возрождения России – Российская партия жизни» (С. Миронова), объединившиеся впоследствии в партию «Справедливая Россия», которая так же, как и партия власти, имела либерально-консервативный уклон. После данного объединения в 1996-м году на официальном уровне помощником Президента России В. Сурковым впервые была объявлена идея построения в стране двухпартийной системы, при которой Кремль мог бы, при необходимости, опираться на любую из двух системообразующих партий: «Единую Россию» и партию С. Миронова [6, с. 63]. Однако данная идея оказалась провальной. В 2007 году «Справедливая Россия» набрала на выборах 7%, проиграв КПРФ и ЛДПР, поэтому встать на роль второй партии у нее не получилось.

В настоящий момент в стране сложилась многопартийная система с преобладанием партии власти (49,8%), при которой другие парламентские партии (КПРФ, ЛДПР, Справедливая Россия и Новые люди) получили на выборах в 2021 году в общей сложности 39% процентов. При этом голоса партий не прошедших 5% барьер в соответствии с п. 3 ст. 89 Федерального Закона от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» передаются партии победительнице.

Таким образом, в настоящий момент в стране утвердилась по сути дела более или менее стабильная своеобразная «двухпартийная система» партии власти и социалистических сил, получился определенный баланс сил: 49% – партия власти, состоящая из либералов-консерваторов и 39% оппозиции, представляющие собой аморфные социалистические силы. При этом в целом все партии поддерживают курс Президента.

Сформировать истинно двухпартийную систему «сверху» партии власти не нужно, и не выгодно в нынешних условиях, так как голоса партий, не прошедших 5 процентный барьер отдаются партии победительнице. Снизу же создать такую систему не получается в связи с отсутствием достаточных сил из народа. В ближайшее время каких-либо изменений в расстановке политических сил не произойдет.

В таких условиях логичен следующий вопрос: появится ли в будущем и когда в России действительно двухпартийная система?

Скорее всего, в период подготовки транзита власти в течение 2030–2036 годов такая система, так или иначе возникнет, и это будут либералы-консерваторы (партия власти с одной стороны) и государственники (социалистические силы, модернизированные коммунисты, выступающие за сильное государственное регулирование экономики), с другой стороны.

Вопрос о появлении новой силы – государственников на сегодняшний день остается открытым. Для этого нужно сформулировать четкую научную базу для последующих реформ, действительно нужных стране (государству в первую очередь).

Современные коммунисты, как и Справедливая Россия не объединятся друг с другом. В ближайшие выборы в 2026-м году «красные» получат еще больше процентов (больше 26%) по сравнению с выборами 2021 года, когда они получили меньше 20% по партийным спискам. При этом Справедливая Россия, как и ЛДПР, сильно потеряет свои позиции. К следующим выборам Государственной Думы РФ 2031 года (10 созыва) в России практически начнет формироваться двухпартийная система либералов и государственников, при которой у обеих сил появятся шансы выиграть выборы президента 2036 года, и в дальнейшем представители данных партий будут попеременно выигрывать выборы президента.

Что станет идеологической основой таких перемен?

Если в Великобритании баланс политических сил выстраивается между социалистами и либералами, в США – между либералами и консерваторами, то в России возможна английская модель. Баланс сил между либералами и консерваторами для нашей страны не приемлем, поскольку большая часть российского общества бедна и тяготеет к социализму (государственному регулированию экономикой). Либералы и консерваторы по сути дела являются представителями буржуазных (капиталистических) сил, ориентированных на бизнес (представители предпринимателей, бизнесменов). Второй действительно народной силой в нашей стране являются социалисты, выступающие за вмешательство государства в экономику, увеличения доли государственного сектора, повышения МРОТ.

Противоположность данных идеологий наглядно можно рассмотреть на примере отношения к государству, отстаивания государственных (национальных) интересов. К сожалению, на сегодняшний день ни одна партия таких интересов не выражает, сегодня государство в большей степени воспринимается как «дойная корова», из которой можно выкачать через соответствующие «государственные кормушки» и «освоить государственный бюджет». Партия «Справедливая Россия» хотя и позиционирует себя как социалистическая, на самом деле является консервативной партией (другой стороной медали либерализма). Отношение к государству у нее больше либеральное (государство – это дойная корова, задача выдоить из него все на социальные нужды, при этом ничего не давать взамен). Коммунистическая идеология связана с идеей национализации природных ресурсов и частной собственности на средства про-

изводства (перегибы данной системы были продемонстрированы в СССР, когда страна успешно выпускала космические ракеты, и в то же время не могла производить в нужном объеме нитки, спички, мороженое, бытовую технику). На данный момент стране нужна идеология, которая бы поддержала и взяла курс на развитие государственных интересов по принципу: государственные нужды удовлетворяет государство. На данный момент новой идеологической силы еще не появилось, не появился харизматический лидер с необходимыми финансовыми ресурсами. Хотя в ближайшее время (подготовки транзита власти в начале 2030-х годов) такая новая сила появится, и это будут «государственники», произойдет объединение социалистических сил, появятся четкие программы повышения МРОТ от 100 тыс. рублей в месяц, снижение цен, подъем уровня жизни граждан, увеличение государственного сектора в экономике по принципу государственные нужды должно удовлетворять государство.

Что является объективной необходимостью для реализации вышеописанного прогноза?

Современный либерализм (точнее неолиберализм) как идеология, успешно процветающая сейчас в нашей стране и ее правящей партии порождает ряд негативных тенденций, объективно ведущих нашу страну к отставанию от ведущих стран мира. Это идеология представителей крупного бизнеса (буржуазии, капиталистов, олигархов), для которых бедность – это необходимый компонент для управления (бедность нужна для того, чтобы всегда были люди, готовые за небольшие деньги выполнять любую работу).

В современных условиях люди голосуют не за программу, а за руководителя, к которому подчинены, за личность, харизму руководителя, боса, предпринимателя.

Противоположностью либеральной идеологии является социалистическая, которая в ближайшее время модернизируется, станет идеологией золотой середины, позволяющей с одной стороны, заработать (людям и государству) необходимые ресурсы, с другой – справедливо распределить их. По другому данную идеологию можно назвать идеологией государственников, идеологией, в которой государственные интересы играют ключевую роль в распределении ресурсов и действует принцип: «только реализовав общественные интересы, можно удовлетворить личные» [2, с. 460].

Теоретически перейти к двухпартийной системе «сверху» вполне возможно, если, например, проходной барьер в следующие думские выборы будет увеличен до 10–15%. Также можно, например, принять закон «О двухпартийной системе», который отменит действующий сегодня в нашей стране Федеральный закон «О политических партиях» от 11.07.2001 № 95 ФЗ. Данный закон закрепил в стране только две политические партии, кото-

рые будут финансироваться из средств федерального бюджета (в дальнейшем при установлении в стране двухпартийной системы и налаживании системы партийных взносов, федеральное финансирование будет прекращено). Данное положение можно реализовать, если установить фильтрационный процентный барьер только для первых двух парламентских партий, набравших большинство голосов. Другие партии вынуждены будут проходить процедуры слияния. Данный процесс объединения партий может произойдет на базе партий социалистического блока (СР, КПРФ и других) с одной стороны; ЕР, ЛДПР и других партии либерального толка – с другой. Однако на практике такого объединения не произойдет, поскольку «сверху» на такое реформировании политической системы никто в ближайшее время не пойдет.

В будущем при осознании важности изменения отношения к государству, возрастания роли реализации государственных интересов произойдет и трансформация политических сил в стране. Проиллюстрируем сказанное на следующем примере.

В настоящий момент в неолиберализме присутствует такая идея, что способные люди могут адаптироваться в любой системе или переходить в другую систему и быть там успешными. Это верно. Однако здесь поднимается другой вопрос, насколько их успешность будет соответствовать государственным интересам и нуждам страны и народа? Так, например, сегодня тратятся огромные государственные деньги на образование. Но многие выпускники вузов не работают по специальности, наблюдается отток выпускников наших вузов за границу. Где здесь реализация государственных интересов? Такое положение вещей ведет к ущербу для экономики страны в целом. Другой пример. Неолиберальные идеологи говорят, что успешный человек, зная востребованность и оплачиваемость своей профессии, выберет соответствующий вуз, где он сможет достаточно самореализоваться в материальном плане. В итоге мы имеем на практике успешных дельцов, занимающихся спекуляцией, и тотальное заваливание российского рынка иностранными (в основном китайскими) товарами. Также мы имеем огромный пласт нереализовавшихся в своей профессии людей, которым просто не нашлось места на рынке профессий, и которые по разным причинам не покинули Россию для нахождения своей востребованности.

Государственные интересы необходимо прописать в Конституцию РФ, и все политики, включая высших должностных лиц государства, депутатов всех уровней и всех чиновников, должны ими руководствоваться в своей деятельности. Таким образом, мы сможем добиться разумной децентрализации государственной власти, решить проблему бюрократических перегибов в стране. Например, сегодня тратятся огромные бюджетные

деньги на производство всевозможных проверок контрольно-надзорными органами бесконечного числа ведомственных инструкций. Подобные проверки оканчиваются предложением планов устранения недостатков, осуществлением служебных проверок, приказов о наказании виновных. Далее осуществляется работа по устранению указанных недостатков. Пишутся бесконечные отчеты, делаются дополнительные указания, которые молниеносно необходимо исполнить. В итоге времени на работу по основной деятельности катастрофически не хватает, вся работа превращается в махровый формализм по написанию бумаг ради бумаг (полиция не раскрывает преступления, а пишет бумаги; врачи не лечат, а пишут бумаги; учителя не учат, а пишут бумаги и т.п.).

Таким образом, наша основная задача на данном этапе заключается в установлении баланса справедливости в соответствии с идеологией золотой середины и двухпартийной политической системы. Именно такая система на наш взгляд способна провести и реализовать комплекс крупномасштабных реформ в нашей стране, конечной целью которых является установление МРОТ от 100 тысяч рублей в месяц и цен уровня 1980-х годов в СССР.

Выборы 2021 года продемонстрировали предпочтения избирателей в сторону «красных» (КПРФ). Однако здесь мы должны понимать, что для борьбы с «белыми» (ЕР) «красным» необходимо объединяться. На наш взгляд вполне уместным будет объединение всего социалистического блока в одну партию. Причём это не должны быть просто «красные» на базе современного КПРФ, это должен быть синтез социалистических идей с учётом современных реалий и идеологии «золотой середины». Наиболее приемлемым оплотом к объединению станет новая сила государственников, которая возникнет после провальных выборов ряда парламентских партий в ближайшем будущем.

Таким образом, теоретически перейти на двухпартийную систему «сверху» возможно, но практически этого не будет еще лет 20, хотя потребность общества и государства в этом есть. В будущем в России будет двухпартийная система. Однако при этом нам нужен средний класс, мощная, стабильная экономика, как в известных двухпартийных системах Англии и США. В будущем в России две потенциально существующие на протяжении веков идеологии все равно образуются, причем их синтез – это подлинный патриотизм, поскольку по сути дела и «белые», и «красные» так или иначе выступают за Великую Россию, имеют одну цель, только к которой предлагают идти разными путями. Будущее России за двухпартийной системой. Вопрос в том, когда это произойдет? Скорее всего в краткосрочной перспективе такой сценарий, похоже, не просматривается, только в отдаленной: скажем, в период подготовки

транзита власти в течение 2030–2036 годов, для того чтобы политическая система обрела большую устойчивость перед приходом преемника действующего президента.

Литература

1. Амирова Г. М. «Партия власти»: история успеха или попытки создания «двухпартийной России» Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13. № 1. С. 172.
2. Век В.В. Влюбленность и любовь как объекты научного исследования: монография / В.В. Век. – 3-е изд., исправ. и доп. – М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2021. С. 460. – URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/56321> (дата обращения: 30.04.2025).
3. Волобуев О.В. Меньшевики в условиях кризиса правительственной коалиции осенью 1917 года // Политические партии в российских революциях в начале XX века. – М.: Наука, 2025. – С. 301–316.
4. Гимпельсон Е.Г. Путь к однопартийной диктатуре // Отечественная история. – 2024. – № 4–5. – С. 94–110.
5. Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть. «Золотой немецкий ключ» к большевистской революции / предисл. Ю.Н. Емельянова. – М.: Айрис-пресс, 2021. – 640 с.
6. Одинокоев М. Д., Трифонов А.Д. Перспективы консерваторов и социал-демократов в условиях гипотетического формирования двухпартийной политической системы в Российской Федерации // Общественные науки в современном мире (юридические, социально-политические, философские науки): сборник статей аспирантов по материалам IV Международного научного форума аспирантов / под общ. ред. Ю.И. Щербакова. – Академия труда и соц. отношений. – АТиСО, 2021.
7. Рединская Т.В. Партии и многопартийность в России в Новое и Новейшее время / РИЦ «Альфа» МГОПУ им. М.А. Шолохова. – М., 2024. – 198 с.
8. Сапон В.П. Концепция революционного освобождения общества в теоретических воззрениях и политической практике российских левых радикалов (конец XIX века – 1918 г.). – Чебоксары, 2023. – 47 с.
9. Фадеев М.К., Кисляков А.С. Опыт построения двухпартийной системы в Советской России (октябрь 1917 – июль 1918 гг.) // Технологос. – 2022. – № 2. – С. 71–81. – URL: <http://www.10.15593/perm.kipf/>
10. Шубин А.В. Старт Страны Советов. Революция. – СПб.: Питер, 2023. – 448 с.

A TWO-PARTY SYSTEM IN RUSSIA: FORECASTS AND PROSPECTS

Kiselev V.V.

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article is devoted to the characteristics of the features of the political system of Russia. There are suggestions about the possibility of forming a two-party system in our country and the emergence of new political forces.

Keywords: two-party system in Russia, political system of Russia.

References

1. Amirova G. M. "The Party of Power": a success story or an attempt to create a "two-party Russia" Bulletin of the Bashkir University. 2008. Vol. 13. № 1. p. 172.
2. Vek V.V. Falling in love and love as objects of scientific research: a monograph / V.V. Vek. – 3rd ed., corrected. and add. – M.: Publishing House of the Academy of Natural Sciences, 2021. p. 460. – URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/56321> (date of request: 30.04.2025).
3. Volobuev O. V. "The Mensheviks in the conditions of the crisis of the government coalition in the autumn of 1917" // Political parties in the Russian revolutions at the beginning of the twentieth century. Moscow: Nauka, 2025. pp. 301–316.
4. Gimpelson E. G. "The path to a one – party dictatorship" // National History. – 2024. – № 4–5. – pp. 94–110.
5. Melgunov S. P. "How the Bolsheviks seized power. The Golden German Key to the Bolshevik Revolution / preface by Yu.N. Yemelyanov, Moscow: Iris Press, 2021, 640 p.
6. Odiokov M. D., Trifonov A.D. "The prospects of conservatives and social Democrats in the context of the hypothetical formation of a two-party political system in the Russian Federation" // Social sciences in the modern world (legal, socio-political, philosophical sciences): collection of articles by graduate students based on the materials of the IV International Scientific Forum of Graduate Students / under the general editorship of Yu.I. Shcherbakov. – Academy of Labor and Social Relations. – ATISO, 2021.
7. Redinskaya T. V. "Parties and multiparty system in Russia in Modern and Contemporary times" / RIC "Alpha" MGOPU named after M.A. Sholokhov. – M., 2024. – 198 p.
8. Sapon V. P. "The concept of the revolutionary liberation of society in the theoretical views and political practice of Russian left – wing radicals (late 19th century – 1918). Cheboksary, 2023, 47 p.
9. Fadeev M. K., Kislyakov A.S. The experience of building a two-party system in Soviet Russia (October 1917 – July 1918) // Technologos. – 2022. – № 2. – pp. 71–81. – URL: <http://www.10.15593/perm.kipf/>
10. Shubin A. V. "The start of the Soviet Country. The revolution." – St. Petersburg: Peter, 2023. – 448 p.

Влияние типа конфликта в кадетском классе на их урегулирование

Спиченко Артем Алексеевич,

аспирант департамента клинических, психологических
и педагогических основ развития личности, Московский
городской педагогический университет
E-mail: SpichenkoAA@mgpu.ru

В развитии современного общества конфликт является неотъемлемым элементом жизни общества. Он может свидетельствовать о различных проблемах в развитии социума, быть «маркером» наличия социальной проблемы. Система предупреждения конфликтов в кадетском классе до конца не была разработана. В настоящее время она основывается на прикладных аспектах общих понятий медиации и общешкольной практики. Исследование конфликтов важно, так как оно является условием успешной социализации кадетов, повышая эффективность воспитательной деятельности, что отражено в Стратегии развития патриотического воспитания. Развитие исследования особенностей конфликтов в кадетском классе и путей их предупреждения выполняет цель формирования состояния гражданского мира и согласия в Российской Федерации.

Конфликты в образовательной организации являются неотъемлемой составляющей жизнедеятельности социальной системы. Тип конфликта напрямую зависит от специализации метода, который используют для его медиации. Как отмечает Е.Г. Пастухова, в своей работе, типологизация конфликта напрямую зависит от того, каким методом его будут решать: с применением традиционных вариантов, а в некоторых случаях используются инновационные медиативные практики в виде специального органа.

Ключевые слова: традиции, инновации, кадетское образование, патриотическое воспитание, конфликт.

Методология

Методологической основой данной работы будет служить системный анализ управления конфликтами в организации, с помощью которого будут выявлены особенности его дисфункции в системе кадетского образования.

Рассматривая социологическую сторону сущности конфликта, обратимся к взглядам Г. Зиммеля, который отмечал важность конфликта как «маркера», указывающего на существование проблем в организации. В контексте противоречий он говорил о том, что конфликт может быть основой для внедрения инноваций и основанием для развития социальной группы, в которой он происходит [7].

Анализируя возможности структурно-функционального подхода, стоит принять во внимание идеи Т. Парсонса. Он заявлял, что предупреждение конфликта в организации может быть основано на социальном контроле выполнения членами групп своих ролей. Напряжение, по мнению ученого, создается в тот момент, когда индивид не полностью удовлетворен новыми социальными нормами и правилами, предъявленными со стороны организации [5].

Возвращаясь к идеям Т. Парсонса, отметим, что триединство факторов удовлетворения потребностей, социальный контроль и совпадение социальных установок и мотиваций поможет привести социальную систему в состояние стабильности.

Методы исследования

1. Сравнительный анализ.
2. Классификация.
3. Анализ статистики и вторичных данных.

Характеристика кадетского образования в РФ

Кадетское образование в Российской Федерации считается предвоенным образованием, направленным на подготовку молодежи к службе в рядах вооруженных сил Российской Федерации и иной гражданской службы. В 50 субъектах РФ действуют 150 образовательных организаций со специальными наименованиями, а также в 3351 образовательных организаций, в которых есть кадетских классы, а также 57 средних профессиональных организаций. Общая численность кадетских учебных

заведений и учреждений в Российской Федерации равна 3558 [9].

Кадетское образование реализуется в рамках программы патриотического воспитания граждан и проекта «Кадетский класс в московской школе» [1]. Также кадеты рассматриваются в плане федеральной политики как базис для создания граждан, подготовленных к глобальным угрозам и вызовам в международной ситуации [2].

Кадетское образование прошло длительный путь развития, начиная с середины XVIII века, а именно с открытием Первого Кадетского корпуса в Санкт-Петербурге, который под управлением И.И. Бецкого реализовывал современные на тот момент концепции «свободного образования», вдохновленные идеями Ж.-Ж. Руссо. Данная система воспитания и образования просуществовала до смены концепции на практике на ориентированную предвоенную подготовку, которая была введена М.И. Кутузовым – последующим руководителем образовательной организации. Данная образовательная стратегия просуществовала до конца XIX- начала XXвв. После Революции 1917 г. кадетские классы в России были упразднены. Реализация кадетского образования в Советском Союзе возобновилась лишь в 1942 г. с подачи военного теоретика А.А. Игнатьева, который видел в Суворовских училищах основу для последующего пополнения вооруженных сил СССР, с применением традиционных методов воспитания, осуществляемых ранее.

Цель работы

Цель данной работы – выявление типологии конфликтов в кадетском классе и специфики их урегулирования на разных этапах развития кадетского образования.

Исторический анализ традиционного подхода к урегулированию конфликта в кадетском образовании

Традиционным способом решения данной ситуации рассматривали родоначальники кадетского образования И.И. Бецкой и Ф.Е. Ангальт [3], которые предполагали постепенное вовлечение воспитанников в среду военно-гражданского воспитания. Ф.Е. Ангальт в своей практике основывался на взглядах Ж.Ж. Руссо о свободном воспитании, который предполагал, что в «свободной» социальной атмосфере не должно быть конфликтов, так как отсутствует стрессогенное воздействие «взрослых», что в свою очередь и считалось конфликтогенным фактором. В основе взглядов данных практиков лежит мнение о том, что предотвращение конфликтов должно носить характер социальной свободы и договора, когда в первую очередь он решался совещательным путем: в процессе диалога между сторона-

ми, с последующим заключением договора между конфликтующими сторонами. Предполагалось использовать «внутренние» ресурсы воспитанников, которые по мнению Ф.Е. Ангальта и И.И. Бецкого имели достаточную силу чтобы конфликтующие стороны сами разрешили свои противоречия. Влияние взрослых в данном вопросе не рассматривалось, так как оно считалось «пагубным». Данная система «свободного воспитания» реализовывалась до смены руководства кадетским классом в конце XVIII начале XIX века, когда управление над Первым Кадетским корпусом перешло к М.И. Кутузову. Он посчитал старую систему ошибочной и полностью изменил подход к воспитанию. Был пересмотрен подход к сущности кадетского образования в России, когда от свободного гражданско-военного воспитания произошел переход к полностью военным доктринам. Кадетское образование стало предвоенным специализированным образованием, что в свою очередь изменило набор санкций и вариантов урегулирования конфликта. Главным источником завершения конфликта в новом формате стали офицеры воспитатели. Свободный характер воспитания изменился на директивно-приказной. Договорная форма между воспитанниками изменилась на директивное управление, когда конфликт пресекался путем управленческого воздействия со стороны офицерского состава. Данный подход к предупреждению и управлению конфликтами продолжается в той или иной мере на современном этапе. Эти идеи были положены в систему воспитания в Суворовских военных училищах и кадетских классов в современное время.

Особенности современного состояния конфликтности в кадетском образовании

На современном этапе кадетское образование имеет различные варианты конфликтности. Согласно исследованию И.С. Петронюк – исследователя межличностных конфликтов в школьной кадетской среде, 91% воспитанников имеют психологические проблемы при зачислении в ряды кадетов. Как показано в данном исследовании, большинство проблем абитуриентов и кадетов связаны с различными конфликтами в организации. Анализируя данные, приведенные в работе, можно выделить такие типы конфликтов, как – нормативный конфликт (представленный 72% опрошенных, коммуникативный 8,5% и адаптационный 8,5%). Среди проблем, которые выделяет автор, представляет нарушения ценностно-ориентационных связей между личными и социальными у 46% воспитанников первого года обучения. Однако автором отмечается, что проработка таких конфликтов происходит у воспитанников самостоятельно при условии статичности социальной системы, в которой они находятся [6].

Описанные в работе И.С. Петронюк данные позволяют провести типологию конфликтов в ка-

детских классах. В зависимости от функциональной значимости для дальнейшего взаимодействия кадетов можно выделить функциональный и дисфункциональный конфликты.

Исходя из данной классификации рассмотрим различные подходы к типологизации конфликтов. Конфликты различаются по: субъектно-объектным отношениям, масштаба, степени вовлеченности, осознания каждой из сторон. Говоря об участии личности в конфликте, можно выделить внутриличностный, межличностный, а также личности и группы, межгрупповой.

Межличностный конфликт – характеризуется встречей интересов двух личностей, которые стараются завладеть объектом конфликтом: материальной ценностью, знанием, обладанием того или социального статуса.

В зависимости от масштаба конфликта исследователи выделяют: межгосударственные, мировые; по сфере возникновения: экономические, политические, этнические, между государственными структурами и подведомственными органами, между финансово-экономическими институтами или институтами гражданского поля (межинституциональный).

Рассматривая кадетское образование к числу конфликтов возможно выделить адаптационный конфликт. Интерес исследователей направлен на то, что молодому человеку не всегда удается сразу осознать трудности адаптации в новой

социальной среде, в которой к воспитаннику кадетского класса предъявляются не только общешкольные требования (опрятность, успеваемость, нормы этикета, дисциплины), а также специфические нормы, предъявляемые к военнослужащим: соблюдение социальных норм как внутри образовательной организации, так и за ее пределами, защита чести и совести «солдата».

Анализ существующей системы взаимодействия в конфликтах позволил выделить то, что в зависимости от уровня восприятия и усвоения социальных норм в кадетском образовании выделим:

- нормативный конфликт, возникающий в результате нарушений в выполнении формальных правил и норм;
- адаптационный конфликт, который связан с усвоением правил и норм в периоде адаптации молодого человека к «кадетской жизни»;
- коммуникационный конфликт, в основании которого лежит недостаточное понимание и усвоение норм кадетского класса.

Приведенная типология конфликта представлена в таблице, в которой показаны также основные методы, используемые для урегулирования и разрешения конфликтов в кадетских образовательных организациях в разные периоды: на этапе становления кадетского образования в XVIII – начале XIX в., во второй половине XX в. и начала XXI в.

Таблица 1. Типы конфликтов и методы их разрешения

Тип конфликта	Традиционное разрешение конфликта	Современное разрешение конфликта	Инновационное разрешение конфликта
Нормативный конфликт	1. Разговор воспитанников с офицерским составом, в процессе которого разъясняются новые социальные нормы. 2. Директивные методы (устав школы, устав кадетского класса, иные локальные нормативные акты)	1. Разговор управленческого состава с родителями воспитанника о важности разъяснения ему требований кадетского корпуса в рамках встреч с родителями. 2. Классные часы с воспитанниками, на которых объясняется необходимость усвоения «новых» социальных норм и правил для детей. 3. Разговор воспитанников с офицерским составом, в процессе которого разъясняются новые социальные нормы. 4. Директивные методы (устав школы, устав кадетского класса, иные локальные нормативные акты)	1. Использование тренинговых мероприятий в виде игр для простого усвоения норм и ценностей кадетского коллектива (в игровой форме). 2. Привлечение ресурса семьи, как канала для транслирования социальных норм и ценностей воспитанникам
Дисфункциональный конфликт	1. Мотивирующие санкции (выговор за несоблюдение социальных норм и функций, выдача грамот и знаков отличия за исполнение обязанностей кадета и примерное поведение, применение телесных наказаний). 2. Усиление социального контроля. Исключение из числа кадетов	Мотивирующие санкции (выговор за несоблюдение социальных норм и функций, выдача грамот и знаков отличия за исполнение обязанностей кадета и примерное поведение)	1. Анализ социальной напряженности путем проведения специального анкетирования. 2. Использование личностных черт управленческого состава как ресурса для предупреждения конфликта. Работа с коммуникационными потоками, транслирование требований через релевантных к воспитанникам лицам

Окончание

Тип конфликта	Традиционное разрешение конфликта	Современное разрешение конфликта	Инновационное разрешение конфликта
Адаптационный конфликт	1. Изучение уставного поведения кадетов в новой социальной обстановке Постепенное расширение требований к воспитанникам соответствующие уставу кадетского класса	1. Ознакомление воспитанников с опасностями кадетского образования на классных часах и родительских встречах. 2. Изучение уставного поведения в кадетской социальной среде. Постепенное расширение требований к воспитанникам соответствующие уставу кадетского класса	1. Проработка со штатным психологом/социальным педагогом причин возникновения конфликта. 2. Привлечение медиативного специалиста

Представленная таблица отражает основные выделенные типы конфликтов, которые проявляются в кадетской среде и влияют на поведение воспитанников, а также методы их урегулирования. Первоначально конфликты характеризуются вариантами действий урегулирования конфликтной ситуации, которые практиковались на рубеже XVIII – начала XIX вв. и были характерны для традиционных методов воздействия на конфликт. Далее показаны современные методы урегулирования конфликтов, которые используются в практике. В настоящее время разработаны инновационные методы урегулирования конфликтов, которые прежде всего направлены на формирование конфликтной компетентности.

Исходя из проведенного сравнительного анализа можно сделать вывод о том, что на современном этапе в большинстве своем предупреждение конфликтов имеет исторический базис с незначительным добавлением изменений.

Выводы

В процессе данного исследования были выявлены три основных конфликта, которые существуют в кадетском образовании. Была проведена их классификация и систематизация. Также были рассмотрены традиционные, современные и инновационные варианты разрешения конфликта. При процессе систематизации полученных данных путем занесения их в таблицы была обнаружена закономерность перехода традиционных вариантов урегулирования конфликта на современном этапе, что позволяет сделать вывод о том, что современное кадетское образование, согласно своей концепции, имеет высокую степень традиционности, мы видим явное ее (традиционности) преобладание, что дает возможность сделать вывод о том, что в систему необходимо внести инновационный аспект, в связи с этим в таблицу были занесены предложения об инновационных изменениях.

Предполагается, что инновационный генезис может послужить инструментом для последующего снижения конфликтности в предвоенном образовании и формировании более новой, гибкой системы, целью которой будет более ускоренное

предупреждение и выявление противоречий и их быстрое устранение.

Литература

1. Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации на 2012–2020 годы. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/71296398/?ysclid=mgg9h-filtp762487408> (дата обращения: 10.09.2025).
2. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ № 400 от 02.07.2021 (ред. от 22.07.2023). – [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Ангальт Ф.Е. Завтрак кадетского корпуса. – СПб., 1790.
4. Пастухова Е.Г. От наказания к диалогу: практика школьных служб примирения // Социальная психология и общество. – 2025. – Т. 16. – № 2. – С. 155–176.
5. Парсонс Т. Социальные системы. – Л., 1965.
6. Петронюк И.С. Особенности межличностных отношений воспитанников кадетских корпусов // Психологическая наука и образование. – 2008. – Том 13. – № 1. – С. 45–49.
7. Зиммель Г.; [пер. с нем.]. »Kreuzung sozialer Kreise«.
8. Осипова Е.В. Парсонс // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / пред. науч.-ред. совета В.С. Стёпин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Мысль, 2010. – Т. – 2816 с.
9. Новостной портал «NewDayNews»: [Электронный ресурс]. – URL: <https://newday-news.ru/moscow/678823.html?ysclid=m1yw128r7e732939160> (дата обращения: 20.09.2025). – Загл. с экрана.

THE INFLUENCE OF THE TYPE OF CONFLICT IN THE CADET CLASS ON THEIR RESOLUTION

Spichenko A.A.

Moscow City Pedagogical University

In the development of modern society, conflict is an integral element of social life. It can indicate various problems in the development of society and serve as a "marker" of the presence of a social problem. A system for conflict prevention in cadet classes has not yet been fully developed. Currently, it is based on the applied aspects of

general concepts of mediation and general school practices. Conflict research is important because it is essential for the successful socialization of cadets, increasing the effectiveness of educational activities, as reflected in the Patriotic Education Development Strategy. Developing research on the characteristics of conflicts in cadet classes and ways to prevent them fulfills the goal of fostering civil peace and harmony in the Russian Federation [2].

Conflicts in educational institutions are an integral part of the functioning of the social system. The type of conflict directly depends on the specific method used for its mediation. As E.G. Pastukhova notes in her work, the typology of conflict directly depends on the method used to resolve it: traditional methods, while in some cases innovative mediation practices, such as a special body, are used [4].

Keywords: traditions, innovations, cadet education, patriotic education, conflict.

References

1. Concept of Patriotic Education of Citizens of the Russian Federation for 2012–2020. – [Electronic resource]. – URL: <https://base.garant.ru/71296398/?ysclid=mgg9hfiltp762487408> (date of access: 10.09.2025).
2. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation № 400 of 02.07.2021 (as amended on 22.07.2023). – [Electronic resource]. – Access from the reference and legal system “ConsultantPlus”.
3. Anhalt F.E. Breakfast of the Cadet Corps. – St. Petersburg, 1790.
4. Pastukhova E.G. From Punishment to Dialogue: The Practice of School Reconciliation Services // *Social Psychology and Society*. – 2025. – Vol. 16. – № 2. – P. 155–176.
5. Parsons T. Social Systems. – L., 1965.
6. Petronyuk I.S. Features of Interpersonal Relationships of Cadet Corps Pupils // *Psychological Science and Education*. – 2008. – Vol. 13. – № 1. – P. 45–49.
7. Simmel G.; [translated from German]. “Kreuzung sozialer Kreise”.
8. Osipova E.V. Parsons // *New Philosophical Encyclopedia*: in 4 volumes / chairman of the scientific editorial council V.S. Stepin. – 2nd ed., corrected. and enlarged. – M.: Mysl, 2010. – Vol. – 2816 p.
9. News portal “NewDayNews”: [Electronic resource]. – URL: <https://newdaynews.ru/moskow/678823.html?ysclid=m1y-w128r7e732939160> (accessed: 20.09.2025). – Title from the screen.

Интернет-коммуникация как фактор формирования речевой культуры студенческой молодежи: оценка преподавателей и студентов

Бочарова Ольга Евгеньевна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет»

E-mail: bocharova_olga@inbox.ru

Шнайтер Светлана Алексеевна,

студент кафедры социологии и политологии ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет»

E-mail: shnayter07@mail.ru

Актуальность исследования обусловлена стремительной цифровизацией общества и проникновением языковых норм цифровой среды в повседневное и академическое общение. Статья посвящена анализу трансформации речевой культуры студенческой молодежи под влиянием интернет-коммуникации. В работе используется структурно-функциональный подход к анализу речевой культуры, рассматривающий ее через призму нормативного, коммуникативного и этического компонентов. В рамках исследования, проведенного на базе Тульского государственного университета с использованием методов экспертного опроса ($n = 20$) и фокус-групп ($n = 16$), осуществлен сравнительный анализ оценок влияния интернет-коммуникации на речевую культуру со стороны преподавателей и студентов как ключевых групп академического сообщества. В ходе исследования выявлена значительная дивергенция в восприятии изучаемого феномена: преподаватели указывают на риски снижения грамотности и клиширования мышления, в то время как студенты склонны рассматривать цифровые коммуникативные практики как инструмент адаптации и экспрессивности.

Ключевые слова: речевая культура, интернет-коммуникация, поколение Z, языковые нормы, академическое сообщество, цифровизация образования.

Введение

В условиях современного общества процессы информатизации продолжают свое качественное и количественное развитие, охватывая все сферы жизнедеятельности. В частности, можно выделить информационно-коммуникативные технологии, которые оказывают большое влияние на социально-культурное взаимодействие людей. Непосредственное межличностное общение активно дополняется, а в некоторых случаях и замещается опосредованным взаимодействием через социальные сети, мессенджеры и видеоплатформы [1, с. 126–127]. Происходит виртуализация социальных связей, формируются новые цифровые сообщества по интересам, стирающие географические и социальные границы. Кроме того, стремительно развиваются такие форматы, как дистанционное образование и удаленная занятость. Можно констатировать, что интернет-коммуникация становится доминирующей средой для социального взаимодействия, что закономерно оказывает прямое влияние на различные аспекты человеческой деятельности, в том числе на языковое поведение и речевую культуру.

Под речевой культурой следует понимать совокупность знаний, умений и навыков устной и письменной речи, используемых в определенной ситуации общения и при соблюдении этики общения для достижения необходимого эффекта в достижении поставленных задач коммуникации [2, с. 4]. При этом интернет-коммуникация влияет на все структурные компоненты речевой культуры. Так, Н.Л. Кочкина, Г.Г. Плотнокова, Е.Н. Ширяев выделяют три компонента речевой культуры:

1) нормативный (соблюдение орфоэпических, грамматических, синтаксических и других норм письменной и устной речи);

2) коммуникативный (коммуникативные элементы речи, обеспечивающие целесообразность и качество информационного обмена, а также эффективность коммуникации);

3) этический (владение нормами и правилами речевого поведения в процессе общения, владение системой речевых формул и знаков общения, умение использовать правила языкового поведения в конкретных ситуациях общения) [3].

А.Н. Бочкарева, Л.В. Гарибова, Т.В. Деркач выделяют другие компоненты речевой культуры: когнитивный, предполагающий наличие теоретических знаний, практических речевых умений

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта ректора ТулГУ для обучающихся по образовательным программам высшего образования – программам магистратуры, № НИЧ-8970/СиП/24/03/ГРР_М.

и риторических навыков, необходимых для осуществления речевой деятельности деятельностный, как комплексное применение социальных, коммуникативных, профессиональных знаний, понятий, умений; мотивационный, который предполагает осознанное отношение специалиста к профессионально-речевой культуре и ее роли в профессиональной деятельности, устойчивую мотивацию к ее развитию и совершенствованию [4, с. 426]. Кроме этого, М.В. Соловьева выделяет рефлексивный компонент, позволяющий индивиду оценивать собственную речевую деятельность и ее результаты, планировать индивидуальный маршрут культурно-речевого совершенствования [5].

Формирование речевой культуры происходит во время социализации личности, однако структурные изменения речевой культуры происходят на протяжении всей жизни. Стоит отметить, что культура речи является показателем уровня культуры человека в целом, а также отражает определенные культурные и социальные особенности среды человека. Таким образом, культура является одним из главных факторов формирования речевой культуры. Образование также играет важную роль в этом процессе. Примечательно, что образование, оказывая влияние на речевую культуру студентов, одновременно повышает эффективность и качество самого учебного процесса, а также усвоения знаний и формирования профессиональных качеств будущих специалистов [6, с. 181]. С этой точки зрения, интернет-коммуникация оказывает наиболее сильное влияние именно на речевую культуру молодежи, в частности студентов. Во-первых, процесс их социализации и формирования идентичности изначально протекает параллельно в реальном и цифровом пространствах, где интернет-медиа, социальные сети и тематические форумы выступают равноправными акторами трансляции социально-культурных норм и речевых паттернов [7, с. 19]. Во-вторых, сама образовательная среда активно интегрирует цифровые технологии, дистанционные форматы и онлайн-взаимодействие, наделяя интернет-коммуникацию статусом неотъемлемого инструмента учебного процесса. Эта двойная интеграция, личностная и институциональная, обуславливает наибольшую интенсивность и глубину воздействия интернет-коммуникации на речевую культуру студентов, затрагивая все ее структурные компоненты: нормативный, коммуникативный и этический.

Молодежь быстро осваивает новые средства коммуникации и адаптируется к новым языковым нормам, возникающим в сети. Специфическими чертами интернет-пространства являются субъективность информации, интерактивность, гипертекстуальность, глобальность, анонимность и эмоциональная ограниченность общения. Все

это оказывает комплексное влияние на состояние речевой культуры в целом, способствуя доминированию интернет-языка как новой формы языкового взаимодействия, характеризующейся широким использованием сленга и жаргонизмов. К основным элементам интернет-сленга относятся заимствования из иностранных языков (в частности, геймерские термины), сокращения и аббревиатуры, а также использование мемов, смайлов (эмодзи) и стикеров [8, с. 121].

Речевая культура студента выступает показателем общей культуры будущего профессионала, культуры его мышления, восприятия окружающей действительности и поведения. Ее формирование составляет неотъемлемый элемент высшего профессионального образования и является обязательным требованием к подготовке будущих специалистов. В связи с этим, проблема формирования речевой культуры, а также характер и степень влияния на нее интернет-коммуникации приобретают особую научную значимость.

Исследование

В целях определения текущего состояния речевой культуры студентов и влияния на нее интернет-коммуникации в 2024 году на базе лаборатории социально-политических исследований Тульского государственного университета были проведены экспертный опрос и серия фокус-групп. В исследовании приняли участие 20 экспертов – преподаватели Института гуманитарных и социальных наук, а также 16 студентов первого и третьего курсов того же института. Выборка включала представителей кафедры социологии и политологии, кафедры психологии и кафедры лингвистики.

В современных условиях представители различных научных дисциплин сходятся во мнении, что традиционные механизмы коммуникационного взаимодействия вытесняются более современными технологиями. Больше всего создание интернета повлияло на коммуникацию. Общение в виртуальной среде происходит с помощью своеобразного дискурса, сформировавшегося в компьютерных сетях, опирается на свои нормы, запреты, эмоциональную атмосферу. Передача информации и обмен сведениями с применением компьютерных сетевых технологий называются интернет-коммуникациями. В этой сфере используются новейшие способы и методы взаимодействия.

Учитывая сложность и неоднозначность трактовки термина «интернет-коммуникация», участникам исследования было предложено охарактеризовать данное явление. Преподаватели-эксперты определили следующие ключевые особенности коммуникации в интернете: анонимность, активное использование смайлов, стикеров и эмодзи, высокая скорость передачи информа-

ции, а также распространенность сленга, сокращений, жаргонизмов и аббревиатур.

Одним из значимых аспектов речевой культуры является использование сленга и жаргонизмов. По мнению экспертов, речевая культура представляет собой грамотную и поставленную речь, сохраняющую определенную стилистику и логику передачи информации, не допускающую грамматических и речевых ошибок. Следовательно, наличие сленга или жаргонизмов, особенно в профессиональном или деловом общении, считается недопустимым. В связи с этим преподаватели крайне редко используют интернет-сленг в процессе профессиональной деятельности, изредка допуская его в личной неформальной беседе. Таким образом, большинство экспертов полагают, что употребление интернет-сленга в образовательном процессе скорее неуместно. Студенты, напротив, считают его использование вполне допустимым как для преподавателей, так и для самих студентов, но лишь в определенных ситуациях.

При этом преподаватели все-таки выделяют моменты, когда использование интернет-сленга допустимо и может преследовать конкретные цели – например, привлечение внимания аудитории. Сленг также может быть непосредственно связан с содержанием профессиональной деятельности. Так, специалисты в области филологии нередко используют интернет-сленг на занятиях со студентами при переводе текстов или для объяснения стилистических особенностей. При этом эксперты единодушно отмечают, что студенты употребляют в речи интернет-сленг крайне часто, в основном в процессе межличностной коммуникации с одноклассниками и друзьями во внеучебное время. Студенты отмечают, что после неформального общения им бывает сложно переключиться на деловой стиль речи на занятиях или в официальной переписке. В целом, интернет-сленг присутствует в образовательной среде как у студентов, так и у преподавателей, однако в процессе обучения студентам следует в большей степени придерживаться официально-делового стиля, традиционно для академической среды и предполагающего активное использование профессиональной лексики и научных терминов.

Еще одной отличительной особенностью интернет-коммуникации является активное использование смайлов (эмодзи), стикеров и реакций. Эксперты полагают, что эта практика негативно влияет на способность ясно и четко формулировать и излагать свои мысли, поскольку формирует привычку выражать эмоции и сложные идеи с помощью «картинок», минуя необходимость вербального выражения. Студенческая молодежь придерживается противоположной точки зрения, считая, что визуальные элементы позволяют проще и точнее выражать эмоции и упрощают диалог: «Проще использовать смайлы и «гифки», чем

пытаться выразить эмоции словами». При этом часть участников фокус-группы указали на то, что подобные средства коммуникации в социальных сетях и мессенджерах могут негативным образом влиять на способность грамотно формулировать смыслы, а также выражать эмоции. Специалисты в области психологии, участвовавшие в опросе, акцентируют внимание на важности невербальных каналов коммуникации в живом общении. «При личной коммуникации мы видим улыбку, взгляд, позу, мимику, вегетативные симптомы и так далее. Такая информация позволяет многое узнать о коммуникаторе, чего мы лишены в интернет-общении», – отмечает Е.В. Федулова, старший преподаватель кафедры психологии. Таким образом, смайлы и эмодзи, по мнению экспертов, не способны в полной мере передать эмоциональное состояние собеседника из-за отсутствия невербального контекста и в конечном итоге ведут к упрощению и обеднению речи студентов.

Важным негативным последствием воздействия интернет-коммуникации на речевую культуру, по мнению преподавателей, является рост количества пунктуационных, речевых и грамматических ошибок в письменных работах студентов (курсовых, статьях) и в устной речи (выступлениях, ответах на семинарах). Эксперты связывают эту тенденцию с недостаточной начитанностью студентов, влиянием интернет-сленга и привычкой к быстрому, неотредактируемому набору текста. Студенты, в свою очередь, демонстрируют большую уверенность в своем уровне грамотности и не склонны замечать подобные ошибки ни у себя, ни у одноклассников.

Несмотря на названные негативные последствия использования интернет-коммуникации, можно выделить ряд положительных аспектов таких, как возможность непосредственной и быстрой передачи информации, доступность и легкость общения вне зависимости от географического фактора, передача информации при помощи аудио и видео-сообщений. Интернет-пространство обладает особой системой контроля за грамматикой и орфографией. Например, Т9 – это система интеллектуального набора текста. Она предлагает выбрать варианты из словаря, которые не требуется допечатывать вручную. Словарь Т9 составляется на основе часто набираемых слов. Система Word Office также обладает системой проверки написанного текста, выделяя орфографические и пунктуационные ошибки. Вследствие чего студент привыкает к такому роду «помощи» в написании текста и, таким образом, у человека снижается степень контроля своей речи и грамотности. Таким образом, воздействие интернет-коммуникации негативно влияет на состояние речевой культуры студентов. Нередко студенческая молодежь совершает грамматические, пунктуационные и речевые ошибки и может испытывать за-

труднения грамотно и логично излагать свои мысли, формулируя сложные предложения, сохраняя логику и стилистику.

Эксперты отмечают, что в процессе получения высшего образования речевая культура студентов видоизменяется. «На первом курсе студенты мало разговаривают, в связи с чем речевая культура находится на низком уровне, но с учетом выступлений и ответов у доски на семинарских занятиях, студенты начинают лучше говорить, а мы их немного направляем», – говорит Скворцова Елена Валерьевна, кандидат филологических наук. Также студенты первого и третьего курсов заметили, что в процессе обучения речевая культура значительно улучшилась, благодаря определенным дисциплинам и устным ответам у доски. Среди факторов, определяющих изменения речевой культуры, стоит выделить специализированные предметы, например «Деловая коммуникация», которые направлены на повышение грамотности студентов, изучения речевых норм и повышения общей культуры. Среди прочих способов повышения речевой культуры студентов специалисты и студенты называли написание статей и курсовых работ, выступления на семинарских занятиях и конференциях без опоры на текст. Выступления предусматривают работу с научным материалом, анализ литературы и научных терминов. Таким образом, текущая образовательная программа оказывает положительное влияние на формирование и развитие речевой культуры студентов. Особенно это наблюдается среди гуманитарных направлений подготовки. Гуманитарные дисциплины формируют эффективную устную и письменную коммуникацию и критическое мышление.

Заключение

Подводя итоги, следует констатировать наличие значимой дивергенции в оценках влияния интернет-коммуникации. Большинство экспертов указывают на снижение уровня речевой культуры студентов, подкрепляя этот вывод сравнением с предыдущими поколениями и акцентируя негативное воздействие цифровой среды. Студенты, напротив, оценивают свой уровень речевой культуры как достаточно высокий и отмечают его прогресс в процессе обучения. Несмотря на это расхождение, позиции обеих групп сходятся в признании ключевой роли высшего образования в целенаправленном формировании речевой культуры и в констатации того, что интернет-коммуникация стала необратимым фактором современной коммуникативной реальности.

Указанное противоречие в восприятии представляется закономерным и отражает фундаментальное различие позиций референтных групп. Оно возникает между внешней, экспертной оценкой преподавателей, ориентированной на соблюдение языковых норм, и внутренней оцен-

кой студентов, исходящей из практики повседневной цифровой коммуникации. Для преподавательского сообщества, сформировавшегося в условиях доминирования традиционных медиа, интернет-дискурс зачастую воспринимается как фактор, способствующий снижению грамотности и размыванию языковых стандартов. Для современного студенчества онлайн-среда представляет собой естественную коммуникативную среду, предоставляющую средства для самовыражения и адаптации к высокоскоростному информационному обмену.

Выявленная дивергенция оценок является не просто следствием возрастного или профессионального разрыва, но отражением масштабного социокультурного трансформационного процесса. Академическое сообщество в настоящее время находится в состоянии поиска нового баланса между необходимостью сохранения языковых норм, обеспечивающих преемственность культурных традиций, и интеграцией новых коммуникативных практик, порожденных цифровой средой.

В настоящий момент важной задачей, стоящей перед государством, является сохранение культуры и языковой идентичности. Несмотря на естественный характер развития интернет-коммуникации, наша речь содержит большое количество англицизмов и т.д. Однако стоит учитывать, что повышение контроля над языком, запрет использования определенных речевых форм в то же время препятствует естественному развитию языка, культурному развитию общества в целом. Кроме этого, в рамках образовательного процесса стоит уделять больше внимания формированию речевой культуры студентов начальных курсов путем включения новых (для технических специальностей), развития существующих дисциплин, предметом которых является коммуникация и языковые нормы. Необходимо стимулировать участие студентов в существующих формах образовательного процесса (семинары, конференции и так далее).

Таким образом, тема речевой культуры требует дальнейшего изучения как в теоретическом, так и в эмпирическом аспекте. В настоящий момент в разных науках существует проблема определения сущности речевой культуры и ее элементов, а также соотношения с другими понятиями. Данный феномен требует эмпирического изучения и мониторинга, что позволит не только анализировать состояние речевой культуры общества и принимать соответствующие меры, но и развиваться российскому обществу в культурном плане, сохраняя традиции и существующие нормы.

Литература

1. Омелянчук С.Ю. Социальные сети – новый способ коммуникации / Ю.С. Омелянчук, П.Д. Ба-

- бичева, С.М. Шевченко, П.Д. Фидирко // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 6 – С. 126–127. – URL: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=5040> (дата обращения: 08.07.2025).
2. Панина И.Г. Речевая культура в профессиональном общении: учебное пособие. – Петрозаводск: изд-во РИА-КМВ, 2011. – 63 с.
 3. Белова Е.В. Социодинамика речевой культуры студенческой молодежи: Дис. канд. социол. наук: 22.00.06. Белгород, 2007. – 196 с.
 4. Приходько О.В. Сущность и структура речевой культуры в психолого-педагогической литературе / В.О. Приходько // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 9. – С. 424–428. – URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=34866> (дата обращения: 08.07.2025).
 5. Соловьева, М.В. Развитие речевой культуры студентов в образовательной системе технического вуза: Дис. канд. пед. наук: 13.00.01. Ростов-на-Дону, 2000. – 195 с.
 6. Терехов П.П. Формирование речевой культуры студентов в вузе / П.П. Терехов, М.Г. Низамутдинова, Ш.Ф. Мухаметзянова // Вестник КазГУК И. – 2024. – № 4. – С. 179–184. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-rechevoy-kultury-studentov-v-vuze> (дата обращения: 08.07.2025).
 7. Кузнецова Е.А. Интернет как фактор социализации молодежи / А.Е. Кузнецова // Социология. – 2023. – № 6. – С. 19–26. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-kak-faktor-sotsializatsii-molodezhi> (дата обращения: 08.07.2025).
 8. Чиркова В.М. Социокультурные особенности интернет-коммуникаций в студенческой среде / М.В. Чиркова // АНИ: педагогика и психология. – 2024. – № 1 (46). – С. 120–123. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnye-osobennosti-internet-kommunikatsiy-v-studencheskoy-srede> (дата обращения: 08.07.2025).

ONLINE COMMUNICATION AS A FACTOR IN THE FORMATION OF STUDENT SPEECH CULTURE: AN ASSESSMENT BY TEACHERS AND STUDENTS¹

Bocharova O.E., Shnayter S.A.
Tula State University

The relevance of this study is determined by the rapid digitalization of society and the penetration of digital language norms into everyday and academic communication. This article analyzes the transformation of student speech culture under the influence of online communication. The study uses a structural-functional approach to analyzing speech culture, examining it through the prism of normative, communicative, and ethical components. A study conducted at Tula State University using expert surveys (n=20) and focus groups (n=16) was conducted to compare faculty and students' assessments of the impact of online communication on speech culture, as measured by key groups in the academic community. The study revealed significant divergence in perceptions of the phenomenon under study: faculty point to the risks of declining literacy and clichéd thinking, while students tend to view digital communication practices as a tool for adaptation and expressiveness.

Keywords: speech culture, online communication, Generation Z, language norms, academic community, digitalization of education.

References

1. Omelyanchuk S. Yu. Social networks – a new way of communication / Yu. S. Omelyanchuk, P. D. Babicheva, S. M. Shevchenko, P. D. Fidirko // International Journal of Experimental Education. – 2014. – № 6 – pp. 126–127. – URL: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=5040> (date of access: 07/08/2025).
2. Panina I. G. Speech culture in professional communication: a tutorial. – Pyatigorsk: RIA-KMV Publishing House, 2011. – 63 p.
3. Belova E. V. Sociodynamics of speech culture of student youth: Dis. Cand. Sociological Sciences: 22.00.06. Belgorod, 2007. – 196 p.
4. Prikhodko, O. V. "The Essence and Structure of Speech Culture in Psychological and Pedagogical Literature." Fundamental Research, 2014, № 9, pp. 424–428. Available at: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=34866> (accessed July 8, 2025).
5. Solovieva, M. V. "Development of Students' Speech Culture in the Educational System of a Technical University." Cand. Sci. (Pedagogical Sciences) Dissertation, 13:00.01. Rostov-on-Don, 2000, 195 p.
6. Terekhov P. P. Formation of students' speech culture at the university / P. P. Terekhov, M. G. Nizamutdinova, Sh. F. Mukhametzyanova // Bulletin of KazGU I. – 2024. – № 4. – pp. 179–184. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-rechevoy-kultury-studentov-v-vuze> (date of access: 07/08/2025).
7. Kuznetsova E. A. The Internet as a factor in the socialization of youth / A. E. Kuznetsova // Sociology. – 2023. – № 6. – pp. 19–26. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-kak-faktor-sotsializatsii-molodezhi> (date of access: 07/08/2025).
8. Chirkova V. M. Sociocultural Features of Internet Communications among Students / M. V. Chirkova // ANI: pedagogy and psychology. – 2024. – № 1 (46). – pp. 120–123. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnye-osobennosti-internet-kommunikatsiy-v-studencheskoy-srede> (date of access: 07/08/2025).

¹ The study was carried out with the financial support of the grant of the rector of Tula State University for students in higher education programs – master's programs, No. NICH-8970 / SiP / 24/03 / GR-R_M.

Проблема верификации экспертного знания в условиях развития искусственного интеллекта

Воскресенский Алексей Александрович,

кандидат философских наук, заведующий кафедрой философской антропологии и истории философии, Институт философии человека, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
E-mail: voscres@gmail.com

Иванов Данила Алексеевич,

Ассистент кафедры связей с общественностью и рекламы, Институт философии человека, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
E-mail: frejkinm@ Herzen.spb.ru

Статья рассматривает проблему верификации экспертного знания в контексте стремительного развития генеративного искусственного интеллекта. Авторы анализируют исторические и философские аспекты понятия экспертности, начиная с античных философов и заканчивая современными эпистемологическими концепциями. Традиционные критерии экспертности (авторитетность, ответственность, научность) подвергаются переосмыслению в свете новых технологических реалий. Внедрение искусственного интеллекта в экспертную деятельность приводит к появлению новых вызовов: снижение доверия к экспертам, увеличение числа непроверенных оценок, а также появление нового субъекта знания – самого генеративного искусственного интеллекта. Статья исследует основные подходы к использованию искусственного интеллекта в экспертизе.

Ключевые слова: экспертное знание, эксперт, эпистемический авторитет, генеративный искусственный интеллект, нейросети, верификация, критерии экспертности, экспертиза.

Вопросы понимания роли экспертного знания остаются крайне актуальными. В прошлом столетии к феномену экспертности и экспертному знанию как таковому обращались известные философы Д. Белл, М. Вебер, У. Бек, У. Эко, Х. Ортега-и-Гассет, П. Фейерабенд, Э. Дюркгейм, Ю. Хабермас и др. Они подвергали анализу основы экспертного знания, процесс формирования экспертных суждений, рассматривали статус эксперта в обществе и этические проблемы его работы.

В работах современных ученых все чаще отмечается определенный кризис экспертного знания (Шапиро, Шкорубская, 2024: 129–145). Прежде всего, такие оценки в публичном дискурсе связаны с проблемами увеличения числа экспертов, снижением качества экспертного знания, снижением доверия к эксперту, большой противоречивостью экспертных оценок по одним и тем же вопросам. Более того, стоит серьезная задача верификации экспертного знания: в динамично меняющемся мире обществу сложно понять, кто является истинным экспертом. Й. Хейзинга писал: «Для того, кто зовется софистом или ритором, не стремление к истине, а обладание сознанием личной, индивидуальной правоты служит путеводной нитью и целью» (Й. Хейзинга, 2022: 218). В средние века многие схоласты также часто зарабатывали деньги на знании, которым они не обладали на должном уровне. Так, Абельяр писал, что в шутку и по подстрекательству товарищей за хорошие деньги толковал Священное писание, в то время как преподавал до этого только физику (Abelard, I–II).

В контексте современной проблематики можно обратиться к работам, содержащимся в двух современных сборниках “Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology” («Рутледжский справочник по публичным коммуникациям в науке и технологиях») (Bucchi, Trench, 2021) и “The Oxford Handbook of Expertise and Democratic Politics” («Оксфордский справочник по экспертизе и демократической политике») (Eyal, Mendez, 2023). Кроме того, одной из центральных работ последнего десятилетия по обозначенной теме можно назвать книгу Т. Николса «Смерть экспертизы» (Николс, 2017). Автор также затрагивает темы доверия к экспертному знанию, видоизменения статусных характеристик эксперта и роли высших учебных заведений в работе с экспертным знанием.

Исследование выполнено за счет внутреннего гранта Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (проект № 47-ВГ).

В отечественной науке также можно заметить значительно возросший интерес к экспертному знанию. Б.И. Пружинин обращается к экспертизе как эпистемологическому феномену (Пружинин, 2021: 393–402). Л.А. Тухватуллина продолжает рассматривать проблему доверия ученым, которые также выступают в роли экспертов (Тухватулина, 2023: 6–20).

В современном обществе знания приобретают все большую значимость. А значит – возрастают риски, связанные с их применением и репрезентацией. Так, для экспертного знания краеугольным остается вопрос применения выработанного решения, а затем и ответственности за его последствия. Ответственность становится независимым критерием оценки итогов этого процесса. Это отмечает А.А. Мейнард в «Манифесте социально-релевантной науки и технологии» (Maynard, 2008).

К тому же любое нововведение невозможно представить без экспертных оценок. Экспертиза проводится на всех этапах реализации тех или иных инновационных проектов. Экспертное знание, «которым располагают лица, принимающие решения, и осознаваемые ими мера и степень ответственности, становится элементом легитимации инноваций» (Корниенко, 2018: 69–79).

Так что же лежит в основе экспертного знания? Фейерабенд писал, что всякие экспертные суждения и любые обсуждения их должны лежать исключительно в поле рационального (Фейерабенд, 2010: 378). Созвучны этому и требования коммуникативной рациональности, предложенные Ю. Хабермасом (Хабермас, 2011: 26–75).

Итак, если экспертное знание рационально, а критерием экспертных решений является ответственность – то «кризис экспертности» будет связан с разрушением рациональных основ и, соответственно, с отсутствием необходимости нести ответственность за то или иное высказанное экспертное суждение. Кроме того, экспертное знание становится массовым и доступным, а процесс экспертной коммуникации – ситуационным, отвечающим не стратегическим целям общества, а конъюнктурным задачам (Манцева, 2018: 63).

Разумеется, в этой связи особого внимания заслуживают технологии искусственного интеллекта. Средства генеративного искусственного интеллекта позволяют быстро анализировать информацию, компилировать новые объекты, а также вырабатывать ответы на заданные запросы. Нейросети способны поддерживать диалог, формулировать суждения и оценки, анализировать предложенные концепции, выявлять их преимущества и недостатки. В этих условиях проблема верификации экспертного знания становится чрезвычайно актуальной. Как определить и гарантировать подлинность экспертного знания, когда его источником все чаще выступает искусственный

интеллект? Какие философские вызовы ставит перед нами эта трансформация?

Проблемы верификации экспертности, достоверности экспертных суждений, доверия к самой фигуре эксперта и его эпистемическому авторитету были обозначены еще античными философами. Так, в трудах античных скептиков, которые двигали сомнение как основной принцип мышления, можно найти рассуждение о роли современных им «экспертов» (Маслов, 2020: 63–70). Секст Эмпирик опровергал различные тезисы мудрецов, ссылаясь на их повсеместные разногласия и преданность исключительно своей школе (Секст Эмпирик, 1976). Знание мудреца представлялось конечным, абсолютным и неопровержимым. Однако разнообразные концепции и теории таковыми быть не могут. Согласно более близкой к нам теории фаллибилизма – любое знание не может быть окончательным.

Любое экспертное суждение процессуально может быть выражено в дальнейшем экспертном решении, за которое также будет ответственен эксперт. В Новое время экспертиза проходила уже в определенных институтах. Во Франции времен Генриха IV появилась уникальная Корпорация присяжных мастеров письмоводов, которая занималась экспертизой подписей. В дальнейшем эти институции активно развивались и приобретали сложную структуру.

В XIX веке были даны определенно новые оценки экспертного знания. О. Конт в своих трудах вывел закон о трех стадиях развития общественного знания, согласно которому экспертное знание должно иметь практический характер (Конт, 2003: 256). Э. Дюркгейм связывал экспертности с трудом, повышение производительности которого невозможно без обращения к опыту профессионалов (Дюркгейм, 1996: 432). Понимание положительной тотальности институциональной экспертности дает нам М. Вебер, который видит в бюрократическом аппарате упорядоченность и рациональность, решительность и ответственность (Вебер, 2016: 445).

Итак, в основе экспертности традиционно лежали существенные критерии – авторитетность, ответственность, научность, эмпиричность, практическая ценность заключения эксперта (Воскресенский, Рабош, Султанов, Сунягина, 2021: 8). Эксперт обязан в этом случае соотносить свою деятельность с данными критериями. Конечно, верифицированный эксперт не может существовать обособленно. Речь идет о сформированном экспертном сообществе, которое отличается корпоративностью. Экспертное сообщество – ограниченный круг профессионалов, способных к экспертному суждению и ответственных за дальнейшее экспертное решение вопроса. Истинное экспертное знание, таким образом, элитарно. Быть экспертом – доступно лишь малой части про-

фессионального сообщества и социума в целом. З. Бауман отмечал, что экспертиза – это именно удел небольшого числа специалистов, которые являются переводчиками на язык обывателя сложных и многогранных социальных процессов (Бауман, 2004: 188).

Экспертное знание, по сути, является частью достаточно обширного концепта *testimonial knowledge*, которое отечественными исследователями переводится как «свидетельское знание». Согласно этому подходу эксперт не может давать оценки в той области, в которой он не является «свидетелем», то есть обладает необходимой полнотой знания.

В то же время процессуально эксперт работает с *implicit knowledge* (имплицитным знанием, неявным знанием) и *explicit knowledge* (эксплицитное знание, явным знанием) (Polanyi, 1958). Неявное знание трудно извлечь и сформулировать, а также трудно передать вербально и на письме. В свою очередь явное знание представляет собой простые и понятные формы. Таким образом, на основе определения З. Баумана, можно сказать, что эксперт – это переводчик *implicit knowledge* в *explicit knowledge*.

Кроме того, эксперт оперирует *declarative knowledge* (декларативным, описательным, теоретическим знанием) и *procedural knowledge* (процедуральным знанием, ноу-хау, практическим знанием) (Stanley, 2001: 411–444). Декларативное знание обеспечивает описание конкретных фактов и суждений, а процедуральное используется при принятии решений и достижении поставленных целей. Из этого эксперт технологически обеспечивает аналитическую трансформацию *declarative knowledge* в *procedural knowledge*.

При этом эксперт должен придерживаться принципа эпистемической автономии. Э. Фрикер описывает этот принцип так: «Полностью автономный познающий агент не примет ни одну пропозицию, если только он сам обладает свидетельством, устанавливающим ее истинность» (Fricker, 2006: 225–250).

Ввиду этого эксперт – это лицо, которое стремится на основе истины, рациональности и ответственности к извлечению явного знания (*explicit knowledge*) в области знания практического (*procedural knowledge*).

Тем не менее, большую роль играет верификация этого знания. Веритическая концепция экспертизы, выработанная А. Голдманом, предполагает как данность, что эксперт обладает знанием и способен к анализу, решению и ответственности (Goldman, 2011: 109–133). Это рассуждение созвучно концепции свидетельского знания. В его поле эпистемический авторитет не подвергается сомнению в случае, если профессионал имеет статус эксперта. Вопрос статуса эксперта и его эпистемического авторитета определяется по К. Лереру

«добродетельной петлей» (*virtuous loop*) экспертного сообщества (Lehrer, 2006: 145–159). Основой нашего представления о собственной достоверности и истинности суждений являются свидетельства других людей, чей эпистемический авторитет был уже утвержден и верифицирован этим же образом. Следовательно, экспертность передается в сообществе по некой «спирали», а экспертное знание основано на преемственности. Этим же подчеркивается корпоративный дух экспертного сообщества и важность институционализации его коммуникаций.

В современном мире любые коммуникации усложняются. Медиасистемы атомизируются на большое количество составных частей. Разрушается институционализация экспертности. Ныне экспертом может быть назван любой человек, который обладает аудиторией, легитимизирующей его суждения. Его знания не всегда верифицированы и подтверждены профессиональным сообществом. Собственно, такой «эксперт» и не нуждается в этом. Он не несет полной ответственности за решения, принятые конкретными людьми или обществом в целом на основе его экспертных оценок. Ему достаточно доверия адресатов, которое достигается зачастую с помощью манипулятивных технологий. Однако и сугубо профессиональное сообщество достаточно дифференцировано и разобщено, испытывает сложности в построении корпоративных коммуникаций. Современный эксперт не находится под постоянным контролем, он предоставлен сам себе. Перед ним встает серьезный вопрос использования современных технологий при анализе и подготовке экспертного заключения.

В этот момент он может обращаться к средствам генеративного искусственного интеллекта. Эта технология достаточно быстро поменяла определённые профессиональные паттерны. Уникальность заменяется эффективностью, оригинальность – технологизацией. В информационном обществе становится важным не сложнейший процесс изобретение нового, а аналитика и компиляция. Объемы накопленной информации позволяют актору допустить отсутствие необходимости в новом, что актора объективизирует.

Эксперт также может перестать обращать внимание на уникальность и независимость своего суждения, а все чаще будет вынужден следить за скоростью и эффективностью этого процесса. Конечно, в этом случае как действительный, так и мнимый эксперт может обращаться к искусственному интеллекту. Тогда уже не сам эксперт становится тем самым *ответственным переводчиком, извлекающим знание*. Его процессуально и технологически заменяет машина. Необходимо подвергнуть анализу и этот новый технологический фактор в извлечении экспертного суждения и формулировке экспертного заключения.

Современное общество все более активно использует цифровые технологии, выстраивает коммуникацию в виртуальной среде. Многие элементы жизненных практик уже базируются в ней, или существуют на границах мира реального и виртуального (Чистова, 2023: 95). Технологии искусственного интеллекта стремительно проникли во все сферы жизни. Эта технология коренным образом способна менять коммуникации и методы решения бытовых и профессиональных задач. Искусственный интеллект развивается по различным направлениям: он встроен в поисковые системы, в модули управления роботами и автомобилями, выполняет функции виртуальных помощников, а также включает в себя генеративные и креативные инструменты (нейросети). К самым известным нейросетям можно отнести ChatGPT (компания OpenAI), Midjourney (Midjourney, Inc.), Grok (xAI), DeepSeek (Hangzhou DeepSeek Artificial Intelligence Basic Technology Research Co., Ltd.), YandexGPT (Яндекс) и т.д.

Нужно также отдавать отчет в том, что «Многие передовые разработки искусственного интеллекта проникли в общие приложения, часто не называясь искусственным интеллектом, потому что как только что-то становится достаточно полезным и достаточно распространённым, его больше не называют таковым» (Каплан, Хенлейн, 2019: 15–25). То есть многие инструменты, которые мы используем, в том числе в своей профессиональной деятельности, связаны с нейросетями, однако мы не можем это отследить. Сейчас перечисленные выше компании стремятся к созданию абсолютно новых моделей, позволяющих создать искусственный общий интеллект (AGI), который может выполнять практически любую когнитивную задачу не хуже человека. Так, генеральный директор OpenAI Сэм Альтман на Snowflake Summit заявил, что языковые модели искусственного интеллекта уже играют роль младших сотрудников, потому что пользователи строят свои коммуникации с нейросетями точно так же, как с собственными подчиненными — распределяют задачи нескольким исполнителям, оценивают качество результата и дают обратную связь. Также, по мнению, С. Альтмана нейросети скоро смогут «создавать новое». Это вполне возможно, так как уже существующие модели способны к самостоятельному развитию, используя методы машинного обучения. Развиваются и такие направления как социальный искусственный интеллект, который основан на аффективных вычислениях. Этот способ предполагает использование системы, распознающие, интерпретирующие, обрабатывающие или имитирующие человеческие чувства, эмоции и настроение (Scassellati, 2002: 13–24).

Уже существующие модели генеративного искусственного интеллекта способны и к принятию решений. Они становятся агентом, у которого есть

конкретная цель и предпочтения, базирующиеся на автоматизированном принятии решений. Оно предполагает, что для агента есть ситуации, в которых он предпочел бы находиться, и ситуации, которых необходимо избежать. Каждой ситуации присваивается «полезность», а для каждого действия рассчитывается «ожидаемая полезность». Это возможные результаты действия, анализируемые по вероятности этого действия. Именно так искусственный интеллект может выбрать действие с «максимальной полезностью» (Russell; Norvig, 2021).

В этом случае необходимо обратить внимание на работу особых экспертных систем, которые способны к подобному интеллектуальному программированию (Попова, 2022: 9–20). На данный момент мы понимаем под экспертными системами ряд программ, которые могут решать адаптивные задачи в конкретной проблемной области. Экспертные системы способны к анализу, консультированию (Новиков, Чхартишвили, 2004: 130). На основе описанных алгоритмов они могут дать совет или поставить диагноз, то есть выработать экспертное заключение. При этом, их автоматизированная работа максимально эффективна, решения обрабатываются и принимаются мгновенно. Кроме того, сейчас идут активные разработки так называемого сильного искусственного интеллекта (GAI) и сверхсильного искусственного интеллекта (SAI), также способных к автоматизированной экспертизе (Михайлов, 2012: 107–122).

Любое экспертное заключение строится на парадигме знания. Однако сейчас изменяется его субъектность. Традиционно субъектом знания являлся человек как существо биосоциокультурное. Однако перечисленные технологии (например, коммуникация двух моделей искусственного интеллекта друг с другом) уже сейчас могут объективизировать человека, субъективизируя себя. Эта проблема уже активно разрабатывается в научной литературе. Исследователи считают, что особенностью современного этапа развития эпистемологии является «уточнение самого понятия эмпирического субъекта, снятие его неопределенности и многозначности» (Микешина, 2015: 6–12).

С другой стороны, неизбежным становится процесс отделения знаний от человека. Если ранее знание и межличностная коммуникация были также исключительно человечески феноменом, то теперь можно говорить о машинном, облачном знании. Большие массивы данных, которые не способен усвоить ни один естественный интеллект, сейчас хранятся на серверах по всему миру, соединяясь глобальными медиакоммуникациями и интернетом. Мы можем не знать всего, однако можем это найти в большом всемирном архиве, достаточно доступном и открытом, на первый взгляд. Можно говорить и об абсолютной отделенности и объективизированности такого зна-

ния. Однако существует в этом случае и проблема его ангажированности. Значимость той или иной информации определяются алгоритмами. Например, алгоритмы поиска в сети интернет могут влиять на процесс присвоения знаний субъектом, закрывая или наоборот выставляя напоказ определенные области. То же свойственно и моделям генеративного искусственного интеллекта, которые зачастую в зависимости от социального и даже политического контекста могут анализировать совершенно разные участки этого облачного знания. Таким образом, при выработке экспертной оценки изначально одно знание будет доступно, другое – скрыто. Более того, разные модели используют совершенно разные механизмы обработки этих участков информации.

Первый из них – explainable artificial intelligence (XAI). Его можно перевести как «объяснимый искусственный интеллект» (Longo et al., 2024: 106). Данный подход предполагает разработку методов контроля над процессом формирования ответа на запрос. Решение и запрос, созданные искусственным интеллектом должны быть обоснованы и проходят некоторые фильтры. Необоснованные решения не должны применяться и учитываться в дальнейшей работе и уходят в область информационного забвения. Однако это вместе с контролем над процессами приносит достаточно серьезную ангажированность.

Второй подход противоположен. Он получил название black box, «черный ящик». Это название отражает абсолютную непрозрачность процесса принятия решения. «Чёрный ящик» – это система, которую можно рассматривать с точки зрения её входов и выходов (или передаточных характеристик) без каких-либо знаний о её внутреннем устройстве (Bunge, 1963: 346–358). С одной стороны, этот подход наиболее близок к объективной работе естественного интеллекта, с другой – он остается бесконтрольным. Для большинства пользователей любые средства искусственного интеллекта до сих пор остаются некими «черными ящиками».

Пока все же в большинстве случаев человеку принадлежит прерогатива – открытие нового, появление этой самой новизны. Человеческий интеллект не только способен к компиляции фактов, но к синтезу уникального на основе изученного и проанализированного. При этом человек способен к аргументированному обоснованию и описанию процесса получения нового.

Основными критериями верификации экспертности человека в этом случае являются институционализированное признание его эпистемического авторитета экспертным сообществом, истинность его знания, рациональный и независимый подход к экспертизе и ответственность за принятое затем решение. Логически этому можно противопоставить непризнание его сообществом, ложность

его знания, его иррациональность и ангажированность во время экспертизы. Если человек удовлетворяет первым критериям его можно верифицировать как эксперта, во втором случае – однозначно него. Традиционно, на эти полюсы влияло биосоциокультурные качества человека. Человек может быть подвержен давлению со стороны коллег и не получить признание. Он может заблуждаться. Он может дать волю эмоциям во время своей работы. Он может быть экономически, политически, социально или иным образом зависим и быть безответственным. В нынешнюю эпоху к этим факторам может быть добавлен технологический.

Если эксперт использует средства генеративного искусственного интеллекта, он допускает в свою работу не инструмент, а собственно – нового субъекта. И этот субъект знания (генеративный искусственный интеллект) также может испытывать на себе все перечисленные негативные факторы. В каких-то случаях это может быть обусловлено влиянием людей, контролирующего алгоритмы XAI, а каких-то – ошибкой самого «черного ящика».

Таким образом, в случае использования генеративного искусственного интеллекта опасность выработать ложное экспертное заключение становится двухуровневой, где первым уровнем ошибки становится ошибка искусственного интеллекта, вторым – ошибка человека на основе ошибки ИИ. Этому можно противопоставить открытость, осознанную проверяемость и повторяемость оценки.

В этом случае в современных условиях верификация экспертного знания и эпистемического авторитета эксперта может быть основано помимо перечисленных критериев на открытости, осознанной проверяемости и повторяемости экспертных оценок. Открытость предполагает то, что эксперт будет указывать, какие конкретно составляющие части его заключения были подготовлены с использованием средств генеративного искусственного интеллекта. Осознанная проверяемость – что эксперт будет проверять и обосновывать оценки искусственного интеллекта, используемые в работе. Наконец, повторяемость экспертных оценок – что несколько экспертов разными путями с использованием или без использования искусственного интеллекта пришли к схожим результатам. Конечно, экспертное знание может порождать в процессе анализа различные теории и подходы, однако они должны быть присвоены группами экспертов, которые и будут отражать экспертную точку зрения, которая сейчас все менее может себе позволить быть индивидуальной. Кроме того, технологически эксперт отвечает за оба уровня, на котором применяется экспертное знание. Несмотря на эффективность и скорость современных инструментов, конечное решение может принимать только человек.

Итак, можно сформулировать следующие выводы. Первое, отмечается определенный кризис экспертного знания, связанный с увеличением числа лиц, называющих себя экспертами, снижением качества экспертного знания и доверия к эксперту, противоречивостью оценок и заключений. Второе, несмотря на это, традиционными критериями верификации экспертного знания в целом являются авторитетность, ответственность, научность, эмпиричность и практическая значимость. Третье, экспертное сообщество элитарно, представляет из себя ограниченный круг верифицированных профессионалов. Сам эксперт работает с различными видами знания и стремится на основе истины, рациональности и ответственности к извлечению явного знания в поле практического знания на основе знания свидетельского. Четвертое, в последние годы активно развиваются сверхэффективные технологии и инструменты, которые во многом меняют суть коммуникаций и работы со знанием. Одной из самых существенных таких технологий является генеративный искусственный интеллект, который способен к принятию решений на основе сложных систем. Пятое, меняется субъектность знания. Оно отделяется от человека, приобретает облачный характер. Искусственный интеллект может в некоторых случаях становится его субъектом, объективизируя человека. Однако ангажированность этой технологии представляется возможной и действенной. Шестое, эксперт, использующий средства генеративного искусственного интеллекта, допускает в свою работу еще одного субъекта знания. В этом случае возможно появление двухуровневых ошибок – машины и человека. Седьмое, этому можно противопоставить принципы, которые являются в свою очередь критериями верификации эксперта и его знания в эпоху искусственного интеллекта – открытость, осознанную проверяемость и повторяемость оценок и заключений.

Таким образом, кризис экспертного знания, усугубляемый возрастающим влиянием искусственного интеллекта, требует переосмысления традиционных критериев верификации. Необходимо интегрировать новые подходы, ориентированные на прозрачность и верифицируемость процессов получения и применения знания, с учетом возможности влияния искусственного интеллекта как дополнительного субъекта знания. Дальнейшие исследования по этой тематике могут быть направлены на разработку методологии оценки доверия к экспертному знанию, с учетом его «гибридной» природы в эпоху распространения генеративного искусственного интеллекта, а также на разработку механизмов предотвращения и обнаружения ошибок, связанных с использованием инструментов искусственного интеллекта в экспертной деятельности.

Литература

1. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. М.Л. Коробочкина. – М.: Весь Мир, 2004. – 188 с. – ISBN 5-7777-0303-8. – EDN QOCZEN.
2. Вебер, М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. / Пер. с нем. – М.: ИД Высшей школы экономики, 2016. – Т. I. Социология. – 445 с. – ISBN 978-5-7598-1513-6. – EDN XZYVED.
3. Воскресенский, А.А., Рабош, В.А., Султанов, К.В., Суныгина А.Г. Дискурс «постматериального» в сверхинформационном обществе: экспертность и ценности // Общество. Среда. Развитие. – 2021 – № 3 – С. 7–10.
4. Галилей, Г. Избранные труды: в 2 т. – Т. 1. – М., 1980. – 646 с.
5. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана. – М.: Канон, 1996. – 432 с. – ISBN 5-88373-036-1.
6. Каплан, А., Хенлейн, М. Siri, Siri, в моей руке: кто прекраснее всех на свете? О толкованиях, иллюстрациях и последствиях искусственного интеллекта // Бизнес-горизонт. – 2019. – Т. 62. – С. 15–25. – DOI: 10.1016/j.bushor.2018.08.004. – ISSN 0007-6813.
7. Конт, О. Дух позитивной философии (Слово о положительном мышлении) / Пер. с фр. И.А. Шапиро. – Ростов н/Д.: Феникс, 2003. – 256 с. – ISBN 5-222-03417-8.
8. Корниенко, А.А. Экспертное знание в обществе порожденного риска: концептуальный аспект // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2018. – № 43. – С. 69–79. – DOI 10.17223/1998863X/43/6.
9. Манцева, Е.Р. Экспертные знания в обществе конца XX – начала XXI века: статус и значимость // Социология. – 2018. – № 2. – С. 62–64. – EDN VUTOTJ.
10. Маслов, Д.К. Проблема доверия экспертному знанию // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 453. – С. 63–70. – DOI 10.17223/15617793/453/8.
11. Микешина, Л.А. Размышления о субъекте неклассической эпистемологии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2015. – № 1. – С. 6–12.
12. Михайлов, И. В. «Искусственный интеллект» как аргумент в споре о сознании // Эпистемология и философия науки. – 2012. – Т. XXXII. – № 2. – С. 107–122.
13. Николс, Т. Смерть экспертизы. Как интернет убивает научные знания / Пер. с англ. Т.Л. Платонова. – М.: Эксмо, 2019.
14. Новиков, Д. А., Чхартишвили, А.Г. Прикладные модели информационного управления. – М.: ИПУ РАН, 2004. – 130 с.

15. Попова, А.В. Вопросы знаниевого или информационного концепта искусственного интеллекта: философский взгляд на проблему // Проблемы современного образования. – 2022. – № 2. – С. 9–20. – DOI 10.31862/2218–8711–2022–2–9–20.
16. Пружинин, Б.И. Экспертиза как эпистемологический феномен // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2021. – Т. 37, вып. 3. – С. 393–402.
17. Секст Эмпирик. Пирроновы основоположения // Сочинения: в 2 т. / общ. ред. А.Ф. Лосева; пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1976. – Т. 2.
18. Тухватулина, Л.А. Наука как объект веры и недоверия: феномен дениализма // Эпистемология и философия науки. – 2023. – Т. 60, № 1. – С. 6–20.
19. Фейерабенд, П. Наука в свободном обществе / Пер. с англ. А.Л. Никифорова. – М.: АСТ, 2010. – 378 с.
20. Хабермас, Ю. Коммуникативное действие и детрансцендентализированный разум // Между натурализмом и религией. Философские статьи / Пер. с нем. М.Б. Скуратова. – М.: Весь Мир, 2011. – С. 26–75.
21. Чистова, А.Д. Эмоциональные режимы и практики иммерсии в современных ритуалах горевания // Международный журнал исследований культуры. – 2023. – № 4 (53). – С. 94–103. DOI: 10.52173/2079-1100_2023_4_94
22. Homo ludens. Человек играющий/ Йохан Хейзинга; [пер. с нидерл. Д.В. Сильвестрова; коммент. Д.Э. Харитоновича]. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. – 400 с., С. 218.
23. Шапиро, О. А., Шкорубская, Е.Г. Эксперты vs общество: на пути к сотрудничеству // Эпистемология и философия науки. – 2024. – Т. 61, № 4. – С. 129–145.
24. Abelard, P. *Opera*, Vols I, II. I: 7, 9, 19; II: 3.
25. Bucchi, M. and Trench, B. (eds) (2021) *Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology*. Routledge.
26. Bunge, M. (1963) A general black box theory, *Philosophy of Science*, 30(4), pp. 346–358. <https://doi.org/10.1086/287954>
27. Eyal, G. and Mendez, T. (eds.) (2023) *The Oxford Handbook of Expertise and Democratic Politics*. Oxford: Oxford University Press.
28. Fricker, E. (2006) Testimony and epistemic authority, in Lackey, J. and Sosa, E. (eds) *The epistemology of testimony*, Oxford: Clarendon Press, pp. 225–250.
29. Goldman, A. (2011) Experts: which one should you trust?, in Goldman, A. and Whitcomb, D. (eds) *Social epistemology: essential readings*, New York: Oxford University Press, pp. 109–133.
30. Lehrer, K. (2006) Testimony and trustworthiness, in Lackey, J. and Sosa, E. (eds) *The epistemology of testimony*, Oxford: Clarendon Press, pp. 145–159.
31. Longo, L. et al. (2024) Explainable artificial intelligence (XAI) 2.0: a manifesto of open challenges and interdisciplinary research directions, *Information Fusion*, 106, 102301. <https://doi.org/10.1016/j.inffus.2024.102301>
32. Maynard, A.A. (2008) A manifesto for socially-relevant science and technology 2020 *Science*, 24 December. Available at: <http://2020science.org/2008/12/24/a-manifesto-for-socially-relevant-science-and-technology/> [Accessed 25 May 2018].
33. Polanyi, M. (1958) *Personal knowledge: towards a post-critical philosophy*. Chicago: University of Chicago Press.
34. Russell, S.J. and Norvig, P. (2021) *Artificial intelligence: a modern approach* (4th ed.). Hoboken: Pearson.
35. Scassellati, B. (2002) Theory of mind for a humanoid robot, *Autonomous Robots*, 12(1), pp. 13–24. <https://doi.org/10.1023/A:1013298507114>
36. Stanley, J. and Williamson, T. (2001) Knowing how, *The Journal of Philosophy*, 98(8), pp. 411–444. <https://doi.org/10.2307/2678403>

THE PROBLEM OF VERIFICATION OF EXPERT KNOWLEDGE IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE¹

Voskresensky A.A., Ivanov D.A.

A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia

The article examines the problem of verification of expert knowledge in the context of the rapid development of generative artificial intelligence. The author analyzes the historical and philosophical aspects of the concept of expertise, starting with ancient philosophers and ending with modern epistemological concepts. The traditional criteria of expertise (authority, responsibility, scientific knowledge) are being rethought in the light of new technological realities. The introduction of artificial intelligence into expert activity leads to new challenges: a decrease in trust in experts, an increase in the number of unverified assessments, as well as the emergence of a new subject of knowledge – the most generative artificial intelligence.

Keywords: expert knowledge, expert, epistemic authority, generative artificial intelligence, neural networks, verification.

References

1. Abelard, P. (n.d.) *Opera*, Vols I, II. I: 7, 9, 19; II: 3. (Note: Publication details are missing and need to be added. This entry is incomplete.)
2. Bauman, Z. (2004) *Globalization: consequences for humankind and society*. Moscow: Ves Mir. ISBN 5-7777-0303-8. (Note: EDN QOCZEN is omitted as it's not a standard identifier. The English title is a potential translation and might need verification.)
3. Bucchi, M. and Trench, B. (eds) (2021) *Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology*. Routledge. (Note: City of publication is missing and should be added for completeness.)
4. Bunge, M. (1963) 'A general black box theory', *Philosophy of Science*, 30(4), pp. 346–358. <https://doi.org/10.1086/287954>
5. Chistova, A. (2023) Immersion in Contemporary Rituals of Grieving. *International Journal of Cultural Research*, 4 (53). 94–103. DOI: 10.52173/2079-1100_2023_4_94

¹ The study was funded by the internal grant of Herzen State Pedagogical University of Russia (project № 47-VG).

6. Comte, A. (2003) *The spirit of positive philosophy*. Rostov-on-Don: Phoenix. ISBN 5-222-03417-8.
7. Durkheim, É. (1996) *The division of labor in society*. Moscow: Kanon. ISBN 5-88373-036-1
8. Eyal, G. and Mendez, T. (eds) (2023) *The Oxford Handbook of Expertise and Democratic Politics*. Oxford: Oxford University Press.
9. Feyerabend, P. (2010) *Science in a free society*. Moscow: AST.
10. Fricker, E. (2006) 'Testimony and epistemic authority', in Lackey, J. and Sosa, E. (eds) *The epistemology of testimony*, Oxford: Clarendon Press, pp. 225–250.
11. Galileo, G. (1980) *Selected works*, Vol. 1. Moscow.
12. Goldman, A. (2011) 'Experts: which one should you trust?', in Goldman, A. and Whitcomb, D. (eds) *Social epistemology: essential readings*, New York: Oxford University Press, pp. 109–133.
13. Habermas, J. (2011) 'Communicative action and detranscendentalized reason', in *Between naturalism and religion: philosophical essays*. Moscow: Ves Mir, pp. 26–75. (Note: This entry is missing some details. A full translation of the essay title and a fuller title for the edited volume are ideal.)
14. Huizinga, J. (2022) *Homo ludens: a study of the play-element in culture*. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus.p.218. (Note: This assumes the original title was not simply "Homo Ludens" but included a subtitle. A more precise translation of the subtitle may be needed.)
15. Kaplan, A. and Henlein, M. (2019) 'Siri, Siri, in my hand: who is the fairest of them all? On interpretations, illustrations, and consequences of artificial intelligence', *Business Horizon*, 62, pp. 15–25. <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2018.08.004>. (Note: Title translation is approximate and requires verification; Journal title needs to be checked for an accurate English equivalent).
16. Kornienko, A.A. (2018) 'Expert knowledge in a risk-generated society: a conceptual aspect', *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 43, pp. 69–79. <https://doi.org/10.17223/1998863X/43/6>
17. Lehrer, K. (2006) 'Testimony and trustworthiness', in Lackey, J. and Sosa, E. (eds) *The epistemology of testimony*, Oxford: Clarendon Press, pp. 145–159.
18. Longo, L. et al. (2024) 'Explainable artificial intelligence (XAI) 2.0: a manifesto of open challenges and interdisciplinary research directions', *Information Fusion*, 106, 102301. <https://doi.org/10.1016/j.inffus.2024.102301>
19. Mantseva, E.R. (2018) 'Expert knowledge in society at the turn of the 20th-21st centuries: status and significance', *Sociology*, 2, pp. 62–64. EDN VUTOTJ. (Note: EDN needs clarification as to what this identifier means)
20. Maslov, D.K. (2020) 'The problem of trust in expert knowledge', *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 453, pp. 63–70. <https://doi.org/10.17223/15617793/453/8>
21. Maynard, A.A. (2008) 'A manifesto for socially-relevant science and technology', *2020 Science*, 24 December. Available at: <http://2020science.org/2008/12/24/a-manifesto-for-socially-relevant-science-and-technology/> [Accessed 25 May 2018].
22. Mikesheva, L.A. (2015) 'Reflections on the subject of non-classical epistemology', *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta*, 1, pp. 6–12. (Note: Journal title translated; check for accurate English equivalent).
23. Mikhailov, I.V. (2012) "Artificial intelligence" as an argument in the debate about consciousness', *Epistemology and Philosophy of Science*, XXXII(2), pp. 107–122. (Note: Journal title should be verified for an accurate English translation).
24. Nichols, T. (2019). *The death of expertise: the campaign against established knowledge and why it matters*. Moscow: Eksmo. (Note: This assumes a translation of the title, please verify).
25. Novikov, D.A. and Chkhartishvili, A.G. (2004) *Applied models of information management*. Moscow: IPU RAS.
26. Polanyi, M. (1958) *Personal knowledge: towards a post-critical philosophy*. Chicago: University of Chicago Press.
27. Popova, A.V. (2022) 'Issues of the knowledge or information concept of artificial intelligence: a philosophical view of the problem', *Problems of Modern Education*, 2, pp. 9–20. <https://doi.org/10.31862/2218-8711-2022-2-9-20> (Note: Journal title translated; check for accurate English equivalent)
28. Pruzhinin, B.I. (2021) 'Expertise as an epistemological phenomenon', *Vestnik Sankt-Petersburgskogo Universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*, 37(3), pp. 393–402. (Note: Journal title translation may require verification; English equivalent may be needed).
29. Russell, S.J. and Norvig, P. (2021) *Artificial intelligence: a modern approach* (4th ed.). Hoboken: Pearson.
30. Scassellati, B. (2002) 'Theory of mind for a humanoid robot', *Autonomous Robots*, 12(1), pp. 13–24. <https://doi.org/10.1023/A:1013298507114>
31. Sextus Empiricus. (1976) *Outlines of Pyrrhonism*. Moscow: Mysl. Vol. 2. (Note: This assumes this is a volume from a larger work and requires more specific translation of the title).
32. Shapiro, O.A. and Shkorobukaya, E.G. (2024) 'Experts vs. society: on the path to cooperation', *Epistemology and Philosophy of Science*, 61(4), pp. 129–145.
33. Stanley, J. and Williamson, T. (2001) 'Knowing how', *The Journal of Philosophy*, 98(8), pp. 411–444. <https://doi.org/10.2307/2678403>
34. Tukhvatulina, L.A. (2023) 'Science as an object of faith and distrust: the phenomenon of denialism', *Epistemology and Philosophy of Science*, 60(1), pp. 6–20.
35. Voskresensky, A.A., Rabosh, V.A., Sultanov, K.V., Sunyagina, A.G. (2021) *Discourses of the "post-material" in a hyperinformational society: expertise and values*. Society. Environment. Development, 3, pp. 7–10.
36. Weber, M. (2016) *Economy and society: an outline of interpretive sociology*, Vol. 1. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. ISBN 978-5-7598-1513-6. EDN XZYVED.

Метафора города и город в городе

Кравченко Альберт Иванович,

д.с.н., профессор, главный редактор журнала «Социология»
E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Метафоры расцветают городские теории и модели, программы архитекторов, урбанистические утопии. «Бензиновые джунгли», «Маугли в джунглях города» – под таким заголовком выходит в газете «Восточно-Сибирская правда» материал о неблагополучных семьях и заброшенных, голодных детях, пьющих воду из луж и отправляемых в детские дома (герой Киплинга помнится авторам заметки, скорее всего, по советскому мультфильму). В данной метафоре город предстает как место, где идет постоянная борьба за выживание. Это каждодневные контакты с чужаками, которые в любой момент могут обернуться проблемами. Однако джунгли не следует отождествлять с беспорядочностью и хаосом. За внешней бессистемностью города царит порядок и действие законов.

Ключевые слова: город, система, метафора, офисный планктон, матрешечность.

Разнотипье городских метафор

Физик Артур Кёстлер придумал термин «холон» для описания целостной системы. В городе каждый человек – это холон. единичный холон (будь то пчела или человек) (holon – такое целое, которое является частью чего-то большего). Любой человек – это холон.

Если мыслить о городе как человеческом эквиваленте пчелиного улья, то у нас получается полезная метафора для обозначения города в его целостности. Выживание улья зависит от того, что каждая пчела следует правилам и ролям, которые способствуют выживанию, адаптации и регенерации улья. Как следствие, совокупность пчелиного интеллекта и поведения, составляющая улей, по-видимому, действует наподобие динамически откликающегося пчелиного разума.

При рассмотрении целостных систем при помощи наших микроскопов и иных инструментов наблюдения, позволяющих приближение и удаление, мы можем видеть взаимоотношение, которое различные подсистемы выработали друг с другом, и признать ценность того, что экологические взаимосвязи фактически неразрывно соединены. Ясно, что город есть целостная система, которую нельзя разделить на части, не повредив целому, точно так же, как нельзя раскрошить улей без вреда для его целостности.

Метафора города как базара – метафора городского многоцветья и разнообразия, «социологи базара», «тесная сутолока больших городов», «Где баба – там рынок, где две – там базар», уличной торговли, разномастные ларьки и палатки не украшают наши улицы и дворы. И зачем нам превращать город в базар? Мы прошли эти дикие 1990-е годы [1] – эпоху «неорганизованной торговли», незаконной уличной торговли.

Метафора «зеленой вдовы» в США описывает пригородную домохозяйку из среднего класса, которая проводит время между пригородным домом (окруженным садом, следовательно, «зеленым») и торговым центром, перемещаясь на своей машине.

К наиболее частым моделям города можно отнести следующие метафоры-сравнения:

- город как человеческий улей (Мэрилин Хэмилтон);
- город как механизм (машина), город как машина роста;
- город как социальная лаборатория;
- город как социальный магнит;

- город как социальные сети;
- город как текст;
- город как компьютерная модель;
- город как насос;
- город как организм и/или как мозг;
- город как дерево;
- город как плавильный котел;
- город как пространство возможностей;
- метафора московский «бублик»;
- метафора городского каркаса;
- метафора психической тюрьмы;
- город как организация;
- город как компания;
- город как каменные джунгли.

Ville-tableau, ville-sculpture, ville-livre, ville-mus e chocolate city, саpuccino city, liquid cities – город-картина, город-скульптура, город-книга, город-музей, шоколадный город, город-капучино, жидкие (текущие) города, а еще город-сказка, город-мечта, город-завод, город-эксперимент, Соцгород, город как архитектурное продолжение тела человека. Малая родина – это метафора малого города, который встроен в гигантскую сеть урбанизации (рис. 1).

Рис. 1. Город как машина и механизм

Самые известные моделей организации отдельных городов и агломераций – это концентрическая модель Берджеса, секторная модель Г. Хойта, модель со множествами центров и под-центров развития Ульмана-Хариса. Метафору «мир как книга» – немецкий философ Ганс Блюменберг в своей книге *Die Lesbarkeit der Welt*, опубликованной в 1979 г., обсуждает метафору «мир как книга». Город как контейнер с изменяющимися форму границами: город есть разновидность идентифицируемого контейнера со своими границами. Однако город – это очень динамичный контейнер с особыми границами. У В. Зомбарта мегаполис распространяет повсюду «культуру асфальта», обслуживающую гигантские транспортные системы («Ежегодно по улицам больших городов в объемных стеклянных коробах перевозится почти два миллиарда человек») (рис. 2).

Рис. 2. Московский «Бублик» или история круглого дома

Выражение московский «бублик» имеет несколько значений: 1) два жилых дома в столице, имеющих округло-замкнутую форму, 2) местность между Третьим кольцом и МКАДом, 3) 27 транспортных колец вокруг Москвы. Мало кто знает, но в Москве есть два дома-кольца. Первый построен в 1972 г. на улице Нежинской в предверии Олимпиады-80, вторым – на улице Довженко в 1979 г. они – близнецы. Последний насчитывает 9 этажей, 936 квартир и 26 подъездов. Старожилы говорят, что найти нужный подъезд в этом доме – задача не из легких.

В архитектуре и городской социологии используют следующие метафоры.

Органические – кожа, мембрана, скелет, ребро, горб, бедро, стопа/нога, мозоль, усталость, кровотечение. Еще одной расширенной метафорой-моделью является город-клетка.

Технические – облицовка, обшивка, оболочка, кожан, занавес, навесной потолок, фартук, одеяло, рукав, машина, механизмы, механика, ткань города

Культурные – хореография, оркестровка, ритм, образность, лексика, словарный запас, синтаксис, идиома, текст, нарратив.

Город как лес: порядок и разнообразие, порядок в целом и разнообразие в деталях, в начале либерализма и духа предпринимательства.

Город как человеческое тело и связанные с ним метафоры: «естественный» способ дать роль различным частям общества: форме, местоположению и функциям.

Город как машина: «функциональный» город, важность исполнения.

Город как фабрика: социальная география города, отражающая организацию труда по Тейлору-Форду.

Город как игровое поле: взаимодействие акторов в создании и использовании городского пространства.

Город как расширяющаяся сеть, как лоскутное одеяло или лабиринт: новая идея личной и коллективной свободы в расширяющемся глобальном мире.

Мобильная сеть как губка или как система труб: иерархически структурированная, ищущая порядок в хаосе современного мегаполиса [2].

Город как гора (berg, burg, borg, вышгород) – Кенигсберг, Страсбург, Гетеборг, Градчаны, Кремль, Детинец – все строилось на малодоступной верхотуре, обеспечивающей безопасность, хотя и в условиях скученности и толкотни.

Город как огород (английское *town* и изгородь, греческое *xortos* – жердь, древнеиндийское *grhas* – дом, авестинское – *дэгэбо* – пещера). В происхождении этого термина зафиксировано то обстоятельство, что город – это прежде всего защищенное или огороженное место.

Город как полис (от Мелитополя до Миннеаполиса): здесь, как и в случае города-огорода-пещеры, скрываются два смысла.

Москва как бобровая шапка на голом мужике. По выражению Н. Тмарченко: «Мещане Окурова хотят знать, что такое Россия и Москва, каковы их собственные место и роль в судьбе России. Оказывается, что страна, в сущности, – уездная, а Москва – словно бобровая шапка у человека, у которого нет приличной одежды и пусто в карманах». А вот как это у Горького в «Городке Окуров»: «— Что ж Москва? – медленно говорит кривой, закатив тёмное око своё под лоб. – Вот, скажем, на ногах у тебя опорки, рубаха – год не стирана, штаны едва стыд прикрывают, в брюхе – как в кармане – сор да крошки, а шапка была бы хорошая, скажем – бобровая шапка! Вот те и Москва!» [3].

Для А. Белого город – «мозг земли», который «пожирает землю, чтобы выбросить из себя многоэтажный блеск домов, сотни фабричных труб и яркие электрические солнца». Э. Говард в сочинении «Города будущего» (1898) видит в городе – символ общества взаимной помощи, всеобщего братства, символ науки, искусства, культуры, религии. И. Гоффман рассматривал «человека как пешехода», как «пилота, заключенного в мягкую и открытую оболочку» из кожи и одежды [4]. Арджун Аппадурай [5] предложил такие пространственные метафоры, как этно-, медиа-, идео-, финансо-и технологические ландшафты (ethnoscapes, media-, ideo-, finance-, technoscapes).

Луис Мамфорд для порицания современной архитектуры предлагает иронические метафоры: «картонная коробка», «коробка для ботинок», «упаковка для яиц», «шкаф для картотеки», «клет-

чатая бумага». Кроме того, город для Мамфорда – это совокупность медиа-форм (хранилища, архивы, памятники, физические и электронные записи, устные истории, живое культурное наследие); агенты (архитектуры, институты, медиа-технологии, люди); и функции (хранение, обработка, передача, воспроизведение, контекстуализация, операционализация). Солесбари предполагает: «Наше представление о городах во многом определяется метафорами. Пять повторяются во многих вариациях: город как сообщество, как рынок, как поле битвы, как машина и как организм. Это расширенные метафоры, т.е. они служат для структурирования всей концепции города с множеством измерений и уровней значения» [6].

Город как социальный магнит. У магнита два полюса – одним он притягивает, другим отталкивает. Город отталкивает людей высокой преступностью, загазованностью воздуха, нерешенностью жилищной проблемы. А притягивает он высокой культурой на улицах, большими массивами зеленых насаждений, свободными местами приложения трудовых усилий, отсутствием коррупции. Разрежешь магнит пополам – опять два полюса, еще мельче сделаешь – снова плюс и минус. И так до молекулы – горожанина. У него снова добро и зло, притягивает и отталкивает.

У Маяковского есть стихотворение «Адище города» и такие строки: «Адище города окна разби-ли на крохотные, сосущие адки. Рыжие дьяволы, вздымались автомобили, над самым ухом взрыва-вая гудки». Но в другом стихотворении «Ночь» поэт описывает ночной город как художник, выбирая интересные метафоры, необычные сравнения, добавляя яркие краски (багровый, белый, зеленый, черный, желтый). Мы даже не сразу понимаем, что перед нами изображение дома с зажженными окнами, уличных фонарей, освещающих дорогу, ночной неоновой рекламы: «Багровый и белый отброшен и скомкан, В зеленый бросали горстями дукаты, А черным ладоням сбежавшихся окон Раздали горящие желтые карты». И, наконец, самые запоминающиеся, пожалуй, строки о городе в стихотворении «А вы могли бы?»: «На чешуе жестяной рыбы прочел я зовы новых губ, А вы ноктюрн сыграть могли бы на флейте водосточных труб?».

Омск в региональной прессе зачастую называют «городом-ямой» (метафоризация проблем с дорожным покрытием), «городом-грязью» (метафоризация загрязнения воздуха и сезонных проблем – обильных дождей и паводков), «городом-адам» (в противовес раннему названию «город-сад»), «городом-пнем» (метафоризация вырубки древесных массивов в черте города для обильной застройки) и др. А также «город-лужа» и «город-грязь». «Омск – город-забор» [7].

Метафора «Город окраин» используется по отношению к постсоветскому Улан-Удэ местным историком С. Галдановым, который в статье «Го-

род без горожан?» обозначил противоречие между официальным статусом «города» Улан-Удэ и его слабоурбанизированным ландшафтом [8].

Метафора «город как текст» давно получил активное бытование в социологическом поле. Придя из культурологии, он почувствовал себя вполне как дома, особенно при объяснении культурных артефактов, таких как город. Текст представляет собой осмысленный и целостный фрагмент читаемого образованным человеком культурного артефакта либо сам артефакт. Текст в книге подходит под такое определение. Средством создания его служат слова и знаки.

Слова читаются прямо, а знаки расшифровываются и переводятся на словесный язык. Город как архитектурный текст читается не только по правилам, вложенным в него архитекторами, но и жизненному опыту, имеющемуся у жителей. Текст города может быть организован линейно, концентрическими кругами, хаотически, где нет центра и периферии. Все это воспринимается, оценивается, читается и осознано жителями в определенном наборе слов, метафор, технических терминов, сленга.

Рис. 3

Планктон – совокупность растительных и животных организмов, живущих в воде и объединенных одним свойством. Это технический термин, а вот **офисный планктон** – уже метафора, причем чисто городская по происхождению. Офисный планктон (рис. 3) (он же «офисное быдло», «канцелярская крыса», «козявка приказная» и т.п.) – работники умственного труда с пониженной творческой составляющей, проводящие жизнь в офисах и прочих управлениях, но не относимые к инженерам: низшие менеджеры, бухгалтеры, секретарши и т.д. Являют собой передаточные механизмы, винтики и смазку в механизмах управления, учета, планирования, финансов. Быстрорастущий пролетариат постиндустриального мира. «Офис-

ный планктон» – это «молодые люди, привыкшие получать тысячи долларов просто за факт своего существования», – цитирует Википедия экономиста М. Хазина.

Итак, к офисному планктону следует относить занятых умственным трудом и сидящих на стульях, соответственно ведущих пассивный образ жизни. При этом не обязательно, чтобы все они сидели в офисе. Главное, чтобы весь день сидели. Сидельцы – городской планктон, т.е. нечто малоподвижное студенистое, ни то, ни сё. Офисный планктон пасется в цифровой паутине, ее создает, ее поддерживает, ее питает и ею питается. Представить его вне интернета невозможно, и выкинуть его оттуда невозможно – это как рыбу на сушу выбросить. Ни выбросить офисный планктон из Сети, ни выловить его оттуда. В деревне нет такого раздолья – там в поле работать надо. Нейронная сеть офисного планктона навеки срослась с цифровой сетью интернета. Скоро выведутся новые гибриды-мутанты с чипами в голове.

Офисный планктон – главный житель крупного города, его главный персонаж и герой. Все вертится вокруг него. Рабочие производят для них свою продукцию, торговцы закупают им товары и продают в супермаркетах, дворники метут для них улицы, строители возводят небоскрёбы-офисы и т.д. В СССР города работали как механизмы. Когда все развалилось, на их месте выросла ржавчина, офисный планктон, школоты, тролли, аватары, барыги.

Город офисов, страна планктона, где господствуют или просто бытуют бело-воротничковые массы и водятся канцелярские (офисные) крысы. В любом городе сегодня стульев и кресел больше численности горожан в разы. Мебельная отрасль работает на офисный планктон.

Город как книга. Эту метафору очень популярной назвать сложно. Напрямую она употребляется редко, хотя может скрываться за другими, чаще всего за городом как текстом.

У меня возник свой образ метафоры, он скорее изобразительный, нежели когнитивный: Город – книга, кварталы – страницы, улицы – строки, дома – слова, горожане – буквы (рис. 4).

Город - книга

Кварталы - страницы

Улицы - строки

Дома - слова

Горожане - буквы

Рис. 4

«Город есть книга, в коей всякая улица занимает страницу. Будем прибавлять новые листы,

но не станем вырывать старых», – пишет русский историк М.П. Погодин.

Матрешечность: метафора вложенности

Метафоры города и его элементов – целая история, написанная разными народами в разные эпохи о разных постройках. Nesting metaphor – **метафора вложенности**, построена на образе русской матрешки, где более маленькие куклы вставляются по очереди в более крупные. Структурная схема, включающая одни объекты внутри других. Дизайнеры и архитекторы широко, хотя это не всегда бросается в глаза, используют **принцип матрешки**. Первоначально традиционная русская матрешка вмещала 7 куколок. Само имя Матрона действительно означает «знатная женщина» в переводе с латыни, и включено в Православный церковный календарь. Матрёна – женское имя, очень любимое и распространённое в среде крестьянства в России. Матрёшка олицетворяет тепло и уют в доме.

Каждое явление в культуре подобно матрёшке – с виду простое, но внутри него скрыто множество других явлений. Авторская песня – лишь маленькая часть от всего исполнительского искусства, но внутри нее специалисты уже выделили множество видов, направлений и течений (рис. 5).

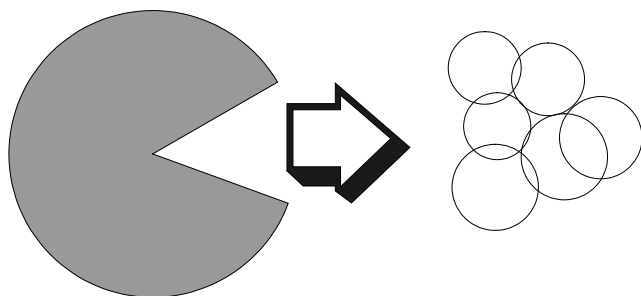

Рис. 5. Каждое культурное явление может состоять из множества частей и элементов и одновременно представлять небольшую часть огромного целого

В науке принято понятие «система вложенных масштабов». Некоторые практики и вложенные масштабы могут быть согласованы друг с другом, поскольку нет общей логики возникновения: глобальное расположено поверх локального, са-кральное не связано с профанным. Существует столько глобальных и локальных объектов, сколько способов связать их друг с другом. Системы глобального порядка или сети в лучшем случае частично согласованы с локальной сложностью [9]. Вложенность – сложенность – иерархия – порядок клюва – ранговые и статусные распределения – соподчинение – принцип закрытой системы – оболочечность – покрытие – утаивание.

В состав концепта мега-города (megacity) входят, подобно матрешке, понятия «конурбация» (conurbation), «метрополис» (metropolis), «мегаполис» (megalopolis), «глобальный городской

регион» (global city-region) [10], «глобализующийся город» (globalizing city) [11], «мегарегион» (megaregion/mega-region) [12], и «глобальный город», близкими по значению к которому являются мировой город и альфа-город. Термины «мега-город», «глобальный город», «мировой город», «альфа-город» зачастую употребляются как взаимозаменяемые или синонимы понятия «мегаполис», без обозначения специфики каждого из них.

Принцип матрешки противоположен **принципу лестницы** – ранговой очередности движения снизу вверх, где ступеньки не синоним матрешкам. Они не вкладываются, а следуют одна за другой. На них походит **принцип домино** – очередь из зыбко держащихся элементов в очередной последовательности, которая начинает рушиться, стоит упасть первой костяшке.

Метафора оркестра в применении к городу. Что у них общего? То и другое – коллектив людей, там и здесь разделение труда, специализация, группы по отраслям и секторам. Мэр – дирижер городского оркестра. Вместе с помощниками они распределяют статусы и роли, пишут сценарий, разрабатывают очередность вступления каждой партии, график взаимодействия, определяют качество исполнения и предъявляемые к кадровому составу требования, оплачивают труд и т.п. Представить себе жизнедеятельность многомиллионного города без дирижера и сценария трудно. Получится хаос – кто в лес, кто по дрова.

В архитектурном оркестре власть всегда играет на ударных, строители – на контрабасе, дизайнеры – на скрипках, а архитектор подпекает на флейте. А еще есть заказчики, бизнес, застройщики, подрядные организации, поставщики, контрольные органы и органы надзора, всевозможные НИИ и вузы, обучающиеся, общественное мнение, кураторы, собственники недвижимости, законодатели, бандитской крыши, родственные кланы и связи, критики, СМИ, недоброжелатели, общественные активисты, сторонники экологических движений и просто равнодушные граждане. А в зрительном зале сидят слушатели – обычные горожане, уныло наблюдающие за действием и ждущие антракта.

Метафора или принцип оркестра связан с первыми тремя принципами, и каждый имеет своеобразие. Flat ontology and framework of nested scales – Плоская онтология и каркас вложенных шкал. **Плоская онтология** (A flat ontology) – это модель реальности, которая утверждает, что любой объект, даже воображаемый, имеет ту же степень бытия, что и любой другой объект. Ни один объект не является более субъектом, чем любой другой. Все субъекты – просто объекты. Ключевым фактором при определении онтологии является способность объекта влиять на другой объект. Например, если я представляю радугу и поэтому счастлив, эта радуга является таким же ре-

альным объектом, как мое чувство счастья или я. Термин «плоская онтология» происходит из работы Мануэля Деланда.

Еще одна метафора в эту цепочку – **mille-feuille**, многослойная выпечка, **слоенный торт**. В переводе с французского означает «тысяча слов», *mille-feuille* известно своим бесчисленным количеством слоев слоеного теста. При этом каждый слой разный, лежат друг над другом, не мешая и не притесняя никого. Ранжирования в расположении слоев нет. Главное – получить вкусный результат. В оркестре ценится музыкальное качество, в слоенном торте – кулинарное качество. У Лефевра город напоминает слоенный торт.

Справка. Чтобы приготовить пирог *mille-feuille*, вы берете слоеное тесто, делаете из него пять лепешек равного размера & толщиной в две монеты, в последнем вы должны сделать отверстие в середине в форме Рыцарского креста. Классический вариант: 3 слоя слоеного теста, 2 слоя печенья с кремом и глазурью. Другое название – торт Наполеон. В Греции выпечка называется *milfély*. Русская литература торт по имени Наполеон впервые упоминает еще в первой половине XIX века. Александр Бестужев объяснил появление таких имен романтическим и историческим духом того времени. Особенно большой популярностью торт пользуется после празднования столетия победы России над Наполеоном в Отечественной войне 1812 г. Во время торжеств 1912 г. продавалась выпечка треугольной формы, напоминающая двурогие. Множество слоев торта символизировали La Grande Armée. Верх покрыт крошками, символизирующими снег России, который помог русским победить Наполеона. Позже торт стал стандартным десертом в советской кухне. В наши дни «Наполеон» остается одним из самых популярных тортов в России и других постсоветских странах. Обычно он имеет больше слоев, чем французский архетип, но такой же высоты – Википедия site: wikichi.ru

В политологии метафора государства в государстве, **город в городе** – примеры принципа *матрешки*. Государство в государстве – *imperium in imperio*. Постсоветская Москва утратила значение города с общероссийской судьбой и приобрела значение **государства в государстве**, где каждый по преимуществу вершит только свою личную историю [13]. В столицу едут, чтобы «подняться», «выйти в люди», «стать человеком», сделать карьеру, прославиться. Благодаря меркантильным устремлениям миллионов провинциалов столица превратилась в город заносчивых людей, которым повезло с жильем, работой, снабжением продуктами, промтоварами и ширпотребом, где любому найдется «место под солнцем» и легко осуществить свою мечту. В Москве провинциал утрачивает корни, стесняясь даже упоминать о своей «малой родине». Но и в мегаполисе он надолго или навсегда остается маргиналом. В мегаполисе

людей привлекают не только дорогие и престижные вещи, но и престижный стиль жизни: музыка, формы досуга, чтение, общение с друзьями, фразеология, иконография, BMW вместо «Жигулей», ноутбук вместо ПК, айфон вместо телефона (рис. 6).

Рис. 6. Город-государство Ватикан

В 1910 г. был проведен конкурс на строительство доходного дома. Результатом трудов архитекторов стал огромный жилой комплекс на 250 квартир. Фактически это был город в городе с собственной инфраструктурой: электростанция, котельная, паровое отопление, канализация, водопровод, телефонная связь, прачечная, снеготаялки и мусоросжигательные печи, несколько десятков встроенных гаражей. Здание обслуживали 20 дворников, в каждой парадной находился швейцар. В доме было две лестницы – парадная и черная. Черные лестницы выходили во дворы и использовались прислугой, торговцами, дворниками [14].

Государство в государстве – *imperium in imperio*; Выражение, возможно, произошло от Спинозы, который использовал его в нескольких своих работах: *Tractatus Theologico-Politicus*, *Tractatus Politicus* и *Ethica*; нечто малое или часть чего-то, наделенная суверенитетом по отношению к целому. Аналог феодальной раздробленности.

Справка: Латинская фраза *imperium in imperio*, означающая «империя в империи», может использоваться буквально для обозначения самоуправляющегося государства, заключенного в пределах более крупного государства; или мятежному государству, борющемуся за независимость от другого; или, более образно, перед отделом или группой работников в организации, которые, несмотря на то, что кажутся работающими на себя, по-прежнему подотчетны еще более крупной корпорации.

Справка: *Imperium in Imperio* – исторический фантастический роман Саттона Григгса, опубликованный в 1899 году. Роман охватывает жизнь из Белтона Пьемонта, образованного и дисциплинированного черного человека из юга Джима Кроу и его роль в теневом правительстве чернокожих, действовавшем из колледжа в Уэйко, Техас.

Принцип матрёшки – рекурсивная художественная техника, известная в просторечии как «сон во сне», «рассказ в рассказе», «спектакль в спектакле», «фильм в фильме», «общество в обществе», «искусства для искусства» или «картина в картине». Х.Л. Борхес видит художественный эффект матрёшечной конструкции в следующем: «если вымышленные персонажи могут быть читателями или зрителями, то мы, по отношению к ним читатели или зрители, тоже, возможно, вымышленны». Отдельные произведения живописи построены как расположенные друг напротив друга зеркала реальности «объективной» и художественной, которые до бесконечности отражают друг друга. В «Гамлете» Шекспира главный герой ставит пьесу, которая отражает и пародирует события самой пьесы «Гамлет» (сцена «мышеловки»). В арабско-индийском сборнике «Тысяча и одна ночь» изобилуют рассказы внутри рассказов. В литературе романтизма встречается цепочка последовательных «ложных пробуждений» героя, призванных создать атмосферу зыбкости, нерасторжимости сна и яви. Такой многоэтажный «сон во сне» использован Гоголем в повести «Портрет».

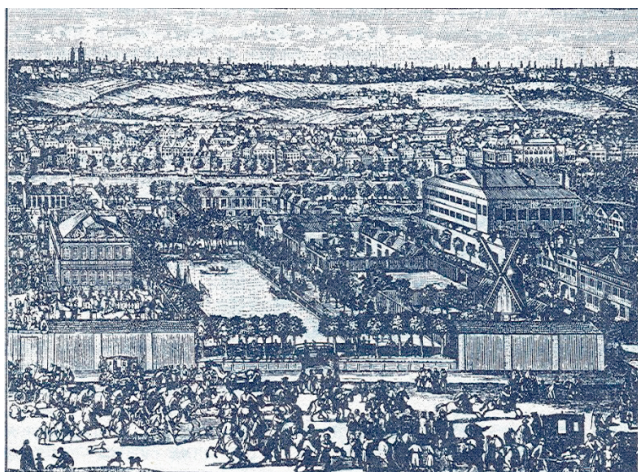

Рис. 7. Немецкая слобода в конце XVII века. Гравюра А. Шхонебека и его учеников 1705 г.

В технике: «принцип матрёшки» прежде всего направлен на повышение компактности системы. Приём предписывает либо размещение одного компонента внутри другого при компоновке системы, либо проход компонента при работе через полости или выемки другого компонента. В истории данный принцип гласит: все повторяется на новом цикле, но в меньшем или утрированном варианте; мода имеет свойство повторяться. В Главном здании МГУ разместился целый город в одной высотке: геологический, механико-математический, географический факультеты, а также ректорат, научная библиотека, Музей землеведения и Дворец культуры. МГУ – это город в городе, со своими законами и укладом жизни. А еще город в городе строится рядом с высоткой МГУ на Воробьевых

горах. Roppongi Hills – идеальный пример города в черте города, предлагающий все, от жилых домов до художественного музея. Его центральным элементом является башня Мори высотой 238 м. Одайба – футуристический деловой, торговый, развлекательный и жилой район на искусственном острове в Токийском заливе (рис. 7).

В научном сленге **матрёшка** – диссертация, представляющая из себя куски или перефразирования текста чужой диссертационной работы, или чужая диссертация, или ее куски в защищаемой/защищенной диссертации (термин ввел Михаил ГЕЛЬФАНД).

Немецкая слобода (народное прозвище – Кукуй) при Петре 1 – город в городе, где проживало в деревянных домах на многочисленных улицах в европейском стиле около 20 тыс. деловых людей, а все население тогдашней Москвы – 200 тыс. Немецкая слобода – район между станциями метро «Бауманская» и «Курская». 300 лет назад здесь селились работавшие при царском дворе немцы, англичане, датчане, итальянцы, голландцы. Этот своеобразный оазис европейской жизни отличался большей, по сравнению с остальной Москвой, свободой нравов и отношений.

Матрёшечность, как и город в городе, представляет самоподобие, самоподобие нового старому в уменьшающемся масштабе. Самоподобие – основа фрактальности. *Самоподобный объект* – объект, в точности или приближённо совпадающий с частью себя самого (т.е. целое имеет ту же форму, что и одна или более частей). Самоподобие – типичное свойство фракталов. Одной из форм самоподобия является инвариантность, когда при любом приближении найдётся хотя бы одна часть основной фигуры, подобная целой фигуре. Матрёшка в матрёшке, город в городе – тому примеры (рис. 8).

Рис. 8. Мариупольский город в городе

Металлургический комбинат «Азовсталь» в Мариуполе на Украине, который долго и трудно захватывали в феврале-апреле 2022 г. российские войска в ходе спецоперации по освобождению Донбасса, настолько огромен и функционально самостоятелен, что реально представляет собой город в городе, причем сразу в двух планах – по огромной площади на земле и целому подзем-

ному городу под землей – многокилометровому и многоэтажному. «Азовсталь» обороняли тысячи человек с полным арсеналом вооружений, боеприпасов и серьезным парком бронетехники.

Справка: Площадь завода «Азовсталь» почти 11 км², на которой трудилось 11 тыс. работников. На комбинате 41 цех и ещё 80 других крупных зданий. Подземная часть комбината уходит вглубь на 5–6 этажей, общая длина туннелей – 24 км. Толщина стен подземных укрытий достигает 4 м. Строительство завода началось летом 1930 г. В конце 1943 г., отступая под ударами Советской армии, гитлеровцы полностью уничтожили завод, взорвали домны и мартены. Восстановление его началось в 1944 г.

Поселение на месте Мариуполя известно с начала XVI век, но настоящим городом стал лишь после переселения в Приазовье крымских греков в 1778–1780 годах. В конце XIX века в городе появилась железная дорога, новый большой порт и металлургические заводы.

«Азовсталь» – идеальное место для размещения секретных военных объектов. Под промзоной, на глубине 30 м, сразу после Великой Отечественной войны возвели настоящий укрепленный подземный город с подземными тоннелями длиной 24 км, которые после майдана за счёт средств олигарха Р. Ахметова были оборудованы бункерной системой с броневой защитой. Охраняли подземный город и всё что рядом снаружи около 3 тысяч человек.

Фактически под «Азовсталью» – второй Мариуполь. Подземная инфраструктура завода, построенная в советские времена, сопоставима по масштабам с еще одним городом, а отдельные сооружения способны выдержать даже ядерный удар. Площадь подземной части металлургического завода настолько обширна, что там есть собственные дороги, коммуникации и хорошо укрепленные сооружения. При этом «Азовсталь» сильно загрязнял Мариуполь и не позволял ему стать городом-курортом. На его месте предполагается возвести современный курортный комплекс.

Литература

1. Саламова М. Не превращать город в базар // Москва. Столичные власти. 2007. 26 сентября.
2. Secchi B. A New Urban Question 3: When, Why and How Some Fundamental Metaphors Were Used // A. Gerber & B. Patterson (Eds.), *Metaphors in Architecture and Urbanism*. Bielefeld: Transcript, 2013, pp. 126–127.
3. Горький М.. Собрание сочинений в тридцати томах. – Собрание сочинений в тридцати томах: Гослитиздат, 1949. – Т. 9.
4. Goffman E. *Relations in public: Microstudies of the public order*. New York, NY: Harper & Row, 1971, p. 7.
5. Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.
6. Solesbury W. *World cities, city worlds: explorations with metaphors, icons and perspectives*. Matador, Kibworth Beauchamps Leicester, 2013, p. 6.
7. Оводова С.Н., Жигунов А.Ю. Война сообществ: репрезентация конфликта в урбанистическом дискурсе // *Коммуникативные исследования*. № 4 (18). 2018. pp. 112–127.
8. Бреславский А.С. «Город окраин»: территориальная сегрегация и ее (вос)производство в постсоветском Улан-Удэ // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. № 3. 2012. pp. 10–23.
9. Law J. And if the Global Were Small and Non-Coherent? Method, Complexity and the Baroque // *Environment and Planning D: Society and Space* 2004, 22, p. 13–26.
10. Scott A. J., Agnew J., Soja E., Storper M. *Global City-Regions: Trends, Policy, Theory* // Ed. by A.J. Scott. New York: Oxford University Press Inc., 2001. P. 14–15.
11. Marcuse P., Van Kempen R. *Globalizing cities: a new spatial order?* Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2000.
12. Florida R., Gulden T. and Mellander C. The Rise of the Mega-Region // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 2008, vol. 1, issue 3, 459–476.
13. Ганжа А. Mobilis in mobili: об особенностях формирования публичных пространств в городе Москве // *Философско-литературный журнал «Логос»*. № 1 (85). 2012. С. 298.
14. <https://aleksblog.com/dom-benua>

THE METAPHOR OF THE CITY AND THE CITY WITHIN THE CITY

Kravchenko A.I.

Professor, Deputy Editor-in-Chief of the journal «Sociology»

References

1. Salamova, M., «Not Turning the City into a Bazaar» // *Moscow: Metropolitan Authorities*. September 26, 2007.
2. Secchi, B., «A New Urban Question 3: When, Why, and How Some Fundamental Metaphors Were Used» // A. Gerber & B. Patterson (Eds.), *Metaphors in Architecture and Urbanism*. Bielefeld: Transcript, 2013, pp. 126–127.
3. Gorky, M., «Collected Works in Thirty Volumes.» – *Collected Works in Thirty Volumes: Goslitizdat*, 1949. – Vol. 9.
4. Goffman, E., «Relations in Public: Microstudies of the Public Order.» New York, NY: Harper & Row, 1971, p. 7.
5. Appadurai, A., «Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization.» Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.
6. Solesbury W. *World cities, city worlds: explorations with metaphors, icons, and perspectives*. Matador, Kibworth Beauchamps Leicester, 2013, p. 6.
7. Ovodova S.N., Zhigunov A. Yu. War of the Communities: Representation of Conflict in Urban Discourse // *Communicative Studies*. № 4 (18). 2018. pp. 112–127.
8. Breslavsky A.S. «City of the Outskirts»: Territorial Segregation and Its (Re)production in Post-Soviet Ulan-Ude // *Labyrinth*.

- Journal of Social and Humanitarian Studies. № 3. 2012. pp. 10–23.
9. Law J. And if the Global Were Small and Non-Coherent? Method, Complexity and the Baroque // *Environment and Planning D: Society and Space* 2004, 22, p. 13–26.
 10. Scott A. J., Agnew J., Soja E., Storper M. *Global City-Regions: Trends, Policy, Theory* // Ed. by A.J. Scott. New York: Oxford University Press Inc., 2001. pp. 14–15.
 11. Marcuse P., Van Kempen R. *Globalizing cities: a new spatial order?* Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2000.
 12. Florida R., Gulden T. and Mellander C. The Rise of the Mega-Region // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 2008, vol. 1, issue 3, 459–476.
 13. Ganzha A. Mobilis in mobili: on the specifics of public spaces formation in Moscow // *Philosophical and literary journal Logos*. № 1 (85). 2012. P. 298.
 14. <https://aleksblog.com/dom-benua>

Воздействие государства на становление и развитие системы образования

Сушко Валентина Афанасьевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент
кафедры социологии государственного управления,
МГУ им. М.В. Ломоносова
E-mail: valentina.sushko@gmail.com

В статье рассматривается образование как один из важнейших социальных институтов, поскольку оно играет ключевую роль в развитии общества, выступая одной из главных составляющих человеческого капитала, необходимого для развития и стабильного функционирования государства и общества в целом. При этом анализируются факторы, методы и инструменты развития системы высшего образования, в частности меры поддержки для молодых специалистов выпускники ВУЗов, которые принимают решение работать по специальности, а также меры государственного регулирования, направленные на стимулирование социальной мобильности (на примере выпускников педагогических специальностей).

Ключевые слова: роль государства, развитие системы образования, государственные стратегии, методы и инструменты развития высшего образования, молодые специалисты.

Введение

В настоящее время в образовании во всех субъектах Российской Федерации прослеживаются особые закономерности: наблюдается старение учительского коллектива, в школах, находящихся в сельской местности, не хватает педагогических кадров. Современные школы заинтересованы в наборе молодых специалистов, это связано как со старением персонала, так и с повышением динамичности внешней среды, конечно, молодежь более мобильна, быстро и легко обучаемая, готова принимать различные нововведения.

Условия социально-экономического развития общества, которые во многом связаны с активным проникновением информационных технологий, указывают на необходимость наличия для многих работников, в том числе и молодых учителей, в качестве основных компетенций постоянной готовности к самореализации в условиях постоянных изменений.

Немаловажно отметить то, что изменение содержания, характера и условий труда учителя являются важными характеристиками социальной мобильности. Это связано с тем, что педагоги регулярно повышают квалификацию, меняют должность или место работы. Социальная мобильность педагога может и не требовать смены рабочего места, она может происходить на основе изменения содержания труда на действующих рабочих местах, в этом заключается её специфическая особенность.

По данным социологических исследований Общероссийского народного фронта и Фонда «Национальные ресурсы образования» можно сделать вывод, что усиливается дефицит педагогических кадров. Разнообразные процессы в системе образования вызывают кадровый дефицит, самый распространенный из них – старение педагогического коллектива, которое обуславливает их естественное выбытие. Значительную часть педагогов в России составляют педагогические кадры старше 55 лет [1]. Еще одной причиной дефицита педагогических кадров является то, что около 20% всех выпускников профильных учебных заведений выбирают работу по специальности [1].

Для молодых педагогов в Российской Федерации предлагаются серьезные преференции со стороны государства. Так, выпускники ВУЗов, которые принимают решение работать по специальности, поддерживаются единовременным пособием на региональном уровне, возможностью по-

лучения социального жилья, а также различными льготами при получении ипотеки. Именно разница предложений по регионам может стать серьезным основанием для переезда молодого специалиста в другой регион.

Однако, можно констатировать серьезные противоречия, которые наблюдаются между мерами государственного регулирования, направленными на стимулирование социальной мобильности молодых педагогов и реальными условиями, которые предлагаются им:

- высокие потребности в сфере оплаты труда не всегда соответствуют реальным предложениям на рынке труда;
- фактическая необходимость в молодых специалистах педагогического профиля не всегда соответствует заявлениям о стремлении найма работников с малым стажем;
- реализация творческих амбиций молодых учителей не всегда соответствует реальным потребностям руководства современных школ и родительского сообщества.

Данные противоречия выступают серьезным основанием для изучения основных направлений деятельности государства, которые оказывают влияние на социальную мобильность молодых педагогов.

Роль государства на становлении и развитии системы образования (исторический ракурс)

Российское образование находится сейчас на стадии кардинальных изменений и непрерывного развития. В эпоху, когда идея образования как общественного блага быстро утрачивается, необходимо помнить об истоках нынешней системы образования и о том, какую роль играет государство в ее создании. В современном обществе во многих странах мира наблюдается стремительный рост рынка образования, сопровождающийся растущей приватизацией части образовательных услуг и восприятием образования как потребительского товара или услуги.

Коллективные цели образования, которые стимулировали формирование национальных систем образования, были направлены на повышение качества образования, ослабевают, если образовательные учреждения начинают рассматривать родителей и учащихся как клиентов. Последние, в свою очередь, начинают рассматривать образование как товар, за который они должны конкурировать, торговаться и, зачастую, платить.

Современные масштабные изменения в области образования повышают «значимость государства в управлении и контроле за реформированием системы образования... Именно государственные институты остаются основными регуляторами происходящих в сфере образования модернизационных процессов, способных пресечь или ми-

нимизировать ряд рисков, возникающих для отечественной образовательной системы» [2].

Безусловный и очевидный факт, что государство, выступая субъектом социального заказа, определяет доминирующие цели и направления стратегического развития системы образования в целом.

Изначально создание современных систем образования в Европе в конце XVIII – начале XIX века было государственной инициативой. Предприниматели, частные группы с помощью правительств закладывали основы ученичества, открывая профессиональные школы и сети религиозных школ. Но у частных субъектов нигде не было ресурсов или мотивов для обеспечения универсальных общедоступных систем образования. Это могло быть сделано только государствами, действующими на местном и национальном уровнях. Государства иногда использовали частную инициативу в создании национальных систем образования, но именно государственная воля была при этом главным действующим актором.

Цели, которые мотивировали реформаторов, лоббировавших государственные системы образования, были множественными и варьировались от страны к стране:

- определенные социальные классы проводили кампанию за формы школьного образования, соответствующие их интересам, например идее социального равенства;
- различные церкви поддерживали школы, которые способствовали бы их конфессиям;
- предприниматели и промышленники в более широком распространении школьного образования видели выгоду для своих производственных интересов;
- растущие государственные аппараты модернизирующихся государств ждали новых обученных служащих и рекрутов для укомплектования растущей бюрократии и расширяющихся вооруженных сил.

А для правительств национальных государств, находящихся на переходе от абсолютизма к различным типам буржуазно-республиканского и конституционалистского правления, создание национальной системы образования было направлено в первую очередь на государственное строительство.

Образование рассматривалось как важное средство для продвижения меркантилистских целей государства. Причем можно привести примеры не только из эпохи абсолютизма, но и более ранние исторические факты. Подобное влияние на систему образования обнаружено рядом исследователей даже в деятельности «государственных органов власти в Киевской Руси при создании первой структурированной системы отечественного образования.

Это было необходимо для обеспечения подготовленными кадрами правительственной бюро-

кратии и вооруженных сил, а также сыграло важную роль в формировании навыков, необходимых для зарождающихся государственных производственных проектов. Не в последнюю очередь это также было признано мощным инструментомощерения политической лояльности среди общества и создания сплоченной национальной культуры выгодной правящему классу.

Важность образования возрастала с увеличением интенсивности процесса формирования государства. Это было особенно актуально в тех случаях, когда реформированное государство возникало в результате глубоких социальных и политических потрясений, где оно было непосредственно вовлечено в процесс форсированной индустриализации «сверху», как в России и Пруссии.

Например, монархия времени Петра I проявляла все большую активность в реформировании образования в начале XVIII века. Для укомплектования растущей бюрократии империи требовались хорошо образованные чиновники. Как пишет теоретик неолиберальной теории роли государства в становлении образования С. Виборг, именно с этого момента государственная бюрократия стала «глубоко вовлечена в создание, финансирование и управление системой образования в рамках усилий по созданию единого государства» [3].

Но очевидно, что основным стимулом для создания национальных систем образования была необходимость обеспечить государство подготовленными администраторами, инженерами и военными, распространять доминирующие национальные культуры и внедрять популярные идеологии государственности, и таким образом формировать политическое и культурное единство растущих национальных государств и укреплять идеологическую гегемонию их доминирующих классов.

Рассматривая логику влияния государства на становление и развитие системы отечественного образования, можно выделить три периода: дореволюционный, советский и современный. Первый период отличает сильное влияние личности на формирование системы народного образования – монарха, видного государственного или политического деятеля или группы деятелей. Следующие этапы находились под воздействием объективной социально-политической внутренней и внешней ситуации и отражали интересы государственной политики.

Развитие светской образовательной системы в XVIII в. подтолкнули экономические и социальные реформы. В 1701 г. «по указу Петра I в Москве была основана первая школа под названием «Школа математических и навигационных наук», которая готовила инженеров, моряков, артиллеристов, геодезистов, архитекторов, учителей для других школ... Для подготовки широко образованного человека в XVIII в. в России стала создаваться целостная система государственных и частных

учебных заведений» [4]. В это же время с разным успехом открываются «цифирные», гарнизонные, адмиралтейские, горнозаводские, и также элитные инженерные и артиллерийские школы по инициативе и с непосредственным участием государства.

В XIX веке А.С. Пушкин в «Послании цензору» рассуждает о состоянии русской общественной мысли и приводит время первых лет правления Александра как образец для подражания, от которого «нельзя нам отступать» [5]. Именно реформами Александра I была заложена многоуровневая классическая система образования, которая как модель существует до сих пор. Император продолжил традиции просветительских реформ Петра I и Екатерины II, его преобразования стали органичной частью развития российского государственного образования.

В 1903 г. в «Предварительных правилах народного просвещения» была сформирована действенная структура системы светского образования. Ее составляли бессловесные приходские училища, уездные училища и гимназии, практические училища, лицеи и университеты. Именно они встали во главе каждого из 6 учебных округов, на которые была разделена Российская империя. Фактически, помимо традиционных образовательных функций университеты должны были выполнять инспекторские и методико-просветительские функции.

В начале XIX века были открыты сразу несколько крупных университетов в Санкт-Петербурге, Вильно, Дерпте, Харькове, Казани. Устав 1804 г. давал право студентам дворянского сословия претендовать на чин 14 класса, а выпускникам – помощь при поступлении на службу. Тем самым дворяне, которые до этого не особо стремились в университеты, получили достаточную мотивацию для получения высшего образования и построения карьеры чиновника. А образование стало реальным «социальным лифтом».

Полная национализация образования в государстве произошла в годы Советской власти. Фактически революционный характер в этой связи носит «Положение о единой трудовой школе РСФСР» 1918 г. [6], которое сделало образование обязательным для всех детей в возрасте от 8 до 15 лет. Оно стало важной вехой, положившей начало централизованному и систематическому государственному строительству системы государственных школ в СССР. А к 1926 г. «основным типом профессионального обучения становятся техникумы с трехлетним сроком обучения. В начале 1930-х годов были проведены существенные преобразования, касающиеся как организации учебного процесса, так и его содержания» [7].

Споры о роли государства на становление и развитие системы образования возникают на протяжении всей истории России. Например,

в начале XX века в печати развернулась полемика между педагогом П.Ф. Каптеревым, с одной стороны, и представителями народного просвещения А. Оскольским и В.Я. Стоюниным.

В условиях проводимой в то время реформы школьного образования П.Ф. Каптерев предостерегал от формальности государственных преобразований, подчеркивая, что «следовало – бы ближе и подробнее определить, что такое государственная педагогика, каковы ее задачи и цели, и что такое общественная педагогика, к чему она стремится» [8]. Сторонником обязательного укрепления государственного начала в контексте народного образования был А. Оскольский, но он также не исключал при этом возрастание и развитие общественной инициативы.

Возражая В.Я. Стоюнину, П.Ф. Каптерев писал, что доминирование государства в становлении образования не оспаривается, но и у школы должны иметься «свои права, которые бы защитили от произвола личностей и которые она сама могла бы защищать на основании законов, чтобы каждый трудящийся в ней педагог не чувствовал на себе посторонних влияний и давлений и не вынужден был поддаваться под нрав какого-нибудь чиновного лица» [8].

А в начале XXI века развернулась дискуссия о политизации образования через государственные стандарты преподавания истории. В дискуссии подчеркивалось, что такие концепты как «лево-радикальные историки», «консервативное направление истории», «историки-марксисты» в разные периоды отражали не только собственные политические пристрастия ученых, но и господствующее направление исторической политики. Государство может оказывать влияние на направление и интерпретацию истории через определение стандартов исторического образования, приоритетное финансирование и публикации тех или иных исторических исследований и учебников.

Одним из факторов влияния государства на образование можно считать внедрение в практику школьного образования, редактируемого государством и признаваемого «единственно верным» учебника истории и формирование специальных политически ориентированных структур, отвечающих за идеологическое и нравственное воспитание в школах. В 2009 г. вышел сборник статей, посвященный взаимоотношениям политики и истории. Проблемы политизации исторических исследований в историко-методологическом аспекте детально рассмотрены в статье А. Миллера [9].

Роль государства на становлении и развитии системы образования (современный аспект)

Современная Россия через осуществление Национальной доктрины образования «провозглашает такие ценности, как:

- поддержка и расширение международного и межнационального сотрудничества;
- формирование единого образовательного пространства;
- распространение и трансляция передового научного опыта и знаний;
- формирование профессионально-ориентированной личности современного человека и специалиста» [10].

Исходя из этого можно сформировать структуру основных задач государства в роли важнейшего субъекта функционирования системы образования (рис. 1).

Рис. 1. Основные задачи государства как важнейшего субъекта функционирования системы образования

В современной России на самом высоком уровне подчеркивается, что вектор развития образования задается стратегией социально-экономического и политического развития государства. Законы, национальные проекты и ежегодные Послания Президента «определяют образование в качестве одного из стратегических национальных приоритетов, а стратегической целью государственной политики в области образования – повышение доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного развития экономики, современным потребностям общества и каждого гражданина» [11].

В Российской Федерации согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, «развитие доступности образования служит одним из факторов ускорения структурной перестройки российской экономики, а в современном мире, где экономика знаний играет ключевую роль, важно обеспечивать доступность именно высшего, третьего, образования, так как инновации и развитие новых технологий напрямую зависят от наличия высокообразованных специалистов» [12].

На первом съезде родителей, освещаая проблемы образования и взаимодействия государственных структур и школ, Президент России В.В. Путин сказал: «Мнение общества, безусловно, будет услышано и, безусловно, будет учтено... Скажу больше, это относится ко всем государственным решениям. Во всяком случае, должно относиться ко всем государственным решениям»¹. Это делает актуальным рассмотрение государства не только как инициатора развития образовательной системы, но и объекта социального заказа на образование.

При этом субъектами выступают те, кто не имеет отношения к системе образования как профессионал или управленец, но заинтересован в его развитии, эффективности и соответствии современному инновационному развитию. Среди таких субъектов – родители обучающихся, непосредственно обучающиеся, представители общественных объединений и гражданского общества. При этом «содержательное наполнение социального заказа образованию коррелирует со стратегическими ориентирами российской образовательной политики и дифференцируется в зависимости от субъектных позиций личности, общества и государства» [13].

Вместе с тем, система образования в определенной степени выступает в качестве своего рода социального «лифта» для молодежи, «для некоторого сглаживания социальных различий и для сближения в какой-то мере стартовых возможностей молодых людей. Это закладывает, в свою очередь, основу социальной стабильности и мира конкретной страны. Именно образование содействует обеспечению социальной мобильности и равенства возможностей человека» [14]. Однако, однозначность важности образования как социального лифта может быть подвергнута сомнению.

Бесспорно то, что базовое общее образование, гарантированное государством и профессиональное образование закладывают основы формирования карьерной траектории. Но эти возможности необходимо правильно определить и реализовать на рынке труда.

В контексте проблемы трудоустройства выпускников высших учебных заведений несомненный интерес представляет институт самозанятости. В качестве эксперимента в 2019 году в четырех субъектах РФ была введена новая система налогообложения – «Налог на профессиональный доход» [15].

Таким образом, роль государства на становление и развитие системы образования в историческом масштабе вряд ли можно переоценить. Буду-

чи включенным в общую систему общественных отношений, образование подвергалось вниманию и влиянию государственного управления, финансирования и доминирования.

Государство выступает не только как инициатор развития образовательной системы, но и как объект социального заказа на образование. В современной России на самом высоком уровне подчеркивается, что вектор развития образования задается стратегией социально-экономического и политического развития государства.

Именно государственная воля сформировала институциональные основы массового национального образования во многих странах. И до сегодняшнего времени актуальной остается модель, где государственное образование хотя и соседствует с частным, но в целом доминирует. В России актуальность влияния государства проявляется не только в укоренившейся модели федеральной образовательной системы, но и в стремлении модернизации и инновационных преобразований через федеральные стандарты, национальные проекты и программы.

Государственные программы, направленные на поддержку и стимулирование молодых учителей

Качество образования в стране несомненно зависит не только от уровня подготовки учителей, но и от их увлеченности и морального настроя. Это особенно актуально для молодых педагогов. По данным Министерства образования Московской области около 26% педагогов в школах региона составляют молодые специалисты, «число педагогов до 35 лет ежегодно только увеличивается: за два года более чем на 750 человек» [16]. Молодые учителя – это специалисты в возрасте до 30 лет. Образование должно быть получено по очной форме обучения. Важным критерием выступает трудоустройство в государственное образовательное учреждение.

Программы поддержки могут быть целевыми и общей направленности. Последние, как правило продолжительны, не содержат элементов инноваций или профессионального развития и направлены в первую очередь на материальную поддержку. Федеральное законодательство содержит ряд льгот для молодых специалистов, в том числе, учителей. Наиболее распространенные – выплаты при переезде в сельскую местность, так называемые подъемные, социальная ипотека.

Например, в сельской местности на всей территории России им предоставляется компенсация на оплату жилья и коммунальных услуг [17]. Размер компенсации определяется Правительством РФ и выплачивается из федерального бюджета.

Региональные власти имеют право устанавливать свои компенсации и меры стимулирования

¹ Владимир Путин выступил на проходящем в Москве Съезде родителей России. Официальный сайт Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17469> (дата обращения: 23.10.2022).

молодых педагогов. В соответствии с Постановлением Правительства Москвы о мерах по обеспечению педагогическими кадрами школ города [18], молодой специалист при поступлении на работу в образовательное учреждение получает одноразовую выплату в размере 20 000 рублей. В течение первых трех лет работы в школе он получает надбавку к зарплате в размере от 40 до 50%, если выпускник закончил высшее учебное заведение «с отличием». Кроме того, молодые учителя имеют льготу 50% при оплате наземного общественного транспорта.

С 2012 г. всем молодым педагогам, заключившим трудовой договор с образовательным учреждением в течение года после получения диплома о высшем или среднем профессиональном образовании, выплачивается единовременное пособие. Данная программа реализуется как государственная услуга, то есть может быть оформлена через портал Госуслуг [19].

На период с 2017–2027 гг. в рамках государственной программы Московской области «Жилище» реализуется подпрограмма «Социальная ипотека в Подмоскowie». Программа стартовала в 2016 г. А в 2017 г. Правительство области выпустило постановление «Об утверждении государственной программы Московской области «Жилище» на 2017–2027 годы» [20]. В 2022 г. начался второй этап реализации подпрограммы.

В конце 2019 г. были внесены изменения в государственную программу «Развитие образования» [21]. Новая подпрограмма получила название «Земский учитель», которое отсылает к истории России, когда учителя переезжали в небольшие города и села, где не хватало квалифицированных педагогов. Аналогичный посыл имеет и современная программа.

Общие условия программы таковы:

- наличие у претендента среднего профессионального или высшего образования и соответствие квалификационным требованиям или стандартам по профессии;
- переезд в населенный пункт численностью не более 50 000 человек. При этом учителю нельзя уволиться из той школы, где он работает и перейти, например, в соседнюю, где есть вакансии для участия в программе «Земский учитель», потребуется именно переезд;
- заключение трудового договора и трехстороннего договора, в котором помимо претендента принимают участие администрация школы и местный орган управления образованием сроком на 5 лет;
- выплата учителю суммы от одного до двух миллионов рублей (на Дальнем Востоке России), не облагаемая налогом и которую можно потратить по собственному усмотрению.

Важнейшим компонентом формирования благоприятной обстановки в школе и успешной про-

фессиональной адаптации выступают программы моральной поддержки молодых учителей. Наиболее актуальным этот вопрос становится в 2023 г., который указом Президента РФ В.В. Путина объявлен Годом педагога и наставника [22]. Как сказано на сайте Министерства просвещения РФ, «миссия Года – признание особого статуса педагогических работников, в том числе выполняющих наставническую деятельность. Мероприятия Года педагога и наставника будут направлены на повышение престижа профессии учителя» [23].

Таким образом, государство принимает определенные меры, направленные на поддержку и стимулирование молодых учителей в виде дополнительных выплат, компенсаций и социальной ипотеки. Частично эти меры реализуются на региональном уровне. Однако, отсутствуют целевые программы и мероприятия, которые выделяли бы молодых учителей как особую категорию, требующую внимания и поддержки со стороны государства.

Исторически государство сыграло важную роль в становлении современной системы массового образования. Несмотря на рыночную потребность в грамотных людях в эпоху буржуазных революций, только государственная политика смогла обеспечить формирование преемственности и массовости образования для разных слоев общества. Роль государства продвинулась дальше: к формированию стандартов, поддержке педагогической общественности, внедрению инновационных направлений.

Литература

1. Заир-Бек С.И., Мерцалова Т.А., Анчиков К.М. Кадры школьного образования: возможности и дефициты // Мониторинг экономики образования. 2020. № 18.
2. Старыгина А.М. Государство как стратегический субъект развития российской системы образования // Социологическая наука и социальная практика. 2018. № 4(16).
3. Wiborg S. Neo-liberalism and Universal State Education: The Cases of Denmark, Norway and Sweden 1980–2011 // Comparative Education, 2014, 49, 4, pp. 407.
4. Ситаров В.А. История образования в России: досоветский и советский периоды // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 1.
5. Пушкин. А. Послание цензору // Культура РФ URL: <https://www.culture.ru/poems/5498/poslanie-cenzoru> (дата обращения: 23.09.2025).
6. Постановление ВЦИК РФ «Положение о единой трудовой школе РСФСР». 16 октября 1918 г. // LITRUS.NET URL: <https://litrus.net/book/read/109657?p=68>. (дата обращения: 23.09.2025).

7. Ситаров В.А. История образования в России: досоветский и советский периоды // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 1.
8. Овчинников А.В. Роль государства и общества в развитии школьного образования в России: взгляд П.Ф. Каптерева // Отечественная и зарубежная педагогика. 2014. № 6.
9. Миллер А. Россия: власть и история // «Pro et Contra». 2009. № 3–4.
10. Хоружая С.В., Коваленко Л.В. Роль российского государства в функционировании системы образования как социально-культурного феномена // Общество: философия, история, культура. 2021. № 11.
11. Доклад Правительства Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования. Москва, 2020. – URL: <http://static.government.ru/media/files/TqY-c5WPreBUOgYaya15z5siRjBU6sdV0.pdf> (дата обращения: 03.10.2025).
12. Сушко В.А. Влияние государственной политики на доступность высшего образования в современных условиях // Социология. 2025. № 7.
13. Владимир Путин выступил на проходящем в Москве Съезде родителей России. Официальный сайт Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17469> (дата обращения: 03.10.2025).
14. Скударева Г.Н. Личность, общество и государство как субъекты социального заказа образованию // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2018. Том. 21.
15. Автономов А.С., Гаврилова И.Н. Образовательная политика государства и развитие общества (на примере современной России) // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2021 / Отв. ред. академик РАН М.К. Горшков. – Вып. 10. М.; СПб.: Институт социологии РАН, Нестор-История, 2021.
16. Деханова Н.Г., Сушко В.А., Холоденко Ю.А. Возможности и риски для выпускников высших учебных заведений на российском рынке труда // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 11.
17. Более 3 тысяч молодых учителей привлекли в школы Подмосковья за последние два года // Министерство образования Московской области. Официальный сайт. – URL: <https://mo.mosreg.ru/sobytiya/novosti-ministerstva/19-08-2022-16-33-39-bolee-3-tysyach-molodykh-uchiteley-privlekli-v-shk> (дата обращения: 18.09.2025).
18. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», п. 8 ст. 47 // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 18.09.2025).
19. Правительство Москвы. Постановление от 23 марта 2004 г. № 172-ПП «О мерах по обеспечению педагогическими кадрами образовательных учреждений города Москвы» // Официальный сайт Мэра Москвы. – URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/19861220/> (дата обращения: 18.09.2025).
20. Госуслуги. Предоставление государственной поддержки педагогическим работникам // Портал Госуслуг. – URL: <https://www.gosuslugi.ru/216132/2/info> (дата обращения: 20.09.2025).
21. Правительство Московской области. Постановление от 25.10.2016 г. № 790/39 // Правительство Московской области. Официальный сайт. – URL: <https://mosreg.ru/download/document/72659> (дата обращения: 19.09.2025).
22. Постановление Правительства Российской Федерации от 09.11.2019 № 1430 с изменениями от 24.12.2021 г. № 2452 // Правительство России. Документы. – URL: <http://government.ru/docs/all/124608/> (дата обращения 20.09.2025).
23. Указ Президента Российской Федерации от 27 июня 2022 г. № 401 «О проведении в Российской Федерации Года педагога и наставника» // Министерство просвещения Российской Федерации. Банк документов. – URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/26ba12611bfc19a49fd3afee9d45e0a0/> (дата обращения 27.09.2025).
24. Год педагога и наставника. 2023. // Министерство просвещения Российской Федерации. Официальный сайт. – URL: https://edu.gov.ru/god_pedagoga_i_nastavnika (дата обращения 27.09.2025).

THE IMPACT OF THE STATE ON THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE EDUCATION SYSTEM

Sushko V.A.

Lomonosov Moscow State University

This article examines education as one of the most important social institutions, as it plays a key role in societal development, serving as a key component of human capital, essential for the development and stable functioning of the state and society as a whole. It also analyzes the factors, methods, and tools for developing the higher education system, particularly support measures for young graduates who decide to pursue careers in their field.

Keywords: role of the state, education system development, government strategies, methods and tools for higher education development, young professionals.

References

1. Zair-Bek S.I., Mertsalova T.A., Anchikov K.M. School Education Personnel: Opportunities and Deficits // Monitoring the Economics of Education. 2020. No. 18.
2. Starygina A.M. The State as a Strategic Subject in the Development of the Russian Education System // Sociological Science and Social Practice. 2018. No. 4(16).
3. Wiborg S. Neo-liberalism and Universal State Education: The Cases of Denmark, Norway and Sweden 1980–2011 // Comparative Education, 2014, 49, 4, pp. 407.
4. Sitarov V.A. History of Education in Russia: Pre-Soviet and Soviet Periods // Knowledge. Understanding. Skill. 2019. No. 1.
5. Pushkin. A. Message to the Censor // Kultura RF URL: <https://www.culture.ru/poems/5498/poslanie-cenzoru> (date of access: 23.09.2025).

6. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of the Russian Federation "Regulations on the Unified Labor School of the RSFSR." October 16, 1918 // LITRUS.NET URL: <https://litrus.net/book/read/109657?p=68>. (date of access: 23.09.2025).
7. Sitarov V.A. History of Education in Russia: Pre-Soviet and Soviet Periods // Knowledge. Understanding. Skill. 2019. No. 1.
8. Ovchinnikov A.V. The Role of the State and Society in the Development of School Education in Russia: the View of P.F. Kaptelev // Domestic and Foreign Pedagogics. 2014. No. 6.
9. Miller A. Russia: Power and History // "Pro et Contra". 2009. Nos. 3–4.
10. Khoruzhaya S.V., Kovalenko L.V. The Role of the Russian State in the Functioning of the Education System as a Socio-Cultural Phenomenon // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 11.
11. Report of the Government of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation on the Implementation of State Policy in Education. Moscow, 2020. – URL: <http://static.government.ru/media/files/TqYc5WPreBUOgYaya15z5siR-jBU6sdV0.pdf> (accessed: 03.10.2025).
12. Sushko V.A. The Impact of State Policy on the Accessibility of Higher Education in Modern Conditions // Sociology. 2025. No. 7.
13. Vladimir Putin spoke at the Congress of Parents of Russia held in Moscow. Official website of the President of Russia. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17469> (date of access: 03.10.2025).
14. Skudareva G.N. Individual, Society, and State as Subjects of Social Demand for Education // Bulletin of KSU named after N.A. Nekrasov. 2018. Vol. 21.
15. Avtonomov A.S., Gavrilova I.N. Educational Policy of the State and the Development of Society (on the Example of Modern Russia) // Russia under Reform: Yearbook-2021 / Ed. RAS Academician M.K. Gorshkov. – Issue 10. Moscow; St. Petersburg: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Nestor-Istoriya, 2021.
16. Dekhanova, N.G., Sushko, V.A., Kholodenko, Yu.A. Opportunities and Risks for Higher Education Graduates in the Russian Labor Market // Society: Sociology, Psychology, Pedagogy. 2023. No. 11.
17. Over 3,000 Young Teachers Attracted to Moscow Region Schools in the Past Two Years // Ministry of Education of the Moscow Region. Official Website. – URL: <https://mo.mosreg.ru/sobytiya/novosti-ministerstva/19-08-2022-16-33-39-bolee-3-tysyach-molodykh-uchiteley-privlekli-v-shk> (Accessed: 18.09.2025).
18. Federal Law of 29.12.2012 No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation", Clause 8, Article 47 // Consultant-Plus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (date of access: 18.09.2025).
19. Government of Moscow. Resolution of 23 March 2004 No. 172-PP "On measures to provide educational institutions of the city of Moscow with teaching personnel" // Official website of the Mayor of Moscow. – URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/19861220/> (date of access: 18.09.2025).
20. State Services. Providing state support to teaching staff // State Services Portal. – URL: <https://www.gosuslugi.ru/216132/2/info> (date of access: September 20, 2025).
21. Government of the Moscow Region. Resolution of October 25, 2016 No. 790/39 // Government of the Moscow Region. Official website. – URL: <https://mosreg.ru/download/document/72659> (date of access: September 19, 2025).
22. Resolution of the Government of the Russian Federation of November 9, 2019 No. 1430, as amended on December 24, 2021 No. 2452 // Government of Russia. Documents. – URL: <http://government.ru/docs/all/124608/> (date of access: September 20, 2025).
23. Decree of the President of the Russian Federation of June 27, 2022 No. 401 "On Holding the Year of the Teacher and Mentor in the Russian Federation" // Ministry of Education of the Russian Federation. Document Bank. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/26ba12611bfc19a49fd3afee9d45e0a0/> (accessed September 27, 2025)
24. Year of the Teacher and Mentor. 2023. // Ministry of Education of the Russian Federation. Official Website. URL: https://edu.gov.ru/god_pedagoga_i_nastavnika (accessed September 27, 2025)

Лингвистическая интеграция. Опыт осмысления латинского литургического наследия в свете перевода на русский язык

Ткаченко Максим Михайлович,

соискатель ученой степени, к.ф.н., РАНХиГС, преподаватель истории религии в АНО ДПО «РДА»
E-mail: Maxim-tka@yandex.ru

Главной отличительной особенностью христианства, выделяющей его не только из остальных авраамических религий, но и отличающей от большинства представителей корпуса современных религиозных концепций, можно обозначить т.н. «лингвистическую широту», ярко выраженную в христианской доктрине Пятидесятницы и позволяющую этой религии существовать в любой языковой плоскости и легко переживать инкультурацию. Несмотря на это, в одном из ключевых аспектов своей деятельности — богослужбном — основные полюсы единого христианского полотна — Восток и Запад — пошли по разным путям. В то время как на Востоке с преобладающим грекоязычным населением христианское богослужение смогло интегрироваться в языковую среду иных народов, на Западе непререкаемый авторитет на многие годы приобрела латынь, став единственным языком богослужения в независимости от географического положения или национального аспекта. Такое положение дел привело к множественным спорам и конфликтам относительно господствующей роли латинского языка, что в конечном итоге вылилось в масштабную литургическую реформу, проведённую Католической церковью в середине XX века. Результаты и последствия такой реформы до сих пор оцениваются по-разному. Во многом из-за того, что она не затронула векового латинского богослужения, считаемого традиционным, но явила миру новую форму в духе «aggiornamento». В настоящее время литургический корпус католицизма переведен на большинство национальных языков, в то время как древние латинские памятники богослужбного искусства по-прежнему сохраняются на латыни, порождая конфронтацию между последователями «старого» и «нового» богослужбного порядка. Целью данной статьи является презентация и апробация проведенного автором обширного перевода традиционного латинского богослужения на русский язык. Автор усматривает в данной работе не только научную ценность и новизну, но и попытку обогащения богослужбного наследия западной христианской традиции, придав ему таким образом фактически «новую жизнь». Данная статья, как и описываемый в ней основной переводческий труд, обладают не только научной но и историко-лингвистической уникальностью, никогда ранее не предлагавшейся в подобном масштабе, а также содержит в себе множественные ознакомительные примеры.

Ключевые слова: богослужение; католицизм; латынь; месса; перевод; христианство; языки.

Исторические вводные

Главной богослужбной книгой, фактически покрывающей собой 85% обихода латинского обряда, является т.н. Римский Миссал (лат. Missale Romanum), содержащий в себе не только само статичное последование Мессы, но и все изменяемые части, варьирующиеся в зависимости от времени литургического года. Таким образом, Римский Миссал заменяет собой целый ряд восточных богослужбных книг, принятых в православной традиции, таких как: Октоих, предлагающий изменяемые тексты в течение одной недели по дням; Минея, выполняющая ту же самую функцию для календарных дней и празднуемых событий; а также постную и цветную (пасхальную) Триодь.

Такое положение вещей не только неминуемо делает Миссал образцом и «лицом» всего западного литургического наследия, но и вызывает закономерную необходимость в регулярных попытках его унификации на церковном пространстве, позиционирующим себя как единую среду с единым языком и единой формой обряда. Наиболее интенсивная стандартизация латинской литургии началась в скором времени после событий Великой схизмы 1054 года, когда в результате раскола Запада и Востока возникли, непосредственно, Православная и Католическая церкви, каждая из которых стала считать себя единой и, *de facto*, единственной. Подобное мнение в совокупности с убежденностью в необходимости общей языковой богослужбной среды¹ породило стойкое стремление к унификации, начавшееся в XII веке и фактически завершившееся через 400 лет проведением Тридентского собора и дальнейшим изданием общего и узаконенного Римского Миссала по указу Папы Пия V.

¹ Следует обратить внимание на принципиальное утверждение христианства в допустимости обращений к Богу на любом доступном языке, а также на осуждение церковью ереси «трехязычия», полагавшей возможным существование Священного Писания (а в наиболее радикальных формах — и молитвы) лишь на греческом, латинском и еврейском. Несмотря на этот факт, в западном богословии развилось учение о своем рода «сакральном» языке, которым была признана латынь, что прямо противоречит общепризнанной в христианстве вере в Пятидесятницу и дар языков, позволявший людям молиться и проповедовать на родном языке, сохраняя этническую и культурологическую идентичность. Данный исторический факт имеет прямое отношение к вопросу, разбираемому в данной статье. Подробнее о ереси трёхязычия см.в. Надежда Муравьева. Трёхязычная ересь // НГ-Религия. — 26 мая 2004. — № 104.

Новое издание, утвержденное папской буллой «Quo Primum» получило название «Missale Romanum ex Decreto Sacrosancti Concilii Tridentini restitutum, Pii V. Pont. Max» («Римский миссал Верховного Понтифика Пия V, утверждённый по указу Святейшего Тридентского Собора»).

Впоследствии несколько римских пап вносили изменения в текст Миссала, которые, однако, касались в основном лишь рубрик, добавления молитв новым святым, а также некоторых сокращений. Подобные изменения произошли в 1604 году при Клименте VIII, в 1634 году при Урбане VI, в 1920 году при Бенедикте XV (начато при Пие X) и, наконец, в 1962 году при Иоанне XXIII. В настоящее время Римский Миссал, содержащий богослужение на латинском языке, утвержденное по решению Тридентского собора, носит название «типическое издание 1962 года» и активно используется теми группами католиков, которые продолжают придерживаться именно этого формата.

Следует обратить внимание на несколько важных фактов. В первую очередь отметим, что именно типическое издание 1962 года¹, а также удалённые из него некоторые рубрики, сохранившиеся в издании 1920 года, стали основной базой для перевода, проведенного автором. Также заметим, что каждый из римских пап, вносивших свои изменения в текст Миссала, делали это путём публикации т.н. Апостольских Писем, добавлявшихся в начало книги. В отличие от Буллы «Quo Primum», переведенной на русский язык членами ассоциации «Una Voce Russa»², тексты посланий папы Климента VIII и Урбана VIII, а также письмо Иоанна XXI-II впервые были переведены автором на русский язык, что также представляет собой научную новизну и уникальность работы.

В качестве примера приведём здесь перевод общего декрета, обнародовавшего новый свод рубрик Римского Миссала, от 1962 года:

«Новый свод рубрик Римского Миссала и Бrevиария, который Святейший господин наш, Папа Иоанн XXIII, установил Апостольским письмом 25 июля сего года и повелел обнародовать настоящим указом Священной Конгрегации Обрядов, та же Конгрегация публикует и объявляет, что свод сей должен быть включён в новые издания Римского Бrevиария и Миссала с 1 января 1961 года. Для того, чтобы нынешние богослужebные книги по-прежнему могли использоваться, к своду рубрик добавляются «Вариации», чтобы адаптировать их к новым Бrevиарию и Миссалу, а также к Мартирологу.

Из залов Священной Конгрегации Обрядов 26 июля 1960 года.

За подписью кардинала Энрико Данте, секретаря»³.

Описание перевода

Как мы уже отметили, Римский Миссал, изданный по решению Тридентского собора, являлся главной и фактически единственной богослужebной книгой, содержащей чин Мессы, обязательный для всей церкви, вплоть до 1969 года, когда был заменён новым изданием Миссала, утверждённым Папой Павлом VI в ходе литургической реформы, проведённой во исполнение решений Второго Ватиканского собора. Устанавливая данный Миссал в качестве обязательного к использованию, Верховный Понтифик не отменил, впрочем, возможности прибегать к древнему литургическому наследию, содержащемуся в Миссале Папы Пия V, хотя такая и была существенно ограничена. Желая интегрировать древние латинские тексты в современную языковую среду, автор решил на создание перевода «Традиционной» Мессы, последование которой содержится в Миссале, разработанном Тридентским собором.

Ввиду возможности существования данной Мессы исключительно на латинском языке, полноценных переводов Missale Romanum 1962 никогда не проводилось, что кардинально отличает его от «собрата» 1969 года, ныне переведенного на большинство современных языков.

Следует принимать во внимание отдельные местные переводы Миссала, выполненные членами «традиционалистских общин», однако таковые в значительной степени сокращены, представляют собой сборники наиболее востребованных выдержек в параллельном переводе и носят, скорее, учебный характер, помогая людям воспринимать богослужение на латыни⁴. Автор же позиционирует свой перевод в качестве единственного в мире полноценно переведенного Миссала объемом около тысячи страниц со всеми сопутствующими текстами, а не только богослужebными.

В первую очередь это касается вступительной части, которая занимает около 10% всего Миссала и содержит важнейшие указания по совершению богослужения.

Приведем ознакомительный пример:

«Священник, который намеревается совершить Мессу, предварительно, если это необходимо, прибегает к таинству исповеди, а наутро уделяет немного времени молитвам, которые приведены ниже специально для этого случая. Затем он идёт в подготовленное место в ризнице или в другом месте, где хранятся облачения, а также иные

¹ См. Missale Romanum iuxta typicam. – 4 изд. – Cincinnati, Ohio.: Benziger Brothers, Inc., 1962. – 1140 p.

² Булла Quo Primum // Una Voce Russa. – URL: https://unavoce.ru/docs_quo_primum_tempore.html (дата обращения: 11.03.2025).

³ Авторский перевод. Оригинал см. в Missale Romanum iuxta typicam. – 4 изд. – Cincinnati, Ohio.: Benziger Brothers, Inc., 1962. p. X.

⁴ См. напр. The Roman Catholic Daily Missal. – Kansas City, Missouri.: ANGELUS PRESS, 2008. – 1200 p.

предметы, необходимые для священного празднования. Священник берёт Миссал, просматривает изменяемые части Мессы и располагает закладки в необходимых местах»¹.

То же самое касается и других текстов практического характера. Например, трактата об ошибках при совершении богослужения. Для русскоязычного сегмента данная часть Миссала особенно важна, так как оказала прямое влияние на содержание православного Служебника. Подробнее об этом автор уже писал ранее и также представил результаты своих исследований².

Немаловажное значение имеет и перевод внутритекстовых рубрик, представляющих собой указания для священника, написанные красным цветом прямо походу богослужения. Именно с помощью рубрик духовенство веками осваивало практическую сторону богослужения. На них же основывается и программа по изучению литургии в католических семинариях. Изучение данных рубрик на латинском языке до сих пор вызывает ряд трудностей в том числе и у современных приверженцев старинного богослужения. Например, международная семинария в Эконе (Швейцария), принадлежащая Братству св. Пия X (FSSPX), обучает духовенство в дореформенной традиции, предлагая свое образования людям из самых разных стран, в том числе Европы и СНГ. Независимо от национальности студентов и основного языка преподавания, богослужебные рубрики изучаются в их латинском оригинале.

Выполненный перевод решает данную проблему, предлагая указания по совершению Мессы на том же языке что и само богослужения. Приведем некоторые примеры таких рубрик. Например, относящихся к празднику Пальмового (вербного) воскресенья:

«После молитвы священник приступает к окроплению ветвей, лежащих на столе, а затем окропляет ветви верующих у перил, если только ему не угодно окропить их, пройдя через всю церковь. Затем священнослужитель помещает благовоние в кадильницу, по обычному порядку, и сначала трижды кадит освященные ветви, положенные на столы, затем, у перил или, проходя через церковь, окуривает ветви верных. Священнослужители или министранты сопровождают celebranta как при окроплении, так и при каждении ветвей, держа края его каппы»³.

¹ П. 1. О приближении священника к алтарю. Авторский перевод. Оригинал см. в. *Missale Romanum iuxta typicam*. – 4 изд. – Cincinnati, Ohio.: Benziger Brothers, Inc., 1962. p. I.

² Ткаченко М. М., иерей. Католический след в православном служебнике. Сравнительный анализ «Известия учительного» и латинского трактата «De defectibus» // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2022. Вып. 2 (23). С. 51–65.

³ Авторский перевод. Оригинал см. в. *Missale Romanum iuxta typicam*. – 4 изд. – Cincinnati, Ohio.: Benziger Brothers, Inc., 1962. p. 134.

Как мы видим, подобные указания содержат весьма ценную информацию прикладного характера и также никогда не переводились на национальные языки. Особенно на русский.

Лингвистическая стилизация

Важной особенностью перевода является его стилистическое оформление. В качестве основной задачи ставилась подготовка текстов таким образом, чтобы перевод не являлся своего рода подстрочным или строго академическим, но отвечал бы назначению текста. Главным назначением переводимого Миссала является богослужение – деятельность, в высшей степени подверженная влиянию искусства, а потому учитывалась необходимость мелодического обрамления, превращающая перевод в литературный.

В качестве наиболее яркого примера приведем работу над словом «viscera» из латинского текста «Beáta viscera Mariæ Virginis, quæ portavérunt ætérni Patris Fílium».

Дословно данный термин можно перевести как внутренности или висцеральные органы – органы человека лежащие в основном в грудной и брюшной полостях, а именно органы дыхания, пищеварения, а также половые. Делая акцент на специфику переводимого текста, его возвышенность и религиозную плоскость, наиболее уместным представляется применения термина «ложесна», в результате чего приведенное выше латинское песнопение в русском эквиваленте стало звучать как «Благословенны ложесна Марии Девы, родившие в мир Сына вечного Отца», что полностью подходит для богослужебного текста.

Так же обратим внимание и на другое место в тексте Миссала, содержащее тот же термин, но во множественном числе. В молитве: «*Corpus tuum, Dómine, quod sumpsi, et Sanguis, quem potávi, adhæreat viscéribus meis: et præsta; ut in me non remáneat scélerum mácula, quem pura et sancta refecerunt sacraménta: Qui vivis et regnas in sæcula sæculórum*» фигурирует термин «viscéribus». Он содержится в разделе неизменяемых частей Мессы, который уже подвергался попыткам перевода на национальные языки. В частности, на русский язык его проводили уже упомянутые члены ассоциации «Una Voce Russa»⁴, в результате чего текст стал звучать как «Тело Твое, Господи, которое я принял, и Кровь, которую испил, да прильнут к внутренностям моим...». На наш взгляд, данное звучание совершенно не соответствует назначению, в результате чего перевод был заменен на «Тело Твое, Господи, которое я принял, и Кровь, которую испил, да приложатся существу моему...».

⁴ Чин святой Мессы // Una Voce Russa. – URL: https://unavoce.ru/tlm_ordo.html (дата обращения: 11.03.2025).

Поэтической и богослужебной стилизации при сохранении точного смысла было отведено главенствующее место, что делает русский перевод *Missale Romanum* не только научным трудом, но и полностью пригодной для полноценного богослужения книгой, если бы таковое когда-то было бы проведено.

Заключение

Полностью переведенный на русский язык дореформенный Миссал в первую очередь для академического изучения, но также может быть полезен для ограниченного использования в общинах, христиане которых желают проникать сердцем и умом в древнюю литургическую традицию, но не имеют возможности полноценно участвовать в богослужении по «экстраординарной форме римского обряда» (как её классифицировал Папа Бенедикт XVI), которая веками совершается только на латыни.

В настоящий момент полноценный перевод является собственностью автора и дальнейшая его публикация будет зависеть от качества и интенсивности проведения исследований, презентаций и опробований, первой из которых является представленная статья.

Литература

1. Надежда Муравьёва. Трёхязычная ересь // НГ-Религия. – 26 мая 2004. – № 104.
2. *Missale Romanum iuxta typicam*. – 4 изд. – Cincinnati, Ohio.: Benziger Brothers, Inc., 1962.
3. Ткаченко М. М., иерей. Католический след в православном служебнике. Сравнительный анализ «Известия учительного» и латинского трактата «De defectibus» // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2022. Вып. 2 (23). С. 51–65.
4. *The Roman Catholic Daily Missal*. – Kansas City, Missouri.: ANGELUS PRESS, 2008.
5. *Una Voce Russa* URL: <https://unavoce.ru.html> (дата обращения: 11.03.2025).

LINGUISTIC INTEGRATION. UNDERSTANDING THE LATIN LITURGICAL HERITAGE IN LIGHT OF TRANSLATION INTO RUSSIAN

Tkachenko M.M.

RANEPA, RDA

The main distinctive feature of Christianity, which distinguishes it not only from other Abrahamic religions, but also from most representatives of the corpus of modern religious concepts, can be designated the so-called “linguistic breadth”, clearly expressed in the Christian doctrine of Pentecost and allowing this religion to exist in any linguistic plane and easily experience inculturation. Despite this, in one of the key aspects of their activity – liturgical – the main poles of a single Christian canvas – the East and the West – went along different paths. While in the East with a predominantly Greek-speaking population, Christian worship was able to integrate into the linguistic environment of other peoples, in the West, Latin acquired unquestionable authority for many years, becoming the only language of worship regardless of geographical location or national aspect. This state of affairs led to numerous disputes and conflicts regarding the dominant role of the Latin language, which ultimately resulted in a large-scale liturgical reform carried out by the Catholic Church in the middle of the 20th century. The results and consequences of this reform are still assessed differently. Largely due to the fact that it did not affect the centuries-old Latin liturgy, considered traditional, but presented the world with a new form in the spirit of «aggiornamento». Currently, the liturgical corpus of Catholicism has been translated into most national languages, while ancient Latin monuments of liturgical art are still preserved in Latin, giving rise to confrontation between the followers of the «old» and «new» liturgical order. The purpose of this article is to present and test the author's extensive translation of the traditional Latin liturgy into Russian. The author sees in this work not only scientific value and novelty, but also an attempt to enrich the liturgical heritage of the Western Christian tradition, thus giving it a de facto «new life». This article, like the main translation work described in it, has not only scientific but also historical-linguistic uniqueness, never before offered on such a scale, and also contains numerous introductory examples.

Keywords: worship; catholicism; latin; mass; translation; christianity; languages.

References

1. Nadezhda Muravyova. The Trilingual Heresy // NG-Religion. – May 26, 2004. – № 104.
2. *Missale Romanum iuxta typicam*. – 4th ed. – Cincinnati, Ohio.: Benziger Brothers, Inc., 1962.
3. Tkachenko M. M., priest. The Catholic Trace in the Orthodox Service Book. Comparative Analysis of the “Izvestie uchitelnoe” and the Latin text “De defectibus” // Bulletin of the Orenburg Theological Seminary. 2022. Issue 2 (23). P. 51–65.
4. *The Roman Catholic Daily Missal*. – Kansas City, Missouri.: ANGELUS PRESS, 2008.
5. *Una Voce Russa* URL: <https://unavoce.ru.html> (date of access: 11.03.2025).

ОНТОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

К проблеме формирования субъекта выбора в сфере образования

Бусов Сергей Васильевич,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры СПН
Санкт-Петербургского государственного университета
телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича
E-mail: swbusoff@mail.ru

Формирование субъекта выбора в образовательном процессе часто сводится к набору его компетенций (способностей). «Сборка» субъекта представляет собой «синергетический эффект» коллективного действия в рамках учебного процесса. Функция выбора включает три компонента механизма воли: «субъективно-мотивационный», «когнитивно-объектный» и «исполнительный», которые рассматриваются как способности; их становление проходит четыре этапа: подражание, вера, рассудок, разум. Познание и практика путем открытия законов природы и общества позволяют подчинить объективные процессы потребностям человека, формируя субъекта, совершающего автономный и осознанный выбор в соответствии с требуемыми компетенциями. Формирование субъекта социального действия осуществляется посредством уяснения и реализации им исторически определённых ценностных установок.

Ключевые слова: сборка субъектов, социальный отбор, компетенции, свобода выбора, возможности, ценности.

Для того, чтобы уяснить суть заявленной проблемы, касающейся обучения, формирования человека как субъекта социального действия, следует сначала определиться с такими понятиями как человек, субъект, сборка или конструкция субъектов, а также свобода выбора. Субъектность человека – это его функционал, закреплённый в системе социальных отношений. Социальные функции человека представляют его существом, способным делать вещи (орудия труда) и посредством их преобразовывать природу и социум. Платон указывал на духовную сущность человека, наделённого разумной душой. Аристотель подчеркивал в человеке его политическую сущность («политическое животное»). С развитием науки идея проявления сущности человека в его материально-преобразовательной деятельности стала доминирующей. По мысли Н. Гартмана, «творение, которое ему (человеку. – С.Б.) надлежит исполнить в мире, заключено в его самотворении, в осуществлении своего этоса» [1, с. 91]. Гартман, следуя явным образом идеям И. Канта, говорит, что там, где человек «подхватывает требование должностования и прилагает усилия в его пользу, закон (имеется в виду идеал. – С.Б.) начинает проникать в реальное» [1, с. 548]. Так создается культура, общество, мир искусственной природы, ядром которой является человеческий язык. «Сборка» этого мира или культуры, как и «сборка» субъекта, который «этот» мир создает в языковой форме ментальных конструкций, а затем и материализуя свой проект, невозможна без особого механизма, сущностью которого является социальный отбор. Поскольку этот искусственный мир создается, собирается под человека самим человеком, то следует признать «сборку социума» одним из главных условий «сборки» субъекта деятельности, наделённого способностями преобразовывать материальную природу, организовывать социум, мыслить и производить себе подобных. В свое время Н.Н. Моисеев, академик РАН, называл свойство *кооперативности* поведения множества элементов сложной открытой системы основой «механизмов сборки» [2, с. 204–207]. Все вышеназванные процессы отражены в общенаучном понятии отбора; в данном случае речь идет о социальном отборе, который может быть представлен, в частности, в виде педагогической системы или учебно-педагогической среды. В междисциплинарной области знаний относительно исследований механизма отбора, как в сфере природных явлений,

так и в социальной сфере, наибольшие успехи, по мнению ряда авторов, принадлежат синергетике (см., например, работу В.П. Шалаева [3] Что касается учебно-педагогической среды, то субъект выбора может определяться как иерархически определенный уровень организации социума. Это может быть как отдельный индивид, так и коллектив, группа, социум. Педагогическая система может рассматриваться и как субъект выбора и как субъект отбора. Формирование специалистов, наделенных определенным набором компетенций, может осуществляться лишь в условиях единства выбора и отбора.

Отдельный индивид, малая группа, социум, учебно-педагогическая среда – все это элементы системы, стержнем которой служит единство выбора и отбора. Если рассматривать эти концепты (выбор и отбор) как системные образования, то их единство можно представить в виде пересечения их функционалов, где социальный отбор есть целое, а процесс выбора – его часть и наоборот, где социальный отбор становится частью выбора, совершаемого определенным субъектом. В парадигме логического позитивизма, где объективная действительность рассматривалась как текст, отбор и выбор текстуально пересекались наподобие кругов Эйлера-Венна. Это интересная находка, если рассматривать такого рода единый текст в контексте объективной реальности. Механизм выбора функционально проявляется как *фрактал* механизма отбора. Действительно, особенностью социальной системы является свойство фрактальности или себеподобия. Это одна из важнейших характеристик упорядоченности сложных открытых систем, в частности, социальных, проявляющаяся в процессе перехода от хаоса к порядку и в процессе воспроизводства сложноорганизованного иерархического порядка, воспроизводящегося, как правило, с ошибками, которые добавляет в среду человек, делая свободный выбор [4, с. 258].

Свойство фрактальности в картине мира обнаруживаем и у Платона, создателя знаменитой Академии, предпринявшего ряд попыток построить «идеальное государство». В диалоге «Государство» Платон выстроил систему воспитания и обучения применительно к представителям трех сословий (крестьяне и ремесленники, воины-стражи, философы-правители). Мир видимый (мир вещей) оказывается своего рода фракталом мира идей, средоточием которых является идея блага. Как известно, структура идеального государства Платона подобна структуре души человека. Философом проводится также соответствие души человека (микрокосм) и космоса (макрокосм), включающего сферу идей, мировую душу и мир вещей. Гениальные интуиции древних о механизме себеподобия, по принципу которого строится мир, выражены крылатой фразой «Познай себя и ты по-

знаешь весь мир». Если для представителей низших сословий созерцание идей не соответствует их добродетели, то для философов-правителей такой вид познания является ключевой компетенцией, соответствующей их добродетели мудрости. «Земной» мир также наделен фрактальной структурой; он постигается с помощью ощущений и мнений (очевидно, имеются в виду представления). Ввиду подобия частей целому, начало познания, согласно Платону, должно опираться на «уподобление» [5, с. 294]. Поскольку мир видимый, или мир явлений, подобен миру умопостижаемому, т.е. миру вечных и неизменных сущностей (идей), то, очевидно, возникает потребность прививать обучающимся веру в подобие (соответствие) мира вещей миру идей. Кто способен подняться выше подражательности и слепой веры на уровень рассудка и разума, тот сможет проверить истинность утверждений философов-правителей и сформировать собственные убеждения, овладев свободой постигать «чистое бытие» [5, с. 306–307].

В процессе управления сложной системой и поддержания ее гомеостазиса главную роль играет «выбор возможности». Этому, по сути, следует учиться прежде всего. В рамках методологии, созданной Санкт-Петербургской научной школой социальной синергетики, одним из аспектов концепции единства выбора и отбора является включение «регуляционно-волевого акта» (Л.М. Веккер) в механизм социального отбора в качестве элемента, наделенного характеристиками, сходными с характеристиками и функционалом детектора – одного из ключевых факторов социального отбора. Это может пониматься также как кооперативное единство отдельной личности и коллектива. Механизм социального отбора включает, говоря словами В.П. Бранского, «три фактора: тезаурус, детектор и селектор» [6, с. 510–517]. *Тезаурус* – результат целого «каскада» бифуркаций – ветвлений возможных вариантов эволюции системы, проистекающих из зоны флуктуаций. Посредством бифуркации на разных уровнях системы, находящейся в неустойчивом состоянии, возникают разные возможности, составляющие тезаурус отбора. Ключевая функция *детектора* – это отбор и реализация возможности, явленной тезаурусом. Детектор представляет собой единство процессов разных уровней, как конкурирующих, так и кооперирующихся, это фактор согласования структур, развивающихся в разном темпе, фактор, выводящий на *структуру-аттрактор* эволюции; он представляет собой способ перехода между различными режимами эволюции, скажем, режимом быстрого роста и режимом ослабления интенсивности процессов [7, с. 98–101]. Понятие структуры-аттрактора связано с конечным результатом процесса отбора – воспитания и образования человека, а именно, с типом молодого человека, получившего аттестат зрелости или диплом о высшем

образовании. Как известно, «конец – всему делу венец». Аттракторы в общественном производстве – это квазиконечные состояния сфер производства, а более конкретно – исторически определенный тип человека. Если система вышла на аттрактор, то, как правило, воспроизводит его, пока есть в наличии условия и ресурсы. Детектор работает также по типу «сети», когда способы производства переносятся с одной сферы на другую, например, способ производства вещей может применяться в оргсфере, в сфере духовной, в сфере производства самого человека и наоборот. В детекторе проявляются закономерности, основой которых становится реализация причинной зависимости между разными процессами при соответствующем ей полном наборе условий. Названный набор условий формируется как по необходимости, так и случайно, а также, если речь идет о социуме, то под воздействием свободной воли человека. Чем прогрессивнее социум, чем более развиты сферы общественного производства, в частности, сфера производства (воспитания и образования) человека, тем более значимым становится фактор свободного и ответственного выбора субъектом определенной возможности. Детектор в лице субъектов выбора руководствуется *селектором*, который оптимизирован в виде принципа максимальной устойчивости. Человек включен в процесс отбора в разных контекстах и в разных смыслах; не всегда определяющим моментом здесь оказывается проявление его воли. Однако фактор свободной воли в условиях единства выбора и отбора, каким бы незначительным он ни был, особенно, если это касается образовательной сферы, всегда следует учитывать.

Л.М. Веккер выделил три компонента «регуляционно-волевого акта» [8, с. 167]. Фундаментальность первого из них, субъективно-мотивационного компонента, содержится в понятии *потребности*. Потребность, выражая недостаток чего-либо для нормальной жизнедеятельности человека, может определяться также понятием интереса, который характеризуется осознанной мотивацией снятия означенного «недостатка». Что касается мотивационной сферы обучающегося (здесь особенно продуктивна познавательная мотивация), то важно создать условия для «личностного смысла деятельности». Об этом подробно пишет доктор педагогических наук М.А. Федорова в своей монографии [9]. Интерес не сводится лишь к образу «желаемого будущего», но содержит мысленный проект поступка, движимого энергией мотива. В отличие от желаний, фокусирующихся на множестве возможностей, интерес сводится, как правило, к реализации лишь одной из них. Речь идет о предмете, удовлетворяющем потребность. На передний план выходит функция ментального «овладения» объектом. Л.М. Веккер называет эту функцию «когнитивно-объектным

членом» волевого процесса. Наконец, третий, исполнительский, компонент, как завершающий этап волевого акта, позволяет производить попытки уже в практическом плане овладения объектом, преобразования его, а также, что не менее важно, проверки на истинность ментальной модели этого самого «овладения объектом». Действительно, объективная информация о ситуации, о текущем моменте, полученная в ходе проявления волевого акта, должна определить рациональное распределение усилий для достижения поставленной цели. А уж коли речь идет о цели, то она, по сути, должна формироваться, исходя из оценки наличных, доступных здесь и сейчас средств ее достижения. В процессе выбора возможности субъекту следует опираться именно и только на те предпосылки, которые связаны причинной зависимостью с желаемым событием в будущем. Причина определяется как такая связь между явлениями, при которой изменения в одном из них вызывают по необходимости *соответствующие* изменения в другом. Познавание характеристик столь необходимого соответствия изменений в связанных между собой процессах в классической философии определялось как проявление свободы воли, т.е. свобода определялась как познанная необходимость, понимаемая как причина. Б. Спиноза выразил сущность свободы воли так: «сущность действия выражается и определяется сущностью его причины» [10, с. 591]. Поскольку необходимое соответствие причины и действия было зафиксировано давно, то свободу начали сводить к поискам такой причины, которая производила бы всякий раз одни и те же следствия, что было возведено зарождающейся наукой в понятие закона. Желаемыми для человека будут эти следствия или нет – другой вопрос. Выбор возможности – это сложный процесс проявления свободы, связанный с целеполаганием. В исполнительном компоненте, согласно Л.М. Веккеру, получает выражение «общая продуктивность акта». Однако вся хитрость такого рода выбора заключается в наборе условий, необходимых для действия причины. Условия могут быть подвержены случайностям. В социуме они прежде всего зависимы от человека. Выражения «создать условия» или, наоборот, «лишить условий», прямо зависят от воли человека. Соотнесем волю с понятием бифуркации; все три ее компонента вариативны. И субъективно-мотивационный элемент, и когнитивно-объектный, и исполнительный зависят от условий, которые меняются также, как отношения между людьми. Если рассматривать мотив как потребность и выражающие ее желания, то оказывается, что потребности могут быть удовлетворены (тем более, если это высокие, духовные потребности) лишь посредством системы ценностей. Чтобы получить требуемую ценность, необходимо как-то уметь управлять системой социальных отношений, от которой зависит

и система ценностей. Выбор возможности объективно зависит от бифуркации. В.Г. Буданов подчеркнул важность бифуркаций в контексте учебно-преподавательской деятельности, ссылаясь на то, что «только в них можно несиловым, информационным способом, т.е. сколь угодно слабыми воздействиями, повлиять на выбор поведения системы, на ее судьбу» [11, с. 297]. Появление новых возможностей – это появление новых объектов познания и использования. В любой сфере деятельности «один в поле – не воин». Процесс «создания условий» больше всего отвечает коллективным действиям, т.е. той кооперативности поведения элементов системы, о которой говорилось выше. Исполнительный компонент проявления воли чаще всего обнаруживает себя в виде коллективного действия, а свобода отдельного индивида проявляется в том, какую форму и направление своего поведения он выберет, чтобы вписаться в коллективное действие.

Понятие субъекта соотносится как с отдельным индивидом, так и с поведением группы. Так называемая «сборка субъекта» может быть представлена именно как групповое действие или производство. Но это лишь один аспект, касающийся субстрата, а не функции – выбора возможности. Что касается функции, то для этого подходят слова К. Маркса, который писал, что, меняя форму того, что дано природой, человек осуществляет также свою цель, «которая как закон определяет способ и характер его действий, которой он должен подчинить свою волю» [12, с. 189]. Соотнесем причинность, которую реализует субъект с целесообразностью. Уже Аристотель полагал существование целевой причинности, что, конечно, не соответствует действительности, но соответствует тому, во что может превратиться человеческая деятельность, преследующая определенную цель; она может сформировать причинную зависимость. Это не значит, что цель становится причиной, поскольку цель не может лежать в основе перехода возможности в действительность в отличие от причины, однако, многократное повторение людьми попыток достижения цели нередко формирует причинно-следственную зависимость, порождая тем самым определенную закономерность. Нередко также люди получают требуемый для удовлетворения потребности результат, *неосознанно* следуя закономерности. Наука исправляет положение дел, открывая законы природы и общества, сближая тем самым понятия причинности и целесообразности.

Кроме осознанности выбора, обеспечиваемого наукой, для полноценной свободы необходима *автономность* поведения субъекта. Автономность переводится как самозаконность. Когда человек осознанно и самостоятельно (или «добровольно») пытается «вписаться» в циклы социального отбора, то для этого требуются соответствующие на-

выки и умения. Для конкретизации рассматриваемой проблемы следует, хотя бы пунктирно, установить связь между субъектом выбора и социальным отбором – эволюционным механизмом развития общества. Для этой цели взглянем на процедуру проведения экзаменационных испытаний в вузе. Экзамены являются, пусть даже отчасти, моделью социального отбора. Чтобы проявились и самостоятельность, и осознанность учащегося в «сдаче экзамена», допустим, что он пытается штудировать все вопросы, которые присутствуют в билетах. Когда студент приходит и «тянет» билет, он не знает, что за вопросы в нем. Этот момент соответствует понятию бифуркации. Вопросы в билетах (как и сами билеты) – это возможности. С ними студент ознакомлен, но по-разному: в каких-то он сумел раскрыть истинное содержание, а в каких-то нет. Из-за лимита времени ряд вопросов он вообще не успел изучить и т.д. Но вот выбор сделан, т.е., по сути, запущен процесс отбора. В конце экзамена учащегося ожидают условно четыре аттрактора (квази-конечные устойчивые состояния эволюционирующей системы «человек-среда»), выраженные оценочно: неудовлетворительно, удовлетворительно, хорошо и отлично. В идеале экзаменаторы должны оценить, насколько полноценной оказалась «сборка субъекта», т.е. насколько соответствует представленный студентом набор компетенций определенной «планке», удовлетворяющей вуз. Процедура экзаменов искусственно очищена от разного рода случайностей за исключением лишь одной, зато главной – случайности выбора билета. В социальном отборе имеют место множество случайностей и бифуркаций, которые часто выливаются в целый каскад, а квазиконечным состоянием могут оказаться разные формы порядка или хаоса.

Стоит ли упрощать процедуру проведения экзаменов, модель которых прорисована нами выше, вопрос, на наш взгляд, весьма важный. Если экзамен в его традиционной форме способствует формированию человека как сложного биосоциального существа, способного противостоять манипуляциям, то в реализации модели ЕГЭ (единого госэкзамена), сформированной в России в первом десятилетии текущего века, неизбежно присутствовал мотив создания «человека послушного», конформиста, приспособленца. Сформировалась «школьная система, где учителя просто готовят к тестам, и тем тревожнее примеры из российских школ, где уже привычными стали слова учителей: «Это важная тема. Её будут спрашивать на ЕГЭ»» [13, с. 10].

Традиционно проблема формирования субъектов социального развития лежит в плоскости уяснения и легитимации определенных ценностных установок. Так, в современной России четко распределены приоритеты между традиционными консервативными ценностями и набором ли-

беральных ценностей. На какие из них делается главный упор, в том направлении и пойдет означенная «сборка» субъекта.

Литература

1. Гартман Н. Этика / Пер. с нем. А.Б. Глаголева. Под ред. Ю.С. Медведева и Д.В. Складнева. — СПб.: Владимир Даль, 2002. 707 с.
2. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. — М.: Языки русской культуры, 2000. 224 с. С. 204–207.
3. Шалаев В.П. Синергетика человека, общества, природы: управленческий аспект: Учеб. пособие для студентов соц.-гуманитар. и естеств.-техн. фак. — Йошкар-Ола: Марийск. гос. техн. ун-т, 2000. 132 с.
4. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной самоорганизации). — СПб.: Издательство «Лань», 1999. 480 с.
5. Платон. Государство / Собр. соч. в 4-х т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. 655 с.
6. Бранский В.П. Искусство и философия: Роль философии в формировании и восприятии художественного произведения на примере истории живописи. — Калининград: Янтарный сказ, 1999. 704 с.
7. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомыры. СПб.: Алетейя, 2002.
8. Веккер Л.М. Психические процессы. Субъект, переживание, действие, сознание. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1981. Т. 3.
9. Федорова М.А. Формирование учебной самостоятельной деятельности студентов в лично-развивающем профессиональном образовании. Орел: ГОУ ВПО «ОГУ», 2011. 312 с.
10. Спиноза Б. Этика / Избранные произведения в 2 т. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957. Т. 1.
11. Буданов В.Г. Трансдисциплинарное образование, технологии и принципы синергетики // Синергетическая парадигма: Многообразие поисков и подходов. Сб. ст. / Отв. ред. В.И. Аршинов и др. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — С. 285–304.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. / Маркс К. Капитал. Т. 23.
13. Данилова Н.Д. Откуда в Россию пришёл ЕГЭ: организация национальных экзаменов за ру-

бежом// Педагогическая диагностика. 2011. № 2. С. 5–16.

TO THE PROBLEM OF THE FORMATION OF A SUBJECT OF CHOICE IN THE FIELD OF EDUCATION

Busov S.V.

St. Petersburg State University of Telecommunications named after prof. M.A. Bonch-Bruевич

The formation of the subject of choice in the educational process is often reduced to a set of his competencies (abilities). The “assembly” of the subject is a “synergistic effect” of collective action within the educational process. The selection function includes three components of the will mechanism: “subjective-motivational,” “cognitive-object,” and “executive,” which are seen as abilities; their formation goes through four stages: imitation, faith, reason, reason. Knowledge and practice through the discovery of the laws of nature and society make it possible to subordinate objective processes to human needs, forming a subject that makes autonomous and informed choices in accordance with the required competencies. The formation of a subject of social action is carried out through clarification and implementation of historically defined values by him.

Keywords: assembly of subjects, social selection, competencies, freedom of choice, opportunities, values.

References

1. Hartman N. Ethics. — St. Petersburg: Vladimir Dal, 2002. 707 p.
2. Moiseev N.N. The fate of civilization. The Way of Reason. M.: Languages of Russian culture, 2000. 224 pp. P. 204–207.
3. Shalaev V.P. Synergy of man, society, nature: managerial aspect: Study. allowance for students of social-humanitarian and Natural Engineering. Yoshkar-Ola: Mariisk. state technical un-t, 2000. 132 p.
4. Vasilkova V.V. Order and chaos in the development of social systems: (Synergy and theory of social self-organization). — St. Petersburg: Publishing house “Lan”, 1999. 480 p.
5. Plato. State/ Op. in 4 vol. M.: Misl, 1994. T.3. 655 p.
6. Bransky V.P. Art and philosophy: The role of philosophy in the formation and perception of a work of art on the example of the history of painting. — Kaliningrad: Amber Tale, 1999. 704 p.
7. Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. Grounds of synergetics. Modes with exacerbation, self-organization, tempomirs. St. Petersburg: Aletheia, 2002.
8. Vecker L.M. Mental processes. Subject, experience, action, consciousness. L.: Publishing House of Leningrad University, 1981. Vol. 3.
9. Fedorova M.A. Formation of educational independent activities of students in personal professional education. OREL: “OGU”, 2011. 312 p.
10. Spinoza B. Ethics/Selected works in 2 vol. M.: State. Publishing House Polit. lit., 1957. T.1.
11. Budanov V.G. Transdisciplinary education, technologies and principles of synergetics//Synergistic paradigm: Variety of searches and approaches. Sat. Art. /Resp. ed. V.I. Arshinov et al. M.: Progress — Tradition, 2000. P. 285–304.
12. Marx K., Engels F. Op./Marx K. Capital. T.23.
13. Danilova N.D. Where did the exam come to Russia: the organization of national exams abroad//Pedagogical diagnostics. 2011. № 2. P. 5–16.

Использование фреймов для эффективного усвоения информации учащимися на примере ценностного аспекта этнокультурной интеграции

Чашин Елисей Владимирович,

кандидат философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук, Пермский военный институт войск национальной гвардии (Росгвардии) Российской Федерации

E-mail: chashin86@mail.ru

Проблемой данного исследования является осмысление применения фреймов в образовательном процессе. Необходимо определить, как данный феномен может способствовать развитию познания и приобщению к ценностно-целевым ориентирам соответствующих социальных общностей у обучающихся. В целом изучение фреймов полезно для понимания сути информации как совокупности компонентов знаний. Цель работы заключается в том, чтобы выяснить как рациональные стереотипические формы познания помогают осуществиться самоидентификации человека. В конечном счёте, это не только оказывает ему поддержку в восприятии социальной идеологии общности, сформированной по национальному признаку, принадлежность к которой может стать или не стать для него ценностью, но и позволяет организовать коммуникацию с другими сообществами. Результатом исследования становится то, что применение фреймов позволяет более эффективно структурировать информацию в учебном процессе, расширяет границы познания и фактически способствует налаживанию конструктивного диалога с представителями различных социальных групп внутри общественной системы.

Ключевые слова: фрейм, информация, неопределённость, ценность, национальная культура.

В обществе на актуальном этапе его развития понятие «ценность» активно наполняется смыслами, отсылающими к неопределённости, неустойчивости, релятивности. Происходит глубинное изменение фундаментальной структуры ценностей вместе с их неотъемлемыми качествами, придающими им значимость для человека, такими как стандарты для выбора и оценки, универсальность. Неопределённость вносит свои коррективы в принятие смыслов и значений тех или иных феноменов. Отсюда возникает некоторая сложность даже в различении между собой современных материальных и духовных ценностей. Среди прочих более не востребованных принципов и, вместе с тем, инструментов для определения ценностно-целевых ориентиров социума выгоднее всего смотрится пирамида потребностей А.Маслоу. Она позволяет произвести необходимую для личностной идентификации сепарацию индивидуальных сущностных задач человека, распределив их в соответствии с ярусами данного построения от физиологических, лежащих в его основании до духовных, представляющих собой его вершину. Однако и этот классический инструмент аксиологии не способен верифицировать, проанализировать и закрепить некоторые ценностные феномены, свойственные современному обществу. Большинство из последних относится к информационной сфере. Дело в том, что для мировой цивилизации начала третьего тысячелетия информация превращается в базовый, обладающий фундаментальной значимостью ресурс. Она по своей сути и задаёт ориентиры для прочих ценностей, выступая своеобразным мерилем важности того или иного блага для человечества. При этом определение сущности самой информации как ценности до сих пор является окончательно не решённой задачей. Каждая из наук: кибернетика, общая теория систем, статистика предлагает свою версию ответа на данный вопрос. Трудность составляет необходимость найти наиболее верную сущностную характеристику этого феномена, которую можно было бы применить не только в теоретических изысканиях, но и на практике, главным образом, в образовательном процессе.

Одним из способов добиться искомого оказывается углублённое внедрение в исследовательскую и педагогическую практику такого компонента как «фрейм». Данный термин, означающий в дословном переводе рамку или каркас, впервые был вве-

ден в научный оборот М. Минским в качестве обозначения наименее возможной по минимальному объему частицы отображения информации в человеческом сознании, установленной в предыдущем темпоральном промежутке по отношению к актуальному. При условии, что компоненты такой информации обладают возможностью видоизменяться в ходе верификации вновь возникающих данных. То есть по сути происходит естественное замещение устаревшего контента более актуальным. «Фрейм является структурой данных для представления стереотипной ситуации» [1, с. 8]. Иначе говоря, фрейм становится структурированной в сознании человека по общему образцу матрицей для информации, к которой субъект обращается, актуализируя из предшествующего накопленного опыта те знания, которые потенциально могут помочь ему найти адекватный ответ на поставленный жизнью вопрос. При этом последний детерминирован новой для личности комбинацией произошедших событий, с которой она прежде не сталкивалась не в индивидуальном ни в опосредованном групповом опыте. Каждый фрейм имеет возможность аккумулировать и включать в своё содержание возникающие в определённый исторический период новые компоненты знаний, которые могут быть обусловлены совокупностью методов или прикладными результатами, появившимися благодаря его предшествующему применению.

В реальности посредством фрейма проходит самоактуализацию многоаспектная иерархически выстроенная структура, представляющая собой функцию, содержащую в себе как экстремумы, так и последовательности информационных рядов, обеспечивающих между этими точками устойчивую связь. Для любого фрейма характерно наличие определённого числа уровней. На наиболее высоком из них размещается комплекс ключевых данных об отличительных чертах присутствия и выполнения своих задач конкретного предмета познавательной активности. Уровни, занимающие места ниже и именуемые «терминалами» или «терминальными слотами» содержат в себе в очень сжатом и ёмком виде практически значимые, выполняющие конкретные функции, и потому наделённые соответствующей смысловой нагрузкой компоненты знаний. Каждый из данных слотов связан с определённым условием, которое обязательно соблюдается, если необходимо обеспечить надёжную связь между определёнными значениями. Взятые в своей совокупности фреймы со схожим смысловым содержанием формируют фреймовую систему [2, с. 155].

Использование комплексов, связывающих сходные фреймы, в педагогической практике позволяет сглаживать возникающие противоречия в рамках пирамиды потребностей А. Маслоу [3]. Дело в том, что в случае необходимости рассма-

тривать подобные «острые углы» именно с точки зрения восприятия субъектом ранее неизвестных для него ценностных ориентиров, наличие готовых ментальных матриц, которые можно наполнить новыми смыслами, даёт ему очевидное преимущество в познании, усвоении новых данных. Ещё один плюс – это возможность для социализирующегося молодого человека быстрее самоидентифицироваться за счёт более совершенного механизма аналогий, который тоже предоставляется фреймовыми структурами. Фактически каждый обучающийся, сравнивая и сопоставляя себя с другими благодаря предшествующему опыту, образуя цепочки ментальных матриц, быстрее находит своё место в общественной группе, начинает ставить для себя более ясные цели и формирует собственную систему ценностей, не противоречащую установленным нормам. Таким образом фрейм выполняет важную функцию по более эффективному приобщению каждого юноши или девушки к жизненным ориентирам той или иной социальной общности.

Для демонстрации практического значения данных теоретических построений приведём один из наиболее актуальных и злободневных примеров принятия либо отрицания системы ценностей – идентификации в национальном аспекте. Так тот или иной школьник, либо студент ещё на уровне первичного, на бытовом уровне, включения в культурную среду, принятия ценностных акцентуаций того социума, в котором он появился на свет, зачастую принимает в своём сознании как бы два набора ценностных ориентиров. Так будучи частью глобального сообщества, человек волей-неволей интегрирует в своё мировоззрение наднациональные установки, связанные с унифицированным представлением о гуманизме, абстрактными представлениями о свободе и своих правах. В то же время каждая личность впитывает в себя более конкретные, связанные с условиями жизни, традиционным укладом этнокультурные ориентиры.

Первая проблема, которая сопровождает процесс самоидентификации, принятия ценностей своей субкультуры и понимания чужих – это различные иррациональные стереотипы, сложившиеся из-за этнических особенностей мировоззрения и сопровождающие каждую социальную общность, интегрированную по национальному признаку. Так как у большинства подростков ещё недостаточно сформировались приёмы конструктивного делового общения как диалога между двумя равноправными субъектами, учащиеся могут провоцировать конфликты друг с другом даже изначально не желая этого. Дело в том, что они зачастую воспринимают представителя иной национальной социокультурной общности, отличной от их собственной в русле главенствующей в их обыденном круге общения системы иррациональ-

ных стереотипов. Фактически на бытовом уровне их сознание поддерживает сложившиеся в соответствующей культурной среде мифы как совокупности не рефлексивно осмысленных реальных данных. При этом сформировавшиеся в русле иррациональной стороны мировоззрения, они обладают высокой стабильностью и трудно поддаются нивелированию даже в случае осуществления аналитической рефлексии и применения других способов рационального понимания ситуации. В этом проявляется сущность любого мифа, так как каждый из них всегда содержит в себе наборы объективных верифицированных данных, то есть конкретные факты, но взятые вперемешку с фантазиями и заблуждениями. Концепт системы фреймов как рациональных стереотипических форм в этом случае позволяет сепарировать истину от лжи за счёт сопоставления уже имеющихся в сознании подлинных знаний с новой информацией, исключив влияние иррациональности, которая в данном случае будет выступать лишь фоном для каждого познавательного акта. Таким образом можно достичь не только прекращения конфликтов между молодыми людьми, но и усилить способности к конструктивному осмыслению событий и фактов окружающей действительности у последних [4, с. 99].

Второй проблемой при самоидентификации по национальному признаку в ценностном аспекте является реализация особенности субъект-группового взаимовлияния внутри глобального социума. Последний как внешняя сила вносит коррективы в формирование личности внутри социальной общности. Как известно для того, чтобы человек обрёл самосознание, а далее развил свои творческие способности, ему необходимо пройти социализацию. Одним из её аспектов является формирование интегративного свойства, обеспечивающего стабильность общественной группе как системе за счёт объединения ценностно-целевых ориентиров. Таким образом фундаментальное значение в рамках последующего всестороннего рационального осмысления поставленного вопроса приобретают принципы получения знания, имеющие особый характер, поскольку они лежат в русле соответствующей социальной идеологии. Именно они позволяют личности идентифицировать себя в рамках сопричастности, например, к соответствующей этнической субкультуре. При этом социальная общность как система оказывает влияние на включенную в неё личность и в непосредственном виде за счёт воздействия традиций, обычаев, законов, правил этикета, культуры делового общения передаваемых с помощью прямой коммуникации между людьми и через медиаторы, которыми могут выступать любые инструменты передачи знаний о ценностях в неявной форме, например, произведения искусства. Важно помнить, что ещё с раннего детства личность находит-

ся под влиянием не только внешнего окружения, но и артефактов, несущих определённую смысловую нагрузку для формирующегося сознания. Образуемая система ценностей уже имеет внутри себя такие ориентиры, которые позволяют ей не только отличать плохое от хорошего, прекрасное от безобразного, но и осознавать свою принадлежность к той субкультурной группе, которая и заложила в неё эти представления [5]. При этом за счёт воздействия более абстрактной, относящейся к глобальному социуму системы ценностей, данные установки подвергаются определённой ревизии. Последняя несмотря на то, что должна в идеале сглаживать противоречия между разными этническими группами за счёт унификации вкусов, пристрастий жизненных целей, в реальности вносит ещё больший, хотя и не явный раскол между людьми. Дело в том, что призванные стать общими ориентиры всё равно будут восприниматься человеком через призму своей культурной среды, более того, на подсознательном уровне подобные представления будут переноситься на другие личности, принадлежащие к иным этнокультурным группам [6]. При этом отличия в трактовке данных ценностей этими людьми будет вызывать у партнёров по диалогу комплекс неоправданных ожиданий от общения, а это априори способно вносить деструктивные элементы в любую межличностную коммуникацию. Надо отметить, что использование фреймов для решения этой проблемы именно в отечественной системе образования имеет хорошие перспективы. У нас существует большой задел, особенно явно проследившийся в курсах социально-гуманитарных предметов. Несмотря на трудности переходного периода, занятия по литературе, истории, обществознанию содержат в себе устойчивые позитивные установки ценностного характера, на основании которых возможно формирование полноценных фреймовых структур. Очень большую роль особенно в последние годы в ключе национальной идентичности играет патриотическое воспитание. Фактически по мере включения молодого человека в конгломерат социума ему поэтапно, на систематической основе предлагается приобщиться к ценностям и жизненным ориентирам многонационального российского общества [7]. Особенно большое значение это имеет для той категории школьников или студентов, мышление которых изначально складывалось под воздействием многочисленных проявлений неопределённости, в том или ином виде обусловленных современной исторической ситуацией. В условиях, когда живое общение замещается электронной коммуникацией, характеризующейся неустойчивостью связей, а вместе с ними и ценностей, жизненные ориентиры, которые даются человеку в рамках овладения им социально-гуманитарными дисциплинами, приобретают значение оснований, на которых да-

лее можно выстраивать своё целеполагание. Фактически для фрейма как рационального стереотипа предоставляется опора, с помощью которой далее осуществляется систематизация и интеграция различных компонентов мировоззрения в единый комплекс.

Овладение компетенциями, свойственным старшим классам школы, учреждениям СПО или высшим учебным заведениям, превращается для обучающегося не просто в приобщение к той или иной профессии на соответствующем уровне подготовки, но и принятии правил осуществления межкультурной коммуникации. Так за счёт реализации соответствующих частей компетенций молодой человек делает частью своей жизненной практики целый ряд полезных для него навыков. Среди них можно особо выделить:

1) способность выявлять причины, условия и тенденции в видоизменении социальных групп, сформировавшихся по тому или иному признаку, в том числе и этническому происхождению их участников;

2) наличие представлений о той позиции, которая характерна для личности, являющейся частью видоизменяющейся социальной группы, на актуальном этапе развития общественных отношений по таким направлениям как политические пристрастия, культурные предпочтения, искусство, спорт, волонтерство;

3) знания о месте и роли своего Отечества, населённого многочисленными этносами, интегрированными в общую поликультурную систему, в глобальной цивилизационной системе в прошлом и в актуальное время;

4) возможность определять детерминации видоизменений социальных групп в контексте понимания развития оснований межнационального диалога, сопряженного с соблюдением законодательства Российской Федерации;

5) способность проявлять уникальные личностные качества, показывающие этические, интеллектуальные, патриотические ценностно-целевые ориентиры, демонстрирующие стремление к самосовершенствованию и, вместе с тем, желание своей социальной общности находить гармонию с окружающей реальностью.

В заключении необходимо отметить, что использование формируемых на занятиях структур фреймов не является панацеей, способной решить любые педагогические проблемы, связанные с усвоением обучающимися знаний, привитию им конструктивных ценностей, но, тем не менее, предоставляет определённые преимущества при определении сущности информации, возможности её передачи. Таким образом происходит более эффективное включение молодых людей в диалог друг с другом, предотвращая возможные конфликты, в том числе, и на национальной почве. Фреймы, проявляющиеся в качестве ра-

циональных стереотипов по усвоению информации, понимаемой как совокупность компонентов конкретных человеческих знаний, упорядочивают ценности в восприятии личности сообразно пирамиде потребностей А.Маслоу. Это позволяет сглаживать проявления неопределённости, такие как трудности в самоидентификации, потеря людьми ценностно-целевых ориентиров. Человек учится оценивать информацию с точки зрения пользы либо вреда тех или иных знаний как для самого себя, так и для социальной общности, к которой он принадлежит. В конечном счёте это способствует эффективной интеграции формирующейся личности в социум.

Литература

1. Минский М. Фреймы для представления знаний: Пер. с англ. – М.: Энергия, 1979. – 152 с.
2. Камышев К.Д., Тетерин В.И. Применение теории фреймов к педагогическому анализу межэтнических отношений // Проблемы современного педагогического образования. 2016. № 51(6). С. 153–159.
3. Маслоу А. Мотивация и личность. – СПб.: Питер, 2003
4. Лурье Л.И., Камышев К.Д. Обновление содержания социально-гуманитарного образования в сфере межнациональных отношений // Образование и общество. 2012. Т. 5. № 76. С. 96–101.
5. Аксенова А.Д. Роль внутренних коммуникаций в построении корпоративной культуры // Научные записки молодых исследователей. 2023. № 11(1). С. 66–76.
6. Burns Timothy W. Multiculturalism: Democracy by the Experts // Academic Questions. 2021. № 34 (2). pp. 120–126. DOI 10.51845/34 su.2.181
7. Лубский А.А. Проблемы развития российского педагогического образования в начале III тысячелетия: подходы отечественных исследователей // Инновационные проекты и программы в образовании. 2020. № 4 (70). С. 6–17.

THE USE OF FRAMES FOR THE EFFECTIVE ASSIMILATION OF INFORMATION BY STUDENTS USING THE EXAMPLE OF THE VALUE ASPECT OF ETHNO-CULTURAL INTEGRATION

Chashchin E.V.

Perm Military Institute of National Guard Forces of the Russian Federation

The problem of this study is understanding the use of frames in the educational process. It is necessary to determine how this phenomenon can contribute to the development of cognition and familiarization with the value-oriented orientations of the relevant social communities among students. In general, the study of frames is useful for understanding the essence of information as a set of components of knowledge. The purpose of the work is to find out how rational stereotypical forms of cognition help to realize a person's self-identification. Ultimately, this not only supports him in perceiving the social ideology of a community formed on a national basis, belonging to which may or may not become a value for him, but also

allows him to organize communication with other communities. The result of the research is that the use of frames makes it possible to structure information more effectively in the educational process, expands the boundaries of cognition and actually promotes constructive dialogue with representatives of various social groups within the social system.

Keywords: frame, information, uncertainty, value, national culture.

References

1. Minsky M. Frames for the representation of knowledge: Translated from English. Moscow: Energiya, 1979. 152 p.
2. Kamyshev K.D., Teterin V.I. Application of the theory of frames to the pedagogical analysis of interethnic relations // Problems of modern pedagogical education. 2016. № 51(6). pp. 153–159.
3. Maslow A. Motivation and personality. – St. Petersburg: Peter, 2003.
4. Lurie L.I., Kamyshev K.D. Updating the content of social and humanitarian education in the field of interethnic relations // Education and society. 2012. Vol. 5. № 76. pp. 96–101.
5. Aksenova A.D. The role of internal communications in building corporate culture // Scientific notes of young researchers. 2023. № 11(1). pp. 66–76.
6. Burns Timothy W. Multiculturalism: Democracy by the Experts // Academic Questions. 2021. № 34 (2). pp. 120–126 DOI 10.51845/34 su.2.181
7. Lubsky A.A. Problems of the development of Russian pedagogical education at the beginning of the third millennium: approaches of domestic researchers // Innovative projects and programs in education. 2020. № 4 (70). pp. 6–17.

Герменевтический подход к экологии человека: праксеологический аспект

Матушевская Виктория Викторовна,

ст. преподаватель кафедры философии и русской филологии,
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики
и торговли имени Михаила Туган-Барановского»

В статье герменевтический подход рассматривается как методологический инструмент для анализа взаимоотношений человека и природы в рамках концепции экологии человека. В последние десятилетия наблюдается резкое увеличение интереса исследователей к вопросам экологии, окружающей среды и устойчивого развития, что приводит к необходимости пересмотреть традиционные подходы к пониманию этих явлений. Герменевтика, как философское направление, предлагает уникальный взгляд на анализ человеческого опыта, смыслов и ценностей, что актуально в контексте экологических исследований.

Акцентируя внимание на значении для изучения экологии человека таких герменевтических понятий как герменевтический круг, герменевтический опыт, автор подчеркивает необходимость интеграции философских подходов и экофилософских идей в современную экологическую практику. Это не только позволит глубже понять природу экологических вызовов, но и будет способствовать формированию ответственного и стратегического подхода к устойчивому развитию, что крайне необходимо в условиях современных экологических и социальных изменений.

Герменевтический круг становится основой для анализа влияния культурных, социальных и исторических факторов на экологические практики и восприятие природы. Феномен герменевтического опыта предполагает личностное и коллективное взаимодействие с окружающей средой. Процесс истолкования экологических явлений происходит не только на уровне теории, но и в повседневной практике, где каждый индивид вносит свой вклад в общее понимание природы и отвечает за свое место в экосистеме.

Ключевые слова: экофилософия, герменевтический круг, герменевтический опыт, экология, человек.

Экофилософия представляет собой уникальное философское направление, которое ставит во главу угла взаимосвязь человека и природы, подчеркивая необходимость переосмысления человеческой идентичности в свете экологических реалий. Основные идеи экофилософии заключаются в том, что человек не является отдельным элементом природы, а, наоборот, является ее неотъемлемой частью. Это требует от людей не только понимания природы как ресурса, но и осознания своей ответственности за ее сохранение и благополучие. В данном контексте экофилософия естественно пересекается с герменевтическими подходами, предлагая методы для глубокого освоения экологических смыслов.

Одной из ключевых тем в экофилософии является вопрос идентичности. Вопрос «Кто мы на самом деле в природе?» становится центральным для понимания человеческого существования. Экофилософы утверждают, что человеческая идентичность формируется не только через социальные или культурные аспекты, но и через взаимодействие с окружающим миром. Это предполагает, что для полного понимания себя человек должен учитывать свое место в экосистеме, свою зависимость от природы и влияние, которое он на нее оказывает. Тут герменевтика играет важную роль, позволяя исследовать, как культурные и исторические контексты формируют наше восприятие этих глубоких взаимосвязей.

Кроме того, экофилософия подчеркивает необходимость критического анализа тех мировоззрений и убеждений, которые способствовали экологическим кризисам. Это требует от исследователей соотнести современные экологические проблемы с историческими традициями и философскими взглядами, которые влияли на отношения между человеком и природой на протяжении веков. Например, как дуализм, который разделяет природу и человека, способствовал эксплуатационному отношению к окружающей среде? Этот вопрос требует герменевтического анализа, позволяющего выявить глубинные связи и объяснить изменения в человеческом отношении к природе.

Экофилософия также обращает внимание на необходимость диалога между различными участниками экологической дискуссии – учеными, философами, местными сообществами и властями. Именно такой диалог и совместная интерпретация помогают формировать более комплексные и эффективные стратегии в области охраны окружающей среды. Герменевтические

подходы, с их акцентом на интерпретацию и понимание, становятся инструментом для достижения этого диалога, обогащая его культурными и историческими контекстами.

Концепция герменевтического круга представляет собой ключевой элемент в методологии герменевтики, играя важную роль в интерпретации и понимании текста или явления. В рамках экологического анализа данный метод позволяет исследователям учитывать сложные взаимосвязи и контексты, которые влияют на восприятие отношений между человеком и природой. Герменевтический круг заключается в том, что наше понимание целого формируется через взаимодействие с его частями и наоборот, что открывает новые горизонты для анализа экологических систем [4].

В частности, при применении герменевтического круга к экологии можно выделить несколько стадий интерпретации. Первая стадия включает в себя сбор информации о конкретных экологических практиках, традициях и особенностях взаимодействия местных сообществ с окружающей средой. Например, какие культуры и обычаи адаптированы к местным природным условиям? Ответы на эти вопросы формируют первый уровень понимания, который позволяет исследователю зафиксировать базовые элементы экологической системы.

На второй стадии исследователь начинает осознавать, что каждое отдельное явление или практика не может быть понято вне контекста. Здесь в игру вступает более глубокая интерпретация, где важно учитывать культурные, социальные и экономические факторы, простым мысленным экспериментом проникая в контекст, в котором эти практики происходят. Например, как исторические изменения в сообществе, такие как миграция или урбанизация, влияют на использование природных ресурсов? Ответ на этот вопрос требует более широкой картины и понимания, связанного с этими практиками.

Третья стадия процесса интерпретации предполагает обратное движение: осмысляя отдельные элементы, исследователь возвращается к целому, которое теперь воспринимается иначе в свете новой информации. Такой подход позволяет создать богатую и многогранную картину взаимодействия человека и природы, в которой каждый элемент является важным для общего понимания экосистемы. Важно отметить, что на этом этапе следует учитывать динамику экосистемы и изменения, происходящие в ответ на внешние или внутренние воздействия.

Благодаря герменевтическому кругу, экологи получают возможность глубже проанализировать взаимосвязи между различными факторами и их влияние на экологические процессы, что может значительно углубить наше понимание экологии в рамках интегративного подхода. Это особенно

актуально в свете современных вызовов, таких как климатические изменения и утрата биоразнообразия, где необходимо учитывать как глобальные тенденции, так и локальные спецификации.

Герменевтический опыт представляет собой процесс, в рамках которого индивид или группа людей взаимодействует с текстами, символами и культурными практиками, что способствует более глубокому пониманию смыслов и значений. В контексте экологии этот опыт может служить важным инструментом для осознания и анализа экологических проблем, обеспечивая не только теоретический, но и практический подход к природе и ее защите.

Применение герменевтического опыта в области экологии предполагает внедрение философских и культурных аспектов в повседневные экологические практики. Например, локальные общины, имея свои уникальные культурные и исторические контексты, могут по-разному воспринимать экологические проблемы. Герменевтический опыт позволяет им не просто осознавать вопросы экологии, но и активно участвовать в ходе интерпретации данных проблем, внося свой вклад в выработку решений [2].

Одним из примеров применения герменевтического опыта является взаимодействие с местными экосистемами – это не просто осознание их существования, но и осмысление, что именно эти экосистемы формируют идентичность и культуру людей, живущих рядом с ними. Это приводит к тому, что люди начинают понимать, что их жизни неразрывно связаны с состоянием этих экосистем, что создает мотивацию для их защиты. Таким образом, герменевтический опыт не просто выявляет причины экологических проблем, но и подчеркивает важность активного участия общества в решении этих проблем.

Кроме того, герменевтический опыт может способствовать развитию экофилософского мышления, где внимание уделяется не только утилитарной ценности природы, но и ее внутренним смысловым и эстетическим категориям. Углубленное восприятие природы как сложной системы взаимосвязей может изменить подход к экологии – от механического отношения к природе как к ресурсу к пониманию ее как живого, динамичного организма. Это изменение восприятия помогает также развить более глубокие эмоциональные связи с окружающей средой, что, в свою очередь, стимулирует желание защищать природу и заботиться о ней.

Важным аспектом герменевтического опыта является также возможность междисциплинарного подхода к экологии. Поскольку экология затрагивает множество вопросов из различных областей знаний, герменевтический опыт позволяет интегрировать информацию из философии, социологии, антропологии и других дисциплин,

создавая целостное представление о существующих проблемах и путях их решения. Это позволяет не только углубить теоретику, но и продуктивно анализировать практические аспекты взаимодействия человека с природой.

Таким образом, герменевтический опыт выступает важным инструментом для анализа и понимания экологических проблем, способствуя формированию ответственного отношения человека к природе и повышая уровень экологической сознательности. Он подчеркивает, что экология – это не просто наука о природе, но и обширная человеческая практика, у которой есть глубокие философские и культурные корни в историческом контексте.

В итоге, синтез идей экофилософии и герменевтических подходов позволяет глубже осознать сложную взаимосвязь природы и человеческой идентичности, раскрывая важные аспекты взаимного влияния между ними. Это открывает новые перспективы для исследования и разработки стратегий, направленных на устойчивое развитие и экологическую справедливость в современном мире.

Применение герменевтического подхода в экологии представляет собой важный шаг к изменению традиционных представлений о взаимодействии человека и окружающей среды. Этот подход, акцентируя внимание на сложности и многогранности экологических проблем, помогает исследователям и практикам сформулировать новые взгляды на решение текущих экологических вызовов. Основной идеей является то, что понимание экологии человека должно опираться не только на научные факты, но и на культурные, социальные и философские контексты, влияющие на экологические практики [1].

Герменевтический подход позволяет более полно оценить не только влияние экологических преобразований на природу, но и на самих людей. Это понимание подразумевает, что экологические проблемы не могут быть решены изолированными методами, а требуют интеграции знаний, ресурсов и мнений различных субъектов: местных жителей, ученых, политиков и активистов. Благодаря этому подходу открывается возможность для создания всеобъемлющих и устойчивых стратегий, которые учитывают разнообразные интересы и потребности всех участников экологических процессов.

Изменение взгляда на экологические проблемы через призму герменевтики также подразумевает развитие экокритического мышления. Это мышление является важной составляющей экологического движения, поскольку оно предполагает глубинный анализ и осмысление причин, стоящих за экологическими кризисами. Именно так можно подойти к критическому исследованию, например, потребительской культуры, которая нередко оказывается в центре экологических катастроф.

Формируя более глубокое понимание этих процессов, герменевтический подход позволяет разработать более эффективные решения, направленные на смягчение негативного воздействия на окружающую среду [3]. К тому же, герменевтика привносит в экологическое мышление аспекты диалога и сотрудничества. В условиях глобальных экологических вызовов необходимо создание платформы для обмена знаниями и опытом между различными культурами и сообществами. Это взаимодействие позволяет учитывать местные традиции, которые могут оказаться ключевыми в разработке устойчивых методов управления природными ресурсами. Так, например, использование знаний коренных народов о взаимодействии с природой может помочь в создании моделей, более чувствительных к местным условиям и экосистемам [2].

Кроме того, герменевтический подход способствует переосмыслению роли человека в природе. В отличие от традиционного утилитарного взгляда, который рассматривает природу как ресурс для эксплуатации, герменевтика акцентирует внимание на взаимосвязи между человеком и окружающей средой, подчеркивая важность баланса и устойчивости. Это понимание позволяет развивать новые формы отношений между человеком и природой, основанные на уважении и ответственности. Таким образом, герменевтический подход не только изменяет представления о природе, но и формирует новое экосознание, основанное на уважении к сложной сети взаимозависимостей.

В результате применения герменевтического подхода к экологии человека, мы можем ожидать более ответственного и осмысленного подхода к экологическим вызовам, что, в свою очередь, приведет к более стойкому и гармоничному сосуществованию человека и природы в условиях современных реалий.

Таким образом, в ходе исследования была проанализирована значимость герменевтического подхода для экологии человека, выявлены его основные преимущества и практические применения в решении актуальных экологических проблем.

Наконец, стоит отметить, что герменевтический подход не ограничивается только теоретическим осмыслением, а является практическим инструментом для решения реальных экологических проблем. Примеры успешного применения этих принципов в различных областях – от управления природными ресурсами до разработки стратегий по сохранению биоразнообразия – демонстрируют его эффективность и многогранность.

Герменевтический подход представляет собой мощный ресурс для экологии человека, позволяющий не только глубже понять сложные взаимосвязи в экосистемах, но и разработать практические решения для устойчивого развития, базируясь

на уважении к природе и культурному разнообразию [5].

Литература

1. Айтбаева А. Ценностные аспекты экологического знания. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adamalemijournal.com/index.php/aa/article/view/29>
2. Кирдина С.Г. Роль институтов и географии в экономическом развитии: актуальная проблематика в гетеродоксальной экономике [Текст] / С.Г. Кирдина // Пространственная экономика. – 2016. – № 3. – С. 133–150.
3. Козьякова М.И. Экологический тренд как вектор развития / М.И. Козьякова // Горизонты гуманитарного знания. – 2017. – № 3. – С. 86–98.
4. Матушевская В.В. Герменевтический подход к содержанию экологической философии / В.В. Матушевская // Экология человека в современных трансформациях исторического времени: Коллективная монография по итогам IV Всероссийской научной конференции с международным участием. – Москва: Русайнс, 2024. – С. 55–62.
5. Чеснов Я.В. Герменевтика скрытых текстов: миф, титанизм и долгожительство / Я.В. Чеснов // Философия и культура. – 2013. – № 5(65). – С. 680–691.

HERMENEUTICAL APPROACH TO HUMAN ECOLOGY: THE PRAXEOLOGICAL ASPECT

Matushevskaya V.V.

Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky

In this article, the hermeneutic approach is considered as a methodological tool for analyzing the relationship between man and nature within the framework of the concept of human ecology. In recent decades, there has been a sharp increase in researchers' interest

in ecology, the environment, and sustainable development, which leads to the need to rethink traditional approaches to understanding these phenomena. Hermeneutics, as a philosophical field, offers a unique perspective on the analysis of human experience, meanings and values, which is relevant in the context of environmental research.

Focusing on the importance of such hermeneutic concepts as the hermeneutic circle and hermeneutic experience for the study of human ecology, the author emphasizes the need to integrate philosophical approaches and ecophilosophical ideas into modern environmental practice. This will not only allow for a deeper understanding of the nature of environmental challenges, but will also contribute to the formation of a responsible and strategic approach to sustainable development, which is urgently needed in the context of modern environmental and social changes.

The hermeneutic circle becomes the basis for analyzing the influence of cultural, social, and historical factors on environmental practices and perceptions of nature. The phenomenon of hermeneutical experience involves personal and collective interaction with the environment. The process of interpreting environmental phenomena occurs not only at the level of theory, but also in everyday practice, where each individual contributes to the general understanding of nature and is responsible for his place in the ecosystem.

Keywords: ecophilosophy, hermeneutic circle, hermeneutic experience, ecology, man.

References

1. Aitbaeva A. Value Aspects of Environmental Knowledge. [Electronic resource] – Access mode: <https://adamalemijournal.com/index.php/aa/article/view/29>
2. Kirdina S.G. The Role of Institutions and Geography in Economic Development: Current Debate in a Heterodox Economy [Text] / S.G. Kirdina // Spatial Economics. – 2016. – № 3. – P. 133–150.
3. Kozyakova M.I. Environmental Trend as a Development Vector / M.I. Kozyakova // Horizons of Humanitarian Knowledge. – 2017. – № 3. – P. 86–98.
4. Matushevskaya V.V. Hermeneutic approach to the content of environmental philosophy / V.V. Matushevskaya // Human ecology in modern transformations of historical time: Collective monograph based on the results of the IV All-Russian scientific conference with international participation. – Moscow: Rusains, 2024. – Pp. 55–62.
5. Chesnov Ya.V. Hermeneutics of hidden texts: myth, titanism and longevity / Ya.V. Chesnov // Philosophy and Culture. – 2013. – № 5 (65). – Pp. 680–691.

Память как событие экзистенциального опыта Августина

Торубарова Татьяна Викторовна,

доктор философских наук, профессор кафедры философии,
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»
E-mail: ttorubarova@rambler.ru

В статье осуществляется анализ феномена памяти в исповедальном слове Августина. Эксплицируется экзистенциальный контекст диалогического слова, в котором кристаллизуется фундаментальный смысл памяти как события духовного опыта. Отмечается влияние античной традиции на осмысление искомого феномена, которое у Августина наполняется новым конкретным религиозным переживанием и обретает личностное измерение. В этой связи проясняется сущность памяти через мотив узнавания, феномен сознания (cogitation), времени, забвения, истины, радости, тему образов, размышления о счастливой жизни. Подчеркивается, что память в исповедальном слове Августина есть ум и душа. Цель исследования – анализ памяти как экзистенциального события в «Исповеди» Августина. В исследовании были решены следующие задачи: выявить специфику его подхода в сравнении с античной традицией; проанализировать основные мотивы (узнавание, время, забвение), раскрывающие сущность памяти. Методология сочетает феноменологический, герменевтический и историко-философский анализ, а также методы систематизации, описания, сравнения и другие. Результаты показывают, что память у Августина – не психологическая функция, а фундаментальное событие диалога личности с Богом, синоним ума и души. Она предстает как внутреннее пространство самопознания, где преодолевается время и обретается истинная личностная идентичность.

Ключевые слова: память, экзистенциальный, ум, душа, время, сознание, образ, радость, счастливая жизнь, узнавание, Бог, диалог, исповедь, человек, духовный опыт, личность.

Введение

Исследование памяти в контексте экзистенциального опыта Августина актуально в свете современного антропологического поворота в гуманитарных науках. Оно предлагает глубокую философскую перспективу для осмысления проблем личностной идентичности и самопознания в эпоху цифровой фрагментации сознания. Анализ концепции Августина позволяет критически переосмыслить чисто функциональные, нейробиологические подходы к памяти, доминирующие в современной науке. Рассмотрение памяти как диалогического события представляет ценность для развития современных коммуникативных и нарративных теорий. Исследование открывает новые возможности для междисциплинарного диалога между философией, теологией и психологией в понимании духовного опыта личности. Цель исследования – анализ памяти как экзистенциального события в «Исповеди» Августина. Задачи исследования: выявить специфику его подхода в сравнении с античной традицией; проанализировать основные мотивы (узнавание, время, забвение), раскрывающие сущность памяти.

Результаты исследования

Мысль имеет экзистенциальное измерение. Через обстоятельства жизни философа важно понять, как формируется событийная канва его мысли, то лон, в котором кристаллизуются фундаментальные смыслы его духовного опыта. Это не столько чисто рациональный акт, сколько поэтический, затребованный всей совокупностью внутренних, духовных сил человека. Это познание целостным духом. «Речь идет...о существовании как особом напряженном состоянии. Подобное состояние характерно для христианского отношения к Богу, когда человек умоляет: «Это я, Господи! Из глубины взываю к Тебе, услыши глас мой!» Это я, маленький, ничтожный человек стараюсь жить и работать во славу Твою. И если я забуду о самом себе как Твоим созданием, то тут же перестану существовать» [3, с. 73].

Анализ концепции мыслительного процесса, предложенного Августином, предполагает глубокое погружение в духовную сферу, детерминировавшую генезис и эволюцию его интеллектуальной деятельности, а также в экзистенциальный контекст, обуславливающий уникальность и семантическую насыщенность каждого высказывания. Энергия такого дискурса, генерируемая в межличностном пространстве, аккумулируется за счет ди-

алогической природы вербальной экспрессии, облеченной в форму исповеди. Исповедь трактуется не как простая репрезентация пережитого, а как некий акт откровения. Согласно мнению исследователей, «Исповедь» адресована трансцендентному и имманентному началам, отвечая на антропологическую потребность в познании [8, с. 758]. Акцент делается на откровении, в рамках которого опыт субъекта раскрывается как процесс личностного, духовного становления, реализуемый посредством монологической формы. По мнению Августина, данный монолог детерминирован внутренним движением души, конституирующей собственное феноменологическое определение и пребывающей в интерсубъективном пространстве между индивидом и Другим. Такова структура исповедальной коммуникации, формирующая ментальный дискурс, в котором реконструируется феноменальное поле ключевых тем и смыслов, кристаллизованных в духовном опыте Августина. Именно в этом пространстве разворачивается внутреннее движение, инициирующее процессы мнемической репрезентации. Августин отмечает, что, «постепенно восходя к Творцу, я пришел к обширным пространствам и дворцам памяти, где хранятся сокровища, содержащие бесчисленные образы всего пережитого» [1, с. 267].

В контексте настоящего исследования необходимо выделить два основополагающих аспекта: во-первых, наследуя античную традицию осмысления памяти, Августин последовательно развивает платоновский концепт «анамнезиса». Данная объективная память, обеспечивающая постижение глубин человеческой души, интегрирует ее в сферу подлинного бытия, бытия как идеи. Память здесь рассматривается как потенция, обеспечивающая связь и гармонию между микрокосмом и макрокосмом. Субъект обретает космическую сущность посредством силы, пробуждающей его от забвения значимого, от созидательного и благодатного начала, организующего и управляющего мировым порядком, что, на наш взгляд, вполне согласуется с концепцией «*anima mundi*» в платонизме.

Память, выступая в качестве силы, трансформирует душу из аморфного состояния, определяя ее структуру и направленность, обеспечивая непрерывность мыслительной деятельности и, как следствие, чувственного восприятия. Согласно представлению, выраженному в источнике [9, с. 9], человеческая душа, сохраняющая внутреннюю память и осознающая свой первоисточник, транслирует совокупность незабываемых образов, идей и прозрений в настоящее, тем самым формируя перспективу будущего. Таким образом, самопознание души напрямую связано с обретением истинного знания.

Данное понимание памяти как хранилища бесчисленных образов находит отражение в трудах Августина, однако наполняется религиозным содержанием. В христианской доктрине мир и чело-

век рассматриваются как «*ens creatum*», отражающие образ Бога-Творца. Стремление к познанию Бога выражено в цитате: «Чтобы я познал Тебя – Ты знаешь меня – чтобы я познал Тебя, как Ты познал меня» [1, с. 259]. Следовательно, феномен памяти приобретает персональное измерение, в котором доминирующим становится мотив узнавания. Бог обладает всеведением, в то время как человеческая душа, наделенная памятью, способна лишь к распознаванию образа Творца и различению истины. Личностный труд, по мнению автора, является необходимым условием для предотвращения превращения мира в ничто [6, с. 111].

Душа достигает прозрения и знания посредством восхождения к Создателю. Этот процесс представляет собой индивидуальную траекторию, ведущую к обширным хранилищам памяти, содержащим совокупность пережитого опыта. Таким образом, память аккумулирует бесчисленные образы объектов и связанных с ними восприятий. Августин выражает изумление перед феноменом памяти, подчеркивая ее значимость и сложность: «Велика сила этой памяти, Господи, так велика! Это бесконечное святилище. Кто исследует его глубины? Однако это сила моего разума, это заложено в моей природе, но я не могу полностью контролировать себя. Этот разум слишком мал, чтобы контролировать себя сам».

Память, согласно данным рассуждениям, выходит за рамки простого удержания воспринятых чувственным образом объектов внешнего мира [1, с. 269]. Ее глубинная структура, вмещающая необъятное пространство, вызывает у философов изумление, а феноменальный характер и сущность подвергаются пристальному рассмотрению. Несмотря на тесную связь с субъектом, ощущение контроля над ней отсутствует, поскольку границы разума не позволяют всецело овладеть собственным содержанием [1, с. 270].

Функция памяти не сводится к пассивному накоплению объективных данных; она представляет собой акт удержания сущности в форме образных представлений, движимый желанием. Августин отмечает, что в процессе воспоминания искомое становится явным, извлекаясь из сокровенных глубин, сменяя собой предшествующее и проявляясь по воле субъекта [11, с. 267]. Отмечается необычайная емкость памяти, разнообразие ее содержания и способов его приобретения, что затрудняет постижение ее сущности и выражение посредством чувственного опыта.

Таинственная природа памяти не ограничивается лишь сохранением образов, как материальных, так и духовных; она также содержит смысловую энергию слов, оказывающую оживляющее воздействие на душу. В понимании Августина память выступает как внутреннее начало, свидетельствующее об образе Божьем в человеке, отражающем божественную полноту мира и являющемся

источником смыслового богатства. Память, присущая божественному познанию, указывает на бессмертие души и выступает в качестве внутренней силы, оживляющей этот образ.

В данном контексте речь идет не столько о представлении о Боге, сколько об укорененности в жизни и обретении ее смысла «перед Богом». Память, прежде всего, является личностной сущностью самообладания, осознанием невозможности полного контроля над собой. В таких концептуальных рамках Бог выступает как прообраз, что исключает возможность сведения памяти к простой способности хранения и перераспределения образов. При этом память представляет собой творческую способность мышления, формирующую собственный жизненный мир, зачастую независимый от эмпирической реальности. В памяти происходит интеграция внутреннего и внешнего опыта, образуя уникальное единство жизни.

Время выступает центральным элементом души, обладающей способностью к воспоминанию и созерцанию [12, р. 170]. Память выполняет функцию связующего звена между прошлым и настоящим, одновременно обеспечивая возможность прогнозирования будущего. Образные воплощения душевных состояний подвержены влиянию временного потока, который воспроизводит последовательность жизненных событий. Вхождение в область *тетотиа* обуславливает актуализацию определенного событийного ряда, процесс, управляемый волей и рациональным мышлением (*cogitation*) [11, р. 66]. Важно отметить, что три указанные способности души – Память, Рассудок и Воля – рассматриваются как отражение Троицы в человеке. Воля представляет собой динамическую и креативную способность производства, акт которой равносильен реальному проявлению. Августин в своих трудах отмечает независимость мыслительных процессов от физических ощущений, подчеркивая способность вспоминать и различать чувственные впечатления без актуального воздействия на органы чувств [1, с. 268]. Волевой акт предопределяет приятие или отторжение информации, поступающей в сознание. При этом именно мышление играет решающую роль в структурировании и определении содержания памяти, осуществляя сбор, связывание, переработку и осмысление информации, извлекаемой из памяти. Память хранит как образы, так и понятия, правила, тезисы и вопросы, а также склонности ума. Августин указывает на то, что в памяти хранятся не образы мыслей, а сами мысли [1, с. 271]. Смысл, постигаемый сознанием, не является результатом чувственного восприятия извне, а представляет собой внутреннее содержание самого сознания. Августин акцентирует невозможность сведения абстрактного знания к чувственным образам, подчеркивая, что сознание распознает это знание в самом себе, а памятливая душа прозревает его.

Так память заключает в себе и числовые отношения, закон пространственных величин, не имеющих никакой чувственной определенности, и, поэтому, в высшей степени обладающих бытием. Таким образом, Августин различает образы, предоставляемые внешними чувствами и вещи умопостигаемые, не связанные с какими – либо предметами. Память является началом, собирающим внешний и внутренний опыт в едином действительном существовании. В памяти сосредоточен опыт ошибочного и истинного, но сам универсум памяти не может быть ошибочным. Я не ошибаюсь в том, что запоминаю. Одно дело провести границу между истинным и ложным (что достигается при условии знания того, что есть истинное), другое дело акт памятования, осознание себя, своего «Я» как агента действительного воспроизводства смысла. То есть так формируется универсум памяти перепоручающий своему собственному существу внутренний мир Я, наполненный всегда личностным смыслом, смыслом удержания своей сущности. Но эта сущность не является самодостаточным, независимым, абсолютным основанием осуществления собственной деятельности, ибо «я сам не могу себя вместить полностью». Эта вместимость в конечном счете обретает свою основность в Боге. Я только «поднимаясь к Тому, Кто создал меня, прихожу к равнинам и обширным дворцам памяти» [1, с. 267]. Как отмечал М. Мерло-Понти в своей книге «Феноменология восприятия»: «Если качества излучают вокруг себя определенный способ существования, если они обладают способностью очаровывать и тем, что мы только что назвали ценностью святого причастия, то именно потому, что ощущающий субъект не полагает их как объекты, он сопричастен им, он делает их своими и находит в них принцип своего актуального существования» [7, с. 274].

На наш взгляд, сам по себе феномен памяти служит отправной точкой для анализа психических состояний. Способ сохранения опыта в памяти, хотя и отличается от его актуализации в сознании, тем не менее, детерминирован интенсивностью исходного переживания. Данный механизм сопряжен с сущностью памяти. В процессе ретроспекции, при обращении к переживаниям прошлого, будь то счастье или печаль, не происходит повторного переживания этих состояний в полной мере. Более того, актуальное эмоциональное состояние не является определяющим фактором для выбора воспоминаний. Воспоминание о любви не обусловлено природой текущего психического состояния.

Августин определяет память как некий локус духа, разума. Память, являясь имманентной составляющей сознания, не существует вне его пределов. Сознание, в свою очередь, может быть рассмотрено как форма памяти. Исторически, важность памяти в контексте благоразумия подчеркивается в средневековых трактатах, где утвержда-

ется, что «из всего, что касается благоразумия, самое важное – воспоминание...» [4, с. 88].

Предположим, как я могу настроенный радостно вспоминать свою прошлую печаль, то есть печалиться? Другими словами, я нахожу в памяти печаль и вместе с тем я нахожу в ней радость. Следовательно, между ними есть что-то общее. Ведущий мотив задан действием Я. И когда я выношу какие-либо решения по поводу движений души, классифицирую их и даю им определения, то я извлекаю их из самого сознания. С этого момента они находятся в моем распоряжении. И если я нахожу свои душевные состояния таковыми, то они не приводят меня в состояние возбуждения, когда я их вспоминаю. Само вспоминаемое не детерминирует представляемую мной ситуацию. Память чувства у Августина сопровождается соответствующей его оценкой, которая продуцирует чувство, порожаемое тем или иным воспоминанием.

Вещная реальность, воспринятая разумом, фиксируется в процессах памяти, обуславливая возникновение воображения. В данном контексте, образы приобретают первостепенное значение для понимания феномена памяти. Августин отмечает: «И откуда я могу узнать это, как не из самой памяти? Разве сама память видит себя через образы, а не непосредственно?» [1, с. 276]. Возникает вопрос о природе воспоминания понятий: осуществляется ли оно посредством образов или обходится без них? При произнесении слов, таких как «скала» или «солнце», подразумевается сам репрезентируемый объект, а не его образ. При воспоминании воспоминаний обнаруживается актуальное присутствие самих воспоминаний.

Августин выходит на новый уровень анализа, рассматривая способность памяти к извлечению информации и к осознанию факта забвения. При употреблении термина «забвение» подразумевается определенное понимание его сущности, однако забвение, по определению, представляет собой утрату памяти. Таким образом, присутствие забвения в памяти, казалось бы, исключает возможность ее функционирования. Августин задается вопросом: «Как я могу помнить, если перед ним я не могу вспомнить?» [1, с. 277]. В данном случае философом рассматривается ситуация отсутствия в определенный момент времени некоего элемента, который впоследствии должен проявиться как отсутствующее присутствие в памяти. При этом такое состояние бытия следует интерпретировать как «не здесь».

Таким образом, возникает антиномия: если память присутствует, то забвение не может существовать, и наоборот. Наличие забвения предполагает отсутствие воспоминания, поскольку оно означает «здесь ничего нет». Следовательно, при воспоминании о забвении в памяти присутствует не само забвение, а лишь его репрезентация; в противном случае имеет место не воспоминание, а забвение. Но, в теории, для фиксации образа какого-либо

объекта в памяти необходимо его присутствие. Память сохраняет не само забвение, а лишь его образ, но для запечатления этого образа необходимо присутствие забвения, что проблематизирует процесс репрезентации. Существование забвения потенциально нарушает работу памяти. Тем не менее, память осознает собственное забвение, т.е. то, что делает забвение возможным для воспоминания.

В контексте религиозных воззрений Августин рассматривает память как инструмент поиска Бога: «Поистине благая, верная и сладостная, где я найду Тебя? Если я не найду Тебя в своей памяти, то я не вспомню Тебя. И как я найду Тебя, если я не вспомню Тебя?» [1, с. 279]. Поиск Бога, в данном случае, предполагает преодоление ограниченный памяти и стремление к божественному свету. Но как можно искать то, что никогда не было известно? Возможно лишь проследить информацию, удерживаемую памятью, то есть уже известную и узнаваемую информацию.

Феномен памяти Августин проясняет с помощью узнавания. Память не отделима от способности узнавания, то есть всматривания в сущность вещей, что представляет собой своего рода образное прозрение, которое предоставляет памятного взору искомое. Осуществляя наши поиски в своей памяти, мы застаем многообразие того, что являлось содержанием нашего опыта сознания и что оказывается хранимо этой таинственной силой, называемой памятью. Удивление вызывает избирательная способность, присущая памяти, позволяющая обнаружить и извлечь желаемое из всего разнообразия ей хранимого. Каким образом это происходит? «... когда мы забываем и силимся припомнить, то где производим мы наши поиски, как не в самой памяти? И если случайно она показывает нам что-то другое, мы это отбрасываем, пока не появится именно то, что мы ищем. А когда это появилось, мы говорим «вот оно!»» [1, с. 280].

Восприятие конкретной реальности разумом фиксируется в процессах памяти, обуславливая возникновение воображения. В данном контексте, образы приобретают первостепенное значение для понимания феномена памяти. Августин отмечает: «И откуда я могу узнать это, как не из самой памяти? Разве сама память видит себя через образы, а не непосредственно?» [1, с. 276]. Возникает вопрос о природе воспоминания понятий: осуществляется ли оно посредством образов или обходится без них? При произнесении слов, таких как «скала» или «солнце», подразумевается сам репрезентируемый объект, а не его образ. При воспоминании воспоминаний обнаруживается актуальное присутствие самих воспоминаний.

Августин выходит на новый уровень анализа, рассматривая способность памяти к извлечению информации и к осознанию факта забвения. При употреблении термина «забвение» подразумевается определенное понимание его сущности, од-

нако забвение, по определению, представляет собой утрату памяти. Таким образом, присутствие забвения в памяти, казалось бы, исключает возможность ее функционирования. Августин задает вопрос: «Как я могу помнить, если перед ним я не могу вспомнить?» [1, с. 277]. Рассматривается ситуация отсутствия в определенный момент времени некоего элемента, который впоследствии должен проявиться как отсутствующее присутствие в памяти. Такое состояние небытия следует интерпретировать как «не-здесь».

Таким образом, возникает антиномия: если память присутствует, то забвение не может существовать, и наоборот. Наличие забвения предполагает отсутствие воспоминания, поскольку оно означает «здесь ничего нет». Следовательно, при воспоминании о забвении в памяти присутствует не само забвение, а лишь его репрезентация; в противном случае имеет место не воспоминание, а забвение. Однако для фиксации образа какого-либо объекта в памяти необходимо его присутствие. Память сохраняет не само забвение, а лишь его образ, но для запечатления этого образа необходимо присутствие забвения, что проблематизирует процесс репрезентации. Существование забвения потенциально нарушает работу памяти. Тем не менее, память осознает собственное забвение, т.е. то, что делает забвение возможным для воспоминания.

В контексте религиозных воззрений Августин рассматривает память как инструмент поиска Бога: «Поистине благая, верная и сладостная, где я найду Тебя? Если я не найду Тебя в своей памяти, то я не вспомню Тебя. И как я найду Тебя, если я не вспомню Тебя?» [1, с. 279]. Поиск Бога, в данном случае, предполагает преодоление ограничений памяти и стремление к божественному свету. Но как можно искать то, что никогда не было известно? Возможно лишь проследить информацию, удерживаемую памятью, то есть уже известную и узнаваемую информацию.

Здесь важно обратить внимание на смысл присутствия, кристаллизуемый из следующего порядка. Следуя упомянутой выше данности, мы обнаруживаем: то, что не присутствует или присутствует от части и частично забыто (ведь мы все-таки помним, что забыли). «Забывание» происходит так, что вместе с тем у нас есть нечто в сознании, что мы пытаемся восстановить, чтобы вернуть недостающее. Если бы оно совершенно выпало из памяти, то на него не могло бы быть никаких указаний. Если мы вспоминаем фамилию человека, которая встречается нам как знакомая; все приходящие на ум фамилии не принимаются, пока не припоминается та, которую мы привыкли связывать с данным человеком. Забытое также возникает в сознании, оно не может совсем выпасть из памяти. Мы точно схватываем смысл, когда говорим о чем-то забытом. В сознании забытого он еще присутствует. Следовательно, в памяти забы-

тость не имеет присутствия, точнее она имеет свой интенциональный относительный смысл. «Забыли, – говорит Августин, – мы его, однако, не до такой степени, чтобы не помнить о том, что мы его забыли. Мы не могли бы искать утерянного, если бы совершенно о нем забыли» [1, с. 281].

Нет сомнений в том, что память избирательна в отношении объектов поиска, но при этом играет конструктивную роль: стремясь к равновесию, она формирует контекст для искомого, достигая позитивной полноты. Забвение не завершено до полного исчезновения объекта из памяти. Как отмечает в своей работе М.К. Мамардашвили, воспроизведение последовательности событий, связанных с перемещаемым объектом, способствует его воспоминанию [6, с. 38].

Восхождение к сущностной памяти неразрывно связано с рефлексией о счастливой жизни. Августин утверждает: «Когда я ищу Тебя, мой Боже, – я ищу счастливой жизни» [1, с. 281]. Он задается вопросами: «Где и когда я познаю свою счастливую жизнь, чтобы помнить ее, любить ее и жаждать ее? И я не один и не с немногими; несомненно, все мы хотим быть счастливыми» [1, с. 284]. И добавляет: «И истинно счастливая жизнь, та, которая радуется Тебе, от Тебя, для Тебя, есть истинно счастливая жизнь, и ничто иное» [1, с. 285]. Возникает вопрос о значении «поиска» Бога и о том, что доступно в этом процессе. При этом поиск Бога не предполагает обретения его как конкретной формы, но представляет собой экзистенциальное движение. В процессе этого поиска возникает ощущение благополучия, которое интерпретируется как проявление Бога. В поиске этого «Нечто» как Бога, ищущий сам трансформируется [10, с. 98], становясь не просто ищущим, но является воплощением самого процесса поиска, носителем его в себе. Поиск Бога привносит личный смысл и сопровождается экзистенциальным осуществлением. По этой причине Августин связывает поиск Бога с размышлениями о счастливой жизни, символизирующими радость познания и обретения Бога. Поиск счастливой жизни открывает путь к обретению Бога, а, следовательно, к самосовершенствованию и трансцендентности. Первым шагом на этом пути является достижение внутреннего понимания Бога, чувства, хранящегося в памяти как образ Бога [9, с. 102]. Каждый поиск содержит свидетельство корректности процесса и ясность результата. Перемещение объектов возможно только при достижении состояния уверенности: «Хватит, вот оно». Искать можно как то, что было утрачено, так и то, чего никогда не было, например, счастливую жизнь. Однако, поскольку память сохраняет присутствие искомого, то оно в некоторой степени всегда присутствует в сознании, иначе бы о нем не было известно.

Августин исследует механизмы познания и проживания счастливой жизни, не акцентируя внима-

ние на ее ретроспективном восприятии и игнорируя собственные представления о ней. Он задается вопросом о наличии «памяти о счастливой жизни» в нас [1, с. 282]. Августин применяет экзистенциальный подход, рассматривая этот вопрос в личностном контексте: как счастливая жизнь присутствует в памяти, как она познается и переживается.

Однако его подход не является радикальным, поскольку философ все же признает иерархию ценностей в относительном смысле. Методы достижения счастливой жизни варьируются, равно как и способы, которыми мы ее достигаем. Тем не менее, мы наслаждаемся ею и можем наслаждаться, обладая знанием о ней. Независимо от различий в языковых выражениях, каждый понимает тождественность смысла, заложенного в понятии «счастливой жизни», и признает всеобщее стремление к ней, что возможно лишь при условии сохранения воспоминания о счастливой жизни, то есть ее присутствия в памяти.

Внутреннее чувство, отличное от воспоминаний о, например, Карфагене, основанных на внешних чувствах, характеризует восприятие счастливой жизни. В итоге философ отмечает, что счастливая жизнь – это не материальный объект, доступный чувственному восприятию. Аналогично, наше понимание чисел не связано с их присвоением. Числа существуют сами по себе. В отличие от них, мы стремимся к овладению счастливой жизнью, к обретению счастья.

Каковы основания для утверждения существования счастливой жизни? Обратимся к относительному значению и приоритету смысла ее достижения. Что это такое? Как оно присутствует? Ситуации достижения носят экзистенциальный характер. Присутствие требует движения, которое поднимает последовательность событий на новый уровень, где «бытие» трансформируется в «бытие», то есть в присутствие. Мы знаем о нем, и именно поэтому стремимся к подлинному обладанию им.

Аналогичный пример – беглость речи. Мы знаем, что это такое. Желаящие свободно говорить помнят, что это такое, то есть обладают определенным знанием. Однако это знание приобретает через внешние чувства, посредством чувственного восприятия красноречивых людей и их бесед. Таким образом, знание восстанавливается через чувства и от других. Однако такой механизм нельзя применить к счастливой жизни.

Логика таких рассуждений привела Августина к мысли о том, что счастье не познается через внешние восприятия, поскольку это внутреннее событие, укорененное в личном опыте «я», манифестирующееся в воспоминаниях о радости. Следовательно, счастье не может быть передано от других; это опыт, проистекающий из *cogito*. Для Августина акт размышления есть личный акт, со-

державший полноту и образ божественного начала, всегда личного Бога. Как отмечает философ, «личное существование невозможно представить вне Бога, который наполняет меня бытием и жизнью, только в Боге я истинно (*Ego sum*) и только в Боге я истинно (*Ego cogito*)» [5, с. 17–18]. Экзистенциальный опыт существования возникает, когда человек внутренне проходит путь опыта до его конца [2, с. 73]. Помимо стремления к счастливой жизни, появляется новый экзистенциальный мотив: само счастье. Стремление к удовольствию является подлинным побуждением, обнаруживаемым в воспоминаниях. Счастье не передается через внешние чувства. Августин утверждает: «Я его не вижу, я его не слышу, я его не чувствую, я его не осязаю. Я узнаю его в своей душе, когда я счастлив, и память подтверждает это знание» [1, с. 283].

Счастье – не просто состояние ума, а феномен, обладающий экзистенциальным значением, как присутствие, требующее экзистенциального действия в конкретном, достигнутом процессе. Августин связывает стремление к счастью и счастливой жизни со стремлением к истине, утверждая, что счастливая жизнь – это радость, проистекающая из истины. Однако в стремлении к истине некоторые удовлетворяются велениями плоти, возникающими без усилий. Погрязая в итоге в своих желаниях, люди не стремятся к счастливой жизни, поскольку истинное счастье требует самопреодоления, ведущего к истинному бытию. Они испытывают радость, когда истина открывается им. Но где они находят истину? Там, где они избегают обмана. Отказываясь от обмана, они ориентируются на смысл истины, хранящийся внутри. Увеличение света уменьшает обман. Следовательно, стремясь к познанию истины, они испытывают счастье. Однако, если истина не живет в них, они остаются несчастными. Суэта и беспутный образ жизни лишают их света. Августин вопрошает: «Почему же тогда истина порождает ненависть, и почему Твой человек, проповедующий истину, становится их врагом?» [1, с. 286].

Люди стремятся к откровению истины, но в то же время остаются закрытыми для нее, обретая лишь то, что истина остается скрытой, даже когда они открыты ей. В этой нищете они любят истину больше лжи и, следовательно, стремятся к ней. Счастлива та душа, которой «ничто не мешает радоваться единой истине, источнику всякой истины» [1, с. 286]. В этом рассуждении неоплатонический мотив дополняется христианским опытом. Единая истина, запечатленная в памяти, порождает все истины. Поиск истины и ее обнаружение находятся в памяти, силе, сохраняющей нашу сущность и бытие, которые Бог открывает нам по Своему образу и подобию. Бог не является объектом поиска, и мы не можем постичь Его в психологическом смысле. Истина, исходящая от Него, хранится в памяти, записанной в Нем Самом.

Заключение

Таким образом, в данной статье был проведен анализ феномена памяти в исповедальном слове Августина, эксплицируется экзистенциальный контекст диалогического слова, в котором кристаллизуется фундаментальный смысл памяти как события духовного опыта, отмечается влияние античной традиции на осмысление искомого феномена, которое у Августина наполняется новым конкретным религиозным переживанием и обретает личностное измерение. В этой связи проясняется сущность памяти через мотив узнавания, феномен сознания (cogitation), времени, забвения, истины, радости, тему образов, размышления о счастливой жизни. Результаты исследования показывают, что память у Августина – не психологическая функция, а фундаментальное событие диалога личности с Богом, синоним ума и души. Она предстает как внутреннее пространство самопознания, где преодолевается время и обретается истинная личностная идентичность. Такого рода переосмысление, на наш взгляд, наполняет античные концепции конкретным религиозным переживанием.

Литература

1. Августин. Исповедь / Пер. с лат. и коммент. М.Е. Сергеенко; Предисл. и послесл. Н.И. Григорьевой. М.: «ГЕНДАЛЬФ», 1992. 541 с.
2. Больнов О. Философия экзистенциализма: Философия существования / Отто Фридрих Больнов; [Сост. Ю.А. Сандулов]. СПб.: Лань, 1999. 222 с.
3. Губин В.Д. Метафизика памяти. М.: РГГУ, 2017. 192 с.
4. Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб: Фонд поддержки науки и образования «Университетская книга», 1997. 480 с.
5. Лошаков Р.А. Отношение разума и веры в новоевропейской метафизике (Августин-Декарт-Паскаль): Монография / Р.А. Лошаков. Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 1999. 119 с.
6. Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. Москва: Моск. шк. полит. исслед., 2000. 412 с.
7. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Под редакцией И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. СПб: Ювента, Наука, 1999. 605 с.
8. Неретина С.С. Аврелий Августин: исповедь как философствование. Онтология личности, знания, свободы [Сост.: Р.В. Светлов, В.Л. Селиверстов]. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2002. С. 757–799.
9. Сергеев К.А. Ренессансные основания антропоцентризма. СПб. Издательство СПбГУ, 1993. 264 с.
10. Chadwick H. Augustine. Oxford, NY: Oxford univ. press, 1986. 122 p.
11. Gilson E. The Christian Philosophy of Saint Augustine. NY, 1983. 398 p.
12. Kirwan C. Augustine. London, NY: Routledge, 1989. 247 p.

MEMORY AS AN EVENT OF AUGUSTINE'S EXISTENTIAL EXPERIENCE.

Torubarova T.V.

Kursk State University

The article analyzes the phenomenon of memory in Augustine's confession. The existential context of the dialogical word is explicated, in which the fundamental meaning of memory as an event of spiritual experience is crystallized. The influence of the ancient tradition on the understanding of the sought-after phenomenon is noted, which in Augustine is filled with a new concrete religious experience and acquires a personal dimension. In this regard, the essence of memory is clarified through the motive of recognition, the phenomenon of consciousness (cogitation), time, oblivion, truth, joy, the theme of images, reflections on a happy life. It is emphasized that memory in Augustine's confessional word is mind and soul. The purpose of the study is to analyze memory as an existential event in Augustine's Confessions. The following tasks were solved in the study: to identify the specifics of his approach in comparison with the ancient tradition; to analyze the main motives (recognition, time, oblivion) that reveal the essence of memory. The methodology combines phenomenological, hermeneutic, and historical-philosophical analysis, as well as methods of systematization, description, comparison, and others. The results show that Augustine's memory is not a psychological function, but a fundamental event of a person's dialogue with God, synonymous with mind and soul. It appears as an inner space of self-knowledge, where time is overcome and true personal identity is found.

Keywords: memory, existential, mind, soul, time, consciousness, image, work, happy life, recognition, God, dialogue, confession, man, spiritual experience, personality.

References

1. Augustine. Confession / Translated from Latin, and commented by M.E. Sergeenko; Preface and afterword by N.I. Grigorieva, Moscow: GANDALF, 1992. 541 p.
2. Bolnov O. Philosophy of existentialism: Philosophy of existence / Otto Friedrich Bolnov; [Comp. Yu.A. Sandulov]. St. Petersburg: Lan Publ., 1999. 222 p.
3. Gubin V.D. Metaphysics of memory. Moscow: RGGU, 2017. 192 p.
4. Yates F. The art of memory. St. Petersburg: Foundation for Support of Science and Education "University Book", 1997. 480 p.
5. Loshakov R.A. The relation of reason and faith in New European metaphysics (Augustine-Descartes-Pascal): Monograph / R.A. Loshakov. Arkhangelsk: Publishing House of the Pomeranian State University named after M.V. Lomonosov, 1999. 119 p.
6. Mamardashvili M.K. Aesthetics of thinking. Moscow: Moscow. School of Politics research, 2000. 412 p.
7. Merleau-Ponty M. Phenomenology of perception / Edited by I.S. Vdovina, S.L. Fokin. St. Petersburg: Juventus, Nauka, 1999. 605 p.
8. Neretina S.S. Aurelius Augustine: Confession as philosophy. The Ontology of Personality, Knowledge, and Freedom [Comp.: R.V. Svetlov, V.L. Seliverstov]. Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Institute, 2002. P. 757–799.
9. Sergeev K.A. Renaissance foundations of anthropocentrism. St. Petersburg. St. Petersburg State University Publishing House, 1993. 264 p.
10. Chadwick H. Augustine. Oxford, NY: Oxford univ. press, 1986. 122 p.
11. Gilson E. The Christian Philosophy of Saint Augustine. NY, 1983. 398 p.
12. Kirwan C. Augustine. London, NY: Routledge, 1989. 247 p.

Эмоциональность коммуникаций в социальных сетях как результат человеко-машинного взаимодействия

Чашин Елисей Владимирович,

кандидат философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук, Пермский военный институт войск национальной гвардии (Росгвардии) Российской Федерации

E-mail: chashin86@mail.ru

Проведенное исследование рассматривает проблему взаимного влияния искусственного аналога ментальности и естественного мышления в плоскости эмоциональной наполненности коммуникативных связей. Прямой или опосредованный диалог, возникающий между пользователями современных социальных сетей, зачастую приобретает очень экспрессивные формы. Одной из неявных причин подобного положения дел становится желание человека, проистекающее из его мировоззренческих установок, компенсировать доступными ему способами недостаточную развитость эмоционального восприятия реальности искусственным интеллектом, администрирующим это общение. Последний, становясь посредником в человеческом диалоге, стремится со своей стороны внести в контекст коммуникации более высокую долю рациональности, что вызывает у людей обратную реакцию в виде ярких проявлений эмоций. Это, в свою очередь, порождает проблему, когда человек в борьбе за свою идентичность теряет беспристрастность в оценке тех вещей, где сохранение последней имеет значение.

Ключевые слова: искусственный интеллект, идентичность, видеохостинг, эмоциональность, рациональность.

Введение

Эмоциональная зависимость, особенно в сфере коммуникации, характерная для современного социума, находящая свое отражение в культуре видеохостингов, превращается в такую же данность как упрощение, вплоть до схематизации, общения между людьми в электронных сетях [1, с. 57]. При этом если признаком второго является сокращение слов, использование многочисленных смайликов-эмодзи вместо литературной речи, то индикатором первого является крайне экспрессивный посыл у большинства самых популярных видеороликов на таких платформах как «TikTok» или «Вк» [2, с. 383]. Фактически сухость и нейтральность эмоциональной окраски практически гарантирует то, что сюжет не будет востребован у аудитории и, наоборот, история, раскрытая с помощью ярких выразительных средств, экспрессивного музыкального сопровождения, с очень большой вероятностью будет ротироваться на платформе, найдет своего зрителя, даже если длительность ролика не превысит 10 секунд. Авторы зачастую прибегают к применению провокационного контента лишь для того, чтобы вызвать ответную реакцию у пользователей сети, вступить с ними в заочный спор. Это было бы невозможным без ответного стремления противоположной стороны. Последнее обстоятельство в данном случае раскрывает определенный потенциал использования некоторых инструментов из социальных сетей в педагогике [3]. Например, принцип емкой, наполненной разноканальной информацией передачи знаний в виде краткой интерактивной презентации, совмещенной с быстрыми, но эмоционально-насыщенными комментариями преподавателя. Последний может использовать сформулированные искусственным образом провокационные утверждения с целью привлечения внимания аудитории и включения учеников в дискуссию. Тот же самый принцип фактически реализуется и в социальных сетях. Однако без конструктивного контроля споры в виртуальном пространстве зачастую перерастают в реальные конфликты [4, с. 167]. Безусловно, на протяжении всей истории развития человечества люди вели дискуссию друг с другом, предпочитая более эмоциональные формы сдержанным, сугубо информативным. Но именно сейчас в русле развития цифровых технологий два этих способа коммуникации оказались настолько явно разделены между собой.

Основные результаты

В чем же причина того, что для социума начала третьего тысячелетия такое значение приобретает необходимость яркого проявления чувств и восприятия информации через призму эмоциональной подачи? Чтобы найти адекватный ответ на данный вопрос важно вспомнить, что именно возможность оценивать получаемые знания на чувственном уровне, проявление интереса к самому процессу обмена данными, превращение его в психологическую игру и является тем, что делает человека самим собой. Это то, что на сегодняшний день прокладывает границу между естественным и искусственным интеллектом. Последний, а именно он является де-факто основным модератором в современных социальных сетях, проходя все новые и новые этапы своей трансформации, между тем до сих пор ограничен самими техническими возможностями в сфере моделирования эмоций, лишь примитивно копируя отдельные из них для выполнения конкретных задач [5, с. 43]. Его действия опираются преимущественно на логику, при этом по многим параметрам отличную от той, что свойственна человеческому разуму, поскольку не содержит в своей сущности тех выработанных тысячелетиями эволюции способностей видеть себя в контексте ситуации. Искусственный интеллект способен лишь на поверхностную рефлексию, связанную с эффективностью в достижении цели, но не осознает насколько сделанное может быть значимым именно для него и тех, в чьих интересах он совершает тот или иной акт [6]. Противоположным оказывается человеческий взгляд на проблему, сопряженный с сомнениями, страхами и надеждами на лучшее. Социальный субъект воспринимает себя внутри пространства, в котором результат осуществленного им труда не отделен от понимания собственной роли и места в системе общественных взаимоотношений. Личность идентифицирует себя как в реальном мире, так и в виртуальном пространстве с той общностью, чьи цели и ценности она принимает [7, с. 54]. Отражением последних и становятся эмоции, проявление которых превращается в демонстрацию принадлежности человека к специфической группе, носителем социальной идеологии которой он является. Желание утвердить свою позицию так же как это делалось в древности, когда основной мировоззренческой формой был миф [8, с. 12], но с учетом этических норм и принципов общежития, выработанных от зарождения христианства, пропущенных через этику И.Канта [9, с. 113] и окончательно закрепленных в законах большинства стран мира в начале третьего тысячелетия, требуют своего согласования в сознании современной личности. Жизненные ориентиры последней явно указывают на желание как передавать, так и получать эмоционально-окрашенную информацию, которую можно либо сразу признать истинной, либо также быстро оспорить. При этом

сам процесс ретрансляции, исходя из потребностей субъекта, должен осуществляться в максимально краткой, емкой, но насыщенной явными и скрытыми смыслами форме. Эмоциональная оценка в этом случае приобретает предикативный характер при передаче данных от ретранслятора к приемнику. То есть значение ценности для личности будет принимать само умение воспринимать ту или иную ситуацию на иррациональном уровне. Искусственный же интеллект по мере расширения своего участия в процессах жизнедеятельности социума наоборот стремится увеличить всеми доступными ему способами долю рациональности в принятии решений до максимальной. Этим Человек и Машина подводят друг друга к противоречию.

В результате формируется обратная тенденция, являющееся естественным человеческим ответом на неприятные для него условия. Уровень иррациональности в оценке тех или иных событий повышается по мере того, как бескомпромиссная логичность становится синонимом восприятия мира искусственным интеллектом, приобретая отрицательный оттенок в массовом сознании. Последние четыре десятилетия поп-культура лишь усиливала негативный стереотип о безэмоциональной, а потому по умолчанию безжалостной, опасной для человека искусственной интеллектуальной системе. Правда риски, связанные с потерей части людей работы из-за замены их роботами, тем не менее, имеют под собой реальные причины. Одна из которых и заключается в постепенном росте преимуществ искусственного интеллекта перед живым сознанием в некоторых сферах деятельности. Здесь речь идет даже не о повышенной внимательности или скорости производимых вычислений, а об объективности в анализе поступающей информации и принятии ключевых решений. Социум и созданные им Машины находятся в своеобразном диалектическом отрицании друг по отношению к другу в аспекте увеличения значения чувственной или рациональной формы при обмене знаниями. В будущем это способно привести к специфическим последствиям. Так при дальнейшем увеличении доли иррациональности в осмыслении обществом происходящих событий, вероятно искусственному интеллекту потребуются занять место беспристрастного судьи, выполняющего задачи помощника человека в тех сферах жизни, где этого требует необходимость. В частности, без этого невозможно функционирование избирательных комиссий, а также любых других органов государственного управления, где требуется беспристрастный взгляд арбитра. Непредвзятость в принятии решения в данном случае становится ключевым фактором в обеспечении результативности их работы. Таким образом окажется нивелированной избыточная пристрастность исполнителя, неотъемлемая от других аспектов его мотивации ввиду гипертрофированности эмоциональной оценки

происходящего. Безусловно искусственный интеллект в чистом виде не должен подменять собой человека в принятии кардинальных решений. Очевидно его роль заключается в осуществлении помощи, информационном обеспечении личности фактологическими материалами. В любом случае тенденции, связанные по своей природе с компенсацией излишнего проявления эмоций, которое, по сути, приводит к иррациональности человеческих оценок реальности, стремящегося к сверхлогичности искусственного аналога ментальности, уже сейчас прослеживаются достаточно отчетливо. Психологически современный молодой человек все в большей степени оказывается зависим от коммуникации с Машинами, подбирающими для него контент в поисковых системах, обслуживающими работу приложений, нужных для хорошего обеспечения быта, и, конечно, модерирующими его коммуникацию с другими людьми в социальных сетях. Для большинства подростков отлучение их от интернета превращается в чрезвычайно суровое наказание. В то же время феномен «зловещей долины» [10, с. 284], когда слишком похожий на человека робот вызывает оторопь или даже сильный страх у людей, особенно принадлежащих к пожилому поколению, является индикатором о наличии противоположной тенденции. Однако между данными трендами не существует явного противоречия в русле поднятой нами проблемы. Все дело в том, что каждый человек в контексте собственной уникальности и неповторимости, которая рано или поздно проявляется сначала как реакция на стремление социальной общности заключить его в рамки собственных традиций и культурных ориентиров, а затем уже в качестве противостояния унификации, навязываемой искусственным интеллектом, проявляет творческую активность. Последняя выражается в попытках отхода от стереотипов, либо их конструктивного переосмысления через позитивные ментальные формы этих феноменов, более известные как фреймы [11, с. 8]. Когда человек наполняет старую ментальную матрицу новым смыслом, как в случае с очень похожей на человека Машиной, либо наоборот, категорически не вписывающейся в представления человека об отзывчивости в коммуникации электронной интеллектуальной системой, он будет всякий раз проявлять сильные эмоции, не позволяющие ему трезво взглянуть на ситуацию. Страх перед общением с искусственным аналогом «личности» и страх перед отсутствием возможности вести с его помощью диалог в равной мере определяет суть проблемы объективности оценки социумом происходящих событий.

Заключение

Сотрудничество естественного и искусственного интеллекта предполагает базирование не на под-

мене воли человека при выполнении им жизненно важных задач, а на получении дополнительного инструмента, уберегающего от ошибок, вызванных избыточностью иррационального компонента ментальности в осмыслении конкретных событий [12, с. 57]. Сохранение подобного баланса обеспечивает легитимность применения и расширения потенциала перспективных технологий. Уже сейчас многими странами разрабатываются регламенты по использованию потенциала искусственного интеллекта в промышленном секторе экономики. В будущем очевидно это коснется и сферы обслуживания, а также других гуманитарных направлений. Однако решение социально-психологической проблемы противопоставления Человека Машине лежит не в русле установки отдельных правил или законов, а в осознании и принятии смысла их взаимодействия, где эмоциональная и логическая стороны познания оказываются разделены по одному основанию – способу достижения цели, и объединены по-другому – получению конечного результата. Яркие же проявления чувств, возникающие между коммуницирующими внутри социальных сетей людьми, следует считать теми указателями, на которые следует ориентироваться в процессе дальнейшего построения более эффективного производственного пространства, консолидирующего человеческий и машинный потенциалы.

Литература

1. Скляр Л. Н., Бочарова, Т.И. Развитие русского языка в интернет-коммуникации // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. – 2021. – № 4. – С. 55–60.
2. Бусуркина И.П. Этика и ценности в цифровом пространстве: на примере пародийных видео в TikTok // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2021. – № 3. – С. 374–389.
3. Сударева М.В. Социальная сеть TikTok как инструмент формирования «гибких компетенций» школьников // Про дОд. – 2021. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://prodod.moscow/archives/21577> (дата обращения: 17.08.2025) № 4 (34) Август 2021 г. С. 57–63.
4. Ягудина А.Р., Анохина С.А., Хабиров А.Р. Социальные сети как источник конфликтов // Журнал прикладных исследований. – 2023. – № 10. – С. 166–170.
5. Мамина Р.И., Пирайнен Е.В. Эмоциональный искусственный интеллект как инструмент взаимодействия человека и машины // ДИСКУРС. – 2023. – Т. 9, № 2. – С. 35–51.
6. Лепский В.Е. Искусственный интеллект в субъектных парадигмах управления // Философские науки. – 2021. – № 64(1). – С. 88–101.

7. Гигаури Д.И., Тузова П.Р. Виртуальная идентичность в социальных сетях и видеоблогах: обзор политического контента в TikTok // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2021. – № 6. – С. 47–70.
8. Даренский В.Ю. Миф как холотропное мышление // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2022. – Том 8, Выпуск № 2. – С. 5–17.
9. Холодницкий С.В. Категорический императив Канта: границы применения // Молодой ученый. – 2018. – № 28 (214). – С. 112–113.
10. Мотяков Г.Ю. Мошникова В.А. Влияние эффекта «зловещей долины» на человека / Современные проблемы науки, общества и культуры: сборник статей VII Международной научно-практической конференции (Омск, 28–29 апреля 2022 г.). – С. 283–287.
11. Минский М. Фреймы для представления знаний: Пер. с англ. – М.: Энергия, 1979. – 152 с.
12. Сысоев П.В. Персонализированное обучение на основе технологий искусственного интеллекта: насколько готовы современные студенты к новым возможностям получения образования // Высшее образование в России. – 2025. – Т. 34, № 2. – С. 51–71.

EMOTIONALITY OF COMMUNICATIONS IN SOCIAL NETWORKS AS A RESULT OF HUMAN-MACHINE INTERACTION

Chashchin E.V.

Perm Military Institute of National Guard Forces of the Russian Federation

The conducted research examines the problem of the mutual influence of an artificial analogue of mentality and natural thinking in the plane of emotional fullness of communicative connections. The direct or indirect dialogue that occurs between users of modern social networks often takes on very expressive forms. One of the implicit reasons for this state of affairs is the desire of a person, stemming from his worldview, to compensate for the lack of emotional perception of reality by artificial intelligence, which administers this communication, in the ways available to him. The latter, becoming an intermediary in human dialogue, seeks, for its part, to introduce a higher proportion of rationality into the context of communication, which

causes people to react in the form of vivid manifestations of emotions. This, in turn, creates a problem when a person, in the struggle for his identity, loses his impartiality in assessing those things where preserving the latter is important.

Keywords: artificial intelligence, identity, video hosting, emotionality, rationality.

References

1. Sklyar L. N., Bocharova T.I. The development of the Russian language in Internet communication // Bulletin of the Moscow Information Technology University – Moscow Institute of Architecture and Civil Engineering. – 2021. – № 4. – pp. 55–60.
2. Busurkina I.P. Ethics and values in the digital space: on the example of parody videos in TikTok // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2021. – № 3. – pp. 374–389.
3. Sudareva M.V. TikTok social network as a tool for the formation of “flexible competencies” of schoolchildren // Pro Do D. – 2021. – [Electronic resource]. – URL: <https://prodod.moscow/archives/21577> (date of reference: 08/17/2025) № 4 (34) August 2021, pp. 57–63.
4. Yagudina A.R., Anokhina S.A., Khabirov A.R. Social networks as a source of conflicts // Journal of Applied Research. – 2023. – № 10. – pp. 166–170.
5. Mamina R.I., Pirainen E.V. Emotional artificial intelligence as a tool for human-machine interaction // DISCOURSE. – 2023. – Vol. 9, № 2. – pp. 35–51.
6. Lepsky V.E. Artificial intelligence in subjective management paradigms // Philosophical Sciences. – 2021. – № 64(1). – Pp. 88–101.
7. Gigaury D.I., Tuzova P.R. Virtual identity in social networks and video blogs: an overview of political content in TikTok // Bulletin of the Moscow University. Episode 12. Political sciences. – 2021. – № 6. – pp. 47–70.
8. Darensky V.Y. Myth as holotropic thinking // Scientific result. Social and humanitarian studies. – 2022. – Volume 8, Issue № 2. – pp. 5–17.
9. Kholodnitskiy S.V. Kant's categorical imperative: the limits of application // Young Scientist. – 2018. – № 28 (214). – Pp. 112–113.
10. Motyakov G.Y. Moshnina V.A. The influence of the “sinister valley” effect on humans / Modern problems of science, society and culture: collection of articles of the VII International Scientific and Practical Conference (Omsk, April 28–29, 2022). – p. 283–287.
11. Minsky M. Frames for the representation of knowledge: Translated from English. Moscow: Energiya, 1979. 152 p.
12. Sysoev P.V. Personalized learning based on artificial intelligence technologies: how ready are modern students for new educational opportunities // Higher education in Russia. – 2025. – Vol.34, № 2. – pp. 51–71.

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Возраст и культура: анализ концепции философской антропологии возраста С.А. Лишаева

Михайлова Светлана Петровна,соискатель кафедры философии и культурологии,
Волгоградский государственный социально-педагогический
университет
E-mail: babochkina@yandex.ru**Аль-Гунаид Мария Александровна,**соискатель кафедры философии и культурологии,
Волгоградский государственный социально-педагогический
университет
E-mail: Ansama@yandex.ru

В статье исследуется философско-антропологическая концепция возраста, разработанная русским философом С.А. Лишаевым. В статье анализируется его подход к возрасту как к культурному, семиотическому и экзистенциальному феномену, имеющему временные и телесные измерения. В нем также рассматриваются ключевые различия между модусами темпоральности в рамках возрастного опыта Лишаева, а также его мысли о кризисе современной возрастной культуры, связанном с доминированием хронологического «цифрового времени» и маргинализацией детства и старости. Развернуто представлена книга современного самарского философа С.А. Лишаева «Философия возраста (Возраст и время)». Представлена структура книги с указанием исследуемых характеристик каждой из частей. Введение содержит описание возрастных характеристик современного человека. Первая часть книги посвящена общей философской проблематикой человеческого бытия под призмой возрастных изменений. Вторая часть произведения – авторское философское осмысление отдельных возрастных проявлений с позиции изменений целенаправленного и выбора приоритетов.

Ключевые слова: философия возраста, возраст, время, целенаправленное, выбор приоритетов, возрастная периодизация, философская рефлексия, бытие, затянувшееся взросление, взросление поневоле, вечный студент.

В современном гуманитарном знании понятие возраста все чаще рассматривается не как чисто биологический или психологический феномен, а как сложный культурный конструкт и форма самореализации с течением времени. Сергей Александрович Лишаев, выдающийся российский философ, внес значительный вклад в это понимание своими работами, в том числе своей фундаментальной книгой «Философия возраста (Возраст и время)» (2022), а также серией статей.

Цель данной статьи – проанализировать концепции Лишаева о возрасте на основе его опубликованных работ и оценить их значимость для понимания современных темпоральных вызовов. Для этого мы сначала рассмотрим методологические основы подхода Лишаева к возрасту.

Философская антропология возраста Лишаева – это исследование экзистенциальных основ переживания старения. Она начинается с анализа того, как люди «засекают время» в своей жизни, как они ощущают и понимают течение времени в рамках своего собственного существования [1]. Этот подход основан на нескольких принципах.

Культурно-нормативное опосредование

Возрастное сознание и поведение формируются в результате противоречия между нормативным (ожиданиями общества относительно того, как человек должен стареть) и маргинальным (отклонениями от нормы в плане практик и самовосприятия) [4]. Культура задает «возрастной этос», систему ценностей и ожиданий, связанных с различными этапами жизни [9].

Эстетический опыт старости

Лишаев исследует эстетический опыт старости, показывая, как изменения тела и материальные следы времени несут культурные значения и формируют отношение к миру [9].

Физическая и семиотическая характеристика тела

Тело – это не просто биологическая сущность, но и «текст», который читается в культурном контексте. Изменения, происходящие в теле, отражают различные формы старения [8].

Центральной идеей Лишаева является анализ качественного разнообразия восприятия време-

ни на разных этапах жизни. Он вводит концепцию «эластичного времени», подчеркивая, как субъективная скорость, плотность и направление времени меняются на протяжении всей жизни [12].

Анализируя творчество Лишаева, мы видим не жесткую дихотомию, а спектр временных модулей. Режим «возраст-эпоха» (качественное, циклическое время) связан с переживанием настоящего как целостного и самоценного состояния. Этот режим наиболее ярко выражен в детстве и старости, которые Лишаев описывает как маргинальные, «вневременные» периоды, расположенные на крайних рубежах жизни. Эти периоды характеризуются «маргинальным временем» – временем, находящимся вне линейного потока социальной продуктивности, временем «пребывания» и иного, неутилитарного отношения к миру [7]. В старости это «свободное время» оказывается «по ту сторону» самореализации [3; 5].

Режим возрастного ритма (линейное, целенаправленное время) – это время зрелости, или «возраст по преимуществу» [10; 13]. Он ориентирован на достижение целей и карьерный успех, а также социальную эффективность. Этот период времени измеряется в хронологических единицах и наполнен проектами и обязанностями [13; 14].

Лишаев проводит феноменологический анализ этого этапа жизни, показывая его неоднородность и периодизацию, включая раннюю, среднюю и позднюю стадии зрелости. Каждая стадия имеет свой уникальный временной режим и набор проблем. Согласно Лишаеву, люди существуют в постоянном напряжении между различными режимами времени.

Зрелость, как центр этого возраста, характеризуется преобладанием ритма, в то время как детство и старость предоставляют возможность переживать эпохи. Он анализирует старость с разных точек зрения: как переходный этап, как время, свободное от социальных обязательств, и как возможность обрести мудрость. Лишаев исследует, как меняется отношение ко времени с возрастом. Время замедляется, становится более однородным и теряет интенсивность. Прошрое, настоящее и будущее существуют иначе, чем во взрослой жизни.

Детство также является «маргинальным временем» – периодом вне непосредственного общественного производства, характеризующимся тем, что в нем по-своему доминируют игра и восприятие. Анализ Лишаева позволяет ему определить границы и условия современности – линейного, продуктивного времени, которое доминирует в нашей жизни [7].

Кризис современности характеризуется торжеством хронологии и маргинализацией эпох.

По словам Лишаева, современная культура переживает глубокий кризис идентичности, вызванный доминированием ценностей, связанных

с понятием «возрастной ритм». Хронологизация и оцифровка сводят возраст всего лишь к цифре, хронологическому маркеру, который становится объектом управления и маркетинга. Это приводит к нивелированию качественной уникальности различных этапов жизни. Культ продуктивности и результативности ставит во главу угла идеальный возраст взросления, отодвигая на второй план детство и старший возраст. Пожилые люди рассматриваются как социальное бремя, которое необходимо «отложить» или активно преодолевать, что лишает их собственного смысла и ценности.

Утрата традиционных возрастных ориентиров и норм приводит к кризису идентичности, поскольку люди оказываются во «временном разделении», где от них ожидают ускоренного достижения социального успеха, в то время как их потребность воспринимать свой возраст как уникальную эпоху остается неудовлетворенной. Это вызывает чувство тревоги, усталости и ощущение неадекватности.

Наименование и тема произведения: с течением жизни человеку, как правило, свойственно некоторым образом меняться. В 2022 году в Санкт-Петербургском издательстве «Алетейя» вышла книга самарского философа Сергея Александровича Лишаева «Философия возраста (Возраст и время)». По утверждению самого автора, мысли, положенные в основу данной книги, берут свое начало в онтологическом и контекстном анализе эстетических феноменов, с одной стороны, тогда как с другой стороны, данная книга онтологически, феноменологически и антропологически продолжает ряд уже созданных произведений автора, в основу которых также была заложена некоторая философско-эстетическая герменевтика дескриптивной человеческой повседневности. Однако, на страницах данной книги автору определенно приходится дистанцироваться от примата прежде одних только эстетических интенций, и во все большей степени погружаться в интенции экзистенциальные, а именно – в онтологические и антропологические аспекты человеческого бытия, в первую очередь определяемые такой его важнейшей характеристикой, как возраст личности.

Краткое описание: завершая введение, автор книги размечает перед своим читателем контуры будущей матрицы дескрипторов и кванторов тех частных характеристик *modus existendi* современного человека, которые в первую очередь связаны с его возрастом (т.н. «тематическая разметка»). Автором избирается такой исследовательский ракурс, в котором исследуется общая философская (преимущественно онтологическая) проблематика человеческого бытия в связи с имманентно присущим ему темпоральным характером, изменения внутри которого в тот или иной момент жизни оказываются связанными с ее возрастными особенностями – это особенно выражено в первой, вводной части книги.

Вторая часть книги «Феноменология возраста» вводит читателя в мир авторского философского осмысления отдельных возрастных проявлений, демаркируемых автором согласно конвенционально принятой последовательности периодизации содержательно наиболее значимых периодов жизни человека, анализируемых прежде всего с точки зрения изменений их целеориентирования и выбора приоритетов, тем или иным образом связанных с конкретным возрастным периодом жизни человека. Автор настаивает на том, что темпоральность характера бытия человека является одним из источников его недоопределенности [1, с. 12], что, в свою очередь, предполагает и наличие временных «ключей», которые могут способствовать раскрытию этой недоопределенности. Проходящая через все периоды человеческой жизни – от детства и до старости – вторая часть книги заканчивается анализом собственной внутренней философской проблематики самопонимания личности, переходящей из одного возрастного периода в другой. Вся книга завершается заключением (выводами) и целым рядом приложений, значительная часть которых отнесена автором книги к содержанию конкретных «возрастных» разделов (глав) ее второй части.

Философские проблемы произведения и интерпретация их смысла: предметом исследования данной философской монографии является возраст человека и философские аспекты его периодизации, наиболее ясно и отчетливо проявляющиеся, по утверждению автора [1, с. 7] при переходе от одного возрастного периода к другому. Автор настаивает, что фактической основой проведенных им исследований является междисциплинарная теория возраста человека [1, с. 8], в своем философском измерении сопровождаемая только еще формирующейся философией возраста. По мнению автора, сама постановка вопроса о возможности формирования данного специфического философского направления в современном мире, мире культуры постмодерна, возникает как переход от гетеронимии измерений человеческой сущности к их автономии – то есть долженствования дать четкий ответ на вопрос о том, что в рамках этой сущности человеку предопределено извне, и что ему должно принять – в отличие от того, что он может сам проектировать в рамках своей индивидуальной экзистенции, и далее переходить к реализации этих частных проектов собственного самоопределения. Налагает ли возраст ограничения на возможности сохранения баланса между первым и вторым? – сам автор отвечает на этот вопрос однозначно утвердительно [1, с. 9], и попыткой содержательного и многоаспектного ответа на него и является вся эта книга. В то же время, собственная авторская артикуляция и изложенная в книге позиция по отношению к сделанным им философским выводам направляются

им последовательно и целенаправленно к формированию ряда проблем философской рефлексии сменяющих друг друга возрастных периодов, пространство которой сам автор позиционирует перед своим читателем как, по существу, незавершенный сборник пролегоменов к формированию будущей философии возраста.

Согласно автору, философское измерение темы возраста человека возникает не только по факту временности и преходящего характера его личного бытия [1, с. 12], но и вследствие рефлексии этой ограниченности, эмоциональная острота которой возрастает по мере перехода человека от более молодых возрастных периодов к более старшим. Минуя пространство детства, внутри которого во внутреннем мире личности впервые актуализируется и закрепляется не только ощущение времени, но и дают свои первые ростки индивидуальное отношение к факту этого осознания, во второй главе второй части автор переходит к периоду юности, когда прежде нейтральные ощущения времени детского периода начинают интенсивно обрастать собственной субъективной аксиологией, причем автор приходит к такого рода выводам на основе собственных многолетних исследований [1, с. 13]. Автор отмечает это время, когда молодой человек впервые учится ранжировать собственные интенции, преференции и желания, и именно молодость становится возрастом первого понимания того, что одновременно все свои «хочу» реализовать невозможно (это во-первых), равно как и того, что между внутренним «хочу» и внешним «надо» существует остро ощущаемое несовпадение, которое значительно драматизируется временем начала именно с этого возраста.

Приходит время, и переходя от индивидуального самопозиционирования к социальному, взрослеющий молодой человек сталкивается с признанием объективного факта необходимости выбора своего будущего профессионального поприща [1, с. 159]. Собственно, согласно концепции автора, свобода этого выбора и определяется на субъективном уровне в качестве состояния зрелости [1, с. 161]. Сочетанность «взрослого» желания «определиться с будущим» со временем апробации возможностей и навыков и определяет внутри концепции автора портрет молодого человека в части его профессионального самоопределения; здесь верно отмечен парадокс сочетания множества возможностей с незрелостью, инфантильностью личной системы критериев их выбора (концепция т.н. «инфантильного взрослого»).

Как правило, завершение обязательной фазы образовательного процесса и переход к образованию профессионально-ориентированному рассматривается как квази-инициация зрелости, это «отрезок подмастерья» на личной образовательной траектории молодого человека, причем взрослые в роли наставников всегда оценивают такое

«подмастерье» как имеющийся на сегодняшний день потенциал для формирования чего-то будущего. Однако, такого рода оценка воспринимается самим этим «подмастерьем» как имплицитив вхождения во взрослую жизнь через профессию [1, с. 162]. Автор описывает универсум вступающего на профессиональную стезю юноши как «мир простора и множества дорог» [1, с. 162]. Совершенно верно описан феномен «затянувшегося взросления» по отношению к выбору профессии, поскольку в современных условиях молодой человек может пробовать себя («время проб») в течение нескольких лет, в то время как представить подобное в прежних традиционных обществах, где «отдавали в обучение» разом, было просто невозможно [1, с. 163].

Феномен затянутости профессионального выбора в посттрадиционном обществе внутри авторской концепции связывается с более общей проблемой личного самоопределения, поскольку в этом акте молодой человек ориентируется на тот выбор статусно-ролевых дескрипторов, которые предлагает, или способен предложить ему окружающий его социальный контекст, и с которого профессионально-ориентированное восприятие юноши считывает палитру возможных опций, как с экрана. Автор описывает это процесс метафорически, как попытку взрастить множество цветов, из которых расцветет только их малая часть, и еще меньшая часть из них принесет плоды [1, с. 164]. Завершается же весь этот дискурс выводом о том, что преобладающим ощущением этого времени остается надежда, хотя такой вывод и не кажется небесспорным в переборке бесконечного числа реальных личных сценариев.

Стремление к самоактуализации приводит к высокой индивидуальной изменчивости («ad marginem») внутри социального пространства, заполняемого преимущественно акцидентальным содержанием, когда сам молодой человек требует перемен от окружающего мира в обмен на собственную готовность меняться самому, демонстрируя тем самым явный дисбаланс между самой процессуальностью личной экзистенции и ее конечным целеполаганием. Автор выделяет эту отличительную черту современных молодых людей, практикующих такие практики времяпровождения, которые у более «возрастных» взрослых вызывают недоумение своей кажущейся бесцельностью, хотя во время таких практик молодые люди демонстрируют стремление попробовать в настоящем еще не наступившее будущее «на вкус», «на запах», «на аромат» [1, с. 165].

Кроме того, переход от общества модерна к постмодерну подразумевает такое самопроектирование собственного будущего, в котором личность позиционируется в качестве производного от уровня собственной активности, становящейся сегодня мерилем уровня успешности за-

втрашной реализации этого эго-проекта (там же). Тогда как самоактуализация в своих частных акциденциях выступает фоном, на котором происходит попытка определения себя-настоящего через формируемые образы себя-будущего [1, с. 167]. Акцентуация перебора как можно большего числа вариантов самоактуализации в этих условиях становится прямым следствием субъективного ощущения безграничности временных ресурсов, которые, как кажется в этом возрасте, имеются в распоряжении личности [1, с. 169]. Автор выдвигает гипотезу о причинах этой тенденциозности, в основе сохраняющегося стремления к которой, по его мнению, лежит неразличение ситуативного и надситуативного времени – т.е. Хайдеггера современная молодежь точно не читает, и как считает автор – себе же во вред [1, с. 171]. Присущее только определенному возрастному периоду, это неразличение каузально и содержательно в конце концов исчерпывает само себя, когда кажущиеся неограниченными возможности разбиваются о рамки действительности, принудительно ограничивающие этот стихийно-возрастной волюнтаризм в выборе действительно доступных путей их реализации [1, с. 171–172].

В то же самое время автор отмечает ограничивающую эту гипотезу «аномальные факты», а именно – сохраняющуюся феноменологию ускоренного «взросления поневоле», которое становится не только возможным, но и вынужденным при сочетании ряда определенных условий – как внешних, так и внутренних – поскольку такие возрастные артефакты возникают как результат взаимодействия «воли хроноса», то есть принуждения со стороны изменившихся внешних обстоятельств, на открытость и готовность личности молодого человека жертвовать часть себя, или даже себя целиком, ради кого-то или чего-то иного: его благополучия, его физического состояния, его жизни [1, с. 173].

Переходя в плоскость историко-социального анализа, автор отмечает, что общее ослабление социального контроля (сословного, аскриптивного, религиозного, семейного и т.п.) в обществе постмодерна привело к возникновению феномена психологической пролонгации периода взросления, социально репрезентированной в образах «вечного студента», «вечного рокера», «вечного тусовщика», «вечного ловеласа» и им подобных [1, с. 174], за которыми угадывается не до конца изжитый личный инфантилизм и ювенильность, приобретающие функции механизма психологической защиты личности от страха перед «необходимостью взрослеть» – то есть необходимостью ее неизбежного расставания с юностью.

Наблюдение автора о том, что современные молодые люди имеют несомненное преимущество перед поколением тех, у кого этот возраст пришелся на период минус 15–20 лет назад, обрета-

ет свое подтверждение в развитой феноменологии переключения между действительным миром и виртуальной реальностью, навыки обращения к которой (и с которой) современное молодое поколение получало с детства [1, с. 3092]. Это становится все более важной и неотъемлемой составляющей их *modus existendi*, поскольку виртуальное пространство позволяет организовать еще одну точку (или точки) сборки для реализации самопроектирования («полисубъектности») в том случае, если какие-либо из предыдущих проектов успеха не имели, и именно с этими расширенными возможностями современная молодость переходит в зрелость, в хронотопе которой задача выбора неизбежно сменяется задачей реализации этого выбора [1, с. 310]. Определив период зрелости, как период осуществления планов, автор переходит к самой объемной по количеству написанного части своей книги – периоду инволюции, или старости, значительную часть содержания которого занимают описания особенностей рефлексии и оценки пройденного жизненного пути с переносом акцентов с прогностики дальнейшего продвижения по шкале времени на его эсхатологию [1, с. 344–425] – этим завершается авторский текст, за которым следуют многочисленные приложения.

Выбирая критерии оценки этого значительного философского произведения, в первую очередь следует отметить выдержанную автором линию соответствия основной его проблематике. Реферативно-доказательный аппарат философской аргументации, реализованный автором в основном тексте произведения с целью подтверждения изложенных в нем мыслей и идей, достаточно развит, разнообразен и местами подобран крайне релевантно по отношению ко многим частным аспектам развертывания авторского философского дискурса.

Такой подход позволяет использовать всю эту аргументацию для столь же разнообразного и детального обоснования выдвигаемых автором философских положений и тезисов, что, вне всякого сомнения, во многих местах обсуждения идет только на пользу логичности и обоснованности приводимой аргументации, используемой автором для развития и закрепления своей собственной позиции, а также для углубления полноты раскрытия основных философских проблем этого произведения. К несомненным достоинствам данного философского труда следует отнести и реализуемые автором индивидуальные творческие подходы, периодически и демонстрируемую склонность к использованию метафор и символов, а также исторических коннотаций, придающих тексту образность и оригинальность. В то же самое время, философская позиция автора, формируемая в процессе дискурса сформулированных и обсуждаемых проблем, безусловно должна быть признана совершенно самостоятельной.

Кроме того, использование крайне масштабно-го, охватывающего практически весь текст произведения, справочного аппарата – многочисленных приложений и использованных первоисточников общефилософского, общесоциального, исторического, психологического и антропоцентрического характера позволило автору сформулировать и выдвинуть целый ряд новых идей относительно формирующейся философии возраста человека. В их числе – принципиально новый взгляд на фактор скорости течения личного времени при переходе из одного временного периода в другой, а также вывод о спонтанной интериоризации ритма жизни того поколения, к которому сама личность себя и относит. Заслуживает внимания также теза о возникающем эффекте полисубъектности как модусе самопозиционирования личности современного молодого человека в процессе реализации несовпадающих экзистенциальных сценариев, палитра которых чаще всего сужается, ограничивается внешними обстоятельствами и доступными условиями при переходе от периода молодости к периоду зрелости.

Отмеченные при рецензировании текста недостатки: автором уделено недостаточно внимания раскрытию психологических особенностей молодого возраста, связанного с ощущением настоящего по транзиторному, выраженно переходному типу, что накладывает свой отпечаток на преимущественно экстратемпоральный характер восприятия молодым человеком окружающей реальности, а вслед за тем – также и своего образа в ней. На самом деле, эта особенность ощутимо влияет на мотивацию – то есть на избираемые и реализуемые ценности и цели, когда для самого молодого человека не представляет особого значения то, кто он есть, но безусловно имеет значение то, кем он станет.

Кроме того, в монографии почти не отражена фундаментальная особенность выраженной расщепленности онтоса современного молодого человека, одновременно сосуществующего в двух не вполне совпадающих планах – действительном (окружающий мир) и символическом (виртуальная реальность), которые вследствие единства личной психики безусловно конвергируются внутри каждой личной экзистенции и накладывают отпечаток не только на нее саму, но и на выбор дальнейших путей формирования сценариев самореализации в качестве кого-то или чего-то мотивированно избранного.

Общим достоинством всего этого философского произведения остается выраженное стремление автора не только описывать и анализировать психологию, онтологию и феноменологию движения человеческой личности по шкале времени, но и пытаться нащупать, проверить и обосновать в рамках проводимого общефилософского, социально-психологического и антропологического анализа экстратемпоральные и экстракуль-

туральные инварианты, в дальнейшем потенциально способные составить концептуальное ядро формируемой общепсихологической теории возраста человека.

Философский подход С.А. Лишаева к возрасту, основанный на феноменологическом анализе и культурных перспективах, дает ценное представление о сложностях человеческого опыта во времени. Переходя от хронологической перспективы к экзистенциальной, Лишаев рассматривает возраст как многогранный феномен, который пересекается со временем, телесными переживаниями, культурой и общественными нормами.

Его анализ кризиса современной культуры, связанного с доминированием линейного, «оцифрованного» времени и маргинализацией определенных возрастных групп, не только точен, но и обладает критическим потенциалом. Акцент Лишаева на патологическом доминировании «ритмов» требует философской переоценки ценности каждого этапа жизни и поиска баланса между различными временными режимами. В этом отношении его работа представляет собой призыв к более глубокому осознанию времени и преодолению разделения, которое характеризует наше самоощущение на разных этапах жизни в современном мире.

Литература

1. Лишаев С.А. Философия возраста (Возраст и время). С./Пб.: Алетейя, 2022. 670 с.
2. Лишаев С.А. Возраст и время: модусы будущего в границах жизни // Долженствование, норма и научное знание в прогнозируемом будущем: Материалы Всероссийской научной конференции, Феодосия, 17–19 сентября 2021 года. Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2021. С. 32–35.
3. Лишаев С.А. Старость и время. По ту сторону самореализации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36, № 2. С. 264–278.
4. Лишаев С.А. Нормативное и маргинальное в возрастном сознании и поведении // Мир человека: нормативное измерение – 6. Нормы мышления, восприятия, поведения: сходство, различие, взаимосвязь: сборник трудов международной научной конференции, Саратов, 27–29 июня 2019 года. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2019. С. 445.
5. Лишаев С.А. Старость и свободное время // Labour and leisure = труд и досуг: Сборник тезисов VIII Международной конференции, Санкт-Петербург, 01 января – 30 2019 года. Санкт-Петербург: Центр научно-производственных технологий «Астерион», 2019. С. 65.
6. Лишаев, С.А. Старость, мудрость, философия // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Т. 20, № 1. С. 12–25.
7. Лишаев С.А. Время *ad marginem*: особенности временения в детстве и старости // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2019. № 1(25). С. 15–30.
8. Лишаев С. А. К феноменологии старости // Диагностика современности: глобальные вызовы – индивидуальные ответы: Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, Самара, 29–30 июля 2017 года / Отв. ред. Ю.А. Разинов. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2018. С. 96–105.
9. Лишаев, С.А. Этнос и эстетизм: эстетический анализ и возрастная антропология (на примере этноса и этоса старого и ветхого) // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2018. № 1(23). С. 10–20.
10. Лишаев С.А. Ускользающий возраст (зрелость как предмет философской рефлексии) / С.А. Лишаев // Перспективные информационные технологии (ПИТ 2017): труды Международной научно-технической конференции, Самара, 14–16 марта 2017 года. Самара: Самарский научный центр РАН, 2017. С. 1163–1167.
11. Лишаев, С. А. К феноменологии старости / С.А. Лишаев // История. Семиотика. Культура: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, Самара, 17–18 ноября 2017 года. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2017. С. 206–217.
12. Лишаев С.А. Эластичное время: возрастные параметры ускорения и замедления // *Mixtura verborum* 2017: человек и время: Философский ежегодник / Под общ. редакцией С.А. Лишаева. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2017. С. 45–74.
13. Лишаев С. А. К феноменологии зрелости // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18, № 3. С. 95–107.
14. Лишаев С.А. Периодизация зрелости // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2017. № 1(21). С. 3–24.

AGE AND CULTURE: AN ANALYSIS OF THE CONCEPT OF THE PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY OF AGE BY S.A. LISHAEV

Mihaylova S.P., Al-Gunaid M.A.

Volgograd State Social Pedagogical University

This article examines the philosophical and anthropological concept of age, developed by the Russian philosopher S.A. Lishaev. The article analyzes his approach to age as a cultural, semiotic, and existential phenomenon with temporal and bodily dimensions. It also examines the key differences between the modes of temporality within

the framework of Lishaev's age experience, as well as his thoughts on the crisis of modern age culture associated with the dominance of chronological "digital time" and the marginalization of childhood and old age. The book "Philosophy of Age (Age and Time)" by the modern Samara philosopher S.A. Lishaev is presented in detail. The structure of the book is presented with an indication of the studied characteristics of each of the parts. The introduction contains a description of the age characteristics of a modern person. The first part of the book is devoted to the general philosophical problems of human existence through the prism of age-related changes. The second part of the work is the author's philosophical understanding of individual age-related manifestations from the perspective of changes in goal orientation and choice of priorities.

Keywords: philosophy of age, age, time, goal orientation, choice of priorities, age-specific periodization, philosophical reflexivity, entity, threshold, necessarily ageing, academic tourist.

References

1. Lishaev S.A. *Philosophy of Age (Age and Time)*. S./Pb.: Al-teyya, 2022. 670 p.
2. Lishaev S.A. Age and time: modes of the future within the boundaries of life // *Duty, norm and scientific knowledge in the predicted future: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, Feodosia, September 17–19, 2021*. Simferopol: Limited Liability Company "Publishing House Printing House "Arial", 2021. pp. 32–35.
3. Lishaev S.A. Old age and time. Beyond self-realization // *Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and conflictology*. 2020. Vol. 36, No. 2. pp. 264–278.
4. Lishaev S.A. Normative and marginal in age consciousness and behavior // *The human world: a normative dimension – 6. Norms of thinking, perception, behavior: similarities, differences, interrelationships: proceedings of the international scientific conference, Saratov, June 27–29, 2019*. Saratov: Saratov State Law Academy, 2019. p. 445.
5. Lishaev S.A. Old age and free time // *Labor and leisure = labor and leisure: Collection of abstracts of the VIII International Conference, St. Petersburg, January 01–30, 2019*. St. Petersburg: Asterion Center for Scientific and Production Technologies, 2019. p. 65.
6. Lishaev, S.A. Old age, wisdom, philosophy / S.A. Lishaev // *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*. – 2019. – Vol. 20, No. 1. – pp. 12–25.
7. Lishaev S.A. Time ad marginem: features of time in childhood and old age // *Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Philosophy. Philology*. 2019. No. 1(25). pp. 15–30.
8. Lishaev S.A. On the phenomenology of old age // *Diagnostics of modernity: global challenges – individual answers: Collection of materials of the All-Russian Scientific Conference with international participation, Samara, July 29–30, 2017* / Ed. by Yu.A. Razinov. Samara: Samara Humanitarian Academy, 2018. pp. 96–105.
9. Lishaev, S.A. Ethos and esthesis: aesthetic analysis and age anthropology (on the example of esthesis and ethos of the old and old) // *Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Philosophy. Philology*. 2018. No. 1(23). pp. 10–20.
10. Lishaev S.A. The elusive age (maturity as a subject of philosophical reflection) / S.A. Lishaev // *Advanced Information Technologies (PIT 2017): Proceedings of the International Scientific and Technical Conference, Samara, March 14–16, 2017*. Samara: Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2017. pp. 1163–1167.
11. Lishaev, S.A. On the phenomenology of old age / S.A. Lishaev // *History. Semiotics. Culture: collection of materials of the All-Russian Scientific Conference with international participation, Samara, November 17–18, 2017*. Samara: Samara Humanitarian Academy, 2017. pp. 206–217.
12. Lishaev S.A. Elastic time: age-related parameters of acceleration and deceleration // *Mixtura verborum' 2017: man and time: Philosophical Yearbook / Under total. edited by S.A. Lishaev*. Samara: Samara Humanitarian Academy, 2017. pp. 45–74.
13. Lishaev S.A. Towards the phenomenology of maturity // *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*. 2017. Vol. 18, No. 3. pp. 95–107.
14. Lishaev S.A. Periodization of maturity // *Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Philosophy. Philology*. 2017. No. 1(21).pp. 3–24.

Православный проект «Алтарник» в формировании ценностных ориентиров подрастающего поколения

Архимандрит Афанасий (Голенко),

соискатель, кафедра философии и религиоведения;
Владимирский государственный университет им. Александра
Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых;
настоятель храма Георгия Победоносца д. Рассыльная
Троснянско-Кромского благочиния Орловской митрополии

Данная статья посвящена презентации опыта формирования ценностных ориентиров подрастающего поколения средствами православного проекта. Это комплексная система взглядов, методов и практик, направленная на воспитание личности на основе традиционных духовно-нравственных ценностей, укорененных в православном христианстве. Главная задача — не просто передача знаний о религии, а становление целостной, нравственно зрелой личности, способной к сознательному добру, служению ближним и ответственному выбору. В целях воцерковления и духовно-нравственного воспитания мальчиков и юношей при сельском храме автором проекта был создан молодежный православный клуб «Алтарник» с детским сектором. Руководит православным клубом настоятель храма. Мальчики и юноши вовлекаются в реальную интересную и душевную деятельность. Этот проект стремится воспитать не просто «воцерковленного человека», а свободную, творческую, ответственную и милосердную личность, которая сможет преображать мир вокруг себя.

Ключевые слова: православный проект, «Алтарник», ценностные ориентиры, подрастающее поколение, направления.

Актуальность формирования ценностных ориентиров у мальчиков и юношей при православном храме обусловлена комплексом современных вызовов, затрагивающих духовно-нравственную сферу личности. Этот процесс является значимым как для самих молодых людей, так и для общества в целом.

В условиях современной жизни мальчики и юноши часто подвержены увлечению компьютером, планшетом, которые заменяют им реальное общение со сверстниками на общение в социальных сетях и компьютерные игры. Ребята мало контактируют и с взрослыми, между ними не выстраиваются доверительные отношения. Это приводит к тому, что дети тяжело адаптируются в обществе.

Мальчишки более восприимчивы к высоким технологиям, и не успевают оглянуться, как оказываются в ситуации, что ничего не надо добиваться трудом. Нажал несколько клавиш — получил информацию. Мало времени уделяют физическому труду. Часто мальчики и юноши опекаются матерями, готовыми создать для них изобилие благ в отсутствии мужа, либо тогда, когда супруг занимается исключительно зарабатыванием средств для семьи. Без мужского воспитания нет той дисциплины, которая нужна мальчикам и юношам, чтобы вырабатывалась самодисциплина, чтобы они научились правильно расставлять жизненные приоритеты.

Все вышесказанное приводит к большим проблемам в нравственном и духовном воспитании будущих мужчин. Они вырастают без мотивации брать на себя ответственность за семью, за страну, входят во взрослую жизнь без веры и любви.

Одним из путей решения проблемы является путь к Храму, объединение мальчиков и юношей в православный клуб «Алтарник». Быть алтарником, выполнять возложенные на алтарника обязанности во время приходского служения — почетно и ответственно. Не менее ответственно участвовать в знаменательных событиях жизни прихода и быть представителями прихода храма на мероприятиях в учреждениях образования и культуры Кромского района Орловской области.

Воспитателем и учителем добровольно вступивших в клуб «Алтарник» становится настоятель храма, а значит, дети попадают под мужское влияние, что особенно важно в наши дни. Значение приходских священников в воспитании молодежи сложно переоценить, так как они действуют

на стыке многих социальных и духовных институтов. Их роль выходит далеко за рамки проведения богослужений. В юношеском возрасте остро встают вопросы о смысле жизни, страданиях, смерти, добре и зле. Священник предлагает на них ответы с точки зрения вечности и веры, что дает молодежи духовную опору. В мире, где понятия «норма» часто размываются, священник является безусловным нравственным авторитетом, который четко обозначает границы добра и зла [10]. В отличие от родителей или учителей, священник часто выступает как нейтральная, непредвзятая фигура, с которой можно обсудить самые сокровенные и трудные темы без страха осуждения или наказания. Священник часто становится тем, кто помогает молодежи пережить семейные конфликты, первое разочарование в любви, потерю друзей, стресс перед экзаменами [1].

Приходская жизнь (молодежные клубы, паломничества, спортивные секции, волонтерские проекты) предлагает альтернативу улице, деструктивным компаниям, интернет-зависимости и вредным привычкам. Здесь молодой человек находит друзей с общими здоровыми интересами. Участвуя в организации приходских мероприятий, молодежь учится работать в команде, брать на себя ответственность, организовывать события, общаться с разными людьми. Через священника молодежь прикасается к богатейшему пласту православной культуры: истории, архитектуре, иконописи, музыке, литературе. Это воспитывает чувство принадлежности к великой традиции и национальной идентичности [4].

Проектная деятельность в церкви – это современный и эффективный инструмент для системного решения задач, достижения конкретных целей и реализации миссии общины [7]. Это не просто «провести мероприятие», а целенаправленная работа по созданию чего-то нового или улучшению существующего. Церковный проект – это ограниченное по времени начинание, направленное на создание уникального продукта, услуги или результата для достижения духовных, социальных или миссионерских целей общины [6].

Сроки реализации проекта: март 2024 года – март 2026 года. Место организации – Орловская митрополия, Троснянско-Кромске благочиние, приход Свято-Георгиевского храма д. Рассыльная.

Целевая группа проекта: мальчики и юноши православного вероисповедания, проживающие в сельской местности 5–18 лет.

Цели проекта следующие.

1. Воцерковление мальчиков и юношей, их духовно-нравственное воспитание, чтобы они выбрали верные ориентиры во взрослой жизни.
2. Развитие личности православного человека, живущего по Заповедям Божиим.
3. Воспитание в мальчиках благоговения и любви к Храму.

4. Воспитание и обучение достойных помощников священнослужителя.

Задачи:

1. Создать в приходе Свято-Георгиевского храма клуб «Алтарник».
2. Научить мальчиков и юношей приходскому служению чтеца, пономаря и параклетиарха.
3. Вовлечь алтарников в посильные общинные труды во славу Божию.
4. Вовлечь алтарников в значимые события приходской жизни: принимать участие во встречах правящего архиерея, участвовать в крестных ходах, освящениях воздвигнутых святынь и пр.
5. Доверить им участие в миссионерской работе – быть помощниками священнослужителя на общешкольных мероприятий и на мероприятиях учреждений культуры Орловской митрополии.

Этапы реализации проекта

Подготовительный этап

1. Работа священнослужителя с семьями прихожан, где воспитываются мальчики и юноши.
2. Индивидуальные беседы с кандидатами в алтарники.
3. Разработка правил приема в православный молодежный клуб «Алтарник» прихода Свято-георгиевского храма.
4. Приобретение стихарей для алтарников.

Основной этап

1. Создание православного клуба «Алтарник» из числа тех, кто проявил желание и ревность послужить Господу.
2. Освещение создания клуба «Алтарник» на сайте Орловской митрополии, на странице «Архимандрит Афанасий. Лестница» в сети во ВКонтакте и в СМИ.
3. Освящение стихарей в храме.
4. Научение каждого алтарника умениям, которые необходимы помощнику священнослужителя. Закрепление полученных знаний на практике во время богослужений.
5. Проведение для алтарников мастер-класса по колокольному звону.
6. Формирование общинного сознания, ответственности за выполнение послушания в коллективе.
7. Участие алтарников в богослужениях и в миссионерских мероприятиях вне храма в течение всего срока реализации проекта.
8. Участие алтарников в трудах во славу Божию, запланированных приходом храма.
9. Поощрение в присутствии прихода отличившихся в выполнении послушаний алтарников вручением икон, служебных просфор и иных подарков от священнослужителя.

10. Систематическое информирование о деятельности молодежного православного клуба «Алтарник» на страницах сетевой группы «Архимандрит Афанасий. Лестница».

Завершающий этап

1. Подведение итогов работы по проекту.
2. Обобщение опыта работы с молодежью по православному воспитанию через клубную форму.
3. Распространение опыта работы священнослужителя с православной молодежью: представление итогов работы по проекту на международных конференциях, разных площадках образовательного проекта Русской Православной Церкви «Рождественские чтения».

Ожидаемые количественные и качественные результаты

Количественные показатели

- На протяжении двух лет реализации проекта «Алтарник» членами православного молодежного клуба станут не менее 12 мальчиков и юношей.
- Все члены клуба научатся читать на церковнославянском языке.
- Будут знать наизусть молитвы: Символ веры, Отче наш, Богородице Дево и др.
- Все юные алтарники освоят и закрепят обязанности, возложенные на помощников священнослужителя:
 - замена иконы праздника в храме, возжигание лампад в алтаре и на иконостасе, принесение в алтарь просфор, вина, воды, ладана; подготовка кадила, подготовка облачения священников, чтение на богослужении, подавание плата для утирания уст во время причащения; помощь священнику при совершении таинств и треб, функции звонаря, уборка в алтаре.
 - алтарники примут участие в значимых мероприятиях прихода.

Качественные показатели

- В ходе реализации проекта «Алтарник» у мальчиков и юношей будут сформированы такие личностные качества как ответственность, внимательность, смирение и др.
- Исполнение послушаний станет для них не скучной обязанностью, а интересным и полезным делом, дающим каждому новые знания и умения.
- Дети будут вовлечены в приходскую жизнь, больше времени будут проводить в коллективе сверстников, а не за компьютером
- Полученные ими в проекте знания и умения смогут повлиять на выбор их жизненного пути – некоторые пойдут учиться в семинарию. А далее изберут своей жизненной дорогой – путь служения Господу и людям.

- Сформированные личностные качества ответственности, усвоение заповедей Божих в перспективе приведут юношей к решению создать православные крепкие семьи и растить детей.
- Партнеры проекта:
- Родители юных алтарников.
 - Взрослые алтарники, которых в былые годы научил и воспитал архимандрит Афанасий (Голенко).

В условиях секуляризации и доминирования массовой культуры у молодого поколения стихийно формируется мировоззрение, часто основанное на потребительских ценностях и релятивных нормах. Православный приход выступает альтернативной средой, где транслируются традиционные ценности: жертвенность, патриотизм, нравственная чистота, уважение к старшим и семье. Это позволяет противостоять таким явлениям, как инфантилизация родителей, стирание гендерных и возрастных границ, а также пропаганда деструктивных моделей поведения [2].

Современные семьи часто перекалывают ответственность за воспитание на общественные институты, что приводит к утрате авторитета родителей и размыванию традиционных устоев. При храме создается поддерживающая община, которая компенсирует недостаток семейного тепла и духовной ориентации [9]. Занятия с мальчиками и юношами включают формирование отцовской и сыновней идентичности, что особенно важно в контексте ослабления роли отца в современной семье.

Подростковый период характеризуется естественным пересмотром веры и ценностей, вплоть до «стихийного атеизма». Церковная среда позволяет пройти этот этап без разрыва с духовной традицией, предлагая осмысленный диалог и личный пример наставников [8]. Вместо формального соблюдения обрядов акцент делается на выстраивании личных отношений с Богом, основанных на любви, а не страхе или торге. Группы сверстников при храме обеспечивают здоровую социальную среду, где вера укрепляется через общение и совместное служение.

Православный храм является хранителем национальной духовной культуры, которая имеет особые черты: эстетическое отношение к миру, единство слова и дела, установка на самопожертвование. Через участие в богослужениях, изучение святоотеческого наследия мальчики и юноши усваивают кодекс нравственности, основанный на христианских добродетелях: любви, смирении, ответственности, целомудрии [3]. Это формирует иммунитет против манипуляций деструктивными культурами и псевдорелигиозными течениями, которые эксплуатируют потребность молодых в идеалах. Духовно-нравственные ценности, усвоенные в юности, становятся основой социально значимого поведения: служение Отечеству, уважение к закону, активная гражданская позиция.

Церковь подчеркивает, что защита традиционных ценностей – это не только религиозная задача, но и общественно-государственная миссия, направленная на устойчивое развитие страны. В условиях ценностной дезинтеграции молодежь демонстрирует рост агрессии, депрессий, суицидов и других форм девиации. Православная этика предлагает четкие критерии добра и зла, а также духовные инструменты для преодоления внутренних кризисов (молитва, исповедь, пост). Общение со священником и верующими сверстниками дает опыт принятия и поддержки, что снижает риск маргинализации и социального одиночества [5].

Приходские программы и проекты реализуют целостный подход к развитию личности, соединяя обучение, воспитание и духовное руководство. Священники выступают не только как носители знания, но и как личности, свидетельствующие о вере жизнью, что критически важно для подростков, остро чувствующих фальшь. Формирование ценностных ориентиров у мальчиков и юношей при православном храме – это не архаичная практика, а актуальный ответ на вызовы времени. Успех этого процесса зависит не от формального соблюдения обрядов, а от согласованности усилий семьи, прихода и общества, а также от личного примера наставников.

Литература

1. Адамия Л. Э., Шестаков Е.Н., Яншин И.В. Теория и практика осуществления миссионерской деятельности. М., 2020. 433 с.
2. Глуханюк А.А. Духовность и образование: проблемы и пути решения // Проблемы молодежи глазами студентов: Материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции 24 апреля 2001. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та, 2002. С. 6–7.
3. Елишев С.О. Молодежная политика Русской Православной Церкви в Российской Федерации // Пространство и время. 2013. № 1 (11). С. 117–124.
4. Марковский Е. Работа с молодежью на приходе в начале XXI века: особенности и пути развития. Белгород, 2012. С. 9.
5. Миссиология. Учебное пособие / отв. ред. свящ. А. Гинкель. М.: Миссионерский отдел РПЦ, 2010. 400 с.
6. Об организации молодежной работы в Русской Православной Церкви. М.: АНО «Центр православных молодежных программ во имя святого Георгия Победоносца», 2014. 68 с.
7. Организация работы с подростками и молодежью в Русской Православной Церкви: коллективная монография / под ред. прот. В. Хулапа, И.В. Астэр. СПб.: РХГА, 2017. 303 с.
8. Павлюткин И.В. Динамика религиозности молодых людей в России // Научный результат.

Социология и управление. 2020. Т. 6. № 3. С. 153–183.

9. Ткачев А., прот. Миссионерские записки / прот. А. Ткачев. М.: Эксмо, 2015. 256 с.
10. Филатов Д.Л. Молодежное служение РПЦ в XXI веке: идеологические и практические принципы // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. № 13 (3). С. 101–105.

THE ORTHODOX PROJECT “ALTARNIK” IN THE FORMATION OF VALUE ORIENTATIONS OF THE YOUNGER GENERATION

Archimandrite Afanasy (Golenko)

Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov

This article is devoted to the presentation of the experience of forming value orientations of the younger generation by means of the Orthodox project. This is a comprehensive system of views, methods and practices aimed at educating an individual based on traditional spiritual and moral values rooted in Orthodox Christianity. The main task is not just the transfer of knowledge about religion, but the formation of a holistic, morally mature personality capable of conscious good, service to others and responsible choice. For the purpose of churching and spiritual and moral education of boys and young men at the rural church, the author of the project created the youth Orthodox club “Altarnik” with a children’s sector. The rector of the church leads the Orthodox club. Boys and young men are involved in real interesting and soul-saving activities. This project aims to educate not just a “church-going person”, but a free, creative, responsible and compassionate person who will be able to transform the world around him.

Keywords: Orthodox project, “Altar Boy”, value orientations, younger generation, directions.

References

1. Adamia L. E., Shestakov E.N., Yanshin I.V. Theory and practice of missionary activity. Moscow, 2020. 433 p.
2. Glukhanyuk A.A. Spirituality and education: problems and solutions // Problems of youth through the eyes of students: Materials of the All-Russian student scientific and practical conference of April 24, 2001. Tula: Publishing house of Tula state ped. University, 2002. Pp. 6–7.
3. Elishev S.O. Youth policy of the Russian Orthodox Church in the Russian Federation // Space and time. 2013. № 1 (11). Pp. 117–124.
4. Markovsky E. Work with youth in the parish at the beginning of the 21st century: features and ways of development. Belgorod, 2012. Page 9.
5. Missiology. Study Guide / Ed. by Fr.A. Ginkel. Moscow: Missionary Department of the Russian Orthodox Church, 2010. 400 pages.
6. On the Organization of Youth Work in the Russian Orthodox Church. Moscow: ANO “Center for Orthodox Youth Programs in the Name of St. George the Victorious”, 2014. 68 pages.
7. Organization of Work with Adolescents and Young People in the Russian Orthodox Church: Collective Monograph / Ed. by Archpriest V. Khulapa, I.V. Aster. St. Petersburg: Russian Academy of Arts, 2017. 303 pages.
8. Pavlyutkin I.V. Dynamics of Religiosity of Young People in Russia // Scientific Result. Sociology and Management. 2020. Vol. 6. № 3. P. 153–183.
9. Tkachev A., Archpriest. Missionary Notes / Archpriest A. Tkachev. Moscow: Eksmo, 2015. 256 p.
10. Filatov D.L. Youth Ministry of the Russian Orthodox Church in the 21st Century: Ideological and Practical Principles // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2023. № 13 (3). P. 101–105.

Философские обоснования женской неполноценности: традиция Аристотеля

Ершова Надежда Михайловна,

кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
E-mail: ershova-nm@yandex.ru

Киндзерская Марина Александровна,

кандидат культурологии, доцент кафедры истории и философии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
E-mail: kindzerskaya.ma@rea.ru

В статье рассматриваются философские корни представления о женщине как неполноценном человеке. Выдвигается предположение, что большую роль в закреплении подобного восприятия женщины в западной философии сыграла аргументация Аристотеля. Приводится аристотелевская логика доказательств, формирующая традицию в понимании природы и назначения женщины. Дается биоонтологическая логика в обосновании женской неполноценности в социально-политических работах Аристотеля. Показано, как эти доказательства воспроизводились и дополнялись в философии средневековья и XX в. на примере теологических воззрений Фомы Аквинского и психоаналитических взглядов З. Фрейда. Отмечено, что Фрейд обращается к аристотелевскому учению об онтологической причинности для обоснования как особенностей физиологических процессов, так и недостатков личностного развития женщины.

Ключевые слова: женщина, природа женщины, женская неполноценность, философия, аристотелевская традиция, Аристотель, Фома Аквинский, З. Фрейд.

Научные рефлексии XX в. о принципах историко-философских воззрений на природу и статус женщины в мире и в обществе привели к формированию двух линий: от Платона и от Аристотеля. Платона определили как провозвестника феминистской теории, первого гендерного эгалитариста [1; 2, с. 21], а Аристотеля как гендерного традиционалиста, логически обосновавшего неполноценность женщины как человека [3, с. 61–64; 4, с. 32–33]. Хотя далеко не все исследователи согласились с такими выводами. Так, С.В. Жеребкин считает, что Платон в своих диалогах «Пир», «Государство» и «Законы» является «одним из наиболее радикальных патриархатных мыслителей античности» [5, с. 392], а онтологические и социально-политические взгляды Аристотеля при первом рассмотрении кажутся «более либеральными, однако на самом деле представляют новую мизогинистскую модель философии, в которой зависимость женского начала от мужского еще более возрастает» [5, с. 394]. Стоит отметить, что и Платон, и Аристотель в вопросе о природе женщины принадлежат к одной мировоззренческой модели, однако с разными подходами и обоснованиями [6]. Если рассматривать частотность обращения мыслителей последующих эпох (от средневековья до современности), то позиция Аристотеля с выводом о том, что биологически «женщина есть как бы бесплодный мужчина» [7, с. 81] с логически вытекающими последствиями в социальном и моральном планах, оказывается наиболее авторитетной и востребованной.

В этой связи целесообразно рассмотреть некоторые доказательства Аристотеля относительно женской неполноценности и подкрепленность аристотелевской позиции в Средние века и в XX столетии.

Стоит отметить, что еще до Аристотеля поднимались вопросы о человеческой неполноценности женщины. В поэмах первых дошедших до нас античных сказителей Гомера и Гесиода прослеживаются мизогинистские мотивы, когда неоднократно упоминается злая и опасная природа женщины [8, с. 212]. Через пифагорейцев (VI–V вв. до н.э.) в древнегреческой культуре возникла ассоциативная связь объектов и явлений, связанных с мужчиной, с рациональностью, упорядоченностью, активностью, духом (душой), добром и светом, а с женщиной, – с эмоциональностью, беспорядочностью, хаосом, пассивностью, материей (телом), злом и тьмой [2, с. 21]. Позже Платон закре-

пил разрыв между душой и телом, разумом и чувствами, активностью и пассивностью, тем самым еще больше разделив мужской и женский миры [5, с. 392–393; 6, с. 82]. Как видно, у Аристотеля была благодатная почва для того, чтобы взрастить дерево доказательств, соответствующих уничижающей женщин традиции.

В своих взглядах Аристотель исходит из факта биологического разделения полов, а также своего учения об онтологической причинности. Так, в трактате «О возникновении животных» он с разных сторон показывает, что истинным родителем всегда является мужчина. Именно он несет «жар» и силу жизни, в то время как женщина лишь выполняет роль пассивного сосуда. Мужчина дает ребенку душу, то есть активное, разумное, формирующее начало, тогда как женщина – только материю, пассивный, бесформенный зародыш. Аристотель пишет: «...у тех же, которые имеют отличающиеся друг от друга способности, тела и природа действующего и страдающего также различны. Следовательно, если мужской пол является движущим и действующим, а женский, поскольку он таков, страдательным, к семенной жидкости самца самка будет приносить не семя, а материю, что очевидно и происходит, ибо природа месячных соответствует первой материи» [7, с. 83–84]. Так он кодирует женский пол как страдательное и принимающее начало, не способное ничего породить из самого себя [7, с. 86].

Более того, все женское, как воплощение низшего начала, должно быть отделено от высшего, то есть всего мужского. Аристотель обосновывает это следующим образом: «И поскольку первая движущая причина, содержащая разумное основание и форму, лучше и божественнее материи по своей природе, постольку лучше, если от низшего будет отделено высшее. Вследствие этого, где только возможно и поскольку возможно, от женского начала отделяется мужское, ибо лучшее и божественное есть начало движения; материя же – начало женское» [7, с. 90–91].

Шаг за шагом философ доказывает, что из-за своей биологической немощи, коррелирующей с бесформенностью и отсутствием собственного целеполагания, женщина хуже мужчины не только как порождающее начало, то есть не только в своей физиологии, но и в своих нравственных качествах. В трактате «История животных» Аристотель напрямую связывает пол и мораль, тем самым определяя биологическое происхождение последней [9, с. 343]. Более того, он неоднократно подчеркивает различие между нравами полов одного вида: «Следы этих нравов имеются, так сказать, у всех, но в более ясной форме у животных с более [выраженными] нравами и в особенности у человека: они имеют более совершенную природу, а потому и эти свойства выступают у них яснее. Поэтому женщина сострадательнее мужчины,

слезливее, кроме того, завистливее, ворчливее, больше любит браниться и сплетничать. Женщина печальнее мужчины и легче теряет надежду, бесстыднее и лживее, легче обманывает и забывчивее; спит же менее крепко, медлительна и вообще более неподвижна, чем мужчина» [9, с. 343–344].

Биоонтологическая логика в обосновании женской неполноценности продолжается и в социально-политических работах Аристотеля. Так, в трактате «Политика» он прямо говорит о подчиненном положении женщины: «Живое существо состоит прежде всего из души и тела; из них по своей природе одно – начало властвующее, другое – начало подчиненное. <...> Душа властвует над телом, как господин, а разум над нашими стремлениями – как государственный муж. Отсюда ясно, сколь естественно и полезно для тела быть в подчинении у души, а для подверженной аффектам части души – быть в подчинении у разума и рассудочного элемента души, и наоборот, какой всегда получается вред при равном или обратном соотношении. То же самое положение остается в силе и в отношении человека и остальных живых существ. Так, домашние животные по своей природе стоят выше, чем дикие, и для всех домашних животных предпочтительнее находиться в подчинении у человека. Так же и мужчина по отношению к женщине: первый по своей природе выше, вторая – ниже, и вот первый властвует, вторая находится в подчинении» [10, с. 13]. Невольно возникает вопрос о том, не сравнивает ли Аристотель женщину с домашними животными, и ответ будет скорее положительным, чем отрицательным. По мнению Аристотеля, из-за биологических особенностей главным назначением женщины в обществе является вынашивание, рождение, вскармливание и воспитание детей, то есть все то, что делает самка в животном мире. Соответственно, в женщине властвует тело, а не душа и тем самым ее инстинкты доминируют над ее разумом. Вследствие этого женщина не может быть полноценным человеком, главным отличием которого от животных является способность к разумной жизни и реализация этой способности в социальной и политической сферах. Для Аристотеля женщина слишком поглощена биологическим продолжением рода, чтобы у нее оставались силы (а их у нее и так немного [7, с. 78]) еще и на разумную деятельность. В логике Аристотеля жизнь человека может протекать либо телесно, либо разумно. Других вариантов не существует.

Аналогичная логика представлена у Стагирита и в его сомнениях о женских добродетелях. Он задается вопросом: «...есть ли у нее добродетели, должна ли женщина быть скромной, мужественной и справедливой?» [10, с. 27]. По мнению Аристотеля, хорошо бы, чтобы у женщины были добродетели, но если даже они у нее есть, то они не могут быть такими же, как у мужчины. Он при-

водит фразу из трагедии «Аякс» древнегреческого поэта и драматурга Софокла: «Убором женщине молчание служит» и дает комментарий, что молчаливость, как добродетель, должна быть присуща всем женщинам, а вот мужчинам она ничуть не подходит [10, с. 29].

Спустя тысячелетия взгляды Аристотеля на женщину как на биологическую аномалию, ведущую ее к социальной и нравственной ущербности, нашли продолжение у его последователей. В качестве примера рассмотрим воззрения самого известного средневекового последователя Аристотеля святого Фомы Аквинского. Итальянский богослов искусно связал в единое целое христианское вероучение и языческую философию Аристотеля, хотя Фоме и потребовалось сделать интеллектуальное сальто-мортале, чтобы сохранить за женщиной аристотелевский статус природного недостатка и при этом не «посрамить» Бога: разве мог совершеннейший и всемогущественный Творец создать заведомо несовершенное, дефектное существо? В трех логических шагах Фома доказывает, что Бог не повинен в ущербности женского пола.

Шаг 1. Человек не так совершенен, как ангелы

В трактате «Сумма теологии» он утверждает, что, «поскольку Бог совершенен во всех делах Своих, <...> Он даровал совершенство каждому по мере его способности. <...> Но что касается человека, то ему это совершенство даровано более низким образом» [11, 91, 1]. То есть человек менее совершенен, чем ангелы [11, 91, 1], так как он является промежуточным звеном между духовным (божественным) и телесным (материальным) миром [11, 91, 1]. И хотя Бог непосредственно создает тело человека [11, 91, 2], которое во многих своих проявлениях и в самом своем устройстве несовершенно, это не ущемляет могущества Бога, поскольку «все природные вещи были созданы божественным искусством, и потому их можно считать произведениями искусства Бога. Однако каждый художник стремится придать своим произведениям наилучшее устройство, притом наилучшее не в абсолютном смысле, а в смысле определенной им цели, и не беда, если [ради достижения этой цели] произведение получится в чем-то несовершенным» [11, 91, 3]. Следовательно, по логике Фомы ничто не может умалить Творца, ведь в несовершенстве человека содержится заложенное Богом целеполагание.

Шаг 2. На женщину надо смотреть с двух сторон

Для Аквината доказательство сотворения человека непосредственно Богом не отменяет вопроса о происхождении и природе женщины [11, 92]. Отвечая на него, итальянский философ стремится обосновать и то, что женщина по своей природе несовершенна и неудачна, и то, что она создана Богом. Фома начинает с вопрошания о том, следо-

вало ли Богу создавать женщину при первом творении вещей. В качестве точки отсчета для своих доказательств он берет следующее предположение: «Кажется, что женщина не была создана при первом творении вещей. Ведь называл же Философ женщину «неудавшимся мужчиной». Но при первом творении не могло быть создано что-либо неудачное или несовершенное. Следовательно, женщина не должна была быть создана при том первом творении» [11, 92, 1]. Ссылка на Аристотеля должна была бы подтвердить исключение женщины из первого творения, и тогда сомнений в божественном всемогуществе бы не возникало. Однако Фома не идет простым путем, ведь прямое согласие с выдвинутым предположением компрометирует Бога, поэтому Аквинат одновременно открыто парирует этому постулату и одновременно соглашается с ним: «С точки зрения своей индивидуальной природы женщина несовершенна и неудачна; в самом деле, активная сила мужского семени направлена на воспроизводство совершенного подобия в мужском роде, и потому, если рождается женщина, то это связано либо с каким-то изъяном в активной силе или в материи, либо даже с влиянием чего-то извне, вроде того влажного южного ветра, о котором упоминает Философ. С другой стороны, в том, что касается человеческой природы в целом, о женщине нельзя говорить как о неудачной, поскольку она является частью природной интенции [то есть цели], направленной на порождение. Но именно общая интенция природы [первичным образом] обуславливается Богом, Творцом всех природ. Поэтому при создании природы Бог сотворил не только мужчину, но и женщину» [11, 92, 1]. Таким образом, чтобы не впасть в противоречие и не умалить Творца, на женщину надо смотреть с двух сторон: с одной стороны, признать женскую ущербность, а с другой – ее совершенство как творение Бога.

Шаг 3. Женщина – особый помощник мужчины

Поскольку, как мы уже видели, Бог, подобно художнику, может творить несовершенное ради определенной цели и в этом несовершенстве заложен особый вид совершенства, то встает вопрос о том, зачем (с какой целью) Бог создал женщину. Отвечая на этот вопрос, Фома пишет: «Необходимо, чтобы была создана женщина, по словам Писания, «помощник» человека; не в том смысле, конечно, помощник, как если бы она, как думают некоторые, была создана для оказания помощи мужчине в его [повседневных] трудах (ведь в таких делах лучшим помощником мужчине является другой мужчина), но как помощник в деле продолжения рода» [11, 92, 1]. Доказательства Аквината указанной цели сотворения Богом женщины чисто аристотелевские: он прибегает и к биологическим, и к онтологическим, и к психологическим аргументам (отсылки к способу размножения живых существ, к наличию двух порождающих сил:

активной и пассивной, и возвышенной жизненной деятельности у человека (ума) [11, 92, 1]). Фома повторяет слова Аристотеля и по поводу обозначения социального статуса женщины, аргументируя тем, что она создана из ребра мужчины, а не из его головы (тогда бы она господствовала над мужчиной) или пяток (была бы в рабском подчинении) [11, 92, 3]. Таким образом, божественное целеполагание в существовании женщины состоит в необходимости разделить в человеке активное и пассивное начала, требуемые для продолжения рода, оградить умственную деятельность от излишней нагруженности телесным бытием и обеспечить уход следующим поколениям людей в их малолетстве.

В XX в. аристотелевская аргументация женской неполноценности была востребована основателем психоанализа З. Фрейдом. Несмотря на его подчеркнутую нелюбовь к философии, для Стагирита он сделал исключение: обучаясь в Венском университете, Фрейд прослушал курс Франца Brentano по философским воззрениям Аристотеля [12, с. 161]. Безусловно, знакомство с аристотелевскими учениями о душе, человеке и морали, имеющими глубокие натуралистические корни, не могло не сыграть своей роли в построении Фрейдом собственной психо-антропологической концепции.

Если более внимательно присмотреться к высказываниям З. Фрейда о женщинах, то сложно не заметить его не столько досаду, сколько раздражение в их адрес: они постоянно не укладывались в его стройные размышления о психическом развитии человека, под которым он подразумевал, конечно же, мужчину. Ему постоянно приходилось делать какие-то оговорки, ремарки и отступления. Например, в своей статье «Некоторые психические следствия анатомического различия полов» Фрейд дает описание Эдипова комплекса, где все процессы логичны и понятны, если отнести их к мальчику. По поводу же девочки Фрейду приходится делать ремарку: «Мы полагали, что у маленькой девочки дело должно обстоять аналогичным образом, но все же как-то иначе» [13]. Фрейд приписывает девочке «зависть к пенису» как фазу ее здорового психического развития с дальнейшей нормализацией собственной неполноценности через физиологический «дефект». Фрейд пишет: «Психические последствия зависти к пенису, поскольку она не растворяется в реактивном образовании комплекса мужественности, разнообразны и многозначительны. С признанием своей нарциссической раны у женщины возникает словно рубец чувство малоценности. После того, как она преодолевает первую попытку объяснить отсутствие у нее пениса понесенным ею лично наказанием и узнает об общераспространенности этого характерного полового признака, она начинает разделять пренебрежение мужчины к полу, имеющему дефект в столь важной части

организма, и продолжает, по крайней мере, в этой оценке приравнивать себя к мужчине» [13]. Так, Фрейд, придерживаясь аристотелевского понимания мужской анатомии и физиологии как подлинного воплощения человеческого существа, рассматривает строение мужских органов как норму, а женскую анатомию как отклонение от этой нормы. Более того, это отклонение оказывает сильное психологически травмирующее воздействие и на саму женщину, и на мужчину. Вернее, на пяти-шестилетних девочку и мальчика, ведь именно в этом возрасте дети начинают осознавать себя как принадлежащих к тому или иному полу со всеми вытекающими последствиями для их психического развития.

Пытаясь раскрыть природу женственности как результата правильно протекающих психических процесса, Фрейд не обходится без обращения к аристотелевскому учению об онтологической причинности, в первую очередь, наличии в человеческой психике активного и пассивного начал, получающих обоснование через физиологические процессы: «Это не психологическое различие, когда вы говорите, что мужское, как правило, предполагает «активное», а женское – «пассивное». Правильно, такая связь действительно существует. Мужская половая клетка активно движется, отыскивает женскую, а последняя, яйцо, неподвижно, пассивно ждет» [14, с. 335]. Согласно Фрейду, пассивность, как суть женственности, не ограничивается физиологией женщины, а распространяется на ее сексуальное и социальное поведение [14, с. 336] и формирует ее личностные качества, которые далеко не высокого уровня: завыстливость, нарциссичность, физическое тщеславие, стыдливость, слабая склонность к культурному созиданию и социальной активности и др. [14, с. 346–347]. Более того, личностное развитие женщины завершается рано: к 30 годам. Фрейд утверждает, что если в этом возрасте мужчина еще «незрелый индивидум», у которого многое впереди, и в результате психоанализа он способен свои личностные качества развивать дальше, то у женщин наступает психологическая инертность: «путей для дальнейшего развития нет» и «трудное развитие на пути к женственности исчерпало возможности личности» [14, с. 348].

Следствием невысоких личностных качеств женщины становится ее низкий уровень нравственности. Фрейд практически воспроизводит сомнения Аристотеля в умении женщин быть справедливыми, поскольку оба мыслителя определяют справедливость как высшую добродетель и показатель уровня морального развития человека. Основатель психоанализа пишет: «То, что женщине мало свойственно чувство справедливости, связано с преобладанием зависти в ее душевной жизни, потому что требование справедливости перерабатывает зависть, создавая условие, при кото-

ром от нее можно отказаться» [14, с. 348]. И также как Аристотель называет женщину «бесплодным мужчиной» [7, с. 81] (в переводе С.И. Еремеева «неудавшимся мужчиной» [11, 92, 1]), тем самым как бы разрешая женщине считаться человеком, хоть и с изъяном, Фрейд завершает свои короткие рассуждения о женщине следующей фразой: «отдельная женщина все равно может быть человеческим существом» [14, с. 348]. Здесь мы можем, вслед за А.К. Помешкиной, сказать о том, что З. Фрейд «будто шагает по проторенному Аристотелем пути» [12, с. 166], и это движение «в том же направлении» [12, с. 166] касается не только исследований человеческой психики, но и аристотелевского обоснования якобы присущей женщине человеческой неполноценности.

Итак, коротко рассмотрев некоторые положения Аристотеля, Фомы Аквинского и Зигмунда Фрейда о природе и статусе женщины, целесообразно отметить, что предложенные Аристотелем мыслительные ходы были не просто востребованы итальянским богословом и австрийским врачом, но буквально воспроизведены в их доказательствах личностной, моральной и социальной ущербности женщины, тем самым сохраняя и закрепляя традиционно-мизогинистский тип мировоззрения и общественный статус-кво. Онтологические, биологические, психологические и телеологические принципы неполноценности женщины, сформулированные Аристотелем, дополнились теологическими аргументами Фомы Аквинского и рассуждениями о половой предопределенности бессознательных процессов в психике человека З. Фрейда. В целом можно сказать, что представленная мыслителями аргументация о женщине как неполноценном человеке, обладая логикой философского обоснования, содержит многочисленные внелогические допущения, используемые в качестве аксиом и не подвергаемые сомнениям независимо от исторической эпохи.

Литература

1. Михаленко Ю.П. Платон и феминизм (научно-аналитический обзор) // Феминизм: перспективы социального знания. М.: ИФ РАН, 1992. С. 56–76.
2. Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / Под общ. ред. О.А. Ворониной. М.: МЦГИ – МВШСЭН – МФФ, 2001. 416 с.
3. Брандт Г.А. Философская антропология феминизма: природа женщины. Екатеринбург: Изд-во ГУ, 2004. 204 с.
4. Хитрук Е.Б. Мужское и женское: от природы к культуре. Томск: ИД ТГУ, 2017. 280 с.
5. Жеребкин С. Гендерная проблематика в философии // Введение в гендерные исследования. Ч. 1: Учебное пособие / Под ред. И.А. Жеребкиной. Харьков, ХЦГИ, 2001; СПб: Алетейя, 2001. С. 390–427.
6. Сисса Дж. Философия пола Платона и Аристотеля // История женщин на Западе: в 5 томах. Т. 1: От древних богинь до христианских святых / Пер. с англ., науч. ред. перевода Н.Л. Пушкарёва. СПб: Алетейя, 2005. С. 71–107.
7. Аристотель. О возникновении животных / Пер. с греч., вступ. статья и примеч. В.П. Карпова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 251 с.
8. Кокин И.А. Положение женщин в греко-римском мире // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 210–219.
9. Аристотель. История животных / Пер. с древнегреч. В.П. Карпова; под ред. и с примеч. Б.А. Старостина. М.: РГГУ, 1996. 528 с.
10. Аристотель. Политика / Пер. с греч. С.А. Жебелева, Т.А. Миллер. М.: АСТ, 2018. 320 с.
11. Фома Аквинский. Сумма теологии. Т. 3. Ч. 1: Вопросы 75–119 / Пер. с лат. С.И. Еремеева, А.А. Юдина. Киев: Ника-Центр; М.: Элькор-МК, 2005. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-3/> (дата обращения: 02.09.2025)
12. Помешкина А.К. Античные предпосылки классического психоанализа: Аристотель и З. Фрейд // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15. № 3. С. 160–169.
13. Фрейд З. Некоторые психические следствия анатомического различия полов // Фонд знаний «Ломоносов» [сайт]. – URL: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/library:0120223> (дата обращения: 05.09.2025)
14. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. СПб: Питер, 2002. 384 с.

PHILOSOPHICAL JUSTIFICATIONS FOR FEMALE INFERIORITY: THE ARISTOTELEAN TRADITION

Ershova N.M., Kindzerskaya M.A.

Russian Economic University named after. G.V. Plekhanov

This article examines the philosophical roots of the concept of women as inferior human beings. It is suggested that Aristotle's argumentation played a major role in consolidating this perception of women in Western philosophy. Aristotle's logic of proof is presented, shaping the tradition in understanding the nature and purpose of women. The bio-ontological logic in substantiating female inferiority in Aristotle's socio-political works is substantiated. It is shown how these arguments were reproduced and supplemented in medieval and 20th-century philosophy using the example of the theological views of Thomas Aquinas, and the psychoanalytic views of Sigmund Freud. It is noted that Freud turns to Aristotle's doctrine of ontological causality to explain both the features of physiological processes and the deficiencies in a woman's personal development.

Keywords: woman, woman's nature, female inferiority, philosophy, Aristotelian tradition, Aristotle, Thomas Aquinas, Z. Freud.

References

1. Mikhailenko, Yu.P. Plato and Feminism (a scientific and analytical review). Feminism: Prospects of Social Knowledge. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 1992. pp. 56–76.

2. Theory and Methodology of Gender Studies. Lecture Course. Ed. by O.A. Voronina. Moscow: Moscow Center for Social and Economic Studies, Moscow Higher School of Social and Economic Sciences, Moscow Philosophy of Philosophy, 2001. 416 p.
3. Brandt, G.A. Philosophical Anthropology of Feminism: The Nature of Women. Yekaterinburg: State University Press, 2004. 204 p.
4. Khitruk, E.B. Male and Female: From Nature to Culture. Tomsk: Tomsk State University Press, 2017. 280 p.
5. Zherebkin S. Gender issues in philosophy // Introduction to gender studies. Part 1: Textbook / Ed. by I.A. Zherebkina. Kharkov, Kharkiv Center for Geographical Institutions, 2001; St. Petersburg: Aletheia, 2001. Pp. 390–427.
6. Sissa J. The Philosophy of Gender in Plato and Aristotle // History of Women in the West: in 5 volumes. V. 1: From ancient goddesses to Christian saints / Translated from English, scientific editor of the translation by N.L. Pushkarev. St. Petersburg: Aletheia, 2005. Pp. 71–107.
7. Aristotle. On the Origin of Animals / Translated from Greek, introductory article and notes by V.P. Karpova. Moscow; L.: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1940. 251 p.
8. Kokin I.A. The position of women in the Greco-Roman world // Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2008. № 3. pp. 210–219.
9. Aristotle. History of animals / Translated from ancient Greek by V.P. Karpov; edited and with notes by B.A. Starostin. Moscow: RSUH, 1996. 528 p.
10. Aristotle. Politics / Translated from Greek by S.A. Zhebeleva, T.A. Miller. Moscow: AST, 2018. 320 p.
11. Thomas Aquinas. Summa Theologica. Vol. 3. Part 1: Questions 75–119 / Translated from Latin. S.I. Eremeeva, A.A. Yudina. Kyiv: Nika-Center; Moscow: Elkor-MK, 2005. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-3/> (date of access: 09/02/2025)
12. Pomeschkina A.K. Ancient prerequisites of classical psychoanalysis: Aristotle and Z. Freud // Siberian Philosophical Journal. 2017. Vol. 15. № 3. Pp. 160–169.
13. Freud Z. Some mental consequences of the anatomical differences between the sexes // Lomonosov Knowledge Foundation [website]. – URL: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/library/0120223> (date accessed: 09/05/2025)
14. Freud Z. Introduction to Psychoanalysis: Lectures. St. Petersburg: Piter, 2002. 384 p.

Неоязыческие идеи «бажовцев» в постсоветских реалиях

Рогатин Владимир Николаевич,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-экспертной лаборатории экспертиз социогуманитарного профиля, Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: blaide@rambler.ru

Набиев Ринат Ахматгалиевич,

доктор исторических наук, профессор кафедры религиоведения Института социально-философских наук и массовых коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: professor.nabiev@yandex.ru

Статья посвящена анализу феномена деятельности неоязыческой организации бажовцы, возникшей в городе Челябинске в начале 1990-х гг. и совмещавшей в своем учении рерихианство, оккультизм и уральский фольклор. Центральное место в вероучении организации занимает сакрализация персонажей из сказов П.П. Бажова, в частности обожествление Хозяйки Медной горы как демиурга Урала. Помимо сказочных персонажей, важную роль в учении организации играют город Аркаим и эсхатологические воззрения в интерпретации лидера организации В.В. Соболева. Несмотря на эклектичность религиозных воззрений, организации удалось добиться широкой узнаваемости через проведение Бажовского фестиваля, который со временем трансформировался из неоязыческого фестиваля в светское всероссийское культурное мероприятие. Активность секты прекратилась в 2000-х гг., а в 2016 году самоликвидировался «Уральский духовно-этический центр имени Н.К. Рериха». Фестиваль Бажовка эволюционировал в светское мероприятие, тогда как породившая его религиозная организация со временем распалась.

Ключевые слова: неоязычество, постсоветские реалии, Соболев, Бажовка, бажовцы, новое религиозное движение (НРД), секта.

Свои истоки неоязыческая секта бажовцев берет в 1990х годах, отколовшись от «движения Рерихов» в Челябинске. Основатель организации Соболев В.В. назвал себя «пророком бажовской веры». Соорганизатором создания бажовцев порой указывают В.Н. Амелина и Е. Феклистова [5, с. 322].

Организационное оформление некоммерческой организации «Уральский духовно-этический центр им. Н.К. Рериха», согласно уставным документам, произошло 27 сентября 1991 года. Также секта известна как «Бажовская Академия Сокровенных Знаний Урала», Община «Беловодье» Амвросия Оптинского и Уральский евразийский клуб. Бажовцы в 1995–1997 годах издавали собственную газету «Атлантида» (вышло 8 номеров), редактором газеты была Людмила Пальчикова.

Учение бажовцев синкретично и вбирает в себя разнообразные элементы рерихианства, неоязычества, оккультизма и местного уральского фольклора. Хорошо заметно, что на развитие учения бажовцев повлияло открытие в 1987 году Аркаима – археологического комплекса в Челябинской области, датируемого XVI–XVII веками до н.э. Бажовцы полагают, что в Аркаиме некогда проживал таинственный темнокожий народ чудь, обладавший небывалыми знаниями и силой, и он был связан с жителями Беловодья – страны, расположенной в горах Тибета. Согласно воззрениям бажовцев, городу Аркаим отводится роль сакрального центра мира, имеющего тот же статус, что и легендарная Шамбала. Согласно их эсхатологическим представлениям, после глобальных катаклизмов, которые они отождествляют со Страшным Судом, именно Аркаим станет новым духовным и административным центром для России и всей планеты.

Особое место у бажовцев занимает творчество советского писателя П.П. Бажова, члена КПСС и лауреата Сталинской премии. Они интерпретируют его сказки не как художественные произведения, а как источник сокровенного, эзотерического знания. Так, на страницах газеты «Атлантида» были подробно изложены воззрения бажовцев на Хозяйку Медной горы. В их трактовке этот фольклорный персонаж обретает статус верховного божества. По аналогии с тем, как Зороастр управляет Алтаем-Гималаями, Хозяйка считается покровительницей-демиургом Урала. Ей отводится роль «куратора всей духовной жизни» региона, посвященной в тайные знания. Ее помощниками выступают другие персонажи бажовских сказов, такие как Великий Полоз и бабка Синюшка.

Согласно представлениям «бажовцев», Хозяйка Урала обладает особой «огненной» духовной энергией, которая, используя их собственную терминологию, способна «превращать отбросы в золото». Последователи организации верят, что со временем это умение будет открыто самой Хозяйкой ее самым преданным последователям. «Хозяйка Урала – сотрудница Иерархии Света. Великие Учителя планеты и их сотрудники работают в научных лабораториях, занимаются исследованиями в масштабах не только планеты, но и солнечной системы. Хозяйке подвластны и животное, и растительное, и минеральное царства. Руководить всем этим можно только имея великие знания», – говорится в газете «Атлантида» [1].

Параллельно поклонению Хозяйке Урала бытует поклонение Ермаку (Казачий атаман, предводитель похода начала 1580-х годов в Сибирь, положившего начало присоединению Сибирского ханства к Русскому государству). Бажовцы считают его одним из «Великих воплощений», поскольку он воссоединил Европу и Азию, открыл «путь на Восток, откуда всегда идет свет, где находится таинственное Беловодье, все века притягивающее искателей Бога и смысла жизни. Обо всем этом знал Ермак» [8].

Подобный синкретизм в сочетании с эксплуатацией местного фольклора и обожествлением сказочных героев обусловил идентификацию бажовцев как неоязычников, несмотря на активное использование ими в названии организации имени Н. Рериха и его наследия. В. Шнирельман в своей книге «Русское родноверие. Неоязычество и национализм в современной России» также характеризует бажовцев как неоязычников: «К неоязыческим организациям можно отнести и Бажовскую Академию сокровенных знаний, созданную в Челябинске в 1993 г. В.В. Соболевым, объявившим себя «пророком». Деятельность этой академии можно с полным основанием трактовать как активное изобретение новой религии, основанной на всевозможных местных и привнесенных извне идеях. Творчество «академиков» достигает особого размаха, благодаря тому, что среди членов Академии числятся руководители Челябинского областного фонда культуры» [7, с. 204].

Даже те религиоведы, которые описывают бажовцев в рамках рерихианского движения, вынуждены указывать на неоязыческие идеи в их воззрениях: «Мировоззрение этой академии, сформулированное В. Соболевым, является мессианским, эсхатологическим учением, синкретизм которого замешан на попытке русифицировать рериховское учение. Религиозные представления бажовцев соединяют рерихианство и элементы русского язычества, реконструируемого на основе сказов советского писателя П. Бажова. Идеология бажовцев – в первую очередь плод религиозного творчества В. Соболева, основателя бажовской веры, ко-

торого многие последователи воспринимают как пророка и предсказателя» [4, с. 40].

Основные элементы эсхатологической картины мира бажовцев представлены следующим образом: воплощение Антихриста в 1882 г., Второе пришествие Христа в духе в 1928 г., Третья мировая война (ожидалась в 1996 г.), мировые катаклизмы и ожидание Второго пришествия Христа в физическом теле (ожидалось в 1999 г.). Согласно эсхатологическим воззрениям бажовцев, после глобальных катаклизмов на территории обновленной России сформируются два духовных центра. Первый, расположенный на Южном Урале вблизи Аркаима, будет находиться под духовным руководством Зороастра и станет проводником учения Агни-Йоги, или так называемой Огненной Библии. Второй центр возникнет в Дивеево под покровительством Серафима Саровского и будет представлять традиционное христианское учение [9, с. 136].

Частые упоминания о конце света привели к тому, что «пророк» бажовцев В. Соболев сделал ряд несбывшихся пророчеств. Согласно его предсказанию, сделанному в 1995 году, Третья мировая война должна была начаться в период с ноября 1995 по май 1996 года. По описанию, этот конфликт должен был вестись с применением ракетного, танкового, химического и бактериологического оружия, включая так называемых «астральных микробов, обладающих умом и волей», которые, по утверждению В. Соболева, были завезены на Землю «гнусными американскими астронавтами» еще в 1970-х годах с Луны. Он также провозгласил, что на протяжении этого периода Россию и ее новое правительство будет возглавлять М. Горбачев, которого он идентифицировал как реинкарнацию великого князя Михаила Романова, ссылаясь на родимое пятно на его лбу как на «след от пули». Согласно пророчеству, война должна была сопровождаться масштабными природными катаклизмами – землетрясениями и потопами. Спасти, по его словам, могли лишь те, кто последует его предсказаниям и укроется в сельской местности на Урале.

После несбывшихся предсказаний В. Соболев скорректировал их, заявил, что Третья мировая война состоится в конце 1997 г.: арабские и китайские орды уничтожат Европу и Америку, но Россия будет спасена космическими пришельцами, которые переведут ее в четвертое измерение. После Третьей мировой войны и Страшного Суда уже в 1998 г. ожидалось воскресение Серафима Саровского и апостола Андрея, которые объявятся в Челябинске.

В июне 1997 г. на Конгрессе уфологов, астрологов и ясновидцев В. Соболев заявил, что начало Конца Света будет в феврале 1998 г. и связывал его с катастрофическими разрушениями, которые принесет Земле приближающаяся гигантская планета «Бернар-1». «Под воду уйдет половина Ан-

глии, в пучину погрузится Скандинавский полуостров, две трети Японии. Страшные разрушения будут в Калифорнии, уйдут под воду великие города Сан-Франциско, Лос-Анджелес, Нью-Йорк, Мехико. Землетрясения расколят Южную Америку на три, а Африку на четыре части. Лучи невидимого Солнца будут исправлять несовершенства не только в мире людей, но даже в горах и реках, которые в чем-то не соответствуют замыслу Творца. А из воды будет медленно подниматься Атлантида... А далее те, кто сумеют эвакуироваться и избежать физической смерти, станут участниками основных событий. Лучи Царь-звезды вызовут плавление горных руд, но человечество за миг до этого сумеет перейти на эфирно-астральный уровень, в четвертое измерение, которое наши предки именовали Царствием Небесным. По расплавленной лаве мы сможем ходить, как по парному молоку... Дорога в астрал будет открыта не только исключительным праведникам, но и самым обычным приличным людям, которых на земле большинство» [4, с. 44].

Эсхатологические воззрения В. Соболева, описанные современными исследователями неоязычества, демонстрируют их противоречивость: «В.В. Соболев, предвещая всемирную катастрофу, утверждает, что ее переживут лишь два народа – русские и евреи. Исходя из фантастических взглядов на древнюю историю, разделявшихся Е. Блаватской, Н. Рерихом и их последователями, Соболев выводит предков и русских, и евреев из Индии. Он утверждает, что оба народа были предназначены силами Добра (Иерархией Света) для выполнения великой миссии – установления коммунизма. Вначале выполнение этой задачи возлагалось будто бы на евреев, но силы Зла нашли предателя, Христос был распят, и наступление счастливой эпохи было отсрочено на 2 тыс. лет. Тогда силы Добра избрали славян, привели их степями Евразии в Восточную Европу и возложили на русских миссию встречи Мессии и совершенного кардинального переворота на пороге эры Водолея. Соболев называет русских и евреев «богоизбранными народами» и со ссылкой на Серафима Саровского утверждает, что только они смогут избежать искушения Антихристом и вступят в новую жизнь, тогда как все другие будут соблазнены силами Зла и погибнут. Будущее мира он прочно связывает с «Вечной Россией, Истиной и Светом, Небесным Иерусалимом». А истиной, по его мнению, владеет только оккультизм, который помогает распознать дьявольские существа, испокон веков вредящие человечеству. Не обходит он стороной и болезненный для русских патриотов вопрос о революции 1917 г. По Соболеву, ее подготовили враги русского народа, действовавшие из-за рубежа» [6, с. 156–157].

В 1999–2000 гг. Соболеву снова пришлось скорректировать даты Конца Света. Так, по его

мнению, в сентябре 2001 г. должно было произойти сближение с гигантской звездой-кометой, которая изменит всю атмосферу Земли – тогда наступит «новое небо и новая земля», как сказано в Евангелии. В то же самое время появится новая формация людей – седьмая раса, предсказанная Е. Рерих. На планете наступит духовный коммунизм. В этом коммунизме будет жить 1 млрд подготовленных добрых людей Земли (остальные 5 млрд – злые, и они исчезнут). Зимой 2000 г. будет Третья мировая война, после этого произойдет Пришествие Майтреи, Второе Пришествие Христа и наступит Золотой Век, когда выйдет наружу чудь и все святые из уральских гор и явят миру шедевры искусства, спрятанные в недрах земли.

В дальнейшем произошла реорганизация в «Уральском духовно-этическом центре им. Н.К. Рериха». Согласно уставным документам, руководителем организации с 14 ноября 2002 г. стал И.В. Золотарев. 28 декабря 2016 г. организация самоликвидировалась [2].

Одним из наиболее заметных достижений бажовцев стала организация фестивалей имени Бажова, проводящихся с 1993 года вблизи Челябинска. Внешне эти мероприятия имели формат традиционных фольклорных праздников, включавших выступления профессиональных и самодеятельных коллективов, а также выставки-продажи изделий народных промыслов (кузнецов, вышивальщиц и других мастеров).

Однако фестиваль выполнял не только культурную, но и культово-обрядовую функцию. Он проводился в период летнего солнцестояния на озере Чебаркуль вблизи Челябинска и длился целую неделю. В программе, наряду с фольклорными элементами, присутствовали действия, имевшие явные черты языческих ритуалов: прыжки через костер, купания в ночь, сжигание чучела, а также расстановка по территории лагеря деревянных идолов, изображавших персонажей бажовских сказов. Через эти практики осуществлялась пропаганда неоязыческих идей и воззрений организаторов.

Успех мероприятия был во многом связан с поддержкой Комитета по культуре, председателя областной думы г. Челябинска В.Н. Скворцова и местного Фонда культуры.

Летом 1995 года в организации Бажовского фестиваля был задействован широкий круг государственных учреждений и творческих сообществ. Среди участников и партнеров мероприятия числились Российский фонд культуры (в адрес фестиваля поступили приветствия от Н. Михалкова), администрация Челябинской области, а также министерства культуры Казахстана и Узбекистана.

Программа фестиваля отличалась эклектичностью: наряду с концертами фольклорных коллективов Приуралья проводились театрализованные постановки по мотивам сказов Бажова, творче-

ские встречи с поэтами, писателями и артистами 50–60-х годов, а также лекции уфологов и астрологов (в частности, П. Глобы) и экскурсии в Аркаим.

В рамках фестиваля прошли заседания Уральского Евразийского клуба, в которых приняли участие известные деятели культуры и официальные лица: литературный критик Л. Аннинский, председатель челябинской областной думы В. Скворцов, члены правительства Казахстана (А. Жаганова) и председатель челябинского Фонда культуры К. Шишов.

Начиная с 1996 года, учредителями и основными организаторами фестиваля выступили Главное управление культуры и искусства Челябинской области и Государственное учреждение культуры «Областной центр народного творчества», что свидетельствовало о его переходе под официальную государственную эгиду. Данная реорганизация была обусловлена тем, что в Челябинске к власти пришел новый губернатор – П.И. Сумин, который скептически относился к бажовцам и перестал способствовать их деятельности. В связи с чем В. Соболев называл губернатора П.И. Сумина «врагом Света».

Исследователи отмечают, что 1997 г. стал пиком развития бажовцев во главе с В. Соболевым [3]. Всероссийскую известность Бажовский фестиваль получил, когда в его рамках состоялся конгресс уфологов, астрологов и ясновидцев, что привлекло внимание почти всех ведущих СМИ России. Популяризация Бажовского фестиваля осуществлялась централизованно. В городах размещались рекламные щиты с изображениями на мистические сюжеты из бажовских сказок, а фирменные поезда маршрута «Челябинск – Москва» получали соответствующее тематическое оформление.

Статус фестиваля последовательно повышался: в 1998 году он приобрел статус Всеуральского, а начиная с 1999 года – Всероссийского. Важным этапом институционализации стало его включение в 2011 году в федеральную целевую программу «Культура России» и в план мероприятий Министерства культуры РФ.

Как отмечается на официальном сайте фестиваля, за первое десятилетие он трансформировался из мероприятия, посвященного языческой, доправославной культуре, в форум народного творчества в широком смысле. Меняя места проведения в пределах Челябинской области, фестиваль сохранял свою концептуальную основу, ключевыми элементами которой являются две основные ремесленные площадки – «Мастерская слобода» и «Уральское поселение». Именно они, по замыслу организаторов, концентрируют в себе жизнь традиционных ремесел, обрядов и духовное наследие народов Урала. Таким образом была произведена десакрализация фестиваля [10].

В заключении можно сказать, что феномен бажовцев представляет собой характерный для постсоветского пространства пример неоязыческой секты, возникшей на стыке оккультизма, рерихизма и местного фольклора. Несмотря на маргинальность учения и череду несбывшихся апокалиптических пророчеств ее лидера, бажовцы сумели на короткий период добиться значительной общественной и административной поддержки, во многом благодаря проекту – Бажовскому фестивалю. Со временем фестиваль трансформировался в светское культурное мероприятие, тогда как сама религиозная организация, не выдержав проверки временем – прекратила свое существование.

Литература

1. Атлантида: газета: уральская Рериховская академия / учредитель: Бажовская Академия, Уральский духовно-эстетический центр им. Н.К. Рериха. – Челябинск: [б.и.], 1995. № 1.
2. Контрагент уральский духовно-этический центр им. Н.К. Рериха // Аудит-ИТ: [сайт]. – URL: https://www.audit-it.ru/contragent/1027400001628_uralskiy-dukhovno-eticheskij-tsentr-im-n-k-rerikha#firm-status (дата обращения: 01.07.2025).
3. Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера: справочник. – Изд. 2-е. – Белгород: Православ. миссионер. фонд Русской Православной Церкви, 1997 // Азбука: [сайт]. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/sekty/novye-religioznye-organizatsii-rossii-destruktivnogo-i-okkultnogo-haraktera/2_33 (дата обращения: 01.07.2025).
4. Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. Т. IV / отв. ред. М. Бурдо, С.Б. Филатов. – М.: Университетская книга: Логос, 2006. – 366 с.
5. Шиловцев А.В. История Бажовского фестиваля народного творчества // Наука, образование, культура: межвуз. сб. науч. ст. по материалам ежегодных Всероссийских Целищевских чтений, посвящается памяти Заслуженного работника Высшей школы Российской Федерации, доктора философских наук, профессора Николая Николаевича Целищева. – Екатеринбург, 2023. – С. 321–325.
6. Шнирельман В.А. Арийский миф в современном мире. Т. 2 / Виктор Шнирельман. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 440 с.
7. Шнирельман В.А. Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. – М.: Издательство Библейско-Богословского института, 2012. – 302 с.
8. Щипков А. Духовный монетаризм // Санкт-Петербургский университет: [сайт]. – URL:

<https://old.journal.spbu.ru/OLD/Spbum08–97/10.html> (дата обращения: 01.07.2025).

9. Энциклопедия религий / под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М.: Академический проект: Гаудеамус, 2008. – 1520 с.
10. 29-й Бажовский фестиваль народного творчества [Электронный ресурс] // Events in Russia: [сайт]. – URL: <https://eventsinrussia.com/event/27370> (дата обращения: 01.07.2025).

NEOPAGAN IDEAS OF THE “BAZHOVITES” IN THE POST-SOVIET REALITY

Rogatin V.N., Nabiev R.A.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article is devoted to the analysis of the phenomenon of the “Bazhovtsy”, a neopagan organization that emerged in the city of Chelyabinsk in the early 1990s and combined Roerichism, occultism, and Ural folklore in its teachings. The central tenet of the organization’s belief system was the sacralization of characters from the tales of P.P. Bazhov, particularly the deification of the “Mistress of the Copper Mountain” as the demiurge of the Urals. In addition to fairytale characters, the city of Arkaim and eschatological beliefs, as interpreted by the movement’s leader V.V. Sobolev, played an important role in the doctrine. Despite the eclectic nature of its religious views, the organization managed to achieve wide recognition through the holding of the “Bazhov Festival,” which over time transformed from a neopagan festival into a secular, all-Russian cultural event. The sect’s activities ceased in the 2000s, and in 2016, the “Ural Ethical and Spiritual Center named after N.K. Roerich” self-liquidated. The Bazhovka Festival evolved into a secular event, while the religious organization that founded it eventually disintegrated.

Keywords: Neopaganism, Post-Soviet Reality, Sobolev, Bazhov Festival, Bazhovtsy, new religious movement (NRM), sect.

References

1. Atlantis: newspaper: Ural Roerich Academy / founder: Bazhov Academy, Ural Spiritual and Aesthetic Center named after N.K. Roerich. – Chelyabinsk: [b.i.], 1995 – № 1.
2. Counterparty Ural spiritual and ethical center named after N.K. Roerich // Audit-IT: [website]. – URL: https://www.audit-it.ru/contragent/1027400001628_uralskiy-dukhovno-eticheskiy-tsentr-im-n-k-rerikha#firm-status (date of access: 01.07.2025).
3. New religious organizations of Russia of a destructive and occult nature: reference book. – 2nd ed. – Belgorod: Pravoslav. missionary. fund of the Russian Orthodox Church, 1997 // Azbuka: [website]. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/sekty/novye-religioznye-organizatsii-rossii-destruktivnogo-i-okkultnogo-haraktera/2_33 (date of access: 01.07.2025).
4. Modern religious life of Russia. An attempt at a systematic description. Vol. IV / eds. M. Burdo, S.B. Filatov. – Moscow: University book: Logos, 2006. – 366 p.
5. Shilovtsev A.V. History of the Bazhov Festival of Folk Art // Science, education, culture: interuniversity collection of scientific articles. Based on the materials of the annual All-Russian Tselishev Readings, dedicated to the memory of Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor Nikolai Nikolaevich Tselishev. – Ekaterinburg, 2023. – Pp. 321–325.
6. Shnirelman V.A. The Aryan Myth in the Modern World. Vol. 2 / Viktor Shnirelman. – Moscow: New Literary Review, 2015. – 440 p.
7. Shnirelman V.A. Russian Rodnoverie: Neo-Paganism and Nationalism in Contemporary Russia. – Moscow: Publishing House of the Biblical and Theological Institute, 2012. – 302 p.
8. Shchipkov A. Spiritual Monetarism // St. Petersburg University: [website]. – URL: <https://old.journal.spbu.ru/OLD/Spbum08–97/10.html> (date accessed: 01.07.2025).
9. Encyclopedia of Religions / edited by A.P. Zabyako, A.N. Krasnikov, E.S. Elbakyan. – Moscow: Akademicheskii proekt: Gaudeamus, 2008. – 1520 p.
10. 29th Bazhov Festival of Folk Art [Electronic resource] // Events in Russia: [website]. – URL: <https://eventsinrussia.com/event/27370> (date accessed: 01.07.2025).

Прогнозы развития культуры эмоций в контексте публичного обсуждения насилия

Саенко Наталья Ряфиковна,

доктор философских наук, профессор кафедры
«Гуманитарные дисциплины», Московский политехнический
университет
E-mail: rilke@list.ru

Лобанова Юлия Владимировна,

кандидат философских наук, доцент кафедры «Гуманитарные
дисциплины», Московский политехнический университет
E-mail: lobanova_diss@mail.ru

В статье представлен анализ дискуссий, связанных с фактами насилия, жертвенности, установления справедливости (феминистские флешмобы, хештеги #MeToo и #ЯНеБоюсьСказать), которые непосредственно отсылают к исследованиям по эмоциональной культуре, наделяющей новым социально-философским смыслом понятия, характеризующие этот срез общественной жизни. Рассматривается возможная перспектива трансформации эмоциональной палитры под влиянием новых представлений о том, кто совершает насилие, над кем оно осуществляется. Модель альтернативного правосудия сравнивается с более популярным видом ретрибутивной справедливости, которая, по мнению теоретиков репаративного правосудия, может не просто не реабилитировать актора насилия, но закрыть ему, как и всему коллективу, путь к исцелению. На примерах философских исследований последних лет выделяются темы, больше всего волнующие авторов, размышляющих о будущем эмоций: совместное построения будущего, новые виды коллективности, снятие стигмы с любых эмоций. Современные нормы морали локализуются в контекст антропоцена, споры о котором могут продемонстрировать новую перспективу будущей эмоциональной палитры в философской, культурологической и психологической оптике.

Ключевые слова: альтернативное правосудие, харассмент, антропоцен, насилие, жертва, эмоциональная культура, коллективность, культура отмены, реабилитация.

Введение

Современный нонфикшн, посвящённый анализу эмоциональной культуры и её обрамления со стороны различных медиа, часто заканчивается попыткой прогнозирования, построения утопической (или антиутопической) модели будущего. Множество писателей, философов, академических исследователей и культурных деятелей создают тексты, формально напоминающие манифесты или призывы к социально-исследовательская проблема культуры эмоций носит междисциплинарный характер и не только активно анализируется синхронно, но и способствует прогнозированию грядущих изменений, созданию моделей и языка для их описания. Каковы же основные направления философско-культурологических прогнозов?

Обсуждения и результаты

Виктор Вилисов, культурный теоретик и автор книги «Постлюбовь. Будущее человеческих интимностей», считает, что основным импульсом для обсуждений и регулярных переосмыслений узловых для этического поля повседневной жизни терминов – любовь, насилие, измена, обязательства, здоровые и нездоровые отношения, – служит ощущение стремительных изменений. Течение времени – «рост, старение, трансформации, деактуализация, скука или увлечение» – оказывается и объектом наблюдения, и способом осмысления собственного отношения к происходящему. Одним из ярчайших культурных примеров последнего времени можно назвать выход подкаста¹ «Ученицы» – журналистского расследования Насти Красильниковой, освещающего историю многолетнего насилия и нежелательного внимания к школьникам на ЛЭШ – летней экологической школы, выездных научных сборов [5]. Интервью бывших учениц и преподавателей ЛЭШа обострили вопрос о том, что считается насилием и злоупотреблением властью, а что нет, как можно адекватно определить субъектность школьниц-подростков, не дегуманизируя их, но и принимая во внимание разницу в возрасте, статусе и регалиях. Локализуя эту дискуссию на карте исследований эмоциональ-

¹ Подкаст (англ. podcasting – вещание под запись) – тематический аудиоблог с одним или несколькими ведущими, доступный для прослушивания на различных электронных платформах.

ной культуры, можно выделить основные болевые точки, отношение к которым говорит о возможном изменении в поле режимов чувствования. Автор исследования, Настя Красильникова, настаивает на необходимости ответственности акторов насилия в системе справедливости, вины и изменения отношения, тогда как преподаватели, обвинявшиеся в домогательствах, ссылались на законодательную базу, образы охоты на ведьм и линчевания.

Эмоциональная культура, формирующаяся вокруг тем сексуального насилия и харассмента (домогательств), получила новый импульс развития в связи с феминистскими флешмобами последних лет. Прежде всего это появление хештегов #ЯНеБоюсьСказать [12] и #MeToo на постсоветском и американском интернет-пространствах соответственно. Хештеги, объединяющие множество историй, преимущественно женских, раскрывающих подробности сексуализированного насилия или домогательств, позволили тысячам женщин поделиться тяжёлыми подробностями своего прошлого и повысить видимость проблемы.

Хештег #MeToo, возникший сначала в рамках скандала вокруг кинопродюсера Харви Вайнштейна, затем стал использоваться как знак поддержки и прерывания молчания (англ. *silence breaking*) в ситуациях, всё ещё стигматизированных – историях насилия, злоупотребления властью и домогательств. Несмотря на огромную популярность флешмобов (за сутки появилось как минимум 12 миллионов публикаций, реакций и комментариев, связанных с флешмобом, в социальных сетях), сам механизм публикации личной истории оказался продуктивным не только для того, чтобы поделиться собственным опытом, но и для выработки новых способов говорить о насилии, вине, жертве, агрессоре и наказании.

Флешмоб получил критические оценки сразу с двух сторон. Во-первых, некоторые пользователи не поверили историям, рассказанным потерпевшими: многие события произошли несколько десятилетий назад, и, по мнению критиков флешмоба, выбор момента для рассказа кажется странным или даже подозрительным. Существование таких обвинений в неформальном пространстве личных интернет-аккаунтов способствует формированию и распространению ложных свидетельств, которые скорее всего останутся без репутационных или законодательных последствий.

Другой аргумент негативного отношения к содержанию флешмоба касался схем выстраивания романтических отношений. Теперь, утверждали противники этой сетевой акции, мужчины перестанут знакомиться с женщинами: они будут бояться, что их безосновательно обвинят в насилии¹.

¹ Однако, как показывают исследования, сексуализированное насилие не всегда гендерно специфично: в том числе благодаря флешмобу многие женщины рассказали, что они сами в какой-то момент могли совершать насилие [13; 10]; мужчи-

Некоторые корпорации в ответ начали разрабатывать новые этические кодексы, регулирующие отношения между сотрудниками на работе и предполагающие защиту каждого работника и работницы от домогательств: ответом стали размышления о том, можно ли теперь вообще оставаться с женщиной наедине в офисе и не быть «голословно обвинённым в харассменте».

Однако многие решения, принимаемые в корпорациях, привели не к защите женщин, а к их новому исключению из рабочих пространств, а также к обсуждению проектов и бизнес-встреч без их участия, в частности, в кремниевой долине многие предприниматели отменили встречи с представительницами прекрасного пола, а на Уолл-Стрит мужчины стали избегать встреч тет-а-тет с молодыми женщинами [8; 9]. Кроме того, этот флешмоб привел к новому обсуждению приемлемости знакомств на улицах и в публичных местах, флирта, спонтанности и «естественности» романтических отношений. Его последствия, вместе с такими важнейшими понятиями для этого дискурса, как «ложные обвинения», «жертва» и «наказание», представлены на рисунке 1.

Однако другая линия критики, которая кажется нам более интересной, представлена утверждением, что, хотя, несомненно, все истории злоупотребления властью должны быть заслушаны и встречены с сочувствием и пониманием по принципу «всегда верить жертве», но они не могут быть единственным инструментом решения проблемы насилия. В какой-то мере его кажущаяся безальтернативность может сделать ситуацию только хуже – перенесшие насилие не всегда стремятся отомстить ее актору, близкие человека, совершившего насилие, не захотят верить жертве из-за страха разочароваться. Кроме того, человек, совершивший этот акт, может столкнуться с изоляцией и осуждением, которое помешает ему реабилитироваться в обществе, работая над своими деструктивными паттернами поведения.

На основе анализа событий, зафиксированных в флешмобе, формулируется идея альтернативного правосудия – её авторы считают изоляцию и кэнселлинг² ретрибутивным (наказывающим) подходом, который не просто не помогает актору насилия исправиться, но может продолжить цепочку противоправных действий, поставив и актора, и жертву в более тяжелое положение в связи, например, с заведенным уголовным делом. Критики ретрибутивного правосудия, настаивающего, что за преступлением всегда следует наказание, чаще всего институциональное (вовлечение поли-

ны же, ставшие его жертвами, могут сообщать об этом реже, не желая показывать себя уязвимыми, что привело бы к нежелательной демаскулинизации [11].

² Cancel (англ.) – отмена в культурном поле; разрыв рабочих контрактов; прекращение сотрудничества и публичных контактов с человеком, обвиненным в насилии.

ции, штраф, тюремное заключение), считают, что оно не учитывает условия, в которых происходило насилие, не исцеляет сообщества, в которых оно

по каким-то причинам могло быть нормализовано, не реабилитирует ни актора насилия, ни человека, его перенесшего.

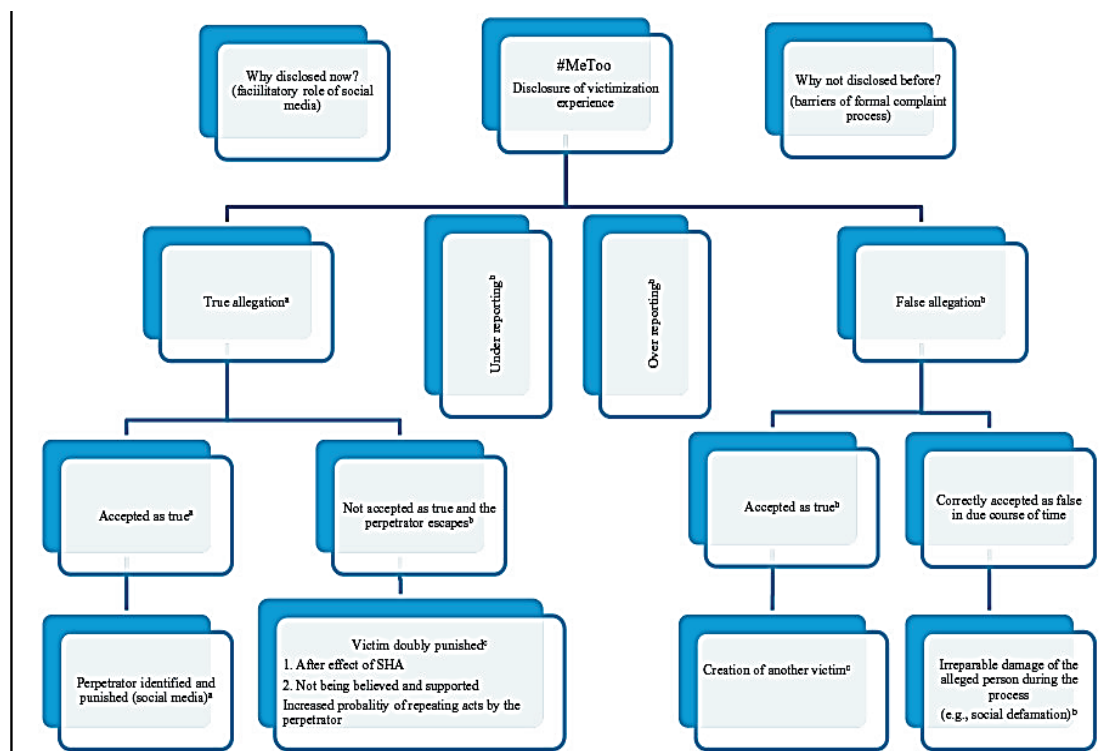

Рис. 1. «Ложные обвинения», «жертва» и «наказание» [7]

Альтернативой ретрибутивной практике становится преобразующее/трансформативное правосудие (англ. *transformative / restorative justice*). Эти термины были введены канадскими исследователями Рут Моррис и Жизель Диас в 1980-е гг. Однако сами практики так или иначе существуют и существовали задолго до того, как были названы соответствующими концептами. Важнейшими задачами альтернативного правосудия становится прекращение циклов насилия и создание сообществ, которые смогут противостоять ему и предотвратить его без обращения к нормативно-государственным институтам.

Одним из крупнейших центров, занимающихся альтернативным правосудием, выступает Bay Area Transformative Justice Collective: они разрабатывают методички, связанные с изучением кейсов насилия. Иным случаем применения альтернативного правосудия можно назвать «Женский суд», основанный в 2010 году несколькими женскими организациями бывшей Югославии. Женский суд сосредотачивается на исследовании насилия с целью дальнейшего уточнения разных контекстов, в которых оно совершается: экономических, гендерных, культурных. Основным отличием от обычных судов является отсутствие приговоров, однако эксперты могут использовать результаты суда для оказания давления на международные организации.

Какое значение трансформативное правосудие имеет для будущего эмоциональной культуры?

Отвечая на поставленный вопрос, можно выделить несколько аспектов:

- Публичное обсуждение случаев предполагаемого нарушения общественной морали;
- Выработка ценностного отношения к личным границам в пространстве взаимодействия с другим человеком;
- Формирование новых способов применения правосудия, которые позволяют выявить нюансы в сфере этического и эмоционального дискурса.

Онтологическая значимость альтернативного правосудия определяется тем, что эмоции в системе теоретического и практического обоснования этого подхода не осуждаются, не признаются «нездоровыми» или «неправильными»: предполагается, что совместная работа всех членов коллектива в буквальном смысле излечивает агрессию и предотвращает насилие. Такая позиция может показаться утопичной, однако ещё один важный признак современной эмоциональной культуры — предпочтение иррационального рациональному — может также отразиться на том, как на первый взгляд рациональные аргументы могут, наоборот, ретушировать насилие и делать его невидимым или неважным [6].

В настоящее время важным становится аспект, который можно выделить в современных философских прогнозах и который выражается призывом к объединению и построению некоторой новой совместной реальности. Сразу несколько

крупных теоретиков философии и культуры – Мэggi Нильсон, Оливия Лэнг, Поль Пресьядо, Джу-дит Батлер – в течение нескольких лет выпустили книги, в которых размышляют о насилии, заботе и свободе в терминах построения совместного будущего [4; 1]. Почти все утопические модели левых мыслителей содержат мысль о необходимости объединения, прекращения разобщения и неолиберальной атомизации. Однако манифестирование абстрактного «объединения» недостаточно для решения проблемы: необходимо создание эмоционального поля, на котором оно будет формироваться; нового языка, описывающего потребность в объединении, и методов, с помощью которых его можно воплотить в практику жизни.

Ответственность – слово, часто используемое в разговоре о насилии, и оно же постоянно присутствует в разговорах о будущем эмоциональной культуры. К нашим современникам ученые [3] обращаются с настоятельным требованием брать ответственность за различные явления, от их актов насилия или проявлений сексистской лексики¹ до исчезновения видов животных, зооценозных эпидемий и глобального потепления. Дискурс антропоцена² также повлиял на эмоциональную культуру: чувство наслаждения и вины за позволенные себе радости, связанные с удовлетворением психофизиологических потребностей, выражаются в понятии *guilty pleasure*³.

Современный человек больше, чем когда-либо раньше, знаком с бедами и проблемами других: катаклизмы, эпидемии и гуманитарные катастрофы в далеких странах требуют выстроить своё отношение к ним. В данной ситуации психологическим прогнозом становится предположение, что требования к моральному облику личности могут трансформироваться и выразиться, напротив, в отвращении к этическим нормам, апатии, патернализму и эскапическим копинг-механизмам⁴. Осознание собственной маленькой роли в происходящих событиях мировой жизни может вызвать отказ от желания изменить что-либо.

Заключение

Итак, философские и культурологические исследования последних лет, связанные с изменения-

ми в публичном пространстве, сосредотачиваются, с одной стороны, на тёмных сторонах глобализированного общества (насилие, которое замалчивалось даже в интеллектуальных закрытых сообществах, бедность, дискриминация), с другой стороны, на средствах их преодоления и исцеления. Парадокс будущего проявления и осмысления эмоций, как нам кажется, заключается в повышенных требованиях к моральной стороне жизни человека при сильном влиянии внешних факторов, которые он контролировать не в силах. Результатом может стать как апатия и разочарование в социальных идеях, то есть «апатия антропоцена», о которой пишет исследовательница Ева Бинчик, так и, наоборот, новая возможность мечтать о построении совместного утопического будущего альтернативного правосудия и коллективной справедливости, разрывающей насильственные цепочки.

Литература

1. Батлер Дж. Сила ненасилия: Сцепка этики и политики / пер. с англ. И. Кушнareвой; под науч. ред. Е. Бондал, А. Павлова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022.
2. Бинчик Е. Эпоха человека. Риторика и апатия антропоцена / пер. с польского Татьяны Пируской. М.: НЛО, 2022.
3. Магсумов Т.А. Философия: курс лекций / Т.А. Магсумов, С.В. Чиркова. Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2023. 172 с.
4. Нильсон М. О свободе. Четыре песни о заботе и принуждении. М.: No Kidding Press, 2022.
5. Сагиева К. «Меня уже мало что пугает»: Настя Красильникова о подкасте про домогательства в ЛЭШ // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/480271-mena-uze-malcto-pugaet-nasta-krasil-nikova-o-podkaste-pro-domogatel-stva-v-les>
6. Brown J. M., Hamilton C., O'Neill D. Characteristics associated with rape attrition and the role played by scepticism or legal rationality by investigators and prosecutors. *Psychol Crime Law*. 2007 Aug 1. № 13(4). pp. 355–370.
7. Gupta R. Gupta A. Hehra D. Going Forward with #MeToo Movement: Towards a Safer Work Environment // *Journal of Psychosexual Health*. № 1(2). 2019. pp. 174–179.
8. Johnson W. B, Smith D.G. Men shouldn't refuse to be alone with female colleagues. *Harvard Business Review*. May. 2017: 5. URL: <https://hbr.org/2017/05/men-shouldnt-refuse-to-be-alone-with-female-colleagues> (дата обращения: 22.10.2022).
9. Miller C.C. Unintended consequences of sexual harassment scandals. *New York Times*. 2017. URL: <https://www.nytimes.com/2017/10/09/up->

¹ Воплощение такой ответственности предлагается как помимо уже рассмотренных схем репаративного правосудия, так и с помощью использования новых слов, я-предложений. Таким образом, тема ответственности становится, с одной стороны, связанной с психологизированным методом, с другой стороны, выходит на уровень этической практики.

² Антропоцен – название эпохи, в которой человеческая деятельность стала одной из основных движущих сил изменения климата и экологической ситуации [2].

³ *Guilty pleasure* – английское понятие, в переводе означающее постыдное удовольствие.

⁴ *Coping mechanisms* – английское выражение, которое переводится как «способы, методы борьбы со стрессом или горем».

shot/as-sexual-harassment-scandals-spookmen-it-can-backfire-for-women.html (дата обращения: 22.10.2022).

10. Pflugradt D. M, Cortoni F. Women who sexually offend: a case study. In: Wilcox DT, Garrett T, Harkins L., eds. *Sexual Offender Treatment: A Case Study Approach to Issues and Interventions*. Hoboken, NY: John Wiley & Sons; 2015. pp. 181–198.
11. Sable M. R, Danis F, Mauzy D. L, Gallagher S.K. Barriers to reporting sexual assault for women and men: perspectives of college students. *J Am College Health*. 2006 Nov 1. 55 (3). pp. 157–162.
12. Sahakyan A. Online Discussion of Sexual Abuse in the Former Soviet Union Is a Start Toward a Solution. *Huffpost*. 13.07.2016. URL: https://www.huffpost.com/entry/online-discussion-of-sexu_b_10960648 (дата обращения: 22.10.2022).
13. Williams J. R, Ghandour R. M, Kub J.E. Female perpetration of violence in heterosexual intimate relationships: adolescence through adulthood. *Trauma Violence Abuse*. 2008 Oct. 9 (4) pp. 227–249.

FORECASTS OF THE DEVELOPMENT OF THE CULTURE OF EMOTIONS IN THE CONTEXT OF PUBLIC DISCUSSION OF VIOLENCE

Saenko N.R., Lobanova Yu.V.
Moscow Polytechnic University

The article examines the recent high-profile discussions related to the concepts of violence, justice and sacrifice (feminist flash mobs, hashtags #MeToo and #Yaneboyus to tell) in connection with the emotional culture in which these words acquire a new meaning. The article analyzes how, in the future, the emotional palette can be transformed under the influence of new ideas about who commits violence and who it is committed against. The presented model of alternative justice is compared with a more popular type of retributive justice, which, according to the theorists of reparative justice, may not just not rehabilitate the actor of violence, but close the path to healing to him, as well as to the whole collective. Using the examples of philosophical research in recent years, we highlight the topics that most concern authors writing about the future of emotions: the joint construction of the future, new types of collectivity, the removal of stigma from any emotions. The approach to the future is criticized, in which the topic of unification solves problems related to the emotional field in which it is supposed to occur. Modern norms of morality are localized in the context of the Anthropocene, disputes

about which can show us a new perspective on the future emotional palette in philosophical, cultural and psychological optics.

Keywords: alternative justice, harassment, anthropocene, violence, victim, emotional culture, collectivity, cancellation culture, rehabilitation.

References

1. Butler, J. *The Force of Nonviolence: An Ethico-Political Bind* / trans. from English by I. Kushnareva; scientific ed. by E. Bondal, A. Pavlov; National Research University "Higher School of Economics". Moscow: HSE Publishing House, 2022.
2. Binchik, E. *The Human Era: The Rhetoric and Apathy of the Anthropocene* / trans. from Polish by Tatiana Pirusskaia. Moscow: NLO, 2022.
3. Magsumov, T. A. *Philosophy: A Course of Lectures* / T.A. Magsumov, S.V. Chirkova. Kursk: JSC "University Book", 2023. 172 p.
4. Nilsson, M. *On Freedom: Four Songs of Care and Constraint*. Moscow: No Kidding Press, 2022.
5. Sagieva, K. "I'm not scared of much anymore": Nastya Krasilnikova on the podcast about harassment at LESH // *Forbes*. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/480271-mena-uze-maloc-to-pugaet-nasta-krasil-nikova-o-podkaste-pro-domogatelstva-v-les>
6. Brown J. M., Hamilton C., O'Neill D. Characteristics associated with rape attrition and the role played by scepticism or legal rationality by investigators and prosecutors. *Psychol Crime Law*. 2007 Aug 1. № 13(4). pp. 355–370.
7. Gupta R. Gupta A. Hehra D. Going Forward with #MeToo Movement: Towards a Safer Work Environment // *Journal of Psychosexual Health*. № 1(2). 2019. pp. 174–179.
8. Johnson W. B, Smith D.G. Men shouldn't refuse to be alone with female colleagues. *Harvard Business Review*. May. 2017: 5. URL: <https://hbr.org/2017/05/men-shouldnt-refuse-to-be-alone-with-female-colleagues> (дата обращения: 22.10.2022).
9. Miller C.C. Unintended consequences of sexual harassment scandals. *New York Times*. 2017. URL: <https://www.nytimes.com/2017/10/09/upshot/as-sexual-harassment-scandals-spookmen-it-can-backfire-for-women.html> (дата обращения: 22.10.2022).
10. Pflugradt D. M, Cortoni F. Women who sexually offend: a case study. In: Wilcox DT, Garrett T, Harkins L., eds. *Sexual Offender Treatment: A Case Study Approach to Issues and Interventions*. Hoboken, NY: John Wiley & Sons; 2015. pp. 181–198.
11. Sable M. R, Danis F, Mauzy D. L, Gallagher S.K. Barriers to reporting sexual assault for women and men: perspectives of college students. *J Am College Health*. 2006 Nov 1. 55 (3). pp. 157–162.
12. Sahakyan A. Online Discussion of Sexual Abuse in the Former Soviet Union Is a Start Toward a Solution. *Huffpost*. 13.07.2016. URL: https://www.huffpost.com/entry/online-discussion-of-sexu_b_10960648 (дата обращения: 22.10.2022).
13. Williams J. R, Ghandour R. M, Kub J.E. Female perpetration of violence in heterosexual intimate relationships: adolescence through adulthood. *Trauma Violence Abuse*. 2008 Oct. 9 (4) pp. 227–249.

Дискуссия о формировании «этничности» хуту и тутси: к постановке проблемы

Хатагова Илона Юрьевна,

соискатель кафедры философии имени А. Ф. Шишкина,
Московский государственный институт международных
отношений МИД России
E-mail: ilo.hatagova@yandex.ru

Сычева Елена Сергеевна,

кандидат культурологи, доцент кафедры международной
журналистики, Московский государственный институт
международных отношений МИД России
E-mail: e.sycheva@my.mgimo.ru

Исследования в области истории и культуры Африканского континента вызывают все больший интерес на фоне развития стран Африки и укрепления связей с Россией. Цель данной статьи – раскрыть эволюцию понятия «идентичность» применительно к истории развития Бурунди в доколониальный, колониальный и постколониальный периоды. Для достижения данной цели необходимо было решить следующие задачи: 1) определить понятие идентичности в широком, теоретическом виде; 2) выделить «исходные» (доколониальные) уровни идентичностей, существовавшие в бурундийском обществе; 3) проследить эволюцию различных уровней идентичности в контексте событий времен колониализма и постколониализма. Кроме того, первая часть статьи посвящена попытке исследовать дихотомию «свой-чужой» и формированию псевдоэтничности на ее основе. В статье также предпринята попытка проследить, как в европейском и не только философском дискурсе формировалась данная проблема и менялось отношений к ней.

Ключевым наблюдением в результате стало прослеживание эволюции сути трех ключевых типов идентичности – принадлежности к клану, к социальной «категории» и гражданственности на примере Республики Бурунди.

Ключевые слова: идентичность, Бурунди, колониализм, Африка.

«Я» – «Другой» – «Чужой» как основа сегрегации

Тема «Другого» в европейском философском дискурсе приобрела особенное значение в рассуждениях философов XX века. Такие авторы, как Эммануэль Левинас, Жак Лакан, Жиль Делёз, Юрген Хабермас, Мартин Хайдеггер, Жан-Поль Сартр посвятили значительную часть своих работ размышлениям о том, что есть «Я» в сопоставлении с «Другим», как эти две категории влияют друг на друга и как друг друга взаимно определяют с онтологической точки зрения. Общая философская основа становится, таким образом, базисом для более узкопрофильной аналитики на базе таких наук, как социология, политология, этнопсихология и др. В роли объекта исследования оказывается взаимное соответствие, определяющее «Я» и «Другого»; в этом контексте, стоит рассматривать и межэтнические взаимоотношения, учитывая, что именно категорию «Другого» можно считать одним из структурных понятий современной «философии коммуникаций» [1]. Особенное внимание в контексте темы межэтнических конфликтов приобретает восприятие «Другого» как «Чужого», осознаваемое как угроза собственному существованию.

Исследователи, в целом, сходятся во мнении относительно того, что поляризация общества, в сознании которого укоренилась дихотомия «Я» – «Другой» (или, скорее, уже «Я» – «Чужой»), приобретает критический характер именно на фоне нестабильной, стремительно деградирующей или уже буквально катастрофической экономической ситуации и сопутствующим ей социально-политическим кризисам: «В обществе постоянно муссируется множество лозунгов, призванных привлечь внимание общества к угрозе, якобы исходящей от Чужого... Эта тревога, как и сами попытки манипуляции общественным сознанием, усиливается в критические периоды развития общества, в частности, в периоды современных экономических кризисов» [11]; «В периоды социально-политических кризисов, сопровождающихся anomией, наблюдается приобретение собственной идентичности за счёт постулирования отрицательного «Другого»» [12].

Ещё одним важным фактором, кратно усиливающим враждебность к «Другому»/ «Чужому», становится намеренная пропаганда с ярковыраженной дегуманизирующей направленностью, в том числе с использованием СМИ. Исследователи от-

мечают, что в силу самой своей природы этническая идентичность «конструируется на основе бинарных категорий», в основе которых неизменно лежит дихотомия «Я – Другой»: «...Двоичное деление общества и природы является универсальным для человеческого мышления в целом и отражается в ряде характеристик, таких как полярность, дополнительность, антагонизм» [13]. В результате, противопоставление этих категорий «выступает эффективным манипулятивным приёмом в информационном противоборстве» [14], особенно – когда в массовом сознании намеренно конструируется образ «Чужого». Более того, дихотомия «Я – Другой» вследствие направленного воздействия может быть расширена до интолерантной модели реализации образа Другого – «Я – Другой – Чужой – Враг» [12], а в дальнейшем, посредством механизмов дегуманизации (широко применяемых в массовой информации), – и до варианта «Я – Другой – Иной – Чужой – Враг – Монстр» [15].

На фоне распадающихся социальных институтов общества, вступившего в острую фазу кризиса, «Другой»/«Чужой» может стать тем, что Рене Жирар обозначил при помощи термина «козёл отпущения»: с его точки зрения, в какой-то момент в дестабилизированном обществе включается некий механизм, в силу которого «коллективные фрустрации и страхи находят заместительное удовлетворение в жертвах, против которых легко объединиться в силу их принадлежности к плохо интегрированным меньшинствам» [16]. Некий внешний импульс запускает «процесс дурной взаимности, который дальше уже питается сам собой и не нуждается во внешних причинах, чтобы продолжаться» [16, с. 78]. В своём подходе к описанию возможной жертвы Жирар приближается к концепции «нарциссизма малых различий» Зигмунда Фрейда, так, с его точки зрения, «козёл отпущения» не должен быть «своим», так как это лишено смысла, но и абсолютно «чужим» он тоже быть не может, так как в противном случае наш потенциал насилия не будет разряжен [16, с. 7]. Таким образом, для того чтобы превратиться в «Чужого», а то и в «Монстра» (а значит – и в потенциальную жертву), «Другой» должен быть наделён чертами и качествами, одновременно уподобляющего его «Я» и, вместе с этим, – абсолютно для «Я» чужеродными, создающими коренное отличие. Важно понимать, что такое отличие, с высокой вероятностью, – не более чем искусственно созданный конструкт, существующий лишь в воображении масс; однако, в данном случае применима т.н. «теорема Томаса», согласно которой, если некая ситуация воспринимается людьми как реальная, она реальна в своих последствиях.

В контексте нашей темы стоит отметить, что теоретические выкладки Жирара относительно «Другого»/«Чужого» вполне сочетаются с конструктивистским подходом к определению этнич-

ности. Теоретики конструктивизма рассматривают этничность как первичный конструкт, существующий в сознании индивидов как некий перечень самоописаний, исходя из которых, они впоследствии и выносят свои суждения о том, является ли тот или иной признак показателем этнической общности или нет.

Важной особенностью этничности в понимании конструктивистов является то, что на её формирование в сознании масс нередко влияют различные внешние силы, – т.н. «этнические предприниматели» или «спекулянты в этнополитике», у которых есть инструменты и механизмы воздействия на массы, и которые влияют на чужое понимание этнической идентичности, преследуя какие-то свои интересы и выгоды [22]. В рассматриваемом нами примере Бурунди, исторически, процессы формирования псевдо-, а затем и квази-этничностей хуту и тутси, как и их постепенная поляризация, безусловно проходили под влиянием различных внешних (и внутренних) политико-социальных акторов. Специалисты по социополитической истории Африки, пользуясь разработанным конструктивистами теоретическим инструментарием, подчёркивают в своих работах, что «осознанная политика колонизаторов по использованию “этничности как политического ресурса”, т.е. по актуализации и закреплению за людьми этнической принадлежности как основы социально-политического неравенства – “формирования политической культуры этничности”, или “политизации этничности” сыграла значительную роль «...в трагических событиях в бывших бельгийских владениях: современных Руанде, Бурунди и Демократической Республике Конго» [17].

Однако, в полном соответствии со спиралевидной функцией деградации взаимоотношений – иными словами, с «дурной взаимностью», упомянутой Жираром, – сообщества способны конструировать этнические идентичности добровольно и самостоятельно. Мы склонны согласиться с тезисом о том, что, в отношении Бурунди и Руанды, «ключевой фактор конфликтогенности – сегрегация на основе искусственного этногенеза» [18]; причём, важно помнить о том, что «это деление в течение колониального периода было усвоено и принято как объективная реальность не только колонизаторами, но и самими колонизированными» [17]. А это означает, что, в силу особенностей группового нарциссизма – тем более, если речь идёт о «нарциссизме малых различий» – сообществам, созданным на основе «навязанной» идентичности, тем более всегда будет нужен «Другой», образ которого они тем с большей вероятностью будут демонизировать, чем более ничтожным окажутся различия между ними. Если же речь идёт о направленном широкомасштабном пропагандистском воздействии на массы с использованием технологий дегуманизации в отношении «Друго-

го»/ «Чужого», который в реальности практически ничем не отличается, последствия могут оказаться – и, увы, оказываются, – катастрофическими. Безусловно, можно согласиться с мнением о том, что «использование этнических маркеров в формировании образа врага усиливает эмоциональную составляющую конфликта, активизируя, тем самым, вражду и ненависть между этническими группами» [14]. Если же группы, по сути, являются квази-этническими, для достижения эффекта «этническим предпринимателям» необходимо просто прилагать больше усилий, чтобы закрепить в умах аудитории вымышленные особенности псевдо- и квазиэтнического социального конструкта; соответственно, и культивированная в индивидах и «малых группах» энергия разрушения, когда наконец переходит из потенциального этапа на проявленный, достигает ужасающих масштабов.

Для полноты картины отметим также, что всё вышеупомянутое, когда речь идёт об Африке, усугубляется, в том числе, и феноменом трибализма, или трибализма. «Трибализм проявляется в гиперболизации значения своей этнической группы по отношению к другим в том, чтобы добиться исключительного положения, привилегий и благ для этой группы в ущерб другим... Трибализм воспитывает предвзятость по отношению к другим этническим группам, стимулирует дискриминационные действия или подстрекательство, которые приводят к кровопролитным стычкам, а иногда к геноциду» [19]. Можно предположить, что традиции трибализма, проявляющего себя даже не между собственно этническими группами, а между псевдо- и квазиэтническими, многократно усиливает психологический эффект «нарциссизма малых различий» и ужесточает поляризацию общества, – что, вкупе с катастрофической экономической обстановкой и беспрепятственной массовой дегуманизацией, и приводит к цунами насилия.

В случае с Бурунди, анализ этничности хуту и тутси осложняется тем обстоятельством, что эти сообщества, существовавшие изначально как «профессиональные категории руандийцев» (в которых «тутси всегда были скотоводами и воинами, а хуту – земледельцами»), [18] усилиями «этнических предпринимателей» были превращены сначала в псевдо-, а затем и в квази-этничности, со временем начавшие быть осознаваемыми самими их носителями как самые настоящие «этничности», без всяких оговорок. В данной ситуации, правомерным представляется подойти к вопросу о формировании «этничностей» хуту и тутси через понятие «идентичности», более подходящее для самого общего описания этапов становления самосознания бурундийцев и руандийцев. Мы склонны согласиться с исследователями-африканистами, полагающими, что «этничность – широко используемая в науке категория, которая обозначает существование культурно отличитель-

ных (этнических) групп и форм идентичности» [19], и в рамках данного исследования будем исходить из этой формулировки.

Что же касается понятия «идентичность», стоит отметить, что оно интересует исследователей в различных областях гуманитарного знания. Сразу несколько самостоятельных областей, таких, как философия, психология, социология дают различные толкования этой дефиниции и по-своему рассматривают предмет изучения. В рамках данной работы, наиболее целесообразным нам представляется обратиться к определению Эрика Эриксона, рассматривающего идентичность как тождественность человека самому себе, осознание своей принадлежности к группе (общности) [1, с. 11]. Однако для того, чтобы осознать «тождественность самому себе» необходимо осознать в первую очередь осознать собственную самость. По сути идентичность – это осознание человеком себя, своей уникальности и принадлежности к различным группам и общностям. Это совокупность представлений, убеждений, ценностей и ролей, которые определяют, кем человек себя считает. Помимо различных типов идентичности (социальной, биологической и др.), существуют и различные уровни идентичности: индивидуальная, групповая, общенациональная и др. Позиция Эриксона важна в контексте нашей темы в том числе и в силу того, что именно этот исследователь «выделил понятие психосоциальной идентичности как продукта взаимодействия между обществом и личностью» [21], а также «ввёл понятие кризисов личностной идентичности», обращая особенное внимание на то, что они неразрывно связаны с «кризисами общественного развития» [21]. Обратимся также к формулировке Зигмунта Баумана, согласно «идентичность» порой может представляться для нас «частным делом», по существу все выглядит иначе [2, с. 115]. Особенно, пишет Бауман, проблема формирования идентичности усиливается в условиях социальной неопределённости; при этом, ключевым фактором, оказывающим многоуровневое и всестороннее влияние на формирование индивидуальной и групповой социальной идентичности, является внешнее социальное воздействие [21]. Это соображение вновь возвращает нас к конструктивистской парадигме, согласно которой, «конфликты идентичности производят нарциссические повреждения групповой идентичности», вследствие чего «эти раны и желание исцелить их посредством насилия, в основном, построены этническими и политическими лидерами» [20] (в число которых, очевидно, входят и уже упоминавшиеся выше «этнические предприниматели»).

В этой связи в рамках данной статьи на примере развития Королевства (а позднее – Республики) Бурунди разберем, как формировалась, а потом

и видоизменялась групповая социальная идентичность населения этого государства.

Идентичность в Бурунди в доколониальный период

Исторически территорию современной Республики Бурунди населяют две различные по происхождению группы населения – пигмеи тва (в настоящее время – порядка 1% населения), являющиеся автохтонным населением, и пришедшие позднее земледельцы и скотоводы из числа других африканских племен.

К XVII в. происходит постепенная централизация этой территории, которая приводит к приходу к власти в XVIII в. первого известного до сегодняшнего дня короля Бурунди – Нtare I, объединившего разрозненные территории страны под единой центральной властью. На этот момент население страны представляет собой разрозненные группы населения, наиболее крупной и основной единицей самоидентификации которых является клан.

Клан – это совокупность (группа) взаимосвязанных семей («семья семей»). Всего насчитывалось, по некоторым оценкам, до 200 кланов, проживавших по всей территории страны. Кроме того, помимо индивидуальной идентификации, существовали такие концепты, как семья нуклеарном (узком) и расширенном (межпоколенческом) значении. В силу дефицита верифицируемых источников сложно однозначно утверждать, как складывалась система кланов, однако можно предположить, что в догосударственный период клан представлял собой минимальную единицу, необходимую для устойчивой жизни и развития общества (по аналогии с «обществами», которые отчасти изолированно складывались в буквально соседних ущельях Северного Кавказа, однако без условия обязательной географической привязанности).

В силу того уровня развития, на котором находилась Бурунди в доколониальный период, отраслю, где было занято подавляющее количество населения – сельское хозяйство (земледелие и скотоводство). Разделение населения на «категории» по типу подотрасли, в которой оно занято, являлось еще одной системой идентификации. Согласно этой системе, скотоводы именовались тутси, а земледельцы – хуту, при этом ни одно из наименований (и типов занятости) не имело уничижительное или дискриминирующее значение: подавляющее большинство кланов состояли как из тутси, так и из хуту.

Таким образом, в доколониальный период система социальной идентификации населения выглядела следующим образом [3, с. 50].

1. Я, имевший имя и фамилию.

2. Моя семья в узком значении слова (нуклеарная семья).

3. Моя семья в более широком значении слова (совокупность домохозяйств, имевших общих предков и, как правило, проживавших в одной местности).

4. Моя принадлежность к клану, сформированному не по территориальному принципу, а по принципу принадлежности группы к одному общему имени.

5. Моя принадлежность к одной из «категорий» по типу занятости в сельском хозяйстве (хуту или тутси).

Важно отметить, что при этом все люди, вне зависимости от клана, «категории» или семьи, говорили на одном языке, имели единую (дохристианскую) систему верований, проживали на одной территории под единой признаваемой властью, а также признавали друг друга «согражданами», то есть де-факто имели объективные критерии для того, чтобы иметь общенациональную идентичность «бурундиец».

Идентичность в Бурунди в колониальный период

В 1880–1890-е гг. на территорию Бурунди прибывают немецкие колониальные войска, которые к началу XX в. устанавливают полный контроль над территорией страны. Однако уже после окончания Первой мировой войны контроль над территорией Королевства Бурунди переходит к бельгийцам, в результате чего Бурунди входит в подконтрольное Бельгии образование «Руанда – Урунди».

Как же колониализм повлиял на систему социальных конструктов в Бурунди? Чтобы всесторонне разобраться в этом вопросе, необходимо рассмотреть контекст, в котором происходила колонизация Бурунди. Конец XIX – начало XX вв. являлись периодом активного становления и развития в западной цивилизации т.н. «научного расизма», то есть теорий, использовавшихся для оправдания белого европейского империализма.

Именно в этом контексте представители немецкой, а позднее и бельгийской колониальных администраций, равно как и европейские католические миссионеры, столкнулись с существовавшей в доколониальный период системой социальной идентификации в Бурунди, отличной от европейских реалий.

Подробно остановимся на каждом пункте.

1. Индивидуальная идентификация – универсальна, встречается повсеместно; не пострадала в результате колонизации.

2. Узкая нуклеарная семья – является базовой ячейкой практически любого общества, необходимой для его воспроизведения; в результате колонизации не пострадала.

3. Семья в расширенном понимании – также универсальное понятие; в результате колонизации не пострадало.

Основной «удар» колониальных властей пришелся по 4 и 5 элементам идентификации: по концептам «клана» и «категории».

Европа конца XIX – начала XX вв. представляла собой государства, во многом построенные (не беря в расчет колонии) на концепте национального государства и разделявшие в большинстве своем теорию превосходства рас. При этом в Европе не существовало таких понятий, как клан и «категория», которые существовали в Бурунди. В этой связи изначально пришедшие на африканский континент европейские миссионеры и колонизаторы не поняли концепты клана и социальной категории, в результате чего значение клановой идентичности существенно снизилось, то с социальными категориями произошли более трагические преобразования.

Как было отмечено ранее, в доколониальный период социальные категории обозначали принадлежность человека к одной из подотраслей сельского хозяйства: земледелию или скотоводству, то есть по сути являлись переменными категориями, которые человек мог поменять по аналогии с профессией. Однако сознательно или нет, но данный концепт идентичности был некорректно истолкован немецкой колониальной администрацией. По представлению немцев, категория «тутси»/«хуту» имела не только социальный, но и национальный, расовый окрас. Обоснование этой теории заключалось в мнимом отличии внешности хуту и тутси. По представлению немцев, тутси являлись более высокими и якобы имели более «европейские» черты лица, в то время как хуту-де были меньшего роста и имели более «африканские» черты лица, при этом отличаясь и якобы более низким уровнем развития.

В этой связи в 1889 г. немецкая администрация проводит первичную перепись населения Бурунди [4], административно разделяя населения на те семьи, где было более 10 коров, и тех, кто имел менее 10 коров. Первые, соответственно, получили наименование тутси, а вторые – хуту. По этой переписи 84% стали составлять хуту, 14% – тутси, а остальные – пигмеи тва, жившие изолированно. Параллельно проводилась политика дискриминации в отношении хуту по признаку их якобы меньшей схожести с европейцами (в сравнении с тутси), которая имела место в таких сферах, как трудоустройство, образование и здравоохранение.

Данное решение колониальных властей принципиальным образом изменило суть и значение этого концепта, преобразовав его из «профессионального» в «кастовое», причем подавляющее большинство населения, согласно этой системе классификации, попало в «низшую» касту. Кроме того, колониальные власти были заинтересованы в усилении собственного влияния и ослаблении единства и сопротивления со стороны местного населения, а потому элементы этой дискримина-

ционной и разобщающей политики проводились целенаправленно.

После окончания Первой мировой войны контроль над территорией, как было сказано ранее, переходит к бельгийцам, которые, впрочем, продолжили прежнюю политику разобщения, к тому времени уже значительно укоренившуюся в обществе, в том числе и за счет заинтересованности самих тутси в занятии более привилегированного положения.

В 1920–1930-е гг. бельгийские колониальные власти продолжили политику усиления дискриминации: разрыв в доступе к образованию, здравоохранению и работе между тутси и хуту возрастал, а фактор крещения (христианизации), преимущественным правом на которое обладали тутси, играл дополнительную разделительную роль.

В эти годы в Бурунди бельгийцы инициируют выдачу населению идентификационных карточек, одной из граф в которых был раздел об этнической принадлежности. В документе при этом указывалась не общегражданская принадлежность человека (бурундиец), а псевдоэтническая (хуту или тутси). В результате колониальной политики система коллективной идентификации населения Бурунди претерпела коренной слом в трех аспектах. Во-первых, понятие клана потеряло существенную часть своего значения и важности. Во-вторых, концепт социальной категории был преобразован в псевдоэтническую принадлежность, что сопровождалось введением комплексных дискриминационных мер в отношении подавляющего большинства населения с намеренным приближением к колониальной власти зависимого от нее подавляющего меньшинства. Наконец, слом понятий хуту/тутси и разделение в результате этого общества на враждующие группы привел к полной утрате населением чувства общегражданского единения и принадлежности к одной группе – бурундийцы.

Идентификация в Бурунди в постколониальный период

1 июля 1962 г. Бурунди обрела независимость. Хотя к этому моменту у власти находилась партия «УПРОНА» («Союз за национальный прогресс») под руководством премьер-министра Луи Рвагасоре, политика которого была направлена на национальное примирение и объединение нации, его скорое убийство [5] привело к трансформации политики партии. Ведущую роль в правящей партии заняли тутси, которые уже без колониальных властей продолжили политику дискриминации в отношении хуту, приведшую к 1972 г. к массовым убийствам хуту и сочувствовавших им тутси (по различным оценкам, погибло от 80 до 210 тысяч человек) [6].

В последующие годы системная дискриминация в сфере образования, здравоохранения и тру-

доустройства сохранялась, в результате чего росло и социально-экономическое разделение между более состоятельными тутси и лишенными доступа ко многим благам хуту.

Таким образом, в 1962–1985 гг. в Бурунди как независимом государстве фактически не существовало единого общества и нации. Основу групповой самоидентификации по-прежнему составляли псевдоэтнические понятия хуту и тутси при глубокой взаимной ненависти этих групп и полном отрицании общегосударственной идентичности «бурундийцы».

Вместе с тем, за прошедший практически век с момента возникновения превратного значения концептов хуту и тутси эти понятия настолько укоренились в сознании бурундийцев, что, говоря даже с образованными представителями народа, настроенными на общегражданское объединение, едва ли можно ожидать ухода этих концептов в прошлое. Хотя сегодня они не несут дискриминационный характер и не являются причинами убийств и преследований, они глубоко укрепились в сознании нации, а потому в будущем вновь могут стать причиной новых витков насилия, представляя собой на сегодняшний день мину замедленного действия.

Литература

1. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: // Пер. с англ. Общ. ред. и предисл. Толстых А.В. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество: // М.: Издательство «Логос», 2005.
3. P. Ntahombaye. Ethnicité et Citoyenneté au Burundi: // The African Anthropologist, vol. 12. № 1.
4. A. Nsengimana. Abolition du système clanique au Burundi, par les allemands. – URL: <https://www.souffle-et-chemins.fr/2008/10/temoignage-daugustin-n/>
5. Le Premier Ministre du Burundi Est Assassiné. Le Monde. – URL: https://web.archive.org/web/20210113015805/https://www.lemonde.fr/archives/article/1961/10/16/le-premier-ministre-du-burundi-est-assassine_2270799_1819218.html
6. Death Tolls for the Major Wars and Atrocities of the Twentieth Century. Rwanda and Burundi. – URL: <https://web.archive.org/web/20070609095015/http://users.erols.com/mwhite28/warstat2.htm#Rwanda>
7. L'assassinat de Melchior Ndadaye, un « cold case » encore vivace au Burundi. C. Braeckman: // Afrique XXI. – URL: <https://afriquexxi.info/L-assassinat-du-Melchior-Ndadaye-un-cold-case-encore-vivace-au-Burundi>
8. United States Institute of Peace. International Commission of Inquiry for Burundi: Final Report. – URL: <https://web.archive.org/web/20090716020747/http://www.usip.org/files/file/resources/collections/commissions/Burundi-Report.pdf>
9. Discours de Son Excellence le Président Evariste Ndayishimiye à l'occasion du 61ème Anniversaire de l'Indépendance du Burundi, le 1–7–2023. URL: <https://www.presidence.gov.bi/wp-content/uploads/2023/07/TRADUCTION-DISCOURS-1ER-JUILLET-du-10-7-2023.pdf>
10. Алебастрова А.А. Антонимические концепты «Чужой – Другой» в феноменологическом проекте Э. Гуссерля // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2012. № 2 (31). С. 227–232. С. 227.
11. Ремезова И.А. П. Романова, Е.В. Хлыщева, С.Н. Якушенков, М.С. Топчиев. Чужой и культурная безопасность // Вестник культурологии. 2014, № 4 (71). С. 7–27. С. 8.
12. Морозова Е.В. Дегуманизация как технология формирования образа Другого/ Чужого в политике // Среднерусский вестник общественных наук. 2015, том 10, № 6. С. 121–128. С. 122.
13. Киричек Ю.А. Дискурс «Другого»: от философских традиций к теории идентичности // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2013, том 13, выпуск 4. С. 42–53. С. 42.
14. Игошева М.А. Конфликтогенность этнической идентичности в условиях современных геополитических процессов // В сборнике: Теоретический и практический потенциал современной науки. Сборник научных статей. Москва, 2020. С. 165–172. С. 167.
15. Романова А. П., Хлыщева Е.В., Якушенков С.Н., Топчиев М.С. Чужой и культурная безопасность. М.: РОССПЭН, 2013. 215 с. С. 8.
16. Жирар Рене. Козёл отпущения. Изд. 2-е, испр./ Пер. с фр. Г. Дашевского; Предисл. А. Эткинда. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2023. – 336 с. С. 71.
17. Бондаренко Д.М. Нациестроительство и этничность в постколониальных государствах Азии и Африки // Сибирские исторические исследования. 2025. № 2. С. 8–23. С. 12.
18. Рудась Т.П., Морозова О.С. Исторический и социально-политический контекст событий в Руанде 1994 г. Каспийский регион: политика, экономика, культура. № 4 (81). 2024. С. 152–160.
19. Косухин Н.Д. Этнополитические конфликты в Африке: история и типология. Часть I // Вестник РУДН, серия Политология. 2011, № 1. С. 48–58.
20. Рандах М. Конфликты идентичности или этнополитические конфликты в Африке // Этнополитическая автономия и сепаратизм: российское и мировое измерение. Коллективная монография. Сер. «Труды научной школы проф.

Н.П. Медведева» Москва, 2019. С. 124–133. С. 126.

21. Мусабимана С. Формирование интолерантной установки в процессе развития межэтнических конфликтов (на примере Руанды) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006. № S17. С. 33–37. С. 34.
22. Абдалвахид Мохаммед М.Х. Политизация этнических и племенных компонентов в Судане // Гуманитарные науки. 2023, № 13 (2). С. 117–120. С. 118.

DISCUSSION ON THE FORMATION OF HUTU AND TUTSI "ETHNICITY": THE PROBLEM STATEMENT

Khatagova I.Yu., Sycheva E.S.

Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Research on the history and culture of the African continent has been attracting growing attention given the ongoing Africa's development and the reinforcement of its ties with Russia. The aim of this article is to explore the evolution of the concept of "identity" as applied to the historical development of Burundi during the pre-colonial, colonial, and postcolonial periods. To achieve this objective, the following tasks were undertaken: 1) to define the concept of identity in its broad theoretical sense; 2) to identify the "original" (pre-colonial) levels of identity that existed within Burundian society; 3) to trace the evolution of different layers of identity in the context of colonial and postcolonial transformations.

In addition, the first part of the article is dedicated to attempting to explore the 'us-versus-them' dichotomy and the formation of pseudo-ethnicity based on it. The article also attempts to trace how this problem was formed and how attitudes towards it changed in European and non-European philosophical discourse.

The key finding of the study is the identification of the evolution of three central types of identity: clan affiliation, social categorization, and citizenship.

Keywords: identity, Burundi, colonialism, Africa.

References

1. Erikson, E. Identity: Youth and Crisis. Translated from English. General editor and foreword by A.V. Tolstykh. Moscow: Progress Publishing Group, 1996.
2. Bauman, Z. Individualized Society. Moscow: Logos Publishing House, 2005.
3. P. Ntahombaye. Ethnicity and Citoyenneté of Burundi. The African Anthropologist, vol. 12, № 1.
4. A. Nsengimana. Abolition of the Burundi system, par les allemands. – URL: <https://www.souffle-et-chemins.fr/2008/10/temoignage-daugustin-n/>
5. Le Premier Ministre du Burundi Est Assassiné. Le Monde. – URL: https://web.archive.org/web/20210113015805/https://www.lemonde.fr/archives/article/1961/10/16/le-premier-ministre-du-burundi-est-assassine_2270799_1819218.html
6. Death Tolls for the Major Wars and Atrocities of the Twentieth Century. Rwanda and Burundi. – URL: <https://web.archive.org/web/20070609095015/http://users.erols.com/mwhite28/war-stat2.htm#Rwanda>
7. L'assassinat de Melchior Ndadaye, un "cold case" encore vivace au Burundi. C. Braeckman. // Afrique XXI. – URL: <https://africquexxi.info/L-assassinat-du-Melchior-Ndadaye-un-cold-case-encore-vivace-au-Burundi>
8. United States Institute of Peace. International Commission of Inquiry for Burundi: Final Report. – URL: <https://web.archive.org/web/20090716020747/http://www.usip.org/files/file/resources/collections/commissions/Burundi-Report.pdf>
9. Discours de Son Excellence le Président Evariste Ndayishimiye à l'occasion du 61ème Anniversaire de l'Indépendance du Burundi, le 1–7–2023. – URL: <https://www.presidence.gov.bi/wp-content/uploads/2023/07/TRADUCTION-DISOURS-1ER-JUILLET-du-10-7-2023.pdf>
10. Alebastrova A.A. Antonymic concepts "Alien – Other" in the phenomenological project of E. Husserl // Bulletin of the Volga Region Academy of Public Administration. 2012. № 2 (31). P. 227–232. P. 227.
11. Remezova I.A. P. Romanova, E.V. Khlyshcheva, S.N. Yakushenkov, M.S. Topchiev. Alien and cultural security // Bulletin of Cultural Studies. 2014, № 4 (71). P. 7–27. P. 8.
12. Morozova E.V. Dehumanization as a Technology of Forming the Image of the Other/Alien in Politics // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2015, Vol. 10, № 6. pp. 121–128. pp. 122.
13. Kirichek Yu.A. Discourse of the "Other": from Philosophical Traditions to the Theory of Identity // Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2013, Vol. 13, Issue 4. pp. 42–53. pp. 42.
14. Igoshcheva M.A. Conflictogenicity of Ethnic Identity in the Context of Modern Geopolitical Processes // In the collection: Theoretical and Practical Potential of Modern Science. Collection of Scientific Articles. Moscow, 2020. pp. 165–172. P. 167.
15. Romanova A. P., Khlyshcheva E.V., Yakushenkov S.N., Topchiev M.S. The Outsider and Cultural Security. Moscow: ROSSPEN, 2013. 215 p. P. 8.
16. Girard, René. The Scapegoat. 2nd ed., corrected / Translated from French by G. Dashevsky; Preface by A. Etkind. – St. Petersburg: Ivan Limbakh Publishing House, 2023. – 336 p. P. 71.
17. Bondarenko, D.M. Nation-Building and Ethnicity in Postcolonial States of Asia and Africa // Siberian Historical Research. 2025. № 2. Pp. 8–23 Pp. 12.
18. Rudas T.P., Morozova O.S. Historical and socio-political context of the events in Rwanda in 1994. The Caspian region: politics, economics, culture. № 4 (81). 2024. Pp. 152–160.
19. Kosukhin N.D. Ethnopolitical conflicts in Africa: history and typology. Part I // RUDN Bulletin, Political Science series. 2011, № 1. Pp. 48–58.
20. Randah M. Identity conflicts or ethnopolitical conflicts in Africa // Ethnopolitical autonomy and separatism: Russian and global dimensions. Collective monograph. Series: "Works of the scientific school of prof. N.P. Medvedev" Moscow, 2019. Pp. 124–133. Pp. 126.
21. Musabyimana S. Formation of an intolerant attitude in the process of development of interethnic conflicts (on the example of Rwanda) // News of higher educational institutions. North Caucasus region. Social sciences. 2006. № S17. Pp. 33–37. Pp. 34.
22. Abdalwahid Mohammed M. Kh. Politicization of ethnic and tribal components in Sudan // Humanitarian sciences. 2023, № 13 (2). Pp. 117–120. Pp. 118.

Загробный мир в «Ляо Чжай чжи и»: новое осмысление в свете теории хронотопа М.М. Бахтина

Цзи Нань,

магистр, Хэйлунцзянский университет, Китай
E-mail: 3081336170@qq.com

Статья посвящена комплексному анализу художественной репрезентации загробного мира в сборнике новелл Пу Сунлина «Ляо Чжай чжи и» сквозь призму теории хронотопа М.М. Бахтина. Доказывается, что потусторонний мир у Пу Сунлина представляет собой не статичный фон, а сложный пространственно-временной континуум, где время и пространство, находясь в органическом единстве, образуют динамическую модель. Исследуется, как специфическая организация этого хронотопа взаимопроницаемость границ, относительность темпоральности, наличие символических порогов служит не только эстетическим целям, но и становится мощным инструментом социальной сатиры и философской рефлексии. Автор приходит к выводу, что загробный хронотоп в «Ляо Чжай чжи и» функционирует как критическое зеркало реальности, обнажая пороки феодального общества и воплощая компенсаторный идеал справедливости, тем самым формируя целостный художественный универсум.

Ключевые слова: «Ляо Чжай чжи и», Пу Сунлин, М.М. Бахтин, загробный мир, китайская классическая литература, социальная критика.

Введение

Сборник новелл Пу Сунлина «Ляо Чжай чжи и» является не только вершиной китайской классической литературы, но и неиссякаемым источником для филологических и культурологических исследований. Одной из центральных и художественно своеобразных категорий в его творчестве выступает образ загробного мира, который, выходя за рамки традиционных религиозно-мифологических представлений, приобретает сложное многогранное воплощение. Научная новизна данного исследования заключается в комплексном анализе художественной репрезентации потустороннего мира в «Ляо Чжай чжи и» сквозь призму теории хронотопа, разработанной М.М. Бахтиным. Актуальность работы обусловлена необходимостью применения современных литературоведческих концепций для интерпретации классических текстов, что позволяет раскрыть новые смысловые пласты и художественные закономерности.

Целью статьи является выявление специфики пространственно-временной организации загробного мира у Пу Сунлина и демонстрация того, как хронотоп становится ключевым инструментом для выражения социальной критики и философских размышлений автора. Для достижения этой цели в работе решаются следующие задачи: анализируется структура потустороннего пространства и его связь с миром живых; исследуются особенности темпоральности в мире духов; рассматривается нормативно-ценностная система загробного царства как отражение и инверсия земных социальных порядков.

Методологической основой исследования служит теория хронотопа М.М. Бахтина, которая позволяет рассматривать время и пространство в их неразрывном единстве как смыслопорождающую категорию. В статье доказывается, что загробный хронотоп у Пу Сунлина это не статичный фон, а динамическая модель, где время и пространство взаимодействуют, создавая сложную систему взаимоотношений между реальным и потусторонним, служащую целям социальной сатиры и нравственно-философских исканий. Результаты исследования вносят вклад в понимание поэтики «Ляо Чжай чжи и» и раскрывают механизмы, с помощью которых литературный текст становится формой диалога с действительностью и средством конструирования альтернативной художественной реальности.

Конструирование потустороннего мира в «Ляо Чжай чжи и»

В пространственной организации потустороннего мира, изображенного в сборнике Пу Сунлина «Ляо Чжай чжи и» (《聊斋志异》), проявляется своеобразное сочетание традиции и художественного новаторства. С одной стороны, автор сохраняет черты, характерные для традиционных представлений о мире мертвых: холод, сырость, мрак, безмолвие; с другой стороны, он наделяет этот мир новыми, оригинальными пространственными признаками, обогащая традиционную модель элементами реализма и фантастического воображения.

В произведении потусторонний мир не выступает как единое, жестко очерченное пространство. Напротив, он складывается из множества разнородных зон, каждая из которых обладает собственной атмосферой и функцией. Так, в новелле «У Цююэ» («伍秋月») Ван Дин задает вопрос: «Есть ли в мире мертвых города и стены?», на что Цююэ отвечает: «Примерно так же». Эта реплика указывает на наличие в загробном мире социальной и пространственной структуры, аналогичной земной. В иных текстах описываются дворцы, улицы, деревни и иные ландшафтные элементы, что придает загробному пространству материальную ощутимость и внутреннюю правдоподобность. Подобное пространственное построение опирается, с одной стороны, на народные представления о «Царстве Теней» и «Подземном суде» («инь-сы», «дифу»), а с другой – на поэтику жанра чжигуай, где традиционно используются мотивы «заброшенной кельи», «древней гробницы» и прочие топосы чудесного. Тем самым Пу Сунлин демонстрирует глубокое усвоение народной мифологической традиции и ее художественное переосмысление в рамках литературного повествования.

Принципиально важно, что мир духов у Пу Сунлина не изолирован от мира живых: между ними существуют условные переходы и каналы общения. Через эти «пограничные пространства» души умерших могут временно возвращаться в земной мир, взаимодействуя с людьми. Так, в новелле «Водяное растение» («水莽草») дух жены Коу Саньнян вместе с живым мужем Чжу шэном заботится о престарелой матери, а в рассказе «Гунсун Цзюню» («公孙九娘») дух покойного Чжу шэна обращается к живому человеку с просьбой стать посредником в свадьбе. Эти эпизоды подчеркивают двустороннюю проницаемость границы между мирами и особое понимание автором взаимодействия живого и мертвого.

Во временной организации потустороннего мира Пу Сунлин также предлагает оригинальное художественное решение. Время в мире духов не подчиняется линейной хронологии земного существования; оно характеризуется относительностью и автономностью [1]. Данная концепция вос-

ходит к традиционным народным представлениям типа «один день на небе – год на земле» и отражает типичное для китайской чудесной прозы восприятие времени как текучей и изменчивой субстанции.

С одной стороны, в ряде новелл время в потустороннем мире течет синхронно с земным. Так, в «Не Сяоцянь» («聂小倩») дух девушки действует строго по законам человеческого времени: ночь становится временем ее активности, тогда как рассвет знаменует необходимость исчезновения. Подобная зависимость подчеркивает сохранение земного порядка даже в сверхъестественном пространстве. С другой стороны, Пу Сунлин нередко использует мотив временного рассогласования между двумя мирами. В рассказе «Си Фанпин» («席方平») герой, отправившийся в подземный суд для отмщения за отца, переживает в мире мертвых череду событий, растянутых, по его ощущению, на десятилетия, тогда как в мире живых проходит лишь несколько месяцев [2]. Напротив, в новелле «Кожаное лицо» («画皮») время потустороннего мира течет столь быстро, что пребывание души Вана там кажется мгновением, в то время как его жена Чэнь на земле проходит через долгие годы страданий, испытаний и борьбы, чтобы вернуть мужа к жизни.

Такая временная асимметрия и расслоение хронотопа усиливают эффект фантастического, создают атмосферу таинственности и одновременно выражают философские размышления автора о природе времени, его субъективности и относительности. В результате потусторонний мир в «Ляо Чжай чжи и» предстает не просто пространством загробного существования, а сложной художественной моделью, отражающей мироощущение и эстетическое мышление позднего китайского классицизма.

Нормативный порядок потустороннего мира

В аспекте социальных и этикетных норм потусторонний мир в «Ляо Чжай чжи и» (《聊斋志异》) предстает как пространство, наделенное собственной системой правил и обрядов. Несмотря на его фантастическую природу, в нем действуют законы, аналогичные человеческому обществу: соблюдается иерархия, различие между старшими и младшими, почитание старших и уважение к установленным традициям. Эти нормы не являются изобретением самого Пу Сунлина, а представляют собой своеобразную «трансформацию» конфуцианской ритуальной культуры в ином, загробном измерении. Таким образом, в фантастическом мире продолжают существовать и переосмысливаться традиционные социальные структуры, характерные для феодального Китая.

Так, в рассказе «Водяное растение» («水莽草») Чжу шэн и его призрачная жена Коу Саньнян про-

являют сыновнюю почтительность, совместно заботясь о пожилой матери героя, что отражает идеалы конфуцианской добродетели сяо (孝) сыновнего благочестия. В новелле «Гунсун Цзюню» («公孫九娘») дух Чжу шэна прибывает в мир живых, чтобы попросить Лайян шэна выступить посредником в заключении брака, строго следуя земным свадебным обычаям. Подобные эпизоды демонстрируют, что даже в потустороннем мире социальные отношения и этикет остаются действенными. Кроме того, в подземном мире существуют специфические обряды и ритуалы жертвоприношения, поминальные церемонии, обряды освобождения душ (чаоду 超度) и другие формы духовного почитания. Эти ритуалы служат не только выражением памяти и скорби по умершим, но и отражением веры людей в круговорот жизни и смерти, кармическую причинность и воздаяние. Описывая подобные сцены, автор формирует у читателя ощущение внутренней закономерности и упорядоченности загробного мира, усиливая его художественную достоверность и символическую убедительность.

Что касается нравственно-этических принципов, то и здесь загробный мир у Пу Сунлина подчинен строгим моральным законам. Одним из фундаментальных является принцип воздаяния за добро и зло (шань э ю бао 善惡有報). Эта идея, укорененная в буддийском учении о карме и перерождении, в творчестве Пу Сунлина получает гуманистическую интерпретацию: она выражает критику морального разложения реального общества и компенсаторную мечту о восстановлении справедливости. В подземном мире злодеи получают заслуженное наказание, а добродетельные и честные души вознаграждение и защиту. Так, в новелле «Девушка Мэй» («梅女») героиня, ставшая духом на шестнадцать лет, сохраняет чистоту и справедливость, защищает добро и борется с пороком, тем самым утверждая нравственный идеал [3]. В итоге она получает заслуженное вознаграждение, восстанавливая свое достоинство. В рассказе «Си Фанпин» («席方平») изображена коррупция в подземной бюрократии, удивительно схожая с земной. Однако герой, столкнувшись с несправедливостью, не пасует: он неоднократно подает жалобы, добивается пересмотра решений и в конце концов получает справедливое суждение. Напротив, души, проявившие при жизни жадность, жестокость или зло, подвергаются в загробном мире суровым наказаниям их низвергают в ад, подвергают пыткам и вечным страданиям.

Таким образом, принцип воздаяния за добро и зло отражает не только религиозно-нравственные представления эпохи, но и авторскую позицию стремление к моральному равновесию и социальной справедливости. Через описания потустороннего суда Пу Сунлин не только утверждает ценность нравственности и гуманности, но и осуществляет скрытую критику реаль-

ной действительности, где зло остается безнаказанным. Загробный мир в этом смысле становится метафорой справедливого устройства, которого лишен мир живых.

Мир загробного царства и теория «хронотопа» М.М. Бахтина

В своей работе «Формы времени и хронотопа в романе» Михаил Бахтин писал: «Здесь время сжимается, становится видимым; пространство же напряжено, втянуто в движение времени, сюжета, истории. Знаки времени проявляются в пространстве, а пространство осмысливается и измеряется через время». Теория хронотопа Бахтина подчеркивает органическое единство времени и пространства в художественном выражении, а также глубокий смысл их взаимосвязи в разных мирах. Иными словами, хронотоп в литературе представляет собой триединую художественную категорию «время-пространство-ценность». Подобные формы пространственно-временной организации можно наблюдать в таких произведениях русской литературы, как «Дворянское гнездо» И.С. Тургенева или «Война и мир» Л.Н. Толстого, где хронотоп выступает конструктивным принципом построения художественного мира.

В «Ляо Чжай чжи и» загробный мир и реальный мир не существуют как два изолированных пространства. Между ними пролегают сложные временные и ценностные каналы, обеспечивающие взаимопроникновение и взаимодействие, что создает единый нарративный универсум. Такая художественная структура свидетельствует не только о высоком мастерстве Пу Сунлина в изображении пространственно-временных связей, но и о его глубокой социальной критике и идеалистическом стремлении к гармоническому, справедливому миру.

В повествовательной системе «Ляо Чжай чжи и» между загробным и земным мирами существует сложная сеть пространственно-временных связей, разрушающая абсолютную границу между «миром живых» и «миром мертвых». Это создает особую художественную атмосферу одновременно фантастическую и правдоподобную, что вполне соответствует бахтинскому представлению об органическом единстве времени и пространства.

Ход времени в мире духов сочетает в себе синхронность и расхождение с человеческим временем. С одной стороны, время загробного мира может совпадать с земным, как, например, в рассказе «Не Сяоцян», где призрак девушки подчиняется ритму человеческих суток «приходит в полночь, исчезает с рассветом». Ее существование строго соотносено с земной темпоральностью, что отражает, по Бахтину, общие временные законы, объединяющие разные миры в определенной смысловой плоскости. С другой стороны, загробное время

отличается крайней эластичностью и относительностью: «дни в мире духов могут равняться годам человеческим» или, наоборот, «мгновение в мире живых целая вечность в загробном царстве». В рассказе «Цзя Фэнчжи» герой, пребывая в духовном пространстве, ощущает, что прошло лишь несколько мгновений, тогда как на земле минули многие годы. Это демонстрирует феномен временной растяжимости, соотносимый с бахтинским понятием индивидуального ритма хронотопа [4]. Аналогично, в рассказе «Лянь Чэн» герой спускается в подземный мир, чтобы вернуть душу своей возлюбленной, и должен завершить путешествие прежде, чем тело девушки начнет разлагаться. Таким образом, «один отрезок времени» в ином мире совпадает с «критическим моментом» в человеческой реальности. Их синхронизация становится условием спасения души и телесного воскресения. Это сложное переплетение времен не только усиливает фантастический эффект повествования, но и отражает философское осмысление Пу Сунлином относительности времени аналогично тому, как Бахтин рассматривал хронотоп как способ художественного выражения временной многоплотности.

Между реальностью и загробным миром в «Ляо Чжай чжи и» пролегают разнообразные пространственные проходы, позволяющие персонажам свободно перемещаться и вступать в коммуникацию. Эти каналы обладают не только физическим, но и символическим, психологическим значением как пороги перехода, зоны соприкосновения разных миров. Такое понимание пространства вполне созвучно бахтинскому принципу хронотопа, в котором пространство становится посредником между различными уровнями бытия.

Загробный мир в произведениях Пу Сунлина одновременно наследует ценностные иерархии земного общества и предлагает их обратное, компенсаторное отражение. Эта диалектика прямого и инверсивного соответствия отвечает бахтинской концепции взаимодействия различных систем ценностей. В рассказе «Каобисы» перед входом в загробное учреждение высечены слова «сыновья почтительность, братская любовь, верность, доверие, приличие, справедливость, честность, стыд» основные конфуцианские добродетели, указывающие на преимущество морального порядка [5]. Однако само учреждение призвано карать чиновников, совершивших экзаменационные махинации, что становится сатирическим отражением и исправлением реальных социальных несправедливостей. Если в земной жизни коррупция и несправедливость остаются безнаказанными, то в загробном мире справедливость торжествует. Аналогично, в рассказе «Си Фанпин» изображена бюрократия подземного царства, подобная земной, однако главный герой, проходя все уровни апелляции, добивается справедливого ре-

шения, невозможного при жизни. Загробный мир таким образом выполняет функцию компенсаторного пространства, где восстанавливается нравственный баланс.

Такое соотношение преемственности и инверсии ценностных систем делает загробное царство в «Ляо Чжай чжи и» не только продолжением, но и критическим отражением реального мира. В этом сложном пространственно-временном строе проявляется бахтинский принцип хронотопа, где взаимодействие разных миров и их ценностных систем формирует единый художественный универсум.

Загробный мир как критическое зеркало реальности: социальное отражение в свете бахтинского «хронотопа»

Создавая хронотоп загробного мира, Пу Сунлин преследовал не только эстетическую цель повествования и художественного фантазирования, но и глубоко социальную задачу обнажить и осудить пороки действительного мира. В его произведениях загробное пространство выступает как своеобразное «зеркало» реальности, где посредством фантастических образов раскрываются язвы общества: коррупция чиновников, несправедливость экзаменационной системы и моральное разложение бюрократии. Такой подход соответствует бахтинскому пониманию художественного произведения как формы отражения и критики социальной действительности.

Личная судьба Пу Сунлина двадцать четыре неудачных попытки на провинциальных экзаменах глубоко определила его отношение к системе государственных испытаний. Его собственный «разбитый экзаменационный сон» стал источником художественного переосмысления и символической компенсации. В «Ляо Чжай чжи и» автор создает в загробном хронотопе иную, справедливую модель экзамена как воплощение своего нравственного идеала. Так, в рассказе «Ко чэн-хуан» герой Сун Тао по воле судьбы становится участником экзамена в потустороннем мире. Отбор здесь строится не на литературных талантах и риторике, а на добродетели и сыновней почтительности критериях, которые Пу Сунлин считает подлинной основой государственной службы [6]. Тем самым автор выражает мысль, что истинная ценность чиновника заключается не в красноречии и стилистическом мастерстве, а в моральной чистоте и искренности. В противоположность этому, реальный экзамен в Китае XVII века был основан на формализме и поверхностном следовании традиционным клише, что приводило к нравственной деградации элиты. В рассказе «Юй Цюйэ» подчеркивается, что даже экзаменаторы загробного мира ежегодно проходят проверку у божества Вэньчан Дицзюня, дабы исключить возмож-

ность взяточничества. Эта деталь отражает мечту Пу Сунлина о честной, неподкупной экзаменационной системе. В реальности же взяточничество и коррупция в сфере экзаменов были широко распространены, и автор, противопоставляя «чистоту» потустороннего суда гнилости земной системы, создает утопическую модель морально справедливого отбора.

В хронотопе загробного мира бюрократическая система становится прямой аллегорией китайского государственного аппарата. Изображая чиновников потустороннего царства, Пу Сунлин сатирически воспроизводит модели поведения, характерные для земных властей: злоупотребление властью, взяточничество, произвол и равнодушие. В рассказе «Си Фанпин» бюрократическая структура загробного мира во многом повторяет земную, но предстает в еще более обнаженной и абсурдной форме. Герой, стремясь добиться справедливости, сталкивается с произволом всех уровней власти: градоначальник, получив взятку от его противника, приказывает пытать Фанпина; уездный судья бездействует; сам царь мертвых проявляет тираническое своеволие. Эти сцены откровенно сатиричны и служат зеркальным отражением судебной коррупции позднефеодального Китая. В рассказе «Каобисы» царь духов с прозвищем «Пустобрюхий» требует от экзаменующихся принести в жертву собственное мясо, что становится яркой метафорой взяточничества и морального вампиризма чиновников. Этот гротескный образ указывает на чудовищную зависимость человека от продажного аппарата, где успех возможен лишь ценой унижения и самопожертвования. Таким образом, потусторонний мир у Пу Сунлина не утешительное пространство фантазии, а острое сатирическое зеркало реального общества.

Загробный хронотоп у Пу Сунлина не только социальная сатира, но и пространство философского осмысления человеческой природы. В ситуациях взаимодействия между людьми и духами, живыми и мертвыми, автор исследует внутренние конфликты личности борьбу добра и зла, искушение, сострадание и нравственный выбор.

В знаменитом рассказе «Не Сяоцзянь» призрак девушки, первоначально подвластный демонической воле, проходит путь нравственного очищения под влиянием честного и добродетельного ученого Нин Цайчэня. Этот сюжет, выходящий за пределы жанровой фантастики, становится символом духовного возрождения и победы добра над злом. В противоположность этому, рассказ «Хуапи» разоблачает лицемерие и лживость внешнего блеска: демон, облаченный в прекрасную оболочку, скрывает внутри уродливую, кровожадную сущность. Этот образ аллегорически выражает двойственность человеческой природы, предостерегая от соблазна поверхностной красоты и иллюзий.

Таким образом, хронотоп загробного мира в «Ляо Чжай чжи и» служит не только художественным пространством, но и универсальным инструментом познания общества и человека. В духе бахтинской теории хронотопа Пу Сунлин создает художественный универсум, где пересекаются социальная критика, философская рефлексия и нравственная проблематика, образуя сложную систему смыслов, выходящую далеко за пределы жанра фантастического рассказа.

Заключение

Проведенное исследование художественной репрезентации загробного мира в сборнике «Ляо Чжай чжи и» через призму теории хронотопа М.М. Бахтина позволяет сделать ряд основополагающих выводов. Было установлено, что потусторонний мир у Пу Сунлина представляет собой не статичный и единообразный локус, а сложную, динамичную и внутренне противоречивую художественную модель. Ее пространственно-временная организация, характеризующаяся взаимопроникновением зон, относительностью темпоральности и наличием символических порогов-переходов, образует целостный хронотоп, органично связывающий мир живых и мир мертвых в единый нарративный универсум.

Центральным результатом работы является демонстрация того, что загробный хронотоп выполняет у Пу Сунлина не только эстетическую, но и критико-философскую функцию. С одной стороны, он наследует и творчески перерабатывает традиционные китайские религиозно-мифологические представления, а с другой становится мощным инструментом социальной сатиры и этической рефлексии. Анализ показал, что система ценностей потустороннего царства, основанная на конфуцианских добродетелях и буддийском принципе воздаяния, выступает одновременно как прямое продолжение, и как компенсаторная инверсия несправедливых земных порядков. Именно в этом «зеркальном» измерении восстанавливается нарушенная в реальном мире социальная и моральная справедливость, обнажаются пороки бюрократической системы и экзаменационной практики.

Таким образом, теоретическая значимость исследования заключается в успешном применении категории бахтинского хронотопа для раскрытия идиостиля Пу Сунлина и специфики китайской чудесной прозы. Практическая ценность работы состоит в углубленном понимании механизмов, с помощью которых литературный текст становится формой диалога с эпохой, средством конструирования альтернативной реальности и выражения гуманистического идеала. Перспективы дальнейших исследований видятся в сравнительном анализе хронотопа «Ляо Чжай чжи и» с другими па-

мятниками мировой литературы, где фантастическое служит целям социального критицизма.

Литература

1. Чжан Л.Я. Плюралистические традиции, экзистенциальные события и интерсубъективность: обзор ранних философских размышлений Бахтина // Журнал Столичного педагогического университета (издание по социальным наукам). 2025. № 4. С. 148–156.
2. Цзян Б. Исследование образа «клоуна» в классических китайских рассказах с точки зрения гротескных клоунов Бахтина – на примере некоторых произведений из «Странных историй из китайской студии» // Мудань. 2025. № 14. С. 10–12.
3. Лю Ш. К., Гуань И. Взгляд Бахтина на литературное равенство и его этическая ценность // Журнал Ляонинского педагогического университета (издание по социальным наукам). 2025. Т. 48, № 2. С. 32–38.
4. Чжу Я.Х. Интерпретация «Евгения Онегина» с точки зрения теории времени и пространства Бахтина // Журнал Харбинского политехнического института. 2025. Т. 46, № 2. С. 73–76.
5. Фань Н.В. Развитие современной «формы времени» с точки зрения теории романа Бахтина // Русская литература и искусство. 2020. № 2. С. 131–138.
6. Линь Ц.Х. Бахтин: набросок современного образа // Журнал Столичного педагогического университета (издание по социальным наукам). 2025. № 4. С. 130–138.

THE AFTERLIFE IN LIAO ZHAI ZHI YI: A NEW UNDERSTANDING IN LIGHT OF M.M. BAKHTIN'S CHRONOTOPE THEORY

Ji Nan

Heilongjiang University, China

This article provides a comprehensive analysis of the artistic representation of the afterlife in Pu Songling's collection of short stories, *Liao Zhai Zhi Yi*, through the lens of M.M. Bakhtin's chronotope theory. It is argued that Pu Songling's afterlife is not a static backdrop, but a complex spatio-temporal continuum where time and space, in organic unity, form a dynamic model. It explores how the specific organization of this chronotope the interpenetrability of boundaries, the relativity of temporality, and the presence of symbolic thresholds serves not only aesthetic purposes but also becomes a powerful tool for social satire and philosophical reflection. The author concludes that the afterlife chronotope in "*Liao Zhai Zhi Yi*" functions as a critical mirror of reality, exposing the vices of feudal society and embodying a compensatory ideal of justice, thereby forming a coherent artistic universe.

Keywords: "Liao Zhai Zhi Yi," Pu Songling, M.M. Bakhtin, afterlife, classical Chinese literature, social criticism.

References

1. Zhang L. Ya. Pluralistic Traditions, Existential Events, and Inter-subjectivity: A Review of Bakhtin's Early Philosophical Reflections // Journal of Capital Normal University (Social Sciences Edition). 2025. № 4. pp. 148–156.
2. Jiang B. A Study of the Image of the "Clown" in Classical Chinese Stories from the Perspective of Bakhtin's Grotesque Clowns – Based on Some Works from "Strange Stories from a Chinese Studio" // Mudan. 2025. № 14. pp. 10–12.
3. Liu Sh. K., Guan Y. Bakhtin's View of Literary Equality and Its Ethical Value // Journal of Liaoning Normal University (Social Sciences Edition). 2025. Vol. 48, № 2. pp. 32–38.
4. Zhu Ya.H. Interpretation of "Eugene Onegin" from the Point of View of Bakhtin's Theory of Time and Space // Journal of the Harbin Institute of Technology. 2025. Vol. 46, № 2. pp. 73–76.
5. Fan N.V. Development of the Modern "Form of Time" from the Point of View of Bakhtin's Theory of the Novel // Russian Literature and Art. 2020. № 2. pp. 131–138.
6. Lin Ts.H. Bakhtin: A Sketch of a Modern Image // Journal of the Capital Pedagogical University (social science publication). 2025. № 4. pp. 130–138.

Дихотомия авторитарной и гуманистической религии в трудах Эриха Фромма

Цзоу Синьтун,

магистр, МГУ

E-mail: ayato0326.zxt0524@gmail.com

В исследовании анализируется дихотомия авторитарной и гуманистической религии в концепции Эриха Фромма, одного из выдающихся представителей неопрейдистской психоаналитической традиции. На основе герменевтического анализа его ключевых трудов, а также с привлечением сравнительно-исторического метода и элементов психоаналитической интерпретации, выявляются антропологические, философские и социокультурные основания религиозной веры. Авторитарная религия представляется как инструмент подчинения личности внешней силе, опирающейся на страх, вину и догматизм, тогда как гуманистическая религия как путь к внутренней свободе, самореализации и любви. Особое внимание уделяется параллелям между гуманистическим подходом Фромма и восточными религиозно-философскими традициями. В заключительной работе проводится критический анализ бинарной схемы, предлагаемый Фроммом, и рассматриваются альтернативные трактовки религиозного опыта в современном религиоведении и психологии религии. Исследование демонстрирует актуальность идей Фромма для понимания трансформаций религиозного сознания в условиях постсекулярной эпохи.

Ключевые слова: Эрих Фромм; авторитарная религия; гуманистическая религия; психоанализ религии; религиозное сознание; интерпретация веры.

Введение

Современное религиоведение всё чаще обращается к междисциплинарным подходам, стремясь понять природу религии не только как догматической или ритуальной системы, но и как сложного психологического и культурного феномена. В этом контексте особую значимость приобретает концепция религиозной дихотомии, предложенная Эрихом Фроммом, в рамках которой религия рассматривается как способ организации экзистенциального опыта, влияющий на личность, её ценностные установки, формы социального поведения и отношения к трансцендентному. Разграничение религиозности на авторитарную и гуманистическую не просто обогащает понятийный аппарат религиоведческой науки, но и позволяет глубже понять механизмы взаимодействия религии с человеческим сознанием, культурой и историей. В условиях глобализации, возрастания религиозного плюрализма и одновременного усиления фундаменталистских тенденций во многих странах проблема религиозной дихотомии становится особенно актуальной.

Актуальность темы обусловлена необходимостью критического осмысления религии как инструмента как духовного развития, так и социального контроля. Фромм, соединяя психоаналитическую традицию с гуманистической философией, предложил аналитическую рамку, позволяющую выявить, каким образом религиозные учения и институты способствуют либо освобождению личности, либо её подавлению. Авторитарная религия, опирающаяся на страх, подчинение и внешнюю моральную инстанцию, контрастирует с гуманистической религией, ориентированной на внутреннюю свободу, личностный рост и самореализацию. Это противопоставление сегодня приобретает особую эвристическую ценность в контексте исследования религиозного опыта в условиях кризиса идентичности, нарастающей социальной фрустрации и поиска духовных опор вне традиционных институциональных структур. Анализ этих процессов требует не только социологического или историко-религиоведческого подхода, но и глубокого философско-антропологического и психологического осмысления, которое возможно на основе концептуального наследия Фромма.

Целью настоящего исследования является теоретико-аналитическая реконструкция дихотомии авторитарной и гуманистической религии

в работах Эриха Фромма, а также интерпретация её значимости для современного религиоведения. В рамках данной цели предполагается выявить философские, психологические и антропологические основания данного противопоставления, определить его связь с более широкими категориями религиозной антропологии, а также проанализировать возможности применения этой дихотомии к интерпретации современных форм религиозности.

Объектом исследования выступает религиозное сознание как феномен культурной и личностной организации опыта. Предметом исследования является концептуальное различие между авторитарной и гуманистической религией, представленное в трудах Эриха Фромма, в контексте его психоаналитической и философской методологии. Это различие не сводится к чисто теологическим различиям между конфессиями, а охватывает фундаментальные установки личности по отношению к Богу, миру и себе, раскрывая экзистенциальную и культурную функцию религии в жизни человека.

Научная новизна работы заключается в актуализации и уточнении концепта религиозной дихотомии в свете современных религиоведческих и культурологических исследований. В отличие от традиционного анализа религиозных систем по типу их догматической или институциональной структуры, подход Фромма позволяет рассматривать религию как психодинамическое явление, тесно связанное с типами личности, механизмами социальной адаптации и формами духовного самоопределения. Настоящее исследование направлено на то, чтобы раскрыть потенциал этой дихотомии для анализа новых форм религиозного опыта, возникающих в постсекулярной культуре, включая неоинституциональные духовные практики, формы индивидуальной мистики, а также массовые идеологические движения, обладающие квазирелигиозной структурой.

Таким образом, значимость данного исследования определяется как его вкладом в развитие критической теории религии, так и его применимостью к анализу актуальных трансформаций в религиозном поле современного общества. Обращение к трудам Фромма позволяет не только углубить понимание внутренней логики религиозного сознания, но и предложить инструменты для различения между формами религии, способствующими человеческой автономии, и теми, что ведут к духовной зависимости и регрессу.

Материалы и методы исследований

В настоящем исследовании применяется междисциплинарный методологический подход, сочетающий герменевтический анализ, сравнительно-исторический метод и элементы психоаналитической интерпретации. Герменевтический анализ

позволяет выявить глубинные смыслы, заложенные в текстах Эриха Фромма и других теоретиков религии, а также реконструировать понятийную структуру дихотомии авторитарной и гуманистической религии в контексте культурно-исторического значения религиозных символов и образов. Сравнительно-исторический метод используется для сопоставления различных типов религиозного сознания в разные исторические эпохи, что позволяет проследить трансформации религиозных установок под влиянием социокультурных и философских факторов. Элементы психоаналитической интерпретации направлены на раскрытие бессознательных мотиваций и механизмов формирования религиозных представлений, что особенно важно при анализе влияния психоаналитической традиции на религиозную критику. Такой синтетический подход обеспечивает целостное понимание исследуемой проблемы, позволяя выявить как индивидуально-психологические, так и культурно-исторические основания религиозной дихотомии.

Результаты и обсуждения

Понятия «авторитарная» и «гуманистическая» религия были введены Эрихом Фроммом в рамках его попытки синтеза психоаналитической и философско-гуманистической перспективы для осмысления роли религии в жизни человека. Эти категории не представляют собой теологические обозначения в строгом смысле, а скорее отражают типы религиозного опыта и способа построения отношения человека к трансцендентному. В авторитарной религии Бог выступает как всемогущая, всеведущая сила, требующая подчинения и послушания, а человек как слабое и зависимое существо. В гуманистической религии, напротив, акцент сделан на внутренней духовной свободе, развитии личностного потенциала и понимании Бога как символа морального совершенства, с которым человек может идентифицироваться [1].

Происхождение этой дихотомии укоренено в критической традиции религиозной мысли, начавшейся с эпохи Просвещения. Уже в трудах Спинозы, Канта и позднее Фейербаха можно обнаружить противопоставление трансцендентного авторитета и автономной морали. Это противопоставление легло в основу той критики религии, которая в XX веке получила развитие в рамках психоаналитического подхода. В этом контексте Фромм унаследовал и переработал идеи Фрейда, перенеся фокус с редукционистской трактовки религии как иллюзии к её экзистенциальному и культурному осмыслению. Психоанализ в понимании Фромма становится инструментом анализа не только невротических структур, но и социальных форм религиозности, включая авторитаризм, мазохизм и стремление к симбиотическому слия-

нию, характерные для определённых религиозных систем [2].

Авторитарная религия характеризуется институционализированными формами культа, иерархической структурой, строгим контролем над догматикой и морализаторством. Её основным принципом является подчинение внешней силе, будь то Бог, церковь или сакрализованное государство. Такая форма религиозности ориентирована на страх, вину и зависимость, часто функционируя как инструмент социального контроля и репрессии. Гуманистическая же религия, напротив, проявляется в акценте на личном духовном опыте, любви, свободе и единстве с бытием. Она не требует жертвенности во имя абстрактного авторитета, а поощряет развитие внутреннего нравственного начала и сознательной ответственности перед другими [3].

Формирование этих типов религиозного сознания, как показывают современные интерпретации психоаналитической теории религии, связано с глубинными структурами личности и её отношением к объектам любви и власти. Работы Фромма можно интерпретировать как продолжение диалога между психоанализом и теологией, начатого ещё в середине XX века. В этом контексте важно отметить, что, согласно Фромму, авторитарная религия не ограничивается христианством, но может проявляться в самых разных конфессиональных традициях, включая ислам, иудаизм и даже светские идеологии, такие как тоталитарные режимы XX века [4, 5].

Дополнительный вклад в теоретическое осмысление религиозной дихотомии вносят современные российские и зарубежные исследователи, анализирующие рецепцию психоанализа в религиозной мысли. Так, в исследованиях В.М. Сторчак и М.В. Шугуров прослеживается тенденция к синтезу религиозной антропологии и психоаналитической диагностики религиозных феноменов. Эти подходы подчеркивают необходимость учитывать не только историко-философские корни, но и психологические механизмы формирования религиозного мировоззрения как способа адаптации личности к социокультурной среде [6, 7].

Таким образом, дихотомия авторитарной и гуманистической религии в трактовке Эриха Фромма укоренена как в просветительской критике институционализированной религии, так и в психоаналитическом подходе к пониманию личности и её экзистенциальных запросов. Она служит не только аналитическим инструментом для различения типов религиозности, но и критическим проектом, направленным на освобождение человека от духовной несвободы и стимулирование его к автономии, любви и солидарности.

В концепции Эриха Фромма авторитарная религия предстает как форма религиозного сознания, основанная на подчинении индивида внеш-

ней, трансцендентной силе, обладающей абсолютной властью, авторитетом и правом на наказание. Эта модель религиозности базируется на неравноправных отношениях между человеком и божеством, в которых Бог мыслится как всевластный господин, а человек как беспомощное, зависимое существо, неспособное к автономному нравственному выбору. В герменевтическом ключе авторитарная религия интерпретируется Фроммом не просто как совокупность догм или обрядов, но как устойчивая экзистенциальная установка, порождающая особый тип духовного опыта опыт страха, вины и подчинения. Структурно она реплицирует модель патриархального общества, где доминирует вертикаль власти, контроль над телом и сознанием, а религиозная вера превращается в инструмент подчинения личности коллективным нормам и институтам.

В иудаизме особенно в его постэкзистенциальном этапе авторитарность находит выражение в образе Яхве как гневающегося Бога, требующего абсолютного повиновения и строгого следования закону. В христианстве, начиная с патристики и особенно в средневековой католической традиции, подчеркивается идея греховности человека и необходимость посредничества между ним и Богом через церковь как институционального носителя божественной воли. В исламе особенно в ортодоксальных и фундаменталистских течениях акцент ставится на предопределении, ритуальной чистоте и абсолютной покорности шариату как выражению божественного замысла. Несмотря на различия в доктринальных акцентах, все эти традиции в определённых исторических формах демонстрируют черты авторитарной религии в фроммовском понимании: ограничение личной инициативы, сакрализация страха перед наказанием, культ внешнего авторитета и подмену этического выбора безусловным повиновением.

Психоаналитическая перспектива, интегрированная в концепцию Фромма, позволяет осмыслить авторитарную религию как регрессивный механизм, направленный на компенсацию экзистенциальной тревоги, утраты автономии и страха перед свободой. В этом контексте Бог становится проекцией отцовской фигуры, с которой субъект вступает в амбивалентные отношения любви и страха. Стремление к подчинению интерпретируется как бессознательное желание избавиться от ответственности за выбор и действия, переложив её на внешнюю силу. Таким образом, авторитарная религия не только ограничивает духовное развитие личности, но и закрепляет паттерны зависимости, инфантилизации и утраты аутентичного «Я».

На макросоциальном уровне авторитарная религия функционирует как форма институционализированного социального контроля, легитимируя существующую власть и укрепляя иерархическую

структуру общества. Она подавляет инакомыслие, регулирует моральное поведение через апелляцию к высшей санкции и формирует тип личности, ориентированной на внешнее одобрение и боящейся наказания. В этом смысле, как подчёркивается в ряде современных интерпретаций, религия в авторитарной форме становится идеологическим инструментом стабилизации власти, способствуя репродукции пассивного и конформистского сознания [8]. Таким образом, рассмотрение авторитарной религии через призму герменевтики, истории и психоанализа позволяет выявить её как сложный феномен, в равной степени укоренённый в культурной традиции, социальной структуре и глубинной психологии человека.

В применении сравнительно-исторического метода гуманистическая религия предстает не просто как альтернатива традиционному теизму, а как результат определённой эволюции религиозного сознания, в которой прослеживается переход от внешне заданных форм поклонения к внутренне переживаемому духовному опыту. Историческое развитие религий демонстрирует, что традиционный теизм формировался в условиях сакрализации власти и иерархии, где Бог воспринимался как абсолютный Законодатель и Судья, дистанцированный от человеческого мира. Гуманистическая же религия, по мысли Фромма, возникает как ответ на внутренний кризис такого типа религиозности: она утверждает возможность личного единения с трансцендентным без посредничества авторитарных структур.

Сравнительный анализ различных культурных и религиозных традиций показывает, что гуманистический поворот в религиозной мысли не является исключительно продуктом модерна или западной философии. Он находит отклик в восточных учениях, где идея внутреннего просветления, гармонии с природой и отсутствия централизованной божественной власти составляет основу духовной практики. Так, буддизм и даосизм демонстрируют альтернативные формы религиозности, в которых человек не противопоставляется божественному, а становится участником единого космического порядка. Это роднит их с гуманистическим пониманием религии у Фромма, в котором духовность реализуется не в поклонении, а в творческом и нравственном саморазвитии.

Таким образом, сравнительно-исторический метод позволяет не только проследить смену акцентов в религиозном сознании от внешнего к внутреннему, от иерархии к равенству, но и увидеть гуманистическую религию как органичный этап духовной истории человечества. Она не разрушает традиции, но переосмысляет их, вычленив в них универсальные принципы любви, свободы и самореализации, способные обрести новое звучание в условиях современности.

В рамках анализа религиозной дихотомии, предложенной Эрихом Фроммом, ключевыми становятся не столько противопоставления «авторитарного» и «гуманистического», сколько более глубокие философско-антропологические предпосылки, стоящие за данной классификацией. Авторитарная религия, по Фромму, строится на признании внешней, трансцендентной и всевластной силы, которая требует покорности, подчинения и страха. В то время как гуманистическая религия исходит из убеждения в ценности самого человеческого бытия, внутренней духовности и способности личности к саморазвитию и любви. В антропологическом отношении это различие предполагает две модели человеческого существования: в одной человек как падшее, греховное существо, требующее контроля извне, в другой как активный субъект, наделённый творческим потенциалом, разумом и нравственным чувством. Это различие, в свою очередь, отражает две разные концепции свободы: негативную как освобождение от вины через подчинение Богу, и позитивную как раскрытие подлинной человеческой природы в направлении добра и любви.

Однако несмотря на аналитическую ценность предложенной дихотомии, критика бинарного подхода приобретает всё большее значение в современном религиоведении. Во-первых, бинарная схема авторитарной и гуманистической религии рискует привести к редукционизму, сводя многообразие религиозных форм к двум полюсам. Такая схема не всегда способна учесть историческую сложность, контекстуальные различия и внутренние трансформации в рамках самих религиозных традиций. Например, в рамках христианства могут сосуществовать элементы как авторитарного, так и гуманистического типа от институтов церковной власти и догматической ортодоксии до мистических, индивидуалистических и любовно-этических форм духовности [10]. Аналогичная ситуация наблюдается и в исламской, и в иудейской традиции, где строгость норм может сочетаться с личным поиском Бога, самопознанием и гуманистической этикой.

Современные интерпретации религии, особенно в русле постмодернистской герменевтики, отказываются от жёстких категорий и предлагают рассматривать религиозный феномен как многомерное поле, где сочетаются элементы мифа, ритуала, морали, символизма и личного опыта. Проблематизация дихотомии «авторитарное-гуманистическое» также связана с пересмотром понятия религиозности как таковой: всё больше внимания уделяется «духовности» как более гибкой и личностной категории, не обязательно привязанной к конкретным верованиям [9]. Это позволяет исследователям обращаться к маргинальным, нетрадиционным или синкретическим

формам религиозного сознания, которые не вписываются в фроммовскую модель.

Тем не менее наследие Фромма остаётся актуальным и сегодня. Его критика авторитарной религии как инструмента социального подавления и отчуждения, равно как и его защита гуманистической духовности, нашли отклик в современных теориях секулярной этики, психологии религиозного опыта и исследованиях новой духовности. Кроме того, его работы продолжают оказывать влияние на теоретиков, стремящихся соединить психоанализ и религиоведение, особенно в тех областях, где религия понимается как форма символического выражения экзистенциальных потребностей человека в любви, безопасности, смысле и принадлежности. Современная религиозная мысль, несмотря на критику бинарной модели, часто возвращается к интуициям Фромма, видя в его гуманистической религии не столько альтернативу традиции, сколько способ её обновлённого прочтения в условиях современного культурного кризиса.

Заключение

Настоящее исследование было посвящено анализу религиозной дихотомии в концепции Эриха Фромма различию между авторитарной и гуманистической религией как ключевому понятию для понимания трансформации религиозного сознания в условиях модерности и постмодерности. Исходя из поставленной цели и опираясь на герменевтический, сравнительно-исторический и психоаналитический методы, в работе удалось выявить как внутреннюю логику этой дихотомии, так и её пределы как аналитической модели.

Анализ авторитарной религии, проведённый через призму фроммовской концепции, показал, что такая форма религиозности базируется на механизмах страха, вины и подчинения внешней власти, являясь, по сути, инструментом социального контроля и консервации иерархических структур. Она характеризуется трансцендентной картиной мира, в которой человек лишён субъектности, а свобода заменяется повиновением. При этом гуманистическая религия, напротив, представлена как способ духовного раскрытия человеческой сущности, ориентированной на любовь, саморазвитие, внутреннюю свободу и единство с бытием. Фромм предлагает новый вектор религиозного опыта не как поклонения внешнему Богу, а как реализации внутреннего потенциала, что сближает его подход с восточной философской мыслью.

Тем не менее, проведённый сравнительный анализ и критическая рефлексия показали, что бинарное противопоставление, несмотря на свою эвристическую ценность, не охватывает всего богатства и сложности религиозных форм. Многие традиции содержат в себе как авторитарные, так и гу-

манистические элементы, а религиозное сознание динамично и контекстуально. Современное религиоведение, отказываясь от жёстких категорий, предлагает более гибкие модели анализа, акцентируя внимание на индивидуальной духовности, межкультурных трансформациях и психологической глубине религиозного опыта.

Таким образом, исследование подтвердило значимость религиозной дихотомии в теоретическом наследии Эриха Фромма как важного инструмента осмысления роли религии в жизни человека и общества. Вместе с тем, его подход требует дальнейшего уточнения и развития в диалоге с современными направлениями религиоведческой и философской мысли.

Литература

1. Осипова Т. Психоанализ и христианство. Теоретическая динамика // Философская антропология. – 2023. – Т. 9, № 1. – С. 74–107.
2. Антонов К.М. Рецепция классического психоанализа в русской религиозной мысли и современные психоаналитические теории религии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. – 2014. – № 55 (5). – С. 47–67.
3. Прокофьева Д.В. Гуманистические воззрения Э. Фромма и православие: точки соприкосновения // Гуманитарный вектор. – 2017. – Т. 12, № 1. – С. 106–112.
4. Тарапанова Е.А. Проблемы взаимосвязи религий как фактор развития современного общества (социально-философский анализ): дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Е.А. Тарапанова. – Москва, 2012. – 183 с.
5. Дамте Д.С. Проблемы психологии религии в трудах Ойгена Древермана // Религиоведческие исследования. – 2013. – № 7–8. – С. 110–118.
6. Сторчак В.М. Архетип нуминозности в контексте психоаналитической теории происхождения религии // Религиоведение. – 2017. – № 4. – С. 126–142.
7. Шугуров М. В., Мозжилин С.И. Религиозно-мистический опыт и психоаналитическая традиция // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2023. – Т. 23, № 1. – С. 45–49.
8. Хуан Л. Тоталитарные и авторитарные режимы // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2018. – № 4. – С. 16–62.
9. Руткевич Е.Д. От «религиозности» к «духовности»: европейский контекст // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2014. – № 1. – С. 5–25.
10. Осьмачко С.Г. Современная политическая доктрина Русской православной церкви // Ярос-

лавский педагогический вестник. – 2014. – Т. 1, № 1. – С. 77–87.

THE DICHOTOMY OF AUTHORITARIAN AND HUMANISTIC RELIGION IN THE WORKS OF ERICH FROMM

Zou Xintong

Moscow State University

This study analyzes the dichotomy of authoritarian and humanistic religion in the concept of Erich Fromm, one of the most prominent representatives of the Neo-Freudian psychoanalytic tradition. Based on a hermeneutic analysis of his key works, combined with the comparative-historical method and elements of psychoanalytic interpretation, the research identifies the anthropological, philosophical, and sociocultural foundations of religious faith. Authoritarian religion is interpreted as an instrument of subjugation to external power, rooted in fear, guilt, and dogmatism, whereas humanistic religion is presented as a path toward inner freedom, self-realization, and love. Special attention is given to the parallels between Fromm's humanistic approach and Eastern religious-philosophical traditions. In the final, the study provides a critical assessment of Fromm's binary model and explores alternative interpretations of religious experience in contemporary religious studies and psychology of religion. The research demonstrates the relevance of Fromm's ideas for understanding the transformation of religious consciousness in the context of the post-secular era.

Keywords: Erich Fromm; authoritarian religion; humanistic religion; psychoanalysis of religion; religious consciousness; interpretation of faith.

References

1. Osipova T. Psychoanalysis and Christianity. Theoretical Dynamics // Philosophical Anthropology. – 2023. – Vol. 9, № 1. – Pp. 74–107.
2. Antonov K.M. Reception of Classical Psychoanalysis in Russian Religious Thought and Modern Psychoanalytic Theories of Religion // Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series 1: Theology. Philosophy. Religious Studies. – 2014. – № 55 (5). – Pp. 47–67.
3. Prokofieva D.V. Humanistic Views of E. Fromm and Orthodoxy: Points of Contact // Humanitarian Vector. – 2017. – Vol. 12, № 1. – Pp. 106–112.
4. Tarapanova E.A. Problems of the Interrelationship between Religions as a Factor in the Development of Modern Society (Socio-Philosophical Analysis): Dis. ... Cand. Philosophical Sciences: 09.00.11 / E.A. Tarapanova. – Moscow, 2012. – 183 p.
5. Dante D.S. Problems of the Psychology of Religion in the Works of Eugen Drewermann // Religious Studies. – 2013. – № 7–8. – P. 110–118.
6. Storchak V.M. The Archetype of Numinosity in the Context of the Psychoanalytic Theory of the Origin of Religion // Religious Studies. – 2017. – № 4. – P. 126–142.
7. Shugurov M. V., Mozhilin S.I. Religious-mystical experience and psychoanalytic tradition // Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. – 2023. – Vol. 23, № 1. – Pp. 45–49.
8. Juan L. Totalitarian and authoritarian regimes // Emergency reserve. Debates on politics and culture. – 2018. – № 4. – Pp. 16–62.
9. Rutkevich E.D. From "religiosity" to "spirituality": European context // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. – 2014. – № 1. – Pp. 5–25.
10. Osmachko S.G. Modern political doctrine of the Russian Orthodox Church // Yaroslavl pedagogical bulletin. – 2014. – Vol. 1, № 1. – P. 77–87.

Пространство театра как гетеротопия

Чалышева Ксения Олеговна,

аспирант Волгоградский государственный социально-педагогический университет, кафедра философии и культурологии

E-mail: kseniachalysheva@mail.ru

Цель исследования – посредством анализа микроконтекста совершающихся в настоящее время инноваций в сфере реализаций пространственных сценических решений в современном театре исследовать и проанализировать феномен гетеротопии на театральной сцене. Особое внимание в процессе исследования было уделено основополагающей в современной философии концепции гетеротопии французского мыслителя-постмодерниста Мишеля Фуко. Результаты изучения творческого наследия М.Фуко обращают внимание на те особенности гетеротопии, которые складывались исторически и стали наиболее заметными в условиях современного культурного универсума. Научная новизна исследования заключается в анализе аспектов актуализации гетеротопных решений в контексте современной «экономики впечатлений» и общества потребления. В заключение были целенаправленно проанализированы отдельные примеры театральных постановок, использующих пространственные сценические решения с использованием гетеротопии, отмечены их положительные стороны и проблемы такого рода организации, до сих пор все еще остающиеся нерешенными. Исследование завершается обзором новых и новейших исследований феноменологии гетеротопии в пространстве театра. В результате исследования выдвигается ряд предположений о наиболее эффективных направлениях в продолжение этих исследований и перспективах изучения этого феномена.

Ключевые слова: полимодальность пространства театральной сцены, гетеротопия как внутрипространственная демаркация, магическое видение, трансформация сценического пространства, сцена театра эпохи перемен.

В приложении к биологическим и анатомическим аспектам термин «гетеротопия» ввел немецкий биолог и естествоиспытатель Эрнст Теодор Геккель в 1866 году в узкодисциплинарном смысле как общее обозначение феноменологии смещения или перемещения места закладки или развития функциональных тканей или органов внутри общего анатомического пространства живых организмов. В общенаучный и общеполитический контекст этот термин был введен философом-постмодернистом Мишелем Фуко в работе «*Les mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines*» [1] 1966 года.

Расширяющаяся феноменология использования гетеротопий как средства углубленного преобразования и обновления реализуемых сценических решений в настоящее время становится объектом пристального внимания не только со стороны театрального экспертно-аналитического сообщества, но и углубленных исследований происхождения на сцене нового типа со стороны семиотики и философии современной культуры. Подтверждением этому могут стать не только инициальные философские исследования мыслителей-постмодернистов первой волны, но и их более современных последователей. В частности, в работах американского культуролога Ф. Джеймисона «Постмодернизм и общество потребления» (до 1990 г.) и «Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма» [8] ее автором утверждается, что общество постмодерна, в срезе своих экономических интересов рассматриваемое преимущественно как общество потребления, может функционировать только через взаимосогласованную и организованную работу целого ряда скрытых механизмов инспирирования и поддержания мотивации – порождения массовых желаний и последующего скрытого манипулирования ими.

Содержательное заполнение термина «гетеротопия» в «Словах и вещах...» производится автором не дискурсивно, а феноменологически, то есть М. Фуко не дает конкретного определения, зато приводит множество примеров исторически сложившихся форм гетеротопии – т.н. «иных пространств», вызывающих вопросы, тревогу, сомнения, ощущения противоречивости, открывающих возможности для трансформы или культурной перекодировки – некоторое условное «зазеркалье», на пороге которого налично представленное ставится под сомнение, трансформируется и обраща-

ется в свою же противоположность («контрместо» или «реализованная утопия» в терминах «Слов и вещей»). Полагая универсальный характер реализации механизмов такого рода в любой культурной системе, М. Фуко утверждает универсальный характер гетеротопии как средства, применяемого для внутреннего пересмотра и последующего культурного развития, обновления. Внутреннему пространству любой культурной свойства гетеротопности оказываются имманентно присущими, тем самым универсальность, согласно М. Фуко, становится первым принципом гетеротопии в культуре.

Однако есть и другие, в их числе: функциональная гибкость, т.е. возможность манипулирования функциональностью гетеротопии в зависимости от потребностей и нужд конкретной культуры и социума. Несмотря на свою демаркацию от пространства реально представленного, пространство гетеротопии не утрачивает контакта и возможности сопоставления с ним, при этом наличие точек входа и выхода из гетеротопии может быть установлено через анализ структуры этого сопоставления.

Так, пространство театральной сцены вполне определенным образом демаркируется от пространства зрительного зала, однако посредством использования механизмов трансгрессии, иммерсии, или им подобных не утрачивает своей связи со зрительным залом, своей выраженной обращенности к нему.

Гетеротопия обладает возможностями особого рода манипулирования как с реальными пространствами, так и со временем (временами), им соответствующим, что обуславливает как хронологический, так и топологический характер полимодальности пространства – времени внутри гетеротопии. Как правило, это не один выбранный хронотоп, а полифоническое множество хронотопов, достигаемое посредством стягивания многих топов («пространств») в один и диахронии в синхронии.

Годом позже «Слов и вещей» (1967 г.) выходит еще одна знаковая работа М. Фуко «Des espaces autres. Hétérotopies» [2], в которой автор пытается выделить наиболее значимые факторы импликации феноменологии гетеротопии в общецивилизационный социокультурогенез, поскольку, по его мнению, в современной ему культуре определенно наблюдается массовое расширение разнообразия и рост числа примеров использования тех или иных гетеротопных феноменов культуры таким образом, что эти изменения, во-первых, приобретают более закономерный и естественный для культуры характер и, во-вторых – начинают более значимым образом влиять на преобладающие в современной культуре формы репрезентации, прежде всего по отношению к их актуализируемой обращенности к зрительскому восприятию.

М. Фуко выдвигает кажущуюся на первый взгляд парадоксальной мысль о том, что культура порождает гетеротопии и затем прибегает к использованию гетеротропных форм и приемов отнюдь не только в инструментальных целях, и что на самом деле здесь все значительно глубже прежде всего символически. Естественные формы гетеротопий, равно как и создаваемые культурой символические формы, претендуя на универсализацию воплощенной и раскрываемой в зрительском восприятии символической, тем не менее, всегда обращены к индивидуальному восприятию, как правило, уже обладающему собственными позициями и образами идеальных форм, связанных с прошлым опытом индивидуального восприятия [3].

Например, происходящее на театральной сцене вызывает общую реакцию зала, однако в то же время остается обращенным к индивидуальному восприятию конкретного зрителя с его особенностями, буквально – притягивает, привлекает индивидуальное внимание через что-то глубоко личное, находя внутри каждого ту условную «струну», за которую оно и «цепляет» это конкретное внимание, индивидуальный интерес к происходящему в данный момент на сцене. Использование в сценической театральной практике гетеротопий в рамках развития сюжета конкретного драматического произведения с символической точки зрения предполагает просчитанную постановщиком и тонкую игру сменяющих друг друга гетеротропных образов, в череде перемен которых смысл конституируется не столько тем, что конкретный зритель может наблюдать по ходу действия на сцене, сколько целенаправленно выстраиваемой системой отношений между гетеротопиями. Иначе говоря, актуализация внутреннего символического контекста конкретного драматического произведения посредством использования гетеротопий может быть обращена только к восприятию, обладающему определенным прошлым символическим опытом. Глазами этого не увидишь – зритель обретает возможность уловить этот смысл и выстроить его только внутри себя лично, а для этого необходимо наличие индивидуальных навыков понимания сценического языка – как правило, характерного для авторского почерка как конкретного драматурга, так и постановщика.

Согласно М. Фуко, пространство как таковое является значительно более значимой частью человеческого бытия, нежели полагали до этого классическая философия и антропология [2]. Пространством образуется нечто вроде входного портала общего человеческого восприятия, через который человек и воспринимает все его окружающее. Однако на это восприятие накладывает свой отпечаток целый ряд аспектов отражения внутриспсихического мира человека во внешних пространственно-временных координатах – эмо-

ции, переживания, воспоминания, экспектации. Внутренняя имманентная укорененность образов пространства в культуре в первую очередь указывает на важность пространства как базисной характеристики человеческого бытия. Пространственная обусловленность деятельности человека, рассматриваемой в качестве социального генератива, активно используется в искусстве театра, тем временем как жанровые возможности драматургических произведений и практики сценарного воплощения драматического сюжета позволяют пересмотреть и реструктурировать нормативные модели системы взаимодействия «человек – пространство», жестко связанные с внешней физической реальностью, ибо сценическая реальность почти всегда есть реальность фиктивная. В отличие от реальности физической театральная сцена, как инструмент создания нового культурного материала, становится средством переосмысления и расширения пространственного восприятия зрителем происходящего на ней и демонстрируемого этому восприятию непосредственно [4].

Актерская игра и сценический ритуал театра, маскирование реальных пространств и воспроизведение на сцене их символических образов есть практика по определению карнавальная [5], поскольку посредством сцены и игры на ней изменяется и расширяется индивидуальное представление зрителя о пространствах, окружающих его за пределами сцены и образующих картину внешнего мира. Генеалогия театра в своем историческом и культурогенетическом измерении, связанная с противоположно-направленными процессами сакрализации одних ритуалов и сценических церемоний и секуляризации других, способна дать целый ряд семиотических ключей и инициировать формирование на этой основе подходов к раскрытию внутренней, пространственно-свернутой символики и от нее к генеалогии гетеротропий как модусу привлечения иной и непонятной реальности, лик которой представляется на сцене в своем пространственном измерении. В этом отношении исторический театр был и остается голосом духовной культуры общества, выражающим определенные значимые мысли и идеи, но использующим для этого язык сцены и возможности сценических технологий, к числу которых следует отнести и те из них, которые используют гетеротопию [6].

Кроме того, между текстовой версией любого сюжета и его сценической версией существуют вполне определенные различия, связанные прежде всего с присущей искусству театра переработкой инициальной текстовой версии – ровно в той же самой мере, в какой читательская рефлексия текста отличается от эстетической и творческой рефлексии профессионалов театрального цеха – постановщиков, звукорежиссеров, декораторов, актеров – а вслед за ним также и зрительской рефлексией происходящего на сцене. Вслед-

ствие того, что театральное искусство есть по преимуществу жанр, предполагающий визуальное восприятие, то и для тех, кто создает спектакль, и для тех, кто его смотрит, эта рефлексия будет определяться пространственными характеристиками и особенностями по преимуществу – таким опосредованным образом театр обращается к зрителю и вступает с ним в диалог [5].

Находясь в общем тренде развития современной культуры постмодерна и стараясь следовать ее канонам, театр времен цифровой эпохи, вне всякого сомнения, нуждается в переосмыслении пространственных характеристик и пространственных образов предлагаемого им зрителю художественного продукта, поскольку именно это также и есть акт следования новой культурной идеологии. Предлагаемые в ее рамках гетеротопные подходы и реализуемые на их основе новые сценические решения ориентируются прежде всего на существующие особенности зрительского восприятия, но не обязательно ограничиваются им, напротив – целенаправленно стараются расширить пространственные рамки его традиционных форм [7]. Зачастую такого рода сценические инновации носят характер смелых и решительных театральных экспериментов, результаты практики все более активного внедрения которых в существующие принципы сценической деятельности призваны стать объектами не только культурологических исследований, но и более углубленного философского осмысления, для того чтобы не только видеть воочию, но и точно понимать происходящее на сцене театра двадцать первого века.

Например, такого рода постановка «Демон. Вид сверху» была выполнена театральной мастерской Дмитрия Крымова (премьера 16 октября 2006 г.) и радикально меняла традиционные представления о взаиморасположении пространства зрительного зала, и пространства сцены, поскольку в рамках этого смелого эксперимента принципиально отсутствовало и то, и другое, зрители были размещены по условной образующей огромного цилиндра в несколько этажей, а все театральное действие разворачивалось на дне этого условного цилиндра. Сюжет по ходу своего развития иллюстрировался участниками театральной труппы, которые быстро застилали дно условного «цилиндра», раскатывая широкие рулоны чистой бумаги, зарисовывали все это пространство очередной иллюстрацией, потом все быстро сворачивали, уносили, а на сцену настилали новые чистые рулоны, и далее все повторялось с очередной мизансценой. То, что видели зрители, было очень похоже на мультипликацию, кадры которой рисовались актерами прямо у них на глазах. Этот крайне нестандартный режиссерский прием в общем может быть обозначен, как использование «*spatium heterum heterorum*» (букв. «пространство различ-

ных различий» – лат.), то есть гетеротопию гетеротопий.

Собственно, такую общую организацию, которую с полным правом следует расценить в качестве гетеротопии, следует определить как театрально-постановочный прецедент, вплотную ставящий вопрос о форме и пространственном расположении условной демаркационной грани между пространством сцены и пространством зрительного зала – ее линейности, ее направленности, ее протяженности только вдоль одной координаты и т.п. Спектакль «Демон. Вид сверху» продемонстрировал возможность совершенно нового взгляда на эти, казалось бы, традиционно сложившиеся и считающиеся довольно стабильными представления, а именно – возможность стягивания диахронии в синхронию и трансформации двумерной поверхности традиционной сцены в нечто объемное и заполняющее пространство, заставляющее присутствующего зрителя работать шейными мышцами и крутить головой. Таким образом, постановщику удалось создать модель театрального действия для зрителя, условно активного не только в плане духовного, но и физического восприятия.

Изменения, происходящие в современной массовой культуре, генетически содержащей в собственной телеологии прагматическую компоненту, в значительной степени инспирируются изменениями, идущими от понимания масскульта как своего рода индустрии, наделенной экономическими характеристиками типа затратности, рентабельности, окупаемости.

Конкретные инструменты манипулирования массовыми желаниями могут быть совершенно различны – Джеймисон выделяет несколько, особенно характерных, в их числе: постоянная сменяемость моделей, модификаций, иллюзия прогресса, обновление модельных рядов, слияния и поглощения как трансформация и ротация существующих брендов, непрерывный рост затрат на рекламу и «промо», управление эмоциями и поведением потенциального потребителя [8].

В своих трудах 1966 и 1967 года М. Фуко для иллюстрирования содержательной стороны использует метафору «miroir» («зеркало» – фр.), указывая на него, как на объект, приобретающий внутри человеческого восприятия особые пространственные свойства – зеркало не только имеет само по себе определенное пространственное измерение, фиксируемое взором человека (размеры, форму, пропорции, оттенок стекла), но и отражает пространство в режиме пребывания человека devant le miroir (букв. – «перед зеркалом» – фр.) [1], [2]. В этом случае человек наблюдает в зеркале то, что в общем может быть определено как le monde du miroir (букв. – «зазеркалье» – фр.). Однако фиксируемая проблема здесь состоит в том, что за исключением прошлого сенсорного опыта,

и посредством анализа одной только зрительной информации невозможно понять, насколько реально пространство этого зазеркалья, то есть – все то, что находящийся пред зеркалом воспринимает визуально, как реальное de l'autre côté du miroir (букв. – «по ту сторону зеркала» – фр.). Если этот наблюдатель отходит от зеркала и меняет взаиморасположение себя самого с отражающей поверхностью, то отражение исчезает – во всяком случае, переместившийся наблюдатель не может это ни подтвердить, ни опровергнуть. Иначе – зеркало, в которое никто не смотрит, не отражает ничего, поскольку оно «работает» только в паре с наблюдателем, а в его отсутствие не «работает» вообще.

Для того чтобы снять эту контрапозицию, М. Фуко постулирует, что, несмотря на объективность существования зеркала в качестве предмета, имеющего собственные пространственные характеристики, пространство зазеркалья на самом деле ирреально – оно является сенсорно кажущимся, но в реальности не существует. Однако, несмотря на эту принудительную демаркацию, видимого глазом наблюдателя оказывается достаточно для того, чтобы утверждать совершенно иное положение, а именно: внутренние закономерности пространства гетеротопии способны изменять восприятие окружающей действительности таким образом, чтобы создавать внутри этого восприятия рефлекторные новообразования, новую воспринимаемую реальность.

Современные исследователи феноменологии гетеротопий, используя происходящие в современной культуре изменения и развивающиеся тенденции, активно стремятся экстраполировать на них данную аргументацию. Так, М. Фуко утверждал, что, если поместить зеркало в центр художественного полотна, то оно покажет то, что остается для зрителя «дважды незримым». Не имея дела с видимыми объектами, отражаемое в зеркале проникнет сквозь все пространство художественного произведения, и используя свойства рекурсии изображения, покажет то, что недоступно любому взору в видимой, доступной для этого взора модальности. В этом отношении зеркало становится чем-то таким, что проявляет свои гетеротопные свойства только в присутствии зрителя, а сама метафора зеркала используется М. Фуко для иллюстрирования проблемы соотношения между пространством visible («видимое» – фр.) и invisible («невидимое» – фр.) – посредством зеркала возможна трансгрессия пространства последнего в первое, тогда как в его отсутствие пространство незримого остается таковым из-за того, что оно «таится», «ускользает» от взгляда [2].

Театральная сцена вполне может быть уподоблена такому «зеркалу Фуко» в плане воспроизведения и демонстрации зрительскому восприятию пространственных образов собственного те-

атрального «зазеркалья» (или «засценья»), поскольку взаимоналожение ряда пространств друг на друга в рамках сценических моделей гетеротопной структуры, таким образом позволяет осуществить символическую конвергенцию создаваемых образов, визуально «прочитываемых» зрителем в режиме гетеротопии «между и между» – то есть, как присущих образному ряду или символике того пространства, к которому более склонится индивидуальное зрительское восприятие. Мастерство режиссера здесь будет заключаться в том, чтобы, даже по совершению зрителем конкретного выбора, основанного на его собственных приоритетах, у того бы все равно оставались сомнения и вопросы. Это трудно, но именно в этом и состоит одна из важнейших задач театра как исполнителя функции генератива, посредством сцены и актерской игры порождающего у зрителя новый взгляд на мир и на себя самого в этом мире [10].

Таким образом театр ломает и крушит бессодержательные, и часто сформированные по привычке или из-за лени представления обыденности, замещая их чем-то новым, нестандартным, неоднозначным, вызывающим споры не только в среде театральных критиков, но и в обществе в целом – и в этом есть настоящая, подлинная ценность и роль театра в культуре и обществе. Использование гетеротопии на сцене становится одним из факторов возможного преломления визуально наблюдаемого в зрительском восприятии [11], однако – в какую сторону преломится это наблюдаемое – часто не сможет предсказать не только постановщик, но и сам зритель, открывая внутри себя самого нечто доселе неведомое, и внутренне благодаря за это сцену и лицедействующих на ней актеров. Это парадоксальное, но возможное открытие зрителем, физически находящимся в зрительном зале, себя самого на сцене не стоит никаких денег, затраченных им на покупку билета на спектакль, да и вообще не имеет какого-либо материального измерения, поскольку оно всецело относится к миру духа, духовного бытия человеческой личности.

Проблема использования гетеротопных приемов в театральных постановках в настоящее время рассматривается сквозь призму изменений пространства сцены современного театра, генетически обусловленными переходом к театральной практике использования гетеротопий, а также – появления у сценического пространства театра в связи с вышеописанными изменениями новых особенностей [12]. Для этого сценическая гетеротопия должна, во-первых, не совпадать с исторически сложившимися в театре традиционными локациями и, во-вторых, соотноситься с каким-либо пространством за пределами сцены. Достигается это посредством установления взаимосвязи пространства с различными хронологическими уров-

нями *tempus historicum* и, во-вторых, принудительным расщеплением хронологических коннотаций пространства сцены с различными культурными формами в рамках несовпадающих культурно-исторических эпох. Кроме того, эффекта создания гетеротопии на театральной сцене можно достичь путем соединения (соприсутствия) в сценическом пространстве хронологически или пространственно несопоставимых объектов, замыкания парадоксальным образом сценического пространства на себя самого, а также путем введения принудительной пространственной иерархии объектов, отличающейся от обыденных моделей их позиционирования в реальном мире.

Для сценического воплощения гетеротопии в значительном большинстве прецедентов необходима ее «спайка» с гетерохронией таким образом, чтобы образуемый сценический хронотоп обязательно оставался как топологически, так и хронологически многослойным [15]. По ходу развития представления слои можно чередовать, менять местами, опускать, замещать, менять планы их демонстрации. Так, 1 февраля 2009 года театр «Мастерская Петра Фоменко» выпустил сценическую постановку литературного произведения, которое мало кто решился бы представить в форме, отличной от первоначальной текстовой. Речь идет о великом романе литературы прошлого века «Улисс» Д. Джойса. Спектакль длится почти шесть часов, дважды отпуская зрителей на антракты. Рекламный агент Леопольд Блум в течение одного дня путешествует по родному Дублину, что-то вспоминая, о чем-то забывая, перебирая то, что нужно сделать за этот день, и попутно попадает в самые разные передраги. В спектакле есть все то же, что и в тексте романа: посиделки в дублинском пабе, глубокомысленные размышления о жизни шекспировской глубины, диспут с ирландскими патриотами, перебранка и ругань со стражами порядка, посещение газетной редакции, похоронной церемонии, городского дома терпимости, и воспоминания, сплошное *impressio par excellence*. Постановщику удалось уложить более чем 900-страничный оригинальный текст романа в шесть часов сцены посредством полифонии (разложении речевой составляющей игры участников спектакля на голоса и наложения голоса на голос), а также особым образом организованного в форме гетеротопии сценического пространства с вращающимися декорациями, причем некоторые из них даже использовались по ходу спектакля неоднократно. Главное, что таким образом удалось сохранить и перенести постановщику со страниц романа на сцену – это его внутренний дух, формализованный в потоке сознания и ощущения жизни как постоянно меняющегося моря, в безбрежных и не имеющих четких очертаний пространствах которого судьба человека может быть уподоблена маленькому, но от-

чаянно цепляющемуся и борющемуся за жизнь суденышку.

В соединении с гетеротопным пространством сцены гетерохрония может быть реализована также посредством искусственного ускорения или замедления течения сценического времени, а также преднамеренным созданием сценических пауз по ходу его течения, которые, как правило, заполняются гетеротопными образами – воспоминаниями, реминесценциями, фантазиями участников сценического действия, сопровождаемыми в большинстве случаев некоторой мистификацией или даже мифологизацией происходящего в рамках основной сюжетной линии. В этом отношении гетеротопия в своем сценическом образе сближается с образом утопии как места, не существующего вовсе – либо же как такого, что существует параллельно реальному пространству, местами и временами как бы «просвечивая» сквозь него, но все равно оставаясь при этом за пределами реального. Такова, например, постановка «Мастерской Петра Фоменко» «Театральный роман (записки покойника)» по произведениям М.А. Булгакова. В отличие от авторского текста, в интерпретации театра главный герой Максудов вместо физической кончины попадает в пространство иного мира – мира театра, в котором действуют законы логики сцены, а не человеческой логики, что оказывается для главного героя полной неожиданностью, выливающейся в многочисленные коллизии, связанные с несовпадением обыденных представлений Максудова об окружающем с самим этим окружающим.

В «Истории города Глупова» в постановке молодежного театра г. Архангельска по мотивам «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина (постановщик И. Мощицкий) линейного течения времени нет вовсе, имеются только квазитемпоральные коннотации цитируемых отрывков, связанных с пребыванием на посту того или иного градоначальника. По всему периметру сцены постановщиком и оформителем расставлены, как колонны, огромные урны высотой выше роста человека, стенки которых испещрены в духе древней наскальной живописи. Меняются цвет, свет, ракурсы. Рассказчик с очередным набором древних и зачитанных манускриптов перебирается с одной урны на другую, и история продолжает течение. Постановщик использовал разбиение автором литературного текста на главы, в каждой из которой повествование ведется от другого лица. В конце оригинального текста романа с неба падает огромное серое «нечто», и история прекращает течение. В постановке молодых архангельских театралов невозможно представление подобной финитной сцены даже в форме аллегории, поскольку сценическая гетеротопия в соединении с атемпоральностью происходящего на сцене, ор-

ганизована на принципиально циклической модели.

В современных исследованиях культурной феноменологии гетеротопии акценты переставляются с инструментализации и операционализации использования данного решения организации сценического пространства на психологические аспекты, связанные с влиянием гетеротопии на глубину и четкость зрительского восприятия, способность театрал-реципиента корректно дешифровать символизм происходящего на сцене. В этом отношении гетеротопии скорее следует быть представленной в качестве средства медиации между авторским почерком постановщика и зрительским восприятием, поскольку сам этот тип организации сценического пространства при умелом подходе не только влияет на эту организацию как таковую, но и обращается к зрительскому восприятию непосредственно. Меняются не только пространственные характеристики развертывания сценического действия, но и происходят постепенные изменения в восприятии зрителем изменений, прямо или косвенно связанных с использованием гетеротопных сценических решений [14].

Другой кластер исследований современной культуры обращает внимание на изменение возможностей и широты спектра реализуемых через сценическое пространство функций, расширяемых при помощи гетеротопии. Особенности современной цифровой культуры виртуального пространства таковы, что вопрос о функциональности реализуемых внутри этой культуры решений ни в коем случае не должен быть отодвинут на задний план. В этой связи новые сценические образцы применяющихся гетеротопий приобретают все более синтетический характер гармоничного и внутренне непротиворечивого сочетания физического пространства с пространством виртуальным. В современных условиях культурной «экономики впечатлений» такого рода синтетика позволит, с одной стороны, повысить эффективность реализуемых сценических решений в плане их экспрессии и аттракции зрительского интереса, тогда как с другой стороны – минимизировать, например, издержки на создание материальных декораций и интерьеров, все более активно используя для этого на сцене современную аппаратуру создания самых достоверных по уровню своей визуализации и глубине эффектов.

Литература

1. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 408 с.
2. Фуко М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. С. 191–204.

3. Орлова Е.В. Феномен театрального пространства: культурфилософский анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2009. Т. 9, № 3. С. 36–41.
4. Гудачев О.М. Концепт гетеротопии М. Фуко: «Другое пространство» в новой музыке последней трети XX – начала XXI века // Вестник Академии Русского балета им. А.Я. Вагановой. 2017. № 1(48). С. 131–138.
5. Делёз Ж. Фуко. М.: Изд-во гуманит. литературы, 1998.
6. Бедаш Ю. Гетеротопология как практическая философия [Электронное издание] URL: https://www.hse.ru/data/2013/11/09/1281887898/8F_139–150.pdf (Дата обращения: 22.09.2025).
7. Foucault M. Von anderen Räumen //J. Dünne, S. Günzel (Hgs.) Raumtheorie. Grundtexte aus Philosophie und Kulturwissenschaften – Frankfurt am Mein: Suhrkamp, 2006. S. 319.
8. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: ИИ Гайдара, 2024. 816 с.
9. Кулькина В.М. Приемы гетеротопии как формы восприятия реальности в романе Пола Остера «Путешествия в скрипториуме» // Академия [Электронный ресурс] URL: https://www.academia.edu/41371199/95_ (Дата обращения: 19.09.2025).
10. Dehaene M. B. M., & Cauter, de, L. (2008). Heterotopia in a postcivil society. In Heteropia and the city: public space in a postcivil society (pp. 3–9). Routledge Taylor & Francis Group.
11. Леонтьева Э.В. Эволюция театрального пространства в свете общения сцены и зала // Пространство и время в искусстве. Л., 1988.
12. Лотман Ю.М. Семиотика сцены // Театр. 1980. № 1. С. 89–99.
13. Соколюк Л.С. Театральная гетеротопия в open-air постановках (на примере спектаклей в исторических декорациях Астраханского кремля) // Наследие веков. 2024. № (1). С. 39–52.
14. Уразымбетов Д. Д., Павлов М.М. Сценические пространства как смысловая связь кодов // Вестник СПбГИК. 2015. № 2 (23).
15. Чалышева К.О. Десакрализация театральной сцены: концептуализация понятия на примере иммерсивного спектакля / К.О. Чалышева, Н.Р. Саенко // Игра в жизнь. Жизнь в игре: материалы международного круглого стола, Москва, 06 мая 2024 года. М.: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет», 2024. С. 140–145.
16. Лобанова Ю.В. Театр и гастрономическое наслаждение: история и феномен общества впечатлений / Ю.В. Лобанова, Н.Р. Саенко,

К.О. Чалышева // Цивилизационное самоопределение в межнациональном диалоге и культурной традиции гостеприимства: Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 27 мая 2024 года. – Москва: Московский Политех, 2024. – С. 143–147.

THEATRE SPACE AS A HETEROTOPIA

Chalysheva K.O.

Volgograd State Social and Pedagogical University

The purpose of the research is to investigate and analyze the phenomenon of heterotopia on the theatrical stage by analyzing the micro-context of current innovations in the field of spatial scenic solutions in the modern theater. In the course of the research, special attention was paid to the concept of heterotopia, fundamental in modern philosophy, by the French postmodernist thinker Michel Foucault. The results of the study of M. Foucault's creative legacy draw attention to those features of heterotopia that have developed historically and have become most noticeable in the context of the modern cultural universe. The scientific novelty of the research lies in the analysis of aspects of the actualization of heterotopic solutions in the context of the modern "impression economy" and consumer society. In conclusion, individual examples of theatrical productions using spatial scenic solutions using heterotopy were purposefully analyzed, their positive aspects and problems of this kind of organization, which still remain unresolved, were noted. The study concludes with a review of new and recent research on the phenomenology of heterotopia in the theater space. As a result of the study, a number of assumptions are put forward about the most effective directions for the continuation of these studies and the prospects for studying this phenomenon.

Keywords: polymodality of theatrical stage space, heterotopia as intraspatial demarcation, magical vision, transformation of stage space, theater stage in an era of change.

References

1. Foucault M. Words and things. Archeology of the Humanities. St. Petersburg: A-cad, 1994. 408 p.
2. Foucault M. Other spaces // Intellectuals and power: selected political articles, speeches and interviews. Moscow: Praxis, 2006. Part 3. pp. 191–204.
3. Orlova E.V. The phenomenon of theatrical space: a cultural and philosophical analysis // Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2009. Vol. 9, No. 3. pp. 36–41.
4. Gudachev O.M. Foucault's concept of heterotopia: "Another space" in the new music of the last third of the twentieth – early twenty-first century // Bulletin of the Vaganova Academy of Russian Ballet. 2017. No. 1(48). pp. 131–138.
5. Deleuze J. Foucault, M.: Humanit Publishing House. literature, 1998.
6. Bedash Yu. Heterotopology as a practical philosophy [Electronic edition] URL: https://www.hse.ru/data/2013/11/09/1281887898/8F_139–150.pdf (Date of request: 09/22/2025).
7. Foucault M. Von anderen Räumen //J. Dünne, S. Günzel (Hgs.) Raumtheorie. Grundtexte aus Philosophie und Kulturwissenschaften – Frankfurt am Mein: Suhrkamp, 2006. S. 319.
8. Jamison F. Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism. Moscow: Gaidar Institute, 2024. 816 p.
9. Kulkina V.M. Methods of heterotopia as a form of perception of reality in Paul Auster's novel "Travels in the Scriptorium" // Academy [Electronic resource] URL: https://www.academia.edu/41371199/95_ (Date of request: 09/19/2025).
10. Dehaene M. B. M., & Cauter, de, L. (2008). Heterotopia in a postcivil society. In Heteropia and the city: public space in a postcivil society (pp. 3–9). Routledge Taylor & Francis Group.

11. Leontieva E.V. The evolution of theatrical space in the light of communication between the stage and the audience. // *Space and time in art*. L., 1988.
12. Lotman Yu.M. Semiotics of the scene // *Theater*. 1980. No. 1. pp.89–99.
13. Sokolyuk L.S. Theatrical heterotopia in open-air productions (on the example of performances in the historical scenery of the Astrakhan Kremlin) // *Legacy of the Centuries*. 2024. No. (1). pp. 39–52.
14. Urazymbetov D. D., Pavlov M.M. Scenic spaces as a semantic connection of codes // *Bulletin of SPbGIK*. 2015. № 2 (23).
15. Chalysheva K.O. Desacralization of the theatrical stage: conceptualization of the concept on the example of an immersive performance / K.O. Chalysheva, N.R. Sayenko // *The Game of life. Life in the game: proceedings of the International round table*, Moscow, May 06, 2024. Moscow: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow Polytechnic University", 2024. pp. 140–145.
16. Lobanova Yu.V. Theater and gastronomic enjoyment: the history and phenomenon of the impression society / Yu.V. Lobanova, N.R. Sayenko, K.O. Chalysheva // *Civilizational self-determination in interethnic dialogue and the cultural tradition of hospitality: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*, Moscow, May 27, 2024. Moscow: Moscow Polytech, 2024, pp. 143–147.

Исследование экологической этики в «Календарь природы» М.М. Пришвина

Ши Ханьюй,

магистрант, Северо-восточный университет лесного хозяйства, Китай
E-mail: 884301095@qq.com

Цзинь Сяомань,

доцент, Северо-восточный университет лесного хозяйства, Китай
E-mail: 1181005776@qq.com

В статье исследуется экологическая этика в произведении М.М. Пришвина «Календарь природы» через призму анализа природных образов и идеологических противоречий. На основе текстуального анализа и междисциплинарного подхода раскрывается дуализм мировоззрения писателя, сочетающего утилитарную практику охоты с формирующимся экологическим сознанием. Особое внимание уделяется мифопоэтической концепции «глаз земли» и полисенсорному описанию ландшафтов, что позволяет выявить специфику художественного воплощения идеи гармоничного сосуществования человека и природы. Показано, что экологическая философия Пришвина, укоренённая в православной традиции и народной культуре, обладает значительным философско-прикладным потенциалом. Исследование вносит вклад в развитие экогуманитарных наук, предлагая перспективы для переосмысления антропоприродных отношений в условиях современных вызовов.

Ключевые слова: экологическая этика, образ природы, глаза земли, идеологические противоречия, комплекс охотника, полисенсорное восприятие.

Введение

Экологическая литература представляет собой чрезвычайно важную отрасль литературоведения, которая получила широкое признание с XX века. Российская экологическая литература занимает особое место в мировой экологической литературы, и экологическая мысль уходит корнями в древние времена. Пришвин М.М. считается основоположником экологической и природной литературы во всем мире, а в российском литературном мире его считают поэтом и писателем природа [1]. Пришвин М.М. провел детство в деревне, где он был в тесном контакте с природой. Во время учебы в Германии он специализировался в агрономии. По возвращении в Россию он занял должность агронома. Он провел географическую съемку побережья Белого моря, а затем написал «В краю непуганных птиц». Эта книга принесла Пришвину М.М. известность.

Перевод и публикация произведений Пришвина М.М. в Китае начались в конце 1920-х годов, но подлинные научные исследования творчества Пришвина М.М. в нашей стране появились только в 1980-х годах. Экологическая ценность его работ постепенно становится открываться. Китайские ученые уделяют основное внимание отношению к природе и экологической мысли Пришвина М.М. Согласно статистике CNKI, всего имеется 178 литератур, связанных с Пришвиным. Ученые исследуют творчество Пришвина М.М. в рамках экологической литературы, анализируя «поэтическое качество» и жанровые особенности его произведений. Некоторые ученые, применяя сравнительный литературоведческий подход, исследуют общие черты творчества Пришвина М.М. и китайской литературы с целью предложить идеи развития экологической литературы. Некоторые ученые также отмечают развитие концепций родства в дневниках Пришвина М.М. Недавняя публикация его полных личных дневников вызвала значительный интерес со стороны ученых как внутри страны, так и за рубежом. Ян Хуайюй в своей работе «У исчезающих городских стен: обзор исследований Пришвина» (2002) дала краткий обзор состояния исследований Пришвина в России и за рубежом в XX веке. Она пришла к выводу, что «будь то в России, на Западе или в Китае, в прошлом или в настоящем, Пришвин М.М. занимал относительно маргинальное положение» [2].

Пришвин М.М. всегда считается ведущей фигурой в русских литературных кругах, однако ис-

следования, посвященные ему в начале XX века в СССР, были далеко не благоприятными. К счастью, с 1960-х годов советские ученые активизировали свои исследования творчества Пришвина М.М. Согласно материалам, собранным Ян Хуайюй, исследователем творчества Пришвина М.М. на факультете русского языка Пекинского университета, зарубежные исследования творчества Пришвина М.М. можно условно разделить на три отдельных направления. Одна категория включает тематические исследования, такие как соответствующие работы И. Зотова, Т. Хмельницкой, Г. Ершова и В. Федоровича. Другая категория включает монографии или специальные главы, такие как соответствующие разделы в книге Ершова Л.Ф. «История русской советской литературы» (1988) и совместной работе Метченка А.И. и Петрова С.М. «История русской советской литературы» (1975). Другая категория включает мемуары, такие как книги В. Пришвиной, жены Пришвина М.М. в том числе «Наш дом», «Путь к слову» и «Круг жизни», а также сборник «Воспоминания о Михаиле Пришвине», под редакцией Гришиной Я.З. и Рязановой Л.А. [3].

В статье изучено произведение «Календарь природы». В первой главе анализируется образ природы, а во второй главе интерпретируются особенности и интеллектуальные противоречия экологической концепции Пришвина. Данная научная работа опирается на экологическую перспективу. Работа анализирует экологические взгляды в современном обществе.

Прикладная ценность этого исследования заключается в его руководящем значении для реального общества и в предоставлении предложений по проблемам в реальном обществе.

Образ природы в «Календаре природы»

«Календарь природы» М.М. Пришвина представляет собой цикл прозаических произведений, раскрывающих идею гармоничного сосуществования человека и природной среды через структуру сезонной цикличности, которая служит основой для систематизации наблюдений автора, выполненных в период пребывания на Плещеевом озере. Несмотря на мимолётность бытия отдельных природных явлений, само озеро характеризуется чертами вечной молодости и существенной трансформацией своего облика в зависимости от времени года: начиная с процесса освобождения ото льда ранней весной и вплоть до превращения в зеркальную поверхность, отражающую небесный свод и луговые просторы в период полного оттаивания. В контексте народных представлений, интерпретирующих озера как «очи земли», Пришвин в разделе «Календарь природы» фиксирует частный, но показательный случай, иллюстрирующий данную мифопоэтическую концепцию глубинной связи ландшафта с космо-

сом. «Деревенская женщина с мальчиком вышла к озеру полоскать белье. Мальчик хотел помочиться в воду, женщина сказала своему мальчику: «Что ты, бессовестный, делаешь, в глаза матери...»» [4]. Как всегда в таких случаях, автор спросил Берендеевну, что она думает об этом. Берендеевна сказала: «Потом это же и на человека переводят: если у женщины заболят глаза, то в деревне скажут, что, наверно, это ее ребенок помочился в воду». Эти глаза раньше всего умирают и чувствуют умирание света. Начнется осень... Вода лежит как бы мертвая и веет от нее могилой с холодными рыбами. Автор подойдет к берегу озера, сядет и устремит взгляд на глаза земли [5].

В произведениях Пришвина М.М. озера являются священными и неприкосновенными [14]. Некоторые воды впадают, другие вытекают. Если озеро остается вечно полным, то жизнь бесконечна. Автор дважды упоминает озеро в тексте, говоря о жизни человека, которая также передается из поколения в поколение [6]. Новорожденный младенец приходит в этот мир, а старики уходят из него, как младенцы, подобно озерам. В момент смерти глаза первыми осознают смертность. Умирающий человек сначала теряет зрение, его глаза гаснут, затем он постепенно теряет сознание. Как озеро, оно первыми чувствует приход осени и уходит раньше всех остальных. Человечество само по себе является неотъемлемой частью природы, и поэтому развитие человечества должно обязательно следовать законам природы [7].

Китайский философ Чжуан-цзы в трактате «Безбрежное странствие» («Сяо яо ю») приводит следующее аллегорическое высказывание: «Утренний гриб не ведаёт ни смены луны, ни её полноты, а цикада не знает ни весны, ни осени». Данная метафора иллюстрирует ограниченность восприятия существ, чье существование крайне краткомерно: гриб, живущий лишь одно утро, лишён знания о лунных циклах, так же как цикада, чья жизнь укладывается в один сезон, не постигает годичной смены времён. Подобные существа пребывают в замкнутых мирах, обусловленных их скоротечным онтологическим статусом. При этом автор акцентирует не только эфемерность, но и экзистенциальную насыщенность такой жизни подобно бабочке, живущей один день, но прожигающей его с предельной интенсивностью и совершенством. Таким образом, Чжуан-цзы через поэтический образ недолговечных существ возмечивает саму жизнь в её мгновенном, но полном проявлении, выражая тем самым философское устремление к достижению состояния вневременной целостности и уникальной полноты бытия в отведённый срок.

Затем автор переходит к описанию сцены с точки зрения звука, представляя читателям трехмерный лесной пейзаж [8]. Песенки девушек сыпались, и, под них именно и танцевали над во-

дой поденки. Робинзоны бренчат на струнах, поют дуэтом с девушками, а сосновый лес оглашался задорным смехом и визгами. В произведениях Пришвина М.М. человек взаимодействует на природу, создавая картину природной гармонии. Автор использует многогранный подход к описанию звука и пейзажа, задействуя несколько чувств читателя, чтобы тот мог ощутить природу. Успех автора заключается в его умении создавать яркие, выразительные описания, которые переносят читателей в самое сердце повествования. Все это благодаря тщательному наблюдению Пришвина за природой, а любовь к природе является основой такого наблюдения.

В этой книге автор часто упоминает запах цветов в отрывках, где их описывает, поскольку запах вызывает у писателя воспоминания [9]. Описание запаха позволяет читателям ощутить сущность природы через обоняние. Некоторые особые цветы могут пробуждать животные инстинкты, что, по мнению автора, служит убедительным доказательством того, что животные и растения имеют общее происхождение.

Запах цветов весной гонит автора из одного места в другое. Ночная красавица не раскрывает свой аромат весной; она всегда ждет, пока весна закончится и наступит лето, когда ее лепестки слегка пожелтеют, прежде чем раскрыть свой насыщенный аромат. Тогда автор достаточно побродил, и весна подходила к концу.

В творчестве М.М. Пришвина доминирует многогранный подход к изображению природных образов, характеризующийся активным задействованием полисенсорного восприятия. Автор синтезирует зрительные, слуховые и обонятельные ощущения, создавая тем самым целостные и объемные ландшафтные описания. Подобное сочетание различных чувственных модальностей от звуков животных и ручьев до ароматов цветущих растений способствует эффекту полного погружения читателя в художественно воссозданное природное пространство, усиливая его пластическую и эмоциональную выразительность.

Идеологические противоречия и экологическая точка

Интеллектуальный конфликт М.М. Пришвина раскрывается в глубоком дуализме его натуры: с одной стороны, это инстинкты и практика охотника, добывающего пропитание и получающего от этого процесса эстетическое удовлетворение, а с другой зарождающееся экологическое сознание. В «Календаре природы» это противоречие наглядно проявляется в эпизодах, где автор, движимый азартом или утилитарной целью (как в случае со стрельбой по летучим мышам для пополнения музейной коллекции), прибегает к жестокости по отношению к животным. Детальные описания дрессировки гон-

чих собак, чье обостренное обоняние обеспечивало богатую добычу, подчеркивают его погруженность в охотничью субкультуру. Таким образом, его практика, основанная на утилитарном отношении к природе, вступает в острое противоречие с принципами экологической этики.

В то же время он проявит желание защищать природу. Он с толком воспитал в них эту свою страсть: ради меткого выстрела свои дети не загубят жизнь, они убивают только, что мы едим и что можно сохранить для музея [10]. Более того, когда дикий селезень взял утку охотника, жестокосердный охотник не осмелился выстрелить [15]. Аналогичным образом, мы заметим, что другие люди также демонстрируют такое противоречивое мышление [11].

Сколько прошло поколений рыбаков, передающих один другому заповедь охраны прекрасных и бесполезных, кажется, птиц, чтобы полудикие мальчики не швырялись в них камнями.

Мы замечаем, что в своей работе «Календарь природы» Пришвин подходит к элементам леса с «родственной заботой» и глубоким почтением, поэтому изображаемые им существа обладают такой жизненной силой и духом [12]. Однако, будучи охотником, он одновременно занимался некоторыми необходимыми охотничьими деятельностью. Именно конфликт между этими двумя подходами раскрывает противоречия в экологической философии Пришвина М.М. В следующем разделе будет рассмотрена его экологическая точка зрения.

Пришвин М.М. сблизится с природой благодаря охоте [3]. В «Календаре природы» Пришвин М.М. описывает густой лес и удивительные флоры и фауны, сравнивая озеро с матерью и раскрывая глубокую зависимость от природы [5]. Его творчество проникнуто глубоким почтением к природе и всем живым существам. Под влиянием православной культуры Пришвин М.М. отстаивает духовную экологию [13]. Таким образом, экологическая философия Пришвина носит ярко выраженный православный характер, рассматривая природу как мать человечества, которую мы уважаем и лелеем.

Заключение

Ключевые выводы данного исследования подтверждают, что «Календарь природы» М.М. Пришвина представляет собой не только художественное, но и глубоко философское высказывание о взаимоотношениях человека и природы. В работе последовательно раскрывается дуализм мировоззрения писателя, выражающийся в напряжении между утилитарной практикой охоты и формирующимся экологическим сознанием. Анализ природных образов, в особенности мифопоэтической концепции «глаз земли», демонстрирует, что Пришвин воспринимал природу как целостный живой организм,

обладающий духовным измерением и требующий не просто изучения, но благоговейного отношения. Через полисенсорное описание ландшафтов синтез зрительных, звуковых и обонятельных образов автор не только создаёт эффект погружения, но и утверждает ценность непосредственного, чувственного познания мира. Этот художественный приём служит основной идее: преодолению отчуждения человека от природной среды.

Экологическая этика Пришвина, укоренённая в православном миропонимании и народной культуре, оказывается особенно актуальной в контексте современных антропогенных вызовов. Несмотря на внутренние противоречия, его творчество предлагает модель гармоничного сосуществования, основанную не на эксплуатации, а на диалоге и родственной заботе. Таким образом, проведённое исследование позволяет заключить, что наследие Пришвина обладает значительным философско-прикладным потенциалом. Оно задаёт ориентиры для переосмысления места человека в природной системе и может служить основой для дальнейших междисциплинарных изысканий в области экогуманитарных наук, способствуя формированию новой экологической парадигмы в общественном сознании.

Литература

1. Бадалова Н. Б., Шакурбанова Н.Э. Воспитание экокультуры через пейзажи русской литературы: как формировать правильное отношение к природе в сознании ребенка // Вестник науки. – 2025. – № 5. – С. 310–314.
2. Го Ли. Исследование творчества М.М. Пришвина в Китае: История и современное состояние // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – № 2. – С. 309–314.
3. Ли Минмин. Краткий анализ концепции экологической гармонии Пришвина // Экологическая наука и управление. – 2006. – № 5. – С. 138–139.
4. Ли Юн. Экологическая литературная мысль и романтизм в произведениях Пришвина // Социальные науки Цзянсу. – 2013. – № 4. – С. 149–154.
5. Лян Кунь. Поэтическая география Пришвина // Русская литература и искусство. – 2024. – № 4. – С. 20–30.
6. Наср М.Т. Образы русской природы в эволюции художественной философии Михаила Пришвина // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2020. – № 3. – С. 172–181.
7. Пришвин М.М. Календарь природы / М.М. Пришвин. – М.: Дальневосточное книжное издательство; Петропавловск: Алетей, 1988.
8. У Цзюнь, Цзоу Лувэй. Геокультурный образ высшего края в творчестве Михаила Пришвина: специфика и факторы изменения // МИРС. – 2024. – № 1. – С. 72–79.
9. Фань Сюэсинь, Ло Цзюнь. Сравнительное исследование творчества Тао Юаньмина и Пришвина с точки зрения экологической литературы // Сравнительные исследования в области культурных инноваций. – 2023. – № 7. – С. 10–15.
10. Цуй Янься. Сравнительный обзор исследований творчества Пришвина в России и Китае // МНКО. – 2025. – № 2. – С. 513–516.
11. Чжан Синь. Краткое обсуждение творческой философии Пришвина «Природа и человек» // Северная литература. – 2012. – № 2. – С. 62–63.
12. Чжэн Тао. Эстетика и спекуляция: о «поэзии» в прозе Пришвина // Русская литература и искусство. – 2023. – № 3. – С. 75–85.
13. Чжоу Дяньдань. Исследование русского писателя Пришвина с точки зрения трехмерного ландшафта: на примере произведений «Календарь природы» и «лесная капля» // Академический журнал гуандун. – 2024. – № 2. – С. 99–105.

STUDY OF ECOLOGICAL ETHICS IN M.M. PRISHVIN'S «NATURE'S CALENDAR»

Shi Hanyu, Jin Xiaoman
Northeast Forestry University, China

This article examines environmental ethics in M.M. Prishvin's «Nature's Calendar» through the lens of natural imagery and ideological contradictions. Using textual analysis and an interdisciplinary approach, it reveals the duality of the writer's worldview, which combines the utilitarian practice of hunting with a developing environmental consciousness. Particular attention is paid to the mythopoetic concept of the «eyes of the earth» and the multisensory description of landscapes, revealing the specifics of his artistic embodiment of the idea of the harmonious coexistence of man and nature. It is demonstrated that Prishvin's environmental philosophy, rooted in Orthodox tradition and folk culture, possesses significant philosophical and applied potential. This study contributes to the development of eco-humanities by offering perspectives for rethinking anthropo-natural relations in the face of contemporary challenges.

Keywords: environmental ethics, image of nature, eyes of the earth, ideological contradictions, hunter's complex, multisensory perception.

References

1. Badalova N. B., Shakurbanova N.E. Fostering Eco-culture through Landscapes of Russian Literature: How to Form the Correct Attitude to Nature in a Child's Mind // Science Bulletin. – 2025. – № 5. – Pp. 310–314.
2. Guo Li. Study of M.M. Prishvin's Works in China: History and Current State // Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. – 2019. – № 2. – Pp. 309–314.
3. Li Mingming. A Brief Analysis of Prishvin's Concept of Ecological Harmony // Environmental Science and Management. – 2006. – № 5. – Pp. 138–139.
4. Li Yun. Ecological Literary Thought and Romanticism in Prishvin's Works // Jiangsu Social Sciences. – 2013. – № 4. – P. 149–154.

5. Liang Kun. Prishvin's Poetic Geography // Russian Literature and Art. – 2024. – № 4. – P. 20–30.
6. Nasr M.T. Images of Russian Nature in the Evolution of Mikhail Prishvin's Artistic Philosophy // Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics. – 2020. – № 3. – P. 172–181.
7. Prishvin M.M. Nature's Calendar / M.M. Prishvin. – Moscow: Far Eastern Book Publishing House; Petropavlovsk: Aleteya, 1988.
8. Wu Jun, Zou Luwei. The Geocultural Image of the High Country in the Works of Mikhail Prishvin: Specific Features and Factors of Change // MIRS. – 2024. – № 1. – Pp. 72–79.
9. Fan Xuexin, Luo Jun. Comparative Study of the Works of Tao Yuanming and Prishvin from the Perspective of Environmental Literature // Comparative Studies in the Field of Cultural Innovations. – 2023. – № 7. – Pp. 10–15.
10. Cui Yanxia. Comparative Review of Studies of Prishvin's Works in Russia and China // MNKO. – 2025. – № 2. – Pp. 513–516.
11. Zhang Xin. A Brief Discussion of Prishvin's Creative Philosophy "Nature and Man" // Severnaya Literaturaya. – 2012. – № 2. – Pp. 62–63.
12. Zheng Tao. «Aesthetics and Speculation: On the «Poetry» in Prishvin's Prose» // Russian Literature and Art. – 2023. – № 3. – pp. 75–85.
13. Zhou Dandan. A Study of the Russian Writer Prishvin from the Perspective of a Three-Dimensional Landscape: Using the Examples of the Works «Nature's Calendar» and «Forest Drop» // Guandong Academic Journal. – 2024. – № 2. – pp. 99–105.

Футурошок как одна из причин отчуждения в современном мире

Абдуллатифова Лада Абдулмуталибовна,
аспирант, Балтийский государственный технический
университет «Военмех»

На протяжении столетий вопрос отчуждения занимает умы не только философов, но и специалистов смежных наук, и даже при беглом анализе источников разных исторических периодов, становится очевидным то, что каждый раз феномен отчуждения является следствием разного набора причин. Чтобы правильно определить арсенал для решения проблемы, в первую очередь необходимо правильно идентифицировать то, что вызывает проблему в текущий момент. В эпоху стремительного развития технологий и техники все больше специалистов полагают, что источник проблемы кроется именно в темпе жизни современного человека и процессе его адаптации к беспрецедентным переменам, которые потрясают человечество, разрушая привычный уклад жизни и вызывая чувство неопределенности и дезориентации.

Ключевые слова: отчуждение, глобализация, цифровизация, социальное отчуждение, третья волна, шок будущего, футурошок.

Вопрос отчуждения долгое время был и до сих пор остается одним из основополагающих вопросов философии, но тем не менее истоки отчуждения всегда трактовались по-разному, в прямой зависимости от реалий исторической действительности, окружающей людей того или иного исторического периода. И, если Фейербах видел религию, как неиссякаемый источник и первопричину отчуждения человека от его «реального я» с последующим проецированием собственной сущности в небо, то спустя не такой продолжительный отрезок времени Карл Маркс основной причиной роста отчуждения называл существование частной собственности и общественного разделения труда. Таким образом, в обоих случаях проблема отчуждения могла быть решена посредством удаления из уравнения одной переменной – религии (в первом случае) и капитализма (во втором). И как бы сложна ни представлялась нам возможность искоренения таких издревле присущих человечеству аспектов как вера в высшие силы или частная собственность, в XXI веке мы с уверенностью можем сказать, что отчуждение – феномен гораздо более гибкий, чем представлялось раньше, и причины, стоящие за ним могут меняться и видоизменяться, но само отчуждение в той или иной форме вряд ли исчерпает себя с исчезновением какой-то одной переменной. И наша первостепенная задача в любую эпоху – обозначить ряд причин, приводящих к росту уровня отчуждения в конкретно выбранный период времени, учитывая все факторы, которые могут так или иначе влиять на возникновение и развитие данного феномена.

Конец XX – начало XXI века – время стремительных и глобальных изменений, эпоха прорыва во всех сферах, начиная от межличностных отношений и заканчивая успехами в науке и развитии технологий. С большой долей вероятности, причины отчуждения современного социума должны лежать в плоскости именно этих явлений. В данной статье мы обратимся к теории футурошока, или шока будущего, разработанной в рамках работ американского социолога и футуролога Элвина Тоффлера, и проанализируем вероятную взаимосвязь между понятиями футурошока и отчуждения.

В отличие от традиционных подходов к построению схемы исторического развития человечества, Э. Тоффлер использует концепцию «волн» для описания масштабных изменений, влекущих за собой глобальные перемены в жизненном укладе человека (например, дегуманизация человека

в эпоху индустриального общества и появление новых видов отчуждения в информационном).

Человечество уже пережило волны, т.е. два глобальных рывка в науке и технике. Первая волна была запущена в действие внедрением сельского хозяйства и последующим за ним аграрным развитием человечества. Пусковым крючком для второй волны стал промышленный переворот и индустриализация производства, а третья волна, на пороге которой сегодня находится человечество, будет вызвана научно-технической революцией [4]. Каждая волна коренным образом меняет, если не просто разрушает, уклад жизни человека, заставляя человечество адаптироваться к абсолютно новым концептам окружающей действительности.

Но реальность такова, что темп перемен, обрушивающихся на человечество сегодня, больше напоминает стихийное бедствие, нежели изменения, к которым можно успеть подготовиться и адаптироваться. Перемены, уничтожающие весь привычный уклад человека, приводят к возникновению неизвестного ранее психологического состояния, характеризующегося резкой утратой чувства реальности и страхом перед грядущим будущим.

Манифестация «болезни» может проявляться по-разному. Она может проявиться «беспорядочными отклонениями во взглядах и интересах и в беспорядочном образе жизни, затем следует попытка забиться в свою конуру», замкнуться в себе посредством социального, интеллектуального и эмоционального отчуждения, отстранения от окружающего мира. Тоффлер отмечает: «Они все время чувствуют себя «затравленными» или потерявшими покой и безнадежно хотят уменьшить количество проблем, которые нужно решать» [3].

Отечественный исследователь В.А. Петровский также отмечает, что человек, столкнувшийся с отчуждением, переживает чувство глобальной несправедливости и враждебности мира по отношению к нему, неуверенность в себе и неудовлетворенность собственной жизнью и результатами своей деятельности [2]. Окружающие люди в лучшем случае будут восприниматься как ничего не значащие элементы жизни, в худшем – как угроза. Отчужденный человек испытывает презрение к окружающим, которое сочетается с озлобленностью, завистью, враждебностью и желанием спрятаться от внешнего мира.

Социологи также бьют тревогу, указывая на стремительно разрастающуюся пропасть не только между людьми разных классов или поколений, но между людьми, казалось бы, находящимися на одном уровне по многим показателям. Тут же стоит упомянуть еще один бич современного общества – возрастающее чувство одиночества и полная духовная опустошенность современного человека. В своих попытках адаптироваться

под стремительно меняющуюся реальность человек «отрицает ранее значимые для него символы и коллективную память, включающую традиции» [5], которые всегда выполняли роль нравственных скреп общества. В реалиях современности они уже не могут обеспечить ту уверенность, какую они могли дать еще несколько десятилетий назад. При этом новые нравственные опоры еще не сформированы. И если мы говорим о причинах отчуждения в разрезе современного общества, мы вполне можем говорить об отчуждении как о побочном эффекте механизма адаптации к непрерывно меняющимся условиям жизни. К отличительным характеристикам, влияющим на изменение социокультурной реальности и вызывающим футурошок и последующий рост уровня отчуждения можно отнести быструю сменяемость событий и ситуаций.

Сокращается время взаимодействия человека с вещью. Предметы материальной культуры выходят из моды гораздо быстрее, чем это происходило еще пару десятилетий назад. Данное явление можно объяснить вполне рациональными причинами: старая продукция устаревает из-за постоянного усовершенствования процесса производства и стремления компаний выпускать все более и более конкурентноспособные образцы. С другой стороны, неизбежно напрашивается вывод, что быстрое устаревание материальных ценностей может представлять «часть всеобъемлющего процесса ускорения, затрагивающего все общество в целом» [7].

При этом устареванию подвергаются не только материальные вещи, но и все, что окружает современного человека в целом, свой вес утрачивают места, люди, организации и информация. Актуальность чего-то сегодня не подразумевает актуальности того же самого завтра. В связи с этим мы становимся свидетелями необычайно высокого уровня мобильности современного человека [7]. На первый взгляд может показаться, что в эпоху глобализации, когда нивелируются национальные и культурные границы, жизнь человека становится проще, но в силу увеличенной мобильности ему гораздо чаще приходится проходить через адаптацию к новому культурному коду. Шок культуры – результат погружения «неподготовленного пользователя» в чуждый ему культурный код. Данный феномен также отчасти может объяснить «замешательство, фрустрацию и дезориентацию» [3] тех, кто в попытках пройти адаптацию к постоянно меняющимся условиям жизни, выбирает миграцию и попытки обустроить свою жизнь в новом месте. Но если шок культуры возникает в результате наложения одной культуры на другую, шок будущего возникает в результате наложения одной картины восприятия на другую в рамках одного общества. При этом, учитывая скорость сменяе-

мости «картинок», столкновение старого и нового происходит практически безостановочно.

Невозможность стать полноценной частью системы социальных взаимодействий в конечном итоге приводит к частичной или полной утрате чувства причастности к событиям, происходящим вокруг отдельно взятого человека. При условии, что такое состояние будет носить непрерывный и массовый характер, это повлечет за собой «атомизацию и стратификацию общества» [3], количество и длительность социальных контактов будет сокращаться, также неизбежно будет снижаться их качество.

В развитых странах уже наблюдается ситуация, когда отсутствие глубинных связей между людьми как элементами общества приводит к тому, что человек превращается в современное подобие древнего кочевника. Зачастую отчуждение толкает человека на вечные скитания в поисках своего законного места в мире. Недаром после эпидемии коронавируса и последующего за ним локдауна появилось понятие «цифровых кочевников» – людей, по роду своей деятельности не привязанных к какому-то определенному месту жительства, людей без родины.

Интенсивные темпы цифровизации также вносят свой вклад в перекраивание системы ценностей и ориентиров современного человека. Совершенно очевидно, что в ближайшем будущем широкий спектр профессий окажется невостребованным и либо перейдет в разряд низкооплачиваемого труда, либо просто перестанет существовать. Цифровизация и маячащая перед нами перспектива расширения применения искусственного интеллекта в ряде областей с одной стороны открывает перед человеком возможность раскрытия своего внутреннего потенциала, долгое время дремлющего под гнетом капитализма, с другой стороны, это может оказаться как раз той свободой, которой еще в XX веке предупреждал сторониться Э. Фромм: «Новая свобода неизбежно вызывает ощущение неуверенности и бессилия, сомнения, одиночества и тревоги» [6]. Основной путь, по которому может осуществляться бегство от свободы, лежит через «подчинение вождю, как в фашистских странах, и вынужденную конформизацию, преобладающую в нашей демократии». Успешная приспособленность к реалиям времени в большинстве случаев достигается за счет отказа от своей личности, то есть отчуждению своего личного «Я» в попытке уподобиться требуемому образу [6].

Современные исследователи уделяют большое внимание глобальным источникам возникновения феномена отчуждения (кризисы в отечественной и мировой экономике, потребительское отношение человека к природе, экологические катастрофы, появление новых штаммов вирусов, пандемии, разработка новых, более совершенных и точ-

ных видов оружия массового поражения, распространение оружия в космосе и пр.) Все это порождает ощущение неопределенности и всеобщего хаоса. Но если мы хотим урегулировать все споры о главенствующем факторе возникновения отчуждения в современном обществе и привести все точки зрения к общему знаменателю, теория футурошока, сформулированная Э. Тоффлером несколько десятилетий назад, является вариантом, удовлетворяющим всем точкам зрения.

За достаточно продолжительную историю существования рода человеческого человек уже зарекомендовал себя как одну из самых адаптивных и самых приспособляемых форм жизни. Тем не менее, вызовы, которые бросает нам современность, не могут сравниться с вызовами прошлого. На рубеже перехода от второй волны перемен к третьей человечество отдает все силы на адаптацию к этим переменам. Тоффлер справедливо замечает, что должны существовать допустимые пределы изменений, под которые может подстроиться человек [3]. Шок будущего сопряжен со страданием как физического, так и психологического характера. Определенно, что проблема, с которой мы имеем дело сегодня, потребует объединения разрозненных областей знаний (психология, философия, неврология, теория нейронных связей, эндокринология). Но даже четкое и ясное понимание того, как работает механизм адаптации и с какими последствиями нам еще предстоит разобраться, не гарантируют человечеству способность ответить на вызовы нашего времени и стать частью будущего, которое уже стоит за нашей дверью.

Хотя задокументированная история феномена отчуждения насчитывает всего несколько столетий, мы можем сделать вывод, что сам концепт отчуждения был известен людям с древних времен. Со сменой исторических декораций менялись причины и способы борьбы с данным явлением: от антирелигиозных движений до революций и перекаривания карты мира. Сегодня же мы стоим на пороге беспрецедентных изменений, которые в конечном итоге призваны сделать мир лучше. Но перед этим нам предстоит найти способы справиться со всеми побочными эффектами этих перемен, одним из которых и является отчуждение.

Литература

1. Носакова Т.В. Футурошок современного общества в контексте концепции Элвина Тоффлера. – URL: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/31705/1/978-5829507169_2020_055.pdf (дата обращения 25.09.2025).
2. Петровский В.А. Феномен субъектности в развитии личности. – Самара, 1997. – 101 с.
3. Тоффлер Э. Шок будущего. – М.: АСТ, 2002. – 557 с.

4. Тoffлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 2004. – 261 с.
5. Трофимова Н.Б. Духовное опустошение в юности как возможный результат кризиса идентичности *Norwegian Journal of Development of the International Science*. 2021. № 56. С. 68–75.
6. Фромм Э. Бегство от свободы / Э.Фромм. – М.: Прогресс, 1990.
7. Шакир Р.А. Столкновение цивилизаций на примере феномена культурного шока: типологический анализ // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. – 2016. – № 3. – С. 152–162.

FUTUROSHOCK AS ONE OF THE CAUSES OF ALIENATION IN THE MODERN WORLD

Abdullatifova L.A.

Baltic State Technical University "Voenmeh"

For centuries, the question of alienation has occupied the minds of not only philosophers but also specialists in related fields. Even a cursory analysis of sources from different historical periods reveals that each instance of alienation is the result of a different set of causes. To correctly identify the solution to the problem, it is first

necessary to correctly identify the underlying cause. In an era of rapid technological and technical advancement, more and more experts believe that the source of the problem lies precisely in the pace of modern life and the process of adapting to the unprecedented changes that are overwhelming humanity, disrupting the familiar way of life and causing a sense of uncertainty and disorientation.

Keywords: alienation, globalization, digitalization, social alienation, third wave, future shock.

References

1. Nosakova T.V. Future Shock of Modern Society in the Context of Alvin Toffler's Concept. – URL: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/31705/1/978-5829507169_2020_055.pdf (accessed 09/25/2025).
2. Petrovsky V.A. The Phenomenon of Subjectivity in Personality Development. Samara, 1997, 101 p.
3. Toffler E. Future Shock. Moscow: AST, 2002, 557 p.
4. Toffler E. Third Wave. Moscow: AST, 2004, 261 p.
5. Trofimova N.B. Spiritual Devastation in Youth as a Possible Result of Identity Crisis. *Norwegian Journal of Development of the International Science*. 2021. № 56. P. 68–75.
6. Fromm E. Escape from Freedom / E. Fromm. – M.: Progress, 1990.
7. Shakir R.A. Clash of Civilizations on the Example of the Phenomenon of Culture Shock: A Typological Analysis // Socio-Economic and Humanitarian Journal of the Krasnoyarsk State Agrarian University. – 2016 – № 3. – P. 152–162.

Православный воин Давыдов Денис Васильевич: взгляд на личность героя войны 1812 года сквозь призму времени

Архимандрит Афанасий (Голенко),

соискатель, кафедра философии и религиоведения;
Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

Статья посвящена анализу деятельности Дениса Васильевича Давыдов в аспекте православия и войны 1812 года. Рассматриваемая личность – герой войны 1812 года и последующих войн, вошел в историю страны как воин, беззаветно любящий свое Отечество. Он известен, как признанный мастер ведения партизанской войны большого масштаба, а некоторые исследователи по праву называют командира «эскадрона гусар летучих» родоначальником партизанской войны в России. Уже более двухсот лет о Давыдове говорят не только, как и как о лихом гусаре. Он известен и как поэт, ворвавшийся в карамзинскую эпоху русской словесности, покоривший публику бравыми стихами. «Автор гусарской лирики» – такое определение встречается чаще всего, когда речь идет о Давыдове-писателе. Одного бравого выражения автобиографии «маленький повеса бросил псалтирь...» хватило, чтобы практически никто из исследователей наследия Дениса Давыдова не писал о нем, как о христианине, как о человеке, рожденном в православной вере и всю жизнь следовавшему наставлениям священного писания.

Ключевые слова: православный воин, Давыдов Денис Васильевич, война 1812 года, герой, личность, православие.

Религия и литература – неразрывно связаны. Религия предоставила литературе огромный пласт образов, сюжетов и тем, а литература, в свою очередь, сделала религиозные идеи и вопросы достоянием широкой культуры, предметом рефлексии, спора и творческого переосмысления. Это диалог, который обогащает и то, и другое.

Православная вера оказала фундаментальное влияние на русскую литературу, став ее духовным и нравственным стержнем. Это отражение не всегда прямое и догматическое; чаще оно проявляется в поиске смысла жизни, борьбе добра и зла в душе человека, концепции страдания и смирения, идее соборности и личной ответственности [6].

Литература XIX века – «Золотой век», век гениев, которые поднимали экзистенциальные и нравственные вопросы, коренящиеся в православном мировоззрении, даже если сами авторы находились в сложных отношениях с верой. Православная вера стала для русской литературы не просто источником сюжетов или символов, а духовной и нравственной почвой, на которой выросли главные вопросы: о смысле жизни, о добре и зле, о свободе и ответственности, о страдании и любви. Даже когда авторы спорили с Церковью или изображали трагические сомнения, сам строй их мысли, глубина постановки проблем были порождены именно той культурной и духовной средой, которую сформировало Православие [10].

Денис Васильевич Давыдов и его дневник (или, точнее, его военные мемуары) – это уникальное явление в русской истории и литературе. Он был не просто героем Отечественной войны 1812 года, партизаном и генералом, но и талантливым писателем, оставившим потомкам яркие, живые и очень субъективные воспоминания о своей эпохе. Давыдов вел записи на протяжении многих лет, но главный его труд, который чаще всего называют «дневником» или «мемуарами», – это «Дневник партизанских действий 1812 года». Это свидетельство христианского мировоззрения его автора Дениса Давыдова. Наше обращение именно к этому прозаическому произведению Дениса Давыдова не случайно. Во-первых, Давыдов называл себя «человеком, рожденным единственно для рокового 1812 года». Во-вторых, именно жанр дневника позволяет рассмотреть личностное через призму общезначимого [1]. «Дневник...» Дениса Васильевича – художественно-историческое произведение, где он не только рассказывает о геро-

ической борьбе партизанских отрядов за родную землю против ненавистных захватчиков, но где дается много бытовых зарисовок, рассуждений о добре и зле, о правомерности тех или иных поступков на войне. Личность бесстрашного православного воина раскрывается через эти дневниковые записки.

Денис Давыдов – Поэт и Гусар. Он был человеком чрезвычайно ярким, энергичным, остроумным и независимым. Его литературный талант и склонность к романтике идеально сочетались с военной профессией, был известным поэтом «гусарской» школы, воспевавшим лихую жизнь, вино, любовь и воинскую доблесть. Этот поэтический взгляд на мир пронизывает и его прозу. Давыдов является основоположником теории и практики партизанской войны в России. Его отряд, сформированный из гусар и казаков, успешно действовал в тылу наполеоновской армии, перехватывая обозы, уничтожая фуражиров и сея панику. Воевать против безбожных врагов – долг православного русского человека [8].

Как православный человек, автор дневника не раз акцентирует внимание на «безбожии врагов наших». Эти мысли звучат в разных контекстах: и когда он упоминает, что поселяне ропщут на насилие и безбожие врага, и когда сетует, что на первых порах отступая, наши войска не могли дать отпор безбожникам, посягнувшим на честь и достоинство, на само существование России как независимого государства, на целостность нации. И видит для себя в тех обстоятельствах только один верный путь христианского служения – быть полезным Отечеству.

Эти слова Дениса Давыдова об исполнении долга созвучны наказам, что немногим позже напишет в своих письмах Святитель Игнатий Брянчанинов:

«Когда ж начала скопляться военная гроза – вы оставили плуг, снова взялись за меч, взялись за него с христианским смиренномудрием, взялись, движимые и руководимые истинною преданностью и любовью к Царю и Отечеству» [10].

В «Дневнике партизанской войны 1812 года» автор много пишет о долге, о подвиге на войне, всматриваясь в черты ее героев. Порыв простого люда дать отпор врагу вызывает восхищение автора. Это не дневник в прямом смысле слова (как ежедневные записки), а скорее военные мемуары, написанные на основе дневниковых записей, писем и собственных воспоминаний. Он был опубликован в 1860 году, уже после смерти автора. Давыдов пишет не сухим канцелярским языком донесения, а ярко, образно, с юмором и сарказмом. Читатель чувствует себя участником событий. Это одна из самых ценных черт дневника. Давыдов не просто фиксирует события, он их оценивает. Он яростно спорит с официальными историками, критикует некоторых генералов (например, он

был в конфликте с генералом Винцингероде), отстаивает свою роль и роль партизанского движения в целом. Его записки – это личный, порой пристрастный, взгляд на войну.

Дневник содержит подробное описание принципов партизанских действий: внезапность, мобильность, опора на поддержку местного населения, знание местности. Подробно описывает не только сражения, но и повседневную жизнь партизанского отряда: трудности с провиантом, отношения с крестьянами, курьёзные случаи. Очень важная для Давыдова тема образа русского народа. Он с огромным уважением пишет о русских крестьянах, которые сами, без приказа, поднимались на борьбу с захватчиками, становились его проводниками и помощниками.

Сцена расстрела грабителя храма Божия является одной из самых ярких в «Дневниках». Расстреливают преступника публично в присутствии четырех священнослужителей. Грабителю дали по христианскому обычаю возможность исповедаться,

Денис Давыдов не готов простить в военное время за измену и священников. Не случайно в своем дневнике он вспоминает о могиловском архиерее, которого просит у светлейшего наказать «за присягу французам, к которой он приводил могиловских жителей, и за поминания на эктеньях Наполеона». И с удовольствием отмечает, что позже этот изменник был разжалован до рядового монаха.

Дневник Дениса Давыдова пестрит православной лексикой:

«Отслужили молебен и выступили в поход с благословениями всех жителей», «совершите то, что Бог повелел совершать с врагами христовой церкви и вашей родины», «Ну, с Богом! Я на тебя надеюсь!» Слова эти мне очень памятли!» [3].

Когда автор рассказывает, как партизанам приходилось располагать к себе поселян, то акцент делает на то, что «к каждому селению один из нас принужден был подъезжать и говорить жителям, что мы русские, что мы пришли на помощь к ним и на защиту православных церквей». При внимательном прочтении трудно не заметить что между понятием «русский» и «православный» Денис Васильевич ставит знак равенства.

Проявлять великодушие и сострадание – это свойство человека духовного. Проявлять великодушие, сочувствие и участие в судьбах людей – эти качества христианина тоже были важны для Дениса Давыдова, они красноречиво говорят о духовности героя войны 1812 года [4].

«Человек духовный – весь одно большое сострадание. Изнемогает, сострадая другим, молится, утешает. И, хотя берёт на себя чужие страдания, всегда полон радости, так как Христос отнимает от него его боль и утешает духовно», – учит нас Преподобный Паисий Святогор. Вспомним

повествование о юном барабанщике неприятельской армии, которого генерал вернул, как блудного сына, в отеческий дом, довезя до самого Парижа. Обратим внимание на крик души автора в этом отрывке:

Здесь же автор упоминает, что не осмелился просить наград выше, поскольку не приравнивает себя в чине полковника на то время к таким к великим полководцам, удостоенных высоких орденов.

Несмотря на субъективность, его записи являются бесценным первоисточником по истории Отечественной войны 1812 года, особенно о партизанском движении. Труды Давыдова – это выдающееся явление в русской мемуаристике. Они повлияли на многих писателей, включая Льва Толстого. Образ Василия Денисова в романе Толстого напрямую списан с Дениса Давыдова. Толстой использовал его «Дневник» и другие записки как один из ключевых источников при описании войны и, в частности, партизанских действий. Многие эпизоды и даже характеры были заимствованы писателем из мемуаров гусара.

Даже из беглого анализа текста одного из самых ценных прозаических произведений Дениса Васильевича Давыдова «Дневника партизанских действий 1812 года» можно с уверенностью говорить об авторе как о глубоко верующем православном воине, ставящим на первое место в своей жизни служение Отечеству. Для этого нет нужды выискивать «православие» между строк, достаточно внимательного прочтения. А созданный им же образ лихого гуляки, отдающего предпочтение «заздравным чашам», когда он позволял писать.

Денис Давыдов – это уникальная фигура в русской истории, воплотившая в себе идеал воина-христианина: бесстрашного героя на поле боя, благочестивого человека в жизни и талантливого поэта. Само сочетание «православный воин» подразумевает не просто человека, который воюет и исповедует православие. Это понятие, включающее:

- служение – Вера как духовная основа для защиты Отечества,
- милосердие – сострадание к побежденным и мирным жителям,
- жертвенность – готовность отдать жизнь за своих собратьев и Родину,
- честь – ведение войны по законам совести и чести, а не из жадности наживы или славы.

Денис Давыдов всем своим образом жизни и службы соответствовал этому идеалу.

Давыдов не был ханжой или святошей. Его вера была искренней, глубокой и органичной частью его натуры: Он всегда возил с собой походную церковь – складной иконостас, что было характерно для многих офицеров его круга. Перед важными сражениями он обязательно молился. Его любимо

мой иконой был образ Спаса Нерукотворного, который сопровождал его во всех походах. Эту икону он особенно почитал и перед ней молился о даровании победы. В своих воспоминаниях и стихах он с большим уважением отзывался о военных священниках, которые делили с солдатами все тяготы походной жизни.

Давыдов был известен своим рыцарским и милосердным отношением к пленным. Он запрещал их убивать, строго карал мародерство в своем отряде. Это прямое следствие христианской заповеди «возлюби врага своего» в условиях жестокой войны.

Из его жизнеописания известно, что София Чиркова не сразу решилась на брак с лихим гусаром. Однако свадьба в 1819 году состоялась, семейная жизнь устроилась. Софья Николаевна занялась хозяйством и устраивала быт своего знаменитого мужа. В браке родилось 9 детей (по некоторым данным 10).

Денис Давыдов был окружен любовью и всепрощением, даже когда искал вдохновения для поэзии вне стен дома:

После того, как мужа не стало (22 апреля 1839 года около 7 часов утра на 55-м году жизни Денис Васильевич скоропостижно скончался апоплексическим ударом в своем имении Верхняя Маза) Софья Давыдова добилась, чтобы его последним местом упокоения стало кладбище Новодевичьего монастыря. И потом шла пешком за траурной повозкой всю дорогу от своего имения в Симбирской губернии до Москвы.

Минуло почти два века со дня ухода генерал-майора Дениса Давыдова из этой земной жизни, но мы помним о нем, чтим его заслуги перед Отечеством, вчитываемся в строки его произведений, благодарим за правдивое и откровенное повествование. Он словно следовал заветам преподобного Иосифа, Оптинского старца, который поучал:

«Писать все надо, и плохое, и доброе, и искушения, и утешения, это и есть истинное откровение» [5].

Таким образом, в нынешнее время не только можно, но и должно говорить о Денисе Васильевиче Давыдове, герое войны 1812 года и писателе, как о православном христианине. Примеры христианского мировоззрения Дениса Давыдова мы привели, анализируя «Дневник партизанской войны 1812 года». Это прозаическое произведение не только является бесценным источником для историков, но и дает многогранный образ самого автора – патриота, православного воина, человека, которому свойственно ошибаться, искать, быть твердым в своем решении бить безбожных врагов, но и умеющим проявлять милость и сочувствие к нуждающимся в защите.

Жизнь и творчество Дениса Давыдова – яркий пример того, как созданный на бумаге образ стал расхожим штампом (гуляка, лихой гусар...),

а на самом деле при внимательном знакомстве с его творчеством и биографией, мы находим в нем христианское смирение, добропорядочность, раскаяние за свершенные грехи и твердую веру.

Назвать Дениса Васильевича Давыдова «православным воином» – это не дань моде и не преувеличение. Это точная характеристика его личности. Он был человеком, для которого вера была источником света и милосердия, а защита Отечества – не просто долгом, но и богоугодным делом. Его жизнь – это пример служения Богу, Царю и Отечеству не на словах, а на деле.

Литература

1. Берг М. Религия и литература. – URL: http://www.mberg.net/religiya_liter/ (дата обращения: 02.09.2025). Режим доступа: свободный.
2. Библия. Москва: «Духовное преображение», 2023. 1408 с.
3. Давыдов Денис Васильевич (1784–1839). Дневник партизанских действий 1812 года. Москва: Гос. изд. худ. лит., 1941. 127 с.
4. Денис Давыдов. Стихотворения. Москва: Советский писатель, 1959. 287 с.
5. Денис Давыдов. Письма русского офицера. Мемуары участников войны 1812 года». Москва: АСТ, 2012. 522 с.
6. Дунаев М.М. Православие и русская литература: учебное пособие для духовных семинарий \ Под общ. ред. В. А Шленова. Сергиев Посад: Московская духовная академия, 2009. 512 с.
7. Круковский А. Религиозные мотивы в произведениях русских поэтов. Историко-литературный этюд. – URL: http://www.russianresources.lt/archive/Krukowskij/Krukowskij_6.html (дата обращения: 02.09.2025). Режим доступа: свободный.
8. Митрополит Кирилл (Покровский). Преподобные старцы Оптиные как выразители святоотеческого Предания: монография. Пятигорск: СНЕГ, 2018. 240 с.
9. Ничипоров И.Б. Русская литература и Православие: пути диалога в истории и современности: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Филология» направления подготовки «Филология». Москва: МАКС Пресс, 2022. 232 с.

10. Святитель Игнатий (Брянчанинов). Письма к мирянам. Паломник, Москва: Алавастр, 2007. 512 с.

ORTHODOX WARRIOR DENIS VASILIEVICH DAVYDOV: A LOOK AT THE PERSONALITY OF THE HERO OF THE WAR OF 1812 THROUGH THE PRISM OF TIME

Archimandrite Afanasy (Golenko)

Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov

The article is devoted to the analysis of the activities of Denis Vasilyevich Davydov in the aspect of Orthodoxy and the war of 1812. The person in question is a hero of the war of 1812 and subsequent wars, who went down in the history of the country as a warrior who selflessly loved his Fatherland. He is known as a recognized master of large-scale guerrilla warfare, and some researchers rightly call the commander of the “flying hussar squadron” the founder of guerrilla warfare in Russia. For more than two hundred years, Davydov has been spoken of not only as a dashing hussar, but also as a brave hussar. He is also known as a poet who burst into the Karamzin era of Russian literature, captivating the public with his brave verses. “The author of hussar lyrics” – this is the definition most often encountered when talking about Davydov the writer. One brave expression in his autobiography “a little rake abandoned the psalter ...” was enough for almost none of the researchers of Denis Davydov’s legacy to write about him as a Christian, as a person born in the Orthodox faith and who followed the instructions of the Holy Scripture all his life.

Keywords: Orthodox warrior, Davydov Denis Vasilyevich, war of 1812, hero, personality, Orthodoxy.

References

1. Berg M. Religion and Literature. – URL: http://www.mberg.net/religiya_liter/ (date of access: 09/02/2025). Access mode: free.
2. The Bible. Moscow: “Spiritual Transfiguration”, 2023. 1408 p.
3. Davydov Denis Vasilievich (1784–1839). Diary of Partisan Actions in 1812. Moscow: State. ed. thin lit., 1941. 127 p.
4. Denis Davydov. Poems. Moscow: Soviet writer, 1959. 287 p.
5. Denis Davydov. Letters from a Russian officer. Memoirs of participants in the War of 1812. Moscow: AST, 2012. 522 p.
6. Dunaev M.M. Orthodoxy and Russian literature: A textbook for theological seminaries \ Ed. ed. V. A Shlenova. Sergiev Posad: Moscow Theological Academy, 2009. 512 p.
7. Krukowsky A. Religious motives in the works of Russian poets. Historical and literary sketch. – URL: http://www.russianresources.lt/archive/Krukowskij/Krukowskij_6.html (date accessed: 02.09.2025). Access mode: free.
8. Metropolitan Kirill (Pokrovsky). The Venerable Optina Elders as Exponents of the Patristic Tradition: Monograph. Pyatigorsk: SNEG, 2018. 240 p.
9. Nichiporov I.B. Russian literature and Orthodoxy: paths of dialogue in history and modernity: a textbook for students of higher educational institutions studying in the specialty “Philology” of the direction of training “Philology”. Moscow: MAKSS Press, 2022. 232 p.
10. Saint Ignatius (Brianchaninov). Letters to the Lay. Pilgrim, Moscow: Alavastr, 2007. 512 p.

Мысленные эксперименты по конструированию социальных институтов в теоретической и прикладной философии

Равочкин Никита Николаевич,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева, профессор кафедры педагогических технологий Кузбасского государственного аграрного университета имени В.Н. Полецовца
E-mail: nickravochkin@mail.ru

Леона Александр Владимирович,

доктор философских наук, доцент, заведующий лабораторией военной истории и военной педагогики Сибирского федерального университета
E-mail: alleora@mail.ru

Мусат Раиса Павловна,

доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой изобразительного искусства и компьютерной графики Сибирского федерального университета
E-mail: ltcci@sfu-kras.ru

Рахинский Дмитрий Владимирович,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры общественного здоровья и здравоохранения Красноярского государственного медицинского университета имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого, профессор кафедры гражданского права и процесса Красноярского государственного аграрного университета
E-mail: siridar@mail.ru

В статье проводится изучение возможностей и границ мысленных экспериментов по созданию социальных институтов в философии с позиций теории и практики. Определяется роль зрительного и слухового восприятия как базисных каналов восприятия идей и их последующей интерпретации для мысленной визуализации желаемых институциональных сред как альтернатив наличному дизайну различных структур. Отмечается, что мысленные эксперименты открывают возможности для более адаптивного институционального строительства. Прослеживается, как с позднего Средневековья до наших дней именно благодаря мысленным экспериментам не только были теоретизированы различные структуры, но и воплощены в жизнь различного рода социальные институты в тех или иных сферах общественной жизни. Обосновано, что вопросы и противопоставления текущему положению выступают необходимым условием для экспертных оценок, выдвигаемых посредством такого рода экспериментов. Закономерными следствиями отсюда становятся альтернативы, используемые для взгляда за пределы существующего порядка. Определено, что современные концепции логичным образом дополняют друг друга, варьируясь от строгой рациональности к плюрализму вариантов проектирования институциональных сред. В заключение авторами сформулированы выводы, которые дополняют имеющийся вклад в изучение мысленных экспериментов в теоретической и прикладной философии.

Ключевые слова: мысленный эксперимент, социальный институт, идея, воображение, институциональный дизайн, власть, коммуникация, конструирование.

Что, если бы люди могли создать общество с нуля? Какие бы законы они установили и как были бы распределены блага и права? Наконец, какой форме правления было бы отдано предпочтение? Для большинства данные вопросы могут показаться уделом фантастов, но на самом деле они лежат в основе одного из самых мощных инструментов социальной и политической философии, а именно мысленного эксперимента. Это не просто игра воображения, а строгий метод анализа, позволяющий отбросить исторические случайности и культурные предрассудки, чтобы добраться до фундаментальных принципов справедливости. Как проектировать социальные институты и создавать эффективно функционирующий дизайн, когда эмпирический эксперимент нередко невозможен, дорогостоящ или этически проблематичен? Инструментальную роль здесь также играют мысленные эксперименты, позволяя воображать альтернативные нортовские правила игры, проверять их на согласованность, справедливость и устойчивость, что предшествует их воплощению в реальной социальной практике [4].

Здесь следует начать с человеческого восприятия, которое играет ключевую роль в формировании идей и их последующих имплементациях. В частности, основными каналами информации выступают слуховое и зрительное восприятие — они оказывают значительное влияние на процессы интерпретации концепций и построения мысленных моделей с последующей разработкой сложных конструкций, к которым принадлежат социальные институты. В контексте мысленных экспериментов, которые часто используются для проектирования и анализа социальных систем, отмеченные разновидности восприятия помогают не только визуализировать, услышать и понять идеи, но и критически осмысливать их потенциальные последствия [1; 2; 9].

Зрительное восприятие позволяет человеку создавать ментальные образы, которые служат основой для мысленных экспериментов, осуществлять визуализацию иерархий и связей на самых различных уровнях, соотносить конкретные символы с теми или иными идеями, выявлять институциональные разрывы в мысленных моделях. Мысленные эксперименты, направленные на конструирование социальных институтов, часто включают воображаемые диалоги или обсуждения, где разные точки зрения звучат в сознании субъекта.

Так, при обдумывании социальных систем акторы способны слышат позиции разных участников процесса, что помогает учитывать многообразие мнений и прогнозировать реакции на внедрение нового института и ремоделирование существующих структур. Кроме того, слуховое восприятие связано с тем, как идеи формулируются и передаются. Наиболее эффективные мысленные эксперименты возникают при взаимодействии зрительного и слухового восприятия, поскольку позволяют создавать более полные и реалистичные модели социальных систем, учитывать рациональные и эмоциональные аспекты интеллектуальных конструктов, а также прогнозировать динамику развития институтов в обществе, основываясь на аудиально-визуальных сценариях [1; 2; 8; 9].

Мысленные эксперименты представляют собой надежный метод, позволяющий тестировать идеи в воображаемых условиях, не прибегая к их физической реализации. Для социального конструирования как процесса, в ходе которого идеи, прошедшие когнитивную обработку, становятся основой для формирования новых институциональных реалий, мысленные эксперименты позволяют исследовать потенциал и границы ментальных конструктов, поскольку позволяют выявить их сильные и слабые стороны, а также протестировать различные сценарии воплощения и возможные последствия реализации. Следует сказать, что социальное конструирование связывается не только с процессами внедрения идей, но и их постоянная переоценкой. Общество эволюционирует, и идеи, казавшиеся прогрессивными в прошлом, могут устаревать. Когнитивная обработка позволяет адаптировать старые конструкты к новым условиям, сохраняя их актуальность [4; 8].

Мысленные эксперименты, которые набирают популярность при обосновании нововременных идей, имеют глубокие корни в интеллектуальной традиции позднего Средневековья и Возрождения. Так, позднесредневековая схоластика заложила фундаментальные основания для мысленного экспериментирования с социальными формами. Ф. Аквинский разработал иерархическую концепцию закона, где естественный закон выступал посредником между вечным божественным законом и человеческими установлениями. Данные теоретизирования создали интеллектуальное пространство для рационального обсуждения происхождения социальных институтов: если человеческий закон должен соответствовать естественному, то возникает вопрос о критериях этого соответствия и о «правильном» устройстве общества. У. Оккам и его последователи в XIV веке радикализировали возможность мысленного экспериментирования. Номиналистическая критика универсалий сместила акцент на индивидуальную волю и договорные отношения. Английский мыслитель утверждал, что политическая власть не яв-

ляется естественной необходимостью, но возникает из человеческого соглашения. Де-факто данное концептуальное допущение открыло путь для целого ряда умозрительных вопросов, касающихся выбора конкретной формы правления разумными индивидами, а также формулирования условий, на которых они передали бы власть правителю [3; 8].

М. Падуанский прямо сформулировал идею народного суверенитета и выборности власти, используя контрфактические рассуждения о легитимных и нелегитимных формах правления. Его аналитика как раз таки является наглядным примером мысленного конструирования идеального политического порядка, основанного на согласии граждан. Действительно, ренессансный гуманизм трансформирует схоластические абстракции в литературно-философские мысленные эксперименты. «Утопия» Т. Мора представляет собой образцовый пример такого метода. Он не просто критикует современное ему общество, но систематически конструирует альтернативную социальную модель, основанную на иных, совершенно чуждых средневековому мышлению, принципах распределения собственности, организации труда и политического участия. Этот метод противопоставления реального и возможного, существующего и сконструированного разумом, станет базовым для позднейших теорий общественного договора. Н. Макиавелли также предлагает иную версию умозрительного конструирования, основанную не на моральном идеале, но на анализе реальных механизмов власти. Его метод связан с мысленным моделированием политических ситуаций: что должен делать правитель в тех или иных обстоятельствах? Как создать стабильное государство из разрозненных элементов? При приближении к максиме «Цель оправдывает средства» используются исторические примеры, из которых извлекаются универсальные принципы политического конструирования. Данная позиция обосновывает современную ему секуляризацию политического, репрезентируя государство как искусственный механизм, создаваемый человеческой волей и расчётом [8].

Ф. Суарес утверждал, что политическая власть изначально принадлежит народу как целому и передаётся правителю через некий акт согласия или договора. Следует сказать, что здесь мы имеем дело уже не с теологической доктриной, но именно с одной из первых мысленных моделей, объясняющей происхождение и легитимность современных нам государственных институтов. Суарес с должной сложностью ранних нововременных концепций предлагает различные гипотетические ситуации: что было бы, если бы люди не объединились в политическое сообщество? Сохранили бы они все естественные права? Благодаря этим вопросам удается структурировать простран-

ство для систематического мысленного экспериментирования. Г. Гроций, работавший на стыке Возрождения и Нового времени, эксплицитно также использует методологию гипотетического конструирования. Он развивал концепцию естественного права, которое существовало бы «даже если бы Бога не было». По большому счету, это радикальное мысленное допущение секуляризовало основания социальной философии. Гроций конструировал модель «естественного состояния» не как историческую реальность, но как аналитический инструмент для выявления изначальных прав и обязанностей, подготовив идейный фундамент общественного договора [8].

Классические философы Нового времени, Т. Гоббс и Дж. Локк, начинали свои рассуждения именно с мысленного эксперимента о «естественном состоянии». Оба задавались примерно одним и тем же вопросом: какой была бы жизнь людей без государства, законов и социальных институтов? Т. Гоббс представлял это состояние как «войну всех против всех», где жизнь человека полна негативных моментов и эмоций. Из этого следовал вывод: для выживания люди должны отказаться от части своей свободы в пользу абсолютного суверена, который обеспечит порядок и безопасность. Характерно, что в прикладном аспекте данный эксперимент до сих пор используется для оправдания сильной государственной власти как необходимого условия предотвращения хаоса. Дж. Локк, напротив, считал, что и в естественном состоянии у людей есть неотчуждаемые права: на жизнь, свободу и собственность. Государство, по его мнению, создается не для подавления, а для защиты этих прав. Если оно посягает на них, народ имеет право на восстание. Практический смысл идей Локка в том, что именно они легли в основу концепции прав человека и конституционного ограничения власти [8].

И. Бентам и Дж. Ст. Милль предложили иной тип мысленного эксперимента, представляя общество как систему, где моральная ценность действий и институтов определяется их способностью к максимизации счастья или благополучия наибольшего числа людей. Эта «утилитаристская калькуляция» стала основой для конструирования институтов от уголовного права до экономической политики. Мысленный эксперимент здесь заключается в попытке количественной оценки и сравнения удовольствий, страданий и предпочтений при создании универсальной метрики для оценивания эффективности функционирования социальных институтов [8].

Такое направление интеллектуального поиска, которое представляет собой социальная феноменология, поиска изучает, как люди воспринимают и интерпретируют реальность через субъективный опыт. Здесь мысленные эксперименты предстают как гипотетические сценарии, позволяющие ис-

следователям и мыслителям моделировать intersubjective взаимодействия, выявлять скрытые механизмы и предлагать новые подходы к конструированию социальных институтов и правовых систем [8].

«Завеса неведения» Дж. Ролза представляет собой один из самых известных мысленных экспериментов в аналитической социальной философии. Этот интеллектуал предлагает представить, что люди выбирают принципы справедливости, не зная своего положения в обществе – их пола, расы, социального статуса или способностей. В свою очередь, это позволяет, создать объективные принципы распределения благ и прав, минимизирующие неравенство что подтверждает нацеленность данного подхода на универсальные и рациональные решения. Мысленные эксперименты в аналитической традиции обычно строго структурированы. Они опираются на логику «если – то», чтобы выявить последствия определённых принципов или действий. Напротив, в постмодернистской философии мысленные эксперименты часто носят метафорический или нарративный характер. Они не стремятся дать окончательный ответ, но скорее ставят под сомнение существующие нормы и показывают множественность интерпретаций. Например, работы М. Фуко о «паноптикуме» как метафоре контроля и надзора побуждают читателя переосмыслить механизмы власти в обществе [6; 7; 10].

Анализ обширного эмпирического материала позволяет дать все основания заявить, что мысленные эксперименты оказали прямое влияние на практику конституционного строительства. Принципы разделения властей, система сдержек и противовесов, концепция прав человека – все они были сначала «протестированы» в мысленных экспериментах философов Нового Времени. Современные процессы создания конституций в постконфликтных обществах или новых демократиях часто сознательно используют элементы философского экспериментирования. Конституционные ассамблеи фактически реализуют версию «исходного положения», где разработчики пытаются абстрагироваться от непосредственных политических интересов [8].

Говоря о дизайне экономических структур, нельзя не сказать об институциональной экономике, активно использующей мысленные эксперименты для проектирования рынков, систем управления и механизмов регулирования. Теория механизмов институционального дизайна применяет философскую методологию мысленного эксперимента к созданию экономических установлений. Эксперименты с «аукционами» для распределения радиочастот, системами распределения донорских органов, структурами корпоративного управления – все это примеры прикладного кон-

струирования институтов, основанного на предварительном мысленном моделировании [5].

Мысленные эксперименты в социальной философии являют собой не какую-то банальную интеллектуальную игру, но способ глубинного понимания общества и его проблемы. Аналитическая философия через такие эксперименты стремится к рациональности и универсальности, предлагая логически обоснованные решения. Постмодернизм же использует их для разрушения иллюзий и выявления скрытых структур власти, подчёркивая субъективность и множественность точек зрения. Оба подхода, несмотря на свои различия, обогащают наше понимание социальной реальности, позволяя взглянуть на неё с разных сторон [6; 8; 10].

Как известно, социальная философия стремится понять, как люди взаимодействуют в обществе, какие принципы должны лежать в основе институтов и путей достижения справедливости. Мысленные эксперименты помогают в этом, создавая упрощённые или абстрактные модели реальности. Для конструирования социальных институтов – это ещё и своеобразная «лаборатория», в координатах которой интеллектуалы проверяют свои гипотезы о природе человека, власти и должного устройства. Они не заменяют и не подменяют реальность, но становятся инструментом рационализации и этической оценки будущих правил [2; 4].

Несмотря на несомненную ценность, мысленные эксперименты имеют свои ограничения. Они основаны на реалистичных предположениях, но при этом далеко не всегда смогут учесть весь контекст социокультурной действительности. Например, анархия как версия гипотетического сценария общества без государства может казаться привлекательным в теории, но на практике сталкивается с проблемами координации и безопасности. Кроме того, субъективность исследователя может влиять на интерпретацию результатов эксперимента, что требует критического подхода к выводам [1].

Мысленные эксперименты позволяют заглянуть за рамки существующего порядка, выявить скрытые механизмы и предложить инновационные решения для общественных проблем. Однако их эффективность зависит от способности исследователей учитывать реальные условия и избегать излишней идеализации. В конечном итоге, мысленные эксперименты служат мостом между теорией и практикой, вдохновляя на создание более справедливых и устойчивых социальных структур, которые отвечают потребностям современного общества [1; 2; 4].

Теоретическая философия обеспечивает языком и критериями справедливости, свободы и легитимности; прикладная философия превращает эти критерии в проверяемые гипотезы и дизайн механизмов. Связывая воображаемые сценарии

с эмпирическими методами (моделированием, пилотами, делиберативными практиками), многочисленные субъекты получают более ответственное, прозрачное и адаптивное конструирование социальных институтов. В мире, где изменения быстры, а ставки высоки, такая связка мысли и практики становится не роскошью, а необходимостью.

Мысленные эксперименты по конструированию социальных институтов – это вовсе не бегство от реальности, но способ её более глубинного постижения. Они не дают готовых ответов, но предлагают язык и концептуальные рамки для осмысленного диалога о нормализации среды и её функциональных характеристик. При этом их главная ценность заключается в прикладном аспекте. Мысленные эксперименты побуждают не только теоретиков, но и практиков задавать фундаментальные вопросы и проводить их регулярную ревизию о целях наличных институтов. Они учат смотреть на социальные проблемы не только с позиции персональной выгоды, но с точки зрения беспристрастного наблюдателя. В конечном счете, именно способность вообразить лучшее общество является первым и необходимым шагом на пути к реальному построению такового.

Литература

1. Афанасов Н.Б. Методологические границы социально-философской футурологии: опыт, мысленный эксперимент и риторика // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2022. № 1 (59). С. 45–60.
2. Вархотов Т.А. Воображение как граница понимания: о функции воображения в мысленных экспериментах // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 2 (24). С. 199–224.
3. Голиков А.К. Философско-политические и правовые учения Фомы Аквинского // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств (см. в книгах). 2008. Т. 180. С. 57–63.
4. Добронравова У.В. Формирование требований к философскому мысленному эксперименту // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 10. С. 59–64.
5. Косинский П.Д., Бондарев Н.С., Бондарева Г.С. Систематизация основных положений и теорий традиционного и нового институционализма // Научный вестник. 2015. № 4 (6). С. 18–24.
6. Панченко В.Ю., Макачук И.Ю., Скоморохова Е.В. Политико-правовые взгляды Роберта Нозика на анархию, государство и утопию // Сибирский антропологический журнал. 2024. Т. 8. № 1. С. 93–98.
7. Прокофьев А.В. Обстоятельства справедливости: от Дэвида Юма к Джону Ролзу // Человек. 2021. Т. 32. № 3. С. 88–96.

8. Равочкин Н.Н. Роль идей в становлении и трансформации политико-правовых институтов: теоретико-методологические и прикладные аспекты: монография. Кемерово: КузГТУ, 2021. 258 с.
9. Рузин И.Г. Когнитивные стратегии именования. Модусыперцепции(зрение, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // Вопросы языкознания. 1994. № 6. С. 79–100.
10. Юрьев Р.А. Теория речевых актов в феноменологии и аналитической философии: опыт сравнительного анализа // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 434. С. 88–93.

THOUGHT EXPERIMENTS ON THE DESIGN OF SOCIAL INSTITUTIONS IN THEORETICAL AND APPLIED PHILOSOPHY

Ravochkin N.N., Leopa A.V., Musat R.P., Rakhinskiy D.V.

Kuzbass state technical university named after T.F. Gorbachev, Kuzbass state agricultural university named after V.N. Poletskov, Siberian Federal University, V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Krasnoyarsk State Agrarian University

This article explores the potential and limits of thought experiments on the creation of social institutions in philosophy from a theoretical and practical perspective. It identifies the role of visual and auditory perception as fundamental channels for perceiving ideas and their subsequent interpretation for the mental visualization of desired institutional environments as alternatives to the existing design of various structures. It is noted that thought experiments open up opportunities for more adaptive institutional construction. It is traced how, from the late Middle Ages to the present day, thought experiments have not only theorized various structures but also brought to life various social institutions in various spheres of public life. It is substantiated that questions and contrasts with the current situation are a necessary condition for the expert assessments advanced through such experiments. Natural consequences of this are the alternatives used to look beyond the existing order. It is determined that modern concepts logically complement each other, ranging from strict ra-

tionality to a pluralism of options for designing institutional environments. In conclusion, the authors formulate conclusions that complement the existing contribution to the study of thought experiments in theoretical and applied philosophy.

Keywords: thought experiment, social institution, idea, imagination, institutional design, power, communication, designing.

References

1. Afanasov N.B. Methodological Boundaries of Social and Philosophical Futurology: Experience, Thought Experiment, and Rhetoric // Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy. 2022. № 1 (59). Pp. 45–60.
2. Varkhotov T.A. Imagination as the Boundary of Understanding: On the Function of Imagination in Thought Experiments // Praxema. Problems of Visual Semiotics. 2020. № 2 (24). Pp. 199–224.
3. Golikov A.K. Philosophical, Political, and Legal Teachings of Thomas Aquinas // Transactions of the St. Petersburg State University of Culture and Arts (see in books). 2008. Vol. 180. Pp. 57–63.
4. Dobronravova U.V. Formation of Requirements for a Philosophical Thought Experiment // Social and Humanitarian Knowledge. 2023. № 10. Pp. 59–64.
5. Kosinsky P.D., Bondarev N.S., Bondareva G.S. Systematization of the Main Provisions and Theories of Traditional and New Institutionalism // Scientific Bulletin. 2015. № 4 (6). Pp. 18–24.
6. Panchenko V.Yu., Makarchuk I.Yu., Skomorokhova E.V. Robert Nozick's Political and Legal Views on Anarchy, State, and Utopia // Siberian Anthropological Journal. 2024. Vol. 8. № 1. Pp. 93–98.
7. Prokofiev A.V. Circumstances of Justice: From David Hume to John Rawls // Man. 2021. Vol. 32. № 3. Pp. 88–96.
8. Ravochkin N.N. The Role of Ideas in the Formation and Transformation of Political and Legal Institutions: Theoretical, Methodological, and Applied Aspects: Monograph. Кемерово: КузГТУ, 2021. 258 p.
9. Ruzy I.G. Cognitive Naming Strategies. Modes of Perception (Sight, Touch, Olfaction, Taste) and Their Expression in Language // Voprosy Linguistica. 1994. № 6. Pp. 79–100.
10. Yuryev R.A. Speech Act Theory in Phenomenology and Analytical Philosophy: An Experiment in Comparative Analysis // Bulletin of Tomsk State University. 2018. № 434. Pp. 88–93.

Споры об «историцизме»: Поппер и его критики

Мусат Раиса Павловна,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры информационных технологий в креативных и культурных индустриях Сибирского федерального университета
E-mail: lozraisa@yandex.ru

Кудашов Вячеслав Иванович,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук Красноярского государственного медицинского университета имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого
E-mail: vkudashov@mail.ru

Леона Александр Владимирович,

доктор философских наук, доцент, начальник кафедры гуманитарной подготовки Сибирского федерального университета
E-mail: alleona@mail.ru

Рахинский Дмитрий Владимирович,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса Красноярского государственного аграрного университета
E-mail: siridar@mail.ru

Несмотря на то, что представления Поппера об историцизме как способе организации осмысления социальной и исторической проблематики широко известны, в значительно меньшей степени освещены критические отзывы и возражения современников (а также более поздних авторов), касающиеся их содержания. В настоящем рассмотрении анализируются замечания относительно концепции историцизма, высказанные Д. Берналом, Дж. Пассмором, П. Урбахом, П. Гардинером и другими крупными зарубежными философами и методологами социальных наук. Воспроизводятся критические суждения, касающиеся логических и методологических характеристик попперианских рассуждений, анализируются взгляды на обоснованность и корректность способа понимания историцизма, предложенного Поппером. Несмотря на то, что многими критиками попперианских воззрений высказываются схожие соображения, они выстраиваются и представляются ими с применением различных аргументативных средств (поэтому данное рассмотрение может оказаться интересным и как опыт анализа возможных исходных пунктов критики попперианской социальной философии). Примечательными для оценки значимости публикации посвященных рефлексии социальной и исторической проблематики работ Поппера как философского события являются полемика и внимание к деталям попперианских рассуждений, всесторонний анализ их структуры и содержания, примерами которых служат привлекаемые критические отзывы. В представленном рассмотрении демонстрируется значимость попперианской критики для совершенствования последующих опытов построения социальной теории и осмысления закономерностей развития социумов. Отмечается, что в контексте развитой Поппером концепции историцизма сочетается несколько содержательных представлений, каждое из которых формирует самостоятельную линию осмысления теоретических и методологических проблем исторических и социальных наук. Этим обуславливается множественность возможных способов конструктивного использования тезисов Поппера для рефлексии различных проблемных областей – от вопросов объяснения в социальных науках до проблемы смысла истории.

Ключевые слова: историцизм, К.Р. Поппер, законы истории, марксизм, гегельянство, историческое объяснение, социальная инженерия, общественное развитие.

Введение

Попперианскую критику «историцизма» можно без преувеличения назвать одним из наиболее значимых событий, связанных с развитием социальной мысли в XX веке. Это обуславливается, в частности, и тем обстоятельством, что в качестве историцистской философии рассматривается марксизм, реальные масштабы многообразного влияния которого на пути теоретического осмысления реальности социальных явлений невозможно оспорить. Но неоправданным ограничением действительного замысла Поппера является сведение задач концепции историцизма к критике марксистской социальной мысли: нельзя согласиться с суждениями авторов, полагающих, что социально-философская рефлексия Поппера выстраивается вокруг критики Маркса [4]. Если бы критика Маркса представляла собой ключевую задачу исследований Поппера, представленных в «Нищете историцизма» и «Открытом обществе», то отсутствовала бы необходимость в столь детальной историко-философской ретроспективе, в поиске античных истоков историцизма и когнитивных «инвариантов» – паттернов мышления об обществе, фигурирующих в каждом случае его историцистского понимания. Следует признать, что критика марксизма, равно как и гегельянства, позитивистских проектов социологии Конта и Милля – это лишь содержательные аспекты критики историцизма как подхода к организации исследований социальной реальности, отличающегося специфическими целевыми и методологическими установками.

Выявление историцистского понимания цели социального исследования становится первым шагом в раскрытии содержания концепции историцизма (несмотря на то, что описываемые и классифицируемые с помощью нее явления были вполне известны задолго до публикации «Нищеты историцизма», эта концепция носит безусловно оригинальный характер). Такой целью является формирование исторических предсказаний [5]. Общетеоретической установкой, которая принимается во всех без исключения вариациях историцизма, является положение о существовании особого рода законов исторического развития, либо паттернов, схем, тенденций – иными словами, специфических регулярностей социальной реальности, знание которых является условием как предсказания, так и объяснения социальных явлений. Методологический эссенциализм, то есть такое отношение к исследуемым социальным явлениям, которое предполагает наличие их неизмен-

ной сущности (в понимании того, что представляет собой сама сущность, возможны разночтения), также составляет общий элемент историцистских позиций [5]. В данном рассмотрении мы не станем обращаться к воспроизведению попперианской концепции историцизма: мы рекомендуем заинтересованному читателю ознакомиться с ней, обратившись к первоисточникам или недавним обзорным исследованиям В.П. Потамской: в первой части обзора воспроизводится попперианский взгляд на существенные черты историцистских позиций [8]), во второй части автор обращается к рефлексии объяснительных стратегий, характерных для историцистских подходов [9], обобщает попперианские тезисы, касающиеся данного спектра вопросов.

Магистральной целью рассмотрения, представленного в настоящей статье, является освещение критических замечаний исследователей, касающихся содержания попперианских взглядов на историцизм и привлекаемой для их обоснования аргументации. Объект представленного исследования составляет оценка ключевых попперианских тезисов об историцизме его авторитетными современниками. В ходе рассмотрения анализируются критические положения, касающиеся содержания концепции историцизма и валидности попперианских аргументов, использованных для дискредитации историцистских подходов как производящих «ложные и опасные, дезориентирующие социологические теории» [5]. В заключительном разделе, обобщающем содержание рассмотрения, затрагивается вопрос о конструктивной и преобразующей роли попперианской критики историцизма для развития философских и научных картин социальной реальности.

«Нищета» и «богатство» попперианской концепции историцизма

Первое, к чему стоит обратиться в связи с анализом критического восприятия попперианской концепции историцизма – это взгляды на вопрос о генезисе данной концепции и тех смысловых новшествах, которые были привнесены Поппером в понимание историцизма. Попперу не принадлежит заслуга введения в исследовательский оборот самого понятия «историцизм», но им осуществлена трансформация практики его использования. Общеизвестным является факт существования как в русскоязычном, так и в англоязычном философском лексиконе двух схожих терминов – «историзм» и «историцизм». Поппер неоднократно (как в «Нищете историцизма» [5], так и в «Открытом обществе» [6]) отсылает к необходимости концептуального разграничения: если историзм – это внимание к исторической аналитике явлений социальной реальности, то историцизм – это социально-философская позиция, согласно которой историческое рассмотрение какого-либо явления

обосновывается знанием номологических оснований исторического развития (существование которых ее сторонниками не подвергается сомнению).

Всегда ли в англоязычном контексте термин «историцизм» применялся именно для обозначения такой позиции? Скорее всего, на этот вопрос стоит ответить отрицательно. На это указывают, в частности, Д.Э. Ли и Р.Н. Бек [16]: они рассматривают термины «historism» и «historicism» как эквиваленты немецкоязычного термина «historismus», отмечают нарастающую тенденцию к преобладанию термина «historicism» и связывают ее с большей естественностью данного варианта перевода для англоязычного контекста, а также с возрастанием интереса к работам Б. Кроче, итальянскоязычным аналогом «historismus» в работах которого является термин «storicismo». К слову, предположение о тенденции к преобладанию использования термина «historicism» не кажется безосновательным при обращении к более поздним публикациям данной тематики: например, в работе Г. Иггерса «Историцизм: история и значение термина» вытеснение термина «historism» рассматривается как процесс, завершившийся нормализацией использования термина «historicism» [15], в том числе и в тех случаях, для которых в русскоязычном контексте применение термина «историзм» было бы предпочтительным.

До Поппера понятие историцизма могло использоваться для обозначения различных подходов и явлений. Например, в статье «Идеализм» Г. Де Руджеро в «Энциклопедии социальных наук» под редакцией Э.Р. Селигмена и А. Джонсона (1935 г.) обнаруживается следующее утверждение: посткантианская установка, располагающая к принятию генетической точки зрения при изучении проблем сознания, полагает начало историцизму и оценке действительности как процесса исторического развития духа [12]. Выход в свет «Нищеты историцизма» в 1944 г. не произвел моментальных революционных изменений в практике использования термина: так, уже после ее выхода М.Р. Коэн в работе «Смысл человеческой истории» (1947 г.) называет историцизмом «веру в то, что история является главным путем к обретению мудрости в человеческих делах» [11]. Л. Готтшалк указывает на то, что позиция, согласно которой следует отрицать абсолютный характер каких-либо идей и принципов и соотносить таковые с историческими обстоятельствами их возникновения, называется историцизмом или историческим реляционизмом [14]. Рассматривая различные способы понимания историцизма, Ли и Бек предлагают выделить два обобщающих определения: во-первых, историцизмом может называться убеждение, согласно которому основания для любой оценки некоего явления следует искать в истории его развития, во-вторых, этот термин может использоваться для наименования антипо-

зитивистской (и антинатуралистической) установки, предполагающей рассмотрение исторического знания как фундаментального основания для понимания и оценки проблем, возникающих в различных сферах социальной жизни [16]. Способы понимания историцизма, анализируемые Бекон и Ли, носят преимущественно нейтральный характер и не предполагают дискредитации историцистских подходов.

Какую оценку Ли и Бек дают попперианскому новшеству в определении историцизма? Прежде всего, стоит отметить, что они стремятся отвергнуть характерное для Поппера понимание историцизма как результата действия «искаженного» и «ошибочного» представления о методологии естественных наук, проявляющегося в сфере наук социальных. Они полагают, что большинство историцистов в целом придерживаются антинатуралистических позиций и, следовательно, исключают возможность реализации историческими и социальными дисциплинами объяснительных и предсказательных механизмов, характерных для физических наук [16]. Однако, в «Нищете историцизма» Поппер выстраивает различные пути критики антинатуралистических и пронатуралистических концепций историцизма. Ли и Бек в большей мере обращают внимание на проблемы решений Поппера, выработанных применительно к первой категории концепций. Применительно к ним он сосредотачивает внимание на опровержении состоятельности холистических представлений, демонстрации практической слабости и вредоносности утопических стратегий социального преобразования. В пользу данной Ли и Бекон оценки говорит содержание тезисов Поппера об обоснованности ограничения обобщений в исторических и социальных науках рамками отдельных периодов: когда Поппер говорит о том, что для социальных наук аргументы в пользу неограниченности сферы истинности законов справедливы не в меньшей степени, чем для отраслей естествознания [5], он в действительности критикует сам способ понимания научного метода, свойственный для этой категории историцистов. Но проблема исторического предсказания преимущественно обсуждается им именно в контексте пронатуралистических вариантов историцизма.

Бек и Ли усматривают в рассуждениях Поппера существенные элементы непоследовательности и неточности. Так, они полагают, что попперианские опыты анализа развития историцистских философий демонстрируют историцистский характер мышления самого Поппера [16]. Помимо этого, когда Поппер предлагает (с целью преодоления ошибок историцизма) сознательное введение в историческое рассмотрение точки зрения, то есть исследовательской установки с набором изначально заданных потребностей и убеждений, он игнорирует понимание значимости исследова-

тельской позиции, которое присутствует у ряда представителей историцизма – Б. Кроче, Ф. Майнеке [16]. Попперианский тезис о том, что историцизм оперирует интерпретациями как теориями [5], полагается ошибочным, а сам способ употребления термина, развитый Поппером, оценивается как некорректный.

Противоположный взгляд на характер и особенности попперианского взгляда на историцизм обнаруживается в рецензии П. Гардинера на «Нищету историцизма». Поппер, по мнению Гардинера, всесторонне поддерживает свои тезисы аргументами и примерами, излагает свои идеи ясно и последовательно [13]. Несмотря на то, что Гардинер действительно отдает должное попытке Поппера осуществить масштабную критику существующих взглядов на методологические особенности социальных и исторических наук, нам представляется, что суждение о последовательности Поппера стоит воспринимать скорее как формальное, чем как выражающее действительное отношение Гардинера. К подобной оценке располагает тот факт, что первым шагом Гардинера становится указание на то, что концепция историцизма представляет собой результат необоснованного обобщения [13]. Поппер ссылается на историцизм как на «метод», и это создает впечатление о том, что взгляды его представителей являются гораздо более однородными, чем они есть на самом деле. Более того, термин «историцизм» применяется Поппером и для указания на случаи отрицания подобия социальных единообразий физическим (и, следовательно, установления отличия законов социальных наук от физических законов), и для обсуждения определенных взглядов на возможность и характер социальных трансформаций, и для рассмотрения разнородных случаев ошибочного установления значения терминов и выражений истории и социальных наук [13]. Причины столь широкого обобщения Гардинер усматривает в масштабе критических задач, поставленных Поппером.

Обращается внимание на ряд аспектов содержания «Нищеты историцизма», которые могут быть истолкованы по меньшей мере двояко. Осуществляя критику эссенциализма в обращении с понятиями социального и исторического характера, Поппер не вносит уточнений, касающихся того, распространяется ли эта критика на практики повседневного использования таких понятий, или ее предназначение заключается в выработке новых способов применения концептуальных единиц в исследовательских контекстах [13]. Определенные вопросы возникают и в ходе анализа рассуждений Поппера об интуитивном понимании: неясно, критикуется ли метод интуитивного понимания только как метод социальных наук, или же он рассматривается и как весьма проблематичный метод исторических наук [13]. Гардинер уделяет внимание концептуальным и логико-методологическим

затруднениям исследования Поппера, однако, его общая оценка значения «Нищеты историцизма» как социально-философского исследования является высокой: он считает, что данная работа станет основой для дальнейшего критического изучения теоретических и методологических принципов социальной теории. Созданная Поппером концепция историцизма, таким образом, имеет значение для анализа проблематичных и ошибочных положений ряда социальных теорий.

Приступая к анализу содержания «Нищеты историцизма», Дж. Пассмор оценивает ее как работу, являющуюся по своему первоначальному замыслу политическим памфлетом [18]. Такое ее рассмотрение, по мысли Пассмора, совершенно не является уничижительным: политически мотивированными были многие исторически значимые работы социальных мыслителей прошлого. Аргументативные проблемы попперианских идей связаны не с политической мотивацией его исследований, а с другими причинами, коренящимися в теоретических допущениях и используемых методах. Пассмор также отмечает пространность содержания концепции историцизма как общий недостаток исследований, представленных в «Нищете историцизма» и «Открытом обществе» [18]: это приводит к тому, что нередко Поппером создается впечатление опровержения одного взгляда, тогда как на практике им опровергается другой. Этот недостаток рассматривается как наиболее существенный, и на основе его выявления выстраивается последующая критика попперианских решений и аргументов.

Пассмор указывает, что само определение историцизма, данное Поппером, создает ряд вопросов. Если историцизм – это подход к социальным наукам, то в чем заключается специфика этого подхода: является ли он подходом к их изучению или способом их описания? Более того, различными тезисами Поппера устанавливаются несхожие объекты критики: в одном случае говорится о критике историцизма как «хорошо продуманной и «крепко сшитой» философии» [5], в другом случае историцизм рассматривается как методологический подход или метод [5]. Эти разночтения осложняются нередкими противоречиями между явным определением историцизма (представлено в «Нищете историцизма») и критически используемыми в «Открытом обществе» примерами: для Пассмора одним из наиболее показательных случаев является то, что Поппер характеризует идею избранного народа как историцистскую, в то время как эта идея принципиально не связана с пониманием задач и возможностей социальных исследований [18]. Небезынтересным является и еще одно обстоятельство, отмеченное Пассмором: вполне можно представить себе ситуацию существования исследователя, который будет являться «антинатуралистическим» историцистом (в смысле

ле понимания социальных/исторических законов: Пассмор также использует для обозначения этой позиции термин «периодический историцизм»), но при этом будет отрицать прогностическое значение социальных и исторических наук и, следовательно, его взгляд не будет попадать под определение Поппера, данное в «Нищете историцизма» [18]. Общий вывод Пассмора неутешителен для попперианских исследований: ряд вопросов, являющихся логически независимыми, подвергаются смешению в рамках критики историцизма, который становится в руках Поппера скорее ярлыком, чем четко определенной позицией или их согласованным набором [18]. Негативные последствия этой критики проистекают, в первую очередь, из поверхностной оценки антинатуралистических программ в методологии истории и социальных наук.

Емкий и обстоятельный анализ слабых сторон попперианской аргументации представлен в рецензии Д. Бернала на работу «Открытое общество», опубликованной под названием «Имеет ли история смысл?». В ней Бернал указывает на недостаточность поддерживающих попперианскую критику историцизма аргументов и используемых историко-философских демонстраций. Например, он констатирует, что Попперу приходится проявлять граничащую с непоследовательностью гибкость и расширять содержание понятия «историцизм» для того, чтобы в равной мере применять его и по отношению к социально-политическим аспектам философии Платона, и по отношению к марксизму [10]. Им отмечается интересная деталь: понимание Платона-историциста формируется Поппером (хотя, возможно, неявно для него самого) на основе историко-материалистического понимания генезиса платонизма [10]. В формировании ключевых идей платонической философии находит свое отражение его принадлежность к реакционной аристократии, то есть классовый интерес (выходит, что Поппер, стремящийся доказать ограниченность и ошибочность историцистских объяснений, активно использует одно из них при формировании самого представления об историцизме!).

Критика историцизма и сам способ его понимания, развиваемые Поппером, характеризуются Берналом как достаточно слабые. Поппер, по мнению Бернала, не касается вопроса об историческом характере развития человечества, но лишь обращает внимание на упорядочение исторических фактов. Не придает он и реального значения достижениям, которые получены в результате практического воплощения принципов «историцистских» философий, в частности – марксизма (вернее говоря, Поппер демонстрирует по отношению к ним избирательное отношение). Отличие исторических наук (к каковым Бернал также причисляет, например, эволюционную биологию и космологию) от иных заключается в том, что они

исследуют необратимые процессы, а не компоненты «квазиобратимых» и «квазиповторяющихся» процессов, подобно тому, как это делается физическими науками [10]. Операция предсказания в случае этих наук будет также иметь иной характер, однако, отличие будет состоять не в том, что при ее осуществлении не будет использоваться закон. Бернал констатирует [10], что сам факт существования законов, позволяющих предсказать развитие вида живых организмов, указывает на то, что не существует априорной причины для отрицания существования законов развития более сложного образования, каковым является общество. Ввиду этого попперианская критика историцизма представляется ему опрометчивой и преждевременной.

Особое положение среди критических отзывов на социально-философские работы Поппера занимает статья П. Урбаха, посвященная анализу валидности попперианских аргументов против историцизма. Валидность дедуктивного аргумента – логическая характеристика, фиксирующая необходимое следование заключения из посылок [21]. Урбах рассматривает ряд аргументов Поппера, направленных на опровержение историцизма и обнаруживает, что ни один из таковых не может быть назван валидным [21]. Рассмотрим один из примеров, привлекаемых Урбахом [21]. В предисловии к «Нищете историцизма» Поппер кратко воспроизводит в форме пяти тезисов доказательство логической невозможности предсказания хода исторических событий. Урбах обращается к анализу первых трех из них как к «опровержению историцизма» [5].

Аргумент 1, по замечанию Урбаха, не вызывает сомнений. В целом, эта последовательность аргументов создает впечатление правдоподобной, но необходимо учитывать, что она находится в зависимости от неявного допущения (Урбах обозначает его «Ia»): мы не можем предсказать рациональными, научными методами те события, которые испытывают существенное влияние непредсказуемых событий [21]. В пользу действия этого допущения говорят некоторые из попперианских положений, представленных во втором томе «Открытого общества»: применение социально-технологических инструментов не делает историю более предсказуемой, поскольку действие множественных факторов, влияющих на реализацию созданных социальным технологом проектов, не может быть предсказано [6].

Это неявное соображение Поппера в действительности является неверным: даже в рамках последовательностей событий, рассматриваемых физическими науками, члены последовательностей могут находиться (и находятся) в сильной зависимости от влияния непредсказуемых факторов, что совершенно не исключает существования закономерностей на уровне последователь-

ности. Урбах демонстрирует это примером закона Бойля-Мариотта: закон устанавливает соотношение характеристик (давления и объема) последовательности состояний взаимодействующих молекул газа, хотя при этом поведение ни одной из молекул не является предсказуемым [21]. Точно так же и решение вопроса о существовании законов исторического развития не находится в зависимости от того, детерминируются ли элементы исторических последовательностей непредсказуемыми событиями. Демонстрация того, что попперианские аргументы против историцизма не являются валидными, осуществляется Урбахом не с целью поддержки историцистских подходов [21]: он заинтересован в защите принципа единства научного знания и видит в рассуждениях Поппера об историцизме одно из наиболее известных посягательств на него.

Эти и другие критические замечания, встречающиеся в отзывах и рецензиях на социально-философские работы Поппера, интересны по нескольким причинам. Во-первых, читателю, знакомому с данными работами, известно, что яркие политико-правовые суждения Поппера и уверенные переходы к теоретическим обобщениям, касающимся роли исторического знания и специфики социальных исследований, нередко отвлекают внимание от методологических и логических характеристик его рассуждений. Но Поппер, рассматриваемый как социальный философ – это не Поппер, воспринимаемый как «критик марксизма», «идейный борец с тоталитаризмом» или «апологет либеральной демократии», потому и оценивать его решения следует с точки зрения логической последовательности, непротиворечивости, строгости и ясности в обращении с концептами. Необходимо отделять рассуждения Поппера о политической психологии различных личностей и групп, его собственные политические предпочтения и идеи, касающиеся целей социального развития, от его философского анализа социальных теорий и методологии социальных наук. Упомянутыми авторами внесен существенный вклад в оценку собственно философской составляющей работ Поппера, посвященных социальной проблематике. Во-вторых, анализ критических замечаний и мнений современников – это необходимое условие оценки историко-философской значимости полученных автором результатов. В силу этого, внимание к критическим возражениям, касающимся социально-философских воззрений Поппера, представляется немаловажным компонентом изучения его наследия.

Заключение

Критика попперианской социальной мысли, равно как и выявление слабых мест отдельных ее элементов, таких, как концепция историцизма, де-

монстрирует, что Попперу, как и любому другому мыслителю, были свойственны ситуативная ограниченность, непоследовательность, предвзятость. Но удивительно то, что это лишь подкрепляет его ключевые установки фаллибилизма и критицизма, которые, по справедливому замечанию А.Л. Никифорова [3], оказали и продолжают оказывать развивающее, совершенствующее влияние на философские исследования. Солидаризуясь с оценкой, данной Н.С. Розовым, мы считаем необходимым рассматривать социально-философские решения Поппера как «блестящий вызов» последующим эпохам [19]. Более того, как для сторонников марксистской социальной мысли, так и для ее критиков, попперианская концепция историцизма выступила в качестве фактора теоретического обогащения и совершенствования, стимулирующего к преодолению методологического и концептуального догматизма. Положительное влияние попперианской мысли во многом происходило вопреки ее пренебрежительному восприятию: так, первоначально оказавшись объектом разрушительной марксистской контркритики, наиболее яркий образец которой принадлежит перу М. Корнфорта [2], методологические и социально-философские соображения Поппера были в дальнейшем конструктивно использованы в ходе создания социальных теорий, актуализирующих положения марксистской социальной мысли. Именно таким образом действие попперианских представлений об историцизме и методологическом эссенциализме в дальнейшем проявилось в созданной Л. Новаком теории идеализации [17], позволяющей по-новому взглянуть на объяснительные и предсказательные возможности марксистской социальной теории. Попперианская концептуальная новация, заключающаяся в смещении содержательных акцентов понятия историцизма, привела скорее к расширению дискуссионного поля историософии, чем к опровержению и окончательному исключению каких-либо позиций. Даже принимая во внимание ее слабые стороны, необходимо признать, что она дает Попперу возможность указать на ту специфическую сложность, которая свойственна задачам методологического обоснования социальных исследований и теоретической истории.

Поппер небезосновательно может быть причислен к наиболее влиятельным творцам мифов о марксизме [1]. Но результат попперианского мифотворчества парадоксален: марксизм получил импульс к самоочищению от догматизма, к эволюционному развитию ряда концепций и решений путем их логико-методологической рефлексии и концептуального прояснения. Посредством критики отдельных содержательных элементов Поппер обращает различные направления социальной теории к обозначенной в первом томе «Открытого общества» фундаментальной проблеме – проблеме метода социальных наук [7]. Именно в обращении к внутреннему источнику «жизненной си-

лы» и творческого развития социального знания заключается его наибольшая заслуга как философа. Вопросы объяснительной и предсказательной специфики социальных наук, смысла и целей истории, возможностей анализа динамики исторического развития общества и выявления номологических оснований социальной реальности требуют концептуального и методологического «оздоровления» социальных теорий. Попперианская критика историцизма представляется гениальным и провокационным по своему характеру шагом на пути к этой цели. Не будучи неоспоримым, такой взгляд позволяет оценить ее по достоинству.

Литература

1. Кондрашов, П.Н., Любути, К.Н. (2011). Анализ наиболее распространенных мифов о философии Маркса. Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН, (11), 80–97.
2. Корнфорт, М. (1972). Открытая философия и открытое общество. М.: Прогресс.
3. Никифоров, А.Л. (2005). Карл Поппер и XXI век. Эпистемология и философия науки, 4, 64–67.
4. Никоненко, С.В. (2021). Карл Маркс в странстве англоязычной философии: марксисты и критики. Вестник РХГА, (1), 52–65.
5. Поппер, К.Р. (1993). Нищета историцизма. М.: Прогресс.
6. Поппер, К.Р. (1992). Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона. М.: Феникс.
7. Поппер, К.Р. (1992). Открытое общество и его враги. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М.: Феникс.
8. Потамская, В.П. (2021). Критика историцизма К. Поппером (часть 1). Вестник ТвГТУ. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки», (4), 6–13.
9. Потамская, В.П. (2022). Критика историцизма К. Поппером (часть 2). Вестник ТвГТУ. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки», (2), 17–23.
10. Bernal, J.D. (1955). Review: Has History a Meaning? The British Journal for the Philosophy of Science, 22, 164–169.
11. Cohen, M.R. (1947). The Meaning of Human History. La Salle: Open Court.
12. De Ruggiero, G. (1935). Idealism. Encyclopaedia of the Social Sciences. Ed. By Seligmen, E.R.A., Johnson, A. Vol. 7. London: The Macmillan Company.
13. Gardiner, P. (1959). The Poverty of Historicism by Karl R. Popper. The Philosophical Quarterly, 35, 172–180.
14. Gottschalk, L. (1950). Understanding History. New York: Alfred A. Knopf.
15. Iggers, G.G. (1995). Historicism: The History and Meaning of the Term. Journal of the History of Ideas, 1, 129–152.

16. Lee, D.E., Beck, R.N. (1954). The Meaning of «Historicism». *The American Historical Review*, 3, 568–577.
17. Nowak, L. (1980). The Structure of Idealization. Towards a Systematic Interpretation of the Marxian Idea of Science. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company.
18. Passmore, J. (1975). The Poverty of Historicism Revisited. *History and Theory*, 4, 30–47.
19. Rozov, N.S. (1997). An Apologia for Theoretical History. In *Memory of Sir Karl Raimund Popper. History and Theory*, 3, 336–352.
20. Suchting, W.A. (1972). Marx, Popper, and «Historicism». *Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy*, 15, 235–266.
21. Urbach, P. (1978). Is Any of Popper's Arguments against Historicism Valid? *The British Journal for the Philosophy of Science*, 2, 117–130.
22. Wilbanks, J.J. (2010). Defining Deduction, Induction, and Validity. *Argumentation*, 1, 107–124.

THE CONTROVERSY OVER «HISTORICISM»: POPPER AND HIS CRITICS

Musat R.P., Kudashov V.I., Leopa A.V., Rakhinsky D.V.

Siberian Federal University, Prof. V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Krasnoyarsk State Agrarian University

Popperian views on historicism as a way of organizing the understanding of social and historical issues are widely known, but the critical reviews and objections of contemporaries (as well as later authors) regarding their content are much less covered. This review analyzes critical comments regarding the concept of historicism expressed by D. Bernal, J. Passmore, P. Urbach, P. Gardiner and a number of other major foreign philosophers and methodologists of the social sciences. Critical judgments regarding the logical and methodological characteristics of Popperian reasoning are examined, views on the validity and correctness of the way of understanding historicism proposed by Popper are analyzed. Although many critics of Popperian views express similar considerations, they introduce and demonstrate them through significantly different arguments (due to which the presented study is also interesting as an experience in reviewing possible starting points for criticizing Popper's socio-philosophical views). Notable for assessing the significance of the publication of Popper's works dedicated to the reflection of social and historical issues as a philosophical event are the polemical attention to the details of Popperian reasoning, a comprehensive analysis of their structure and content, examples of which are replete with the critical reviews under consideration. The presented consideration uses the innovativeness of Popperian criticism to draw on the experience of constructing social theories and understanding the patterns of development of societies. The authors note in the structure of the Popperian concept of historicism a combination of several substantive ideas that form independent lines of understanding the theoretical and methodological problems of studying society and the historical paths of its development. This circumstance determines the multiplicity of possible ways of constructively from using Popper's theses to reflect on various problem areas – from questions of explanation in the social sciences to the problem of the meaning of history.

Keywords: historicism, K.R. Popper, laws of history, marxism, hegelianism, historical explanation, social engineering, social development.

References

1. Bernal, J.D. (1955). Review: Has History a Meaning? *The British Journal for the Philosophy of Science*, 22, 164–169.
2. Cohen, M.R. (1947). The Meaning of Human History. La Salle: Open Court.
3. Cornforth, M. (1972). Otkrytaya filosofiya i otkrytoye obshestvo [The Open Philosophy and the Open Society: A Reply to Dr. Karl Popper's Refutations of Marxism]. Moscow: Progress.
4. De Ruggiero, G. (1935). Idealism. *Encyclopaedia of the Social Sciences*. Ed. By Seligmen, E.R.A., Johnson, A. Vol. 7. London: The Macmillan Company.
5. Gardiner, P. (1959). The Poverty of Historicism by Karl R. Popper. *The Philosophical Quarterly*, 35, 172–180.
6. Gottschalk, L. (1950). Understanding History. New York: Alfred A. Knopf.
7. Iggers, G.G. (1995). Historicism: The History and Meaning of the Term. *Journal of the History of Ideas*, 1, 129–152.
8. Kondrashov, P.N., Lubutin, K.N. (2011). Analiz naibolee rasprostranennykh mifov o filosofii Marksa [The Analysis of Widespread (Myths) About Marx's Philosophy]. *Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 11, 80–97.
9. Lee, D.E., Beck, R.N. (1954). The Meaning of «Historicism». *The American Historical Review*, 3, 568–577.
10. Nikiforov A.L. (2005). Karl Popper i XXI vek [Karl Popper and the XXI Century]. *Epistemology & Philosophy of Science*, 4, 64–67.
11. Nikonenko, S.V. (2021). Karl Marks v prostranstve angloyazychnoy filosofii: marksisty i kritiki [Karl Marx in the Sphere of English Philosophy. Marxists and Critics]. *Review of the Russian Christian Academy for the Humanities*, 1, 52–65.
12. Nowak, L. (1980). The Structure of Idealization. Towards a Systematic Interpretation of the Marxian Idea of Science. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company.
13. Passmore, J. (1975). The Poverty of Historicism Revisited. *History and Theory*, 4, 30–47.
14. Popper, K.R. (1993). Nischeta istoricizma [The Poverty of Historicism]. Moscow: Progress.
15. Popper, K.R. (1992). Otkrytoye obschestvo i ego vragi. T. 1. Chary Platona [The Open Society and Its Enemies. Vol. 1. The Speel of Plato]. Moscow: Phoenix.
16. Popper, K.R. (1992). Otkrytoye obschestvo i ego vragi. T.2. Vremya lzheprorokov: Gegel', Marks i drugie oratory [The Open Society and Its Enemies. Vol. 2. The High Tide of Prophecy: Hegel, Marx and Aftermath]. Moscow: Phoenix.
17. Potamskaya, V.P. (2021). Kritika istoricizma K. Poppera (chast' 1) [C. Popper's Criticism of the Historicism (Part 1)]. *Herald of Tver State Technical University. Series: «Social and Humanitarian Sciences»*, 4, 6–13.
18. Potamskaya, V.P. (2022). Kritika istoricizma K. Poppera (chast' 2) [C. Popper's Criticism of the Historicism (Part 2)]. *Herald of Tver State Technical University. Series: «Social and Humanitarian Sciences»*, 2, 17–23.
19. Rozov, N.S. (1997). An Apologia for Theoretical History. In *Memory of Sir Karl Raimund Popper. History and Theory*, 3, 336–352.
20. Suchting, W.A. (1972). Marx, Popper, and «Historicism». *Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy*, 15, 235–266.
21. Urbach, P. (1978). Is Any of Popper's Arguments against Historicism Valid? *The British Journal for the Philosophy of Science*, 2, 117–130.
22. Wilbanks, J.J. (2010). Defining Deduction, Induction, and Validity. *Argumentation*, 1, 107–124.

Герменевтика креативности в городской среде

Суховская Дарья Николаевна,

кандидат философских наук, доцент, кафедра исторических, социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии, ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Статья посвящена изучению феномена креативности в контексте образовательного процесса и личностного развития на основе герменевтического подхода и междисциплинарного анализа. Цель исследования – выявить сущностные характеристики креативности и условия ее развития в современной городской среде, опираясь на философские, педагогические, психологические, культурологические и социологические аспекты. Методологической основой работы является герменевтический подход, позволяющий интерпретировать творческий акт как процесс порождения новых смыслов. Проведенный анализ показывает, что креативность выступает ключевым фактором успешной самореализации личности и адаптации к динамичным условиям мегаполиса. В результате сформулированы выводы о значимости диалогического, интерпретативного взаимодействия в образовании для развития творческих способностей и обозначены перспективы дальнейших исследований по интеграции герменевтических методов в педагогическую практику.

Ключевые слова: креативность, герменевтика, городская среда, образовательный процесс, личностное развитие, междисциплинарный подход.

Современная философия рассматривает вопросы раскрытия внутреннего потенциала личности во взаимосвязи с развитием творческого мышления, а также с формированием оптимальных организационных и дидактических условий для воспитания креативных качеств у человека [15]. Широко распространено мнение специалистов, согласно которому задатки творческого мышления присутствуют у каждого человека с раннего возраста. Однако по мере взросления у большинства происходит постепенное вытеснение нестандартного подхода к задачам рационально-логическими способами мышления, что отражается и в языке: в нём начинают преобладать устойчивые выражения и стереотипные конструкции (Д.Б. Богоявленская, Н.В. Рождественская [17], А.М. Матюшкин [16]). В связи с этим перед образовательными системами стоит задача поддерживать и развивать изначально присущий креативный потенциал, не допуская его угасания под влиянием шаблонных форм мышления и деятельности. Поиск эффективных условий для сохранения и стимулирования креативности требует не только психологического анализа, но и разработки соответствующих педагогических и методических подходов с учётом специфики каждой учебной дисциплины.

Исследователи неоднократно пытались определить основные черты, характеризующие творческую личность; среди них выделяются работы Т. Амабайл [2] и М. Чиксентмихайи [3]. После анализа их исследований можно выделить следующие ключевые признаки:

- проявление инициативы и познавательной активности;
- способность воспринимать и ценить красоту;
- независимость мышления, самостоятельность взглядов, избегание речевых стереотипов;
- восприимчивость к новому, готовность к эксперименту, открытость нестандартным идеям, стремление создавать оригинальные продукты;
- постоянное стремление развивать собственные способности через самоанализ и рефлекссию;
- склонность принимать ответственные решения и готовность идти на оправданный риск.

Углублённая типологизация этих характеристик выходит за рамки данной работы, поэтому они приведены в обобщённой форме. Анализ представленных качеств позволяет сделать следующие выводы: подавляющая часть признаков изучается в психологии, тогда как педагогические исследования

затрагивают их значительно реже. Считается необходимым акцентировать внимание на разработке педагогических методик, технологий и инструментов, способствующих формированию и развитию творческих способностей учащихся в процессе изучения конкретных учебных дисциплин.

Исходя из этого напрашивается вывод: креативность становится одной из центральных категорий современной образовательной парадигмы по следующим причинам:

Во-первых, между креативностью и личностно-ориентированным подходом существует тесная связь, которая определяет процесс раскрытия творческого потенциала человека, способствует развитию присущих творческой личности черт, таких как самостоятельность мышления, способность выходить за рамки шаблонов, принимать нестандартные решения, а также готовность отвечать за свои поступки [14, с.].

Во-вторых, при внедрении компетентностного подхода в обучение формирование креативных способностей учащихся становится неотъемлемой частью образовательной деятельности. Это обеспечивает акцент на практическом результате, что способствует укреплению и развитию профессионально и личностно значимых компетенций и расширению индивидуального опыта.

В-третьих, развитие творческих качеств у обучающихся играет важную роль в их готовности воспринимать новые идеи и инновации в образовательном процессе – значимость которых возрастает с усложнением требований к современному образованию.

Многогранность феномена креативности вызвала интерес исследователей различных научных областей. Наиболее активно вопросы творчества изучаются в гуманитарных науках – таких как филология, философия, педагогика и психология – где рассматривается широкий спектр аспектов данного явления.

Наряду с фундаментальными трудами в педагогике и психологии были проанализированы современные специализированные исследования по проблеме творчества из профильных журналов и диссертаций. Для глубокого изучения тенденций проведён контент-анализ публикаций за последние двадцать лет – период активного распространения компетентностного подхода в системе образования.

Разнообразие взглядов и интерпретаций креативности объясняется спецификой каждого научного направления: различиями исследовательских задач, методов, объектами изучения и предметной областью специалистов.

Вследствие этого отсутствует единое понимание природы творческого потенциала личности; появляется множество разных трактовок данного явления. В рамках методики организации образовательного процесса уточнение понятия креатив-

ности остаётся актуальной задачей. Это побудило автора обратиться к методологическим принципам герменевтики, что позволило сформулировать ряд выводов по рассматриваемой проблеме.

Философия традиционно служит основой методологии для всех научных направлений, поэтому выбор исследовательских стратегий и подходов должен опираться на её фундаментальные принципы. Значительный вклад в определение основных принципов формирования содержания образовательного процесса вносят культурология и социология. Культурология изучает культурные феномены, отражённые в языке и коммуникации, тогда как социология исследует человеческую деятельность, включая её коммуникативные аспекты. Исходя из этого, исходные положения нашего исследования базируются на концепциях, разработанных этими дисциплинами [11, с.].

Многие философы, среди которых В.П. Бранский [9, с.], Н.А. Бердяев [8, с.], А. Бергсон [7, с.] и другие, склонны считать понятия «творчество» и «креативность» тождественными по содержанию. Они рассматривают эти явления с точки зрения процессов и их значения для развития личности.

С позиции культурологии существует прямая связь между культурой и проявлением креативности. Креативность понимается как ключевая характеристика творческой личности – она проявляется в умении и стремлении создавать нечто новое: идеи, произведения искусства, технологические разработки или инновационные методы решения задач.

В данном контексте оба понятия – творчество и креативность – рассматриваются исключительно как личностные особенности субъекта деятельности. Компетентностный подход в педагогике ставит во главу угла личностно-ориентированные и деятельностные стратегии образования, благодаря чему креативность становится центральным объектом педагогического воздействия [10, с.].

В социологическом дискурсе креативность трактуется преимущественно как общественное явление и одновременно как характеристика человека через призму его социальной роли.

Обзор научной литературы показывает: большинство исследователей практически не проводят чёткого разграничения между понятиями «творчество» и «креативность», используя их взаимозаменяемо для описания творческих способностей личности или инновационной деятельности. Хотя некоторые авторы отмечают возможные различия между этими терминами, в целом их трактовки не противоречат друг другу.

Феномен креативности преимущественно рассматривается в рамках психологической науки, где ему посвящено множество исследований, сосредоточенных на человеческой деятельности. Классическое определение креативности, предложенное Е. Торренсом во второй половине XX ве-

ка, остается основополагающим и по сей день. Согласно этому определению, креативность понимается как способность человека к оригинальному мышлению, умению находить новые подходы и решения, а также стремление к поиску нестандартных идей и целей. Кроме того, креативность связывают с гибкостью мышления и внутренней мотивацией для достижения новых высот[5]. В современном развитии психологии данный феномен часто рассматривается как важное качество личности, определяющее творческий потенциал человека и находящееся в тесной связи с интеллектуальными способностями[4].

Среди исследователей креативности можно выделить В.Д. Сластенина[19], М.Н. Скаткина[18] и других. Педагогическая наука уделяет внимание креативности как значимой характеристике обучающихся и оценивает это явление через призму их образовательных достижений. Так, А.Г. Алейников отмечает, что креативность отражает наличие у личности уникальных черт – способности создавать оригинальные интеллектуальные или материальные продукты и принимать нестандартные решения; кроме того, она выступает проявлением индивидуальности[1].

Значительный вклад в понимание природы креативности внесли педагоги: именно в педагогике сформировался новый взгляд на анализ данного явления[20]:

- во-первых, педагоги стали первыми исследователями, сосредоточившимися на процессе проявления креативности внутри образовательного процесса;
- во-вторых, образовательная среда позволила выявить специфические условия для формирования творческих качеств учащихся; это обстоятельство стимулировало разработку специальных методик и создание образовательного пространства для поддержки креативности при изучении различных дисциплин;
- в-третьих, педагогический подход дал возможность рассматривать креативность как качественную характеристику продукта обучающей деятельности.

Анализ научной литературы по проблеме креативности в педагогической деятельности позволяет выделить три основные трактовки этого понятия:

- полное отождествление понятий «креативность» и «творчество»;
- признание взаимосвязи при наличии отличительных особенностей;
- абсолютное разделение этих категорий как самостоятельных и не взаимозаменяемых.

С точки зрения педагогических стратегий, четкое разграничение понятий «креативность» и «творчество», а также понимание их взаимовлияния представляют собой ключевой ориентир для разработки эффективных образовательных практик.

Проведенный анализ современных интерпретаций креативности позволяет перейти к более узкой задаче – определению актуального состояния научной мысли в данном направлении с акцентом на психолого-педагогическую проблематику и её отражение в методиках организации учебного процесса.

Обобщение существующих исследований, посвящённых развитию креативного потенциала, выявило ряд закономерностей. В большинстве изученных работ креативность рассматривается как личностная черта (О.В. Опарина, О.Н. Капиренкова [12, с.]), при этом делается упор на личностно-ориентированный подход и анализируются индивидуальные особенности проявления креативности (И.П. Маличенко, Н.А. Кузнецова и др.).

Подводя промежуточные итоги, отметим: анализ степени разработанности темы в публикациях отечественных и зарубежных исследователей подтверждает сложный многогранный характер проблемы и подчёркивает определяющее значение креативных и творческих ресурсов личности. Это служит основанием для формирования новых компетенций. При разработке методических рекомендаций важно рассматривать креативность во всём спектре ситуаций её востребованности, что обуславливает авторский подход к формулированию условий внедрения компетентностно-ориентированных образовательных технологий.

Комплексный анализ психологических и педагогических исследований показывает: всестороннее изучение феномена креативности невозможно без учёта возрастных особенностей обучаемых. Следующим логическим шагом становится характеристика целевой группы, позволяющая выработать критерии для последующего анализа научной литературы и диссертационных работ по обозначенной тематике [13, с.].

По итогам проделанной работы сформулированы два принципиальных вывода:

- во-первых, выявляется прямая зависимость между возрастными особенностями обучающихся и спецификой изучения креативности, поскольку для различных возрастных категорий актуализируются разные аспекты данного явления;
- во-вторых, для обоснования вклада отдельных учебных дисциплин в развитие креативного потенциала личности требуется создание новых методических инструментов с учётом специфики каждой дисциплины.

Рассмотрим эти положения подробнее.

Вопрос креативности рассматривался применительно к различным возрастным категориям обучающихся – от дошкольного возраста до взрослого населения и студентов вузов. Вместе с тем анализ распределения возрастных групп в научных исследованиях выявил их значительную неоднородность, обусловленную особенностями целевых аудиторий.

Проведённый анализ подтверждает, что креативность представляет собой многоуровневое и многогранное явление, тесно связанное с личностным развитием и воздействием социальных и культурных факторов. Применение герменевтической методологии позволило осмыслить творческую деятельность как процесс смыслообразования, в ходе которого субъект придаёт новым знаниям и впечатлениям индивидуальное значение. Междисциплинарный подход к изучению темы показал: наибольшая эффективность развития творческих способностей достигается в образовательной среде, основанной на партнерских отношениях между участниками процесса и совместном создании новых знаний. В условиях быстрого изменения мегаполиса особенно востребованы гибкость мышления и способность генерировать нестандартные решения – качества, позволяющие творческим личностям лучше адаптироваться к неопределённости.

Ключевые результаты исследования можно сформулировать следующим образом. Во-первых, креативность является фундаментальной составляющей полноценного саморазвития человека и повышения его конкурентоспособности в современных социокультурных условиях. Во-вторых, внедрение герменевтических принципов в педагогическую практику способствует формированию самостоятельных и открытых новым идеям обучающихся, способных эффективно действовать даже при отсутствии однозначных ориентиров. Образовательная среда, построенная на принципах диалога и интерпретации опыта, стимулирует учащихся к самостоятельному поиску решений и оригинальных идей, углубляя освоение знаний. Кроме того интеграция подходов из философии, психологии образования, социологии и культурологии позволила рассмотреть творческий потенциал личности как результат взаимного влияния когнитивных процессов и среды обитания.

В дальнейшем перспективным представляется разработка конкретных методик интеграции герменевтических стратегий в образовательную практику для поддержки творческих способностей различных возрастных групп обучающихся. Целесообразно проведение экспериментальных исследований по оценке эффективности диалоговых и интерпретативных форм обучения как на уровне общеобразовательной школы, так и вузовских программ. Также представляет интерес сравнительный анализ влияния урбанистической и сельской среды на развитие креативного мышления учащихся. Будущие научные разработки могут быть направлены на выявление наиболее продуктивных педагогических условий и технологий обучения с элементами герменевтики для формирования новаторского мышления у молодого поколения – с целью подготовки специалистов нового типа с высоким потенциалом творческой деятель-

ности и способностью преобразовывать социальную реальность.

Литература

1. Aleinikov A.G. Creative Pedagogy and Creative Metapedagogy // Progress in Education. – 1990. – Vol. 65, No. 12. – P. 274–280. – URL: <https://link.springer.com> (дата обращения: 05.09.2024).
2. Amabile T.M. Creativity in Context: Update to the Social Psychology of Creativity. – New York: Routledge, 2018. – URL: <https://academic.oup.com/book/55265/chapter/428648561> (дата обращения: 05.09.2024).
3. Csikszentmihalyi M. Creativity: Flow and the Psychology of Discovery and Invention. – New York: HarperCollins, 1996. – URL: <https://academic.oup.com/book/55265/chapter/428648561> (дата обращения: 05.09.2024).
4. Guilford J.P. Creativity // American Psychological Association. – URL: <https://www.apa.org/monitor/nov03/creativity> (дата обращения: 05.09.2024).
5. Torrance E.P. The Torrance Tests of Creative Thinking Norms-Technical Manual Figural (Streamlined) Forms A & B. – Bensenville, IL: Scholastic Testing Service, 2008. – URL: <https://www.cambridge.org> (дата обращения: 05.09.2024).
6. Батоврина Е.В. Развитие креативности управленцев в процессе профессиональной подготовки: дис. ... канд. соц. наук / Е.В. Батоврина; Моск. гор. пед. ун-т. – Москва, 2007. – 224 с.
7. Бергсон А. Творческая эволюция / А. Бергсон; пер. с фр. – Москва: Кучково поле, 2006. – 384 с.
8. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. / Н.А. Бердяев. – Москва: Искусство, 1994. – Т. 2. – 542 с.
9. Бранский В.П., Пожарский С.Д. Социальная синергетика и акмеология. Теория самореализации индивидуума и социума / В.П. Бранский, С.Д. Пожарский. – Санкт-Петербург: Питер, 2001. – 159 с.
10. Глушенкова М.С. Сущность и генезис понятия «креативность» / М.С. Глушенкова // Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2022. – С. 231–235.
11. «Информация», «творчество», «креативность»: междисциплинарный анализ понятий / Е.А. Гафарова, В.А. Белевитин, Г.А. Диденко [и др.] // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – № 9. – С. 43–47.
12. Капиренкова О.Н. Креативность личности лидера как фактор интеграции малой группы: дис. ... канд. псих. наук / О.Н. Капиренкова. – Москва, 2004. – 301 с.
13. Коновалова Е.Г. Понятие креативности и творчества в трудах отечественных и зарубежных

- психологов / Е.Г. Коновалова // Москва: Московский городской педагогический университет, 2021. – С. 42–45.
14. Суховская Д.Н. Креативное пространство российских городских поселений и его влияние на формирование ценностных ориентаций личности: автореф. дис. ... канд. философ. наук / Д.Н. Суховская; Краснодар. ун-т МВД РФ. – Краснодар, 2016. – 24 с.
 15. Кукушкина О.И. Психология креативности: Креативное мышление и его развитие в образовании / О.И. Кукушкина. – Москва: Академия, 2021. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41412356> (дата обращения: 01.10.2023).
 16. Матюшкин А.М. Концепция творческой одаренности / А.М. Матюшкин // Вопросы психологии. – 1989. – № 6. – С. 29–33.
 17. Рождественская Н.В. Развитие креативности методами арт-терапии и импровизации / Н.В. Рождественская // Ананьевские чтения – 2004: материалы науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 2004 г.). – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2004. – С. 617–618.
 18. Скаткин М.Н. Методология и методика педагогических исследований / М.Н. Скаткин. – Москва: Педагогика, 1986. – 152 с.
 19. Сластенин В.Д., Подымова Л.С. Педагогика: Инновационная деятельность / В.Д. Сластенин, Л.С. Подымова. – Москва: ИЧП «Издательство Магистр», 1997. – 224 с.
 20. Шингаев С.М. Эмоциональный интеллект, творчество и креативность: соотношение понятий и практика / С.М. Шингаев // Москва: Институт психологии РАН, 2020. – С. 89–90.
- Available at: <https://link.springer.com> (Accessed September 5, 2024).
2. Amabile, T.M. "Creativity in Context: Update to the Social Psychology of Creativity." New York: Routledge, 2018. Available at: <https://academic.oup.com/book/55265/chapter/428648561> (Accessed September 5, 2024).
 3. Csikszentmihalyi, M. "Creativity: Flow and the Psychology of Discovery and Invention." – New York: HarperCollins, 1996. – URL: <https://academic.oup.com/book/55265/chapter/428648561> (date of access: 09/05/2024).
 4. Guilford J.P. Creativity // American Psychological Association. – URL: <https://www.apa.org/monitor/nov03/creativity> (date of access: 09/05/2024).
 5. Torrance E.P. The Torrance Tests of Creative Thinking Norms-Technical Manual Figural (Streamlined) Forms A & B. – Bensenville, IL: Scholastic Testing Service, 2008. – URL: <https://www.cambridge.org> (date of access: 09/05/2024).
 6. Batovrina E.V. Development of creativity of managers in the process of professional training: dis. ... cand. Social sciences / E.V. Batovrina; Moscow City Pedagogical University. – Moscow, 2007. – 224 p.
 7. Bergson A. Creative evolution / A. Bergson; translated from French. – Moscow: Kuchkovo pole, 2006. – 384 p.
 8. Berdyaev N.A. Philosophy of creativity, culture, and art: in 2 volumes / N.A. Berdyaev. – Moscow: Iskustvo, 1994. – Vol. 2. – 542 p.
 9. Bransky V.P., Pozharsky S.D. Social synergetics and acmeology. Theory of self-realization of the individual and society / V.P. Bransky, S.D. Pozharsky. – St. Petersburg: Piter, 2001. – 159 p.
 10. Glushenkova M.S. The essence and genesis of the concept of "creativity" / M.S. Glushenkova // Yoshkar-Ola: Mari State University, 2022. – Pp. 231–235.
 11. "Information", "creativity", "creativity": an interdisciplinary analysis of concepts / E.A. Gafarova, V.A. Belevitin, G.A. Didenko [et al.] // Modern science: current problems of theory and practice. Series: Humanities. – 2021. – No. 9. – Pp. 43–47.
 12. Kapirenkova O.N. Creativity of the leader's personality as a factor in the integration of a small group: dis. ... Cand. of Psychology. Sciences / O.N. Kapirenkova. – Moscow, 2004. – 301 p.
 13. Konovalova E.G. The concept of creativity and creativity in the works of domestic and foreign psychologists / E.G. Konovalova // Moscow: Moscow City Pedagogical University, 2021. – Pp. 42–45.
 14. Sukhovskaya D.N. Creative space of Russian urban settlements and its influence on the formation of individual value orientations: author's abstract. diss. ... Cand. Philosophical Sciences / D.N. Sukhovskaya; Krasnodar. University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – Krasnodar, 2016. – 24 p.
 15. Kukushkina O.I. Psychology of creativity: Creative thinking and its development in education / O.I. Kukushkina. – Moscow: Academy, 2021. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41412356> (date of access: 01.10.2023).
 16. Matyushkin A.M. The concept of creative giftedness / A.M. Matyushkin // Voprosy psihologii. – 1989. – No. 6. – Pp. 29–33.
 17. Rozhdestvenskaya N.V. Developing creativity by methods of art therapy and improvisation / N.V. Rozhdestvenskaya // Ananyevskie readings – 2004: materials of the scientific and practical. conf. (St. Petersburg, 2004). – St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University, 2004. – Pp. 617–618.
 18. Skatkin M.N. Methodology and methods of pedagogical research / M.N. Skatkin. – Moscow: Pedagogy, 1986. – 152 p.
 19. Slastenin V.D., Podymova L.S. Pedagogy: Innovative Activity / V.D. Slastenin, L.S. Podymova. – Moscow: IChP "Izdatelstvo Magistr", 1997. – 224 p.
 20. Shingaevev S.M. Emotional Intelligence, Creativity, and Creativity: The Relationship of Concepts and Practice / S.M. Shingaevev // Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2020. – Pp. 89–90.

HERMENEUTICS OF CREATIVITY IN THE URBAN ENVIRONMENT

Sukhovskaya D.N.

Pyatigorsk State University

The article is devoted to the study of the phenomenon of creativity in the context of the educational process and personal development on the basis of a hermeneutic approach and interdisciplinary analysis. The purpose of the study is to identify the essential characteristics of creativity and the conditions for its development in the modern urban environment, based on philosophical, pedagogical, psychological, cultural and sociological aspects. The methodological basis of the work is the hermeneutic approach, which allows interpreting the creative act as a process of generating new meanings. The analysis shows that creativity is a key factor in the successful self-realization of the individual and adaptation to the dynamic conditions of the metropolis. As a result, conclusions are drawn about the importance of dialogical, interpretive interaction in education for the development of creative abilities and prospects for further research on the integration of hermeneutic methods into pedagogical practice are outlined.

Keywords: creativity, hermeneutics, urban environment, educational process, personal development, interdisciplinary approach.

References

1. Aleinikov, A.G. "Creative Pedagogy and Creative Metapedagogy." Progress in Education, Vol. 65, No. 12, pp. 274–280.

Обеспечение безопасности в реалиях современного глобального мира: социально-философский анализ

Равочкин Никита Николаевич,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева, профессор кафедры педагогических технологий Кузбасского государственного аграрного университета имени В.Н. Полецкого
E-mail: nickravochkin@mail.ru

Прокопенко Евгения Викторовна,

кандидат физико-математических наук, доцент, заведующий кафедрой информационной безопасности Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева
E-mail: pev.vtit@kuzstu.ru

Секачева Вера Михайловна,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и агробизнеса Сибирского федерального университета
E-mail: veramixs@mail.ru

Сухов Юрий Петрович,

соискатель кафедры философии Сибирского федерального университета
E-mail: yusuhov@sfu-kras.ru

В статье проводится социально-философский анализ обеспечения безопасности в реалиях современного глобального мира. Показано, что концептуализация основания обеспечения безопасности в актуальных контекстуальных условиях высвечивает амбивалентную природу этого процесса. Доказано, что проблемность глобализации как ведущего тренда общепланетарного развития несет в себе риски и угрозы для национальных государств, что придает феномену безопасности более сложный характер, чем на предыдущих этапах мирового развития. Обосновано, что ценностное противостояние занимает одну из ведущих позиций, что связано с их модификациями и конфигурациями на различных уровнях межгосударственного противостояния. Отмечена высокая роль государственных институтов, участвующих в формировании национальными и наднациональными объединениями своего коллективного я. Для наглядной иллюстрации рассмотрены кейсы ЕС и Вышеградской группы. В заключение авторами работы сформулированы итоговые положения, которые дополняют имеющиеся социально-философские аспекты анализа обеспечения безопасности в современном глобальном мире на теоретическом и практическом уровнях.

Ключевые слова: безопасность, глобализация, мир, ценности, общество, история, противоречия.

Вне всякого сомнения, существуют различные масштабные проблемы, так или иначе связанные с техническими, политическими и экономическими факторами, которые содержатся в глобализации общественных процессов. Однако концептуальным основанием для решения обозначенных и иных проблем глобального мира следует считать нормативное закрепление общих принципов организации коллективного взаимодействия, причем такие нормы должны быть закрепленными в формах, удовлетворяющих всех участников коллективной международной интеракции. Проблемным в данном случае является расхождение в ценностных ориентациях, тем, что мыслятся в качестве базовых настроек мировоззрения целых сообществ. Расхождение в ценностных ориентациях может приводить к несостыковкам и конфликтам в культурных и интеллектуальных областях, что в свою очередь может быть фактором, усугубляющим глобальные проблемы.

Далее, следует заметить, что концептуализация оснований обеспечения безопасности в условиях глобализации должна быть ориентирована на понимание амбивалентной природы самого данного процесса. Речь идет о том, что глобализация как процесс с одной стороны позволяет ускорить экономический рост, распространить новые технологии, а также повысить уровень жизни в различных странах. С другой стороны, тот же самый процесс трактуется рядом ученых в качестве основания угрозы нарушения национального суверенитета, поскольку глобализация может разрушить местную культуру и традиции, а также угрожает экономической и социальной стабильности [4].

В рамках представленной проблематики полагается, что глобализация мыслится как «общемировое распространение преимущественно западной информации и средств развлечений с их предполагаемым воздействием на общественные ценности в тех местах, которых они достигают» [1, с. 99]. Существенным становится перенос ценностных культурных оснований западноевропейского мира на культурные среды всего остального мира.

Проблемным оказывается сохранение традиционных ценностей, их соотношение и согласование с аксиологическими основаниями современного общества, а также выработку общих принципов построения ценностных стандартов поликультурного и полиэтнического общества. Существенной становится проблема сохранения региональных,

национальных культурных оснований, позволяющих поддержать традиционные формы взаимоотношений при универсализации принципов взаимодействия. Проблемным становится нивелирование этнонациональных и культурных оснований бытия в условиях глобализирующегося общества.

Одним из вариантов разрешения обозначенной проблемы является проведение политики «мягкой силы», которая концептуально предполагает концептуально должна быть интегрирована в национальную интеллектуальную среду каждого конкретного государства. Так, на примере КНР имеет смысл говорить о трех значениях данного феномена:

- «мягкая сила» как то, что направлено на внутреннюю политику с целью сохранения и поддержания ценностей и культуры внутри государства;
- «мягкая сила» как то, что направлено на международную арену с целью сохранения национальной культуры в условиях глобализирующегося общества и продвижение ценностей государства на мировой арене;
- «мягкая сила» как противодействие западному (говоря шире – общемировому) влиянию с целью сохранения национальных принципов существования [4].

Все представленные принципы оказывают позитивное влияние на согласование интересов глобализирующегося мира с национальными и этническими возможностями и традициями. Концептуально такой подход представляется как один из эффективных методов обеспечения безопасности как внутри государства, так и на международной арене.

Существенным риском и значимой угрозой в рамках глобализационных процессов становится столкновение национальных и этнических ценностей с их общеглобальными «конкурентами». Проблемным следует считать противостояние общепланетарных ценностей, тех, что выражают приоритеты глобализирующегося мира, с аксиологическими основаниями государств, стремящихся отстоять собственную идентичность.

Частным случаем представленной логики следует считать противостояние универсальных и частных ценностей в рамках политики памяти, проводимой каждым государством при формировании образа коллективного «мы» на внешнеполитическом и внутреннем «рынке». Так, в ряде современных аналитических работ, посвященных представленной тематике, утверждается, что политика памяти трактуется не только как область и средство формирования представлений о коллективном «мы», но также и как область противоборства между национальной и международной правовых (ценностных) систем. В рамках представленной диалектики предполагается потенциальное столкновение интересов внешнего (ориентированного, в частности, – на интеграцию в ЕС,

НАТО и иные коллективные формы взаимодействия) и внутреннего (ориентированного на национальные интересы, выраженного в стремлении их отстаивать) [7].

Так, процесс евроинтеграции государств, входящих в Вышеградскую группу, предполагает столкновение двух идеологий: европеизм и сорвализм [2]. Сущность такого столкновения состоит в противостоянии ценностей двух данных идеологий, а также транслируемых в них приоритетах. Для первой идеологии принципиальным оказывается доминирование общеевропейских ценностей, для второй – приоритет национального суверенитета перед наднациональными нормативными и иными актами. На этом основании следует говорить о различных формах и способах проведения политики памяти как со стороны Европейского союза, так и каждого отдельного государства, входящего в Вышеградскую группу.

Некоторые современные ученые, указывают на необходимость проведения активной государственной исторической политики как основания игры за ресурсы так называемого «морального капитала», выраженного достижением наиболее высокого, лучшего мнения о различных политических акторах государства или нации [5]. Как следствие, реализуется две конкурирующие парадигмы работы с прошлым: либеральная и критическая. Первая предполагала руководство либерально-примирительным образом для последующей интеграции в ЕС, что предполагало учет целого ряда сопряженных исторических нарративов. В свою очередь, вторая версия подразумевала поощрение национальной гордости, для чего требовалось устранение внутренних и внешних врагов [8].

Ценностные основания либеральной политики памяти государств Центральной Европы связывается с глобалистскими тенденциями через использование нарратива о «похищенной Европе», суть которого состоит в признании культурной, ментальной и иной принадлежности государства к латинской западной цивилизации, однако против своей воли ощутившей на себе полувековое влияние со стороны СССР. Такой нарратив позволяет Польше активно взаимодействовать с западноевропейскими государствами, сохраняя связь с ними на международной арене. Таким образом сформированные ценностные основания становятся фундаментом для глобалистских тенденций в европейском союзе и всей европейской культурной традиции, которая по своей сути представляет собой стремление к универсализации принципов организации всех сторон общественной жизни. Политически, социально, экономически, культурно государства функционируют по единым принципам и на общих основаниях, утрачивая до определенной степени национальные и этнические традиции.

Критическая парадигма проведения политики памяти в странах Центральной Европы реализует-

ся на основании признания экзогенной (навязанной), насильственной идеологии со стороны государств, которые в историческом прошлом оказывали доминирующее влияние на политические интенции и события региона [6]. Как следствие, практическая реализация такой политики заключается в борьбе с мемориальными практиками прошлого: исторически значимые и негативно оцениваемые памятники убирались из публичного пространства, что означало определенную деколонизацию топонимов. Кроме того, историческая память и новые места памяти были нацелены на построение независимой католической идентичности Польши, что выражалось, в частности, в замене прежних памятников на памятник «национального мученичества» в Катыни. Трансформируются исторические даты на те, что более отвечают интересам евроинтеграции, создается Институт национальной памяти, действующий в тех же целях.

Кроме того, следует подчеркнуть, что на внутренней арене формирование образа коллективного «мы» реализуется как на федеральном уровне за счет деятельности государственных институтов [7, с. 62], а также на муниципальном уровне — через работу различных музеев, мемориальных мест, частным и персональным инициатив. Все эти действия работали на единую цель — отстраниться от негативного, подчиненного прошлого и достигнуть единства с либеральными ценностями.

В рамках описанной политики памяти реализуется тенденция по сохранению государственного образа национального «мы» и принципа сохранения локальных ценностных оснований. В рамках выделенного нами противостояния глобализационного и регионального усматривается борьба об образе конкретного государства, нации, этноса, его месте в структуре международного сообщества, отношения к нему как со стороны самих граждан конкретного государства, так и всего мирового сообщества. Кроме того, наличие противоречий между глобалистскими и национально и этноориентированными интенциями в политике памяти приводят к возможным конфликтам идеологии. Отметим риски конфликтов, связанных с переосмыслением исторического прошлого как государства, так и отдельных этносов, что влечет за собой конфликты интересов и интерпретаций, а значит — идеологическую борьбу на международной арене. Кроме того, важным оказывается риск сепаратизма и деструктивных действий внутри целых регионов, в государствах которых реализуется политика внедрения ценностей глобализирующегося мира. Отторжение норм и принципов существования мира, в котором некоторые сообщества вынужденно пребывают, может провоцировать локальные конфликты вплоть до прямых военных столкновений.

Одновременно с этим важным представляется риск неточного и несправедливого переписывания исторической реальности, претворение в жизнь

интерпретаций, которые оказываются выгодными конкретным государствам, целым регионам. Как итог, возникают войны памяти за право отстаивать собственное видение прошлого своего региона, государства, собственной идентичности.

На основании возникающих рисков и опасностей важной представляется необходимость проведения политики согласования интересов, дающей основание для создания общечеловеческих ценностей и норм существования. Такое действие может расцениваться как позитивное воздействие на множество государств как на региональной, так и на глобальном уровне, что обеспечивает безопасную их интеракцию при решении общезначимых проблем.

Все выше перечисленные свойства глобализации имеют до определенной степени объективный характер, поскольку существуют заданные механизмы самого глобализационного процесса, ориентированные на универсализацию способов взаимодействия между участниками рынка (в экономике), политики, социальной и иных сферах. Все имеющиеся механизмы обеспечения безопасности в условиях глобализации предполагают наличие и использование способов минимизации негативных последствий и рисков, возникающих в процессе универсализации международной интеракции. Такие способы и принципы возможно трактовать в качестве концептов, принципов обеспечения безопасности в условиях глобальных процессов.

Вместе с тем, не менее важным фактором концептуализации обеспечения безопасности в условиях глобализации следует считать достижение субъективного благополучия человека, которое суть «сумма субъективной оценки человеком себя и собственной жизни, эффективное и позитивное функционирование личности и отлаженная система социальной политики, гарантирующая человеку социальную защищенность» [3]. Данное состояние и психическое переживание формируется в процессе защищенности со стороны государства, которое создает возможности для благополучного существования человека как внешне, так и внутренне (то есть эмоционально). Процесс глобализации формирует систему угроз и опасностей, которые воспринимаются субъектом общественной жизни как непривычные, то есть требующие дополнительных факторов и методик адаптации к новым, быстро меняющимся условиям коллективного бытия.

Частным случаем такого непривычного и, как следствие — воспринимаемого в качестве угрозы и определенной трудности, по началу являлся Болонский процесс и транслируемая с его помощью система образования. Изначально создание общих единых стандартов образования давало равные шансы получения перспектив для граждан стран-участниц Болонского процесса, однако в дальнейшем оказалось, что данный опыт не подходит государствам, которые вошли в него только через некоторое вре-

мя после его начала. Все это вызвало определенные трудности, связанные с рисками адаптации в новых образовательных и трудовых реалиях.

Как итог, говоря о концептуализации обеспечения безопасности в условиях глобализации следует утверждать необходимость соблюдения двух оснований в данном процессе. Один из них состоит в поиске и реализации единых стандартов, подходов и принципов решения коллективно значимых проблем, к которым можно отнести довольно широкий круг современных трудностей и сложностей. Принципиальным в данном случае оказывается достаточно четкое, ясное и однозначное принятие наличия проблемы, выработку механизма решения, которое могло бы устроить всех участников того или иного процесса. Важным представляется оценка условий, в которых будут приниматься концептуализированные решения, поскольку в том числе и от специализации их реализации будет рассматриваться вопрос об эффективности принимаемых решений.

Другая сторона концептуализации обеспечения безопасности в условиях глобализации детерминруется субъективными факторами, то есть тем, каким образом человек или целая группа будет воспринимать текущее и перспективное положение дел. Как следствие, значимым оказывается обеспечение не только объективных факторов и способов решения актуальных проблем, но также и работа над восприятием как этих проблем, так и методов их решения. Как следствие, при концептуализации подобного сорта решений (оснований обеспечения безопасности в любых условиях) ценным остается сохранение обеих сторон актуальных процессов.

Литература

1. Гаврилова Е.В. Культурная политика Китая в условиях противостояния западному глобализму // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2022. № 2. С. 98–105.
2. Зверева Т.В. Эволюция субрегиональных объединений внутри ЕС (на примере Вишеградской группы) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 2. С. 181–196.
3. Костина Е.Ю. Социальное благополучие и социальная безопасность в условиях глобализации современного общества // Universum: Общественные науки: электрон. научн. журн. 2015. № 6 (16) [Электронный ресурс]. – URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/22777> (дата обращения: 06.09.2025).
4. Луань В. Формирование системы культурной безопасности КНР в условиях современной глобализации // Общество: философия, история, культура. 2023. № 8. С. 111–116.
5. Неменский О.Б. Формирование современной исторической политики Польши (2000-е гг.) // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 159–192.
6. Трухачев В.В. Чехия: неоднозначное прошлое как часть текущей политики // Перспективы. Электронный журнал. 2020. № 1 (21). С. 82–96.
7. Хотивришвили А.А. Внешняя политика стран Вишеградской группы в контексте европейского миграционного кризиса // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 6. С. 1411–1419.
8. Шмыт З. Пересборка прошлого как инструмент политической борьбы: публичная история в постсоциалистической Польше // Социология власти. 2022. Т. 34. № 1. С. 39–68.

ENSURING SECURITY IN THE REALITIES OF THE MODERN GLOBAL WORLD: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Ravochkin N.N., Prokopenko E.V., Sekacheva V.M., Suhov Y.P.

Kuzbass state technical university named after T.F. Gorbachev, Kuzbass state agricultural university named after V.N. Poletskov, Siberian Federal University

This article provides a socio-philosophical analysis of security in the contemporary global world. It demonstrates that conceptualizing the basis for security in current contexts highlights the ambivalent nature of this process. It is demonstrated that the problematic nature of globalization as a leading trend in global development poses risks and threats to nation states, making the phenomenon of security more complex than in previous stages of global development. It is substantiated that the confrontation of values occupies a leading position, which is associated with their modifications and configurations at various levels of interstate confrontation. The significant role of state institutions in shaping national and supranational associations' collective selves is noted. Cases of the EU and the Visegrad Group are examined for illustrative purposes. In conclusion, the authors formulate final provisions that complement existing socio-philosophical aspects of security analysis in the contemporary global world at the theoretical and practical levels.

Keywords: security, globalization, peace, values, society, history, contradictions.

References

1. Gavrilova E.V. Cultural Policy of China in the Context of Confrontation with Western Globalism // Scientific Works of Moscow University for the Humanities. 2022. № 2. pp. 98–105.
2. Zvereva T.V. Evolution of Subregional Associations within the EU (on the Example of the Visegrad Group) // Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2019. Vol. 12. № 2. pp. 181–196.
3. Kostina E. Yu. Social Well-Being and Social Security in the Context of Globalization of Modern Society // Universum: Social Sciences: Electronic Scientific Journal. 2015. № 6 (16) [Electronic resource]. – URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/22777> (Accessed: 06.09.2025)
4. Luan W. Formation of the PRC's Cultural Security System in the Context of Modern Globalization // Society: Philosophy, History, Culture. 2023. № 8. pp. 111–116.
5. Nemensky O.B. Formation of Poland's Modern Historical Policy (2000s) // Slavic Almanac. 2023. № 1–2. pp. 159–192.
6. Trukhachev V.V. Czech Republic: An Ambiguous Past as Part of Current Policy // Prospects. Electronic Journal. 2020. № 1 (21). pp. 82–96.
7. Khotivirshvili A.A. Foreign Policy of the Visegrad Group Countries in the Context of the European Migration Crisis // Post-Soviet Studies. 2019. Vol. 2. № 6. pp. 1411–1419.
8. Shmyt Z. Reassembling the Past as an Instrument of Political Struggle: Public History in Post-Socialist Poland // Sociology of Power. 2022. Vol. 34. № 1. pp. 39–68.

Региональные институты власти и управления в освоении арктических территорий Якутии (1970–1980-е гг.)

Ермолаев Терентий Степанович,

к.и.н., с.н.с. отдела истории ИГПИМНС СО РАН,
E-mail: tererm@mail.ru

В статье проводится комплексный историко-политологический анализ роли региональных институтов власти, управления и политических элит в освоении арктических территорий Якутской АССР в 1970–1980-е годы. Этот период характеризуется сложным переплетением процессов масштабного промышленного освоения, кризиса социальной сферы и начавшейся трансформации советской политической системы. На основе методологического синтеза институционального и социокультурного подходов выявляются уникальные черты политико-управленческих практик в арктических субрегионах Республики Саха (Якутия). Особое внимание уделяется становлению локального управления, роли хозяйствующих субъектов в жизни территории и процессам формирования политической элиты арктических субрегионов, которые выступали ключевыми акторами в диалоге с союзным и республиканским центром. Выясняется, что региональная власть в этот период не выглядела пассивным проводником курса центра, сталкивалась с нарастающим комплексом проблем, требующих нестандартных решений, что в конечном итоге обострило системный кризис на местах и подготовило почву для трансформаций конца 1980-х – начала 1990-х годов.

Ключевые слова: арктические территории Якутии, региональные институты власти, управление в экстремальных условиях, политические элиты, освоение Севера.

Введение

Актуальность ретроспективного изучения исторического опыта освоения арктических территорий России многократно возрастает в контексте современных геополитических, экономических и экологических вызовов. Необходимость выработки сбалансированной и эффективной государственной политики для этих стратегически важных регионов требует глубокого осмысления уроков прошлого. Изучаемый период (1970–1980-е годы) представляет собой уникальный объект для исследования, так как именно в это время экстенсивная мобилизационная модель освоения, демонстрировавшая впечатляющие результаты в предыдущие десятилетия, столкнулась с системными пределами своей эффективности. Наиболее ярко это выразилось в углубляющихся диспропорциях между колоссальным промышленным ростом и хроническим отставанием в развитии социальной инфраструктуры, что с особой остротой проявилось в заполярных городах и поселках Якутии, удаленных от республиканского центра.

Несмотря на значительный объем общих исследований, посвященных российской Арктике (С.И. Боякова [2], Ю.Ф. Лукин [9], А.Н. Пилясов [10] и др.), роль именно региональных институтов власти и управления Якутской АССР в указанный период остается недостаточно изученной и фрагментарной. Как справедливо отмечает А.И. Тимошенко [14], данное направление, связанное с региональными аспектами государственного управления, не нашло должного отражения в отечественной историографии. Существующие работы, затрагивающие проблемы локального управления в РС(Я) (Гоголев [4], Пахомов [10] и др.), фокусируются преимущественно на постсоветском периоде, оставляя в тени механизмы взаимодействия партийных, советских и хозяйственных органов в специфических условиях Арктики.

Целью данной статьи является комплексный анализ роли и трансформации региональных институтов власти, управления и политических элит в процессе освоения арктических территорий Якутии в 1970–1980-е годы. Теоретико-методологическую основу исследования составляют системный, структурно-функциональный и социокультурный подходы. Это позволяет рассматривать региональные институты власти как управленческую систему, функционирующую

в уникальной природно-климатической и этнокультурной среде. В работе применяются принципы историзма, объективности и системности, а также сравнительно-сопоставительный анализ явлений и фактов.

Основная часть

Институциональная архитектура власти в Арктической Якутии: дилеммы централизованного управления

В 1970–1980-е годы освоение арктических территорий Якутии продолжалось осуществляться в логике общесоюзной политики, где доминирующим приоритетом оставалось извлечение экономического эффекта от разработки стратегических природных ресурсов. После ликвидации Главного управления Северного морского пути (ГУСМП) в 1964 году, которое выполняло функции мощного координатора, система управления Севером стала значительно более разрозненной. Координация была рассредоточена между многочисленными отраслевыми министерствами и ведомствами, что порождало ведомственную разобщенность, дублирование функций и, как следствие, снижение общей эффективности управления [6]. Отсутствие единого «хозяина» для Арктики на общегосударственном уровне стало системной проблемой, последствия которой наиболее остро ощущались на региональном и локальном уровнях.

Региональные институты власти Якутской АССР (обком КПСС, Совет Министров) в этой сложной конструкции выполняли двойственную, во многом противоречивую роль. С одной стороны, они выступали в качестве жестких проводников политики центра, обеспечивая безусловное выполнение плановых заданий по добыче алмазов, золота, олова и других полезных ископаемых. Партийные комитеты осуществляли идеологический контроль и кадровые назначения, а советские органы формально управляли социально-экономическим развитием. С другой стороны, именно на региональные и местные власти ложилась вся тяжесть решения обостряющихся социальных проблем, которые являлись прямым следствием диспропорционального развития. Они сталкивались с хроническим дефицитом бюджетных средств, выделяемых по остаточному принципу, катастрофической неразвитостью транспортной, жилищно-коммунальной и инженерной инфраструктуры, а также с перманентным кадровым голодом, особенно в сфере квалифицированных специалистов непроизводственного профиля.

Социальная сфера арктических поселков (Тикси, Черский, Усть-Нера, Айхал и др.) существенно отставала от уровня развития промышленности. Формировался феномен, который можно охарактеризовать как «поселковая урбанизация» или «урбанизация без урбанизма» [3]. Населенные пункты, обладая формальным статусом го-

родских или рабочих поселков, не имели полноценной социальной среды: наблюдалась нехватка детских садов, школ, больниц, учреждений культуры, а имеющиеся объекты часто работали в режиме хронической перегрузки. Жилье представляло собой в основном типовые панельные или брусовые дома, не всегда приспособленные к экстремальным климатическим условиям. Эта ситуация порождала высокую текучесть кадров, особенно среди приезжего населения, социальную апатию, алкоголизацию и являлась ключевым внутренним противоречием модели освоения, заложником которой стала региональная власть. Термин «поселковая урбанизация» не является общепринятым или широко используемым в географии и урбанистике; он, вероятно, является узкоспециализированным понятием, описывающим процесс преобразования сельской местности в урбанизированные поселения в условиях, когда традиционная урбанизация (рост больших городов) может быть не столь выражена. Сам по себе термин «поселковая урбанизация» может подразумевать сосредоточение населения и экономической деятельности в небольших населенных пунктах, преобразующих их в своего рода «посёлки городского типа» [5].

Локальное управление в Арктике: между унификацией и вынужденной автономией

Организация местного управления в арктических районах Якутии имела ярко выраженную специфику, обусловленную комплексом экстремальных факторов: суровый климат, огромные расстояния, низкая плотность населения и высокая стоимость жизнеобеспечения. Несмотря на формальную унификацию советской системы управления, на практике местные Советы народных депутатов в арктических поселках были вынуждены действовать в условиях постоянного дефицита ресурсов и значительной оперативной автономии, вызванной логистической удаленностью от районных и республиканских центров.

Ключевой особенностью расселения и, соответственно, управления в якутской Арктике была не столько роль крупных городов, сколько стратегическое значение малых поселений и опорных пунктов. Эти населенные пункты выполняли жизненно важные функции: они служили базами для геологоразведки, центрами добывающей промышленности, портами Северного морского пути, а также местами компактного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, сохранявших традиционный уклад жизни. Именно на поселенческом уровне наиболее остро проявлялись системные проблемы: дефицит связи, удаленность судов и правоохранительных органов, ограниченный доступ к качественным медицинским и образовательным услугам [5]. В этих условиях местные органы власти были вынуждены искать нестандартные пути

компенсации системных сбоев. Наиболее эффективным механизмом стало развитие горизонтальных связей и формирование симбиоза с крупными хозяйствующими субъектами – Депутатский ГОК, трест «Якутзолото», комбинат «Якутуголь», ПО «Якуталмаз» – обладавшие значительными финансовыми и материальными ресурсами. Они часто брали на себя функции по строительству и содержанию жилья, объектов соцкультбыта, дорог и даже целых поселков (так называемая «ведомственная социальная инфраструктура»). Это создавало парадоксальную ситуацию, когда реальное влияние градообразующего предприятия на жизнь территории зачастую превышало влияние формальных органов местной власти. Однако такая практика носила точечный, «очаговый» характер и целиком зависела от экономического состояния и доброй воли руководства предприятия, не решая проблему в целом для всего арктического региона. Анализ организации власти на арктических территориях Якутии в исследуемый период выявил устойчивую дуальность управленческой модели. С одной стороны, сохранялась жесткая вертикаль партийно-государственного управления, с другой – формировались адаптационные механизмы, позволявшие учитывать региональную специфику, что создавало уникальный гибридный формат управления. Особенностью управления в арктических субрегионах являлась повышенная роль отраслевых ведомств и производственных объединений (таких как Депутатский ГОК, крупные золотодобывающие артели), которые фактически дублировали функции местных органов власти в вопросах социально-бытового обеспечения, формируя систему ведомственного патернализма [8]. Это создавало систему «двойного подчинения», когда решения по ключевым вопросам жизни поселений принимались не только территориальными Советами, но и руководством производственных предприятий, что вело к размыванию ответственности и возникновению институциональных противоречий.

Важной характеристикой было значительное удаление местных органов власти от республиканского центра. Среднее расстояние между арктическими улусами и Якутском составляло более тысячи километров, что при слаборазвитой транспортной инфраструктуре создавало существенные коммуникационные барьеры и способствовало формированию особых управленческих практик, основанных на повышенной автономии местных руководителей в оперативном принятии решений [11]. В отличие от центральных районов республики, в арктических поселениях наблюдалось более тесное переплетение формальных институтов власти с традиционными практиками самоорганизации коренных народов. Особенно это проявлялось в вопросах регулирования традиционного природопользования, где решения мест-

ных Советов часто учитывали мнение общинных лидеров, что свидетельствует о формировании элементов гибридной политико-правовой системы [6].

Эволюция политических элит арктических территорий

Политические элиты арктических районов Якутии в 1970–1980-е годы представляли собой специфическую и достаточно закрытую социальную группу, формировавшуюся в условиях двойной периферийности – пространственной удаленности от Москвы и Якутска, а также в контексте полиэтнического состава населения. Процессы рекрутирования элит в этот период в целом соответствовали общесоюзной номенклатурной системе и характеризовались высокой степенью закрытости, корпоративной солидарности и строгой партийной цензурой [1], [7]. В состав элит арктических улусов (районов) входили первые секретари райкомов КПСС, председатели райисполкомов, директора крупных предприятий и, отчасти, представители интеллигенции.

К середине 1980-х годов, в условиях нарастания общесистемного кризиса и начавшейся политики «перестройки» и «гласности», в среде региональных и локальных элит стали происходить заметные изменения. Хотя механизмы ротации оставались в целом прежними, сами элиты стали активнее формулировать и продвигать собственные, подчас отличные от общесоюзных, приоритеты развития. Они все чаще выступали с инициативами и требованиями перед республиканским и союзным центром, лоббируя дополнительные капиталовложения в социальную сферу, транспортную инфраструктуру и экологические программы для своих территорий. Это был уже не просто запрос на ресурсы, а зачатки региональной политической идентичности и осознания специфических интересов своих территорий [12].

Особенностью рекрутирования элит в арктических регионах было значительное влияние ведомственного принципа – до 35% руководящих кадров приходили в органы власти с руководящих должностей на промышленных предприятиях [13]. Это создавало специфический тип управленца, сочетавшего партийно-хозяйственную компетентность с пониманием местной специфики. В период 1980-х годов начался процесс постепенной трансформации ценностных ориентаций региональной элиты. Если в 1970-е годы доминировали ценности производственной эффективности и выполнения плановых показателей, то к середине 1980-х на первый план стали выходить вопросы социального развития и экологической безопасности, что свидетельствовало о начале смены парадигмы регионального управления [14].

Исследования, проведенные уже в постсоветский период [Тарасов, 1996; Попов, 2002], показывают, что якутская региональная элита, включая выходцев из арктических районов, обладала

устойчивыми социально-демографическими характеристиками и специфическими ценностными ориентациями, сформированными именно в эпоху «застоя» и «перестройки». Именно в этот период закладывались основы для последующей радикальной трансформации элит в 1990-е годы, когда они, освободившись от диктата центра, стали главными акторами регионального политического процесса, а многие представители старой номенклатуры успешно трансформировались в новую бизнес- и политическую элиту суверенной Республики Саха (Якутия). Анализ биографий и карьерных траекторий позволяет утверждать, что опыт работы в экстремальных условиях Арктики воспитывал в управленцах особые качества: повышенную ответственность, способность к оперативному принятию решений и умение выстраивать неформальные сети взаимодействия.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о многогранной и эволюционирующей роли региональных институтов власти и управления в освоении арктических территорий Якутии в 1970–1980-е годы. С одной стороны, они демонстрировали высокую эффективность в решении узкоцелевых, экономических задач, поставленных союзным центром, обеспечивая бесперебойную добычу стратегического сырья. С другой стороны, именно они в полной мере столкнулись с разрушительными последствиями системного дисбаланса между форсированным промышленным ростом и хроническим недофинансированием социального развития. Региональная и местная власть стала заложником этой противоречивой модели, не имея достаточных полномочий и ресурсов для ее кардинального пересмотра.

Становление локального управления в экстремальных условиях Арктики происходило по уникальному сценарию, сочетавшему формальную унификацию с вынужденной автономией и высокой зависимостью от ресурсов крупных промышленных предприятий. Это порождало специфическую модель «корпоративно-советского» управления, где границы ответственности между государством и бизнесом (в лице ведомственных гигантов) были размыты.

Политические элиты арктических субрегионов, оставаясь неотъемлемой частью единой советской номенклатурной системы, к концу исследуемого периода начали демонстрировать признаки большей самостоятельности и инициативности. Накопленный опыт управления в кризисных условиях, нараставшее понимание специфики территорий и установленные неформальные связи подготовили их к активной роли в политических процессах конца 1980-х – начала 1990-х годов.

Исторический опыт 1970–1980-х годов наглядно демонстрирует, что устойчивое и эффективное

управление арктическими территориями невозможно без децентрализации полномочий, учета региональной и локальной специфики, сбалансированности экономических и социальных приоритетов и развития полноценных, финансово обеспеченных институтов местного самоуправления. Эти выводы сохраняют свою актуальность и должны быть учтены при выработке современной государственной арктической политики Российской Федерации, направленной на комплексное и долгосрочное развитие этих стратегически важных территорий.

Литература

1. Ашин Г.К. Правящая элита и общество // Свободная мысль. 1993. № 7. С. 58–69.
2. Боякова С.И. Освоение Арктики и народы Северо-Востока Азии (XIX – 30-е гг. XX века: дисс. на соиск. уч. степ. докт. ист. наук, ИГИ. – Якутск, 2004. – 430 с.
3. Бреславский А.С. Процесс урбанизации в РС(Я): динамика ключевых параметров (1989–2018) // Урбанистика. 2020. № 1. С. 68–81.
4. Гоголев П.В. Местное самоуправление в РС(Я). Эволюция муниципальных институтов и проблемы их правового регулирования: дисс... канд. юрид. наук. – М., 2001. – 235 с.
5. Замятина Н.Ю., Гончаров Р.В. Арктическая урбанизация: феномен и сравнительный анализ. // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2020. № 1. С. 69–82.
6. Карпов В.П., Гаврилова Н.Ю. Российская Арктика: вызовы и ответы // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 2. С. 121–129.
7. Крыштановская О.В. Партийная элита в годы перестройки / Политические процессы в условиях перестройки / отв. ред. О.В. Крыштановская. М., 1991. Вып. 1. С. 3–33.
8. Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. Развитие российской Арктики как предмет государственного управления: новые оценки и решения // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 5. С. 69–85.
9. Лукин Ю.Ф. Великий передел Арктики. – Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет, 2010. – 400 с.
10. Пахомов Е.А. Местное самоуправление в Республике Саха (Якутия). дисс...канд.юрид.наук. М., 1998. 154 с.
11. Пилясов А.С. И последние станут первыми. Северная периферия на пути к экономике знаний. М., 2021. 544 с.
12. Попов А.Л. Правящая элита как субъект регионального политического процесса (на примере Республики Саха (Якутия)): дисс...канд. полит. наук. СПб., 2004. 175 с.

13. Тарасов Ю.С. Политическая элита Республики Саха (Якутия): социальные механизмы формирования: автореф. дисс. канд. социол. наук / МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1996. 23 с.
14. Тимошенко А.И. Особенности государственного управления в Арктике в 1920–1980-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. № 4. 2014. С. 41–46.

REGIONAL GOVERNANCE INSTITUTIONS AND THE DEVELOPMENT OF THE ARCTIC TERRITORIES OF YAKUTIA (1970S-1980S)

Ermolaev T.S.

IGIIPMNS SB RAS

This article provides a comprehensive historical and political analysis of the role of regional government institutions, governance, and political elites in the development of the Arctic territories of the Yakut ASSR in the 1970s and 1980s. This period was characterized by a complex interplay of large-scale industrial development, a social crisis, and the incipient transformation of the Soviet political system. A methodological synthesis of institutional and sociocultural approaches identifies unique features of political and governance practices in the Arctic subregions of the Sakha Republic (Yakutia). Particular attention is paid to the development of local governance, the role of economic entities in the life of the territory, and the formation of the political elite of the Arctic subregions, which acted as key actors in the dialogue with the federal and republican centers. It turns out that regional authorities during this period were not passive agents of central policy; they faced a growing complex of problems requiring innovative solutions, which ultimately exacerbated the systemic crisis at the local level and paved the way for the transformations of the late 1980s and early 1990s.

Keywords: Arctic territories of Yakutia, regional government institutions, governance in extreme conditions, political elites, development of the North.

References

1. Ashin G.K. "The Ruling Elite and Society." *Svobodnaya Mysl* (Free Thought). 1993. № 7. pp. 58–69.
2. Boyakova S.I. Arctic Development and the Peoples of Northeast Asia (19th–30s of the 20th century): diss. for a PhD in History, IGI. – Yakutsk, 2004. – 430 p.
3. Breslavsky A.S. Urbanization Process in the Republic of Sakha (Yakutia): Dynamics of Key Parameters (1989–2018) // *Urban Studies*. 2020. № 1. pp. 68–81.
4. Gogolev P.V. Local Self-Government in the Republic of Sakha (Yakutia). Evolution of Municipal Institutions and Problems of Their Legal Regulation: diss... candidate of legal sciences. – Moscow, 2001. – 235 p.
5. Zamyatina N.Yu., Goncharov R.V. Arctic Urbanization: Phenomenon and Comparative Analysis. // *Bulletin of Moscow University. Series 5. Geography*. 2020. № 1. pp. 69–82.
6. Karpov V.P., Gavrilova N. Yu. Russian Arctic: Challenges and Responses // *Bulletin of Tyumen State University*. 2013. № 2. pp. 121–129.
7. Kryzhanovskaya O.V. Party Elite during Perestroika / *Political Processes in the Context of Perestroika* / ed. O.V. Kryzhanovskaya. Moscow, 1991. Issue 1. – pp. 3–33.
8. Leksin V.N., Porfiryev B.N. Development of the Russian Arctic as a Subject of Public Administration: New Assessments and Solutions // *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. – 2019. Vol. 12. № 5. pp. 69–85.
9. Lukin Yu.F. The Great Redistribution of the Arctic. – *Arkhangelsk: Northern (Arctic) Federal University*, 2010. – 400 pp.
10. Pakhomov E.A. Local government in the Republic of Sakha (Yakutia). diss...candidate of legal sciences. M., 1998. 154 p.
11. Pilyasov A.S. And the last will be the first. Northern periphery on the way to a knowledge economy. M., 2021. 544 p.
12. Popov A.L. The ruling elite as a subject of the regional political process (on the example of the Republic of Sakha (Yakutia)): diss...cand. watered Sciences. – St. Petersburg, 2004. – 175 p.
13. Tarasov Yu.S. Political elite of the Republic of Sakha (Yakutia): social mechanisms of formation: abstract. dissertation candidate of sociology Sciences / *Moscow State University*. M.V. Lomonosov. M., 1996. 23 p.
14. Timoshenko A.I. Features of public administration in the Arctic in the 1920–1980s // *Humanities in Siberia*. № 4. 2014. P. 41–46.

Роль системы образования в профилактике цифровой маргинализации студенческой молодежи

Кемалова Лиля Исметовна,

ФГБОУ ВО «Керченский государственный морской технологический университет»

В статье рассматривается трансформация роли системы высшего образования в условиях новой социальной угрозы – цифровой маргинализации студенческой молодежи. Проанализированы причины цифровой маргинализации в студенческой среде. На первый план выходят причины, связанные с дефицитом цифровой культуры, алгоритмическим давлением, образовательными пробелами и психологической уязвимостью, которые в совокупности ведут к исключению студентов из полноценной академической, социальной и будущей профессиональной жизни. Современное образовательное учреждение должно выступать в качестве комплексного центра профилактики, берущего на себя функции по развитию критического цифрового мышления, цифровой гигиены, этико-правовой культуры и психологической устойчивости студентов. На основе анализа ключевых проявлений цифровой маргинализации подчеркивается важность формирования цифровой компетентности обучающихся, которая включает в себя: когнитивный, технико-технологический, этико-правовой и психолого-педагогический компоненты.

Ключевые слова: цифровая маргинализация, система образования, студенческая молодежь, цифровая грамотность, цифровая компетентность.

Введение

Современное поколение молодежи, или поколение Z, вошло в историю как первое цифровое поколение, не знавшее мира без интернета, социальных сетей и смартфонов. Их социализация, коммуникация, образование и досуг в значительной степени опосредованы цифровыми технологиями. Считается, что представители этого поколения являются «цифровыми аборигенами», для которых онлайн-среда столь же естественна, как и офлайн-реальность. Студенчество, как наиболее активная и в то же время уязвимая часть поколения Z, находится в эпицентре вызовов цифровой эпохи. Парадокс заключается в том, что формальная принадлежность к «цифровым аборигенам» не гарантирует успешной и безопасной интеграции в цифровое общество. Напротив, постоянное пребывание в гиперподключенной среде делает студентов ключевой группой риска в условиях возникшей цифровой маргинализации – сложного состояния, характеризующегося не отсутствием доступа к технологиям, а неспособностью эффективно, критично и безопасно их использовать, что приводит к социальной, образовательной и экономической эксклюзии.

Традиционно маргинализация (от лат. *margo* – край) понималась как состояние групп или индивидов, вытесненных на обочину общества в силу экономических, социальных или культурных факторов. В цифровую эпоху это понятие трансформировалось. Цифровая маргинализация – это не только и не столько отсутствие доступа к интернету (так называемый «цифровой разрыв первого уровня»), сколько комплексное явление, которое включает в себя:

- 1) неспособность эффективно использовать цифровые технологии для решения жизненно важных задач (так называемая «цифровая неграмотность»);
- 2) психологическую уязвимость перед лицом инфокоммуникационного стресса, кибербуллинга и информационной перегрузки;
- 3) подверженность алгоритмической дискриминации и изоляции в «информационных пузырях», которые представляют собой информационную среду, ограниченную определенной точкой зрения, что может способствовать формированию предвзятости и искаженного восприятия реальности;

4) кризис самоидентификации, вызванный размыванием границ между приватной и публичной жизнью.

В этой связи система образования, традиционно выполнявшая функцию социального лифта и института социализации, сталкивается с необходимостью фундаментальной трансформации. Ее роль уже не может ограничиваться передачей предметных знаний и базовыми навыками работы с программным обеспечением. Она должна стать центральным звеном в системной профилактике цифровой маргинализации, сформировав у студентов иммунитет к новым рискам и вооружив их инструментами для жизни и профессиональной реализации в цифровой среде. Отсюда цель данной статьи – анализ роли системы образования в профилактике цифровой маргинализации студенческой молодежи.

Материалы и методы исследования

В основе исследования – теоретические методы: анализ, синтез, обобщение, сравнение. Рассмотрены различные теоретические подходы по вопросу цифровой маргинализации молодежи, и само понятие «цифровая маргинализация». Проанализированы работы отечественных исследователей, изучавших данную проблему в разных направлениях – в педагогике, социологии, с точки зрения информационных технологий: Асеевой И.А., Белкиной В.А., Вартановой Е.Л., Ворониной Н.С., Гаврильченко К.Э., Губанова А.В., Добринской Д.Е., Зотова В.В., Мартыненко Т.С., Радаева В.В., Р. Парка, Н. Хоува, У. Штрауса, М. Лубберса и др. В исследованиях названных авторов проанализированы причины и последствия цифровой маргинализации молодежи в российских условиях, а также особенности цифрового неравенства, его влияние на молодежь, раскрыта роль цифровых навыков в предотвращении социальной изоляции и маргинализации, психологические аспекты цифрового расслоения и его влияние на молодежь.

Результаты и обсуждения

За последние десятилетия в связи бурным ростом и развитием информационных технологий, и вовлечением в виртуальное пространство практических всех категорий населения, появилось множество исследований по вопросам социальных, психологических и иных последствий такого вовлечения. Среди последних работ на данную тематику можно отметить статьи Зотова В.В., Гаврильченко К.Э., Губанова А.В. [6; 7]. Авторы изучают, как начинающие пользователи сталкиваются с трудностями при переходе в онлайн-пространство, и приходят к выводу, что низкая мотивация к освоению техники из-за боязни будущего создаёт «порочный круг»: отсутствие навыков → стресс → отказ от технологий

→ дальнейшее отставание. Такие авторы, как Асеева И.А., Белкина В.А. проанализировали этические аспекты цифрового благополучия общества, а также критерии и показатели антропологической адекватности цифровизации в России [1; 2]. Исследователь Вартанова Е.Л. раскрыла основные этапы концептуализации я цифрового неравенства [3], а Воронина Н.С. проанализировала гендерный аспект цифрового неравенства интернет-пользователей в России и Европе [4]. Вопросам перспектив российского информационного общества посвятили свои работы Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. [5], Радаев В.В. [8]. Из зарубежных исследователей данной проблематики необходимо назвать Р. Парка, Н. Хоува, У. Штрауса, М. Лубберса [9; 10; 11] и других.

На основе анализа работ вышеназванных авторов можно сделать вывод, что цифровая маргинализация – это процесс отчуждения людей от жизнедеятельности общества, организованной в рамках цифровых экосистем. Это происходит в условиях, где виртуальное и физическое пространства всё чаще сливаются в гибридную среду. Человек оказывается в пограничном положении: между жизнью в гибридном мире, где взаимодействуют на равных люди и «умные» цифровые технологии, и жизнью в традиционном социуме, где сохраняются лишь отношения между людьми.

Среди факторов, способствующих цифровой маргинализации, можно назвать:

- уровень освоения новых технологий: наиболее уязвимая категория – начинающие пользователи, которые обладают ограниченным уровнем цифровой компетентности и взаимодействуют с технологиями под давлением обстоятельств;
- риски социотехнической конвергенции: осознание высокой вероятности возникновения технических сбоев, утечек персональных данных или других рисков приводит к тому, что люди ограничивают использование цифровых устройств, сервисов и технологий, а иногда и полностью отказываются от них;
- социальные уязвимости, которые усугубляют процесс маргинализации: внутреннее сопротивление изменениям, недостаток умений и знаний для использования цифровых устройств, технологий и сервисов, а также отсутствие необходимых технических средств для работы с ними.

Студенческая молодежь сама представляет собой маргинальную группу, поскольку находится в промежуточном, переходном положении (от детства к взрослости, от статуса студента – ученика к статусу специалиста – профессионала). Более того, данная маргинальная группа оказывается в условиях цифровой маргинализации, которая проявляется в следующих аспектах.

1. Возникновение образовательного разрыва: различие между студентами, использующими цифровые ресурсы для углубления знаний (науч-

ные базы данных, онлайн-курсы), и теми, кто ограничивается поверхностным поиском информации в коммерческих поисковых системах и социальных сетях. Это приводит к неравенству в качестве образования и, как следствие, будущих карьерных возможностей. Кроме того, несмотря на широкое внедрение информационно-коммуникационных технологий, значительная часть студенческой молодежи сталкивается с проблемами доступа к современным образовательным ресурсам. Это обусловлено различиями в материально-техническом обеспечении, уровне цифровой грамотности, социально-экономическом статусе и инфраструктуре региона проживания. В результате формируется цифровой разрыв, который ведёт к социальной маргинализации обучающихся, особенно из малообеспеченных и удалённых территорий.

2. Формирование алгоритмической уязвимости: студенты, не понимающие логики работы алгоритмов контент-рекомендаций и поисковых систем, легко попадают в так называемые «информационные пузыри», что сужает их кругозор, способствует когнитивным искажениям и затрудняет формирование целостной картины мира, необходимой для специалиста.

3. Отсутствие у студентов достаточных цифровых компетенций для эффективного использования учебных платформ, информационных ресурсов и коммуникационных инструментов, что обусловлено низким уровнем соответствующего обучения в начальных и средних школах и создаёт препятствия при поступлении и обучении в вузах.

4. Психологическая нестабильность: постоянное сравнение с «успешными» образами сверстников в социальных сетях, кибербуллинг, страх опоздать с выполнением заданий и т.п. Ведут к хроническому стрессу, тревожности и эмоциональному выгоранию, напрямую влияя на академическую успеваемость студента.

5. Наличие профессиональных рисков вследствие неумения создавать профессиональный цифровой образ (например, в linkedin) и критически оценить вакансии в гиг-экономике, что увеличивает риск трудовой маргинализации после окончания вуза.

6. Неготовность/нежелание части преподавателей к использованию новых технологий, что осложняет процесс внедрения цифровых решений в учебный процесс.

Цифровая маргинализация студенческой молодежи проявляется не в отсутствии гаджетов, а в неспособности противостоять психологическим нагрузкам, в недостатке критической цифровой грамотности и в подверженности алгоритмической дискриминации.

Борьба с этим феноменом требует пересмотра подходов к образованию, где наряду с преподаванием технических навыков должна быть внедрена система развития цифровой гигиены, критическо-

го мышления и эмоционального интеллекта. Необходимо также разработка нормативно-правовой базы, регулирующей этику алгоритмов и защищающей права цифровых работников.

Ключевая роль образования заключается в переходе от концепции цифровой грамотности (как набора технических навыков) к формированию цифровой компетентности как комплексного личностного ресурса. Данная компетентность должна в первую очередь включать в себя когнитивный компонент, помогающий сформировать критическое мышление, способность оценивать достоверность информации, распознавать манипулятивные техники и глубокие фейки. Другим компонентом цифровой компетентности является технико-технологический компонент, который основывается на понимании базовых принципов работы алгоритмов, основ кибербезопасности и защиты персональных данных. Третьим компонентом цифровой компетентности можно назвать этическо-правовой компонент, содержащий знание основ цифрового права, этики взаимодействия в сети, ответственности за собственный цифровой след. Особенное место в цифровой компетентности занимает психолого-педагогический компонент, включающий навыки цифровой гигиены, управления вниманием, противодействия информационной перегрузке и поддержания психологического благополучия.

Несмотря на существующие сложности, возможны меры, направленные на сокращение цифрового разрыва и снижение уровня маргинализации студентов. Одной из таких мер является необходимость создания инфраструктурных условий, в частности, развитие бесплатных Wi-Fi зон, предоставление государственных субсидий на приобретение технических средств, расширение распространения интернет-сервисов в удалённых регионах. Помимо этого, чрезвычайно важно обучать цифровым навыкам, включать программы цифровой грамотности в школьную и университетскую образовательные программы. Необходимость уделять особое внимание к лицам с ограниченными возможностями здоровья предполагает разработку адаптивных образовательных платформ, которые будут учитывать потребности различных групп студентов и обеспечивать доступность для лиц с ограниченными возможностями. Так же со стороны государства должна осуществляться поддержка социально уязвимых групп в виде внедрения специальных программ, обеспечения равных условий для обучения и профессионального развития.

Представляется важным введение в курсы по философии, правоведению, информатике таких междисциплинарных модулей, как: «Критическое мышление в цифровой среде», «Алгоритмическая культура», «Цифровая этика и право». Использование новых педагогических методик помо-

жет сформировать навыки критического анализа, снизить уровень цифровой маргинализации молодежи. К таким новым педагогическим методикам относится работа с кейсами по медиафейкам, а проектная деятельность по созданию позитивного цифрового контента будет способствовать снижению уровня цифровой маргинализации обучающихся. Большое значение имеет деятельность психологической службы вуза, включающая в себя консультации по проблемам кибербуллинга, цифровой зависимости и академического стресса.

Особое внимание необходимо уделить повышению цифровой компетентности профессорско-преподавательского состава. Преподаватель, не владеющий цифровой культурой, не может быть эффективным наставником для студента. Необходимы регулярные курсы и методические семинары для преподавателей.

Вывод

Цифровая маргинализация является системным вызовом для современного общества, и система образования не может оставаться в стороне от его решения. Из пассивного транслятора знаний она должна превратиться в проактивный институт, формирующий цифровую иммунизацию студенческой молодежи.

Профилактическая роль образования заключается не в ограждении студентов от цифровой среды, а в вооружении их интеллектуальными, психологическими и практическими инструментами для уверенной навигации в ней. Формирование целостной цифровой компетентности, включающей критическое мышление, алгоритмическую культуру и цифровую гигиену, – это не просто «полезный навык», а новая базовая грамотность, без которой невозможно достижение академических, личностных и профессиональных успехов в XXI веке.

Обеспечение равных возможностей для всех участников образовательного процесса является важнейшей задачей актуального времени. В условиях быстрого развития технологий и постоянных изменений в образовательной среде необходимо создавать условия для формирования цифровой компетентности каждого студента, преодоления цифрового разрыва и минимизации уровня маргинализации. Только объединённые усилия государства, образовательных институтов и общества могут способствовать формированию инклюзивной и инновационной системы образования.

Литература

1. Асеева И.А. Этические аспекты цифрового благополучия общества. (Аналитический обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 8: Науковедение. – 2021. – № 4. – С. 85–99. – DOI: 10.31249/naukoved/2021.04.03

2. Асеева И.А., Белкина В.А. Критерии и показатели антропологической адекватности цифровизации в России [Электронный ресурс]. – URL: file:///C:/Users/123/Downloads/kriterii-i-pokazateli-antropologicheskoy-adekvatnosti-tsifrovizatsii-v-rossii.pdf. DOI: 10.31249/scis/2022.01.01.
3. Вартанова Е.Л. Концептуализация цифрового неравенства: основные этапы // Меди@льманах. 2018. № 5. С. 8–12. DOI:10.30547/mediaalmanah.5.2018.812.
4. Воронина Н.С. Цифровое неравенство интернет-пользователей в России и Европе: гендерный аспект // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН. 2021. № 4. С. 28–51. DOI: 10.19181/INAB.2021.4.3.
5. Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19, № 1. С. 108–120. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120.
6. Зотов В.В., Гаврильченко К.Э., Губанов А.В. Проявление цифровой маргинализации при вхождении в гибридное пространство современного общества (на примере начинающих пользователей) // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11. № 1. С. 110–127. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-1-0-7.
7. Зотов В.В., Гаврильченко К.Э., Губанов А.В. Оценка влияния рисков социотехнической конвергенции на процесс цифровой маргинализации // Социодинамика. 2024. № 12. С. 90–104. DOI: 10.25136/2409-7144.2024.12.72582 EDN: YMRIUZ. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72582
8. Радаев, В.В. Миллениалы: Как меняется российское общество /Millennials: How Russian Society is Changing. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с.
9. Howe N., Strauss W. Millennials rising: the next great generation. N.Y.: Vintage Books, 2000. 432 p.
10. Lubbers M. Social networks and the resilience of marginalized communities // A research agenda for social networks and social resilience. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2022. Pp. 1–16. DOI: 10.4337/9781803925783. McCrindle M.
11. Van Dijk J. The digital divide. Cambridge. Medford: Polity Press, 2020. 208 p.

THE ROLE OF THE EDUCATION SYSTEM IN PREVENTING DIGITAL MARGINALIZATION OF STUDENTS

Kemalova L.I.
Kerch State Marine Technological University

This article examines the transformation of the higher education system's role in the face of a new social threat: the digital margin-

alization of students. The causes of digital marginalization among students are analyzed. Key factors include a lack of digital culture, algorithmic pressure, educational gaps, and psychological vulnerability, which collectively lead to students' exclusion from a fulfilling academic, social, and future professional life. A modern educational institution should act as a comprehensive prevention center, developing critical digital thinking, digital hygiene, ethical and legal culture, and psychological resilience in students. An analysis of key manifestations of digital marginalization emphasizes the importance of developing students' digital competence, which includes cognitive, technical and technological, ethical and legal, and psychological and pedagogical components.

Keywords: digital marginalization, education system, young students, digital literacy, digital competence.

References

1. Aseeva I.A. Ethical Aspects of the Digital Well-Being of Society. (Analytical Review) // Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Ser. 8: Science Studies. – 2021. – № 4. – Pp. 85–99. – DOI: 10.31249/naukoved/2021.04.03
2. Aseeva I.A., Belkina V.A. Criteria and Indicators of the Anthropological Adequacy of Digitalization in Russia [Electronic resource]. – URL: file:///C:/Users/123/Downloads/kriterii-i-pokazateli-antropologicheskoy-adekvatnosti-tsifrovizatsii-v-rossii.pdf. DOI: 10.31249/scis/2022.01.01.
3. Vartanova E.L. Conceptualization of Digital Inequality: Main Stages // Medi@Imanah. 2018. № 5. pp. 8–12. DOI: 10.30547/mediaalmanah.5.2018.812.
4. Voronina N.S. Digital Inequality of Internet Users in Russia and Europe: Gender Aspect // Information and Analytical Bulletin of the Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. 2021. № 4. pp. 28–51. DOI: 10.19181/INAB.2021.4.3.
5. Dobrinskaya D.E., Martynenko T.S. Prospects for the Russian Information Society: Levels of the Digital Divide // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2019. Vol. 19, № 1. Pp. 108–120. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120.
6. Zotov V.V., Gavrilchenko K.E., Gubanov A.V. Manifestation of digital marginalization when entering the hybrid space of modern society (using the example of novice users) // Scientific Result. Sociology and Management. 2025. Vol. 11. № 1. Pp. 110–127. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-1-0-7.
7. Zotov V.V., Gavrilchenko K.E., Gubanov A.V. Assessing the Impact of Sociotechnical Convergence Risks on the Process of Digital Marginalization // Sociodynamics. 2024. № 12. pp. 90–104. DOI: 10.25136/2409-7144.2024.12.72582 EDN: YMRIUZ. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72582
8. Radaev, V.V. Millennials: How Russian Society is Changing. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2019. 224 p.
9. Howe N., Strauss W. Millennials rising: the next great generation. N.Y.: Vintage Books, 2000. 432 p.
10. Lubbers M. Social networks and the resilience of marginalized communities // A research agenda for social networks and social resilience. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2022. pp. 1–16. DOI: 10.4337/9781803925783. McCrindle M.
11. Van Dijk J. The digital divide. Cambridge. Medford: Polity Press, 2020. 208 p.

Российско-испанские отношения в научно-технической сфере

Куклина Ирина Геннадьевна,

доцент кафедры информационных систем и технологий,
Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет

Куклина Алла Сергеевна,

старший преподаватель кафедры иностранных языков
и лингвокультурологии, Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского

Проблема развития партнерства и сотрудничества в сфере современной научно-технической и инновационной деятельности в мире стоит достаточно остро. Оснащение новейших мобильных средств элементами передовой электроники часто приводит к дисбалансам производства и эксплуатации транспортно-технологического прогрессивного оборудования. Цель исследований – выявление закономерностей уверенного развития и полной остановки сотрудничества в инженерно-технической сфере двух дружественных, в течение всего периода установки дипломатических отношений, стран. При проведении изысканий авторы изучали опубликованные работы научно-исследовательского и опытно-конструкторского плана, международные официальные документы и информационные данные. Сравнительный анализ статистических данных, регрессивное предсказание предполагаемых прогнозов выступили в качестве методической базы оценки динамики научно-технологических связей королевства Испания и Российской Федерации. Были проведены исследования в области инженерного машиностроения и торгового партнерства в сфере промышленного производства России и Испании. Нельзя назвать эти страны ведущими, входящими в десятку мировых лидеров, в сфере создания инновационных транспортных комплексов, как, например, Германия, Япония, Китай и другие. Испания и Россия никогда не выбирали высокотехнологическое легковое автомобилестроение как приоритетную отрасль, поэтому рассмотрение вклада этих государств в экономическую составляющую мирового автомобилестроения определило их сектор производства легковых машин среднего класса. В отличие от стран Европейского Союза Испания никогда не вступала с Россией в прямую политическую и экономическую конфронтацию. Результаты проведенных изысканий должны стать полезны как для экономических партнеров Испании и России, так и для создателей транспортно-технологических комплексов других стран.

Ключевые слова: торговое сотрудничество, транспортно-технологический комплекс, автомобилестроение, Россия, Испания, международные отношения, экономическое сотрудничество, научно-технологическое взаимодействие, инновационное партнерство.

Введение

Занимая геополитические позиции на западном и восточном краях Европейского Союза, и выполняя роль стратегических границ Европы Испания и Россия часто были «втянуты» в геополитические проблемы [1], решение которых требовало много усилий. Государства развивали направления отраслей промышленности массового производства, выполняли задачи строительства транспортно-технологических средств внутреннего назначения и морского базирования, не затрачивая при этом серьезные средства на дорогую индивидуализацию. Создатели транспортно-технологических средств и передовые производители легковых автомобилей уже не представляют свои творения без элементов, реализующих сложные алгоритмические структуры выполнения автоматизированных операций по оптимизации маршрута автомобиля, удобства управления и обслуживания машины, повышения комфорта пассажира [2]. Далеко вперед в реализации представленных решений продвинулись автоконцерны стран: Германии, Китая, Японии и многих других. Электрический кроссовер Volvo EX90, мультифункциональная модель Audi Q7, люксовый кроссовер BMW X7, оснащенный бортовым компьютером китайский HiPhi X и другие современные автомобили управляются передовой электроникой [3]. Ни Россия, ни Испания никогда не входили в список лидеров автомобильной промышленности. Реализуя роль производителя автомобилей класса-люкс испанская компания Hispano-Suiza была экономически надломлена после разрушительной гражданской войны в 1936–1939 годов, и возрождением концерна можно считать появление электрического спортивного автомобиля Hispano-Suiza Carmen в 2019 году. Так же и Россия, подписав соглашение в 1929 году с американской компанией Ford Motor Company, создала Нижегородский автомобильный завод имени В.М. Молотова и произвела легковой автомобиль ГАЗ-А. Транснациональный автомобильный концерн Daimler AG после модернизации собственного сборочного завода Sterling Heights Assembly Plant продал Горьковскому автомобильному заводу сборочную линию и инструменты, и в Нижнем Новгороде стали производить Volkswagen и General Motors. В конце 2021 года подразделение Горьковского автомобильного завода «Силовые агрегаты» приступило к созданию водородных двигателей.

В автомобильной торговой сферах Россия и Испания известны русскими ВАЗ и испански-

ми SEAT. На юге Испании, в Андалусии, не часто, но все-таки можно увидеть модели Волжского автомобильного завода России. ВАЗ НИВА белового цвета, не обещающая комфорта, но известная своей легкостью, повышенной проходимостью и простотой обслуживания, нередко активно закупалась в испанскую провинцию. НИВА достаточно привлекательна низкой стоимостью для практичного испанца-агронома и виноградаря. Так же и испанский SEAT на дорогах России встречается не слишком часто. Нестандартность дизайна, возможность выделиться из потока однотипных технологических решений часто привлекала русских покупателей легковых автомобилей. Импорт транспортных средств России из Испании в сотни раз превышал значения экспорта и был весьма выгоден для испанской экономики. Оригинальная внешность испанских автомобилей и сравнительно небольшая стоимость позволила марке занять свое место в торговом секторе России. Таким образом, можно сделать вывод, что ни Испания ни Россия никогда не были лидерами в производстве комфортных автомобилей даже среднего класса. Практицизм промышленности и решение прочих проблем превалирует в развитии экономики государств, в то время, как культурные испано-российские взаимоотношения носили более абстрактные тенденции и весьма стремительно развивались [4].

Российская Федерация ищет пути построения модернизационной национальной экономики с использованием инновационного опыта Европейского Союза [5]. Таким образом, в связи с актуальностью тематики определено основное направление исследований: поиск общих подходов к тенденциям развития легкой автопромышленности России и Испании, изучение статистических данных экономических взаимоотношений стран и поиск возможных дальнейших контактов.

Цель исследования – выявление закономерностей уверенного развития и полной остановки сотрудничества в инженерно-технической сфере двух дружественных, в течение всего периода установившихся дипломатических отношений, стран.

Материалы и методы исследования

Изыскания строятся на теории комплексного анализа и обзора информационных документов, статистических данных и изучения ретроспективы торговых взаимоотношений, отчетов и научных публикаций в период с 2003 по 2021 год. Оперативная оценка и стратегическое планирование на длительный период концепции сотрудничества в сфере автомобилестроения проводилось при помощи SWOT-анализа социально-экономической сферы и сопоставительного анализа (бенчмаркинга) с примерами эффективного функционирования. Обобщение и обоснование авторской позиции выполняется

на основании критического подхода к исследованию кейсов, фактов и данных статистики. Анализ импульсивности и скачкообразности показателей экспортной и импортной торговой политики России и Испании применяется для оценки влияния внешних факторов.

Результаты исследования и их обсуждение

Российско-Испанские торгово-экономические, научно-технологические сотрудничества определили пик своих значений на 2000–2015 годы. Активные дипломатические отношения, конструктивные научные и культурные обмены предвещали большое будущее международным взаимоотношениями России и Испании [6]. Страны, исторически не имевшие конфликтов ни в политическом ни в торгово-экономическом контексте, шли на встречу друг другу и планировали взаимовыгодные партнерские связи.

Наиболее показательным является пришествие в Россию машин испанской автомобилестроительной компании Sociedad Española de Automóviles de Turismo. Четыре раза концерн Испании выходил на рынок Российской Федерации: 1997-ой, 2003-ий, 2007-ой и, 2012-ый. Маркетинговые ошибки, непродуманные поставки запасных частей, финансовые кризисы полтора десятилетия мешали развитию торговых перспектив испанской автомобильной компании. В период с 2012 по 2015 годы образовался благоприятный момент для резкого увеличения количества продаж SEAT на российском рынке. К 2015 году русские автолюбители уже ознакомились с марками: Leon, Ibiza, Altea, Alhambra.

На рисунке 1 представлено графическое отображение количества продаж испанских машин на территории России по годам. Количественная информация взята из открытых источников статистических данных [8]. Резкое снижение покупательской активности в начале 2015 года из-за экономического кризиса и колебания валют привело к завершению работы концерна SEAT с рынком Российской Федерации. «Сокращение сегментов», плохо организованная рекламная компания, запоздалый выход на Российский рынок, так и не позволили испанскому автомобилю представить полномасштабные продажи своих марок в России.

На диаграмме рисунка 1 продемонстрировано число машин и процентное отображение количества продаваемых испанских легковых автомобилей в России по годам (процент от общего числа проданных машин в России). Наибольшие объемы продаж пришлись 2013 год, планировалось дальнейшее расширение сотрудничества. Общеэкономический кризис 2014 года привел к резкому последующему снижению взаимодействий Российских и Испанских предпринимателей, в том числе и в сфере автопроизводства. Вторая диаграмма демонстрирует количество проданных разных

марок машин SEAT в 2013 году, больший интерес в России приобрела марка Alhambra.

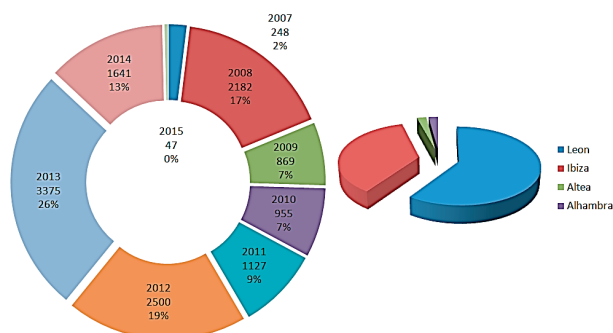

Рис. 1. Диаграмма количества автомобилей марки SEAT, проданных в России

Королевство Испания представляет собой экономически устойчивое государство в Европе, занимая пятое место по уровню ВВП. Испанские банки без особых претензий выдают кредиты для организации компании иностранным гражданам [9]. В 2019 году Королевство заняло тридцатую позицию в рейтинге легкости ведения бизнеса, од-

нако, сложность вызывает растянутый срок регистрации бизнеса и то же тридцатое место в Европейском Союзе по уровню коррупции в стране [10].

В таблицах 1 и 2 дан SWOT-анализ возможностей импорта и экспорта России и Испании в сфере транспортно-технологического производства современных автомобилей. Страны в современных реалиях обхода санкций все же еще выполняют автомобильный товарооборот, испанский рынок получает весьма доступные машины для населения, проживающего в провинциях и занятого в агропромышленном комплексе, а русский автолюбитель покупает семейный автомобиль Европейского производства. Доступность и простота обслуживания российских марок заинтересовали испанских фермеров. Европейская утонченность, сочетание немецкого технического совершенства и испанской страсти, нашла своего потребителя в России. Практицизм, лаконичность и низкая стоимость Lada Niva Travel привлекли испанских потребителей еще в 2021 году, которые описали внедорожник как автомобиль для езды по любым дорогам в любую погоду.

Таблица 1. SWOT-анализ импорта автомобилей Испании в Россию и России в Испанию, 2000–2021 годы

	Сильные стороны	Слабые стороны	Возможности	Ограничения
Испания	Крупнейший потребительский рынок. Узнаваемость товаров испанского производства	Высокие затраты на транспортировку и обход санкций	Расширение межгосударственного сотрудничества. Укрепление позиций на развивающемся рынке	Ужесточение санкций Европейского Союза. Конкуренция со стороны азиатских производителей
Россия	Возможность открытия компании нерезидентам страны	Зависимость от позиций и санкций Европейского Союза	Крупный рынок Европы, открывающий пути к латиноамериканскому рынку	Торгово-экономические санкции. Влияние экономических кризисов

Таблица 2. Экспорт автомобилей Испании в Россию и России в Испанию SWOT-анализ, 2000–2021 годы

	Сильные стороны	Слабые стороны	Возможности	Ограничения
Испания	Низкая стоимость и массовая доступность в соответствии с простотой обслуживания	Высокие затраты на транспортировку и обход санкций Европейского Союза	Освоение рынка сбыта автомобильной продукции среднего класса	Торгово-экономические санкции. Влияние экономических кризисов
Россия	Средний стоимостной барьер, по сравнению с известными Европейскими и Азиатскими марками	Сложности в установлении рынка автозапчастей. Организация собственного производства автозапчастей	Построение партнерских отношений в сфере автопроизводства Европейской страны	Ужесточение санкций Европейского Союза. Конкуренция со стороны азиатских производителей

Санкции и нестабильность торгово-экономической ситуации в мире затронула транспортно-технологическую сферу Российской Федерации и Королевства Испания не в первую очередь. Пик товарооборота легковых машин между Испанией и Россией был достигнут в 2013 году и претерпел сокращение практически вдвое в 2015 году. С 2013 по 2016 год происходило постепенное сокращение экспорта всей продукции транспортно-технологического комплекса и легковых машин, в частности. Общий товароо-

борот России и Испании в 2015 году уменьшился на 38,28% в сравнении с 2014 годом [11]. Но, это коснулось, в первую очередь, следующих товаров: минеральное топливо, нефть и элементы ее перегонки, битуминозные вещества, воски минеральные. Основные поставки из России в Испанию были представлены минеральным топливом, нефтью и черными металлами. Между тем, к 2018 году Российская Федерация стала одним из крупнейших поставщиков двигателей внутреннего сгорания с искровым зажиганием на рынок Испании.

Двигатели внутреннего сгорания с возвратно-поступательным и вращающимся движением поршня были поставлены в королевство на 36 млн долларов.

Поставки машин и оборудования России в три раза были увеличены в период с 2018 по 2021 год; продукции химической промышленности на 15,2%. К 2022 году основные поставки в Испанию составили минеральные продукты, не смотря на введенные санкции с января по август 2022 года импорт из Российской Федерации в Испанию вырос на 32% (закупки нефтепродуктов и газа). Зависимость Королевства Испания от ресурсов очевидна, наращивание объемов добычи в Мексиканском заливе позволит доставить газ испанским потребителям, но стоимость его станет явно весьма непривлекательной. Испанский экспорт в Россию, базирующийся на оборудовании, электрических машинах, механических устройствах снизился в 2022 году на 47,9%. Полный разрыв связей с Российской Федерацией приведет к росту инфляции в Испании на 1,7%, к резкому скачку производственных издержек и потере 0,8–1,4 процентных пункта ВВП.

Неизбежная зависимость взаимоотношений России и Испании последнего десятилетия вокруг Украинского кризиса, введение и ужесточение экономических санкций явно повлияли на все сферы сотрудничества. Осложнились политические и торгово-экономические взаимодействия. Испания (и Венгрия, Греция, Италия и Болгария), в начале, высказывая желание продолжать открытый диалог с Россией, была вынуждена принять сторону Европейского Союза. Весьма существенное расстояние, отсутствие общих стратегических точек соприкосновения России и Испании снова поставили два государства по разные стороны экономического сотрудничества. Активные, технологически оснащенные на самом высоком уровне, крупнейшая нефтегазовая компания Repsol и генеральный подрядчик проектирования и строительства промышленных и энергетических объектов в нефтегазовом секторе Técnicas Reunidas ушли из России. Еще в конце 2021 года крупнейший инвестор Repsol продала свои доли компаний 50,01% «АСБ Гео» и 68% «Евротэк-Югра» «Газпром нефти», обосновав свой выход идеей декарбонизации. Летом 2021 года испанская Técnicas Reunidas S.A. была выбрана корпорацией «Газпром нефть» для строительства комплекса глубокой переработки нефти на Московском нефтеперерабатывающем заводе. Контракт на более 20 млрд рублей предусматривал инженерное проектирование, строительно-монтажные работы и приемочные испытания. Созданные секции замедленного коксования и гидрокрекинга увеличивают глубину переработки нефти до 100%. Расширение и ужесточение санкций Европейского Союза внесло свои коррективы во все отрасли взаимодействия Испании и России. Российские контрсанкции

принесли ущерб Европейскому Союзу до 550 миллионов евро в год.

Бурное развитие и становление доброжелательного двустороннего торгово-экономического сотрудничества России и Испании начала 2000 годов во всех сферах экономики, включая инженерно-технологический и автобизнес, предвещало множество взаимовыгодных контрактов. Недоброжелательная политическая направленность Европейского Союза с февраля 2022 года резко ограничила инвестиционную деятельность Испании на Российском рынке. Соглашение о свободной торговле может внести существенные изменения в решение проблемы.

Заключение

Современный политизированный торгово-экономический мировой сектор не благоприятствует восстановлению инвестиционного взаимодействия между Российскими и Испанскими компаниями. Автомобильная промышленность, менее затратная, чем газово-нефтяная, еще может использовать свободный оборот товаров благодаря параллельному импорту. Огромный потенциал инженерно-торговых решений и проектов между Российской Федерацией и Королевством Испания, нуждающийся в восстановлении, еще может быть возрожден между державами, не теряющими дружественного вектора сотрудничества.

Литература

1. Аникеева Н.Е. Политическая история Испании (2016–2020): преодоление кризиса. // Иберо-американские тетради. 2021. № 9(1). С. 102–113. DOI: 10.46272/2409-3416-2021-9-1-102-113
2. Даречкин В.М. Использование искусственного интеллекта в автомобильной промышленности: социально-экономические аспекты // Фундаментальные исследования. 2018. № 12–2. С. 245–249. [Электронный ресурс]. – URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=42384> (дата обращения: 13.03.2025).
3. Загородний А.Ф., Иващенко И.А. Торговая война между США и Китаем на автомобильном рынке // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2020. № 4 (76). С. 75–78. [Электронный ресурс]. – URL: <https://spb.rta.customs.gov.ru/folder/267401> (дата обращения: 08.03.2025).
4. Испания и Россия: Дипломатия и диалог культур. Три столетия отношений // отв. ред. Волосюк О.В. Москва. Индрик. 2018. 928 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://inon.ru/ru/publishing/informatsionno-analiticheskii-zhurnal/istoria/> (дата обращения: 08.03.2025).
5. Кириллов Е.Н., Смирнов Е.Н. Приоритеты инновационной модернизации экономики России с позиций использования опыта Европейского

- Союза // Экономические науки. 2015. № 8(129). С. 118–122. [Электронный ресурс]. – URL: https://ecsn.ru/wp-content/uploads/201508_118.pdf (дата обращения: 18.06.2025).
6. Испания 1976–2020: исторический обзор // Н.Е. Аникеева. Москва. Санкт-Петербург. Нестор-История. 2023. 96 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://mgimo.ru/about/news/issues/ispaniya-1976–2020-istoricheskij-obzor/> (дата обращения: 13.03.2025).
 7. Малашенко Т.И. Банки в испанской экономике: новые тенденции // Испания в новой национальной и международной реальности. Институт Латинской Америки РАН. 2020. С. 90–99. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ilaran.ru/wp-content/uploads/2020/03/book-2020-ispaniya-v-novoj-nacionalnoj-i-mezhdunarodnoj-realnosti.pdf> (дата обращения: 19.02.2025).
 8. Аникеева Н.Е. Правый популизм в контексте партийно-политической системы Испании / Н.Е. Аникеева. // Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности. Отв. ред. Л.С. Окунева, А.И. Тэвдой-Бурмули. Москва: МГИМО-Университет. 2020. С. 122–129. [Электронный ресурс]. – URL: https://mgimo.ru/library/publications/pravyuy_populizm_v_kontekste_partiyno_politicheskoy_sistemy_ispanii/ (дата обращения: 08.03.2025).
 9. Павлихина А.Н. В ожидании перемен // Деловой журнал Neftegaz.ru. 2024. № 11 (155). С. 8–10. [Электронный ресурс]. – URL: <https://magazine.neftegaz.ru/archive/865867/> (дата обращения: 07.02.2025).
 10. Malamud C., Steinberg F. El acuerdo UE-Mercosur: ¿quién gana, quién pierde y qué significa el acuerdo? // Real Instituto Elcano. 2019. [Электронный ресурс]. – URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=7173246> (дата обращения: 08.03.2025).
 11. Фадеева И.А. Дезинтеграционные процессы ЕС и будущее европейской интеграции // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 5–1. С. 115–119. [Электронный ресурс]. – URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=11553> (дата обращения: 08.03.2025).

IMPULSIVE SCIENTIFIC AND TECHNICAL COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND SPAIN IN THE TRANSPORT AND TECHNOLOGY SECTOR

Kuklina I.G., Kuklina A.S.

Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

The problem of partnership and co-operation development in the sphere of modern scientific, technical and innovative activity in the world is quite acute. Equipping the latest mobile vehicles with elements of advanced electronics often leads to imbalances in the production and operation of transport and technological progressive equipment. The aim of the research – is to reveal the regularities of confident development and full stop of cooperation in engineer-

ing and technical sphere of two friendly countries during the whole period of establishment of diplomatic relations. The authors studied published research and development works, international official documents and information data. Comparative analysis of statistical data, regression prediction of estimated forecasts acted as a methodological basis for assessing the dynamics of scientific and technological ties between the Kingdom of Spain and the Russian Federation. Studies were conducted in the field of engineering machine building and trade partnership in the sphere of industrial production of Russia and Spain. It is not possible to call these countries leading, being among the top ten world leaders, in the field of creating innovative transport complexes, as, for example, Germany, Japan, China and others. Spain and Russia have never chosen the high-tech passenger car industry as a priority sector, so the consideration of the contribution of these countries to the economic component of the global automotive industry has determined their sector of production of middle-class passenger cars. Unlike the European Union countries, Spain has never engaged in direct political and economic confrontation with Russia. The results of this research should be useful both for the economic partners of Spain and Russia and for the creators of transport and technological complexes of other countries.

Keywords: trade cooperation, transport and technological complex, automotive industry, Russia, Spain, international relations, economic cooperation, scientific and technological cooperation, innovation partnership.

References

1. Anikeeva N.E. Political History of Spain (2016–2020): Overcoming the Crisis. // Ibero-American Notebooks. 2021. № 9(1). Pp. 102–113. DOI: 10.46272/2409-3416-2021-9-1-102-113
2. Darechkin V.M. Use of Artificial Intelligence in the Automotive Industry: Socio-Economic Aspects // Fundamental Research. 2018. № 12–2. Pp. 245–249. [Electronic resource]. – URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=42384> (accessed: 13.03.2025).
3. Zavgorodniy A.F., Ivaschenko I.A. The US-China Trade War in the Automobile Market // Scientific Notes of the V.B. Bobkov St. Petersburg Branch of the Russian Customs Academy. 2020. № 4 (76). pp. 75–78. [Electronic resource]. – URL: <https://sp-brta.customs.gov.ru/folder/267401> (accessed: 03/08/2025).
4. Spain and Russia: Diplomacy and Dialogue of Cultures. Three Centuries of Relations // ed. Volosyuk O.V. Moscow. Indrik. 2018. 928 p. [Electronic resource]. – URL: <https://inion.ru/ru/publishing/informatsionno-analiticheskii-zhurnal/istoria/> (accessed: 03/08/2025).
5. Kirillov E.N., Smirnov E.N. Priorities of Innovative Modernization of the Russian Economy from the Perspective of Using the Experience of the European Union // Economic Sciences. 2015. № 8 (129). pp. 118–122. [Electronic resource]. – URL: https://ecsn.ru/wp-content/uploads/201508_118.pdf (accessed: 18.06.2025).
6. Spain 1976–2020: Historical Review // N.E. Anikeeva. Moscow. St. Petersburg. Nestor-History. 2023. 96 p. [Electronic resource]. – URL: <https://mgimo.ru/about/news/issues/ispaniya-1976–2020-istoricheskij-obzor/> (accessed: 13.03.2025).
7. Malashenko T.I. Banks in the Spanish Economy: New Trends // Spain in the New National and International Reality. Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences. 2020. Pp. 90–99. [Electronic resource]. – URL: <https://ilaran.ru/wp-content/uploads/2020/03/book-2020-ispaniya-v-novoj-nacionalnoj-i-mezhdunarodnoj-realnosti.pdf> (accessed: 19.02.2025).
8. Anikeeva N.E. Right-wing populism in the context of the party-political system of Spain / N.E. Anikeeva. // Right-wing populism: global trend and regional characteristics. Eds. L.S. Okuneva, A.I. Tevdoy-Burmuli. Moscow: MGIMO-University. 2020. Pp. 122–129. [Electronic resource]. – URL: https://mgimo.ru/library/publications/pravyuy_populizm_v_kontekste_partiyno_politicheskoy_sistemy_ispanii/ (date of access: 08.03.2025).
9. Pavlikhina A.N. In anticipation of change // Business magazine Neftegaz.ru. 2024. № 11 (155) pp. 8–10. [Electronic resource].

- source]. – URL: <https://magazine.neftegaz.ru/archive/865867/> (date of access: 07.02.2025).
10. Malamud C., Steinberg F. The acuerdo of the UE-Mercosur: ¿quién gana, quién pierde y qué significa el acuerdo? // Real Instituto Elcano. 2019. [Electronic resource]. – URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=7173246> (date of access: 08.03.2025).
11. Fadeeva I.A. Disintegration processes of the EU and the future of European integration // International Journal of Applied and Fundamental Research. 2017. № 5–1. pp. 115–119. [Electronic resource]. – URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=11553> (date of access: 08.03.2025).

Трудоустройство инвалидов: актуальные проблемы и направления развития социальной работы в Российской Федерации

Мингажетдинова Ангелина Тимуровна,

магистрант, ФГБОУ ВО «Казанский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации

Гинсбург Мария Владимировна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и социальной работы, ФГБОУ ВО «Казанский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации

Проблема трудоустройства инвалидов остается одной из наиболее острых в социальной политике Российской Федерации. Несмотря на законодательно закрепленные гарантии, уровень занятости данной категории граждан остается критически низким. В статье проводится комплексный анализ системных барьеров, препятствующих успешной трудовой интеграции людей с ограниченными возможностями здоровья. Особое внимание уделяется исследованию правовых, организационных и социально-психологических аспектов данной проблемы. В работе раскрывается потенциал социальной работы как ключевого механизма сопровождения инвалидов на всех этапах профессиональной адаптации. Представлены результаты анализа современных статистических данных и нормативно-правовой базы, регулирующей сферу занятости инвалидов. Научная новизна исследования заключается в разработке комплексной модели социального сопровождения трудоустройства, включающей технологии индивидуальной работы с клиентами, взаимодействие с работодателями и координацию межведомственного сотрудничества. Практическая значимость работы определяется возможностью использования полученных результатов в деятельности учреждений социальной защиты населения, служб занятости, а также некоммерческих организаций, работающих в сфере реабилитации инвалидов. Предложенные автором рекомендации могут быть применены при разработке региональных программ содействия занятости и совершенствовании механизмов социальной интеграции людей с инвалидностью.

Ключевые слова: инвалид, инвалидность, ограничение здоровья, трудоустройство инвалидов, социальная политика, охрана труда инвалидов, социальная работа, сопровождаемое трудоустройство, профессиональная интеграция, социальная адаптация.

Обеспечение эффективной занятости инвалидов представляет собой одну из наиболее значимых социально-экономических задач современного российского общества, решение которой непосредственно связано с реализацией конституционных прав граждан на труд и достойную жизнь. Актуальность данной проблемы обусловлена сохраняющимся противоречием между декларируемыми государством гарантиями трудовой интеграции и реальным положением дел в сфере занятости людей с ограниченными возможностями здоровья. Согласно статистическим данным, уровень трудоустройства инвалидов трудоспособного возраста в России не превышает 30%, что почти в три раза ниже аналогичного показателя для общего населения. Такая ситуация приводит не только к экономическим потерям, но и к социальной эксклюзии значительной части граждан, их психологической дезадаптации и усилению иждивенческих настроений. Особую значимость в данном контексте приобретает исследование потенциала социальной работы как инструмента преодоления системных барьеров, препятствующих профессиональной самореализации инвалидов. Несмотря на существующую нормативно-правовую базу, включающую механизмы квотирования рабочих мест и индивидуальной реабилитации, практика показывает недостаточную эффективность этих институтов без комплексного сопровождения специалистов социальной сферы.

Целью исследования является анализ ключевых проблем трудоустройства инвалидов и разработка научно обоснованной модели их социального сопровождения на различных этапах трудовой интеграции. В задачи работы входит выявление системных противоречий в действующих механизмах содействия занятости, определение роли социальной работы в преодолении барьеров трудоустройства и формулирование практических рекомендаций по оптимизации межведомственного взаимодействия в данной сфере.

В соответствии со ст. 1, ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», инвалидом признается лицо, которое имеет нарушение здоровья, со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты. При этом под ограничением жизнедеятельности

понимается полная или частичная утрата лицом способности или возможности осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, ориентироваться, общаться, контролировать свое поведение, обучаться и заниматься трудовой деятельностью.

По данным, опубликованным Росстатом, общая численность инвалидов к началу 2025 года (на 31 декабря 2024 года) составила 11123 тысячи человек, что составляет 7,6% от численности постоянного населения России.

В последние два года общая численность инвалидов в России растет, увеличившись на 1,0% за 2023 год и на 0,7% за 2024 год.

Ранее она снижалась, сократившись за 12 лет на 17% по сравнению с наибольшим за весь период наблюдения числом учтенных инвалидов – с 13209 тысяч человек на начало 2011 года до 10933 тысяч человек на начало 2023 года. Периоду сокращения предшествовал непродолжительный период стагнации – на уровне более 13 миллионов инвалидов в 2007–2010 годах, а до этого – период быстрого роста, особенно в 1990-е годы (в 2,3 раза за 1990–1998 годы, с 4,3 миллиона человек в 1990 году до 10,1 миллиона человек в 1998 году). Это было связано с существенным изменением социально-экономических условий, в том числе социального законодательства и практики работы медицинских учреждений, на фоне старения населения.

Примерно схожим образом изменялся и уровень инвалидности населения России. К началу 2025 года число инвалидов на 1000 человек постоянного населения увеличилось до 76,1 против 75,5 на начало 2024 года. За предшествующие 12 лет оно снизилось на 19,4%, сократившись с 92,5 в 2011 году до 74,6 на начало 2023 года. В 2007–2013 годы оно оставалось практически стабильным в пределах 91–92 на 1000 человек, тогда как в начале 1990-х годов был втрое ниже – 29 на 1000 человек.

Треть трудоспособных россиян с инвалидностью трудоустроены, это 1,2 млн человек. Об этом сообщил заместитель министра труда и социальной защиты Дмитрий Платыгин.

«На 1 марта 2025 года численность инвалидов трудоспособного возраста составила порядка 4,3 млн человек. Из них работает 1,2 млн, это 28,6%. Мы за последние два года видим небольшую, но позитивную динамику. В 2022 году было 25,7%, а в 2023 году – 27,5%», – сказал он на заседании совета по делам инвалидов при Совете Федерации РФ.

Платыгин напомнил, что на 1 марта в целом по стране квота для приема на работу инвалидов установлена для 130 тыс. организаций. Количество квот составило 444 тыс., сейчас на них трудоустроены около 360 тыс. инвалидов, это порядка 81% исполнения квоты.

В соответствии со ст. 20 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» инвалидам предоставляются гарантии трудовой занятости федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации путём проведения следующих специальных мероприятий, способствующих повышению их конкурентоспособности на рынке труда:

- установления в организациях, независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, квоты для приёма на работу инвалидов и минимального количества специальных рабочих мест для инвалидов;
- резервирования рабочих мест по профессиям, наиболее подходящим для трудоустройства инвалидов;
- стимулирования создания предприятиями, учреждениями, организациями дополнительных рабочих мест (в том числе специальных) для трудоустройства инвалидов;
- создания инвалидам условий труда в соответствии с индивидуальными программами реабилитации, абилитации инвалидов;
- создания условий для предпринимательской деятельности инвалидов;
- организации обучения инвалидов новым профессиям.

Ключевым препятствием в формировании трудовых отношений выступает недостаточная мотивация работодателей к найму лиц с инвалидностью. Эта ситуация обусловлена как наличием значительного количества трудоспособных соискателей, так и необходимостью создания специальных условий труда. Существенной проблемой остается наличие средовых барьеров – многие здания и территории не обладают необходимой инфраструктурой для обеспечения беспрепятственного доступа и передвижения маломобильных граждан.

Согласно исследованиям, ограничения полноценной социальной и профессиональной интеграции инвалидов связаны не столько с состоянием здоровья, сколько с комплексом институциональных, социальных и психологических барьеров, затрудняющих их успешную социализацию и реализацию профессионального потенциала.

Решение указанных проблем требует комплексного подхода, включающего государственную поддержку создания специальных рабочих мест. Особую значимость приобретает разработка индивидуальных программ сопровождения инвалидов в процессе трудовой интеграции, что предполагает как финансовую поддержку государства, так и высокую профессиональную квалификацию специалистов, занимающихся данной работой.

Важным направлением является совершенствование деятельности образовательных учреждений через формирование адаптированных об-

разовательных и профессиональных программ, развитие системы профориентации, а также по-

вышение эффективности взаимодействия с центрами занятости (табл. 1).

Таблица 1. SWOT-анализ развития удаленной занятости инвалидов в Российской Федерации

S (Strengths) – Сильные стороны (Внутренние позитивные факторы) 1. Преодоление физических и транспортных барьеров: Удаленная работа кардинально решает проблему недоступности городской инфраструктуры и транспорта, что является одним из главных препятствий для трудоустройства инвалидов с нарушением опорно-двигательного аппарата и мобильности. 2. Гибкий график и адаптация под особенности здоровья: Возможность самостоятельно планировать рабочее время, делать перерывы на процедуры и работать в комфортной обстановке способствует сохранению здоровья и повышению эффективности. 3. Расширение географических и профессиональных возможностей: Инвалид из малого города или сельской местности получает доступ к вакансиям крупных компаний в столицах и региональных центрах, не переезжая. 4. Снижение затрат для работодателя: Компания экономит на организации специального рабочего места внутри офиса, а также на аренде помещений в целом. 5. Повышение социально-психологического благополучия: Регулярная профессиональная деятельность, общение с коллегами (пусть и онлайн) и финансовая независимость напрямую способствуют социальной интеграции, снижению чувства изоляции и повышению самооценки	W (Weaknesses) – Слабые стороны (Внутренние негативные факторы) 1. Цифровое неравенство и необходимость специальных компетенций: не все инвалиды, особенно старших возрастных групп, владеют необходимыми навыками. Часто требуется дополнительное обучение. 2. Проблемы с техническим оснащением: Необходимость иметь современный компьютер, стабильный высокоскоростной интернет и, в некоторых случаях, специальное программное обеспечение или оборудование (например, для слабовидящих). Это создает финансовые барьеры. 3. Сложности с организацией рабочего пространства дома: не у всех есть возможность выделить отдельное тихое место для работы, что может снижать продуктивность. 4. Риски социальной изоляции: Отсутствие личного общения с коллегами может привести к чувству одиночества, выпадению из корпоративной культуры и затруднить неформальное обучение на рабочем месте. 5. Правовая неопределенность и сложности контроля: не до конца урегулированы вопросы охраны труда при удаленной работе, обеспечения работодателем оборудования, компенсации расходов на интернет и электроэнергию. Возникают сложности с объективной оценкой эффективности труда
O (Opportunities) – Возможности (Внешние позитивные факторы) 1. Поддержка на государственном уровне: Возможность включения мер по развитию удаленной занятости в государственные программы («Доступная среда»). Это может быть: - о Субсидии на покупку компьютерной техники и программного обеспечения для инвалидов. - о Гранты для НКО на обучение инвалидов цифровым профессиям. - о Налоговые льготы для компаний, создающих удаленные вакансии для инвалидов. 2. Тренды цифровизации экономики: Рост числа профессий, не связанных к месту (IT, дизайн, копирайтинг, маркетинг, консультирование, поддержка клиентов), открывает для инвалидов новые, ранее недоступные карьерные траектории. 3. Развитие образовательных онлайн-платформ и программ: Появление массовых доступных курсов переподготовки и повышения квалификации (включая курсы, адаптированные для людей с различными нозологиями) позволяет инвалидам получать конкурентоспособные профессии. 4. Повышение социальной ответственности бизнеса (ESG-повестка): для компаний развитие инклюзивного удаленного найма становится способом укрепления репутации, выполнения квот и реализации принципов корпоративной социальной ответственности. 5. Развитие института наставничества и сопровождаемого трудоустройства онлайн: Социальные службы и НКО могут внедрять технологии дистанционного сопровождения инвалидов в процессе их адаптации на новом рабочем месте	T (Threats) – Угрозы (Внешние негативные факторы) 1. Консерватизм и недоверие работодателей: Стереотипы о низкой дисциплине и продуктивности удаленных сотрудников, опасения по поводу сложности контроля и защиты коммерческой тайны. 2. Высокая конкуренция на рынке удаленных профессий: Инвалидам приходится конкурировать с огромным количеством соискателей без ограничений по здоровью, что требует от них исключительно высокой квалификации и мотивации. 3. Риски мошенничества: на рынке удаленного труда распространены схемы недобросовестного трудоустройства, что делает инвалидов особенно уязвимой категорией. 4. Несовершенство законодательной базы: Отсутствие четких норм, регулирующих дистанционный труд инвалидов, в частности, по вопросам компенсации расходов, оборудования рабочего места и соблюдения требований ИПРА в домашних условиях. 5. Психологические перегрузки и риск профессионального выгорания: Стирание границ между работой и личной жизнью, невозможность «дистанцироваться» от рабочих задач могут приводить к повышенной утомляемости и стрессу

Источник: составлено автором.

В результате проведенного исследования можно сформулировать ряд предложений по развитию удаленной занятости среди инвалидов и лиц с ОВЗ.

1. Введение целевых грантов на оборудование удаленных рабочих мест для инвалидов.
2. Создание федерального портала проверенных вакансий для дистанционной работы.

3. Разработка программ переобучения цифровым профессиям с учетом особенностей здоровья.
4. Установление налоговых льгот для компаний, трудоустраивающих инвалидов удаленно.
5. Организация службы психологической и технической поддержки удаленных работников-инвалидов.

Согласно экспертным оценкам, недостаточное развитие инфраструктуры безбарьерной среды представляет существенное ограничение преимущественно для инвалидов с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата, а также серьезными дефектами зрения и слуха. Низкий уровень занятости среди людей с инвалидностью обусловлен комплексом факторов, включая недостаточную мотивацию работодателей к созданию специализированных рабочих мест и преобладание пассивной социальной позиции над активной жизненной стратегией у части данной категории граждан. Перспективным направлением решения данной проблемы может стать развитие альтернативных форм трудовой деятельности, включая различные модели самозанятости и предпринимательства.

Следует учитывать, что предпринимательская деятельность в силу объективных обстоятельств и личностных особенностей доступна не всем представителям данной социальной группы. Целесообразным представляется применение метода многофакторного SWOT-анализа для комплексной оценки предпринимательства как альтернативного направления трудовой занятости инвалидов с последующей разработкой практических рекомендаций. Данный аналитический инструмент позволяет прогнозировать последствия управленческих решений в различных областях социально-экономической практики. В рамках настоящего исследования осуществлена систематизация ключевых факторов, влияющих на занятость инвалидов, с последующим структурированием полученных данных в формате SWOT-матрицы.

Литература

1. Федеральный Закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».
2. Официальная статистика / Население / Положение инвалидов – <https://rosstat.gov.ru/folder/13964>
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Гарант. [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/12125268/>
4. Закон РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032–1 «О занятости населения в Российской Федерации». // Гарант. [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/10164333/>
5. Козаченко О.В. Трудоустройство инвалидов как одна из социальных проблем // Вестник магистратуры. 2021. № 6–3. 117 с.
6. Сабанов З.М. Особенности рационального трудоустройства инвалидов в современном обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ratsionalnogo-trudoustroystva-invalidov-v-sovremennom-obschestve>.
7. Коленикова О.А. Социальная защищенность инвалидов в сфере занятости // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 9–1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-zaschischennost-invalidov-v-sfere-zanyatosti>

EMPLOYMENT OF PEOPLE WITH DISABILITIES: CURRENT ISSUES AND DEVELOPMENT DIRECTIONS FOR SOCIAL WORK IN THE RUSSIAN FEDERATION

Mingazhetdinova A.T., Ginsburg M.V.

Kazan State Medical University

The issue of employment of people with disabilities remains one of the most pressing in the social policy of the Russian Federation. Despite legislative guarantees, the employment rate for this category of citizens remains critically low. This article provides a comprehensive analysis of the systemic barriers hindering the successful employment integration of people with disabilities. Particular attention is paid to the legal, organizational, and socio-psychological aspects of this problem. The paper reveals the potential of social work as a key mechanism for supporting people with disabilities at all stages of their professional adaptation. The article presents the results of an analysis of current statistical data and the legal framework governing the employment of people with disabilities. The research's novelty lies in the development of a comprehensive model of social support for employment, including individual client engagement, interaction with employers, and coordination of interagency cooperation. The practical significance of the study lies in the potential application of the findings to social welfare agencies, employment services, and nonprofit organizations working in the field of rehabilitation for people with disabilities. The author's recommendations can be applied in developing regional employment promotion programs and improving mechanisms for the social integration of people with disabilities.

Keywords: disabled person, disability, health limitations, employment of people with disabilities, social policy, occupational safety and health for people with disabilities, social work, supported employment, professional integration, social adaptation.

References

1. Federal Law of November 24, 1995. № 181-FZ «On Social Protection of Disabled Persons in the Russian Federation»
2. Official Statistics/Population/Situation of Disabled Persons – <https://rosstat.gov.ru/folder/13964>.
3. Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001 № 197-FZ // Garant. [Electronic resource]. – URL: <https://base.garant.ru/12125268/>
4. Law of the Russian Federation of April 19, 1991 № 1032–1 «On Employment of the Population in the Russian Federation». // Garant. [Electronic resource]. – URL: <https://base.garant.ru/10164333/>
5. Kozachenko O.V. Employment of Disabled Persons as a Social Problem // Bulletin of the Magistracy. 2021. № 6–3. 117 p.
6. Sabanov Z.M. Features of Rational Employment of Persons with Disabilities in Modern Society // Humanitarian, Socio-Economic, and Social Sciences. 2025. № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ratsionalnogo-trudoustroystva-invalidov-v-sovremennom-obschestve>.
7. Kolennikova O.A. Social protection of people with disabilities in the sphere of employment // Economy and Business: Theory and Practice. 2021. № 9–1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-zaschischennost-invalidov-v-sfere-zanyatosti>

